И. Д. Бацаев

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.)

Магадан – 2007

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

И. Д. Бацаев

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
(начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.)

Магадан – 2007

УДК 94(571.65).084.3/.088
ББК 63.3(2Р55)713/723
Б 31

Бацаев И. Д.
Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.) / И. Д. Бацаев ; [отв. ред. А. И. Лебединцев]. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2007. – 255 с.
ISBN 978-5-94729-088-2

Первая обобщающая работа по истории Магаданской области, охватывающая широкий спектр вопросов промышленного освоения Колымы и Чукотки (после 1953 г.) с начала 20-х до середины 60-х гг. XX в. Рассматриваются особенности советизации Охотско-Колымского края в первой трети XX в., формы и методы промышленного освоения территории в годы массовых политических репрессий, процесс образования Магаданской области и основные направления социально-экономического развития нового субъекта РСФСР в период реформирования тоталитарной системы. Исследуется процесс становления и развития в условиях Крайнего Севера горнодобывающей, рыбной, местной промышленности, транспорта, дорожного строительства, энергетики, сельского и промыслового хозяйства, проблема создания социальной сферы.

В работе использованы ранее опубликованные материалы по истории Магаданской области, а также новые архивные документы из фондов ГАМО, ЦХСД МО и ведомственных архивов.

Ключевые слова: оленеводство, промыслы, золото, олово, Дальстрой, Севвостлаг, заключенные, вольнонаемные, горнодобывающая, рыбная, местная промышленность, сельское хозяйство, социальная сфера.

Ответственный редактор
канд. ист. наук **А. И. Лебединцев**

Рецензенты:
канд. ист. наук **Л. Н. Хаховская**,
канд. ист. наук **А. В. Пташинский**

Утверждено к печати Ученым советом СВКНИИ ДВО РАН.

Batsaev I. D.
Studies in Magadan region history (beginning the twenties middle sixtieth of the XX century) / I. D. Batsaev ; [ed. by Dr. A. I. Lebedintsev]. – Magadan : NEISRI FEB RAS, 2007. – 255 p.

Generalized investigation in Magadan history covering the wide spectrum of problems of industrial development of Kolyma and Chukotka (after 1954) at the beginning of the twenties to the middle sixtieth of the XX centure was done for the first time. Peculiarities of development of the soviets in Okhotsk-Kolyma area (at the first third of the XX centure), the forms and methods industrial development during the mass political repression, organization process of Magadan region and the basic developing directions of social-economic sphere of the new area of the RSFSR at the time of reforms of totalitarian system are examined. Process of creation and development of mining, fishing, local industry, transport, road and indusrial building, power energy, agriculture are analysed.

Actual base of the work consists of the new documents from the state archives of SAMR, CRDM MR of Magadan area as well as materials which had been published earlier.

Key words: reindeer-breeding, gold, tin, Dal'stroy, Sevvostlag, prisoners, civilians, mining industry, fishing, local industry, agriculture, social sphere.

Edited by Dr. **A. I. Lebedintsev**
Reviewed by Drs. **L. N. Khakhovskaya**, **A. V. Ptashinsky**

ISBN 978-5-94729-088-2

Введение

Районы Крайнего Севера охватывают 10,9 млн км^2 (64%) территории России, на которой проживает (с учетом высокого уровня миграции) всего около 11 млн чел., или 7,4% населения, и являются самой большой природно-климатической зоной, где сосредоточено более 80% минерально-сырьевых, водных, лесных и биологических ресурсов, необходимых для стабильного развития экономики страны и ее интеграции в мировой рынок.

Северные регионы в целом характеризуются (при большой разнообразности) экстремальными природно-климатическими условиями, географической труднодоступностью, сложным горно-геологическим рельефом, недостаточно развитой сетью транспортных коммуникаций, малонаселенностью и в то же время высокой концентрацией месторождений углеводородного сырья, золота, олова, алмазов, никеля, вольфрама и других полезных ископаемых, что в условиях нарастания дефицита природных ресурсов в мире определяет приоритетность развития этих территорий, рассчитанную на длительную перспективу.

В частности, на это указывает возобновление проектирования и строительства энергетических объектов и транспортной сети в Сибири и на Севере Дальнего Востока. Это очень важно, так как развитие инфраструктуры должно превратить географические особенности России в ее конкурентные преимущества.

Так, в Сибири предусматривается до 2010 г. создание нового транспортного коридора Промышленный Урал – Полярный Урал, включающего в себя строительство железнодорожной магистрали Полуночное – Обская протяженностью 814 км и автомагистрали Салехард – Урал – Тюмень, а также вспомогательных железных дорог Обская – Ваваненково с выходом на Харасавэй, Пангода – Надым – Салехард и Коротчаево – Дудинка.

Эта схема должна обеспечить кратчайшее транспортное сообщение между промышленно развитыми районами среднего и южного Урала и ресурсной базой Полярного Урала и Западно-Сибирского региона.

На Северо-Востоке России планируется реконструировать федеральную дорогу «Колыма», строительство моста через р. Лена, «Северного автотранспортного коридора» Магадан – Омсукчан – Омолон – Билибино – Комсомольский, железнодорожной магистрали БАМ – Якутск – Магадан – Анадырь и таким образом придать новое качество комплексному развитию этих дотационных субъектов Федерации с последующей диверсификацией их экономики, усилить межрегиональные связи внутри страны и кооперационные со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Этот замысел, но с другими целями пытались осуществить еще в конце 30-х – начале 40-х гг. Так, в 1938–1942 гг. планировалось построить Байкало-Колымскую магистраль в направлении с юго-запада на северо-восток с примыканием к железнодорожной сети западной части Байкало-Амурской магистрали. По проекту дорога (общей протяженностью 5 тыс. км) пролегала из района северного Байкала на Бодайбо – Томмот – Незаметный – Якутск – Крест-Хольджай – Оймякон – Аркагала – Таскан – Сеймчан – Колымский хребет – Пенжино – зал. Олюторский или Корфа.

В заключении комиссии НКВД СССР (под руководством профессора С. П. Александрова, консультант – академик В. А. Обручев) указывалось, что если создание всей Байкало-Колымской магистрали с ее боковыми линиями может рассматриваться как перспектива двух, а может, и трех пятилеток, то сооружение железнодорожного выхода из Колымо-Индигирского района на Алдан и Лену является политически важным, остро необходимым и вполне назревшим вопросом уже теперь, чтобы начать его разрешать еще в 3-й пятилетке.

В работе «Дальневосточный край» (1929 г.) в частности отмечалось, что *«географическое положение ДВК делает его частью тихоокеанского мира, а следовательно, и приобщает через него весь наш Союз к тому сложному узлу хозяйственных и политических взаимоотношений, которые завязались на берегах Тихого океана»*[1].

Таким образом, тенденция интеграции северо-восточного региона в народнохозяйственный комплекс страны и мировую экономику имеет глубокие исторические корни.

На современном этапе рассматривается также возможность строительства межконтинентального автобана ЕвРИКА: Европа – Россия – США – Индия – Китай – Япония – Африка. По территории России эта дорога должна пройти по маршруту Вологда – Пермь – Сургут – Якутск – Уэлен и далее через Берингов пролив в США. Цель этого грандиозного проекта ориентировочной стоимостью 250 млрд долл. – преодоление разрывов в международной транспортной сети и объединение существующего и вновь создаваемого экономических потенциалов разных стран в единую мировую систему. Этот проект име-

[1] *Широков А. И.* Северо-Восток в системе общественных отношений СССР в 30–50-е гг. XX столетия (теоретический и практический аспекты) // Колымский гуманитарный альманах. – Магадан : Кордис, 2006. – Вып. 1. – С. 18.

ет как сторонников, так и противников. В частности, отмечается низкая конкурентоспособность автомобильных перевозок по сравнению с железнодорожным и морским транспортом, высокая стоимость строительства (1 км многополосной дороги в условиях вечной мерзлоты колеблется от 30 до 50 млн долл.), почти полное отсутствие современной технической и социальной инфраструктуры и т. д.

Следует отметить, что еще в 1905 г. на особом межведомственном совещании при Иркутском генерал-губернаторстве рассматривалось предложение американского консорциума «Лойк-де-Лобель» о предоставлении концессии на строительство железной дороги от Канска на Аляску с тоннелем под Беринговым проливом и с ответвлениями на Николаевск, Хабаровск и Благовещенск. Строительство дороги планировалось осуществить в течение 10 лет при условии передачи консорциуму в безвозмездное пользование сроком на 99 лет участков отчуждения, расположенных по обе стороны дороги в шахматном порядке со стороной квадрата 14 км.

Экономический интерес американских деловых кругов в освоении обширного, набирающего силу российского рынка в целом и монопольной разработке природных богатств Северо-Востока России в частности был очевиден.

Все это указывает на пристальное внимание (в прошлом и на современном этапе) к северным регионам со стороны российских и зарубежных предпринимателей и на повышение их инвестиционной активности. В то же время в федеральных отраслевых программах развития северных регионов основной акцент по-прежнему делается на узковедомственные, а следовательно, частные интересы. В основном это касается разработки сырьевых ресурсов.

Так, в Республике Саха (Якутия) схема перспективного размещения производительных сил до 2020 г. включает в себя разработку месторождений рудного золота – Куранахского на востоке, Нежданинского на юге и Кючусского на севере, Эльгинского угольного, Чаяндинского газового, Эльхонского уранового и Томторского редкоземельных металлов. И кроме этого, будет продолжена добыча алмазов (100% добычи в стране), сурьмы (100%), олова (50%), а также малых месторождений платины, железа и строительных материалов.

Для обеспечения мощностей горной промышленности рассматривается вопрос о дальнейшем развитии энергетики. Главным проектом в этой сфере является создание Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса (ЮЯГЭК). Это гигантское сооружение будет состоять из 7 ГЭС общей мощностью 9000 мВт.

По предварительным расчетам, валовой региональный продукт Республики Саха (Якутия) должен возрасти в 2,8 раза, инвестиции в основной капитал – в 2 раза, а реальные доходы населения – в 3,6 раза.

В Камчатской области основу промышленного производства составляет рыбохозяйственный комплекс. Его продукция в структуре промышленного производства составляет около 60%, а в целом по России она формирует 13,6% производства пищевой продукции и 17,4% вылова рыбы и добычи морепродуктов. В области имеются большие запасы минерально-сырьевых ресурсов: газа, угля, самородной серы, термальных вод, золота и серебра. Сырьем для производства строительных материалов служат 64 месторождения вулканических шлаков и пемзы. Лесной фонд занимает 43,9 млн га, или 95% территории области. Большие потенциальные возможности имеет рекреационно-туристский комплекс полуострова.

В Магаданской области в долгосрочной перспективе основной упор делается также на развитие традиционных сырьевых отраслей экономики – добычу золота и серебра. По оценкам специалистов, после технического переоснащения горнодобывающих предприятий и переориентации их на рудное золото уровень его добычи возрастет до 100 т в год. В процессе геологоразведочных работ государственная комиссия при Федеральном агентстве по недропользованию утвердила запасы драгоценного металла на месторождении Наталка в 1836 т. Оно признано крупнейшим в России и третьим в мире. Вместе с примыкающими рудными площадями («Дегдекан») прогнозные объемы рудного металла могут достигнуть 2,5 тыс. т. Кроме этого готовятся к вводу в эксплуатацию в 2009–2012 гг. золоторудные месторождения Штурмовское, Громада, Среднеканское, Ольча, им. Матросова, Игуменовское, Павлик и ряд других.

Это открывает новые перспективы для социально-экономического развития области, учитывая спад золотодобычи в последние годы.

В 2006 г. всего в России было добыто 164,3 т золота, в том числе в Магаданской области 17 287,9 кг (в 2005 г. – 22 691,9 кг), в Республике Саха (Якутия) – 19 919 (18 763,6), в Красноярском крае – 31 490,7 (28 812, 7), в Иркутской области – 14 541,6 (15 159,3), в Хабаровском крае – 15 472,5 (18 218,7), в Амурской области – 14 490,7 (14 725) и т. д.

Кроме добычи золота и серебра, планируется значительно расширить сырьевую базу горнодобывающей промышленности области за счет разработки 61 месторождения меди, кобальта, олова и других полезных ископаемых. Сдерживающим фактором является затянувшееся строительство Усть-Среднеканской ГЭС.

Следует отметить, что узкая сырьевая направленность и возникающие в связи с этим диспропорции в экономике и социальной сфере не может быть гарантом устойчивого развития северных регионов и в целом не отвечает национальным интересам страны на Дальнем Востоке.

Например, в Охотском и Беринговом морях, которые отличаются наивысшей в России и в мире рыбопромысловой продуктивностью, ведутся поиск, разведка и подготовка к добыче углеводородов, в которых в первую очередь заинтересованы иностранные нефтяные компании.

Районы геологоразведочных работ совпадают с местами нереста и нагула ценных популяций пород рыб и беспозвоночных, т. е. восполняемых ресурсов, что, учитывая несовершенство российского законодательства в этой сфере, специфику северных морей и уязвимость природы от техногенных аварий, грозит экологической катастрофой. Печальный опыт Сахалина является наглядным тому подтверждением. Вопрос приобретает особую актуальность и в связи с тем, что после создания «Фарерского щита» (США) значительно сократилась рыболовная экономическая зона России в Беринговом море*. В переданной американцам части акватории предполагаются крупные запасы газа и особенно нефти.

В постсоветский период наряду с кризисом экономики на Дальнем Востоке и особенно на Севере резко обострилась демографическая проблема. За 1991–2005 гг. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) покинули около 1,5 млн чел.

По экспертным оценкам, численность населения в ДФО, если не изменится ситуация, сократится с 6572, 8 тыс. чел. в 2005 г. до 5864,2 тыс. чел. в 2025 г., в том числе в Корякском округе останется около 13,5 тыс. чел. на 300 тыс. км^2, в Чукотском – 27,5 тыс. чел. на 737,7 тыс. км^2, в Магаданской области – 109,1 тыс. чел. (в 1980 г. – 492 тыс. чел.) на 461,4 тыс. км^2. Аналогичная ситуация складывается и в Камчатской области, где прогнозируется уменьшение до 250 тыс. чел. (в 1989 г. – около 450 тыс. чел.) на 472,3 тыс. км^2**.

В то же время на сопредельной Аляске наблюдается обратная тенденция. По данным Арктического совета и Совета стран Баренцева моря, по уровню жизни коренные жители Аляски с 1970-х гг. опережают по этому показателю всех своих соплеменников в Канаде, датской Гренландии и России. Средняя продолжительность жизни алеутов, коряков и родственных им народов ныне достигла 67,6 года, в то время как на Чукотке и в Корякии едва дотягивает до 45,5 лет.

Основой экономического подъема Аляски стало открытие в 1968 г. вблизи зал. Прадхо и на дне этой акватории огромных запасов нефти. В 1971 г. в США был принят закон «Об удовлетворении территориальных претензий коренных жителей Аляски».

Наряду с гарантированием рентных платежей, ежеквартально корректируемых с учетом инфляции, за использование местных нефтегазовых ресурсов каждое поселение фактически становилось этнической корпорацией: всего их было создано более 200.

В 1971–2006 гг. в виде рентного капитала только от нефтяной промышленности штат выплатил более 1,3 млрд долл. в фонд коренного населения. Кроме этого, был принят целый ряд нормативных документов, направленных на защиту земель, закрытых по природоохранному статусу для деятельности добывающей и лесной промышленности, стимулирование деловой активности и закрепление населения.

При отсутствии внятной экономической и миграционной политики освоения северных регионов, в совокупности с другими факторами, возникает вопрос, удержит ли Россия свою огромную территорию в эпоху нарастания экономической и геополитической конкуренции со странами АТР.

Президент РФ В. В. Путин по этому поводу говорил: «*Нынешнее положение на Дальнем Востоке угрожает национальной безопасности*».

Директор Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН Р. Моисеев подчеркивал на научно-практической конференции «Дальний Восток: перспективы развития», что, «*посещая Дальний Восток, руководители государственного уровня неизменно отмечают его важнейшее для России геополитическое и экономическое значение. ...Но их идеи не реализованы и не могут быть реализованы теми методами, которые применяются сегодня. Необходимы новые методы*»[2].

В целом проблемы ДФО призвана решить федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 2008–2015 годы и до 2025 года», которая должна быть подготовлена в первой половине 2007 г.

Премьер-министр РФ М. Фрадков, находясь с рабочим визитом в Якутии (14 марта 2007), подчеркивал, что «*необходимо развивать весь Дальневосточный регион и уже думать о строительстве транспортных путей не только от Якутска до Магадана, но и от Магадана до Чукотки. ...Мы выходим на стратегический простор, где надо расходовать колоссальные средства из федерального бюджета*».

---

*По договору СССР – США 1990 г. (Шеварднадзе – Бейкер) Аляска стала обладать в одностороннем порядке 75% акватории Берингова моря. В США договор ратифицирован в 1991 г., в РФ не ратифицирован до сих пор.

**12 июля 2006 г. был принят Федеральный закон № 2ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского округа». Новый субъект Федерации имеет статус края и наименование – Камчатский край – с 1 июля 2007 г.

[2]*Экономика* Дальнего Востока. Регион нуждается в долгосрочной программе развития // Российская газета. – 2007. – № 32. – 15 февр.

По целям и задачам новая концепция действительно не имеет аналогов, так как впервые охватывает весь Дальневосточный федеральный округ и предусматривает комплексную модернизацию промышленности на основе перспективных наукоемких технологий, ориентированных на внешний рынок и создание на этой основе экспортно-импортного транспортного коридора со странами Северо-Восточной Азии, формирование единого межрегионального и международного экономического и инвестиционного пространства, а также меры по стабилизации численности населения и преференции в области миграционной политики.

В связи с этим большое значение приобретает исторический опыт промышленного и транспортного освоения, организации специфических производств, формирования социальной сферы и адаптации человека в крайне неблагоприятных для жизни условиях, который может быть востребован при разработке новой стратегии социально-экономического развития Крайнего Севера.

Смена общественно-политических приоритетов и кардинальные изменения форм и методов экономических отношений выдвигают на первый план иные требования, но ряд проблем, возникших в XX в., остаются актуальными и в начале нового столетия. К ним относятся вопросы природопользования в местах горных разработок и на шельфах северных морей, рационального размещения энергетических мощностей, сохранения и воспроизводства биологических ресурсов, регулирования миграционных потоков и оптимальных параметров рабочей силы, занятой в сфере производства, определения баланса интересов промышленности и традиционных форм и методов ведения хозяйства в местах компактного проживания народностей Севера и ряд других.

Стратегия промышленного освоения Севера как сырьевой базы народного хозяйства СССР начала формироваться в 30-х гг. XX в. в рамках советской модели развития социалистической экономики, которая, по определению академика А. А. Аганбегяна, представляла собой «сложную систему технико-экономических и социально-экономических связей»[3]. С учетом специфики того или иного региона, наличия перспективных запасов полезных ископаемых, их дефицитности в структуре народного хозяйства, уровня материально-технических затрат и ряда других факторов объективного и субъективного характера промышленное производство размещалось в форме временных «очагов» и постоянных территориальных промышленно-транспортных узлов. Они становились своеобразными административными, экономическими и культурными центрами.

В наиболее перспективных «узлах» создавались комбинаты особого типа (Дальстрой, Ухто-Печорский трест, Норильский комбинат и др.), которые отражали в полной мере сущность тоталитаризма – наличие мощного аппарата подавления, жесткая централизация руководства в центре и на местах, стандартизация форм и методов плановой и промышленной политики, концентрация материальных, финансовых и людских ресурсов на стратегически важных направлениях[4]. Ключевым звеном этого режима являлась административно-командная система, которая в 30-е – начале 50-х гг. XX в. трансформировалась в репрессивно-карательную. Зона Севера в этот период осваивалась за счет массовой переброски заключенных («штрафная колонизация») исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа, людские ресурсы которого планировались министерствами и ведомствами, исходя из стратегических потребностей экономики и решения конкретных задач в отдельных регионах.

В целом эта политика характеризовалась, во-первых, высокими темпами роста промышленного производства, которые в условиях плановой экономики не сопоставлялись с реальными затратами, так как они имели скрытый характер; во-вторых, преимущественным развитием сырьевых, добывающих отраслей, что по объективным причинам того времени было оправдано; в-третьих, очаговым размещением основных средств производства и трудовых ресурсов с перспективой формирования на их основе крупных промышленно-транспортных центров; в-четвертых, массовым применением труда заключенных в особо опасных отраслях экономики, а также при освоении труднодоступных и совершенно не обжитых районов страны.

В этом ряду Северо-Восток России являлся регионом, в котором географические, природные факторы и специфические условия развития народного хозяйства получили концентрированное выражение. Здесь в 30-е – начале 50-х гг. действовал крупнейший по территории промышленный исправительно-трудовой лагерь комбмната «Дальстрой», административным центром которого был г. Магадан.

Создание Дальстроя дало мощный толчок развитию горнодобывающей, рыбной, местной промышленности, энергетики, морского, речного, автомобильного транспорта, сельского хозяйства. Массовое применение труда заключенных являлось основным фактором «экономического чуда» золотой Колымы и наиболее эффективным способом заселения территории в этот период. Результаты деятельности Дальстроя в современной историографии оцениваются неоднозначно.

---

[3] *Аганбегян А. А.* Проблемы народнохозяйственного оптимума. – Новосибирск : Наука, 1966. – С. 5.

[4] *Славин С. В.* Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. – М., 1961. – С. 46–47; *Пилясов А. Н.* Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). – Магадан, 1996. – С. 71; *Система* исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов; под. ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. – М. : Звенья, 1998. – 600 с.; и др.

Например, И. П. Авдеев отмечал, что *«нельзя отрицать, что Дальстрой, при всех его недостатках, связанных с его особой ролью и со спецификой условий того времени, сумел многое сделать по созданию новых очагов промышленности в Магаданской области и Якутской АССР. Этого удалось достигнуть в значительной степени благодаря сосредоточению в одном органе решения вопросов развития осваиваемых районов в целом»*[5].

А. И. Широков делает противоположный вывод, считая, что *«колонизационная практика Дальстроя... является... примером бессилия, ибо колоссальные объемы добывавшихся здесь ценных минеральных ресурсов не способствовали действительному обжитию края, созданию здесь высокотехнологических отраслей промышленности, эффективной социальной инфраструктуры. Эта практика лишь воспроизводила привычные образцы экстенсивного способа ведения хозяйственной деятельности, результаты которого ярко обозначились уже под занавес эпохи Дальстроя»*[6].

Следует отметить, что в целом региональные исследователи истории Дальстроя, обладающие необходимой информацией, имеют сходную точку зрения, расходясь лишь в деталях, так как нельзя оправдать в принципе никакие достижения, в основе которых лежит бесчеловечная система.

После смены «вех», фактически до второй половины 60-х гг., государственная политика в северных регионах не имела четких критериев и носила анклавный характер. Социально-экономические преференции и индекс значимости территорий определялись советским правительством на краткосрочную перспективу и корректировались в зависимости от потребностей экономики страны.

Так, границы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей впервые на законодательном уровне были определены только в 1967 г.* В соответствии с Указом ПВС СССР от 26 сентября к ним были отнесены на Азиатском Севере – Якутская АССР, Магаданская, Камчатская области; северные районы Иркутской, Читинской, Амурской, Сахалинской областей, Бурятской АССР, Хабаровского края; Таймырский, Эвенкийский национальные округа, Туруханский и Игарский районы Красноярского края; северные районы Томской области, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский национальные округа Тюменской области; на Европейском Севере – Мурманская, Архангельская области, Карельская и Коми АССР.

Установленные границы впервые отражали не только географические, природные и экономические реалии, но и факторы этнокультурного характера, связанные с укладом жизни и хозяйства народностей Севера, так как почти все сельское население этих районов состояло и состоит до настоящего дня из коренных жителей.

Со второй половины 50-х гг. резко возросли государственные вложения в развитие промышленности и социальную сферу северных регионов, и, как следствие, взаимосвязи решения экономических и социальных проблем приобрели комплексный характер. В 1960–1970 гг. общий объем промышленного производства зоны Севера увеличился на 143%, а в целом по РСФСР – на 115%, по СССР – на 127%[7].

Наряду с промышленностью, в эти годы впервые с момента коллективизации Советским правительством был принят ряд важных решений о социально-экономическом развитии районов проживания коренного населения. По своей сути они носили характер «революционного скачка» в сельском и промысловом хозяйстве и социальных отношениях.

В зоне Севера в 50–70-е гг. XX в. особое место занимала Магаданская область, образованная в составе РСФСР Указом ПВС СССР в 1953 г. Новый субъект Федерации располагался на Северо-Востоке России и охватывал до распада СССР огромную территорию в 1224,5 тыс. км^2, из которых 737,7 тыс. км^2 приходилось на Чукотский национальный округ**.

На суше область (до выхода из ее состава ЧАО) граничила с Якутской АССР (РС-Якутия), Хабаровским краем и Камчатской областью. Южная граница лежала на широте Вологда – Таллин (58° с. ш.),

---

[5] *Авдеев И. П.* Комплексное развитие промышленности и сельского хозяйства на Севере (социально-экономические проблемы). – Якутск : Кн. изд-во, 1975. – С. 16.

[6] См. *Широков А. И.* Северо-Восток..., 2006. – С. 34.

*Указ ПВС СССР от 26 сентября 1967 г. «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера».

[7] *Народное* хозяйство СССР в 1970 г. – М. : Статистика, 1971. – С. 136.

**Чукотский национальный округ (ЧНО) образован Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» с районами Анадырский, Восточно-Тундровый, Западно-Тундровый, Марковский, Чаунский, Чукотский.

Постановлением ВЦИК от 10 мая 1931 г. «О национальных районах и внешних границах Якутской АССР» район Западной Тундры (Нижне-Колымский), состоявший из юкагиро-эвено-чукотского населения, был передан в состав ЯАССР.

По переписи населения 1959 г. население ЧНО составило 47 134 чел. (в 1930 г. – 20 788 чел.), в том числе коренное население 12 045 чел. (в 1930 г. – 15 295 чел.), или 27% (в 1930 г. – 73%), из них чукчей 8448 чел. (в 1930 г. – 12 163 чел.). В 1959 г. в ЧНО входило 8 районов: Анадырский (8179 чел., в том числе чукчей 1884), Беринговский (4006 чел., в том числе чукчей 1002), Восточно-Тундровый (3782 чел., в том числе чуванцев 779), Иультинский (8487 чел., в том числе чукчей 1465), Марковский (2194 чел., в том числе чуванцев 756), Провиденский (6275 чел., в том числе чукчей 1032, эскимосов 565), Чаунский (10 638 чел., в том числе чукчей 855), Чукотский (3623 чел., в том числе чукчей 2210).

северная – на широте о. Вайгач (70° с. ш.). Восточной оконечностью являлся м. Дежнева (170° с. ш.), западной – 145° в. д.

Территория области в основном располагается в зонах тундры и тайги, в пределах субполярного и арктического климата, и только ее южная часть в зоне умеренного.

Академик Н. А. Шило подчеркивал, что *«аналогов такого климата, пожалуй, нет нигде на нашей планете»*[8].

Формирование климата происходит в условиях высоких широт и резких контрастов в системе суша – океан. В прибрежной зоне климат характеризуется сильными ветрами, частой сменой погодных условий, резкими колебаниями атмосферного давления, а в центральных районах крайне низкой температурой в зимний период*.

Территория области омывается водами Охотского, Чукотского, Берингова морей. Охотское море занимает северо-западную часть Тихого океана, его площадь вместе с островами составляет 158,3 тыс. км^2. Некоторые крупные заливы по размерам сопоставимы с отдельными морями. Например, площадь зал. Шелихова около 78 тыс. км^2**.

Максимальная глубина Охотского моря достигает 3374 м, средняя 777 м. По термическим условиям атмосфера Охотского моря аномально холодная. В средних широтах Северного полушария нет морей с такой холодной атмосферой – не выше +8°С летом.

Аналогичные температуры наблюдаются и над Беринговым морем, которое занимает самое северное положение в бассейне Тихого океана. Площадь этого моря 2 292 205 км^2, почти равняется площади Баренцева, Каспийского, Черного и Белого морей, вместе взятых.

Берингово море глубоководно, до 4773 м; береговая линия сильно изрезана бухтами, заливами и мысами. На западе расположены заливы: Анадырский, Олюторский, Корфа, Карагинский и Озерский; на востоке – Бристоль, Нортон и бух. Кускоквим. Пять наиболее крупных заливов занимают примерно 10% акватории моря, Алеутская гряда насчитывает около 130 различных островов, островков и скал.

Чукотское море (552 045 км^2) целиком лежит в пределах шельфа. Более 50% всей площади приходится на глубину до 50 м и 40% – на 50–100 м.

Моря очень важны для экономики Магаданской области. Более 90% необходимых грузов завозится морским транспортом, а биологические восполняемые ресурсы составляют устойчивую основу для развития рыбной промышленности.

Территория области отличается развитой сетью внутренних водоемов – около 570 рек, озер. Реки Колыма (длина 2129 км), Аян-Юрях (237 км), Берелех (278 км), Кулу (384), Детрин (222 км), Дебин (248 км), Таскан (261 км), Буюнда (434 км), Балыгычан (400 км), Коркодон (476 км) и ряд других являются важными транспортными артериями (особенно в зимний период) для снабжения промышленных центров, источником развития местной энергетики, а также служат нерестилищем для рыб ценных пород. Кроме этого водные ресурсы широко применяются в горной промышленности при промывке золотоносных песков, оттайке грунта и дражной добыче.

Озерные районы приурочены к низменным приморским равнинам арктического и тихоокеанского побережий. Во внутриконтинентальной части Колымской низменности и в низовьях Анюя имеются редкие, но довольно крупные озера.

По типам они подразделяются на термокарстовые, пойменные, лагунные, ледниковые, плотинные, кратерные, тектонические. Термокарстовые озера составляют 95% от всех озер[9].

Озера в основном используются для промышленного водоснабжения, а также как пруды-охладители и пруды-отстойники для горно-обогатительных фабрик.

Специфической особенностью является повсеместное распространение многолетней мерзлоты, достигающей 400–500 м при глубине наибольшего оттаивания в песчаных грунтах от 2 до 4 м.

На территории области преобладает горный рельеф. Вдоль побережья Охотского моря и далее в северо-восточном направлении тянется восточная часть Лено-Чаунской горной дуги, являющейся водоразделом между бассейном р. Колыма и реками, текущими в сторону Тихого океана. Лено-Чаунская дуга имеет высоты в среднем 1400 м, а отдельные горные массивы и хребты (Майманджинский, Килганский) достигают 1800–2000 м. Юго-западную часть занимает Охотско-Колымское нагорье, к которому примыкают отроги хребтов системы Черского высотой от 1800 до 2500 м.

---

[8] *Шило Н. А.* Основные научные итоги и задачи изучения производительных сил Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Магаданской области : Материалы Второго науч. совещ. по проблемам развития и размещения производит. сил Магаданской области. 3–5 июня 1968 г. – Магадан : СВКНИИ СО АН СССР, 1968. – Т. 1. – С. 22.

* Подробнее см. *Север* Дальнего Востока. Природные условия и естественные ресурсы СССР. – М. : Наука, 1970. – 487 с.; *Навасардов А. С.* Освоение Северо-Востока СССР в 30-е гг. XX в. (историко-демографический аспект). – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2004. – С. 32–40.

** Площадь Азовского моря равна 38 тыс. км^2, Белого – 89,6 тыс. км^2.

[9] *Глотова Л. П.* Перспективы Северо-Востока России на пресные и природные воды // Наука Северо-Востока России – начало века : Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти акад. К. В. Симакова и в честь его 70-летия. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2005. – С. 153–157.

В северо-восточной части территории располагаются Анадырское плоскогорье (800–1000 м), сильно заболоченная Анадырская низменность и Чукотское нагорье (до 2000 м). В бассейне среднего течения р. Колыма простирается Юкагирское плоскогорье. Обширные заболоченные пространства и сложный горный рельеф создавали значительные трудности в процессе промышленно-транспортного освоения территории.

В металлогеническом отношении Магаданская область является составной частью Северо-Восточной рудной провинции, входящей в Тихоокеанский рудный пояс, в котором выделяются два района – Колымский и Чукотский. В них залегали основные минерально-сырьевые ресурсы области – золото, серебро, олово, вольфрам, молибден, а также свинец, железо, кобальт и широкий спектр других полезных ископаемых.

По богатству содержания золота, особенно в россыпных месторождениях, Верхояно-Колымский золотоносный пояс занимал в 30–40-е гг. XX в. первое место среди других районов Северо-Востока.

Сложность природных факторов и большая протяженность области с севера на юг определяет наличие четырех природных зон: арктической полярной пустыни, тундровой, лесотундровой и таежной. Поэтому почвы Магаданской области, представленные Чукотско-Анадырской тундрово-перегнойной, Чукотской горно-тундровой, Колымской горной, Магаданской мерзлотоподзолистой и Охотской горной провинцией, в своем большинстве малопригодны для развития нетрадиционных отраслей сельского хозяйства.

В наиболее благоприятной по климату равнинной Магаданской зоне глубина почвенного профиля составляет 50–80 и очень редко 150–200 см. Причем при разработке верхнего термоизоляционного слоя происходит явление термокарста: линзы, провалы, опускание почвы и т. д. Безморозный период длится 85–135 дней: весна – 72 дня (с 8 мая до 18 июня); лето – 53 (с 18 июня по 10 сентября); осень – 27 (с 10 июня по 7 октября). В горных районах Среднеканской зоны теплый период составляет в среднем 130 дней, но ранневесенние и даже летние заморозки часто сокращают его до 30–40 дней[10].

Академик В. Л. Комаров, рассматривая перспективы развития сельского хозяйства на Камчатке, отмечал: *«Чтобы сделать Камчатку настоящей земледельческой страной, надо ни больше ни меньше, как осушить Охотское море, этот естественный холодильник, подавляющий камчатское лето своим близким соседством»*[11].

Эту характеристику в полной мере можно отнести и к территории Магаданской области.

Суровые природно-климатические условия Охотско-Колымского края, географическая труднодоступность и малоизученность являлись объективной причиной длительной внутрирегиональной изоляции территории от других районов страны и консервации общественных отношений.

Степень изученности социально-экономических процессов освоения Охотско-Колымского края в первой трети XX в. ограничивается фрагментарным описанием культурно-этнических и хозяйственных аспектов на уровне аналогий в контексте исследований отдельных регионов Северо-Востока России[12].

В исторической науке территория Колымы и Охотского побережья по сравнению с Чукоткой и Камчаткой длительное время оставалась белым пятном.

В то же время следует отметить, что исследования А. В. Олсуфьева, В. Г. Богораза, М. А. Сергеева, С. А. Бутурлина и ряда других авторов являются важным источником первичной информации об общих закономерностях и особенностях развития народного хозяйства, культуре, быте коренных жителей Севера.

История становления советской социально-экономической формации на Севере Дальнего Востока и связанная с ней проблема некапиталистического пути развития коренного населения в целом исследована достаточно подробно, за исключением территории Магаданской области.

В работах М. А. Сергеева, Н. Билибина, Б. И. Мухачева, Н. А. Жихарева, И. С. Гарусова, М. И. Куликова, И. С. Гурвича, И. С. Вдовина, Г. А. Меновщикова, К. Г. Кузакова, У. Г. Поповой и др. проведена подробная реконструкция основных этапов социалистического строительства на Чукотке и Камчатке и частично в районах Колымы, в том числе исследована организация советских, партийных органов власти и управления и их деятельность в годы гражданской войны и международной интервенции, коллективизации сельского и промыслового хозяйства, промышленного и социально-культурного развития региона.

---

[10] *Иосифович Н. А., Татаренков М. И.* Земледелие Магаданской области. – Магадан : Кн. изд-во, 1968. – С. 9–10.

[11] *Сергеев М. А.* Народное хозяйство Камчатского края. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 606 с.

[12] *Иохельсон В. И.* Очерки зверопромышленности и торговли мехами в Колымском крае. – СПб., 1898; *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи и экономического состояния и быта населения. – СПб., 1896. – 303 с.; *Богораз В. Г.* Краткий очерк об исследовании чукч Колымского края // ИВСОРГО. – 1899. – Т. 30. – № 1. – 51 с.; *Он же.* Чукчи. – Л. : Изд-во АН СССР, 1934. – Ч. 1; *Он же.* Религия как тормоз соцстроительства среди малых народностей Севера // Сов. Север. – 1932. – № 1–2. – С. 142–157 и др.; *Сергеев М. А.* Народное..., 1936. – 809 с. и др.; *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. – СПб., 1902; *Бутурлин С. А.* Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. – СПб., 1907. – 205 с.; *Он же.* Охотничьи ресурсы и охота на Севере // Сов. Север. – 1930. – № 1 и др.; *Арсеньев В.* Гижигинский промысловый район // ЭЖДВ. – 1925. – № 5–6; *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. – СПб., 1894. – 595 с.

Это даст возможность на основе сравнительного анализа проследить качественные изменения, происходившие в туземном обществе Северо-Востока в целом, выявить основные этапы и динамику его развития, а также степень влияния экономических и политических (внешних и внутренних) факторов на интеграционные процессы. В то же время при использовании этих материалов необходимо их критическое осмысление на основе современных источников.

Например, при анализе народного хозяйства коренного населения Чукотки, Корякии, Колымы и Охотского побережья многие исследователи основывают свои выводы на материалах Приполярной переписи, хотя еще М. А. Сергеев в своей фундаментальной работе «Народное хозяйство Камчатского края» подверг ее серьезной критике. В частности, он подчеркивал, что *«мы не приводим сводные данные Приполярной переписи... так как последние далеки от действительности. ...Если принять во внимание крайнюю неопределенность, особенно в условиях кочевого хозяйства, термина "хозяйство", произведенное переписью определение валового дохода полунатурального хозяйства в денежном выражении (?), отсутствие учета размеров средств производства хозяйства, и пр., то станет ясной вся неудовлетворительность произведенной классификации»*[13].

Правота М. А. Сергеева очевидна и подтверждается архивными документами. Заметим, что на основе Приполярной переписи строилась политика коллективизации, приведшая в 1930-е гг. к катастрофическим последствиям.

Данные исследования, бесспорно, имеющие большую научную ценность, но по объективным причинам и реалиям того времени являются отражением официальной марксистско-ленинской точки зрения на развитие общества в исторической науке.

Приоритетное внимание в них уделяется руководящей роли ВКП(б) в промышленном и культурном освоении районов Севера, обосновывается закономерность и необходимость социалистических преобразований туземного общества.

По классической для того времени схеме анализируются вопросы классового расслоения, коллективизации в сельском и промысловом хозяйстве, борьбы с религией и шаманством, коренной ломки многовековых традиций и т. д. Явно преступная даже по советским законам деятельность местных партийных и советских органов власти в период коллективизации, как правило, трактуется в духе Краткого курса истории ВКП(б).

Например, И. С. Гарусов, приводя массу фактов беззаконий со стороны советских органов власти в период коллективизации, являвшихся главной причиной разорения хозяйств оленеводов, делает следующий вывод: *«история социалистического переустройства сельского и промыслового хозяйства свидетельствует о том, что местные партийные и советские органы успешно выполнили указание ЦК партии... а кулаки-оленеводы были последней составной частью кулачества как класса страны в целом»*[14].

Что касается районов Колымы и Охотского побережья, то наиболее объективные выводы о последствиях социалистического эксперимента, сделанные на основе глубокого анализа архивных источников, содержатся в работе У. Г. Поповой «Эвены Магаданской области». Она впервые показала глубокую пропасть между социалистической теорией и практикой ее применения в условиях Севера.

Период деятельности Дальстроя в истории Магаданской области до середины 60-х гг. оставался вне сферы научных исследований.

По причине особого статуса этой специфической организации в системе ОГПУ-НКВД-МВД СССР практически все архивные материалы о добыче золота, развитии транспорта, дислокации лагерей УСВИТЛа, режиме содержания, формах и методах применения труда заключенных и т. д. не подлежали опубликованию.

Первые работы о Дальстрое носили обзорный, публицистический характер[15]. В них подчеркивался трудовой подвиг советского народа в освоении Крайнего Севера, но умалчивалось о том, какой ценой это освоение достигалось.

Только в начале 70–80-х гг. стали появляться исследования различных аспектов истории Дальстроя, основанные на документальных источниках.

В научный оборот впервые были введены материалы о развитии горнодобывающей промышленности в районах Колымы и Чукотки, дорожного строительства, энергетики, угольной, рыбной и местной промышленности, по созданию транспортной инфраструктуры и социальной сферы[16].

---

[13]*Сергеев М. А.* Народное..., 1936. – С. 171.

[14]*Гарусов И. С.* Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917–1952 гг. – Магадан : Кн. изд-во, 1982. – С. 133.

[15]*Дальстрой.* К 25-летию. – Магадан : Кн. изд-во, 1956; *Груша М. В.* 25 лет Дальстроя. – Магадан : Кн. изд-во, 1956. – 237 с.

[16]*Глазунов И. Л.* Геологическое изучение и развитие угледобычи на Колыме и Чукотке в предвоенные 1939–1940 годы и в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1982. – Вып. 12. – С. 28–40; *Он же.* Зарождение угледобычи на Колыме и Чукотке (1917–1938 гг.) // Там же. – 1986. – Вып. 14. – С. 17–27; *Он же.* Возникновение и развитие лесной промышленности Северо-Востока России с начала освоения края и до середины XX в. // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 73–98 и др.; *Жихарев Н. А.* Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953). – Магадан : Кн. изд-во, 1961. – 253 с.; *Историческая* хроника Магаданской области. События и факты 1917–1972 гг. – Магадан : Кн. изд-во, 1975. – 341 с.

Основной вклад в разработку проблем истории Магаданской области внесли научные сотрудники лаборатории истории и археологии и этнографии СВКНИИ ДВО РАН под руководством члена-корреспондента РАН АН (СССР) Н. Н. Дикова[17].

Таким образом была создана информационная база данных, ставшая прочной основой для дальнейших исследований.

В конце 80–90-х гг. в связи со снятием цензурных ограничений региональная историография пополнилась качественно новыми публикациями, основанными на анализе ранее секретных документов и материалов ГАРФ, ГАМО (Постановления ЦК ВКП(б) – КПСС, СНК – СМ СССР, СТО СССР, приказы, инструкции, циркуляры НКВД-МВД СССР, приказы начальника ГУ СДС, переписка начальника ГУ СДС с НКВД-МВД СССР и др.), а также частично архивов УВД, УФСБ, объединения «Северовостокзолото» и Центра хранения современной документации Магаданской области.

Расширение источниковой базы позволило детально восстановить весь процесс становления и развития промышленно-транспортного комплекса Дальстроя и УСВИТЛа, определить объективные и субъективные предпосылки трансформации административно-директивной системы управления в административно-карательную, выявить основные этапы и особенности применения репрессивной политики, проследить динамику численности и качественный состав заключенных, а также формы и методы организации производства, социальное и правовое положение различных категорий рабочей силы и коренного населения.

Многообразие опубликованных источников и накопленный фактический материал нашли свое отражение в многочисленных статьях и ряде обобщающих работ.

Следует отметить большой вклад в региональную науку А. Г. Козлова, более полувека ведшего исследования по многим направлениям истории Магаданской области в период деятельности Дальстроя.

Им было написано более 100 научных статей и ряд монографий. Исследования А. Г. Козлова отличаются фактической достоверностью, объективностью оценок, принципиальностью по ключевым вопросам истории лагерной Колымы.

Важной стороной его научной деятельности являлось восстановление правды о людях, незаконно репрессированных в 30–40-е гг., и развенчание устоявшейся в прошлом колымской мифологии, которую без критического анализа до сих пор используют некоторые исследователи как реальные факты истории.

Подробный анализ региональных работ по истории Дальстроя содержится в статьях и рецензиях А. Г. Козлова, А. И. Широкова, В. Г. Зеляка, С. А. Шулубиной, И. Д. Бацаева, А. С. Ващук, поэтому не будем повторяться[18].

---

[17] *История* Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М. : Мысль, 1989. – 492 с.; *История* Магаданской области с древнейших времен до конца XIX в. – Магадан : Кн. изд-во, 1976. – 95 с.; *История* Магаданской области с начала XX века по 1937 год. – Магадан : Кн. изд-во, 1991. – 149 с.; *Мухачев Б. И.* Начало промышленного освоения Колымы (1928–1937) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1970. – Вып. 8. – С. 69–79; *Он же.* Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1936 гг.). – Магадан : Кн. изд-во, 1987. – 190 с. и др.; *Николаев К. Б.* Тяжелый металл, или Как родился, жил и умирал Дальстрой // На Севере Дальнем. – 1989. – № 2. – С. 54–83 и др.; *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки. – Новосибирск : Наука, 1973. – 178 с. и др.; *Нефедова С. П., Бубнис Г. К.* Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР // Колыма. – 1978. – № 7–8. – С. 15–20; *Очерки* истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. – Новосибирск : Наука, 1974. – 446 с.; *Рощупкин Г. Г.* Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917–1953 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. – Магадан : Кн. изд-во, 1971. – С. 5–80 и др.

[18] *Козлов А. Г.* Рец. на кн.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / Об-во «Мемориал»; ГАРФ / сост. М. В. Смирнов; ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рачинский. – М. : Звенья, 1998. – 600 с. // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – С. 194–197; *Он же.* Рец. на кн.: Паперно. Ленд-лиз. Тихий океан. – М. : Терра-Кн. клуб, 1998. – 368 с. // Там же. – С. 197–200; *Он же.* Рец. на кн.: За нами придут корабли: список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. – Магадан : Кн. изд-во, 1999. – 215 с. // Там же. – С. 200–204; *Он же.* Рец. на кн.: Лесняк Б. Н. Я к вам пришел! – Магадан : МАОБТИ, 1998. – 296 с. // Там же. – С. 204–208; *Он же.* Рец. на кн.: Кузьмина Марина. Я помню тот Ванинский порт… / Комсомольск-на-Амуре, отделение Российского об-ва «Мемориал». – Комсомольск-на-Амуре, 2001. – 127 с. // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 262–269; *Он же.* Рец. на кн.: Мета В. И., Диденко В. В. Жертвы Колымы. Магадан : Документальные очерки и рассказы. – Магадан : МАОБТИ, 2000. – 304 с. // Там же. – С. 269–274; *Он же.* Рец. на кн.: Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан : Кордис, 2000. – 151 с. // Там же. – С. 274–284; *Он же.* Рец. на кн.: Шулубина С. А. Система Севвостлага. 1932–1957 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Томск, 2003. – 28 с.; *Он же.* История золотодобывающей промышленности Дальстроя в работах магаданских исследователей последнего десятилетия (1996–2005) // IV Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 209–211 и др.; *Широков А. И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан : Кордис, 2000. – С. 4–14; *Он же.* К вопросу о концептуальных основах исследования деятельности Дальстроя // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 30–35 и др.; *Зеляк В. Г.* Пять металлов Дальстроя : История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX вв. / Магадан. фил. Ин-та упр. и экономики (г. С.-Петербург). – Магадан : Кордис, 2004. – С. 6–23 и др.; *Бацаев И. Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953 гг.) Дальстрой. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 5–10; *Ващук А. С.* История Северо-Востока России второй половины XX в. в трудах дальневосточных историков постсоветского периода // Наука Северо-Востока России – начало века : Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти акад. К. В. Симакова и в честь его 70-летия. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2005. – С. 545–548; *Райзман Д. И.* Помним вас, земляки. – Магадан : Изд-во СМУ, 2005. – 155 с.; *Он же.* Очерки истории Северо-Востока России в период массовых репрессий (30–50-е гг. XX в.). – Магадан : Кордис, 2006. – 99 с.

В целом отметим следующее. В многочисленных научных статьях (особенно о репрессивной политике и лагерях Дальстроя) из года в год перепечатываются одни и те же факты и события, в подавляющем большинстве касающиеся периода 30-х – начала 50-х гг. XX в., что свидетельствует об определенном застое в региональной исторической науке. Детализация различных аспектов истории этого периода необходима, но при ближайшем рассмотрении она оказывается подчас «забытым» старым.

Источниковая база истории Дальстроя фактически не расширяется, а ее недостаток в ряде работ компенсируется за счет привлечения сомнительных не проверенных по архивам материалов, на основе которых делаются далеко идущие выводы.

Например, святая вера в полную достоверность воспоминаний бывших заключенных (без критического осмысления) иногда приводит не только к искажению происходивших событий, но и к прямой фальсификации. Об этом неоднократно писал А. Г. Козлов и свидетельствует личный опыт сбора информации и общения с бывшими заключенными на Чукотке и Колыме начиная со второй половины 1960-х гг.

В анализе репрессивной системы преобладает односторонний уклон обличения сталинского режима, что в принципе правильно, но по ряду аспектов, конкретно касающихся обстановки на Колыме, особенно в послевоенный период, не соответствует действительности. Невинно репрессированные, спецпереселенцы и тому подобные категории заключенных – это одна сторона медали, а хронические бандиты и убийцы, рецидивисты, которые составляли подавляющее большинство в лагерях УСВИТЛа в конце 40-х – начале 50-х гг., – другая.

Некоторые попытки аналитического обобщения этого периода в рамках дальневосточного региона и зоны Севера выглядят неубедительно, так как обильное цитирование опубликованных в разное время работ не дает ничего нового без введения в научный оборот ранее неизвестных источников, качественно меняющих или дополняющих историческое знание.

Процесс образования Магаданской области и проблемы социально-экономического развития народного хозяйства во второй половине 50-х – середине 60-х гг. исследован фрагментарно, на уровне отдельных отраслей и направлений[19].

Значительный вклад в детализацию различных аспектов истории Магаданской области внесли А. С. Навасардов, С. П. Ефимов, М. С. Райзман, Д. И. Райзман, И. Н. Паникаров, А. М. Бирюков, Т. В. Веркина, С. М. Мельников, В. М. Хлыпалов и др.[20].

Целью данной работы является историческая реконструкция и комплексный анализ основных процессов социально-экономического развития территории Магаданской области в указанный период; кроме того, эту монографию автор предполагает использовать при составлении коллективной монографии лаборатории истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН «История Магаданской области с древнейших времен до наших дней».

Источниковую базу Очерков составляют архивные документы и материалы ГАМО, ЦХСД МО, ГАКО, ОАО «Северовостокзолото», УФСБ, Ведомственного архива Магаданского АПК и ранее опубликованные статьи, монографии, специальная литература.

В цитатах сохраняются стиль, синтаксис и шрифтовые выделения подлинника.

---

[19] *10 лет* Магаданской области. – Магадан: Кн. изд-во, 1963. – 210 с.; *Северо-Восточный* экономический район. – Магадан : Кн. изд-во, 1965. – 319 с.; *Советы* Северо-Востока СССР (1962–1982 гг.) : сборник документов и материалов / под общ. ред. чл.-кор. А. Н. Крушанова. – Магадан : Кн. изд-во, 1986. – Ч. 3. – 359 с.; *История* Чукотки…, 1989. – 492 с.; *Северо-Восток* России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – 105 с.; *Логвинова И. В.* Особенности местного управления на Северо-Востоке России в условиях деятельности Дальстроя (1931–1957) // Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. чл.-кор. РАН Н. Н. Дикова. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 241–247; *Веркина Т. В., Козлов А. Г.* К вопросу образования Магаданской области // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 111–117; *Козлов А. Г.* У истоков Магаданской области (к 50-летию образования) // III Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 28–45; *Шершакова Е. М.* Особенности формирования населения Магаданской области в годы интенсивного промышленного освоения территории (30–70-е гг. XX в.) // Там же. – С. 54–59; *Бацаев И. Д.* Из истории становления и развития внешнеэкономических связей Магаданской области во второй половине XX в. // Там же. – С. 130–138; *Круглов Ю. В., Козлов А. Г.* Здравоохранение Магаданской области (1953–2000) // Там же. – С. 143–148; *Толоконцева В. В., Козлов А. Г.* У истоков науки Северо-Востока России. Из истории ВНИИ-1 (1940–1960) // Там же. – С. 148–154; *Исаков А. Н.* История торговли на Северо-Востоке России (XVII–XX вв.). – Магадан : Кн. изд-во, 1994. – 260 с.; *Бацаев И. Д.* Агропромышленный комплекс Северо-Востока России 1954–1991 гг. (Этапы развития, особенности, эффективность). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 144 с.; *Он же.* Основные направления развития социальной сферы Магаданской области во второй половине 50-х гг. XX в. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. – 2005. – № 2. – С. 72–82; *Он же.* Народнохозяйственный комплекс Магаданской области (50-е гг. XX в.) // Там же. – С. 76–86.

[20] Например: *Навасардов А. С.* Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932–1937 гг. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2002. – 184 с.; *Он же.* Освоение…, 2004. – 211 с. (и ряд статей по истории автомобильного транспорта и дорожного строительства); *Ефимов С. П.* Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области. Ч. 1. Горнодобывающая промышленность Дальстроя (1931–1957 гг.). – Магадан : Кордис, 2002. – 183 с. и др.; *Райзман Д. И.* Помним вас…, 2005. – 155 с.; *Колымский* гуманитарный альманах. – Магадан : Кордис, 2006. – Вып. 1. – 182 с.

Глава 1
РАЗВИТИЕ ОХОТСКО-КОЛЫМСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

1.1. Формирование органов местного самоуправления и их деятельность в годы новой экономической политики

В конце XIX – начале XX в. коренное население Охотско-Колымского края вело традиционный, сложившийся веками образ жизни, занимаясь оленеводством, морским зверобойным промыслом, охотой на пушного зверя и рыболовством.

Контакты с внешней цивилизацией носили фрагментарный характер, на уровне элементов материальной культуры (огнестрельное оружие, предметы утвари и т. д.), но оказали положительное влияние на условия труда и быта. Например, морские охотники стали использовать компас, косой парус, тали и блоки для подъема тяжестей.

Культурно-информационные связи были крайне слабы и ограничивались миссионерской деятельностью Русской Православной Церкви. Отметим, что в отличие от чукчей, на которых процесс христианизации не оказал ощутимого влияния, кроме обрядовой стороны крещения, эвены, чуванцы и юкагиры восприняли православие. Они начали носить русские имена и фамилии, в их жилищах появились иконы, но они продолжали соблюдать языческие обычаи, а шаман оставался ключевой фигурой туземного общества[21].

В 40–50-е гг. XIX в. на Охотском побережье были открыты первые приходы – Тауйская, Ямская церкви, а в с. Армань и Ола – часовни. Создателем Тауйской церкви был миссионер С. К. Попов, прослуживший более12 лет. Он знал эвенский язык и выпустил на нем несколько книг. Тауйский приход состоял из селений Ямск, Ола, Армань. Для строительства новых церквей священники старались привлекать наиболее зажиточных жителей. Например, на пожертвования эвена П. Г. Хабарова и его родственников в конце XIX в. были обустроены часовни в Сиглане и местечке «Изба» и возведены новые здания Тауйской и Ямской церквей. В 1897 г. Ольский приход состоял из 84 оседлых эвенов. В дальнейшем кочевые оленеводы были распределены между приходами Ольской, Тауйской и Ямской церквей.

Накануне революции в Ольской волости действовали 3 церкви и 5 часовен, а в Гижигинском уезде – 2 церкви и 2 часовни. Общее количество прихожан превышало 3 тыс. чел.[22].

Государственные органы исполнительной власти и управления территорией по объективным причинам не могли влиять ни на экономику, ни на общественное устройство народов Севера. Их деятельность ограничивалась политикой невмешательства в хозяйственные дела, сохранения баланса групповой идентичности и миссионерской деятельностью.

В конце XIX в. у народов, составлявших туземное общество, естественным путем завершился период парциации и сепарации, и они вступили в этап межэтнической интеграции и консолидации. Это было связано с необходимостью упрочения их общей социальной, хозяйственной и культурной жизни.

В результате многовекового естественного отбора возникла по-своему уникальная культура взаимодействия человека и природы, позволившая ему не только выжить, но и рационально развивать свое хозяйство, устойчивость которого во многом зависела от ряда факторов объективного (природного) и субъективного характера.

Например, голодовки 1877, 1888, 1889 г. охватывали в основном оседлое население, главным занятием которого было рыболовство, охота и добыча морского зверя.

С одной стороны, это было связано с цикличностью подхода рыбы, нехваткой и несовершенством орудий лова и т. д., а с другой – с активизацией американских китобоев, в результате которой резко сократился подход китов и морского зверя. Сочетание внутренних и внешних факторов приводило к серьезной дестабилизации туземного хозяйства – *«часто с половины лета люди питались древесиной, корой и шкурами»*[23].

---

[21] *История* Чукотки. – М. : Мысль, 1989. – С. 121.

[22] *Хаховская Л. Н.* Из истории Русской Православной Церкви на Охотском побережье (XIX – начало XX в.) // Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. чл.-кор. РАН Н. Н. Дикова. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 170–176.

[23] *Чикин С. Н.* Охрана здоровья народностей Севера. – М. : Медицина, 1974. – С. 23.

В то же время суровые условия Севера наложили отпечаток на сознание людей, стимулировали процесс взаимопомощи и объединения против стихий природы.

В кризисных ситуациях кочевники-оленеводы раздавали оленей прибрежному населению, «*не давали людям умереть с голода*»[24].

В конце XIX в. натуральное хозяйство народностей Севера все больше приобретало черты общественного производства с элементами товарных отношений в форме обмена и своеобразный дуализм в развитии форм собственности и распределения – сочетание частной и общинной собственности, и частично индивидуального, уравнительного распределения.

Особенно это было характерно для морского промысла и рыболовства, когда рыбаки и охотники объединялись в простейшие артели и вели промысел совместно. Зачатком простейшего производственного кооперирования оседлых сельских общин Охотского побережья являлись байдарные артели и «рыболовские заводы» – рыболовецкие артели.

В основе таких коллективов лежали семейно-родственные отношения, но при распределении учитывались все члены общины по уравнительному принципу. В то же время при коллективной охоте на кита или моржей ценная продукция, имевшая товарное значение, принадлежала хозяину байдары. Он получал голову с бивнями и шкуру первого убитого моржа. При дележе китового уса собственник байдары оставлял себе самую лучшую и длинную полосу, имевшую большую ценность в торговле. Другую полосу получал охотник, нанесший смертельный удар киту, а менее ценный ус распределялся между сородичами.

В охотничьем промысле каждый охотник уже являлся собственником добытой пушнины и мог пользоваться ее по своему усмотрению. Но убитый им мясной зверь по-прежнему принадлежал всей общине.

В речном рыболовстве «завод» состоял из баркасов, небольших лодок, неводов, сетей и другого рыболовецкого инвентаря. Пайщик, вступающий в артель с частью «завода», назывался дольщиком. Улов распределялся по личному вкладу, причем вступивший в артель без снастей получал четвертую часть рыбы.

А. В. Олсуфьев писал, что «*эти братские отношения, выражение которых мы видели на каждом шагу, явились также следствием изолированности этого маленького общества, находящегося под вечным страхом голода, грозящего здесь при стечении некоторых обстоятельств невероятными бедствиями*»[25].

Торговый обмен совершался на организованных русской администрацией ярмарках (Тауйская, Араковская, Ольская, Иньская, Ульинская) и на туземных «собраниях» и в «лагерях». На Колыме по р. Ясачная юкагиры и ламуты каждую осень, перед началом зимней охоты на белок, устраивали «сборища с деловыми сходами, увеселениями, массовой торговлей и т. д.»[26].

Однако отметим, что в процессе развития торговых отношений с русскими, якутскими и иностранными промышленниками в них стал все больше проявляться практический расчет. В. И. Иохельсон по этому поводу отмечал, что «*раньше, когда якуты-торговцы не ездили на Коркодон, ламуты давали юкагирам оленьи шкуры на одежду; теперь якуты все покупают и ламуты перестали давать*»[27].

Из среды народностей Севера стали выделяться посредники – главы семей, старосты общин, которые брали у купцов товары и перепродавали их в далеких стойбищах, обменивали на пушнину, раздавали в кредит.

На Охотском побережье среди торговых посредников выделялись: у аянских эвенов – староста В. Карамзин, у тауйских оседлых эвенов и камчадалов – Данилов, Трифонов, Якушков, Нифантьев[28].

Первый начальник Анадырского окружного управления Л. Ф. Гриневицкий называл посредников, работавших на Колыме и Чукотке, пройдохами и проходимцами. Он отмечал, что агенты продают вещи своим же братьям неимоверно дорого. Все эти люди черствые и несимпатичные.

В отличие от других районов Северо-Востока на Колыме, наряду с меновой торговлей, частично применялась денежная форма оплаты за доставку купеческих и правительственных грузов.

Таким образом, в начале XX в. народное хозяйство региона развивалось совершенно естественным путем, постепенно вовлекаясь в товарно-денежные отношения, имело сформировавшуюся на основе разделения труда структуру отраслей и своеобразную систему производственных отношений.

Н. Билибин отмечал, что в туземном обществе естественным путем сложилось стихийное повиновение богатству: «*Богатство Бог создал, нельзя бороться с ним. У нас так, мы все смотрим на хозяина, куда хозяин, туда и мы... потому, что мы едим и пьем у него*» [ГАКО, ф.р-146, оп. 1, д. 3, лл. 10, 12].

В то же время туземная «знать» – тойоны, старосты, старшины, назначенные и выборные, являлись лишь формальными представителями власти. При назначении старост решающим фактором была

---

[24]*Олсуфьев А. В.* Общий..., 1896. – С. 55.

[25]*Там же.* – С. 79.

[26]*Спиридонов Н. И.* Одулы (юкагиры) Колымского края // Сов. Север. – 1930. – № 9–12. – С. 176.

[27]*Иохельсон В. И.* По рекам Ясачной и Коркодону // Изв. РГО. – СПб, 1898. – Т. 34. – С. 283.

[28]*Исаков А. Н.* История..., 1994. – С. 95.

его родословная принадлежность. Такой человек обладал определенной моральной властью, но были и другие назначенцы, имевшие контакты с русской администрацией. Они разъезжали по стойбищам и устанавливали «русские порядки». В. В. Леонтьев приводил пример, записанный в пос. Энурмино: *«Он простой оленеводишко, только на Колыму своим оленьим обозом ходил... Где-то бумагу нашел... Побывав несколько раз на Колыме, от белых людей железку получил. С этой бумажкой и железкой к нам приехал, оказывается, его начальником сделали»*[29].

Кроме народностей Севера, в Охотско-Колымском крае постоянно проживали этнические потомки казаков-землепроходцев, основавших поселения в Нижнеколымске, Среднеколымске, Гижиге, Тауйске, Ямске. Они занимались традиционными видами хозяйственной деятельности, но в то же время пытались развивать огородничество и животноводство*.

Большой вклад в основу развития земледелия и разработку отдельных приемов агротехники внес политический ссыльнопоселенец Д. Я. Суровцев, сосланный на Колыму после 11-летнего одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости**.

В частности, он определил наиболее благоприятные сроки возделывания овощей и картофеля, отмечая, что *«на Колыме даже на неделю нельзя задерживаться с посевом»*[30].

В русских старожильческих хозяйствах в небольшом количестве выращивали картофель (с 1843 г.), капусту, репу, редьку, морковь, а с 1859 г. – горох, свеклу, редис, брюкву, а также пытались сеять ячмень, пшеницу, яровую и озимую рожь.

Однако в целом пришлое население надеялось только на помощь государства, а в местах ссылки уголовных преступников громадных размеров достигли пьянство, безысходная пассивность и иждивенчество, ведшие к разрушению хозяйства.

А. В. Олсуфьев писал, что *«в Гижиге и на Колыме думали принести пользу людям учреждением казенных складов хлеба и соли для продажи по дешевой цене и даже даровой раздачи в случае голода, но последствия не оправдали этой гуманной меры... Жители... стали смотреть на начальника, как на спасителя... Следствием этого, в связи с другими причинами, явились лень, пороки, нищета и, наконец, быстрое вымирание и вырождение русских, которые теперь уже не представляют задатков к улучшению»*[31].

Деятельность частного русского капитала в Колымском крае ограничивалась торгово-промысловыми операциями через агентов «Русского товарищества котиковых промыслов» и якутских купеческих торговых домов Кушнаревых, Коковина, Басова, Шевцова, Громовой и др. В 1911 г. для кредитования торговли, в том числе в районах Колымы и Охотского побережья, в Якутске организуется «Якутский городской общественный Н. Д. Эверстона банк», а в 1914 г. – фирмы «Северное торговое промышленное товарищество» и «Усть-Янское отделение».

Однако в начале XX в. влияние отечественного капитала в этих районах и в целом по региону стало снижаться, поскольку в 1899 г. иностранные подданные получили право вести торговлю на одинаковых основаниях с подданными Империи.

В результате такой политики русское купечество, несмотря на всю свою предприимчивость, не могло успешно вести конкретную борьбу с иностранными фирмами, располагавшими большими финансовыми и материальными ресурсами.

За 1910–1916 гг. доля иностранного капитала в снабжении и торговле в Камчатской области возросла до 90%.

Государственный сектор на Колыме, по сравнению даже с Чукоткой, большого развития не получил. Казенные магазины, склады и соляные хранилища были созданы только в Среднеколымске и Нижнеколымске.

В начале XX в. в прибрежной зоне население в основном по-прежнему занималось традиционными видами деятельности, связанными с освоением морских биологических ресурсов.

Рыболовство и морской зверобойный промысел в районах Охотского побережья в силу ряда причин носили потребительский натуральный характер. Добыча рыбы велась в устьях рек крайне примитивными орудиями. Так же, как и на Камчатке, применялись стационарные и подвижные запоры, черпаки, волосяные сачки (чиручи), железные крючки (марик), тильпушки (мешок с мелкими ячеями). Из-за отсутствия необходимых материалов невода и сети использовались очень редко. Наряду с рыболовством, большое значение в хозяйстве туземного населения имел промысел мелких морских ластоногих – нерпы, акибы, ларги, сивуча.

---

[29]*История* Чукотки..., 1989. – С. 130.

*По примерным подсчетам, в 90-х гг. XIX в. в низовьях рр. Колыма и Индигирка проживало около тысячи русских, на Охотском побережье и по Охотско-Якутскому тракту – несколько сотен.

**Колыма издавна являлась местом царской ссылки (Среднеколымск, Нижнеколымск) уголовных и политических преступников. Среди них Д. А. Клеменц, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, внесшие большой вклад в изучение Севера.

[30]*Иосифович Н. А., Татаренков М. И.* Земледелие..., 1968. – С. 15.

[31]*Олсуфьев А. В.* Общий..., 1896. – С. 69.

В 1900–1911 гг. вследствие распространения зоны деятельности Доброфлота активизации русских и особенно японских и американских торгово-промышленных организаций у оседлого населения Охотского побережья появились более совершенные орудия лова – сети, невода, лодки, кунгасы, вельботы. Увеличился ввоз фабричных товаров – игл, ножниц, средств для дубления кожи, специальных ножей для разделки морзверя, гарпунов и т. д.

Рост торговых отношений в сочетании с усилением промышленно-предпринимательской деятельности иностранных фирм способствовал улучшению материального положения коренного населения, но в то же время росла и его зависимость от поставок оружия, боеприпасов, охотничьего и промыслового снаряжения, предметов домашнего обихода.

Все большее значение приобретали традиционные ярмарки – Усть-Бельская, Еропольская, Анюйская, Ольская, Наяханская, Гармандинская и др. На них уже не только проводились торговые операции, но и часто решались важные вопросы межплеменных отношений.

После заключения рыбной Конвенции 1907 г. японские промышленники организовали «Общество морской промышленности в русских водах», которое получило неограниченное право промысла по всему Охотско-Камчатскому побережью протяженностью более 3600 км, от Уды до Гижиги, и по западному берегу Камчатки до м. Лопатка. На картах Японии Камчатка и Охотское побережье наносились как «земли, которые должны принадлежать великой Японии»[32].

Активизация японских рыбопромышленников привела к резкому снижению уловов кеты на Охотском побережье, что неоднократно ставило оседлое население в катастрофическое положение. Что касается русского капитала, то, как отмечал М. А. Сергеев, «*желающих работать в отдаленном, пустынном и неведомом Охотско-Колымском крае почти совершенно не было*»[33].

Только с 1911 г. пароходы Доброфлота стали совершать ежегодные рейсы через Берингов пролив к устью р. Колыма, что сразу снизило цены на сетеснастные материалы почти на 50%. Промышленный лов рыбы в районах Охотского побережья характеризовался сезонностью и незначительными объемами. Продукция заготовлялась по русскому способу (бочечный посол) и методом японского сухого посола (бара) и отличалась очень низким качеством. Местные жители делали из рыбы юколу – основной продукт питания населения, и так называемую кислую рыбу на корм собакам.

Другие способы – копчение, соление – практически не применялись. Осеннюю рыбу, добытую после заморозков, иногда подвергали заморозке в ямах, расположенных в реках и на отмелях, где она сохранялась в естественных условиях.

Таким образом, в начале XX в. промышленное рыболовство на Охотском побережье находилось в зачаточном состоянии. Хозяйственный комплекс кочевников-оленеводов в силу своей замкнутости не претерпел каких-либо значительных изменений[34]. Признаки кооперирования ограничивались формами совместного выпаса оленей (чаще всего в критических ситуациях) и более тесными межродовыми отношениями.

Накануне революции 1917 г. в ряде районов Охотского побережья отмечалось постепенное ухудшение состояния народного хозяйства.

Это было связано с тем, что начиная с 1916 г. русские предприниматели практически прекратили завоз продовольствия и промышленных товаров в Камчатскую губернию, в том числе и на Охотское побережье. В результате японские рыбопромышленники, американские китобои и различные торговые фирмы начали продавать самые необходимые товары по очень высоким ценам исключительно за пушнину.

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. в Колымском крае ситуация со снабжением продовольствием стала критической. В условиях безвластия и произвола торговые операции сосредоточились в руках якутских предпринимателей – Кушнарева, Коковина, Басова, Швецова и др., которые занимались экономическим грабежом местного населения. Резко снизились запасы на казенных складах и в магазинах. В 1919 г. на Ямском складе имелось 1083 пуда муки, а в середине 1920 г. это количество уменьшилось до 750 пудов. Аналогичное положение было на Туманском, Ольском и других складах и в магазинах[35].

Меры, предпринятые Ольским ревкомом под председательством И. Т. Бабцева по конфискации товаров у крупных рыбопромышленников (И. Ф. Соловей, И. Р. Рубинштейн и др.) и продаже их по фиксированным ценам, не могли улучшить ситуацию со снабжением населения.

После антисоветского переворота 1922 г. отряды Бочкарева окончательно разграбили кооперативные склады и магазины, в том числе якутского кооперативного союза «Холбос». Убытки только

---

[32]*Мухачев Б. И.* Борьба с иностранной экспансией на территории Магаданской области в ходе гражданской войны (1918–1923 гг.) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1962. – Вып. 4. – С. 46.

[33]*Сергеев М. А.* Народное..., 1936. – С. 219.

[34]*Попова У. Г.* Эвены Магаданской области. – М. : Наука, 1981; *Она же.* История и культура эвенов. Историко-этнографический очерк. – СПб. : Наука, 1997. – 197 с.

[35]*Исаков А. Н.* История..., 1994. – С. 103.

одного рыбопромышленника И. Ф. Соловья превысили 200 тыс. руб. На побережье хозяйничали иностранные торговые фирмы «Свенсон и К°», «Витенберг и Сайденберг», которым бочкаревцы сбывали конфискованную пушнину.

Разорение туземного хозяйства было связано не только с разбоями белогвардейцев, но и с первыми мероприятиями советской власти и деятельностью разного рода самозваных ревкомов, члены которых не имели даже элементарного понятия о целях и задачах социалистического строительства.

14 декабря 1919 г. в Охотске был организован военно-революционный комитет, а в феврале – в с. Ола. Председателем Ольского ВРК стал И. Т. Бабцев (эвен), заместителем – А. А. Кочеров (эвен), членами – И. А.Варрен (камчадал) и М. Наумов (русский).

Одновременно с Ольским ВРК создаются ревкомы в Тауйске, Ямске, Ирети и Туманах, а в конце 1920 г. – в Гижигинском уезде в селах Наяхан, Гижига и др. Они сразу начали устанавливать «советские порядки».

Присущие «военному коммунизму» конфискации, национализация, транспортная повинность, продразверстка, переросшие в откровенный грабеж, направлялись против крупных оленеводов, но сказались в первую очередь на беднейших слоях оседлого населения, разорив их хозяйства. Оленеводы, откочевав в труднодоступные районы, сохранили свои стада, но в дальнейшем относились к советской власти крайне враждебно, в лучшем случае настороженно и недоверчиво.

После разгрома бандформирований, терроризировавших местное население в период гражданской войны, в районах Колымы и Охотского побережья начался процесс создания органов исполнительной власти и советизации края.

Эта политическая задача являлась первостепенной, но трудновыполнимой, поскольку в районах Охотского побережья советская власть не имела ни социальной опоры, ни кадров, способных осуществить политику большевистской партии. Апробированный в других районах страны опыт формирования представительных и исполнительных структур с опорой на рабочий класс и сельскую бедноту в местных условиях оказался совершенно неприемлемым.

В этих условиях наиболее рациональной формой управления представлялись чрезвычайные органы государственной власти, наделенные полномочиями принимать самостоятельные решения, исходя из местных условий, без согласования (на первом этапе) с губернскими и уездными комитетами.

Такими органами были революционные комитеты, которые являлись звеньями советского государственного аппарата и выполняли функции «военно-пролетарской диктатуры» в годы гражданской войны, а в дальнейшем – в ряде районов России, где сохранялась повышенная социальная дестабилизация.

Наряду с поддержанием революционного порядка, подавлением буржуазных элементов, ревкомы были призваны решать комплекс проблем восстановления народного хозяйства и таким образом создавать условия для передачи всей полноты власти Советам*.

2 января 1920 г. Совет Рабочей и Крестьянской Обороны постановил: *«Ввиду изменения обстановки, исключающей необходимость иметь на местах параллельно действующие органы власти (ревкомы, исполнительные комитеты и военные комиссариаты), упразднить все губернские и уездные революционные комитеты, за исключением тех... мест, где не учреждены еще нормальные исполнительные органы»*[36].

К таким местностям, в частности, относились районы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, где ревкомы действовали до 1925–1928 гг.

14 июля 1923 г. *«приехавшими на пароходе "Кишинев" представителями Камчатского ГРК был учрежден Ольский ВРК»* [ГАМО, ф.р-39, оп. 1, д. 5, л. 211].

Председателем Волревкома был назначен И. Г. Бовыкин, членом – К. Н. Скорников, секретарем – А. А. Подпрятов. В селах Тауйск, Ямск, Армань, Туманы, Тахтоямск создавались сельские революционные комитеты (СРК). В 1924 г. СРК трех последних объединяются с Тауйским и Ямским сельревкомами.

Сельские революционные комитеты организовывались в селениях, имевших не менее 25 дворов, но эта норма могла быть понижена до 10–15 дворов по решению ВРК, исходя из местных условий. СРК являлся высшим органом власти в пределах данной территории и подчинялся Ольскому ВРК. После реорганизации в 1924 г. в состав ВРК входили Тауйский, Ямский сельревкомы, Туманский уполномоченный Ольского ВРК и Арманский уполномоченный Тауйского СРК.

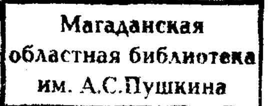
В феврале 1924 г. в ходе работы комиссии Охотского УРК Камчатской губернии прежний состав Ольского ВРК был снят и привлечен к уголовной ответственности *«за неправильное израсходование казенных сумм»* [Там же].

1 марта 1924 г. новым председателем Ольского ВРК назначается А. А. Кочеров, секретарем – А. И. Аникин. Тауйский СРК возглавил А. Д. Лопатин, Ямский – С. К. Кабаков, туманским уполномоченным был назначен А. В. Швецов, арманским – И. М. Токарев, а с 1 сентября 1924 г. – И. Н. Шахурдин.

---

*Положение ВЦИК о ревкомах от 24 октября 1920 г., Положение о сельских ревкомах, 1924 г.

[36]Собрание Уложений РСФСР. – 1920. – № 1–2. – С. 5.

В 1923–1924 гг. экономическое положение населения Охотского побережья, как и в целом по Камчатской губернии, оставалось тяжелым.

В справке губревкома «Грядущий голод на Камчатке», в частности, отмечалось, что *«все население, особенно камчадалы... истекший год оставались без хлеба, и если не умирали поголовно от голода, то только благодаря оленеводам, которые бесплатно снабжали их оленьим мясом... Во всех уездах большинство населения болеет цингой и другими болезнями. Из района Охотско-Гижигинского побережья о продовольственном деле (кроме г. Охотска) никаких сведений нет, но можно полагать, что в этом районе оно обстоит так же, как и в других районах области, если не хуже, т. к. в этот район не было до сего времени отправлено ни одного парохода с продовольственными грузами»* [ГАМО, ф.р-15, оп. 1, д. 1, л. 100].

Положение усугублялось еще и тем, что после посещения волости японскими пароходами, зафрахтованными Центросоюзом, среди населения в Ямске, Сиглане и Ирети началась эпидемия чумы и испанки. По приблизительным подсчетам умерло более 40 чел.

В 1922/23–1923/24 гг. ввозом товаров в Олу занимались торговые фирмы «Д. А. Холмс», «И. Ф. Соловей», «Олаф Свенсон и К°», «Гиббард и Свенсон» и развозные торговцы Ф. М. Яковлев, Н. Г. Якушков, М. П. Александров, А. Г. Богданов, И. Е. Юмаков, И. Г. Бобакин. Их деятельность жестко контролировалась органами советской власти.

Каждый занимавшийся развозным торгом был обязан письменно заявить о себе начальнику милиции, представителю ВРК и СРК, иметь прейскурант товаров с указанием цен в золотых рублях, торговлю производить с 9 утра до 5 часов вечера. Запрещалась торговля различными «безделушками» (бисер, колокольчики и т. д.), а также спиртом.

31 октября 1923 г. пароходом Дальгосторга «Томск» для населения колымских районов были доставлены необходимые товары и продукты, но они реализовались только за пушнину и золото и не могли существенно повлиять на ситуацию.

16 февраля 1924 г. Камчатский губревком обязательным постановлением № 6 запретил развозную торговлю среди кочующего населения. Развозной торг разрешался только в селениях и стойбищах оседлых туземцев и на ярмарках при наличии регистрационных свидетельств. Все существовавшие ранее долги частным торговцам (ст. 31–33 Гражданского кодекса РСФСР) признавались кабальными и аннулировались.

Ввиду того, что развозная частная торговля была прекращена, население на побережье использовало рыбные запасы, но они были ничтожны из-за недохода рыбы в 1922 и 1923 г. Кроме этого, мука, завозившаяся из Японии (Хакодате), Китая (Шанхай), Аляски (Сиэтл) и Владивостока, была на исходе, а собственные источники продовольствия отсутствовали.

Люди находились *«в очень трудных материальных условиях, и весной 1924 года от недоедания было несколько заболеваний, причем в Ямске были даже случаи смерти от голода»* [ГАМО, ф.р-39, оп. 1, д. 229].

Таблица 1

Населенные пункты и количество населения
[ГАМО, ф.р-39, оп. 1, д. 5, л. 215]

Селение	Кол-во дворов	Оседлые, чел.	Удаленность, в верстах	Инородцы, чел.
Ола	49	288	–	529
Тауйск	35	241	От Олы 195	253
Ямск	51	292	От Олы 200	282
Армань	22	121	От Олы 150	–
Балаганное	14	57	От Олы 20	–
Туманы	5	27	От Ямы 300	–
Мельниково	–	–		–
Амахтон	6	18	От Тауйска 18	–
Тахтоямск	4	24	От Ямы 100	–
Иреть	3	8	От Ямы 60	–
Сиглан	2	6	От Олы 150	–
Монтыклей	1	2	От Тауйска 50	–
Накучан	4	Переменно	От Олы 120	–
Корнинга	2	Переменно	От Олы 120	–
Всего селений – 14	198	1089	–	1064

Перед Ольским ВРК, сельревкомами стояла очень трудная задача по организации снабжения, в первую очередь оседлого населения, продовольствием и предметами первой необходимости. Для определения нужных объемов поставок и формирования налоговой базы в 1924 г. был проведен первичный учет населения (табл. 1).

Среди оседлого населения преобладали тунгусы (эвены) – 1084 чел. Кроме них, жили русские – 734 чел., якуты – 116, корейцы – 6, обрусевшие американцы – 4, эстонцы – 2, 1 поляк, 1 татарин, 1 японец*. По данным учета 1924 г., у них имелось 219 лошадей, 177 коров, 2027 ездовых собак.

Было установлено, что более 90% оседлого населения занималось рыболовством и охотой на морского зверя (под-

*В документах 1924–1931 гг. неоднократно подчеркивалось, что цифры учета населения *«не вполне точны, т. к. точного учета смертности, а также прироста населения не имеется. Кроме этого, население не имеет постоянного места пребывания и зачастую целыми родами перекочевывает с территории Якутской Республики и из Гижигинского района».*

собным являлось скотоводство, пушной промысел, огородничество), а также случайными заработками – перевозками грузов, каюрством, пошивом одежды.

Отметим, что в период путины между местными жителями и вербованными договорниками возникали серьезные конфликты, так как *«каждый новый человек своей работой уменьшал их заработок во время рыбалки»* [ГАМО, ф.р-39, оп. 1, д. 5, л. 219]. Были случаи уничтожения рыболовных снастей, орудий лова и даже убийства японских рыбаков.

Экономическую основу хозяйства горных кочевников, учет которых носил приблизительный характер, составляли оленеводство и охота на пушного зверя, а у кочующих в прибрежной полосе – оленеводство, рыболовство и добыча морзверя. По неточным данным, оленеводы имели около 11 тыс. оленей. Кочевники были представлены 9 основными родами – Первым Уяганским, пятью Долганскими, Пятым Уяганским, Первым Деллянским и Отдельным Деллянским.

«По своему социальному положению бедняками являлись все, – отмечалось в отчете ВРК в 1924 г. – *среднего хозяина нет, есть только маленькое число небогатых кулаков. Взаимоотношения между оседлым и кочевым населением дружественны, обоюдная помощь в нуждах каждого, как, например, местное население, имея летом свой заработок от сдачи рыбы, помогает кочевникам снабжением всем необходимым. В свою очередь кочевники по гораздо меньшим ценам, чем посторонним, снабжают... оленьим мясом... и трений на этой почве и заявлений не поступает...»* [ГАМО, ф.р-15, оп. 1, д. 5, л. 136 об.].

По объективным причинам (отдаленность населенных пунктов друг от друга, кочевой и полукочевой образ жизни коренных жителей и т. д.) процесс организации местных органов власти был очень затруднен. Постоянных средств связи с УРК и ВРК практически не существовало.

Единственная грунтовая дорога в волость с примитивным мостиком вела из с. Ола к якутам, жившим по верхнему течению одноименной реки на расстоянии 7–15 верст. Все остальные дороги, тракты представляли собой не что иное, как зимний след первой нарты, а летом – горные, лесные и большей частью тундровые тропинки [ГАМО, ф.р-39, оп. 1, д. 5, л. 223].

«Связывающая Ольскую волость с Охотском телеграфная линия кончалась в селении Тауйск, в 200 верстах от волостного центра. Построена линия была в 1916 г. До ближайшего телеграфного отделения в с. Иня – 395 верст, а до Охотска – 493 версты. Это телеграфное отделение в Тауйске в последние годы являлось единственной реальной связью всех селений от Тауйска до Туманы, т. е. селений на расстоянии 700 верст с центром уезда», – отмечалось в отчете «О состоянии Ольской волости Охотского уезда Камчатской губернии» [Там же].

Естественно, что на первых порах координация действий по осуществлению мероприятий советской власти со стороны уездного, волостного и сельских революционных комитетов носила зачастую формальный, случайный характер.

Тем не менее с назначением нового руководства Ольский ВРК начал устанавливать новый экономический порядок. На основании циркуляров и приказов Охотского УРК деятельность японских и российских рыбопромышленников стала регулироваться с учетом интересов местного населения. В 1924 г. активность частного капитала стала возрастать. В Олу начали регулярно заходить торговые и промысловые суда, доставлявшие продовольствие и товары первой необходимости (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о регистрации пароходов и шхун, посетивших устье р. Ола в 1924 г.

[Там же. Л. 16]

Дата прибытия	Судно	Национальная принадлежность	Кол-во грузов, пуд	Дата отхода
15 июля	п/х «Даини-Каун-Мару»	Япония	50	16/VII в Ямск
16 июля	шх. «Брюханов»	СССР	912	16/VII в Охотск
20 июля	п/х «Даини-Каун-Мару» № 2	Япония	1850	20/VII в Хакодате
4 сент.	шх. «Брюханов»	СССР	–	То же
16 сент.	п/х «Индигирка»	То же	8000	8/IX в Охотск
19 сент.	п/х «Каисин Мару»	Япония	–	20/IX в Ямск
27 сент.	То же	То же	625	29/IX в Хакодате

Для получения разрешения на добычу рыбы и торговые операции в районах Камчатки и Охотского побережья японские рыбопромышленники обязывались вносить арендную плату Дальрыбе и получали «промысловые билеты» (патенты) в Приморском губфо с наценкой 50% добавочного сбора. Кроме этого, они уплачивали следующие сборы: при визировании документов за каждое навигационное свидетельство – 4 руб. 50 коп. золотом, патент о здравии – 7 руб. 50 коп., заверение доверенности – 3 руб. и за каждое лицо, направляемое на промыслы японского подданства, – 5 руб. От местных сборов (корабельных, маячных, консульских и т. д.) японские промышленники освобождались. Все товары, продукты, материалы, за исключением предметов роскоши и спирта, ввозились беспошлинно, безакцизно и безлицензионно. Японские суда обязывались заходить для визирования документов в один из портов: Петропавловск-Камчатский, Усть-Большерецк, Охотск, Совгавань. В Хакодате

начала действовать особая комиссия, которая выдавала разрешения только шхунам водоизмещением до 400 т.

Японцам запрещалась порубка леса вне лицензированных участков, однако отмечались многочисленные случаи незаконной рубки и вывоза леса без оплаты и пошлинных сборов.

Для осуществления контроля и пресечения контрабанды в приморских селах Ольской волости назначали сельских исполнителей, которые выполняли функции таможни.

Таможенная охрана состояла в том, чтобы в момент *«прихода парохода на рыбалку... следить к недопущению проникновения спиртных напитков, товаров заграничного производства, запрещенных к ввозу, и не пропускать на иностранные пароходы пушнину»* [ГАМО, ф.р-39, оп. 1, д. 5, л. 360]. Японским рыбакам разрешалось иметь для личного потребления 5 бутылок саке, а торговля спиртом полностью запрещалась.

Вывозить пушнину за границу допускалось исключительно по особым разрешениям, выдаваемым Охотским уездным бюро лицензий. При выдаче лицензии взимался 2%-ный сбор от стоимости: белка – 20 коп., волк – 2 руб., выдра – 10 руб., песец белый – 8 руб., медведь бурый – 3 руб., лисица красная – 5 руб. и т. д.

Согласно постановлению Дальревкома на территории Камчатской губернии с 1 октября вводился пушной налог в размере 5% от продажной стоимости. При отсутствии квитанции об уплате налога и клеймении пушнины скупщики и торговые агенты привлекались к уголовной ответственности с конфискацией имущества.

Так, представителями фирмы «И. Ф. Соловей» на пароходе «Кишинев» и шхунах «Альфа» и «Пенжино» в 1924 г. вывезено контрабандной пушнины до 100 тыс. руб.* За это по решению Ольского ВРК все имущество фирмы в селах Тауйск, Ола, Ямск было конфисковано. Аналогичным санкциям подверглись фирмы «Иден-Целлер», «О. Свенсон Импортный и Экспортный торговый Дом» и «Вирт».

Например, на складах фирмы «О. Свенсон» было реквизировано 1892 белки, 266 горностаев, 48 красных лисиц и т. д.

Основу экономики волости традиционно составляла добыча рыбы, большая часть которой вывозилась за границу. На побережье действовали 8 рыболовных и 5 засольных участков.

В 1924 г. на засолке работали 60 русских и 120 японцев и корейцев. Ими было заготовлено 582 700 шт. кеты, из них 520 000 шт. на вывоз. Местное население (450 чел.) занималось ловлей кеты и горбуши для собственных нужд и продажи японским и русским рыбопромышленникам по договорам.

Наряду с частным капиталом, к середине 20-х гг. активизировались и различные торгово-закупочные государственные и акционерные организации – Дальгосторг, ОКАРО, Охотсоюз, ДОС, ДКС. В 1923–1924 гг. были учреждены пушные фактории ОКАРО и Дальгосторга в селах Ола, Ямск, Туманы.

Продажа продуктов и товаров через фактории Дальгосторга производилась исключительно за пушнину, золото и другие ценности. Пушнина сдавалась представителям Сибдальгосторга (с. Ола) и комбината ОКАРО (фактории в Оле и Ямске) и вывозилась за границу.

На основании постановления Дальревкома № 96 от 16 января 1923 г. ОКАРО разрешалось свободно и беспошлинно ввозить товары из-за границы для продажи населению, в том числе железо, галантерею, хлеб, зерно, муку, мясо, свечи, стекло, спички, табак, консервы. Полностью запрещался ввоз спирта и алкогольных напитков, а также торговля ими среди туземного населения.

В связи с относительным ростом торгово-промышленных операций Ольский ВРК приступил к организации первых трудовых товариществ, единых потребительских обществ (ЕПО), комитетов крестьянской общественной взаимопомощи (ККОВ) и комитетов содействия советской власти (комсод)**.

Членами крестьянских обществ могли быть только граждане РСФСР, проживающие в сельской местности, не использующие наемный труд и не лишенные прав по суду. Им предоставлялись кредиты на обзаведение имуществом и льгота в отбытии натуральной повинности.

В марте 1923 г. учреждается кооператив в Ямске, 27 сентября – в Оле, 14 октября 1924 г. – в Тауйске, а также создаются продовольственные склады и запасные магазины (лавки) ЕПО.

При сельревкомах организовывались отряды самоохраны, поскольку, по данным Волревкома, в некоторых населенных пунктах появились бандитские шайки, которые *«старались провоцировать среди населения тайги угнетение тунгусов совластью и выдвигали требования автономии...»* [Там же].

В «Обращении Охотского УРК к населению Охотского уезда» подчеркивалось: *«Скрывшись от преследования Рабоче-Крестьянской Армии в необъятные дебри Сибирской тайги, кучка паразитов – торговцев, царских офицеров и прочих уголовных преступников, пытается сорвать мирную работу трудового населения уезда... Не верьте, товарищи трудящиеся, волкам в овечьей шкуре...*

Срок добровольной явки в органы революционной власти и сдачи оружия... 15 января 1925 г.» [Там же. Л. 293].

---

*В 1924 г. Снабдальгосторг и ОКАРО скупили пушнины только на 45 тыс. руб.

**Комсоды распущены в 1924 г. решением Охотского уездного ревкома от 30 декабря.

Однако дело было не в активизации контрреволюционных элементов и требовании автономии – «Тунгусия для тунгусов!», а в протесте населения против первых мероприятий советской власти в области финансов и налогообложения.

15 ноября 1924 г. прекращался прием в качестве оплаты серебра старой чеканки, а к 15 декабря обмен монеты на советские деньги. Устанавливался жесткий курс золотого рубля, который равнялся 2 руб. 50 коп. мелкого серебра царской чеканки, 1 доллару 10 центам США, 1 японской иене, 75 коп. за банковский рубль и 1 руб. 80 коп. за 1 золотой доллар США. Соответственно резко возрастали цены на продукты, товары и снижалась покупательская способность населения.

Кроме этого, вводились меры и явно противозаконного характера. Так, каюрская гоньба при перевозке грузов оценивалась в 15 коп. с версты-нарты, а работники советских организаций перевозились бесплатно. В решении Ольского ВРК говорилось, что перевозка почты, агентов власти, служебные командировки должны исполняться населением как трудовая повинность без оплаты прогонных нарт.

Население было обязано платить следующие налоги: 5% от стоимости пушнины, с лошадей – 50 коп. в год, охотничьих собак – 5 руб., ездовых (с 1 гол.) – 1 руб., надбавка к стоимости охотничьего патента – 50 коп., сбор на право использования огнестрельного оружия – 1 руб., разовый сбор за право подвижной торговли – 10 руб. и т. д. Не имея совершенно в своем распоряжении местных сметных сумм, ВРК постановил ввести по всей волости обложение пойманной рыбы (по 1 коп. со штуки) и обложить ввоз и вывоз всякого рода грузов через морскую границу по 2 коп. с пуда, а также установил дополнительные сборы за выпас скота, регистрацию гражданского состояния, усадебные земли и даже вечеринки. Члены сельревкомов, среди которых многие «оказались опороченными» по суду и юридически неполноправными, творили явное беззаконие. Процветало пьянство и взяточничество.

Размах произвола местных властей был настолько велик, что Дальревком потребовал *«принять решительные меры к прекращению незаконного налоготворчества»* [ГАМО, ф.р-15, оп. 1, д. 3, л. 48].

Распоряжением Дальревкома № 26/2490 от 10 декабря 1924 г. запрещалось взимать с населения какие-либо налоги и сборы, кроме установленных декретами и постановлениями центральной власти. К ним относились государственный подоходно-имущественный и единый сельскохозяйственный налоги. Подоходный налог были обязаны платить все граждане, проживающие в селениях и имеющие самостоятельные доходы к 20 сентября 1924 г. Не имевшие постоянной оседлости облагались налогом по месту их регистрации. От подоходного налога освобождались инвалиды, женщины, имевшие детей до 14 лет, и граждане, проживающие на иждивении, а также красноармейцы и милиционеры.

Единый сельхозналог взимался со всего сельского населения, занимавшегося сельским хозяйством, промыслами и прочими побочными заработками, а также с кочующего населения.

Налог исчислялся с каждого хозяйства: единоличного, советского и коллективного на одинаковых основаниях. За единицу обложения принималась 1 гол. крупного рогатого скота, к которой приравнивались 1 лошадь, 4 оленя и 4 ездовые собаки.

Такая экономическая политика советской власти закономерно привела к акциям стихийного протеста – отказам от уплаты налогов, забою скота и ездовых собак, угону оленьих стад в труднодоступные районы и т. д. В отчете Ольского ВРК признавалось, что сельхозналог серьезно подорвал домашнее и сельское хозяйство. Аналогичное положение было и в других районах Камчатской губернии. В результате экономическая политика была скорректирована.

В циркуляре Охотского УРК № 75 от 11 октября 1924 г. говорилось: *«Сообщается для сведения и исполнения, что согласно ходатайства Губревкома Дальревком постановил: 1) в текущем году единый сельхозналог в Камчатской губернии не проводить; 2) отнести всю Камчатскую губернию к промысловому району»*. Были отменены различные сборы на право охоты на пушного зверя, за регистрацию оружия и пр., а 14 апреля 1925 г. решением Охотского УРК (во изменение циркуляра от 27 марта 1925 г. № 1385) тунгусы-кочевники освобождались от всех видов налогов. Кроме этого, с 10 января 1925 г. с оседлого населения, занятого добычей рыбы, списывалась вся кабальная задолженность перед японскими и отечественными промышленниками.

16 октября 1925 г. было принято специальное Постановление ВЦИК и СНК СССР «О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины Союза ССР». В нем говорилось: *«Временно освобождаются от всех прямых общегосударственных налогов и сборов, а равно от всех местных налогов и сборов все граждане, принадлежащие к следующим племенам... на территории Дальне-Восточной области – гольды, орочи, ольчи, чуванцы, коряки, чукчи, камчадалы, тунгусы, а также все граждане, принадлежащие к эскимосским племенам»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 17, л. 96].

Льготы не распространялись на лиц, занимавшихся как профессией скупкой за свой счет для перепродажи продукции местных промыслов.

От подоходного налога освобождались торговые и промышленные предприятия коренных жителей, а также единоличные ремесла и промыслы, а в случае их занятия сельским хозяйством и от уплаты сельскохозяйственного налога.

В Постановлении ВЦИК и СНК «О самообложении населения для удовлетворения общественных нужд» отмечалось, что *«в случае обнаружения принудительного характера сбора или других*

нарушений постановления местные исполнительные комитеты и органы прокурорского надзора немедленно дают распоряжение о воспрещении сборов... и в надлежащих случаях о привлечении к ответственности лиц, совершивших нарушение...» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, л. 44].

Охотский УРК своим распоряжением от 15 апреля 1925 г. вновь признал долги местного населения рыбопромышленникам кабальными и аннулировал все задолженности.

Следует отметить и такой факт, говорящий об изменении отношения советской власти к северным народам: в деловой переписке ревкомов и советских учреждений их перестали именовать инородцами, так как *«это являлось отражением политики угнетения... и шло вразрез с национальной политикой Рабоче-Крестьянского правительства»* [ГАМО, ф.р-15, оп. 1, д. 3, л. 65].

В середине 20-х гг. был предпринят ряд мер по стимулированию разведок месторождений золота и развитию старательской золотодобычи. На основании Постановления СНК СССР «О мерах к подъему государственной и частной золотопромышленности» от 23 сентября 1924 г. СТО СССР ввел новые «Временные правила разработки золотосодержащих участков вольными приносителями в Дальневосточной области». Циркуляром НКФ и ВСНХ СССР от 16 апреля 1925 г. отменялось взимание разведочного сбора со всех лиц, организаций и предприятий, как государственных, так и частных, проводящих разведки на золото на правах первого открывателя и специальных разведочных договоров. Для решения этой задачи была создана первая на Колыме Ольско-Янская трудовая горнопромышленная артель.

Принятые меры позволили стабилизировать положение в Охотско-Колымском крае и прекратить волнения среди оседлого населения.

Председатель Охотского УРК П. И. Дудко за так называемые перегибы в осуществлении ленинской национальной политики был освобожден от должности 21 июля 1925 г. (телеграмма зампредгубревкома от 17 июля 1925 г. № 501), а на его место назначался Демус.

4 января 1926 г. вышло Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании и районировании ДВК», в котором говорилось: *«Образовать Дальне-Восточный Край с центром в г. Хабаровске из губерний Забайкальской, Амурской, Приморской (северной частью Сахалина) и Камчатской, с переходом от губернского и уездного деления на окружную и районную»*. Соответственно Ольская волость была преобразована в Ольский район в составе Николаевского округа. Новая система административного деления строилась на основе экономического районирования страны. Ольский ВРК реорганизовался в РИК, в селах Ола, Гадля, Тауйск, Балаганное, Ямск избирались сельские советы, а в селах Туманы и Армань – председатели общих собраний граждан.

Избирательная кампания велась с декабря 1925 г. по апрель 1926 г. Для ее проведения был сформирован Ольский сельский избирком в составе Г. Г. Виннера, В. Н. Замиралова, М. Кабаковой. Председателями сельских избиркомов назначались: в с. Ола – Л. Л. Беляев, Тауйск – Д. И. Аруев, Балаганное – И. Д. Сорокин, Гадля – В. Е. Васильев, Ямск – С. К. Кабаков.

Среди кочевников проводилась разъяснительная работа по выборам родовых исполкомов.

Сельские и районный Советы избирались сроком на 1 год в селениях, имеющих не менее 40 жителей при норме представительства 1 депутат на 15 чел.

Районные съезды Советов формировались из представителей всех сельсоветов по расчету в Охотском районе 1 депутат на 50 чел. и в Ольском районе 1 на 100 чел. Право избирать и быть избранным в Советы имели все граждане СССР с 18 лет, за исключением лиц, прибегающих к наемному труду, живущих на нетрудовые доходы, а также частных торговцев, коммерческих посредников, монахов и служителей церкви, служащих и агентов бывшей полиции, особого корпуса жандармов и осужденных за корыстные преступления.

Избирательная кампания проходила под лозунгом: «Кто за Ленина – тот за Российскую коммунистическую партию!» В обращении Охотской избирательной комиссии говорилось, что *«каждый избиратель должен знать, кого избирать и строго разграничивать, кто его друзья и враги,...пролезет чуждый трудовому элемент: бывшие кулаки, социал-предатели и все другие паразиты, умеющие прикрываться благотворительностью и доброжелательством, отчего будет большой вред самому населению и советской власти...»* [ГАМО, ф.р-15, оп. 1, д. 3, л. 38].

I съезд Советов Ольского района начал свою работу 29 апреля 1926 г. в с. Ола и носил организационный характер утверждения органов советской власти.

Органы туземного управления создавались на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 1926 г. «Об утверждении положения об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР» и включали в себя: родовые собрания, родовые Советы, районные туземные съезды, районные исполнительные туземные комитеты (табл. 3).

Общему родовому собранию предоставлялось право избрания родовых Советов, депутатов на районные съезды Советов, решения вопросов по охране здоровья, а равно имеющих для данного туземного объединения хозяйственное и культурно-просветительное значение, а также прием новых членов в тузобъединения.

Делегаты съезда отмечали, что экономическое положение населения находится в очень тяжелом состоянии. Делегат А. Громов прямо говорил о полном обнищании тунгусов.

Н. Трифонов подчеркивал, что все местное население беднеет. Даже богатые оленеводческие хозяйства приходят в упадок. Жители Ямска, Тахтоямска, Ирети просто голодали – *«сидят без муки и самых необходимых продуктов»* [ГАМО, ф.р-15, оп. 1, д. 3, л. 38].

Съезд постановил, что основным направлением выхода из кризиса является кооперативное движение. *«Вопрос развития кооперации в настоящее время имеет первостепенное значение»* [Там же].

Таблица 3

Родовые Советы Ольского района в 1926 г.*

Сельсовет	Родовые Советы	Семей	Местонахождение
Тауйск	Четвертый Долганский род	12	Тауйск
Ямск	Пятый Долганский род	15	Тауйск
Армань	Пятый Уяганский род	15	Ола
Туманы	Первый Долганский род	42	Ола
Гадля	Второй Долганский род	28	Ямск
Тахтоямск	Третий Долганский род	36	Ямск
Тахтоямск	Первый Деллянский род	30	Ямск
Тахтоямск	Отдельный Деллянский род	7	Ямск
Тахтоямск	Первый Уяганский род	23	Ямск

Особое внимание уделялось крестьянским обществам взаимопомощи (КОВ)** и промысловым товариществам.

Главное экономическое управление ВСНХ СССР разъясняло, что, согласно декрету ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. о промысловой кооперации, трудящимся предоставляется право образовывать кооперативные товарищества или артели в целях занятия однородным производством. Понятие однородности трактовалось не как узкоюридический термин, а как хозяйственно-экономический.

В 1926 г. организуются Ольское, Ямское, Тауйское промыслово-кооперативные товарищества Всероссийского союза охотников (ВСО). Ольское ЕПО в марте 1926 г. реорганизуется в Ольское районное товарищество ВСО.

В целях привлечения населения на сторону советской власти 2 марта 1926 г. в с. Ола открылась туземная торговая ярмарка.

Перед крестьянским обществом ставилась в первую очередь политическая задача *«по осуществлению политики советской власти в области организации массовой советской общественности на селе и сплочению батрачества, бедняков и середняков»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 56, л. 44].

Однако, кроме торговых операций с пушниной и сезонного рыболовства, кооперативы ничем не занимались. Что касается кочевников, то *«среди них никакой работы не велось, и они жили сами по себе»* [Там же. Д. 30, л. 264].

Например, во время съезда кочевников-тунгусов на ярмарку ими был совершен самосуд (порка розгами) над одним из сородичей за совершенное им преступление – присвоение подарков и убой трех чужих оленей. Тунгусы мотивировали это тем, что самосуд у них установлен исстари, и считали, что такой порядок должен сохраняться и при советской власти.

Итоги первых лет советизации Колымы были подведены на II районном съезде Советов Ольского района 6–9 апреля 1927 г., в работе которого приняли участие и кочевники-оленеводы пяти тунгусских родов (табл. 4).

Открывая заседание, председатель райисполкома М. Д. Петров сказал: *«В других местах Советского Союза уже давно собираются вот так, как мы собираемся... Там жизнь улеглась... У нас этого нет. Наш район находится в неопределенности и в части путей экономического развития, и в части культурного развития, и во многом другом... Слишком много нужно положить трудов и энергии, чтобы хотя бы немного двинуться вперед...»* [Там же. Л. 261].

Таблица 4

Кочевники, принявшие участие в выборах

Род	Семей	Кол-во чел.	Избиратели	% участников
1-й Уяганский	54	205	138	19,5
2-й Долганский	60	273	174	18,9
4-й Долганский	12	58	43	41,8
5-й Долганский	20	103	66	33,3
5-й Уяганский	14	80	42	44,2
Всего	160	716	464	25,6

Съезд начал свою работу в неполном составе, так как 4 тунгусских рода (1-й Долганский, 3-й Долганский, 1-й Деллянский, Отдельный Деллянский) отказались прислать делегатов.

В отчете Ольской районной избирательной комиссии о перевыборах в Советы подчеркивалось, что *«по прибытии на стойбища председателя райизбиркома для проведения выборов... они*

*В селах Ола, Гадля, Тауйск, Балаганное, Ямск избирались сельские Советы; Туманы, Армань – председатели общих собраний граждан.

**ОблКОВ организован постановлением Дальревкома от 8 августа 1923 г. № 441 на принципе представительства от организаций: Дальбюро ЦК ВКП(б), РККА, РКСМ, Наркомзем, Наркомздрав и РОКК под председательством Г. М. Гамарника.

категорически отказались от выборов родовых советов и от посылки делегатов на съезд, и никакие доводы и уговоры не могли на них повлиять...» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 30, л. 335 об.].

Объясняя такое положение, М. Д. Петров говорил на съезде, что *«выступала группа тунгусов, исключительно старост, старшины и их подвижники, и как яростно распинались, что им не нужно ни райисполкома, ни кооперативов, ни фельдпунктов, ни школ... Съезд должен сказать свое веское слово... и осудить действия кучки руководителей-крикунов, бывших старост, поддавшихся провокации, наслушавшихся тех подонков и негодяев общества, которые просачиваются в тунгусскую массу и проводят свою гнусную и подлую работу... Разве можно допустить, чтобы тунгус мог думать, что раньше ему жилось лучше»* [Там же. Л. 262, 262 об.].

Делегаты заклеймили позором тунгусов этих родов, заявив, что, отказавшись от выборов, они *«тем самым наложили на себя грязное пятно и противопоставили себя всем трудящимся Советского Социалистического Союза Республик»* [Там же].

Говоря о развитии кооперативного движения, председатель райисполкома констатировал: *«У нас есть 4 охоттоварищества фактически, но юридически нет ни одного... Работают кооперативы чрезвычайно слабо, т. к. они находятся в полной зависимости от факторий Госторга... Кооперативы и кресткомы стараются от нас улизнуть, мы-де сами по себе, а РИК сам по себе. В таком случае мы будем вынуждены насильно заставлять принимать наши решения»* [Там же. Л. 263].

Созданные в 1925 г. крестьянские комитеты никакой советской работы не вели. *«Наши кресткомы, можно сказать, мертвы благодаря неопытности и инертности самого населения, ко всякой общественности и нововведениям оно настроено отрицательно или пессимистически»*, – отмечалось в резолюции съезда [Там же. Л. 264].

Серьезная проблема была и в области снабжения, где работники Дальгосторга творили произвол и беззаконие. Например, заведующий Ямской факторией на заседании сельсовета, стуча кулаками по столу, кричал: «Захочу – и не дам Вам муки и заморю Вас голодом!» Заведующий Ольской факторией ДГТ Вульфсон набросился с топором на председателя кресткома, заставлял каюров за бесценок перевозить грузы и т. д. В ответ тунгусы заявили, что если это не прекратится, *«то против вас пойдут все тунгусы и якуты»* [Там же. Л. 265].

РИК не располагал практически никакой информацией и о хозяйстве кочевников: *«Увы, у нас даже приблизительных данных нет. Кочевники, напуганные налогами, не говорят нам правды»* [Там же. Л. 269].

На съезде подчеркивалось, что *«ведь едва ли есть среди нас тот, кто может сказать, что мы можем предпринять для улучшения экономики кочевников... Мы можем содействовать переходу на оседлость... рекомендовать производить лов рыбы для продажи, но все это в далекой перспективе»* [Там же].

Оленеводы по-прежнему управлялись старостами, старшинами с «закваской дореволюционного времени» и жили, сохраняя свой хозяйственный уклад и обычаи.

Продукция пушного промысла в неопределенном количестве уходила контрабандой через рыболовные участки в обмен на спирт (за 1 бутылку давали 15–20 белок), а добыча морского зверя велась только в необходимых для хозяйства объемах.

Исходя из создавшегося положения, съезд выработал программу действий на ближайшее время на принципах новой экономической политики. Для улучшения экономического состояния оседлого населения предлагалось наладить самостоятельную обработку рыбы, вести добычу морского зверя в промышленных целях, развивать животноводство и огородничество до пределов удовлетворения собственных потребностей.

Поскольку, что *«никаких определенных данных об экономике кочевого населения не имелось»*, съезд по этому вопросу ограничился общими пожеланиями всячески развивать оленеводство [Там же. Л. 274].

II съезд избрал новый состав РИКа. В него вошли: М. Д. Петров, Ю. Л. Рудковский, С. И. Тобоев, И. П. Шелудяков, Н. А. Шиндориков, Д. Н. Дмитриев (якут), М. И. Федотов (тунгус), Н. Попов (тунгус), А. А. Кочеров (тунгус).

Анализ первых лет советизации Охотско-Колымского края указывает на то, что после первых попыток грубого вмешательства в туземное общество в дальнейшем органы советской власти ориентировались в основном на эволюционный путь развития в рамках новой экономической политики с учетом исторически сложившегося уклада жизни населения.

В период нэпа взаимоотношения власти с местным населением и частным капиталом регулировались специальными договорами, имевшими юридическую силу и исключавшими произвол и беззаконие.

Например, рыбопромышленники И. Р. Рубенштейн и Е. Ф. Вирт обязывались принимать рыбу от населения в свежем виде по твердым ценам – 20 коп. за штуку. При расчете 25% оплачивалось деньгами и 75% – товарами по утвержденному прейскуранту.

Ольский РИК контролировал деятельность Дальгосторга, Госрыбсиндиката и других организаций, которые, исходя из «общегосударственных интересов», пытались заготовлять рыбную продукцию по заниженным ценам.

Однако в дальнейшем курс ВКП(б) на коллективизацию «в условиях нарастания классовой борьбы» привел к качественным изменениям. Страна вступила в этап «коренного перелома», который был неразрывно связан с Большим террором.

Уже в 1928 г. по распоряжению ОИК и ДВИК началась работа по составлению списков кулаков, хотя до этого Ольский РИК неоднократно подчеркивал, что зажиточных хозяйств в районе практически нет.

Например, в докладе за период его деятельности с 15 августа 1928 г. по 15 августа 1929 г. отмечалось, что *«чрезвычайно плохо обстоит дело с выявлением экономического положения кочевников. Здесь мы не имеем никаких твердых цифр о бюджете кочевых хозяйств... При разговоре же с тунгусами... оказалось, что их оленное стадо за этот промежуток времени не увеличилось, а уменьшилось. ...Вспоминая прошлое, везде и всюду говорят, что оленных тунгусов остается весьма немного, большинство же оказалось безоленными... так что говорить в этой части что-либо твердо нет оснований»* [ГАМО, ф.р.-17, оп. 1, д. 106, л. 2].

По данным переписи 1926/27 г. считалось, что у кочевников Ольского района насчитывалось 18 323 оленя, затем приплюсовывалось до 20 тыс. гол. приплода и получали 40 тыс. гол., что не соответствовало действительности. Относясь критически к новой власти, оленеводы *«старались не говорить точного количества... и заявляли, что они не желают этого»* [Там же. Л. 2 об.].

Тем не менее в проскрипционные списки попали наиболее уважаемые люди и старейшины тунгусских племен: С. Амамич, И. Ложнов, С. Зыбин (Первый Долганский род), В. Трифонов (Первый Деллянский род), П. Бабцев (Первый Уяганский род), В. С. Трахалов (Четвертый Долганский род), Н. Самойлов, П. Шатонин (Пятый Уяганский род)*.

К классовым врагам были отнесены также торговцы и рыбопромышленники: Е. Ф. Вирт, В. Г. Вирт, И. Р. Рубенштейн, Ф. Д. Пивоваров, священник С. И. Мамин, его жена Е. Ф. Мамина, Д. А. Данилова и многие другие.

На «кулаков» и лиц, живших на нетрудовые доходы, распространялась система так назвываемого самообложения и твердых заданиий по транспортировке грузов, обучению ездовых оленей, добыче рыбы, морского зверя и пушнины. За невыполнение этих повинностей они подвергались большим штрафам. Сельсоветы устанавливали минимальные сроки для их погашения – не более 3 дней. Затем следовала конфискация имущества, а дело передавалось в туземный суд. Штрафные санкции устанавливались исходя из поголовья оленьего стада: до 1000 гол. – в размере 10%, от 1000 до 2000 – 15%, от 2000 до 3000 – 20%, от 3000 до 5000 – 25%, более 5000 гол. – 30%. Взыскание штрафов ни в коем случае не освобождало кулаков от выполнения твердых заданий (табл. 5).

Другим направлением деятельности органов советской власти в этот период являлась идеологическая обработка и борьба с религией. Советские работники неоднократно отмечали в своих донесениях, что юрты тунгусов буквально увешаны иконами и предметами религиозного культа. В связи с этим Ольский РИК телеграммой от 4 марта 1927 г. ко всем сельсоветам потребовал решительно усилить борьбу с религией, тем самым нарушая постановление правительства, в котором говорилось, что членами религиозных обществ могли быть все граждане, принадлежащие к определенному культу, без ограничений. Члены религиозных обществ заключали договор с органами власти, в котором обязывались: не допускать собраний, враждебных советской власти; не распространять книг, брошюр, листовок и посланий против власти или ее представителей; не вести проповедей и речей, враждебных советскому строю; не совершать набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти.

Таблица 5

Список кулацкого населения, которое привлекалось к транспортировке грузов

Фамилия	Место жительства	Кол-во оленей, гол.	Задание, пуд
Самойлов П.	Тауйск	1500	4000
Самойлов В.	То же	1000	3000
Гранов В.	– « –	4000	6000
Хабаров И. М.	Ланковое	1000	3000
Фролов А.	п/о Кони	750	1500
Шахурдин И.	Гаданжа	750	1500
Шахурдин С.	То же	1500	2000
Аманичев С. И.	– « –	2000	2000
Гаврилов К. А.	– « –	2000	2000
Логинов Н.	– « –	2000	2000
Трохолев Н. И.	Буюнда	5000	6000
Бабцев Н. И.	То же	2500	2000
Зыбин К. К.	– « –	1000	1000
Хабарова М.	Куика	3000	3000
Зыбин Н.	Гитрин	3000	2000
Зыбин Г.	Н. Армань	2000	2000
Зыбин Г.	То же	–	–
Громов Д. М.	Мола	12000	9000
Зыбин К.	Буюнда	3000	3000
Трифонов И.	Маякан	5000	5000
Трифонов Л.	То же	–	–
Зыбин К.	Бохапча	–	600
Фролов П.	То же	–	2000

*В 1927 г. все они являлись председателями родовых избирательных комиссий.

Несмотря на выполнение установленных правил и благотворительную деятельность, церковь и верующие подвергались систематическому гонению.

Так, в заявлении священника Серапиона Мамина говорилось, что *«произведена оценка церкви и церковного имущества... Оценочная комиссия во главе с секретарем Сельревкома учинила такое кощунство, какое не допускают невежественные дикари. Когда я вошел в храм, в алтаре то даже ужаснулся разгрому... Я уверен, что виновные по сему делу и по советским законам все равно подлежат ответственности... Сообщаю, что Богослужение не будет до тех пор, пока Священные предметы Престола и жертвенника не будут освящены от нечистот прикосновения рук означенных нахалов»* [ГАМО, ф.р-40, оп. 1, д. 4, л. 271].

Классовый террор усилился в 1930–1931 гг., когда был решен вопрос об усилении темпов коллективизации. В протоколе IV Ольско-Сеймчанского районного съезда Советов* (1–3 апреля 1931 г.) подчеркивалось, что *«у нас только один путь, путь социализма, кулак будет сметен. Может быть, богачи будут уговаривать бедняков укочевывать в другие места. Передайте, что это кулакам не поможет. Куда ни будут кочевать, все равно там всюду советская власть»* [Там же. Д. 106, л. 52]. Политические репрессии усилились.

За период 1927–1932 гг. количество лишенных избирательных прав по классовому признаку увеличилось с 7 до 88 чел. (в том числе русских – 20 чел., камчадалов – 6, якутов – 5, тунгусов – 57) в основном за счет кулаков-оленеводов, которые до 1931 г. имели право голоса. Например, житель с. Гадля Н. Н. Дмитриев был лишен избирательных прав на том основании, что 20 лет назад работал подрядчиком, имел одного батрака и скупал пушнину. Правда, это решение отменили, так как оказалось, что Н. Н. Дмитриеву *«уже 102 года, он имеет на иждивении 3-х сыновей и живет трудовой жизнью»* [Там же. Д. 111, л. 82].

Местные органы власти объясняли свои действия распоряжением председателя окризбиркома Н. Н.Францевича, в котором отмечалось, что *«нужно осторожно подходить к вопросу лишения избирательных прав, строго руководствоваться инструкцией ВЦИК, не допуская нарушений избирательного законодательства, но в то же время наиболее полнее выявлять всех лиц, подлежащих лишению»* [Там же. Л. 11].

Такая установка открывала широкие возможности для произвола. Так, в 1931 г. в с. Гаданжа не было ни одного лишенца, а в 1932 г. «выявили» 26 чел., в Тауйске – 5, в Оле – 7, в Элекчане – 11 и т. д.

Столь резкое увеличение количества «врагов народа» подтверждало «правильность линии партии», и на этом основании делались серьезные политические выводы.

«Классовые расслоения населения заметно увеличиваются. Классовая борьба в деревне заметно усиливается», – отмечалось на IV съезде уполномоченных туземного интегрального товарищества охотников Ольско-Сеймчанского района [Там же. Д. 186, л. 34]. В то же время в докладе говорилось, что *«тунгусы скрывают мощность своего хозяйства... и учет классового состава населения в нашем районе невозможен...»* [Там же. Л. 31].

Выполняя установку ДВИК, органы советской власти усилили экономическое давление на так называемых кулаков.

С образованием Ольского РК ВКП(б) (15 сентября 1930 г.) и оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского национального округа (ОЭНО) вся организационная работа по вопросам коллективизации была поставлена под жесткий контроль партийной организации. Деятельность РИКа в этом направлении признавалась недостаточной. В резолюции оргбюро ВКП(б) от 14 сентября 1931 г. подчеркивалось, что совершенно отсутствовал классовый подход в заключении договоров на перевозку грузов**, а оплата в 30–40% промтоварами для кулаков только усиливала их позиции.

В связи с этим было решено привлекать кулаков к транспортировке грузов только в форме твердых заданий, оплату проводить деньгами, а товарами не более 10% стоимости перевозок (беднякам – 50%, середнякам – 40%), и ни в коем случае не допускать выдачу им продовольствия для распространения среди жителей тундры. Однако сплошная коллективизация требовала более решительных мер по экономическому удушению кулачества, и уже в сентябре 1931 г. полностью прекратилось отоваривание кулаков за обучение оленей, скупку пушнины, добычу рыбы, закупленных оленей и т. д.

Оргбюро ВКП(б) ОЭНО заявило, что пора решительно, без каких-либо колебаний перейти к политике ограничения кулака через систему твердых заданий и коллективизацию «батрачества и бедноты» на 100%.

---

*10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», на основании которого был организован Охотско-Эвенский национальный округ, а в январе – Ольско-Сеймчанский район. Председателем РИКа был назначен Ф. И. Николаев (4 апреля 1931 г.), секретарем – М. М. Сумароков, в состав оргбюро вошли: А. И. Зеленский (председатель), Н. Н. Францевич, Н. Афонин, А. М. Пачколин. Охотско-Эвенский округ ликвидирован по Постановлению СТО СССР № 138/398с от 28 октября 1932 г. в связи с образованием в 1934 г. Дальстроя.

**До 100 оленей – бедняк, 100–400 гол. – зажиточный, свыше 400 гол. – кулак.

Секретарь Ольского РК ВКП(б) говорил на IV съезде Советов: *«Здесь еще до сего времени существует дедовский порядок, беднота загнана, и нередко кулак командует по-старому. Нам будут оказывать сопротивление... но путь один, по этому пути идут 150 млн рабочих и крестьян и горсточка кулаков в 20–30 чел. нам не помешает... и идя по пути социализма, одним взмахом ноги отбросим все, что мешает на пути»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 106, л. 52].

Так, за невыполнение твердых заданий по перевозке грузов крупным штрафам были подвергнуты: Петр и Василий Самойловы на сумму 4000 руб., П. Громов – 3000 руб., И. М. Хабаров – 9000 руб., А. Фролов – 3000 руб., М. И. Трохалев – 15 000 руб., Ф. Логинов – 4000 руб., Н. Зыбин – 4500 руб., С. Амамич – 4000 руб. и т. д.

РИК требовал погашать задолженность живыми оленями для передачи их беднякам в коллективную собственность. Кроме этого, на кулаков налагались штрафы по самообложению за утаивание пушнины, а чаще ее просто отбирали в ходе подворных обходов и обысков.

Делегат IV съезда Советов Ольско-Сеймчанского района Тогоев прямо заявил, что, *«если кулак не отдает пушнину, нужно у него проводить обыск и отбирать пушнину»* [Там же. Л. 47].

Кулакам оставалось угонять стада или забивать оленей, т. е. полностью разорять свое хозяйство. Но не тут-то было! На них распространялось Постановление Президиума ДВИК от 10 января 1931 г. «О запрещении самовольного убоя скота», в котором говорилось: *«В отношении кулаков, хищнически убивающих свой скот или подстрекающих к этому, райисполкомы... выносят постановление о лишении этих кулаков права пользования землей, конфискации принадлежащего им скота, инвентаря, с одновременным привлечением виновных к уголовной ответственности»* [Там же. Д. 132, л. 123].

В резолюции бюро Ольско-Сеймчанского РК ВКП(б) «О вербовке оленьего транспорта» подчеркивалось, что, *«наряду с предъявлением кулачеству твердых заданий по транспортировке, объявить решительную борьбу со злостным разбазариванием оленьего стада, обратив внимание на проверку обязательного постановления ОИКа о запрещении убоя оленей... Обучение оленей также провести в порядке твердых заданий, установив обязательный минимум обучения 15% всех кулацких стад»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 2, л. 9].

В соответствии с этим постановлением Ольский районный туземный суд приговорил кулака А. Н. Амамичева за разбазаривание оленей и систематическое невыполнение распоряжений сельсовета как органа пролетарской диктатуры к принудительным работам сроком на 9 мес и конфискации имущества (оленей) в пользу Гаданжинского сельсовета. На суде обвиняемый заявил: *«...Никаких грузов возить не буду. Я поеду работать на Элекчан и вывезу с собою весь сельсовет Гаданжи, чтобы его здесь не было»*. Решения о придании суду кулаков принимали общие собрания батрацко-бедняцких групп. Таким же образом были осуждены С. Шахурдин, Ф. Логинов, К. Гаврилов, А. Фролов и др.

Эта политика, фактически направленная на разрушение туземного хозяйства, была экономически бесперспективной и сразу же привела к тяжелым последствиям: резкому ухудшению снабжения рабочих приисковых районов и оседлого населения в глубинке.

На заседании 29–30 сентября 1931 г. оргбюро ВКП(б) ОЭНО, рассмотрев вопрос «О политическом состоянии в тайге», вынуждено было констатировать, что в результате срыва грузоперевозочных работ допущен ряд безобразнейших поступков в отношении коренного (тунгусского) населения: поджоги тайги, разграбление амбаров, стрельба по оленям. *«Тунгусское население остается без продуктов питания и предметов обихода, а кооперация продолжает заниматься торгашеством... в результате всего этого значительно ухудшилось политическое состояние тайги»* [Там же. Л. 31].

В принципе оргбюро ВКП(б) признавало, что меры по подавлению кулачества в округе *«составляют тягчайшую ошибку самого оргбюро ВКП(б)»* [Там же].

Также отмечались факты шовинистического, чиновничье-бюрократического, ничем не отличающегося от методов царской колонизации отношения к коренному населению в процессе коллективизации со стороны советских и партийных работников.

В целях реабилитации советской национальной политики планировалось выявить виновных, организовать ряд показательных процессов в тундре, провести коренизацию органов власти, приступить к организации национальных центров в Бараборке, Наяхане, Хургачане, Гаданже, Туманах, Уптаре, Эсчане, Оротуке, Коркодоне, Балыгычане. Оргбюро ВКП(б) обязало партчасть ЦМЗ, Дортранса и ГГРУ немедленно возместить все убытки коренному населению, урегулировать вопросы землепользования, связанные со строительством трассы.

Стихийные протесты тунгусского населения, по мнению оргбюро, активизировали контрреволюционную деятельность феодально-кулацкой части коренного и антисоветских групп пришлого населения. Работникам советского аппарата и хозяйственных органов предписывалось немедленно освоить тунгусский язык.

Такая жесткая оценка политической обстановки в какой-то степени была связана, во-первых, с катастрофическим состоянием в снабжении продовольствием приисковых районов, во-вторых – с предстоящими выборами в Советы всех уровней.

Так, в резолюции по докладу о перевыборах Советов (протокол № 2 от 5 ноября 1931 г.) оргбюро ВКП(б) ОЭНО констатировало, что *«перевыборы (первые в границах нового национального округа) будут проходить в особо трудных условиях: громадная территория, плохие средства связи, сильное влияние кулачества, сохранившее почти полностью свои феодальные позиции, отсутствие организованной бедноты и батрачества, полная бездеятельность кочевых советов, которые даже формально на являются органами Советской власти»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 2, л. 40]. На это указывает и ряд дальнейших шагов по укреплению советской власти, в том числе создание в Охотско-Эвенском округе судебно-следственных органов. Основная их работа и сила репрессии направлялась: а) на защиту прав бедноты и батрачества коренного населения как от эксплуатации кулацко-феодальных групп, так и от притеснения пришлого населения; б) на борьбу с кулацким террором; в) на борьбу с бандитизмом, политическим хулиганством и великодержавным шовинизмом.

В 1932 г. планировалось организовать национальные суды при кочевых Советах, сеть сельских национальных судов, Окружную и Охотскую прокуратуры, районные народные суды и следственные участки, усилить работу РКМ и ГПУ.

Необходимость организации окружных и районных карательных органов была связана, во-первых, с нарастанием бандпроявлений со стороны вербованных приисковых рабочих и, во-вторых, с тем, что в ряде мест при политике раскулачивания советские работники сталкивались с вооруженным сопротивлением.

В протоколах оргбюро ВКП(б) ОЭНО отмечалось, что *«сейчас еще рано проводить политику в этом духе... Тот же Громов имеет много оружия, когда дело дошло до его ареста, то он заявил, что никого не боится, и пришлось его отпустить, т. к. он имеет за спиной много стволов»* [ГАМО, ф.р-16, оп. 2, д. 10, л. 32].

Поэтому, в частности, было принято решение продавать оружие только беднякам и середнякам. Однако в целом случаи вооруженного сопротивления носили эпизодический характер.

Одновременно с подавлением кулачества велась работа по организации интегральных промысловых кооперативов. Основной их задачей являлось *«обслуживание хозяйств трудового населения... на началах осуществления задач производственного кооперирования и коллективизации индивидуальных хозяйств...»* [Там же. Д. 131, л. 52].

Членами кооперативов (товариществ) могли быть все трудящиеся, достигшие 16-летнего возраста, за исключением кулаков и всех лишенных избирательных прав.

В Уставе производственного товарищества, утвержденном 3 мая 1931 г., говорилось, что они должны *«обеспечить действенную и полную победу над кулаками, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся»* [Там же. Д. 147, л. 68].

Интегральная кооперация в основном занималась рыбно-зверобойным и пушным промыслами, постепенно расширяя свою сеть.

В 1929–1931 гг. постоянные отделения Интеграла были созданы в Балаганном, Нагаево, Оле, Ямске, Сиглане, Туманах, временные – в Тауйске, Армани, Элекчане, Гаданже, Малкане, Ирети.

Количество пайщиков кооперативов увеличилось с 453 чел. в 1928 г. до 827 чел. в 1930 г., а доходы – с 90 913 до 450 000 руб.

В 1930–1931 гг. интегральная кооперация коренным образом перестроила свою работу в сторону увеличения внимания к производственному кооперированию населения.

До 1930 г. только 3 рыбных промысла находились в ведении Дальгосторга, а в руках фирмы И. Р. Рубенштейна – 6, в том числе такие крупные, как Ямск и Тауйск. В 1930 г. все рыбные промыслы были переданы сначала Дальохотсоюзу, а затем Интегралсоюзу. С этого года фактически началось создание производственных кооперативов и простейших товариществ (табл. 6).

Основной формой коллективизации среди коренного населения являлись оленеводческие, транспортные, охотничьи, рыболовецкие артели, но, как правило, они имели смешанную структуру, занимаясь также охотой на пушного и морского зверя, пошивом одежды, изготовлением бочкотары, нарт и пр.

Деятельность некоторых товариществ носила сезонный характер, и в 1932 г. после регистрации уставов постоянно действующими считались: «Свой труд» (Армань), «Путь Севера» (Окса), «Объединение» (Балаганное), «Долой частника» (Ямск), «Вперед» (Туманы), «Монтыклей» (Монтыклей), «Верный путь» (Ланковое). Членами промкооперации (по закону от 11 июля 1928 г.) могли быть все без исключения жители данной местности, в том числе и лишенцы.

Таблица 6

Список рыболовецких и сельскохозяйственных артелей Ольско-Сеймчанского района на 10 ноября 1931 г.

Артель	Кол-во членов	Время организации
«Путь Севера», Ола	53	7/V-31г.
«Красный як», Гадля	18	7/V-31г.
«Н. Тауйск», Балаганное	18	18/V-31 г.
«Первый рыбак», Балаганное	8	10/V-31 г.
«Новый путь», Сиглан	11	1930 г.
«Долой частника», Армань	72	1929 г.
«Ирегь», Армань	13	1930 г.
«Вперед», Туманы	8	19/III-31 г.
«Маяканская», Маякан	12	1931 г.

В 1930 г. на основании Постановления НКЮ от 5 ноября 1930 г. и Постановления СНК СССР от 13 ноября 1930 г. началась усиленная борьба со лжекооперативами.

Прокуратуре предписывалось привлекать к уголовной ответственности нэпманско-кулацкие элементы, проникшие в кооперативы, и тех лиц, которые это проникновение допустили. Согласно Постановлению ВЦИК от 2 декабря 1930 г., лжекооперативами признавались: а) если в них принимали участие кулаки и лишенцы; б) если деятельность кооператива уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства. В основном это касалось оседлого населения, занятого рыбной ловлей, а в отношении кулаков-оленеводов у работников РИКа и в начале 30-х гг. не было ясности.

Например, на вопрос делегата IV съезда Ольско-Сеймчанского района М. Слепцова, кого можно считать кулаком среди тунгусов и сколько нужно иметь оленей, никто не мог дать вразумительного ответа.

В свою очередь оргбюро ВКП(б) на заседании 18 июня 1932 г. вновь констатировало, что *«хотя оленье стадо округа точно не учтено, но по всем признакам оно находится на путях к резкому уменьшению»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 3, л. 20].

А в целом созданный в период сплошной коллективизации принудительными мерами социалистический сектор народного хозяйства оказался экономически совершенно неэффективным. Оргбюро признавало, что *«существующие колхозы (товарищества) в основной своей массе колхозы только по форме, а не по существу»* [Там же].

Поэтому для развития рыбной промышленности, имевшей большие перспективы, планировалось переселить из Приморского края 250 семей колхозников.

Сложившаяся ситуация с развитием социалистического хозяйства объяснялась тем, что бюджет крестьянского хозяйства слагался за счет заработков от других отраслей, как-то: выгрузка с пароходов, перевозка с берега в селения, перевозка грузов и пассажиров в другие населенные пункты, сдача квартир под жилье и склады, продажа скота на мясо [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 106, л. 2].

Поэтому, с одной стороны, новоявленные колхозники и члены кооперативов, принуждаемые к работе за фиксированную оплату, установленную РИКом, фактически саботировали общественное производство как экономически невыгодное, а, с другой стороны, интегральная кооперация постоянно не выполняла свои обязательства перед коллективными хозяйствами, в том числе в области снабжения.

Например, члены Сигланской коммуны «Новый путь» и сельского совета писали в РИК, что *«ввиду полного отсутствия продуктов... с начала мая (1931 г.), в настоящее время население Сигланского подрайона испытывает острую нужду в муке, чае, сахаре, спичках, табаке и др. предметах первой необходимости, как крупа, мыло и пр., также отсутствуют патроны берданочные, что не дает вести охоту на морзверя... Не только в кооперативе, но и у населения иссякли последние запасы каких-либо продуктов, и если в ближайшие дни не будет завезено хотя бы минимальное количество продуктов, население окажется в катастрофическом положении»* [Там же. Д. 186, л. 103].

Аналогичное положение было в Армани, Балаганном, Маякане и других поселениях.

В декабре 1931 г. оргбюро ВКП(б) отмечало, что *«плохо поставленное снабжение якутского, юкагирского, тунгусского населения привело последних к результатам полуголодного состояния»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 2, л. 66].

В результате начались массовые выходы из рыболовецких артелей и акты стихийного протеста.

Оргбюро ВКП(б) характеризовало работу Цветметзолота, АКО, Окринтегралсоюза как прямое вредительство – *«конкретных планов в ЦМЗ не было и нет сейчас, нет даже никакой отчетности... Аппарат ЦМЗ разложился вследствие опоения его спиртом <···> АКО и Интегралкооперация ничего не сделали по промышленной и сельскохозяйственной кооперации округа, несмотря на громадные перспективы»* [Там же].

В целом следует отметить, что и в самом руководстве партийно-советских органов в этот период не было ясности о том, каким же образом решать задачи подъема народного хозяйства. Только в апреле 1932 г. было принято решение о комплексном исследовании районов округа и их специализации. В тайгу и на Охотское побережье направлялись специальные бригады партийно-советских активистов сроком от 3 мес до 1 года с целью оказать практическую помощь в советском строительстве и экономическом обследовании районов Колымы.

В резолюции оргбюро ВКП(б) подчеркивалось: *«Учитывая, что в Ольском районе имеется тунгусское и камчадальское население, еще далеко не советизированное, в смысле внедрения в массы основных начал Соввласти, поручить райкому спешно разработать в соответствии с решением XVI партсъезда по национальному вопросу ряд конкретных мероприятий об усилении работы с туземцами, батрачеством, пастухами, беднотой и середняками»* [ЦХСД МО, ф.-16, оп. 2, д. 10, л. 16].

В качестве первоочередной ставилась задача *«разбить недружелюбное отношение тунгусского населения к русскому. На поиски путей подхода к тунгусу отдать все внимание и в основном браться за молодежь»* [Там же. Л. 6].

Под русским населением в данном случае подразумевается часть деклассированных элементов, завербованных для работы на приисках Цветметзолота.

Для осуществления этой программы при Ольском РИКе была создана чрезвычайная комиссия.

Таким образом, процесс социально-экономического развития Охотско-Колымского края в 1923–1931 гг., с одной стороны, тормозился трудностями объективного характера, связанными с особенностями народного хозяйства и менталитетом туземного населения, а с другой – применением стандартных форм и методов советского строительства, которые в специфических условиях Севера не дали положительного результата.

Советские органы власти и управления лишь формально отражали принципы советской политической системы и не смогли интегрироваться в туземное общество.

Секретарь Ольского РК ВКП(б) А. М. Пачколин признавал, что *«советская работа в тайге и на побережье еще не налажена... никакого толку не видно. Каждый власть имущий ворочает по-своему, приезжает ДОСовский работник, устанавливает свои порядки. Приезжает учитель, начинает свой порядок проводить. Кто же руководит работой сельсоветов?! Сельсоветами руководили приезжающие»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 106, л. 55, 55 об.].

По объективным причинам в этот период не удалось решить и наиболее важные социальные проблемы, особенно остро проявлявшиеся в системе здравоохранения. Из-за отсутствия медицинской помощи резко увеличились эпидемические заболевания (инфлюэнция, корь, дизентерия) и смертность среди коренного населения. В 1927 г. умерло 20 чел., в 1928 г. – 29, в 1929 г. – 81, в 1930 г. – 93 чел.

Запланированное строительство национальных центров было сорвано, а Нагаевская культбаза имела очень ограниченные возможности в осуществлении культурно-просветительской работы среди населения Охотско-Колымского края.

Только с созданием Дальстроя социалистическая реконструкция народного хозяйства приняла не только планомерный, целенаправленный, но и своеобразный характер.

1.2. Предпосылки организации на Колыме промышленно-транспортного комбината «Дальстрой»

В конце XIX – начале XX в. золотая лихорадка на Аляске и в северной Канаде впервые пробудила прикладной интерес крупного русского и иностранного (в первую очередь американского) капитала, а также научных обществ к изучению огромной территории Северо-Востока России с перспективой его промышленного освоения*.

На Чукотку и в районы Колымы были направлены первые поисковые и научные экспедиции. В 1868–1870 гг. Чукотская экспедиция Г. Майделя провела географическое описание части бассейна р. Колыма. Большой вклад в изучение Колымского края внес геолог И. Д. Черский, который в 1891–1892 гг. совершил экспедицию от Якутска через хр. Верхоянский и Тас-Кыстабай и далее вниз по Колыме и собрал первичные сведения о геологическом и геоморфологическом строении обширных пространств от р. Лена до р. Колыма.

В 1895–1896 гг. по решению Комитета Сибирской железной дороги для обследования районов Охотского побережья и западной Камчатки была направлена экспедиция К. И. Богдановича, которая ставила своей целью *«определить совершенно новые золотоносные районы на побережье Охотского моря, положив в основу прежде всего геологическое изучение этого огромного, совершенно неисследованного пространства»*[37]. В отчете о проделанной работе сообщалось об открытии золота на западном побережье Охотского моря между м. Чумикан и Аяном, а также были замечены проявления золота в бассейнах рр. Урак и Кухтуй.

Дальнейшие исследования продолжались в 1895–1898 гг. Охотско-Камчатской горной экспедицией, в 1901–1902 гг. – экспедицией Российской академии наук. В 1909–1912 гг. на территории от Охотска до Ямска, в районах на побережье Северного Ледовитого океана и к востоку от устья р. Колыма, работали поисковые партии под руководством П. А. Казанцева, К. В. Волосовича и И. П. Толмачева, П. И. Полевого, К. И. Богдановича [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 7, л. 14].

В процессе их работы была собрана отрывочная, но чрезвычайно важная научная информация в области географии, геологии (Охотско-Колымский вулканогенный пояс), о фауне и флоре, а также о материальной и духовной культуре народов Севера.

---

*Подробнее см. *Чехов А. Д.* К истокам познания геологии Крайнего Востока Азии // IV Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня выхода в свет российской научной академической монографии С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 39–42.

[37]*Гельман М. Л., Палымский Б. Ф.* Основные этапы геологического изучения Северо-Востока России // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 133–144.

В связи с открытием в 1898 г. на Аляске россыпных месторождений золота на Чукотский полуостров в 1900–1916 гг. направлялись поисковые партии и экспедиции в целях разведки на золото и олово. Однако в ходе работ экспедиций под руководством К. И. Богдановича (1900 г.), Д. В. Иванова (1902 г.), И. А. Корзухина (1903 г.), П. И. Полевого (1912 г.), А. И. Юферева (1914 г.) и ряда других были обнаружены лишь непромышленные его проявления.

Например, «открытие» французом Е. Надо (из группы Д. Розена) золотого пояса около устья р. Анадырь оказалось бесперспективным. На прииске «Дискавери» в 1906–1908 гг. было добыто всего 160 кг золота.

Первичные научные данные о колымских районах также носили разрозненный характер, что позволило комиссии Геологического комитета России сделать вывод о том, что *«знакомство с геологией и горнопромышленными богатствами Северо-Востока совершенно ничтожно, страна эта принадлежит к числу наименее изученных на всем земном шаре»*[38].

Эта оценка совпадает с точкой зрения профессора В. Г. Богораз-Тана (длительное время занимавшегося вместе с В. И. Иохельсоном и Л. Я. Штенбергом изучением Севера), который подчеркивал, что *«экспедиции... особенно в труднейших северных условиях, получают невольно характер гастролей, временных поездок, которые привозят обратно отрывочный материал и разрабатывают его урывками, без всякой системы и взаимного согласования»*[39].

Целенаправленные поиски золота на Колыме не проводились, но в начале XX в. появились смутные слухи, исходившие от некоторых очевидцев, о золотых россыпях.

Основываясь на данных К. И. Богдановича, старатели обследовали бассейны рр. Улья, Охота, Марекан, Ульбея, Сиглан. В 1906–1907 гг. поисковые работы в районе Охотска велись фирмой «Ельцов и Левашов», а в 1907–1908 гг. – рабочими артелями золотопромышленника Фризера[40].

В 1908–1916 гг. доверенный фирмы «Шустов и К°» Ю. Я. Розенфельд (Норштейн), наряду с торговыми операциями, изучением транспортных связей и пр., впервые провел попутные изыскания россыпного золота в районе между Сеймчаном и Балыгычаном по рр. Буюнда и Колыма. Ю. Я. Розенфельд и его соратники (Гайфулин, Канов, Бориска) обнаружили небогатые золотые россыпи и оруденелые колчеданистые кварцевые жилы, но в целом результаты были неудовлетворительные. Тем не менее гонка за золотым тельцом началась, особенно после гибели в 1916 г. Бориски, у которого было найдено намытое им золото.

Малочисленные группы старателей (6–8 чел.) и одиночки-авантюристы двинулись из Охотска в район Среднекана за призрачным счастьем. Они пробирались нехожеными тропами сквозь таежные дебри, не имея даже элементарных приспособлений для изыскательских работ, подвергаясь постоянным лишениям и опасностям. *«Годами искали они золото, охотились друг за другом, убивали один другого за случайно найденный самородок»*[41].

Однако до середины 20-х гг. каких-либо значительных результатов о возможности развития промышленной добычи золота на Колыме достигнуто не было.

В 1918–1921 гг. в Охотском районе работало до 1000 старателей, добывших около 1300 кг золота. Россыпи отрабатывались исключительно вручную по талым породам. Пески доставали из карьеров шириной до 4,5 м, их разрабатывали ломом, киркой или с помощью пожогов. Промывка велась в бутарах, с доводкой шлиха в лотках.

По мнению М. Л. Гельмана и В. Е. Глотова, *«именно на приисках Охотского района накапливался опыт разработки месторождений россыпного золота в удаленных, не освоенных краях, в сложных горнопромышленных условиях»*[42].

По объективным причинам внутреннего и внешнего характера планомерное исследование и освоение такого гигантского региона, как Северо-Восток России, в рамках частного предпринимательства и отдельных научных интересов было невозможно. Требовалась общегосударственная программа. Вместо этого в начале XX в. разрабатывались коммерческие проекты промышленного освоения Колымо-Индигирского района, основную роль в котором играл частный капитал.

В 1905 г. на особом межведомственном совещании при Иркутском генерал-губернаторстве рассматривалось предложение американского консорциума «Лойк-де-Лобель» о предоставлении концессии на строительство железной дороги от Канска на Аляску, с тоннелем под Беринговым проливом и

---

[38]*Геологоразведочная* служба Северо-Востока России из воспоминаний горного инженера России, академика Н. А. Шило // Колымские ВЕСТИ. – 2000. – № 10. – С. 3.

[39]*Богораз-Тан В. Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Сев. Азия. – 1925. – № 3. – С. 47.

[40]*Глотов В. Е., Глотова Л. П.* Охотский район – предшественник «золотой» Колымы: история открытия, становления, условия добычи золота // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 191–195.

[41]*На преображенной* земле / гл. ред. Н. А. Жихарев. – Магадан : Кн. изд-во, 1959. – С. 8.

[42]*Глотов В. Е., Глотова Л. П.* Охотский район..., 2002. – С. 195.

с ответвлениями на Николаевск, Хабаровск и Благовещенск. Строительство дороги планировалось осуществить в течение 10 лет при условии передачи консорциуму в безвозмездное пользование сроком на 99 лет участков отчуждения, расположенных по обе стороны дороги в шахматном порядке со стороной квадрата 14 км.

В основе этого проекта лежали не только экономические интересы. Эта территория из-за оторванности от центра вовлекалась в сферу американских интересов в целях ее дальнейшего отчуждения.

В развитии железнодорожной сети были заинтересованы и различные российские акционерные общества. Так, АО Казанской железной дороги выдвинуло проект Великого Северного пути с целью продлить свою ветку от Екатеринбурга на Тобольск – Томск – Енисейск – Якутск с выходом на Охотское побережье у порта Аян. Другой проект предусматривал строительство железной дороги от северного Байкала, через Бодайбо на Якутск – Аян[43].

Создание такой транспортной схемы открывало путь к интеграции Северо-Востока в мировую экономическую систему стран Тихоокеанского бассейна, так как огромные, но малонаселенные территории Якутии, Колымы и Камчатки, обладавшие значительными природными ресурсами, были практически изолированы от европейской части страны.

По объективным причинам эти проекты не были реализованы. Революция, гражданская война, экономическая разруха надолго приостановили этот процесс, но стратегический замысел промышленного освоения Северо-Востока оставался основным направлением и в советский период.

Уже в первые годы становления советской власти одной из главных задач экономической политики стали мероприятия по быстрому восстановлению российской золотопромышленности в традиционных (Амур, Приморье, Ленск, Забайкалье, Красноярск, Южный Урал, Западная Сибирь) районах добычи россыпного золота и в новых, перспективных районах Крайнего Севера.

31 декабря 1921 г. был издан декрет СНК РСФСР «О золотой и платиновой промышленности», давший право гражданам РСФСР, кооперативам и артелям проводить поиск, разведку и разработку месторождений.

В 1921 г. начало работу первое государственное объединение «Лензолото», в 1924 г. – трест «Якутзолото» и в 1925 г. – «Алданзолото». В 1927 г. по решению Советского правительства для руководства золотодобычей на всех месторождениях Урала, Сибири, Дальнего Востока и Якутии, на базе Алданзолота учреждается Всесоюзное акционерное общество «Союззолото» ВСНХ СССР. Его учредителями стали: ВСНХ СССР, Наркомфин и Госбанк СССР. Председателем правления был назначен А. П. Серебровский.

На первом Всесоюзном производственно-техническом совещании по золотой промышленности, состоявшемся (на основе постановления СТО от 30 сентября 1927 г.) 20 января 1928 г., была определена главная задача Союззолота, которая заключалась в организации (на первом этапе) массовой добычи россыпного и рудного золота на основе широкого применения ручного труда, старательскими методами.

В 1929 г. для концентрации сил и средств, а также для улучшения управления разбросанными на огромной территории предприятиями золотой промышленности Союззолото переходит в ведение ВСНХ СССР и перебазируется в Иркутск.

В конце 20-х – начале 30-х гг. по решению советского правительства формируется целая сеть золотодобывающих трестов: «Запсибзолото», «Уралзолото», «Приморзолото», «Амурзолото», «Енисейзолото», «Хакасзолото» и ряд комбинатов*.

Параллельно создавалась геологическая служба, институты (Гинзолото, Гипрозолото) и техникумы для подготовки инженерных кадров. Этим важным делом занимались видные ученые: Б. Л. Степанов, И. И. Плаксин, В. А. Пазухин, Н. И. Трушков, А. П. Смолин, В. А. Обручев и др.

Таким образом, впервые в истории России на государственном уровне начала осуществляться комплексная программа по организации и развитию золотопромышленности и ее монополизация.

Однако, в отличие от других ранее изученных мест добычи золота, Колыма оставалась белым пятном, геологической загадкой.

Отдельные находки старателей (в 1925 г. на рр. Буюнда и Среднекан) указывали лишь на возможность нахождения месторождений, но не на перспективу их промышленного освоения.

В то же время Э. Э. Анерт в обзоре золотоносности Дальнего Востока писал, что *«Приохотский край (включая Колымский) относительно скоро выдвинется на первые места среди сибирских, а может быть, и мировых золотоносных областей»*[44].

В 1926 г. на Северо-Восток направляются две экспедиции – под руководством И. Ф. Молодых для изучения гидрографии бассейнов рр. Яна, Индигирка и Колыма и под руководством С. В. Обручева для проведения геологических исследований.

---

[43] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 29.

*В 1923 г. в бассейне р. Алдан, на руч. Незаметный, М. П. Тарабукин открыл месторождение россыпного золота, имевшее промышленное значение.

В результате работы экспедиции С. В. Обручева была составлена первая орогеологическая схема части бассейна рр. Индигирка и Колыма.

В начале 1928 г. старательской артелью Ф. Р. Поликарпова на кл. Безымянный в притоке р. Среднекан была наконец-то обнаружена первая значительная россыпь золота.

По поводу этого открытия начальник Охотско-Камчатского округа Н. В. Артамонов писал в Далькрайсовнархоз, что, *«по сведениям участников, золотоносность не ограничивается Среднеканом, а распространяется на все верховье Колымы»*[45].

Для проверки этих данных Геолком ВСНХ совместно с АН СССР и объединением «Союззолото» направляет на Колыму специальную геологоразведочную экспедицию (КГРЭ) под руководством Ю. А. Билибина в составе В. А. Цареградского, Д. Н. Казанли, С. Д. Раковского, Э. П. Бертина и 15 рабочих.

4 июля 1928 г. экспедиция высадилась в с. Ола, а уже 12 августа ее основная часть выдвинулась в район Среднекана. В ходе работы экспедиции Ю. А. Билибин смог четко определить стратегические задачи освоения районов Колымы:

во-первых, необходимость перехода от экспедиционных исследований к стационарным и организации добычных работ;

во-вторых, широкомасштабное хозяйственное освоение и создание транспортных коммуникаций;

в-третьих, решение проблемы заселения края и привлечения специалистов высокой квалификации, подготовленных для решения сложных геологических задач.

В 1928–1929 гг. проводились интенсивные поиски россыпного золота по бассейну рр. Среднекан и Утиная (кл. Юбилейный и Холодный). На их основе были открыты четыре прииска, а 1928 г. стал началом целенаправленных геологоразведочных работ на Колыме и годом становления золотодобывающей промышленности.

В предварительном годовом отчете о работах КГРЭ в 1928–1929 гг. Ю. А. Билибин отмечал, что геологические работы имели своей целью, помимо выяснения геологического строения местности, установить связь золота с теми или иными породами, дать указания для направления поисковых работ, установить возможность распространения золотоносности в стороны от приискового района и заснять площадь около 4 тыс. км^2 в масштабе 1:100 000 и, кроме того, около 1000 км маршрутов.

Верхне-Колымский приисковый район в пределах отводов Союззолота занимал площадь около 16 тыс. км^2. С юга он ограничивался Охотско-Колымским водоразделом, с запада – р. Бохапча, с севера – р. Колыма и с востока – р. Буюнда.

В течение зимнего периода 1928/29 г. экспедицией были разведаны два района согласно заявкам Ф. Р. Поликарпова – левый Среднекан и в нижнем течении кл. Безымянный. По левому Среднекану и в его нижнем течении, а также по кл. Большой и Боязливый было обнаружено непромышленное золото, по кл. Безымяный – лишь знаки золота, а в 60 км от линии старательских работ было найдено промышленное месторождение.

Поисковыми работами летом 1929 г. хорошие пробы на золото были получены во многих местах на р. Среднекан (кл. Весенний, руч. Золотистый и др.).

Среднеканское месторождение было открыто сотрудником Первой Колымской экспедиции Геолкома С. Д. Раковским в 1929 г. В докладных записках Ю. А. Билибина оно оценивалось как весьма перспективное с колоссальными запасами необычайно богатых руд[46].

Однако в 1930–1931 гг. в результате разведочных работ партии И. Н. Едовина был установлен непромышленный характер этого месторождения. Тем не менее в этом районе работы продолжались партиями под руководством П. Я. Скорикова, Г. Н. Шабарина, Ю. Н. Трушкова, П. С. Финогенова, А. С. Бойко, В. В. Васильева, А. М. Денисова, М. Г. Котова, Ю. Н. Попова и др.[47]

В результате был открыт новый золотоносный район по р. Утиная, впадающей в р. Колыма справа, в 160 км выше Среднекана. Здесь нашли промышленные пробы в 5 долинах. Наибольшего внимания заслуживал кл. Юбилейный, на котором по указанию экспедиции летом 1929 г. начались старательские работы на всем протяжении р. Утиная, особенно по кл. Холодный, Случайный и Южный.

На основании работ 1929 г. Ю. А. Билибин составил план разведочных работ на 1930 г. Он предлагал охватить поисковыми работами более детально бассейн р. Утиная, а также все речки, впадающие в р. Колыма, справа между Утиной и Среднеканом, долину р. Колыма, где на косах выделялись хорошие знаки золота, в целях развертывания дражных работ. Ю. А. Билибин сделал важный вывод о том, что геологические условия, наблюдаемые в приисковом районе, однотипны на многие сотни верст

---

[44] *Гельман М. Л., Палымский Б. Ф.* Основные..., 2002. – С. 134.

[45] *Навасардов А. С.* Транспортное освоение..., 2002. – С. 15.

[46] *Билибин Ю. А.* К истории колымских приисков // Избр. тр. : в 3 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 3. – С. 195–206.

[47] *Альшевский А. В.* Колымские золотоносные дайки: их значение в истории геологического изучения и хозяйственного освоения Верхне-Колымского региона // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 195–205.

к западу, северу и востоку без малейших изменений, и вполне возможно ожидать чрезвычайно широкого распространения золотоносности в верхнем течении Колымы.

Кроме этого, он определил и особенности колымского золота, заключавшиеся в том, что в связи с гранитами находятся развитые вокруг них кварцевые жилы. Эти жилы, расположенные целым поясом вокруг гранитных интрузий, по-видимому, и являются одним из источников золота, как это указывает расположение золотоносных ключей.

Другая система золотоносности была представлена жильными порфирами, залегающими на значительном расстоянии от гранитных массивов жилами мощностью от дециметров до нескольких сотен метров.

Дальнейшие исследования в 30-х гг. во многом подтвердили блестящий прогноз Ю. А. Билибина.

Кроме золота, в 1929 г. в шлихах рр. Среднекан и Золотистая был обнаружен касситерит.

Наряду с экспедицией Ю. А. Билибина, на Колыме работали: Индигирский отряд Ю. Д. Чирихина (1929–1930 гг.), экспедиция Якутского горного округа К. Я. Пятковского, геоморфологический отряд С. В. Обручева (1929–1930 гг.), вторая Колымская геологоразведочная экспедиция Инцветмета В. А. Цареградского (1930–1932 гг.) в составе пяти геолого-поисковых партий, обследовавших бассейн р. Колыма, и трех на Охотском побережье, а также отряды геологоразведочного бюро Колымского Главного приискового управления (КГПУ).

В процессе работы второй Колымской экспедиции *«была установлена золотоносность на новых обширных площадях, юго-западнее от известных с 1928–1929 гг. золотоносных бассейнов рек Среднекана и Утиной, на западе от них, в левобережных притоках Колымы и на востоке за ними»*.

В. А. Цареградский писал, что *«наши успехи определялись прежде всего самой природой, геологическим и геоморфологическим строением территории. Нам оставалось только умело обнаружить ее богатства, хотя это было и не так просто в довольно суровых условиях Севера...»*[48].

Особенность организации геологоразведочных работ в Колымо-Индигирском районе в конце 20-х гг. заключалась в отсутствии единого координационного центра. Изысканиями с различными научными целями занимались: Геолком ВСНХ СССР, АН СССР, Наркомвод СССР, Союззолото, Инцветмет, Якутский горный округ, КГПУ, АКО.

С одной стороны, это вело к распылению средств и снижению эффективности целенаправленных работ на золото, с другой – дало возможность получить разностороннюю научную информацию о Северо-Востоке России. Оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа по этому поводу отмечало, что *«существующий порядок геологоразведочных работ порождает обезличку и безответственность. Поэтому объединение всего геологоразведочного дела в Колымо-Индигирском Крае в одних руках настоятельно необходимо... Требуется реорганизовать Колымскую базу в Колымо-Индигирский геологоразведочный трест»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 2, д. 2, л. 27].

В 1931 г. разведкой были охвачены частично бассейн рр. Оротукан и Герба, один приток р. Бохапча и левые притоки Колымы, между устьями рр. Дебин и Таскан. В результате были открыты золотые прииски в Оротуканской долине, давшие значительный рост золотодобычи. Для расширения разведочных работ на Колыме в 1931 г. была создана Охотско-Колымская база Главного геологоразведочного управления, ставившая своей задачей производство геологических съемок, поиск и разведку полезных ископаемых.

Осенью 1931 г. в целях усиления координации геологических служб ГРБ ГГРУ и КГПЭ были объединены в геологоразведочный сектор КГПУ.

Данные, полученные в процессе геологоразведочных и геолого-поисковых работ на Колыме в конце 20-х гг., открывали громадные перспективы по развертыванию крупномасштабной промышленной добычи золота, олова и других редкоземельных металлов.

Однако складывавшаяся система хозяйствования в Колымо-Индигирском районе, в которую входили различные организации, занимавшиеся разведкой и добычей золота, а также культурным и хозяйственным строительством среди народов Севера, по своим полномочиям и возможностям совершенно не соответствовала решению главной задачи – комплексному промышленному освоению Северо-Востока России.

27 сентября 1931 г. оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа, рассмотрев положение с обеспечением плана золотодобычи на 1932 г., отмечало *«громадный разрыв между производственными планами по добыче золота, дорожно-строительными и геологоразведочными работами 1932 г. и возможностями их выполнения при наличных средствах... Зимней одежды нет совершенно... Грузы в массовом порядке портятся, хотя Краевой Конторе (Цветметснаба) известно об отсутствии складов в Нагаево. Технические грузы поступают в размере 5–10% от заявки... Заве-*

---

[48] *Цареградский В. А.* По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930–1931 годов. – Магадан : Кн. изд-во, 1987. – Кн. 2. – С. 189.

зенное оборудование не используется из-за отсутствия необходимых частей: катер без мотора, трактор без магнето, локомобиль без манометра, паровая машина без паропроводных труб, пилорама без пил и т.д.» [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 2, д. 2, л. 11].

Оргбюро констатировало, что работа Краевой конторы Цветметснаба *«граничит с вредительством в части снабжения Колымы, где выполнение программы будущего года решается снабжением в навигацию текущего года»* [Там же].

В 1930–1931 гг. на приисках царила массовая голодовка – доедали последних лошадей.

В протоколе бюро Ольского РК ВКП(б) от 23 января 1930 г. отмечалось: *«...учитывая катастрофическое положение в части продовольствия на приисках, предложить партчасти Союззолота в ударном порядке организовать собачьи транспорты для переброски грузов до Элекчана...*

Работников Союззолота по организации транспортов – Шведова (лишенец, быв. торговец, антисоветский тип), Сирошетникова (лишенец, спекулянт, антисоветский элемент), Воскресенского (активный участник банды Ярыгина)... с работы снять» [Там же. Д. 8, л. 1].

Анализ архивных документов подтверждает, что положение со снабжением приисковых районов было действительно очень тяжелым. Например, в протоколе № 1 районного партсобрания б. Нагаева от 15 сентября 1930 г. говорилось, что *«в прошлом году на приисках была допущена голодовка, отсюда вывод, чтобы в этом году не допустить голодовки, но, к сожалению, мы не можем быть гарантированы от голодовки... Положение на приисках и на базе незавидное, то, что имеется из продуктов, не успокаивает, рабочие сидят только на хлебе... В отношении мяса, сахара – ничего нет, едят лошадину... Положение очень трудное... Картина ясна: на приисках неспокойно. До сих пор нет ясности, что забросят с "материка", надо телеграфировать в Иркутск о создавшейся ситуации»* [ЦХСД МО, ф.-16, оп. 2, д. 10, лл. 10, 11, 13].

Положение усугублялось отсутствием дороги и транспортных средств. Нагаевская база «Союззолото», являвшаяся оперативным пунктом Колымского Главного приискового управления, осуществляла транспортировку грузов на основе договорных отношений с местным населением. Они выражались в том, что *«уполномоченные раздавали спирт туземцам для того, чтобы заключить договоры по транспортировке... По всей дороге до прииска валяются бутылки из-под спирта»* [Там же. Л. 12, 26].

В результате такой организации снабжение приисков осуществлялось от случая к случаю. Очень часто тунгусы просто отказывались выезжать в тайгу из-за боязни подвергнуться грабежу со стороны приисковых рабочих.

Дорожная экспедиция, занимавшаяся проектированием трассы, своей задачи не выполнила, и эта работа находилась в зачаточном состоянии. Когда специалистов-дорожников хотели задержать, то они «завыли», а затем под разными предлогами покинули Колыму.

В протоколе оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа № 7 от 6 октября 1931 г. «О ходе работ по дорожному строительству» подчеркивалось, что *«состояние дорожно-строительных работ по прокладке Колымской трассы совершенно неудовлетворительно. Плановый объем работ по строительству текущего года далеко не выполнен. Состояние проложенной дороги не отвечает необходимым требованиям зимнего движения транспорта... Слабые темпы работ неизбежно отдаляют решение чрезвычайно важных задач... ведут к переложению части непосильных тягот по переброске грузов к приискам на местное коренное население, что в условиях массовой "копытицы" поведет к уменьшению оленьего стада и отрыву населения от основных занятий. Дорожная экспедиция и КГПУ до сих пор не приняли мер к обеспечению зимних работ – заготовке лесоматериалов для мостовых сооружений»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 2, л. 17].

Состояние производственного и жилищного строительства на приисках и в Нагаево-Магаданском районе оценивалось как катастрофическое. В Далькрайком ВКП(б) направлялись запросы о снаряжении специальных пароходов для доставки стройматериалов на Колыму.

Серьезной проблемой для развития территории являлось отсутствие единого руководства и в целом разбалансированность в системе управления.

Секретарь Ольского РК ВКП(б) А. М. Пачколин говорил, что *«есть большое зло – отсутствие хозяина. У нас много хозяев! Управление приисками из Иркутска никуда не годится. Необходимо руководить здесь. Я уверен, что в этом году будет провал. Я настаиваю на создании чрезвычайной комиссии»* [Там же. Л. 11].

В результате планы капитального и дорожного строительства, добыча золота в 1930–1931 гг. оказались сорванными. В принципе вопрос стоял не о развитии, а о выживании.

Чрезвычайно важной проблемой первых лет освоения Колымы являлась задача обеспечения приисков и дорожного строительства рабочей силой. По понятным причинам того времени завербованные на материке старатели не отличались лучшими качествами.

Одних на Колыму привлекала жажда легкой наживы, других – нелады с советской действительностью, уголовное прошлое, третьих – праздное любопытство.

Бюро РКП(б) Ольского района по этому поводу отмечало, что вербовка рабочей силы с материка проведена крайне неудовлетворительно. Среди рабочих оказалось много раскулаченных и вообще неблагонадежных антисоветских элементов.

Положение этих «первооткрывателей» усугублялось тем, что *«условия быта и труда рабочих и служащих "Цветметзолото" не только не стимулировали оседание и закрепление в округе лучших кадров, но безобразнейшим их состоянием провоцировали текучесть рабсилы, со всеми ее последствиями...»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 2, л. 11].

В протоколе оргбюро ВКП(б) № 41 от 25 апреля 1932 г. «Об очистке золотопромышленного района и прилегающей к нему местности от социально опасного элемента» подчеркивалось, что в сложившихся условиях необходимо провести *«очистку указанных местностей от этого элемента»* [Там же. Д. 3, л. 36].

Однако отправка социально опасного элемента на материк *«во избежание засорения других предприятий»* и в связи с организацией УСВИТЛа была уже нецелесообразной.

В целом отмечалось, что по причинам объективного и субъективного характера *«темпы строительства в Нагаево и на приисках, предложенные партией и правительством, ни в коей мере не могли быть освоены наличными силами и средствами»* [Там же].

Таким образом, на рубеже 30-х гг. возникла реальная необходимость принятия кардинального решения о перспективах дальнейшего развития горнодобывающей промышленности в районах Колымы и создании мощной государственной организации, способной в тяжелейших условиях Крайнего Севера на совершенно неосвоенной территории начать крупномасштабную промышленную добычу золота.

Глава 2
ОСОБЫЕ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЛЫМЫ И ЧУКОТКИ В 1931–1953 гг.

2.1. Комбинат особого типа «Дальстрой»

Концептуальные основы создания Дальстроя и структуры органов управления первоначально были определены в Постановлении ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. «О Колыме» и конкретизированы в последующих Постановлениях СТО и СНК СССР.

В преамбуле Постановления ЦК ВКП(б) говорилось: *«Для формирования золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). Наблюдение и контроль за деятельностью треста возложить на т. Ягоду. Для непосредственного руководства всей работой треста назначить директором тов. Берзина с пребыванием его на месте»*[49].

Это основополагающее решение затем было оформлено Постановлениями СТО № 516 от 13 ноября и № 518 от 14 ноября 1931 г.*

Анализ этих документов говорит о том, что в создании Дальстроя принимали участие все высшие органы исполнительной власти и политического руководства государства – ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВСНХ, СТО, а также ведущие Наркоматы – ОГПУ, Наркомфин, НКТП, НКПС, Наркомснаб и др.

Персональная ответственность возлагалась на Председателя СНК и СТО В. М. Молотова, а по организационным вопросам на Г. Ягоду (председатель ОГПУ), В. М. Куйбышева, Я. Рудзутака, К. Е. Ворошилова, а также руководителей наркоматов и партийных органов ЯАССР и Хабаровского края.

Уровень принятых решений и особые полномочия исключительного характера, санкционированные государством, указывали на то, что Советское правительство придавало исключительное, чрезвычайно важное значение созданию на Северо-Востоке России не просто промышленного центра по добыче золота, а мощной комплексной социально-экономической структуры с высокой степенью самоуправления, способной решать задачи общегосударственного значения.

Уже к середине 30-х гг. Дальстрой занимал ведущее место в экономике СССР по добыче золота, стал крупнейшим по территории и масштабам освоения хозяйствующим субъектом, а в системе НКВД он формировался как *«специфический лагерь, куда нельзя было переносить порядки, установленные для территориальных органов, хозяйственных и других организаций»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 203, л. 89].

В отличие от других предприятий золотопромышленности, в том числе входивших в систему ГУЛАГа, Дальстрой имел ряд специфических особенностей.

С момента его образования *«производственные планы ДС по добыче золота, равно как и олова, ежегодно утверждались специальным Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которыми одновременно определялись основные мероприятия по обеспечению выполнения этих планов»* [Там же. Д. 5, л. 13].

В зоне деятельности этой суперорганизации, территория которой увеличилась (вне рамок административно-территориального деления страны) в 1932–1953 гг. с 450 тыс. км² до 2,8 млн км² (1/8 часть СССР), не действовали многие обязательные Постановления СНК-СМ СССР по вопросам планирования, финансирования, отчетности, оплаты труда, а также форм и методов организации производства и т. д.

Концепция массового применения труда заключенных в особо сложных условиях и труднодоступных районах страны, выработанная комиссией ЦК ВКП(б) и ОГПУ, нашла свое реальное применение на Колыме, где был создан самый большой по территории промышленный лагерь.

Региональные особенности определялись спецификой Севера – природно-климатическими условиями, географической отдаленностью, геологической малоизученностью, отсутствием коммуникаций и промышленности, малонаселенностью.

Современники говорили, что *«Колыма была в 1932 и 1933 г. и 1934 г. страной Джека Лондона, страной экзотики...»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 21].

---

[49] *Бацаев И. Д., Козлов А. Г.* Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах : в 2 ч. Ч. 1 (1931–1941). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 381 с.

* До опубликования полного текста Постановления ЦК ВКП(б) «О Колыме» исследователи лишь ссылались на него и ошибочно считали, что гострест «Дальстрой» образован Постановлением СТО № 516.

В генеральном плане развития Дальстроя в 1938–1947 гг. подчеркивалось, что *«в 1932 г. никто точно не знал, сколько и где на Колыме имеется золота. О наличии других ценных ископаемых только догадывались. Гидроэнергетические ресурсы были еще менее известны. Путей сообщения не было никаких, кроме диких троп и дикой реки. Грузы возили гужом на лошадях, оленях, собаках. Жили в приискательских хибарах и палатках. Золото мыли граммами. Работали десятки пришлых старателей. Прииски часто голодали и цинговали... по кочевьям и улусам гуляла трахома и туберкулез»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 536, л. 10].

Вот в таких условиях Дальстрой начинал свою деятельность. Причем уже в 1931 г. Советское правительство обязало его добыть 2 т золота, в 1932 г. – 10 т и в 1933 г. – 25 т. Заметим, что сырьевая специализация создаваемого треста плотно увязывалась с комплексным социально-экономическим развитием районов Колымы и Охотского побережья.

В Постановлении ЦК ВКП(б) «О Колыме» как основная ставилась задача *«считать необходимым в приисковом районе создать промышленный культурный город, для чего распланировать его соответствующим образом с тем, чтобы на месте этого города уже теперь приступить к постройке домов, бань, школ, столовых, больниц, красных уголков, кино и т. д.»*[50].

Цель организации Дальстроя имела не тактическое (локальное), а стратегическое значение и по мере усложнения задач освоения территории Северо-Востока России приобретала все более важную роль.

Основные положения советской доктрины, направленной на вовлечение в народнохозяйственный комплекс страны перспективных, но труднодоступных и с экономической точки зрения высокозатратных регионов, были сформулированы на XVI съезде ВКП(б).

Одну из главных проблем – перераспределение трудовых ресурсов для решения хозяйственных задач в новых экономических районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера – планировалось осуществить посредством регулируемой миграции вольнонаемного, в основном сельского населения, демобилизованных из РККА и массовой переброски ссыльных и заключенных ИТЛ-ИТК.

Считалось, что таким образом открываются неограниченные перспективы широкого маневра материальными резервами и людскими ресурсами для эффективного подъема экономики. В рамках этой концепции приоритетное значение отводилось так называемой мобилизационной, административной системе, достаточно гибкой и приспособленной к местным условиям.

Поэтому для выполнения поставленных задач, наряду с проблемами чисто технического характера, в Дальстрое необходимо было создать эффективную систему управления, которая была бы способна оперативно, в отрыве от центральных органов, координировать в комплексе вопросы промышленной, социальной и исправительно-трудовой политики.

Копирование общесоюзных форм и методов развития экономических районов в условиях Северо-Востока, в силу специфического характера Дальстроя и ряда объективных причин, было недопустимо, в то же время не было и аналогов.

Практический опыт репрессивной политики в сфере производства (Соловецкий лагерь ОГПУ, Вишера) был невелик, и еще не была выработана определенная методика массового применения труда заключенных на совершенно не освоенных территориях, где только планировалось развернуть великие стройки социализма.

Нестандартная ситуация требовала неординарных решений, поэтому в основу создаваемой структуры закладывался принцип полной самостоятельности по хозяйственным вопросам, без промежуточного согласования с союзными и республиканскими Наркоматами и ведомствами и сосредоточения функций государственной власти в одном лице под контролем ЦК ВКП(б).

Это была на первый взгляд классическая административно-директивная система управления, но в процессе эволюции она постепенно приобрела черты административно-карательной.

Дальстрой являлся своеобразным полигоном по отработке специфических форм и методов освоения экстремальных регионов России (особенно в первое десятилетие), где широкое применение вольнонаемного труда было осложнено или нецелесообразно из-за высоких затрат, а относительно дешевый труд заключенных давал максимальный экономический эффект.

Создание Дальстроя и других комбинатов особого типа (Воркута, Норильск), а также всей системы ГУЛАГа в стратегическом плане должно было стать убедительным доказательством эффективности репрессивно-карательной политики не только в «перевоспитании» и ликвидации классовых противников, но и в создании социалистической экономики специфическими методами. «Класс» заключенных становился своеобразным социальным тараном, создающим на своих костях базовые условия для нормального развития экономики на неосвоенных территориях и в сфере особо трудоемких производств.

---

[50] *Бацаев И. Д., Козлов А. Г.* Дальстрой..., 2002. – Ч. 1. – С. 20.

С организацией Дальстроя ранее необжитая, имевшая огромные перспективы промышленного развития территория включалась в единый народнохозяйственный промышленно-транспортный комплекс страны, занимая в нем ключевое место как источник золотовалютных резервов.

Это в свою очередь дало толчок к развитию морского транспорта Дальнего Востока, способствовало интенсификации перевозок по Северному морскому пути, внутрирегиональному дорожному строительству с выходом на Якутск и созданию на Колыме речных и воздушных коммуникаций. Кроме этого, районы, охваченные деятельностью Дальстроя, наряду с Камчаткой приобретали важное военно-стратегическое значение как составная часть единого оборонного пространства ДВК в целом.

В процессе планомерной добровольно-принудительной переброски трудоспособного населения, основную часть которого составляли заключенные, решалась также чрезвычайно важная, имевшая государственное значение проблема заселения Северо-Востока и создания условий для дальнейшего социально-экономического развития районов не только Колымы, но и Чукотки и Камчатки.

В целях закрепления кадров для вольнонаемных, заключенных и спецпереселенцев Советское правительство вводило целую систему льгот, а для опасных уголовных и антисоветских элементов применялись принудительные меры.

В отличие от других промышленных лагерей ГУЛАГа главная особенность Дальстроя заключалась в том, что *«основная масса рабочей силы и некоторая часть инженерно-технического персонала и служащих состояла из заключенных...»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1596, лл. 53, 54].

Все это в комплексе оказало решающее влияние на организационную структуру треста и функции органов власти и управления.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. было определено, что в районе деятельности Дальстроя «устанавливается режим комендатуры с подчинением коменданту т. Берзину», являвшемуся одновременно директором треста[51].

В Постановлении СТО № 516 от 13 ноября оговаривались исключительные полномочия директора и зафиксирован особый статус (не имевший аналогов) создаваемого треста. В частности, в нем говорилось, что *«директор руководит всеми делами треста, управляет его имуществом и совершает, руководствуясь действующим законодательством Союза ССР и соображениями хозяйственной целесообразности, все необходимые операции для управления этим имуществом и действует на основании доверенности СТО»*[*].

Таким образом, в лице Э. П. Берзина как коменданта-директора сосредотачивалась вся исполнительная, военная и партийная власть, причем впервые государство делегировало ему право решать хозяйственные и иные вопросы, исходя из принципа «целесообразности», без обязательного для других хозяйствующих субъектов согласования с вышестоящими инстанциями. Э. П. Берзин являлся уполномоченным УДВИК и уполномоченным представителем ОГПУ по ДВК.

Для определения статуса Дальстроя надо иметь в виду следующее. Согласно Постановлению № 516 он создавался «в непосредственном подчинении Совету труда и обороны» [Там же]. Однако в Постановлении ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. говорится: *«...в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б)»* [Там же].

В то же время З. А. Алмазов, являвшийся помощником директора Дальстроя и по совместительству заместителем начальника ГУЛАГа, выступая на I межрайонной партконференции (1–4 февраля 1935 г.), говорил: *«Есть вещи, которые не объясняют. Наша организация сверху донизу есть детище НКВД, и это не надо забывать»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 54].

Постановлением правительства Дальстрою запрещалось предоставлять отчетные данные каким-либо организациям без соответствующего специального разрешения НКВД СССР.

Можно утверждать, что Дальстрой фактически находился под контролем высшего руководства – ЦК ВКП(б), а исполнительные функции возлагались на ОГПУ-НКВД[**]. Что касается СТО, то этот орган власти лишь координировал вопросы снабжения и был связующим звеном между ДС и отраслевыми наркоматами и ведомствами.

Важное место в структуре Дальстроя занимала партийная организация, создававшая жесткий каркас административного управления и выполнявшая организационные и контрольные функции за деятельность всех хозяйственных органов.

Партаппарат начал формироваться сразу по прибытии оргруппы Дальстроя в б. Нагаева. Уже 7 марта 1932 г. было проведено учредительное собрание в составе бюро аппарата «Цветметзолото» и представителей ДС, на котором образовали объединенное бюро ВКП(б) Дальстроя. Его секретарем избрали инженера-геолога П. Э. Григорьева, членами: Э. П. Берзина, Р. К. Балыня, М. С. Краснова и др.[52]

---

[51] *Бацаев И. Д., Козлов А. Г.* Дальстрой..., 2002. – Ч. 1. – С. 20, 21.

[*] Там же. С. 21.

[**] Ряд важных документов директивного характера подписывался тремя подписями – И. В. Сталина, В. М. Молотова, Н. И. Ежова.

[52] *Жихарев М. А.* Очерки..., 1961. – С. 168.

В организационный период влияние партийной организации в руководстве трестом было незначительным, а ее деятельность олицетворял директор ДС Э. П. Берзин, являвшийся уполномоченным Далькрайкома ВКП(б). С одной стороны, это было особенностью, но с другой – отражением общей концепции партийного строительства этого периода, при которой через диктатуру отдельных лиц выражалась диктатура партии.

Несмотря на свою малочисленность (около 100 чел.), парторганизация сразу нацеливалась, наряду с политическими задачами (пропаганда и агитации, борьба с уклонами, расстановка кадров и пр.), на решение широкого спектра вопросов от перевоспитания «чуждого элемента» до выполнения государственных планов.

Отметим, что в публикациях 50–80-х гг. роль коммунистов Дальстроя (по объективным причинам) оценивалась как решающая, а в 90-е гг. возобладала позиция замалчивания.

А между тем именно коммунисты находились на руководящих постах во всех секторах управления и производства, являлись идеологическими и техническими проводниками промышленной и репрессивно-карательной политики, часто становясь ее первыми жертвами. Эти аспекты истории требуют пояснения и объективного изучения.

В июле 1932 г. объединенное бюро ВКП(б) преобразуется в партком Дальстроя, организуются партийные ячейки в Среднекане, Оротукане, на Утинке, т. е. в основных золотодобывающих районах, что позволило значительно повысить контроль за ситуацией на приисках со стороны дирекции треста. По мере укрепления позиций парткома и с учетом особого режима создаваемого треста, который готовился к массовому приему заключенных, встал вопрос о дальнейшей судьбе оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа.

Произошло разделение сфер влияния. Оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа сосредотачивало свою работу в национальных районах – Ольском, Северо-Эвенском, Среднеканском, а партком ДС – во всех отраслях основного и вспомогательного производства, связанных с золотодобычей и дорожным строительством.

Однако это не решало проблему кардинально и не согласовывалось с рядом решений центральных органов власти. Так, Постановлением СТО № 1358/398с от 28 сентября 1932 г. был определен район деятельности Дальстроя в следующих границах: побережье Охотского моря от устья р. Тауй до с. Гижига, границы Корякского и Чукотского национальных округов, государственная граница Якутской АССР, верховье правых притоков р.Тауй.

ЦК ВКП(б) решением от 28 октября 1932 г. возложил на аппарат управления треста руководство всей партийно-советской, административной и хозяйственной работой среди местного коренного населения Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского районов Хабаровского края.

В связи с этим СТО потребовал от крайисполкома не позднее 15 ноября 1932 г. перенести центр Охотско-Эвенского округа в Охотск с передачей всего имущества окружных организаций в ведение треста. Административные функции по руководству районами передавались директору Дальстроя как уполномоченному крайисполкома.

Главными направлениями деятельности оргбюро ВКП(б) являлись: в хозяйственной сфере – завершение сплошной коллективизации среди оседлого и кочевого населения, развитие совместно с АКО рыбной промышленности и традиционных промыслов, а в социальной – создание сети просветительских, образовательных, медицинских учреждений в 11 национальных центрах, которые планировалось построить в 1932 г.

Однако РИКи и оргбюро ВКП(б) не располагали необходимыми материалами и финансовыми ресурсами и находились в крайне затруднительном положении. В 1932 г. ситуация с развитием народного хозяйства и особенно со снабжением коренного населения в этих районах стала критической.

В резолюции по отчетному докладу оргкомитета округа (протокол № 37 от 18 апреля 1932 г.) отмечались крайне неудовлетворительная работа интегральной кооперации по доставке грузов в отдаленные районы Колымы, полный развал в добыче рыбы и морзверя из-за отсутствия соли, сетей, лодок, кунгасов и пр., срыв государственных пушных заготовок и рост контрабанды. *«Планы культурного строительства и советизации округа находились под угрозой, благодаря урезке в крае окружных контрольных цифр по бюджету»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 3, л. 22].

В резолюции «О плане промышленной и сельскохозяйственной колонизации в округе» констатировалось, что АКО и Интегралкооперация не в состоянии выполнить поставленных задач социалистического строительства. Исполнительный комитет и оргбюро ВКП(б) Охотско-Эвенского округа не могли в полном объеме выполнять функции органов государственного управления, а торгово-промышленные предприятия (АКО, Интегралсоюз) решали только свои узковедомственные задачи. Решение СТО о переводе окружного центра в Охотск еще более обострило обстановку.

На стадии подготовки оргбюро ВКП(б) пыталось возражать против такой реорганизации. В протоколе заседания № 50 от 10 июля 1932 г. говорилось: *«1) Категорически настаивать в случае перевода центра округа на Аяне и категорически возражать против Охотска. 2) Приступить к подготовке переброски округа в новое место»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 3, л. 50].

25 ноября 1932 г. оргбюро вновь обращается в крайком ВКП(б), считая, что *«перемещение окружного центра в Охотск нецелесообразно по той причине, что: а) Охотск находится на краю Округа; б) в Охотске совершенно нет свободного жилого фонда; в) окружной центр перенести в Аян»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 3, л. 72].

Оргбюро также просило из-за невозможности в сжатые сроки выполнить решение ЦК ВКП(б) отложить перевод окружных организаций до лета 1933 г. Однако решение ЦК ВКП(б) и постановления СТО остались в силе, а в интересах Дальстроя Охотско-Эвенский округ был вообще ликвидирован.

Таким образом, Дальстрой и его парторганизация установили свое влияние на всю территорию Ольского, Северо-Эвенского, Среднеканского районов, хотя формально они подчинялись и Хабаровскому крайисполкому.

Основное внимание парткома в этот период было сосредоточено на подборе и расстановке членов партии на руководящие должности в сфере производства. Это оказалось непростым делом, так как качественный состав коммунистов отличался неоднородностью и проблема кадров стояла очень остро.

Э. П. Берзин по этому поводу говорил: *«Вопрос о кадрах очень серьезный... Какие кадры сначала прибывали на Колыму? Например, по партлинии, начиная с 1928 г. и до 1931 г. считали, что на периферию надо посылать так называемых "крапленых" коммунистов. В центре напортачил... за шкирку и на периферию. В те времена приехала часть таких голубчиков, а за ними пришли судебные приговоры»* [Там же. Д. 62, л. 38].

Эта ситуация объясняет, почему на многие должности в производстве, лагерном секторе и управлении руководство ДС было вынуждено назначить заключенных-специалистов, в том числе осужденных за антисоветскую, контрреволюционную троцкистскую деятельность, что категорически запрещалось приказами ОГПУ-НКВД СССР и инструкциями ГУЛАГа.

В конце 1933 г. в парторганизации Дальстроя проводилась структурная реорганизация в целях повышения уровня оперативности в принятии решений и ликвидации бюрократизма. Партком ДС преобразовывался в политчасть, а непосредственное руководство партийной работой возлагалось на помощника директора, кандидатура которого утверждалась ЦК ВКП(б)*.

В 1933–1934 гг. влияние парторганов в управлении трестом было принижено (нонсенс советской системы), а их деятельность сводилась к неукоснительному выполнению приказов директора по вопросам развития производства.

В этот же период в рамках общесоюзной кампании была проведена первая чистка партийных рядов, так как в принципе справедливо считали, что из тех коммунистов, которые прибыли на Колыму в 1932–1934 гг., *«многие оказались пьяницами, бездельниками, фальшивыми специалистами»* [Там же. Д. 55, л. 21].

Эта проблема была актуальна еще и потому, что партбилет, как правило, гарантировал назначение на хорошо оплачиваемые должности в административно-хозяйственном аппарате и лагерной администрации. В 1934 г. лишь 11% коммунистов работали на производстве, 50% – в аппарате управления, 39% – в УСВИТЛе и ВОХР.

В результате чистки за искривления национальной политики, имевшие место в Оле, Наяхане, Тауйске, моральное разложение, а также по признакам социальной принадлежности и по материалам партийного контроля из 231 члена и 120 кандидатов в члены ВКП(б) были исключены 43 чел. и распущены партийные комитеты на Оле и в УАТе.

Итоги этой кампании, а также новые политические и хозяйственные задачи парторганизации были рассмотрены на I межрайонной конференции, проходившей 1–4 февраля 1935 г.

В материалах конференции указывалось, что во главу угла партийных органов должна быть поставлена работа по перестройке всех звеньев ДС согласно директивам XVII съезда ВКП(б) по переходу к конкретному оперативному руководству производством, усилению единоначалия и проверке исполнения.

Делегат Батырев наиболее точно определил место, которое занимала парторганизация в первые годы ее существования. Он подчеркнул: *«Корень – что организация работала плохо, есть результат недостаточного руководства со стороны Уполномоченного Крайкома т. Берзина... Партийная организация в его лице как бы была излишней надстройкой, авторитет которой стоял не на высоте, да и никто и не пытался его создать»* [Там же. Л. 31].

Действительно, анализ документов (приказы, распоряжения, стенограммы партсобраний и пр.) указывает на то, что Э. П. Берзин, обладавший диктаторскими полномочиями, сознавая свою персональную ответственность за выполнение государственных планов перед ЦК ВКП(б), лично перед И. В. Сталиным, очень часто просто игнорировал решения политчасти.

Он открыто и неоднократно говорил, что не допустит никакой критики руководства и вмешательства в дела треста со стороны парткома, и требовал четкого выполнения своих распоряжений.

---

*Постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1932 г.

Одному из членов политчасти (Павлову) Э. П. Берзин довольно грубо заметил: *«Если будешь продолжать* (критиковать. – *И. Б.*), *то в лучшем случае получишь путевку на "материк", а в худшем попадешь в лагерь»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 3, л. 33].

Партийная организация треста отличалась двумя особенностями: авторитарным методом ее руководства со стороны дирекции и лагерной спецификой и режимом секретности.

На собраниях и конференциях коммунисты неоднократно подчеркивали, что *«для нас ясно, что на Колыме вокруг нас цветут не розы, а шипы, и очень ядовитые шипы, действующие тихой сапой, изменившие методы и способы борьбы и ежедневно, ежемесячно вставляющие в колеса социалистической колесницы тормоза как только могут»* [ЦХСД МО, ф.-1, д. 55, л. 22]. Причем эта ситуация оценивалась по-разному.

С точки зрения политчасти, некоторые коммунисты, работая бок о бок с заключенными, неправильно понимали их социальное положение, т. е. вели себя по-человечески. Во многих документах того времени неоднократно фиксировалось, что вольнонаемные, в том числе члены ВКП(б), относились к заключенным «запанибрата», говорили, что они «неплохие ребята, а имеют по 10 лет – это недоразумение» [Там же. Д. 62, л. 21]. Вот один из примеров. *«Собираются коммунисты, беспартийные, профсоюзники проводить Октябрьскую годовщину и тут же з/к з/к. Подвыпили, как полагается, и выступает один з/к, говорит: "Раньше мы с полицией не пили, а теперь вроде, что с полицией выпиваем"»* [Там же. Д. 77, л. 64].

Э. П. Берзин подчеркивал, что *«среди членов партии теряется грань взаимоотношений в работе с этими людьми»* [Там же. Д. 76, л. 2].

Некоторые были склонны видеть в этом феномене так называемое колымское братство, возникшее в первые годы освоения Крайнего Севера, когда условия труда и быта вольнонаемных рабочих и служащих и заключенных практически ничем не отличались.

Начало 30-х гг. – это время парадоксов, но вполне объяснимых. Нельзя отрицать, что, с одной стороны, на Колыме царил «волчий закон», основанный на воровских понятиях, а с другой – выживание и тех и других во многом зависело от взаимовыручки.

В крупнейших управлениях ДС (УАТе, СГПУ, ЮГПУ, Дорстрое) и даже в аппарате дирекции и лагадминистрации на руководящих должностях работали «сплошь и рядом» заключенные и бывшие заключенные, осужденные по ст. 58 УК РСФСР.

В 1935 г. на Колыме проводилась проверка партийных документов – новая чистка, которая была направлена на выявление троцкистов, зиновьевцев, социально чуждых элементов, т. е. на разгром врагов народа или, как их называли на Колыме, «третьей силы». Цель этой кампании была определена в письме ЦК ВКП(б): *«...чтобы ни один враг, ни один чужак не могли проникнуть в партийные ряды»* [Там же. Л. 7].

В УАТе, ЮГПУ, СГПУ, дирекции проверили 156 членов партии – 45,8% от всех членов ВКП(б). В результате за утерю партбилетов, учетных карточек, искажение автобиографических данных и пр. из партии «вычистили» несколько десятков человек. На партийных собраниях выступления коммунистов отличались категоричностью в суждениях, нетерпимостью ко всему, что противоречило линии ЦК ВКП(б). На Колыме началась борьба с идеями и мнениями.

Уже на I межрайонной конференции в 1935 г. П. Н. Коцерубов говорил: *«На должной высоте у нас революционная законность и бдительность? Нет! Нарушение дисциплины, распущенность, полное самоуспокоение, чрезмерное доверие к классовому врагу – вот, что мы имеем»* [Там же. Д. 55, л. 45].

Тяжелое положение на автотранспорте, срывы снабжения приисков, недовыполнение планов и прочие недостатки квалифицировались уже как целенаправленное вредительство. Однако это не соответствовало действительности.

Например, из-за отсутствия запчастей и ремонтной базы в 1934 г. только 38% машин марки АМО находились в эксплуатации, а в целом по этой причине автопарк оказался изношенным на 70–80%. На Стрелку, где не было даже примитивной мастерской, направили много тракторов, которые также вышли из строя.

В 1935 г. из 260 автомобилей и 93 тракторов действовали соответственно 135 и 68. Коэффициент использования машин АМО-3 не превышал 25,5%, ЗИС-5 – 53,7%. В капитальном и дорожном строительстве фактические материальные и финансовые затраты превышали планируемые в 2,5–3 раза.

Производственные просчеты, некомпетентность, бесхозяйственность руководителей и специалистов, поломки оборудования определялись как политические вылазки контрреволюционных, антисоветских вредителей.

Начальник УСВИТЛа И. Г. Филиппов говорил на конференции: *«Я сколько раз подчеркивал то, что говорил Эдуард Петрович – окружает нас чертовская сила... тут много изменников, зиновьевцев, каменевцев. Они работу не прекращают, работают тонко»* [Там же. Д. 62, л. 20].

В «контру» попали даже такие экзотические «организации», как «Припухстрой» на Утинке, «Союз малохольных» в УАТе и «Группа женихов».

О контрреволюционной деятельности последних говорилось следующее: *«Есть "группа женихов", ей дали такое название потому, что стали чистенько одеваться – эти горняки... занимались пьянкой. Эта группа, если бы ее не обнаружили, могла перейти в антисоветскую и даже политическую группу»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 83]. Могла не могла – не важно, но свои 5 лет лагерей они получили.

Основное направление деятельности политорганов определялось решениями февральско-мартовского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б): во-первых, жесточайшая бдительность и, во-вторых, критика и самокритика, т. е. своеобразный огонь по штабам.

Начальник политчасти Б. А. Булыгин говорил на III партконференции (18–19 апреля 1937 г.), что, несмотря на большую работу, *«классовая бдительность далеко не поднялась. Об этом свидетельствует наличие в организации прямых врагов партии – троцкистов, зиновьевцев... Эти враги были не безызвестны целому ряду партийных товарищей нашей организации, в т. ч. Политчасти»* [Там же. Л. 7].

Эту точку зрения разделял и Э. П. Берзин: *«Я никогда не ставил перед Вами вопрос, что всех троцкистов надо добивать, но ставлю резко – ...бдительность должна быть... Мы такую линию ведем, сажали и будем сажать, и в этом отношении у нас рука не дрогнет»* [Там же].

В этот период многие члены партии подверглись репрессиям, в том числе А. В. Мусатов, М. М. Кандер, Н. И. Мовсесов, Л. Я. Раскин, Рендель, Гомберг, Лисин, Самойлов и др.

По поводу начавшихся арестов член парткомиссии Р. А. Апин (редактор газеты «Советская Колыма») сказал: *«...как суд мог осудить этих людей, если бы он более или менее объективно, опираясь на советский закон, подошел бы к этому делу? Очевидно, суд тоже прислушивается к тому, что ему скажут. Советские законы нетерпимо попираются членами партии. У нас, у коммунистов, вошло в привычку бить своих членов»* [Там же. Л. 30].

На это замечание судья Н. Сергеева (парторг крайсуда и прокуратуры) заявила следующее: *«Да, у нас есть свое пролетарское чутье, и поэтому мы судим правильно. Мы судили 20 чел. паразитов-троцкистов, говоривших во всеуслышанье, что мы боролись и будем бороться с партией... Об Иванове... Он как-то сказал не так, как говорит товарищ Сталин, что из техники надо выжать все, а сказал: из рабочих надо выжать все. Признан врагом народа и дали 10 лет»* [Там же. Л. 48].

Не подозревая о своей дальнейшей судьбе, Э. П. Берзин подчеркивал в начале 1937 г., что *«во всяком случае это только начало, это только цветочки и более ничего – следовательно, ягодки впереди»* [Там же. Л. 359]. В вину ставились уже не только действительные просчеты (простои транспорта, приписки объемов, срывы строительства, хищения и т. д.), но и любое инакомыслие и «политическое недомыслие». Политчасть была засыпана различного рода сигналами. Например, в Оротукане на арке конбазы по бокам висели портреты Ленина и Сталина, а посередине – две лошадиные морды в 2 раза большего размера. Разумеется, это была вылазка классового врага, и виновные были осуждены по ст. 58 УК сроком на 10 лет лагерей. Таких примеров множество.

В партийной печати (газеты «Советская Колыма», «Орочельская правда», «Красный горняк», «За большевистский стиль», «На боевом посту», «За стахановский автотранспорт», «Стахановец дороги») развернулась идеологическая кампания травли врагов народа и членов их семей. Например, «трудящиеся» требовали выселить жен врагов народа и партии из Магадана на трассу, так как они недостойны жить в нормальных условиях, прекратить оказывать им медицинскую помощь (*«Эти граждане, которые вредили нам, смеют еще просить о лечении за советские рубли»* [Там же]).

Были дела посерьезней. Органы НКВД подогревали обстановку, рапортуя о разгроме троцкистской вредительской организации на Атке в УАТе (арестован 21 водитель), раскрытии «политического» убийства секретаря комитета комсомола Т. Маландиной, ликвидации антисоветских вооруженных банд на приисках «Горная загадка», «Разведчик» ЮГПУ, аресте контрреволюционной диверсионной группы, орудовавшей на строительстве колымского моста, и повстанческой группы (более 10 чел.) в СГПУ.

Выступая перед коммунистами, Э. П. Берзин говорил, что *«в этом году нам будет особенно жарко. Мы имеем в лагере в своем составе 75% каэровцев, а 25% что-то похожее на бытовые статьи... В прошлом году мы изъяли 22 банды... а сейчас с февраля активность к-р элементов в лагере огромная... В этом году мы вообще думаем усилить войсками Колыму»* [Там же. Л. 374].

Разумеется, деятельность парторганизации как важного звена системы управления в этот период не ограничивалась только борьбой с «вредителями» и их «пособниками». Регулярно рассматривались проблемы развития основного производства, социальной сферы и национальной политики.

В 1937 г. на III партконференции центральное место занимал вопрос о структурной перестройке системы управления трестом и партийных органов.

Ряд делегатов предлагали реорганизовать партийную организацию на основе Устава ВКП(б) – ликвидировать чрезвычайщину в партийной работе, сформировать районные и областной комитеты ВКП(б).

Кроме этого, они настаивали на предоставлении членам партии более широкой демократии во внутрипартийной работе и права влиять на принятие решений, т. е. поставить под контроль партии

руководство треста и УСВИТЛа. Это было глубокое заблуждение, порожденное несоответствием провозглашенных Конституцией СССР 1936 г. принципов советского строительства и реальной практикой политического террора, проводимой ВКП(б).

Э. П. Берзин, учитывая специфику Дальстроя и перспективы дальнейшего развития, выступил против любых форм либерализации партийной жизни и перестройки в этом направлении структуры управления. Свою точку зрения (которая вряд ли расходилась с мнением НКВД) он выразил так: *«Товарищи говорили относительно создания областного комитета партии. Вряд ли будет правильно, если мы пойдем по этой линии. Мое личное мнение таково, что Колыме нужна парторганизация порядка военной организации... Основная масса рабочей силы – заключенные. Вот почему я говорю, что нам нужна организация порядка военной организации. Будет ли Политуправление – это было бы неплохо, но оно должно быть чисто военного оттенка»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 374].

Тем не менее III партконференция постановила ходатайствовать перед ЦК ВКП(б) о быстрейшем изменении структуры руководящего партийного органа на Колыме в соответствии с Уставом партии, ликвидировать УДВИК как противоречившее принципам Сталинской Конституции, создать постоянные советские органы власти на демократических началах.

В связи с новыми задачами освоения Колымы существующая система управления в аппарате треста признавалась неудовлетворительной.

Директору Дальстроя предписывалось поставить этот вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительственными органами. Для повышения уровня оперативного руководства промышленными предприятиями планировалось перевести административный центр из Магадана в Таскан.

В целом в 1937 г. парторганизация нацеливалась на решение широкого круга хозяйственных вопросов, но в атмосфере всеобщей подозрительности и поиска врагов народа ее позитивная деятельность была парализована. Было принято решение немедленно убрать с руководящих инженерно-технических должностей всех заключенных, особенно осужденных за антисоветские преступления, и заменить их членами партии, даже если их квалификация не соответствовала требованиям.

Однако это решение вызвало сопротивление со стороны практических руководителей, от которых зависело выполнение государственного плана.

Например, начальник Северного ГПУ Флоров говорил: *«Я хозяин СГПУ, и снимать заключенных с руководящей и технической работы, хотя они и имеют 58 статью и КРДТ, не позволю и не разрешаю выполнять указания в этой части РО НКВД»* [ГАМО, ф.р-80, оп. 1 д. 147, л. 8].

Аналогичной позиции придерживалось большинство начальников предприятий. Они в принципе одобряли репрессии в целом, но в каждом отдельном случае, касавшемся его предприятия, выступали против.

Руководство ДС серьезно опасалось подрывной деятельности так называемых каэровцев, составлявших 75% от всех заключенных Севвостлага.

О том, какая нервозная обстановка сложилась на Колыме, можно понять из стенограмм партийных собраний и конференции. Например, указывалось, что *«при проведении партийных собраний должны быть элементы конспирации, так уж исстари в партии велось, и надо болтунов привлекать к самой суровой партийной ответственности»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 33].

На III партконференции завязался интересный разговор.

Желнинский (1-я автобаза): *«Каэровцев сейчас много навезли, КРТД – 33 чел... У нас из них 4 чел. – крупные люди в прошлом, очевидно, не по ошибке попали, есть один бывший Нарком, зам. Наркома. Они здесь в плановом отделе снабжением заворачивают... Инспектором взяли троцкиста. В одно прекрасное время... все машины пойдут под откос. <···> Теперь немного об этом самом Эпштейне Л. М. ...Все говорят, что он – сукин сын и т. д.».*

Голоса с места: *«Он хороший человек».*

Желнинский: *«А у нас создается недоумение... он же контрреволюционер!»*

Берзин: *«Желнинский, если так еще сутки поговорим, договоримся до того, что расстрелять его надо».*

Желнинский: *«Вот именно!»* <···>

Павлов (Мортран): *«Надо иметь в виду, что наши пароходы проходят мимо японских островов, а комсостав у нас еще не коммунизирован и еще нельзя доверяться всем капитанам, в любой момент могут повернуть их в другую сторону. Надо сказать, что в Мортране на целом ряде участков были открыты троцкисты»* [Там же. Д. 77, лл. 70–74].

Лаврентьев (УСВИТЛ): *«Вопрос правильного политического руководства при наличии в лагере колоссального количества контрреволюционного элемента... это я говорю о прибывших по КРТД статьям – является главным. ...Разве не есть причина нашей беспечности, нашего наплевательского отношения, что на Атке, на Спорном вскрыты контрреволюционные организации, которые здесь судили... Мы полагались на каких-то лагерных начальников, на заключенных-воспитателей, на заключенных-начальников командировок и подлагпунктов»* [Там же. Д. 76, лл. 90, 91].

В докладе на III партконференции Э. П. Берзин тоже громил врагов народа, проникших в руководство треста: *«Теперь о Кандере. В 1924 году состоял в троцкистской организации, с нескольких мест был вышиблен, исключен из партии. Об этом мне никто ни одним словом не обмолвился... Приходит материал Читинской парткомиссии, где говорится, что Кандер возглавлял троцкистскую оппозицию в 1926 г. во Владивостоке. Вот вам лицо Кандера.*

Дальше, мы имеем не одного такого человека, мы имели всем известного прокурора Нечаева. Человек проходит проверку. В Магадане и других местах он был мировым оратором, ему кричат "ура", хлопают... Как он сюда попал? Как все члены партии – по вербовке. Алмазов выдвинул его прокурором, Край утвердил. ...Мы прошляпили с Мовсесовым, потом все-таки исключили из партии. Прибегает он ко мне, кричит: "Я буду жаловаться Радеку, Пятакову (нашел, кому жаловаться. – *И. Б.*)*". Отвечаю: "Пожалуйста, только, милый человек, я тебе не советую отсюда уезжать. Если нужно будет тебя посадить – посадим тебя здесь". ...Мовсесов идет к Нечаеву, получает от него записку на имя Крайпрокурора Чернина, чтобы он оказал ему содействие. Когда приехал Лаврентьев, он говорит: "Проверьте-ка Нечаева". Проверили... Приходит бумага из НКВД, что Нечаев – авантюрист, содержатель домов терпимости и прочее.*

О Мусатове. ...Проверили человека, а он оказался врагом» [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, лл. 358, 359].

Выражая общую точку зрения, Э. П. Берзин подчеркнул, что *«враг не дремлет... наши успехи, которые, безусловно, у нас есть, затуманили наши глаза, и мы не придавали значения тому, в каком окружении находимся и с кем работаем»* [Там же. Л. 1].

Жертвами репрессивной политики стали многие коммунисты, и в первую очередь те, кто послушно ее осуществлял.

4 декабря 1937 г. директор ДС Э. П. Берзин выехал в отпуск на «материк» – 19 декабря был арестован, а 1 августа 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «измену Родине», «подрыв государственной промышленности», «совершение террористических актов», «организацию деятельности, направленную на свержение существующего строя», к расстрелу*.

1938 год проходил в обстановке разгрома «банды Берзина – Булыгина». Выкорчевка врагов народа велась во всех управлениях. Под карающий меч НКВД попали многие руководители Дальстроя, в том числе Л. Я. Раскин, Я. Р. Озолин, В. Е. Чунеев, К. И. Шульц (нач. УАТа), А. Г. Пудан (нач. 1-го отдела Особого сектора), Б. А. Булыгин (пом. по политчасти), А. А. Булыгина (пред. профсоюза), И. Г. Филиппов (нач. УСВИТЛа), Р. А. Лапин (член парткомиссии) и многие другие.

Чистка велась комплексно. Репрессировали не только людей, но и духовное наследие. Политуправление дало указание уничтожить в библиотеках литературный фонд по списку, утвержденному Главлитом. В циркуляре отмечалось, что *«уничтожать литературу следует на месте путем сожжения. Обязательно в присутствии представителя РО НКВД или политотдела. Обращаем внимание... на скорейшее очищение всех библиотек от вредной литературы»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 127, л. 82].

В резолюции IV Всеколымской партконференции (1–2 июля 1938 г.) отмечалось, что в Дальстрое и парторганах Колымы на протяжении длительного времени злейшие враги партии и народа (Берзин, Булыгин, Филиппов, Раскин, Левантин, Раппопорт, Эдлин**, Кадлин и др.) вели контрреволюционную, диверсионно-вредительскую подрывную работу.

Делегат Шубин (ВОХР) сказал: *«В докладе начальника Политотдела Гаупштейна и начальника ДС Павлова четко сказано и показана вся диверсионная шпионская работа группы шпионов и троцкистов из лагеря Берзина и Булыгина, работавших по заданию правотроцкистского блока. Такой мрази изъято 270 чел., или 19% всей парторганизации Колымы. Контрреволюционная банда правых и троцкистов, орудовавшая в ДС, организовывала повстанческие организации на Колыме... стягивала в ДС из других мест свои кадры, враждебные партии и советской власти»* [Там же. Д. 97, л. 42].

Конференция заверила ЦК ВКП(б) и главного руководителя советской разведки Н. И. Ежова, что большевики Колымы не дадут пощады троцкистско-бухаринским шпионам и убийцам, агентам японо-немецкого фашизма, разоблачат и уничтожат до конца всю контрреволюционную нечисть.

На Колыме культивировалась обстановка страха и всеобщей подозрительности и доносительства. Никто не мог считать себя в безопасности. Например, в 1938 г. при Политотделе приказом № 7 от 25 января был организован «Дом партийного просвещения», его начальником назначили С. И. Шампаньера, а уже 16 мая он арестован за контрреволюционную деятельность по «делу Берзина».

В годы III пятилетки Дальстрой и Севвостлаг вступили в новую фазу своего развития, что было связано в первую очередь с передачей государственного треста в ведение НКВД СССР на основании Постановления СНК СССР № 250 от 4 марта 1938 г. и приказа Наркома внутренних дел № 079 от 30 апреля.

---

*Реабилитирован 4 июля 1956 г.

**Так в документе.

Дальстрой был преобразован в Главное управление сроительства Дальнего Севера НКВД СССР. В структуре ГУ СДС НКВД СССР были созданы 22 отдела и 10 производственных управлений, а также Московское управление с отделениями: Ленинградским, Мурманским, Новосибирским, Иркутским, Одесским, Владивостокским и судоремонтной верфью в Качуге.

Приказом НКВД СССР № 2474 от 21 декабря 1937 г. начальником ГУ СДС НКВД СССР был назначен К. А. Павлов с присвоением ему звания комиссара госбезопасности II ранга, его заместителем – начальник УПВО НКВД Туркменский ССР комбриг А. А. Ходырев, начальником УНКВД – начальник Миллеровского горотдела НКВД Ростовской области старший лейтенант госбезопасноти В. М. Сперанский, начальником УСВИТЛа – бывший начальник 15-го погранотряда полковник С. Н. Гаранин, начальником Политотдела – полковой комиссар Ю. М. Гаупштейн, прокурором – Л. П. Метелев. Кроме этого, из центрального аппарата НКВД СССР на Колыму были направлены десятки чекистов, которые назначались на руководящие посты во всех управлениях Дальстроя. Начальником УДС стал чекист запаса Р. П. Аушкан, заместителем начальника АРЗа – Г. Ф. Давыдов, УАТа – Г. Д. Яновский и т. д. В сферу НКВД СССР были также переданы все функции снабжения и капитального строительства.

В соответствии с Постановлением Экономического Совета при СНК СССР от 2 февраля 1939 г. № 80/14сс для снабжения продовольствием и промышленными товарами, техническими материалами и оборудованием в составе ГУ СДС НКВД СССР были образованы два Всесоюзных государственных треста – «Дальстройснаб» НКВД и «Колымснаб» НКВД. Дальстройснабу НКВД передавались все основные средства, активы и пассивы Московского управления и отделений во Владивостоке, Новосибирске, Иркутске, Одессе, Мурманске и Ленинграде, относящиеся к заготовительной и транспортно-складской деятельности.

3 мая 1939 г. Политотдел Дальстроя был преобразован в Политуправление, в состав которого вошли политотделы СГПУ, ЮЗГПУ, ЗГПУ, ЮГПУ, УАТа и УДС.

Политуправление подчинялось непосредственно ЦК ВКП(б) (по партийной линии) и НКВД СССР, а деятельность крайкома ВКП(б) на Колыме имела лишь косвенный, опосредованный характер, так как вся документация и отчетность парторганизации ДС направлялась только в ЦК ВКП(б). Формально директивы крайкома ВКП(б) распространялись на РК ВКП(б) национальных районов, но только после согласования с Политуправлением.

С момента преобразования треста «Дальстрой» в ГУ СДС НКВД СССР изменилась и кадровая политика. Назначения высшего руководящего состава аппарата управления, включая и начальников горных управлений, подлежали утверждению ЦК ВКП(б), а по линии Севвостлага – НКВД СССР.

В результате проведенной реорганизации усилилась централизация органов власти и управления как в Москве, так и на Колыме, повысился хозяйственный статус Дальстроя и в значительной степени была ликвидирована ведомственная разобщенность, порождавшая ранее серьезные проблемы, особенно в области снабжения и выполнения заказов Дальстроя.

В связи с этим отметим, что Постановление СНК СССР № 250 являлось лишь констатацией факта вхождения Дальстроя в структуру НКВД по формальным признакам. В 1937 г. Постановлением ЦИК СССР был упразднен СТО, руководивший хозяйственной деятельностью треста. Его обязанности возлагались на Экономический Совет при СНК СССР, а фактически Дальстроя; находился с 1932 г. под контролем ОГПУ-НКВД СССР.

По логике того времени решение СНК СССР об официальном переподчинении Дальстроя органам НКВД давно витало в воздухе, а с учетом специфических особенностей работы в условиях Севера было целесообразным и закономерным.

Однако из чекистской системы управления несколько выделялись Ольский, Среднеканский, Северо-Эвенский районы, подведомственные Хабаровскому краю.

Проблема заключалась в том, что в промышленных центрах (поселках) Дальстроя в этот период, за исключением г. Магадана, органы советской власти не создавались, и они административно подчинялись соответствующему районному ГПУ или отраслевому управлению. В национальных районах созданные представительные и исполнительные органы власти, кроме крайисполкома, контролировались Политотделом (с 1939 г. – Политуправлением ГУ СДС НКВД СССР), а по линии хозяйственной деятельности – административно-хозяйственным отделом (АХО) Дальстроя, а с 1938 г. – АГО ДС.

Кроме этого, на территории национальных районов действовали территориальные аппараты (райуполномоченные) УГБ Отдела НКВД по ДС (с 1934 г.), которые входили в состав исполнительных комитетов. Райуполномоченные НКВД, кроме «чекистского обслуживания», наравне с председателем РИКа и парткомиссией несли персональную ответственность за работу предприятий и выполнение государственных планов. В то же время в хозяйственную деятельность РИКов пытались вмешиваться краевые организации.

В принципе руководство ГУ СДС НКВД СССР, перед которым стояли чрезвычайно сложные задачи промышленного освоения Колымы, было заинтересовано в упразднении избыточных функций, связанных с административной и хозяйственной деятельностью в этих районах, и передаче их Хабаровскому краю.

14 июля 1939 г. был издан Указ ПВС РСФСР № 619/28 «Об организации Колымского округа в Хабаровском крае», в котором говорилось: *«Образовать в Хабаровском крае Колымский округ с центром в населенном пункте Магадан в составе Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского района с преобразованием населенного пункта Магадан в город»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 7].

В 1939 г. в Магадан прибыли работники оргбюро окружкома ВКП(б) по Колымскому округу. Изучив на месте обстановку, они приняли решение ходатайствовать перед Хабаровским крайкомом ВКП(б), Оргкомитетом ПВС РСФСР по Хабаровскому краю, ЦК ВКП(б) и СНК СССР «об изъятии от Дальстроя не свойственных ему функций», передав их «в ведение соответствующих союзных и союзно-республиканских наркоматов»[53].

В соответствии с этим планировалось создать окружной комитет ВКП(б) и органы исполнительной власти. Однако это в корне противоречило ранее принятым решениям ЦК ВКП(б) и генеральной линии партии о развитии Дальстроя, рассчитанной на длительную перспективу.

13 августа 1939 г. в Магадан пришла известная телеграмма И. В. Сталина, в которой он подчеркивал, что *«Дальстрой является комбинатом особого типа, работающим в специфических условиях, и эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима»*[54].

31 августа 1939 г. Указом ПВС РСФСР № 616/141 Колымский округ был ликвидирован без какой-либо мотивировки.

Оценивая эту ситуацию, начальник Политуправления Дальстроя полковой комиссар С. К. Моренков писал в Секретариат ЦК ВКП(б): *«Президиум Верховного Совета РСФСР по предложению Хабаровского крайкома партии и крайисполкома издал Указ об образовании Колымского округа. Указ создал на Колыме, наряду с окрисполкомом, и окружной комитет партии, что при наличии Политуправления, являющегося вышестоящим органом власти на Колыме, вносило определенную дезорганизацию в партийное руководство. Разрядку этому положению дал тов. Сталин в своей телеграмме от 31 августа 1939 г., заявив, что создание окружкома он считает ошибкой, которую придется исправлять на днях, т. к. достаточно и целесообразно существование на Колыме Политуправления, чрезвычайной формы партийного руководства, имея в виду, что здесь, как говорит тов. Сталин, основная рабочая сила по добыче металла, вся или почти вся, – заключенный элемент, требующий особого режима»*[55].

Существовавшая ранее схема управления национальными районами была сохранена и действовала до 1953 г.

Влияние крайкома ВКП(б) на организационно-хозяйственную деятельность коренного населения ограничивалось ролью ретрансляторов решений ЦК ВКП(б), хотя формально партийные структуры оставались в двойном подчинении.

Так, в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 20 мая 1940 г. и решением Хабаровского крайкома от 18 июня 1940 г. создается Магаданский ГК ВКП(б), а также Ольский, Среднеканский и Северо-Эвенский РК ВКП(б), которые находились под полным контролем Политуправления ДС*.

Параллельно с формированием партийно-хозяйственных органов управления в Дальстрое и Севвостлаге создавался и собственный репрессивно-карательный аппарат, включавший в себя УНКВД по ДС, части ВОХР-ВСО, РКМ, прокуратуру и судебные органы**.

Приказом ОГПУ СССР № 00395 от 17 декабря 1933 г. «для чекистского обслуживания Дальстроя» с 20 декабря в системе треста был организован Отдел ОГПУ, в оперативно-административном отношении подчиненный П. П. ОГПУ по ДВК, а непосредственно – Уполномоченному ОГПУ Э. П. Берзину. В связи с организацией Отдела ОГПУ по ДС упразднялось Ольское районное отделение ОГПУ. На 3-й отдел (контрразведка, вербовка) УСВИТЛа возлагались функции по непосредственному обслуживанию ИТЛ. Управление РКМ передавалось с 20 июня 1934 г. из 3-го отдела Севвостлага в состав Отдела ОГПУ по ДС.

В 1934 г. на основании приказа НКВД СССР № 0044 от 21 августа Отдел ОГПУ был преобразован в Отдел НКВД по ДС. Отдел НКВД (на правах оперативного сектора НКВД СССР) подчинялся уполномоченному НКВД СССР Э. П. Берзину и начальнику УНКВД по ДВК, а в части обслуживания ИТЛ – начальнику Севвостлага.

Новой структуре вменялись функции по борьбе с контрреволюцией во всех ее проявлениях, должностными и уголовными преступлениями.

Особенность деятельности Отдела НКВД заключалась в том, что в условиях Дальстроя (кроме карательных) одной из основных задач являлось обеспечение выполнения государственного плана

---

[53]*Жихарев М. А.* Очерки..., 1961. – С. 219–222.

[54]*Козлов А. Г.* Магадан: предвоенное и военное время. Ч. 2 (1939–1945). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 6.

[55]*Козлов А. Г.* У истоков Магаданской области (к 50-летию образования) // III Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 29.

*Решение Хабаровского крайкома ВКП(б) от 4 сентября 1940 г.

**Подробнее см. *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – 217 с.

и ликвидация всех причин, дезорганизующих промышленность и строительство. Периферийные органы УГБ Отдела НКВД создавались по производственно-территориальному принципу. В Оротуканском ГПР был организован райотдел УГБ, в оперативном подчинении которого находились Ат-Уряхское отделение и уполномоченные НКВД на Утинке, Среднекане, Неренге, а в УДС и КРУ ДС – райотделения.

Приказом уполномоченного НКВД СССР по Дальстрою № 0015 от 11 сентября 1934 г. в Отделе НКВД дополнительно организовывались отделения милиции и связи. Начальником Отдела НКВД был назначен командированный из центрального аппарата НКВД СССР К. К. Шель.

Для обслуживания Горного управления и Среднеканского района с 1 января 1935 г. создается отделение ГБ, подчиненное начальнику Главного управления государственной безопасности НКВД по ДС. Начальник ГУГБ имел права старшего оперативного начальника, приказы которого были обязательны для исполнения.

В области судебной системы Постановлением ЦИК и СНК СССР № 1430-324с 1935 г. устанавливался упрощенный порядок судопроизводства: а) обвинительное заключение вручать обвиняемым не позже 48 часов по получении судом дела; б) дела рассматривать не позже 3 суток со дня получения. Приговоры с высшей мерой наказания приводить в исполнение по получении отделением краевого суда извещения об их утверждении в установленном порядке.

В соответствии с телеграммой Прокурора ДВК за № 01165 от 12 февраля 1935 г. с 15 февраля на территории треста «Дальстрой» приступил к исполнению своих обязанностей прокурор Севвостлага Р. Г. Нечаев*.

С этого момента согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. Отдел НКВД, УСВИТЛ и УРО были обязаны согласовать все уголовные дела с прокурором Дальстроя. Однако в условиях политического террора надзорные функции прокуратуры носили формальный характер.

Для усиления оперативного надзора за заключенными и в связи с участившимися побегами при Отделе НКВД в 1935 г. создается оперативное отделение по борьбе с побегами, в состав которого входило 9 оперчастей: Нагаево-Магаданский район – Магадан, Нагаево, ШИЗО, ОЛП Управления комендатуры, 13-й км; СГПУ – прииски им. Водопьянова, «Нижний Хатыннах», «Партизан», им. Берзина; ЮГПУ – прииски «Ларюковый», «Скрытый», «Разведчик», «Нечаянный», «Юбилейный», «Загадка», «Пятилетка»; УДС – переправа р. Колыма, Ягодное, 29-я, 30-я, 32-я, 36-я, 38-я дистанции; УАТ – Мякит, Атка, Стрелка, Спорный, 150-й км; УГПС – Утинка, Котел, Таскан; КРУДС, КУСиПХ – Эльген, Сусуман, Сеймчан; ПУСиПХ – Балаганное, Ола.

В 1936 г. в целях повышения дисциплины в лагерях, усиления борьбы со всеми нарушениями и быстрого принятия репрессивных мер лагерной администрацией приказом уполномоченного НКВД по ДС № 0017 от 25 мая при УСВИТЛе учреждался Центральный стол дознания (ЦСД), на который возлагалась ответственность за своевременное привлечение к административной ответственности всех нарушителей лагерной дисциплины, своевременное оформление дознаний и правильность наложения взысканий. Оперативное руководство ЦСД осуществлялось Отделом НКВД.

В предвоенные годы структурно изменялся и Севвостлаг НКВД СССР. На первом этапе организации (1932–1936) из-за специфики производства горнодобывающей промышленности и дорожного строительства, а также состава заключенных лагерей, соответствующих инструкциям ГУЛАГа и приказам НКВД СССР, практически не существовало. Опорные пункты УСВИТЛа создавались только при базовых управлениях – СГПУ, ЮГПУ, УДС, УАТе, а в сфере производства преобладали небольшие командировки, удаленные друг от друга на десятки и сотни километров, часто менявшие свою дислокацию.

Только в конце 1937 г., когда на Колыму стали прибывать большие этапы заключенных, в основном осужденных за тяжкие антисоветские преступления, и были окончательно определены основные районы золотодобычи, начались организация и обустройство лагерных подразделений соответствующего типа.

Э. П. Берзин потребовал в течение января 1937 г. всем начальникам ОЛПов привести в порядок учет заключенных, к февралю на каждом лагерном подразделении ввести зоны, вахты, установить твердый лагерный режим, прекратить массовое расконвоирование заключенных и т. д. Особенно эти меры усилились после формальной интеграции Дальстроя в систему НКВД СССР. В 1938 г. Севвостлаг значительно расширился за счет организации новых подразделений и структурной перестройки имевшихся.

Например, в августе вследствие расширения района деятельности Управления связи и увеличения количества заключенных отдельная командировка связи преобразуется в отдельный подлагпункт с непосредственным подчинением начальнику УСВИТЛа НКВД.

Этот подлагпункт охватывал Магаданский район – Мякит – Теньку с базой в пос. Палатка, Оротуканский район – Усть-Таежный, Северный район – пос. Ягодное.

*Прокуратура организована в 1935 г. по надзору за Севвостлагом НКВД на территории Дальстроя с центром в б. Нагаева. В 1939 г. реорганизована в Прокуратуру Колымского округа ГУ СДС и Севвостлага НКВД. В дальнейшем – Прокуратура войск НКВД.

В октябре 1938 г. в связи с организацией Западного и Юго-Западного горнопромышленных управлений в их составе создаются ОЛП ЗГПУ, ОЛП ЮЗГПУ, сеть подлагпунктов, командировок, а также отдельные дивизионы ВОХР. На территории всех управлений и ОЛПов, создавались собственные центральные ШИЗО-ОЛП УСВИТЛа.

В феврале 1939 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 006672 от 10 октября 1938 г. началась реорганизация Управления Севвостлага.

Приказ № 03 от 16 февраля устанавливал следующую структуру: *«Лагподразделениям, принимающим контингент з/к, установленный для отделений (лагеря) I категории, и отделениям, в состав которых входят отделения меньшей категории, присвоить наименование – лагеря.*

Установить следующую структуру Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей НКВД: Управление лагерями. Подразделения, непосредственно подчиненные УСВИТЛ НКВД СССР:

***Структура УСВИТЛа*[56]**

А. Лагеря	***Б. Отделения***	***В. Отдельные лагпункты***
1. Севлаг	*1. Нагаевское*	*1. Урыбпромхоз*
2. Заплаг	*2. Магаданское*	*2. Карпункт».*
3. Юглаг	*3. Усельхоз*	
4. Юзлаг	*4. Производственный комбинат*	
5. Транслаг	*5. КРУДС*	
6. Владлаг		
7. Дорлаг		
8. Стройлаг		

Несколько позже организуются Разведлаг и отделения СВИТЛ при Дальстройугле и Магаданской стройконторе.

Приказом по ГУ СДС НКВД № 227 от 4 марта 1939 г. на всех предприятиях, приисках, автобазах и т. д. вводилась жесткая система единоначалия. Все работники лагеря так же, как и УСВИТЛа, подчинялись начальнику ГУ СДС, а на местах – соответствующим руководителям Управлений и его подразделений.

В августе 1939 г. структура Севвостлага была вновь реорганизована, а статус лагерных подразделений был снижен.

Севлаг, Заплаг, Юглаг, Юзлаг, Транслаг, Дорлаг, Разведлаг, Владлаг становились отделениями Севвостлага, а отделения преобразовывались в отдельные лагерные пункты: ОЛП СВИТЛ НКВД при АХО ГУ СДС, ОЛП СВИТЛ НКВД при Дальстройугле, ОЛП СВИТЛ НКВД при МСК, ОЛП СВИТЛ НКВД, ОЛП КИРП. Все лагерные подразделения, входившие в состав отделений, переименовывались в лагерные пункты, а более мелкие – в подлагпункты.

Однако утвержденная структура не соответствовала, во-первых, типовым штатам ГУЛАГа; во-вторых, организации производственных подразделений, рассредоточенных на большой территории; в-третьих, серьезно усложняла оперативное руководство горнопромышленными управлениями. Поэтому распоряжением НКВД СССР № 198 от 11 июня 1940 г. Управление Северо-Восточного ИТЛ было преобразовано в Управление Северо-Восточными исправительно-трудовыми лагерями. Районы Севвостлага НКВД СССР – Западный, Северный, Юго-Западный, Тенькинский и Дорожный были переименованы в Управления лагеря Северо-Восточного ИТЛ: Управление Западного лагеря – ЗАПЛАГ; Управление Северного лагеря – СЕВЛАГ; Управление Юго-Западного лагеря – ЮЗЛАГ; Управление Южного лагеря – ЮГЛАГ; Управление Тенькинского лагеря – ТЕНЬЛАГ; Управление Дорожного лагеря – ДОРЛАГ.

В 1941 г. в системе Севвостлагерей имелось 8 управлений (Управление Чай-Урлага, Управление Нагаево-Магаданского лагеря образованы в 1941г.*), в которых насчитывалось 354 лагерных подразделения; из них не имели зон – 66, вышек – 116, освещения – 190.

Реорганизация промышленно-лагерной системы Дальстроя и Севвостлага в конце 30-х гг. проводилась в период резкого обострения обстановки, вызванного сменой руководства и ужесточением исправительно-трудовой политики. Новый начальник ГУ СДС НКВД комиссар ГБ II ранга К. А. Павлов, действия которого отличались крайним волюнтаризмом, технической безграмотностью и бесчеловечностью, за короткое время полностью дезорганизовал основное производство и лагерный сектор. Это было связано в основном с разгромом управленческих структур, массовыми арестами «шайки Берзина» и приходом вместе с К. А. Павловым людей, которые были призваны решать иные, не производственные, а политические, карательные задачи.

Об этом говорит и такой факт. И. Ф. Никишов, характеризуя обстановку в Дальстрое в конце 1939 г., подчеркивал, что *«ни одна организация не получает столько ценностей, оборудования, матери-*

---

[56]*Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 92.

*Приказом по ГУ СДС № 032 от 7 апреля 1941 г. ликвидировался аппарат Нагаево-Магаданских лагподразделений при Сельхозуправлении, Управлении рыбопромыслового хозяйства, Лесном отделе, Колымгражданстрое и на их основе организуется Управление Магадана с включением всех лагподразделений Магаданского района.

алов, продовольствия, как ДС... Ни одна организация не пользуется такой привилегией, как ДС, которую снабжают из фондов вооруженных сил страны. Для ДС шлют машин столько, сколько они захотят. В этом году, особенно в III кв., единственная организация, которая получила машины из всех хозяйственных организаций, – это Дальстрой, потому что все машины были направлены в армию» [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 125, лл. 126–128].

В конце 30-х гг. Дальстрой действительно располагал всем необходимым, чтобы не допустить такой ситуации в промышленности и массовой гибели людей.

Даже К. А. Павлов в конце своего кратковременного «правления» был вынужден признать в «Обращении Главного и Политического управлений... ко всем трудящимся» от 8 октября 1939 г., что *«по всем Управлениям произведен громадный перерасход рабочей силы, нигде нет надлежащей организации работ... дальше так работать нельзя»* [Там же. Д. 127, лл. 8–12].

Новый начальник ГУ СДС НКВД И. Ф. Никишов, его первый заместитель С. Е. Егоров, начальник УСВИТЛа А. А. Ходырев, начальник Политуправления И. К. Сидоров приложили немало усилий, чтобы восстановить управляемость всех звеньев промышленно-лагерной системы Дальстроя.

Вступая в должность, И. Ф. Никишов сказал: *«Первый вопрос. Я хочу с вами поделиться тем впечатлением, которое на меня произвело назначение сюда, а главным образом личная беседа с т. Сталиным и Молотовым со мной перед отъездом. ...Я не представлял такого огромнейшего масштаба работы... в смысле задач Дальстроя, которые он имеет для Советского Союза»* [Там же. Д. 125, л. 126]. Этот факт еще раз указывает на то, какое важное значение придавало руководство страны Дальстрою.

Созданная в 1938–1939 гг. структура управления ГУ СДС НКВД являлась оптимальной для этой военизированной организации и просуществовала до 1949 г.

Последующие реорганизации проводились исключительно в сфере производства горнопромышленных управлений, геологоразведке и карательных органах.

Начавшаяся война с фашистской Германией резко обострила обстановку на Колыме и потребовала принятия экстраординарных мер, обусловленных законами военного времени. С 30 июня 1941 г. ВОХР была переведена на дисциплинарный Устав Красной Армии. В управлениях лагерей и отрядах (отдельных дивизионах) ВОХР СВИТЛа НКВД вводились должности дознавателей для расследования материалов о служебных проступках работников лагерей и военизированной охраны. Приказом НКВД СССР и НКЮ СССР № 00893/00292 от 7 июля 1941 г. при Дальстрое был сформирован Военный трибунал войск НКВД. В соответствии с Постановлением Комитета обороны СССР № 38 от 6 июля 1941 г. прокуратура Дальстроя и Севвостлага и Военная прокуратура войск НКВД Нагаевского гарнизона были объединены в Прокуратуру войск НКВД ДС.

В начале 1944 г. была проведена локальная реорганизация лагерной системы. 17 января приказом № 07 по ГУ СДС НКВД вследствие перевода ряда приисков на вольнонаемный состав и ликвидации лагерных подразделений Западное, Юго-Западное и Дорожное управления лагерей преобразовались в отделения лагерей; Северное, Тенькинское, Чай-Урьинское и Магаданское управление остались без изменения.

В 1945 г. из-за поступления новых этапов заключенных, в основном осужденных к каторжным работам, в каждом ГПУ создавались каторжные лагерные пункты на 1500–2000 чел.* Каторжники использовались (приказ НКВД СССР № 00968 от 11 апреля 1943 г.) в качестве горнорабочих и привлекались в первую очередь на все особо тяжелые физические работы.

Кроме каторжников, в конце 1945 г. на Колыму из фильтрационных лагерей освобожденных от фашистов территорий стали поступать этапы спецпереселенцев. Их правовое и социальное положение регулировалось Постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г.

Спецпереселенцев размещали в специально отведенных районах, под контролем спецкомендатур НКВД.

Дислокация спецкомендатур[57]

№ 1 – Магадан	№ 13 – пр-к им. Чкалова ЧУГПУ
№ 2 – Оротукан	№ 14 – пр-к «Октябрьский» ЧУГПУ
№ 3 – Утиная	№ 15 – пос. Аркагала
№ 4 – пр-к «Пятилетка» СГПУ	№ 16 – пр-к «Ольчан» ИГПУ
№ 5 – пр-к «Спокойный» СГПУ	№ 17 – пос. Нера
№ 6 – пос. Ягодный	№ 18 – пр-к «Победа» ИГПУ
№ 7 – пр-к «Джелгала» СГПУ	№ 19 – пр-к им. Тимошенко ТГПУ
№ 8 – пр-к «Туманный» СГПУ	№ 20 – Тенькинская стройконтора
№ 9 – пр-к им. Горького СГПУ	№ 21 – пр-к им. Гастелло ТГПУ
№ 10 – пос. Сусуман	№ 22 – пр-к им. Расковой ТГПУ
№ 11 – пос. Нексикан	№ 23 – пос. Усть-Омчуг
№ 12 – пр-к «Чай-Урья» ЧУГПУ	№ 24 – пос. Н. Сеймчан

---

*Указом ПВС СССР от 19 апреля был введен особый вид наказания – каторжные работы для предателей и фашистских пособников.

[57] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 122.

31 октября 1945 г. в соответствии с распоряжением НКВД СССР и приказом по ГУ СДС № 022 создается Отдел лагерей для военнопленных японцев № 855-Д. В ноябре в 1945 г. в связи с тем, что завоз на Колыму военнопленных был прекращен, Отдел реорганизовался в отделение лагерей в составе ОЛП № 1 (МСК), № 2 (УНТП), № 3 (Магаданский леспромхоз), № 4 (УШОСДОР)*.

В конце 1948 – начале 1949 г. была проведена реорганизация промышленно-лагерной системы Дальстроя с учетом новой дислокации действующих предприятий, качественным составом заключенных, в основном осужденных за тяжкие преступления на длительные сроки, и сокращением штатов в лагерном секторе. С 1 ноября 1948 г. производства Магаданского лагеря, Промкомбината Дальстроя и Управления рыбопромыслового хозяйства объединялись в Магаданский производственный лагерь – Маглаг. Однако 19 ноября приказом № 0188 он был разукрупнен. На базе Маглага были созданы Промышленный лагерь (промкомбинат ДС, промкомбинат – 72-й км, мастерские г. Магадана) и Рыбсельлаг (УРПХ рыбпромхоза и сельхозлагерей «Дукча», «Ола», «Тауйск»). 20 ноября 1948 г. в составе Центральной больницы СВИТЛ МВД организуется инвалидный ОЛП на 500 чел.

Приказом МВД СССР № 00872 от 20 сентября 1949 г. была утверждена новая структура ГУ СДС МВД СССР.

В состав УСВИТЛа вошли 7 управлений лагерей – Северное, Западное, Тенькинское, Магаданское, Индигирское, Юго-Западное, Чаун-Чукотское и 9 отделений – Ванинское, Приморское, Янское, Зырянское, Чукотстроя, Дорожного строительства, Омсукчанское, УШОСДОРа и Транспортное.

Необходимость этого мероприятия сформулирована в приказе МВД СССР № 00872: *«В связи с возросшими задачами организационно-хозяйственной деятельности Дальстроя и в целях создания условий для решения основных задач по выполнению государственного плана по добыче металлов, а также дальнейшему расширению и строительству промышленных объектов в районах Крайнего Севера».*

В новой структуре сохранялось положение о том, что начальник ГУ СДС МВД СССР одновременно являлся начальником исправительно-трудовых лагерей. В ГУ СДС вводилась должность заместителя начальника по лагерю, который ведал всеми вопросами взаимодействия производства и лагеря, в том числе оперативной работой и охраной.

В циркуляре начальника ГУ СДС подчеркивалось, что *«многие товарищи представляют себе дело с лагерем так – это самостоятельная организация, от производства не зависимая, органически с ним не связана и поэтому отношение к делам лагеря у начальников предприятий складывается, как к какому-то чужому, не своему...*

Напоминая об этом, предупреждаю, что отныне за все происходящее в лагере будут нести ответственность не только непосредственно прямые работники, связанные с работой в лагере, но и начальник предприятия, являющийся ответственным единоначальником и за свое лагерное подразделение» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 229а, лл. 13, 15].

Управление Особого лагеря № 5 МВД СССР (организован в соответствии с Постановлением СМ СССР № 416159сс от 21 февраля 1948 г. и приказом МВД СССР № 001031 от 26 августа) вошло в состав управления ИТЛ Дальстроя, а его начальник назначался заместителем начальника УСВИТЛа. Однако в оперативном отношении Особый лагерь № 5 был подчинен УМВД по ДС.

Начальник ГУЛАГа МВД СССР генерал-майор Добрынин разъяснял, что старшим оперативным начальником по отношению подразделений конвойных войск, охраняющих лаготделения Особого лагеря, являются начальники этих подразделений, а не начальники горных и отраслевых управлений Дальстроя [Там же. Д. 223, л. 44].

В 1949 г. на основании Постановления СМ СССР 418/161сс от 21 февраля организуется новый оперативный орган – Управление МГБ. До создания УМГБ в феврале 1949 г. функции органов государственной безопасности в системе Дальстроя выполнял отдел контрразведки УМВД по ДС, который проводил всю агентурно-оперативную работу среди вольнонаемного состава рабочих и служащих, и Отдел контрразведки 86-й дивизии конвойных войск МВД.

Функции УМГБ и УМВД определялись приказом МВД-МГБ СССР № 00251/00100 от 9 марта 1948 г. Согласно этому приказу на УМГБ возлагалась вся чекистская работа среди спецпоселенцев, а также осужденных за шпионаж, диверсии, террор и других антисоветских элементов. Органы УМВД по ДС занимались агентурным наблюдением за контингентами заключенных, а также за спецпоселенцами и вольнонаемными, связанными с работой в ИТЛ.

Однако такой параллелизм был скоро ликвидирован. В июле 1950 г. в связи с упразднением отдела контрразведки УМВД, районных отделов при ГПУ и отраслевых управлений в УМГБ были переданы все дела оперативного учета на ранее судимых троцкистов, правых, диверсантов и других участников антисоветских групп, а также вся агентурно-осведомительская сеть агентов – 2872 чел. Приказом МВД-МГБ СССР № 00864/00392 от 21 июля в УМГБ вошли отдел спецпоселений, УРКМ, ОБХСС, ОББ (приказ МВД-МГБ СССР № 00968/00384 от 17 октября 1950 г.).

---

*Подробнее см. *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 141–143.

В конце 1951 г. (приказ МВД СССР № 00830 от 29 ноября) УМВД по ДС было ликвидировано, а агентурно-оперативная работа среди заключенных ИТЛ возлагалась на I отдел УИТЛ ДС.

Произошли некоторые изменения и в производственной сфере. В составе ГРУ Дальстроя создается отдел эксплуатационной геологии. Дополнительно к существовавшим отделам ГУ СДС организуются: автодорожный, перевозок УМТС, транспортный, ведавший вопросами железнодорожных, морских, речных и авиационных перевозок. Транспортному отделу были подчинены: морское пароходство, Колымо-Индигирское пароходство и авиационно-транспортная группа.

Функции снабжения передавались тресту «Колымснаб», в состав которого вошли Приморское управление, перевалочные базы в б. Ванино и Нагаевский морской порт.

Реорганизация производственно-лагерной системы Дальстроя была осуществлена в целях дальнейшей централизации органов управления; усиление роли единоначалия и являлось этапом по преобразованию ГУ СДС в Главное управление лагерей строительства Дальнего Севера МВД СССР.

В декабре 1951 г. начальник Дальстроя И.Ф. Митраков писал министру МВД СССР С.Н. Круглову: *«В связи с докладной запиской начальника ГУЛАГа генерал-лейтенанта Долгих докладываю. В связи с отдаленностью и экономической запущенностью хозяйства Дальстроя считаю целесообразным в системе Министерства внутренних дел Дальстрой считать самостоятельным Главным управлением лагерей и не включать отдельные исправительно-трудовые лагеря во всю дислокацию ИТЛ МВД, подведомственных непосредственно ГУЛАГу.*

Севвостлаг Вашим приказом ликвидирован, Дальстрой сейчас является Главным управлением лагерей. В отношении лагерей... роль ГУЛАГа должна сводиться к инспектированию... контролю... разработке общих положений: режима, охраны. Руководить же лагерями Дальстроя должно, безусловно, руководство МВД через начальника Дальстроя» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 287, л. 154].

В процессе структурной реорганизации МВД СССР предлагало Дальстрою кардинально преобразовать и сократить лагерный аппарат, раздробив его по лагерным управлениям, так как его содержание требовало очень больших затрат.

Однако руководство ГУ СДС МВД СССР выступало за сохранение сложившейся в 1949 г. схемы управления, исходя из специфических особенностей Дальстроя.

Зам. начальника ГУ СДС МВД СССР по лагерю генерал-лейтенант Г. С. Жуков писал, что *«своеобразие Дальстроя как лагеря заключается в том, что, во-первых, это самый крупный лагерь в стране, разбросанной на огромной территории, во-вторых, в отличие от других лагерей число вольнонаемных рабочих здесь же округленно составляет около 50% и, в-третьих, несравнимую ни с каким другим лагерем оторванностью.*

Между тем предполагаемая организационная схема ведет не к укреплению, а к ослаблению лагеря, так как ликвидирует сектор как целостный и комплексный организм. Заместитель по лагерному сектору при новой структуре будет худосочной фигурой, лишенной возможности влиять на положение. В его руках не будет ни финансов, ни кадров, ни средств, ни аппарата.

<···> *Нам нужно больше, чем где бы то ни было, учитывая нашу оторванность от "материка", иметь свой маленький ГУЛАГ»* [Там же. Д. 234, л. 54].

Принципиальная схема Дальстроя была сохранена, но «маленький ГУЛАГ» на Колыме не успел развиться в еще больших масштабах.

Для обустройства лагерей и приведения их в соответствие с приказами МВД СССР и инструкциями ГУЛАГа требовалось единовременно 650 млн руб., в то время как ежегодно выделялось не более 60 млн руб. Тем не менее, несмотря на хроническую убыточность Дальстроя, нехватку средств, МВД СССР планировало дальнейшее освоение Крайнего Севера за счет труда заключенных.

Однако смерть И. В. Сталина остановила этот бесчеловечный конвейер. Вследствие начавшейся амнистии (Указ ПВС от 27 марта 1953 г.), перестройки системы МВД СССР, изменения принципов в карательной политике советского государства «комбинат особого типа» подвергся очередной реорганизации.

Постановлением Совмина СССР № 823-370сс от 18 марта 1953 г. в связи с освобождением МВД СССР от производственно-хозяйственной деятельности Дальстрой передавался в ведение Министерства металлургической промышленности *«со всеми входящими в его состав промышленными и строительными подразделениями, подсобными хозяйствами, научно-исследовательскими и проектными учреждениями, фондами... личным составом работающих, кроме заключенных, содержащихся в ИТЛ, работников лагерного аппарата и военизированной охраны, подлежащих передаче Министерству юстиции СССР».*

СМ СССР установил, что обеспечение рабочей силой из числа заключенных проводится Министерством юстиции по договорам, заключенным соответствующими министерствами. Лагерный сектор выводился из подчинения начальника Дальстроя.

Кроме ДС, из МВД СССР в ведение ММП (приказ № 1сс от 19 марта 1953 г.) передавались: Главное управление золотоплатиновой промышленности, Главное управление по разведке и эксплуатации

месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов, аффинажные заводы № 169 в Красноярске, № 176 в Свердловске, № 171 в Новосибирске и Вяртсильский металлургический завод.

Однако уже 23 апреля 1953 г. министр ММП И. Тевосян направил председателю Совмина СССР Г. М. Маленкову специальную записку, в которой говорилось: *«На предприятиях и стройках Дальстроя и Норильского комбината, находившихся в ведении МВД СССР, руководство производством и лагерями заключенных осуществлялось по принципу строгого единоначалия.*

Начальники предприятий... одновременно являлись и начальниками лагерей. Этот порядок руководства вполне себя оправдал и способствовал успешному выполнению плана и укреплению режима в лагерях.

Предприятия и стройки Дальстроя... находятся в тяжелых северных условиях, связанных с крайней отдаленностью, суровым климатом, рассредоточенностью предприятий, отсутствием постоянных путей сообщения и весьма коротким промывочным сезоном, навигационным периодом. В этих условиях особенно необходима максимальная оперативная маневренность рабочей силой и материальными ресурсами, в связи с чем принцип единоначалия в управлении производством и лагерем является решающим...

<...> *Исходя из изложенного, Министерство считает, что передача лагерей Дальстроя и Норильского комбината из МВД СССР в Министерство юстиции СССР должна быть произведена с сохранением существовавшего порядка управления, при котором начальник Дальстроя... и начальники... предприятий и строек являются одновременно и начальниками... лагерных подразделений, с подчинением им также охраны и оперативно-режимных органов».*

Совмин СССР распоряжением от 31 августа 1953 г. № 1416-рс предоставил Минюсту СССР право организовать Управление Северо-Восточными исправительно-трудовыми лагерями ГУЛАГа Минюста СССР с сохранением существовавшего порядка руководства лагерями и производством.

УСВИТЛ МЮ СССР был организован приказом Минюста СССР № 00202 от 8 сентября 1953 г.

Особый лагерь № 5 на основании распоряжения МВД СССР от 9 апреля 1953 г. по акту от 6 мая был передан в ведение УМВД по Хабаровскому краю, а Приморский ИТЛ Дальстроя – в УИТЛК Минюста по Приморскому краю*.

На этом реорганизация Дальстроя не закончилась. Опыт работы 1953 г. показал, что МЮ СССР оказался не готов эффективно решать вопросы исправительной и промышленной политики, и поэтому СМ СССР 21 января 1954 г. принял Постановление № 109-65сс о передаче Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний из Министерства юстиции в МВД СССР. УСВИТЛ вновь переподчинялся системе органов МВД СССР, а предприятия Дальстроя структурно вошли в состав Министерства цветной металлургии.

С превращением Дальстроя в обычный хозяйствующий субъект прекратила свое существование гигантская по масштабам и репрессивно-карательная по характеру система освоения Северо-Востока. За четверть века через ее жернова прошло около 1 млн чел., в том числе более 800 тыс. заключенных, из них более 120 тыс. чел. погибли в лагерях и на производстве, не дождавшись освобождения.

Их трудом за 1932–1953 гг. было добыто из недр 1011,5 т химически чистого золота, 51,3 тыс. т олова, 1673 т вольфрама, 317 т кобальта, 9 млн т угля[58].

Это рассматривалось как колоссальный успех в деле освоения Севера. В связи с этим Якутский обком ВКП(б) счел необходимым даже снять документальный фильм для яркой характеристики социалистического облика республики и показать некоторые предприятия и населенные пункты района деятельности Дальстроя – Эгехаю, Берелех, Зырянку и др.

По этому поводу зам. министра МВД СССР Чернышов писал И. Ф. Митракову, что *«МВД СССР считает возможным разрешить произвести съемку некоторых населенных пунктов и предприятий по списку, утвержденному Вами, и под контролем оперативных аппаратов Дальстроя»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 286, л. 141].

Знали и понимали, какое дело делали и какие реальные успехи были достигнуты бесчеловечной эксплуатацией сотен тысяч заключенных.

Государственная политика массового применения труда заключенных привела к серьезным негативным последствиям, и ее нельзя считать положительной.

Тем не менее, исходя из исторических реалий того времени, можно утверждать, что в рамках советской системы Дальстрою не было альтернативны. В этот период только такая организация могла начать крупномасштабное промышленное освоение Колымы и других районов Северо-Востока России. Жестко структурированная интегральная схема управления комплексным хозяйством Дальстроя

---

*Особый лагерь № 5 МВД СССР ликвидирован в июне 1954 г.

[58] *Козлов А. Г.* Дальстрой как «комбинат особого типа» и его роль в освоении Северо-Востока России // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 26.

объективно отражала, во-первых, общие закономерности развития социалистической экономики периода тоталитаризма и, во-вторых, особенности применения этой системы в специфических условиях Крайнего Севера. Единоначалие, милитаризация труда, всевластие карательных органов, практически неограниченные (на первом этапе 1931–1941 гг.) возможности государства в концентрации материальных и людских ресурсов на приоритетных направлениях являлись ее составными частями, и тем самым создавались необходимые условия для экономического прорыва Дальстроя.

2.2. Становление и развитие промышленно-транспортного комплекса

Весь комплекс работ по развитию промышленного, дорожного строительства, речного и морского транспорта, осуществленный в 1932–1941 гг., был направлен на безусловное выполнение стратегической задачи освоения Северо-Востока, определенной постановлениями ЦК ВКП(б) и СТО СССР.

Именно в эти годы за счет государственных капитальных вложений создавалась прочная материально-техническая база горнодобывающей промышленности, отрабатывалась транспортная инфраструктура Колымы, так как *«непосредственной задачей организованного... треста "Дальстрой" являлось освоение рудных богатств (золото) вновь открытого золотопромышленного района в верховье реки Колымы»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 401, л. 1].

Не имея еще точно очерченных административных границ, в 1932 г. Дальстрой распространял свою деятельность на бассейн р. Колыма в ее верхнем и среднем течении и всех ее левых притоков от верховьев до р. Шемякина включительно, и на бассейны ее правых притоков от верховьев до Коркодона.

По объективным причинам золотодобыча первого года работы треста носила опытный, пробный характер и была сосредоточена на территории трех рудоуправлений: Среднеканском – на приисках «Борискин», «Первомайский», «Паромный», «Геологический»; Утинском – по кл. Юбилейный, Холодный, Бючаннах, Три Медведя, Майорыч и р. Утинка; Оротуканском – по кл. Стремительный, Таежный, Каменистый и по р. Оротукан.

В 1932 г. *«тяжелые транспортные условия воспрепятствовали... широкому развитию разведочных работ... вызвали большое уменьшение золотодобычных работ, для которых была выделена весьма небольшая группа производственных рабочих»* [Там же. Л. 36].

За январь-февраль на прииски было направлено 1387 чел., в том числе 500 рабочих.

Такое положение с завозом (наймом) рабочих и служащих создавало крайне напряженную обстановку с выполнением установленного плана добычи золота в 1932 г. Большинство из вновь прибывших из-за отсутствия дорог так и не попали в район приисков. На 1 января 1933 г. в ДС работало 13 360 чел., в том числе 3095 вольнонаемных.

Заключенные, составлявшие большинство рабочей силы, как правило, не имели нужной квалификации и профессии и использовались как чернорабочие. Тем не менее, несмотря на трудности первого года работы, добыча золота на предприятиях ДС значительно возросла (табл. 7).

Таблица 7

Добыча золота на Колыме
[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 476, л. 38]

Производственный период, организация	Получено хим. чистого золота	В % к итогу
1928 г., Союззолото	11,453	0,60
1929 г., Союззолото	85,921	4,52
1930 г., Союззолото	281,415	13,76
1931 г., ЦМЗ	267,736	14,09
1932 г., Дальстрой	498,586*	26,24

*По другим документам 511 кг.

В 1933 г. проблема материально-технического обеспечения приисков и доставки продовольствия оставалась нерешенной, поэтому план добычи золота, определенный постановлением ЦК ВКП(б) 1931 г., был сорван.

В объяснительной записке к плану работ треста на 1934 г. подчеркивалось, что, *«наряду с постановкой основной задачи – разведок и добычи золота, приходится одновременно решать транспортную проблему и притом географически сразу в двух направлениях: создать сухопутную дорогу с юга через болота, тайгу и горы и водную с севера, с преодолением льдов Северного Ледовитого океана и освоением значительной (2000 км), пустынной до сих пор реки Колымы. Природа при этом поставила крайне ограниченные сроки работы: сто – сто двадцать дней в году»*.

Кроме этого, естественные для начального периода создания треста организационные проблемы, срывы поставок, техники, оборудования, продовольствия, нехватка рабочей силы и специалистов существенно препятствовали развертыванию работ по золотодобыче.

Очевидец писал: *«Высадившись с корабля в 1932 г., обосновались в палатках. Положение на месте опровергало наши и так неоптимистические предположения. Грузы в Нагаево хранились под открытым небом, без охраны. Имевшиеся несколько тракторов и автомашин полома-*

ны. Перевозка грузов на прииска не организована... Несвоевременные расчеты по грузоперевозкам создали отрицательное отношение местного населения. К тому же рассчитывать, даже при установлении более благоприятных отношений с местным населением, на олений транспорт можно было лишь начиная с основных районов кочевья. Это значило, что грузы из Нагаево должны быть отправлены на 200 км в глубь края какими угодно транспортными средствами. Место для постройки опорной базы выбрали в 3-х км от б/х Нагаево и принялись за возведение первых построек нового города Магадана» [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 95, лл. 3, 5].

Строительство дороги велось в очень тяжелых условиях. *«В основание дороги, борясь с плавунами, сопливыми косогорами и геологическими льдами, укладывали толстый слой ягеля, на ягель клали бревна, и сверху все это засыпалось породой. Местами грунт обнаруживался лишь на глубине 10–12 м, а кое-где и вовсе не могли отыскать. Для преодоления таких участков делали настилы из бревен, потом насыпали грунт... Вдоль всей трассы горели костры, люди грелись, спали у костров, готовили пищу... 20 октября, когда уже вся земля стала покрываться снегом, по дороге в Элекчан прошла первая колонна в 40 грузовых машин»* [Там же. Л. 7].

Одновременно по тайге потянулись связисты, шагая с катушками проволоки по пояс в снегу. Как обычно бушевала пурга и стояли 40-градусные морозы, ночевали в палатках, но связь с Элекчаном была установлена в декабре 1932 г. [Там же].

Оценивая итоги деятельности Дальстроя в этом направлении, руководство констатировало, что *«добыча золота резко отличается от директивной цифры. И этот разрыв требует... освещения. Прежде всего необходимо отметить, что директивные задания на 1932 г. и 1933 г. были определены не по возможностям, а по потребностям, без сколько-нибудь обоснованных расчетов, в условиях, когда край еще совершенно не был исследован... Задания, и это очень существенно – совершенно не были подкреплены материальными предпосылками – рабочей силой и транспортными средствами...*

Опыт и анализ работы ДС показал, что одновременное разрешение этих двух задач – промышленной эксплуатации и транспортной проблемы – немыслимо, что до тех пор, пока район приисков не станет доступным для регулярного и нормального снабжения, промышленная эксплуатация золота не может иметь места, что всякая попытка преждевременного решения эксплуатационной задачи обречена на неудачу и не может вызывать ничего иного, кроме разочарования».

Как видно из текста, Дальстрой требовал корректировки курса. Проблема создания горнопромышленного комплекса должна была решаться поэтапно, постепенно создавая нормальные условия для разработки месторождений.

Ю. А. Билибин в записке «К перспективам выявления запасов золота в Колымском крае в 1934 г.» также подчеркивал, что *«единодушным мнением всех руководителей было, что единственно хозяйственно-целесообразным было бы до проведения на прииски дороги из Нагаева полностью прекратить золотодобычу и всю наличную рабсилу поставить на разведку, с тем, чтобы подготовить разведанные запасы для золотодобычи».*

Этот вопрос рассматривался Советским правительством, и было принято решение оказать Дальстрою экстренную помощь и в то же время форсировать добычу золота и параллельно вести промышленное и дорожное строительство, мобилизуя все ресурсы. В этом было громадное преимущество административно-командной системы, способной в кратчайшие сроки решать задачи общегосударственного значения.

Уже в 1933 г. зона деятельности треста, начавшего разработку золота с 4 примитивных приисков в долине рр. Утиная и Среднекан, значительно расширилась за счет ввода в действие новых месторождений (табл. 8).

В 1934 г. началось освоение золотых месторождений в бассейне левых притоков р. Колыма и междуречье Колымы и Индигирки, где развернуло свои основные работы Горное управление Дальстроя, организованное в 1932 г. на базе приисков Оротуканской долины.

На это управление была возложена задача по организации про-

Таблица 8

Предприятия, входившие в состав Дальстроя на 1 января 1934 г.
[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3762, л. 18]

Наименование	Местонахождение	Род производства
УДПИ	Устье Среднекана	Обслуживание
Сеймчанское агентство	Сеймчан	Обслуживание
Среднеканское групповое управление	Пр. «Борискин» Пр. «Геологический» Пр. «Первомайский» Пр. «Среднекан»	Золотодобыча То же – « – Рудные разведки
Оротуканское групповое управление	Пр. «Таежный» Пр. «Пятилетка» Пр. «Хищник»	Золотодобыча То же – « –
Утинское групповое управление	Пр. «Холодный» Пр. «Юбилейный» Пр. «Три Медведя» Пр. «Утиный» Пр. «Бючаннах»	Золотодобыча То же – « – – « – – « –

изводства, поиска и разведки рудных и нерудных месторождений и их эксплуатации, капитальному строительству, организации и производству всех видов местных заготовок продовольствия и фуража, руководству сетью метеорологических станций.

В состав Горного управления входили горнопромышленные районы: Среднеканский, Оротуканский, Утинский, Тасканский, геологические и топографические партии, геофизическая обсерватория и районные гидрометеорологические станции, строительные конторы, а также различные склады, промхоз и совхозы.

С возрастанием промышленного значения Ат-Уряхского разведочного района Утинского ГПР с 1 января 1935 г. он выделялся в самостоятельный Тасканский ГПР, включавший рр. Таскан, Ат-Урях и Мылга, с центром в Хатыннахе.

В 1935 г. в связи с увеличением объемов работ Горное управление было ликвидировано, и на его базе организуется Управление горнопромышленного строительства в составе Усть-Утинского строительного участка и строительства на «Котле», Южное ГПУ в составе действующих Оротуканского, Утинского и Среднеканского ГПР – с местонахождением в Оротукане и Северное ГПУ в составе Хатыннахского, Ат-Уряхского и Мылгинского ГПР – с местонахождением в Хатыннахе.

Приказом № 297 от 5 октября 1935 г. начальником Северного ГПУ был назначен М. М. Кандер, Южного – ленинградский чекист, репрессированный по делу С. М. Кирова, Ф. Д. Медведь.

1935 г. стал годом широкого промышленного охвата золотоносного бассейна верхнего течения р. Колыма, т. е. перенесения центра тяжести работ в глубинные районы [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 74].

Постановлением СНК СССР № 285/36сс от 23 февраля 1935 г. Дальстрою спускался план добычи золота в количестве 8,5 т и дополнительное финансирование на эти цели из резервного фонда СНК в сумме 107 млн руб. Причем удельный вес капитальных затрат по горнопромышленному району увеличивался с 2,5% в 1934 г. до 14,7% в 1935 г. при резком снижении затрат по Нагаево-Магаданскому району [Там же].

«Основной особенностью добычи россыпного золота в 1935 г. являлось введение зимней вскрыши торфов взрывными работами» [Там же. Л. 79]. Напряженный план золотодобычи определял и специфические методы отработки месторождений.

«В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) по Главзолоту и приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР по Дальстрою – в целях форсирования максимальной добычи золота ДС проводил отработку площадей в первую очередь на наиболее богатых месторождениях» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5, л. 13].

Это было связано еще и с тем, что на месторождениях с невысоким содержанием золота имелись так называемые гнезда. Как отмечал Ю. А. Билибин, образцы руды из таких гнезд бывают насквозь пропитаны золотом.

Метод «вырывания» и «разубоживания» золотых россыпей являлся хищническим, но широко применялся в мировой практике в периоды «пионерного освоения» в целях получения максимальной прибыли при минимальных капитальных затратах.

В то же время Дальстрой располагал практически неограниченными возможностями по использованию «дешевого» труда заключенных Севвостлага, а геологические особенности способствовали широкому применению ручного труда.

«По совокупности своих качеств колымские россыпи благоприятны для мускульной обработки. Их положительным качеством являются: небольшая глубина залегания, легкость грунта для добычи, промывистость песков, богатое содержание металла. Мерзлота при правильном ведении работ по вскрытию торфов не представляет большого недостатка, так как завскрытые пески быстро оттаивают. При подземных работах мерзлота является положительным качеством, позволяя вести работы без водоотлива и почти без крепления», – отмечалось в записке Ю. А. Билибина и профессора В. Н. Зверева [Там же. Д. 39, л. 3].

Поэтому в 1932–1937 гг. разработка россыпей производилась исключительно открытым способом, вручную, при помощи кайла, лома и лопаты.

В 1935 г. добыча золота велась уже на 40 объектах, среди которых к наиболее крупным относились следующие: в Среднеканском районе – кл. Борискин, Ревком и Геологический; в Оротуканском – р. Оротукан, кл. Арик, Три Золотинки, Торопливый; в Утинском – р. Утиная, кл. Юбилейный; в Тасканском – р. Ат-Урях, кл. Штурмовой, Максим Горький и Хатыннах; в Неренгинском – р. Гражданка и кл. Звонкий.

Динамика добычи химически чистого золота

Период	кг
1933 г.	774,689
1928–1933 гг.	1899,803
1934 г.	5493,990
1928–1934 гг.	7393,793
1935 г.	14410,355
1928–1935 гг.	21804,148

«Развивая усиленными темпами работы в уже освоенных приисковых районах, Дальстрой в течение 1935 г. ввел в эксплуатацию новый район на левом берегу реки Колымы, давший в течение этого года 48,2% всей продукции, по сравнению с 1934 г. на 162,2%».

В целях наращивания темпов золотодобычи на Колыме СНК СССР принял специальное Постановление № 454-64с от 16 марта 1935 г. «О Дальстрое», в котором подчеркивалось, что в результате первых лет работы

треста *«еще одна окраина Советского Союза... превратилась в один из крупных промышленных районов по золотодобыче и имеет серьезные перспективы дальнейшего форсирования роста»*.

СНК СССР утвердил комплексную программу всестороннего финансирования горнодобывающей промышленности (в том числе Усть-Утинской обогатительной фабрики, завода № 2 и т. д.), геологоразведочных работ, развития транспорта, местной промышленности, сельского хозяйства, доставки рабочей силы и т. д.

Для обеспечения бесперебойных перевозок, направляемых на Колыму, Наркомводу и ГУСМП предписывалось приравнять грузы ДС к грузам оборонного значения. Первоочередно, перед всеми остальными перевозками обеспечить все пассажирские и грузовые перевозки ДС и для этой цели организовать, в частности, к открытию навигации 1935 г. прямые регулярные рейсы Владивосток – Нагаево, приписав к этой линии пароходы «Сучан», «Хабаровск» и «Ильич», а ГУСМП обеспечить ледокольное обслуживание этого рейса ледоколом «Красин»[59].

В области снабжения Госплану СССР и всем наркоматам предписывалось вести планирование и учет выделенных фондов отдельным титулом (графой) наравне с наркоматами. Обеспечить завоз продовольствия и промтоварных грузов, исходя из контингента в 60 тыс. чел. В целях создания хозяйственной базы Колымского речного пароходства ДС считать 10-километровую полосу по каждому берегу р. Колыма – части течения, освоенного судоходством, – полосой отчуждения ДС.

Кроме этого, НКО СССР поручалось разработать и ввести на утверждение проект мероприятий по обороне подступов к Колыме и, в частности, Тауйской губы в Охотском море.

Постановление СНК «О Дальстрое» сыграло важную роль в развитии горнодобывающей промышленности Колымы, придав ей общегосударственное значение, а 1935 г. стал переломным, завершив организационный период становления Дальстроя как хозяйствующего субъекта.

Выступая на II межрайонной партконференции (25–28 января 1936 г.) Э. П. Берзин говорил, что Колыма за 2–3 года сделала огромные успехи, кто ее раньше знал, тот теперь не узнает, что в 1935 г. за нашу работу ЦК партии и товарищ Сталин прислали нам приветственную телеграмму.

За 1932–1934 гг. на Колыме был введен в эксплуатацию 441 км дорог и велись работы на протяжении 824-го км; линии телеграфно-телефонной связи охватили основные приисковые районы и составляли 1170 км, в порту Нагаево построили причальные стенки, баки для горючего. Однако достигнутые успехи имели очень высокую цену.

В докладе зам. начальника треста по политчасти В. В. Раскина, в частности, отмечалось: *«Традиции особых "колымских условий" были живучи – любой ценой сделать план, а потом подсчитать, во что это обошлось. Нужно покончить с этой вредной психологией – ну что там деньги! Лишь бы дать продукцию. А деньги все равно идут из государственного бюджета... Строим мы в два раза дороже, чем следует. Например, гараж на Атке стоит уже миллион руб., а построили на 70%, а по смете этот гараж целиком должен стоить всего 480 тыс. руб.»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 3].

Э. П. Берзин, выступая перед руководителями предприятий, говорил: *«Разрешите спросить, неужели партия во имя золота дала нам право безобразно расходовать средства, разбазаривать их... Почему на дороге кубометр стоит не 51 руб., а свыше 100 руб., почему на транспорте огромные перерасходы материалов и оборудования?»* [Там же. Л. 32].

В капитальном строительстве также отмечались большие недостатки. Обследования показали, что *«возведенные кирпичные здания имели вспучины и впадины. В кладке швы достигали до 3 см – в них свободно проходит ладонь руки. Все в щелях, засыпка стен – без трамбовки. Стандартные дома, поставленные в 1934 г., теперь уже требуют капитального ремонта.*

Все это... привело к высокой себестоимости работ, большому перерасходу материалов и рабсилы» [Там же. Л. 76].

Широкий разворот золотодобычных работ сразу обострил проблему снабжения и обустройства приисковых районов.

Автотранспорт не справлялся с объемом необходимых перевозок. Среди шоферов *«процветали пьянка, вредительство, воровство, хулиганство... Водители воровали с машин части... простои в ремонте составляли 240 часов. Вредительство в 1934 г. привело к тому... что действующий автопарк... оказался изношенным на 70–80%...*

Низкая дисциплина водительского состава, лихачество и ухарство, расхищение перевозимых грузов, раскулачивание автомашин, игнорирование технических правил эксплуатации, огромное количество аварий, полная безответственность командиров и начальников характеризует всю работу автотранспорта» [Там же. Л. 25; д. 111, л. 19].

В 1935 г. в Хатыннахский район необходимо было доставить продовольствия для 4,5 тыс. заключенных с таким расчетом, чтобы его хватило до 1 декабря 1935 г.

---

[59] *Бацаев И. Д., Козлов А. Г.* Дальстрой..., 2002. – Ч. 1. – С. 33.

«Что же получилось на самом деле? ...Получилось, что уже в сентябре месяце Север вопил благим матом – кушать нечего... На прииске "Партизан" сидели утром и вечером на одной муке, на "Штурмовом" и Водопьянова то же самое. Худо было с продовольствием». Особенно тяжело было заключенным. *«Людей за ту или иную провинность, подчас мелкую, гоняли в штрафкомандировки десятками... На пр. им. Водопьянова в сентябре... люди спали на голой земле... ели тоже на земле»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 62, л. 63].

В октябре 1935 г. на этом прииске вспыхнула эпидемия брюшного тифа, от которой умерли 17 вольнонаемных и заключенных и переболели более 70 чел. В СГПУ по этой причине умерли 25 чел. и 128 переболели, потому что *«было буквально безобразное ведение хозяйства и еще более безобразное отношение к заключенным»* [Там же. Д. 76, л. 357].

На других приисках и в дорожном строительстве начались лагерные волынки и массовые отказы от работы, которые подчас квалифицировались органами НКВД по ДС как антисоветские контрреволюционные выступления. Однако это было не так.

Например, даже начальник УСВИТЛа И. Г. Филиппов говорил по этому поводу: *«Возьмите Горное Управление, там были бандиты, всякие ужасы, там были отказы от работы по 150 чел. Когда раскопали, в чем дело, то оказалось, что люди голыми руками вырывали кусты, нечем было работать. Нужно иначе подходить к заключенным»* [Там же. Д. 62, л. 136].

На безобразное отношение к заключенным со стороны руководителей предприятий указывал и Э. П. Берзин: *«Я веду к тому, как мы сами, товарищи, плохо работаем. Как мы сами смотрим на рабочих, на заключенных, как черт знает на кого, считаем, что может есть на голой земле, черт с ним, пусть подыхает, а наше дело сторона?»* [Там же. Л. 65].

29 июня 1936 г. СНК СССР принял Постановление № 1160/200сс «О финансировании и материальном снабжении золотопромышленности в 1936 году», содержавшее комплексную программу льготного финансирования и материально-технического обеспечения предприятий Дальстроя как основного, так и вспомогательного производства и транспорта.

Отраслевые наркоматы обязывались в сжатые сроки поставить на Колыму необходимое горное оборудование, в том числе для строительства обогатительных фабрик, различных речных плавсредств, грузовых автомобилей, а также предметы ширпотреба – 10 тыс. пар валенок, 20 тыс. полушубков, швейных изделий на 7 млн руб., тканей на 2600 тыс. руб., обуви на 2900 тыс. руб. и т. д.

Бухта Нагаева получила статус торгового порта 3-го разряда и была внесена в реестр портов СССР.

Начиная с 1936 г. Госплан СССР планировал поставки фондов Дальстрою с учетом потребностей треста на два года вперед. Кроме этого, по линии НК Внешторга на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1050/177сс. от 17 июня 1936 г. Дальстрою выделялось 3285 тыс. руб., в том числе 240 тыс. руб. для закупки пароходов и 876 тыс. руб. на техническое обеспечение.

В результате принятых мер резко увеличился грузопоток. Например, если в августе 1935 г. в адрес Дальстроя было направлено 210 вагонов (в целом по НКВД 1629 вагонов), то в августе 1936 г. – 720 (НКВД – 2174).

В отчете Дальстроя за 1936 г. подчеркивалось, что *«общая сумма капиталовложений увеличилась против предыдущего года более чем в 1,5 раза (155,7%). План капиталовложений по сумме затрат был выполнен на 100,4%. Золотодобычные работы достигли... значительных размеров. Применяя в огромных масштабах зимнюю вскрышу торфов, удлиняя период летних работ, развивая механизацию добычи и откатки и укрепления промывочных приборов, внедряя стахановские методы работы, Дальстрой переработал горной породы вдвое более, чем в предыдущем году, дав стране 33,3 т химически чистого золота... Таким образом, в отчетном году Дальстроем добыто 60% от всего количества золота, добытого на Колыме на 1/1 1937 года, превышение золотодобычи 1936 г. против 1935 г. определяется в 230%»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 426, л. 38]. Это был действительно значительный успех. Однако заметим следующее.

До 1938 г. более 80% горных работ выполнялись вручную, промывка песков велась простейшими бутарами (потери составляли до 5–6 г/м^3), а рост добычи золота обеспечивался спецификой месторождений и постоянно возрастающим количеством занятых на золотодобыче заключенных и мобилизацией всех вольнонаемных, включая служащих, стрелков ВОХР в период промывочного сезона.

Ручной труд применялся повсеместно не только при разработке россыпей, но и на подземной добыче песков, которая начала развиваться с 1935 г., но в крайне ограниченных объемах из-за отсутствия средств механизации. Так, в 1935–1937 гг. она составляла всего 2,7% от общего объема.

Все работы осуществлялись с помощью ломов, кирок, оттайки мерзлоты кострами (пожоги) и подъемом золотоносных песков ручными или конными воротами. В 1938 г. абсолютная добыча песков из шахт составила 225 м^3 (против 17 тыс. м^3 в 1935 г.), но только в 1940 г., когда основные технологические процессы были частично механизированы, повысилась до 1248 м^3, что составляло уже 22,6%.

Фигурирующие во многих документах того времени факты о повышении производительности труда и эффективности производства (особенно до 1938 г.) не отражали реальной действительности.

Например, в отчете за 1937 г. подчеркивалась совершенно неудовлетворительная работа механических установок, а показатели выполнения плана по производительности труда завышались, *«так как вследствие порочной системы учета и сознательных искажений, заложенных в его основу, фактическая производительность труда была значительно ниже»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 6].

Неоспоримым является только то, что с 1935 г. горнодобывающая промышленность Дальстроя сделала качественный скачок вперед.

Уже в 1936 г. по добыче золота Дальстрой догнал один из самых продуктивных районов США – Калифорнию, а по размерам годового прироста металла значительно превзошел его.

На приисках Калифорнии в 1934 г. было добыто 23 т золота, в Дальстрое – 6,5 т, в 1935 г. – 27,8 и 16 т, в 1936 г. – 28 и 36 т (шлихового) соответственно, а в целом за 1932–1940 гг. добыча золота на Колыме возросла с 511 до 80 028 кг, что являлось абсолютным рекордом в мире.

Что касается Аляски, то суммарная добыча металла за первые 35 лет работы (1880–1914 гг.) на наиболее богатых месторождениях составила 366 т химически чистого золота при максимальной добыче 33,8 т в 1906 г.

Темпы роста золотодобычи на Колыме уже в начальной период были значительно выше (табл. 9).

При этом надо иметь в виду, что на американских приисках до 30% составляла дражная добыча в отличие от Колымы, где существовала лишь мускульная эксплуатация россыпей. О масштабах этой работы говорит такой факт: за первые две пятилетки руками заключенных было переработано 96 млн 262 м^3 грунта только на добыче золота.

Таблица 9

Золотодобыча Дальстроя в 1932–1937 гг.

[Там же. Д. 5, л. 14]

Золото, кг	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	Всего
Шлиховое	580	899	6489	16133	36583	56051	116155
Хим. чистое	511	791	5515	14458	33360	51515	105639

В 1935–1937 гг. исключительно высокие результаты дали наиболее перспективные золотоносные районы Колымы: Оротуканский в составе 8 приисков (34 объекта) с общим запасом мускульного золота 13 257 кг и средним содержанием 9,0 г/м^3; Утинский – 1 прииск (кл. Холодный, Юбилейный, р. Утиная) – 7299 кг – 10,5 г/м^3; Гербино-Мякитский – 2 прииска – 1182 кг – 6,9 г/м^3; Неренгинский – 1 прииск – 690 кг – 6,8 г/м^3.

В Среднеканском районе активная добыча велась в 1928–1935 гг. В 1935 г. он был законсервирован и вновь открыт осенью 1938 г. – 4 прииска (11 объектов) – 3504 кг – 8,0 г/м^3.

В целом в 1937 г. в эксплуатации находились 18 приисков, из них 12 в Южном и 6 в Северном ГПУ.

По двум управлениям объем разведанных запасов золота составлял 74 281,4 кг при среднем содержании 12,9 г/м^3.

В конце 1937 г. наиболее крупные запасы золота в россыпях имелись на Нижнем Ат-Уряхе (13,8 т), Хатыннахе (11,0 т), Штурмовом (14,1 т), Мальдяке (9,5 т).

Фонд мускульных запасов включил в себя 100 объектов, в том числе 37 в Северном и 63 в Южном ГПУ.

Прииски Дальстроя

Северное ГПУ	Южное ГПУ	
«Полярный»	«Утиная»	«Журба»*
«Штурмовой»	«Нечаянный»	«Неренга»
«Партизан»	«Разведчик»	«Таежник»
«Ат-Урях»	«Пятилетка»	«Торопливый»
Им. 8-го Марта	«Загадка»	«Утесный»
«Хатыннах»	«Верхний Оротукан»	«Перспективный»

В общей сложности на территории ЮГПУ в период с 1928 по 01.06.1938 г. было добыто 36 т золота, а в СГПУ в трех крупных россыпях (рр. Хатыннах, Ат-Урях, кл. Штурмовой) – 83,8 т.

Однако надо иметь в виду, что прогнозные оценки часто расходились с фактическими результатами, и в этом был свой скрытый смысл.

Среднее содержание определялось не в результате точного подсчета намеченных к разработке участков, *«а в известной мере на глазок, с расчетом значительного перекрытия планового содержания, что давало возможность выполнения программы золотодобычи даже при плохой работе по вскрыше торфов и добыче песков, так как "законом" золотодобычных работ Дальстроя была не нормальная отработка россыпей, а хищническое, граничащее с порчей месторождений, выхватывание наиболее богатых участков»*, – отмечалось в отчете ДС за 1937 г. (табл. 10).

Таблица 10

Среднее содержание золота, г/м^3

[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 2 об.]

Год	По данным геологоразведки	Фактически
1935	12,91	23,86
1936	13,66	27,05
1937	12,95	26,78

Такой вывод был сделан в период чистки 1937 г., когда руководство Дальстроя во главе с Э. П. Берзиным было репрессировано, а все издержки производства начального периода освоения рассматривались как происки врагов народа.

*Прииски «Журба», «Утиный», «Перспективный» с общим запасом 1081 кг химически чистого золота вступили в эксплуатацию в 1937 г.

Однако практика занижения планов перед вышестоящими органами и завышения для горнопромышленных управлений сохранилась и в дальнейшем.

Например, прииск «Партизан» в 1937 г. при срыве плана вскрышных работ и добычи песков выполнил программу золотодобычи на 247%.

До поры до времени на эти «недостатки» закрывали глаза. Стране было нужно золото, причем любой ценой и любыми методами.

Даже природные условия уже не являлись серьезным препятствием. Раньше говорили о том, что *«на Колыме существует специфика, а Эдуард Петрович сказал, что не существует... а существует холод, значит, надо одеваться теплее. Прикрытие этими специфическими условиями теперь совершенно недопустимо»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 108].

Говоря о задачах 1937 г., Э. П. Берзин подчеркивал, что *«план мы выдвинули перед ЦК партии и нашим непосредственным руководителем Колымы тов. Сталиным – двойной, как помните, это было в прошлом году. Товарищи, два дня тому назад план этот утвержден. Принят, но нам нужно этот план не только выполнить, но и перевыполнить. Помимо золота – надо еще нам серьезно заняться полиметаллами. ...Имеется соответствующее указание по олову. ...На сокращенную программу мы не пойдем, значит, транспорта должно быть в два раза больше, все должно быть в два раза больше. Золото на Колыме делается зимой. Если зимой больше снимем торфов, летом больше золота получим»* [Там же. Лл. 3, 379].

В годы III пятилетки горнодобывающий комплекс Дальстроя вступил в новую фазу развития.

В 1938 г. хозяйство Дальстроя было обследовано комиссией НКВД СССР под руководством профессора С. П. Александрова в целях составления 3-го пятилетнего плана.

К работе комиссии был привлечен большой коллектив видных специалистов московских организаций, в том числе академик В. А. Обручев, член-корреспондент АН СССР Н. А. Григорьев и другие.

На основе полученных материалов была разработана комплексная программа социально-экономического развития Колымы на 1938–1941 гг. по всем отраслям.

В горнодобывающей промышленности для сокращения завоза рабочей силы основное направление было взято на широкую механизацию всех технологических процессов.

На вскрышных работах предусматривалось повсеместно практиковать взрывные методы в соединении с экскаваторными работами и механической откаткой в отвалы. При добыче золота и оловосодержащих песков применять экскаваторы с транспортерной доставкой песков к промывочным приборам. С 1939 г. приступить к внедрению более эффективных методов гидравлической разработки россыпей и освоению рудных месторождений, используя механическое бурение. Для более качественного извлечения металла из руд планировалось построить обогатительные и золотоизвлекательные фабрики и ряд других объектов.

Однако выполнение этой программы было осложнено резким ростом политических репрессий 1937–1938 гг., имевших крайне негативные последствия как в стране в целом, так и на Колыме.

В докладе об основной деятельности Дальстроя за 1938 г. подчеркивалось, что *«бывшее руководство, во главе которого стояли разоблаченные враги народа, привело связанные между собой отдельные отрасли хозяйства к огромной диспропорции (геологоразведочные работы, энергетика, уровень механизации, автотранспорт, жилищное строительство и др.), равняясь на заниженную добычу металла, не соответствующую возможностям Колымы»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 642, л. 1].

Производственно-финансовое состояние Дальстроя в 1937 г. характеризовалось огромными убытками в сумме 95 689 тыс. руб., в том числе по основному производству – 93 608 тыс. руб., по балансу капитальных вложений – 1115 тыс. руб., по торговому обороту – 926 тыс. руб. В числе убытков выявлены потери прошлых лет – 33 344 тыс. руб. Были вскрыты факты двойного планирования, когда показатели горных управлений *«совершенно не соответствовали плану, предоставленному в НКВД, ни по объему, ни по себестоимости»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 111, л. 36].

В акте приемки Дальстроя отмечалось, что себестоимость 1 г химически чистого золота за 1935, 1936 г. является кажущейся: а) огромные убытки прошлых лет; б) занижение пробности золота; в) искажение затрат на 1 м^3 – все это вело к завуалированию себестоимости золота [Там же]. За этот период себестоимость золота возросла на 5,1% (4,99 руб. вместо 4,75 по плану), автоперевозок – на 38%, морских перевозок – на 16%.

Фактическое содержание золота в россыпях в 1,5–2 раза превышало данные геологоразведки. Так, на приисках СГПУ «Ат-Урях», «8-е Марта» содержание золота колебалось от 40 до 78,6 г/м^3, «Полярный» – 43,6, «Штурмовой» – 31,6 , «Партизан» – 54,1, кл. Шах – 54,7 г/м^3. В 1936 г. на этих приисках намывали 12,82–15,63 г золота на 1 чел./день. *«Дикое золото позволило СГПУ перевыполнить план золотодобычи 1936 г. на 38,8%... причем потери золота при промывке достигали 20%»* [Там же. Л. 81].

В акте также отмечалось, что *«хищническая разработка богатых содержанием россыпей, завал неотработанных площадей, недопустимые потери золота при сносе в отвалы, отсут-*

ствие механизации, отставание разведки от эксплуатации, неправильное планирование, высокая себестоимость золота – все это характеризует работу Дальстроя» [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 111, л. 27].

Данная оценка во многом справедливо отражала реальную обстановку. Например, при транспортировке горной массы ручная откатка составляла 37%, канатными дорожками – 31,5%, конной тягой – 21,0%, экскаваторами – 4,43%, ленточными транспортерами – 1,55%, конными воротами и автотранспортом – 5,52%. Промывочные приборы, применявшиеся на Колыме, были громоздки, требовали большого количества рабочей силы *«и лишней затраты мускульной и механической энергии на подачу к ним песков, теряли много золота и полностью все другие полезные ископаемые»* [Там же. Л. 82].

При значительном росте капитальных вложений (1935 г. – 103 686 тыс. руб., 1936 г. – 171 780 тыс. руб., 1937 г. – 185 000 тыс. руб.) расходовались они крайне нерационально, так как *«никакого проектирования и смет строительства, кроме отдельных объектов, до 1937 г. в ДС вообще не было»*. В 1937 г. перерасход средств на эти цели составил 12,4 млн руб. Кроме этого, на Колыму было завезено неликвидного оборудования на сумму более 6 млн руб. [Там же].

Отметим, что убыточность и отраслевая разбалансированность промышленного комплекса Дальстроя в начальный период были следствием не подрывной работы врагов народа, а государственной политики форсированного развития экономики – максимально быстрого роста золотодобычи любой ценой.

Естественно, что преодолеть последствия «вредительства» можно было только ударным трудом.

Значительный рост золотодобычи в годы III пятилетки был достигнут благодаря вводу в эксплуатацию золотоносных районов в бассейне левых истоков Колымы – рр. Берелех, Сусуман, Чай-Урья и Омчанской долины и строительству новых приисков и рудников на самых богатых месторождениях (табл. 11), а также за счет усиления репрессивно-карательных методов эксплуатации труда заключенных, учитывая быстрый рост лагерного населения и несмотря на его «контрреволюционный» состав.

Таблица 11

Действующие золотые прииски Дальстроя

[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 5, л. 15]

Прииски	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Всего	10	12	11	13	16	17	29	37	38	45
В том числе вновь открытые	6	2	3	4	5	2	18	8	5	8

В 1938–1941 гг., в связи с расширением зоны деятельности горных предприятий и их специализацией, создавались новые горнопромышленные управления.

В 1938 г. на основании приказа ГУ СДС НКВД СССР № 625 для освоения золотых россыпей р. Берелех организуется Западное ГПУ (табл. 12).

На территории ЗГПУ на 1 июля 1938 г. было разведано 53 253 кг мускульных запасов золота (14,2 г/м^3), основная масса которых была сосредоточена в кл. Мальдяк, Стахановец, Заболоченный.

Таблица 12

Прииски ЗГПУ

Прииск	Категория	Начало деятельности. Передан из СГПУ
«Мальдяк»	1-я	1 сентября 1937 г.
«Стахановец»	1-я	1 февраля 1938 г.
«Ударник»	1-я	1 июля 1938 г.
«Ланковый»	2-я	1 октября 1938 г.
«Топкий»	2-я	То же
«Чай-Урья»	2-я	– « –
«Еврашкалах»	3-я	– « –
«Куранах»	3-я	– « –
«Контрандья»	3-я	– « –

В годы III пятилетки интенсивные разработки велись и на территории Северного ГПУ, в состав которого входили 27 промышленных предприятий, в том числе прииски: им. Водопьянова, «Штурмовой», «Партизан», «В. Ат-Урях», «Туманный», «Одинокий», «Ледяной», «Дебин», «Ветвистый», «Бурхала», «Чекай». В 1941 г. СГПУ был передан прииск «Майорыч» и организованы прииски «Джелгала» и им. Горького*.

Основная добыча золота была сосредоточена на россыпях Штурмового – в кл. Филончик, Шакал, Заросший, дававших громадный раздув основной полосы с выходом в долину р. Чек-Чека; Хатыннаха – в кл. Восточный, Фатеич, Челюскин, Снайпер, Полярный; М. Ат-Уряха (являвшейся одной из самых богатых на Колыме) – в кл. им. Горького, Радостный, Дождливый, Эдбер, Нагорный, Глубокий, Гольцовый, Одинокий, Безумный и ряда других, а также на рр. Большой и Малый Ат-Урях.

В связи с началом широкомасштабной промышленной добычи олова в 1938 г. была проведена реорганизация Южного ГПУ.

*Прииск «Майорыч» ликвидирован в 1941 г. Прииск «Н. Ат-Урях» вошел в состав прииска им. Горького. Прииск «Хатыннах», организованный в 1941 г., был объединен с прииском им. Водопьянова.

На основании приказа начальника ГУ СДС НКВД СССР № 776 от 8 октября 1938 г. было организовано Юго-Западное ГПУ с местонахождением в Усть-Утиной в составе приисков и рудников «Бутыгычаг», «Кинжал», «Полярный», им. Лазо, «Золотистый», Усть-Утиной обогатительной фабрики, промкомбината и разведочных объектов. Начальником ЮЗГПУ был назначен Ткачев.

В Южном ГПУ остались золотые прииски: «Утиный», «Нечаянный», «Разведчик», «Пятилетка», «В. Оротукан», «Журба», «Неренга», «Экспедиционный», «Хатыннах», «Бючаннах», «Утиный», «Ср. Оротукан», «Колымск», «Майорыч». В сентябре 1938 г. вступили в строй действующих новые прииски: «Радужный», «Геологический», «Борискин», «Дусканья» и в составе ЮЗГПУ – им. Лазо. В Южном ГПУ началось быстрое освоение золотоносных участков «Нечаянный», «Ударник», «Ясная», «Хищник», «Три Медведя», «Паутинный», «В. Хатыннах» и др. В целом работы велись на 43 объектах, более половины из которых были вновь открытыми.

В 1939 г. приказом ГУ СДС № 894 от 11 сентября для организации всей производственной и хозяйственной деятельности по разработке и эксплуатации россыпных и рудных месторождений в Тенькинском районе было организовано Тенькинское ГПУ, начальником которого был назначен И. В. Митасов.

В 1941 г. на основании Постановления СНК СССР ЦК ВКП(б) № 1962/817сс и приказа народного комиссара НКВД № 00227 от 27 февраля 1941 г. для освоения оловянных месторождений бассейна р. Яна в Якутской АССР было организовано Янское ГПУ.

Кроме этого, в 1938–1939 гг. организуются геологоразведочные управления: Индигирское РайГРУ и Чаун-Чукотское РайГРУ, где открыли крупнейшее в Дальстрое месторождение россыпного олова – Пыркакай.

Наряду со структурной перестройкой, в горнодобывающей промышленности Дальстроя были сделаны первые шаги в области механизации наиболее трудоемких технологических процессов.

С 1938 г. на промывке песков примитивные бутары стали заменяться повсеместно шлюзовыми и механическими промприборами. В Дальстрой поступило большое количество различного горного оборудования и механизмов, в том числе локомобили, компрессоры ВВК-155, ВТ-8 «Борец», электродвигатели различных типов, транспортеры, экскаваторы «Демаг», «Воткинец», «Ренсонс», «Рабочий металлист», «Кунгурец» и пр.

Применение техники позволило на ряде приисков повысить эффективность золотодобычи. Например, в Северном ГПУ объем вскрыши торфов в 1937–1941 гг. увеличился с 2920 до 4041,8 тыс. м^3 при росте экскаваторных работ на отдельных участках с 3,6 до 29,9%. С 1939 г. экскаваторный способ приобретает массовый характер. Если в целом по Дальстрою в 1938 г. их удельный вес составлял 22,6%, то уже в 1942 г. достиг 60%. Внедрение техники и механизмов, даже при наличии десятков тысяч заключенных, занятых на золотодобыче, диктовалось объективной необходимостью.

Во-первых, это громадные потери металла (до 20 г/м^3), неизбежные при мускульной добыче. Часть золотоносных площадей оказалась завалена торфяными отвалами; во-вторых, переход от очаговой к сплошной отработке полигонов при снижении среднего содержания золота. Уже в 1938 г. по сравнению со всеми предыдущими годами оно снизилось в шлихах на 24,7%; в-третьих, необходимость повторной промывки песков на месторождениях, отработанных хищническими методами, что было возможно только при внедрении средств механизации.

Наряду с интенсивным развитием основного золотодобывающего производства, с 1937 г. началась промышленная разработка олова.

О важности этой задачи говорит такой факт. Выступая на III партийной конференции Дальстроя, Э. П. Берзин говорил: *«В части олова. Получил я телеграмму от т.т. Сталина, Молотова, Ежова о том, что на Дальстрой возлагается задача найти и добыть олово на Колыме. Я ответил, что найдем и будем добывать, и, по-моему, поступил правильно... За границей нам его не продают, а если и продают, то в мизерных дозах. И почуствовав запах войны, за олово будет большая борьба. Мы уже умеем плавить олово... у нас сейчас объявился такой специалист – Кузнецов-Морев. ...Все поисковые партии переключены на олово. Правительство запрашивало, сколько денег нужно на это дело. Если бы мы сказали, что нужно 100–200 млн руб. – нам бы дали! Вы не удивляйтесь – для олова эта цифра небольшая. Но я попросил только 10 млн руб. и считаю, что маленькими деньгами можно сделать большое дело. Надо найти такие месторождения на Колыме, которые бы разрешили эту проблему. ...В 1932 г. мы о золоте знали только то, что оно есть, а где и сколько, не знали. Сейчас с оловом то же: мы знаем, что олово есть на Кинжале, Теньке, Сеймчане, а сколько его, не знаем. ...Есть где-то основное месторождение! В других местах Союза, где сейчас добывается олово, – его так мало, что это слезы. Стране нужно много олова, очень много, ибо олова в Союзе нет»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 380].

Таким образом, добыча олова имела общегосударственное, стратегическое значение.

В приказе № 104 от 11 июня 1937 г. подчеркивалось, что ввиду исключительной важности поставленной перед ДС задачи освоения оловорудных месторождений Управлению горнопромышленного строительства к 1 июня с. г. закончить работы, связанные с установлением схемы обогащения руды

рудника «Кинжал», и приступить к обработке руды в промышленных размерах на опытной обогатительной фабрике. Утвердить объем подлежащей обработке руды с рудника «Кинжал» в лето 1937 г. в количестве 1500 т.

В 1935–1938 гг. геологи Дальстроя выявили три основных оловорудных района – Верхне-Колымский, Чаунский и Чукотский, в зоне которых было открыто 28 коренных и 8 россыпных месторождений.

В 1938 г. оловодобычные работы проводились на приисках «Таежник», им. Лазо, рудниках «Кинжал», «Бутыгычаг», им. III пятилетки, а с 1941 г. на крупнейших россыпях Пыркакая.

Среднее содержание металлического олова в рудах колебалось от 0,63 («Кинжал») до 3,9% («Бутыгычаг»).

Разработка песков, вскрышные работы, транспортировка породы к промприборам велись исключительно мускульным способом. В 1938 г. промывка полезных песков производилась на 12 промприборах длиной 36 м и производительностью 100–120 м^3/сут, армированных грохотах и трафаретах и 10 малых промприборах (в бутарах) длиной 7 м и производительностью 25 м^3/сут. Полученный 25–30%-ный концентрат доводился до кондиции на лотках и малых столах «Вильфлея». Далее руду вручную очищали от пустой породы и отправляли автотранспортом на Усть-Утинскую обогатительную фабрику, находившуюся в 105 км от рудника «Кинжал».

Первый год эксплуатации основных месторождений имел полупромышленный характер. Прииски и рудники были очень слабо механизированы; рудник «Бутыгычаг» выполнил свою программу буквально без единого киловатт-часа электроэнергии, все работы проводились мускульным способом.

Основная масса концентрата была получена на примитивных обогатительных устройствах.

Однако уже в 1939 г. началось строительство 3 обогатительных фабрик: «Бутыгычаг», им. Лазо и «Кинжал», а добыча олова выросла более чем в 2,5 раза.

Однако И. Ф. Никишов говорил, что этого мало – «Хозяин» (И. В. Сталин) требует тысячу, а товарищ Молотов особенно просил обратить внимание на олово.

В 1939 г. из общего объема олова в концентрации, добытого в СССР (около 1600 т), 48% приходилось на Забайкалье и столько же на Дальстрой, но уже в 1940 г. добыча олова на Колыме увеличилась почти в 3,5 раза (к уровню 1939 г.), а его доля в общесоюзном масштабе достигла 73–75% (табл. 13).

Задание вождя было перевыполнено почти в 2 раза.

Оловянные рудники и прииски обслуживали 16 обогатительных фабрик, часть из которых были временными и работали только в летнее время.

Запасы рудного олова достигли 12 162 т, что открывало большие перспективы для интенсивного развития этой отрасли в дальнейшем.

Таблица 13

Оловодобыча Дальстроя, т

[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5, л. 19]

Показатель	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Олово в концентратах	40,7	202,8	507,0	1917,0	3226,0
В том числе:					
рудное	11,7	54,0	401,0	1707,0	2403,0
россыпное	29,0	148,0	106,0	210,0	796,0
старательское	–	–	–	–	546,0
Кол-во рудников	2	2	4	5	9

В 1938–1939 гг. в горнодобывающей промышленности сложилась очень напряженная обстановка, спровоцированная завышенными планами и ужесточением лагерного режима. В сезон 1938 г. на добычу золота была брошена вся рабочая сила из числа заключенных, а также мобилизованное вольнонаемное население. Лозунг был один – «Все в забой!».

Однако *«план по всем приискам не выполнялся... К приискам стали прикреплять ответственных помимо начальника прииска. В результате на приисках распоряжались прикрепленные – ответственные от УНКВД, от политотдела, от УСВИТЛа, от Главного Управления, от парткома ...множество народа, до 5–8 чел. на прииске. ...Методами руководства стало запугивание арестами: "Если с завтрашнего дня не будет выполнен план – мы вас посадим, мы вам не позволим вредить в Советском хозяйстве!" Так говорили почти каждому начальнику прииска, инженерам, начальникам участков и др. работники УНКВД по ДС Кононович, Богин, Винницкий, Сперанский, Бабиков и др. Так говорил Павлов. И действительно, людей снимали с работы, арестовывали, сажали в тюрьму»*, – сообщал в письме на имя И. В. Сталина горный мастер Шебанов [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 35, лл. 31–37].

Однако ужесточение репрессивных мер не дало ожидаемого эффекта. О положении на приисках начальник УСВИТЛа Вишневецкий докладывал, что, *«когда я приезжал с т. Павловым на прииски, в забой, то, завидя чекистскую фуражку, все начинали работать лучше, а как только мы уходили, то хуже или вообще бросали»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 125, л. 81].

От дезорганизации производства, непосильной работы и истощения в 1938 г. погибло более 8000 заключенных. В СГПУ смертность среди этой категории рабочих составила: в январе – 88 чел., в феврале – 234, в марте – 216, в апреле – 127, в мае – 134, в июне – 94, в июле – 140, в августе – 575, в сентябре – 927, в октябре – 787, в декабре –377 и в августе 1939 г. – 510. Такова была цена колымского золота.

В 1938 г. из-за срыва плана впервые на Колыме начали проводить осенне-зимнюю промывку песков, которая прошла в чрезвычайно трудных условиях и обошлась очень дорого. В результате в 1939 г. большинство приисков и все горные управления вступили в промывку с недостаточным количеством завскрытых площадей.

В этой обстановке выход был один – резко, любыми методами поднять производительность труда заключенных и вольнонаемных. В III квартале 1939 г. вследствие значительного увеличения рабочей силы создались благоприятные условия для наращивания золотодобычи, но в то же время ситуация осложнилась из-за большого наводнения, отличавшегося интенсивностью и длительностью. Ведущие прииски: им. Водопьянова, «В. Ат-Урях», «Партизан», «Ударник», «Стахановец», «Оротукан» и др. были затоплены, а их производственно-техническая база выведена из строя.

Рабочие резервы со вскрытыми песками оказались занесены потоками грязи, торфов и ила. Транспортные устройства, дороги и мосты были разбиты и унесены, промприборы и водозаводные сплотки подмыты в своих основаниях и частично разрушены. В результате план июля был выполнен лишь на 64,9%, августа-сентября – на 61,5%.

«Кроме этого, горные предприятия, за исключением ЮГПУ, начали летний сезон со значительными навалами торфов на золотоносных участках, произведенными в период зимней вскрыши... и по причине недоразведанности площадей и бессистемного ведения отвального хозяйства в прошлом. Особенной захламленностью отличалось Северное ГПУ, где процент перевалочных работ достиг 248%» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 724, лл. 19, 84].

На ряде приисков в основном производстве было занято до 10% рабочих, а остальные занимались заготовкой дров и поиском пропитания. Начальник ПТО ДС Никитин докладывал, что лагерники вырабатывают по 10–12 часов в забое и, приходя в лагерную зону, вынуждены работать по лагерю 3–4 часа. Начальник лагеря ЮГПУ Федорович подтверждал, что у них при бездорожье высылали заключенных на базу и они оттуда приносили продукты и обмундирование. Производительность труда в ноябре-декабре не превышала 37% [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 125, л. 59].

В сложившейся обстановке необходимо было задействовать всю имевшуюся технику и средства механизации. Однако коэффициент использования рабочего времени экскаваторов в среднем по СГПУ, ЮГПУ и ЗГПУ в 1939 г. выражался ничтожными цифрами – от 0,34 до 0,53%. В Обращении Политуправления ГУ СДС ко всем трудящимся отмечалось, что экскаваторы больше стоят, чем работают. Техника простаивала из-за неподготовленности площадей, частых перебросок, отсутствия топлива, поломок и ремонтов. Кроме этого, бóльшая часть промприборов была разрушена в период наводнения. Принятие экстренных мер – обязательные сверхурочные работы (4 часа), трудовые соревнования среди бригад, звеньев, премирование «красными тачками», увеличение норм питания за перевыполнение норм выработки – не дало результата. Планы по добыче золота и объемам горных работ были сорваны (табл. 14).

Таблица14

Характеристика основного производства в 1939 г.

Показатель	1938 г.		1939 г. отчет	1939 г. %	
	отчет	план		к 1938 г.	к плану 1939 г.
Шлиховое золото, кг	67775,4	90000	73777,8	108,9	88,0
В том числе:					
СГПУ	46929,2	43950,0	35497,6	75,6	80,8
ЗГПУ	10439,1	30000,0	24047,3	230,3	80,2
ЮГПУ	10117,4	15500,0	13147,5	129,9	84,8
ЮЗГПУ	285,7	550,0	532,7	186,4	96,9
Вскрыша торфов, тыс. $м^3$	6141,6	11252,0	8992,6	146,4	79,9
Всего:					
СГПУ	3137,0	4620,0	3663,1	116,8	79,3
ЗГПУ	1027,0	3409,0	2619,8	240,9	76,8
ЮГПУ	1819,0	3223,0	3683,1	147,5	83,2

В 1939 г. из 87 127 тыс. руб. убытков в целом по Дальстрою на горные управления приходилось 23,5 млн руб., и для ликвидации последствий наводнения пришлось затратить 75 968 тыс. руб. Из-за бездорожья, отсутствия запчастей, горюче-смазочных материалов вышло из строя более 40% автотракторного парка. В результате резко ухудшилось снабжение приисков техническим оборудованием и особенно продовольствием.

Новый начальник Дальстроя И. Ф. Никишов с возмущением говорил на совещании руководящего состава (20 ноября 1939 г.): *«В чем корень зла? Десятки тыс. т продовольствия пропадают, плесневеют, гниют, а людей держат на 100 гр. хлеба! Жаловаться на ЦК, на Наркомат у нас нет никаких оснований. Потому что нам дают столько, сколько никому не дают. ...Ни одна организация не получает столько ценностей, оборудования, материалов, продовольствия, как Дальстрой. Ни одна организация не пользуется такой привилегией, как Дальстрой, которую снабжают из фондов Вооруженных сил страны»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 215, лл. 126–128].

Перед началом промывочного сезона 1940 г. во всех управлениях Дальстроя и подразделениях Севвостлага была проведена большая подготовительная и организационная работа. Дальстрой по

решению ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР получил пополнение техникой, оборудованием, продовольствием и кадрами специалистов[60].

В эксплуатационные контуры были внесены значительные изменения. Обедненные площади выводились из отработки и заменялись другими, с более высоким содержанием металла, что позволяло при меньших объемах горных работ выполнить установленные планы по добыче золота. К особенностям работ 1940 г. можно отнести быстрый рост лоточной промывки мелалла силами вольнонаемных рабочих и служащих, от которой было получено 16 245 кг золота, или 17,9% от общего объема, и ввод в эксплуатацию новых приисков в Чай-Урьинской долине и в других управлениях.

Удельный вес этих приисков составил на вскрышных работах 21,6%, добыче золота – 27,8%. В 1940 г. работы велись в трудных условиях, так как многие старые прииски отработали пойменную часть россыпей и перешли на террасовую, что значительно осложняло транспортировку пустой породы и снижало производительность труда. Техника по-прежнему использовалась в ограниченном количестве.

В 1940 г. добыча шлихового золота составила 90 637 кг (при плане 90 000 кг), или 122,9% к уровню 1939 г.

В докладе к годовому отчету 1940 г. подчеркивалось, что *«значительное недовыполнение плана по производительности труда на добыче подземных песков объясняется в основном низким коэффициентом использования оборудования (компрессоров, перфораторов)..., а также отсутствием четкой организации труда... и неполноценностью рабочей силы»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 121, л. 96].

Кроме этого, в 1940 г. значительные объемы горной массы были переработаны на новых, малоосвоенных объектах Чай-Урьинской долины.

На Колыме действовало 14 обогатительных фабрик, в том числе 6 в СГПУ. Среднесуточная производительность фабрик возросла к уровню 1939 г. на 42% и составила по СГПУ 51,4 т, ЗГПУ – 14,0 т и в целом по Дальстрою – 46,2 т, а длительность работы увеличилась на 61% (в СГПУ – до 100 дней, в ЗГПУ – до 195).

Добыча олова в 1940 г. составила 1945,7 т (97,3% плана), что превышало уровень 1939 г. (507,4 т). в 4 раза. Особенностью этого года являлся значительный рост добычи на рудных месторождениях – 70,0% от общего объема. В 1940 г. были построены и введены в строй 4 обогатительные фабрики производительностью 1100 т и 3 электростанции. Добыча олова велась на рудниках «Бутыгычаг», «Кинжал», им. Лазо и приисках им. III пятилетки, «Суксукан», «Хета», «Золотистый».

На оловодобыче впервые начали внедрять циклический метод отработки месторождений (рудник «Кинжал», «Н. Ат-Урях»), применять промывочные приборы механического типа (дезгрохбенд) и электрическое бурение электросверлами на подземных работах[61].

В 1937–1940 гг. отмечался быстрый рост энергетической базы Дальстроя. Общая мощность электростанций возросла с10 700 кВт в 1938 г. до 54 516 кВт в 1940 г. Однако 77% мощностей приходилось на мелкие приисковые электростанции.

Таким образом, за период «пионерного» освоения Северо-Востока России в 1932–1941 гг. в районах Колымы был создан новый, крупнейший в СССР не только по территории, но и в первую очередь по экономической значимости центр по добыче стратегических полезных ископаемых, имевший в рамках социалистической системы хозяйствования особый статус и автономную структуру управления.

Процесс создания промышленного комплекса Дальстроя как «комбината особого типа» имел свою внутреннюю логику и был объективно закономерен, так как отражал основные принципы плановой административно-командной экономики в условиях тотальной политической диктатуры.

В результате жесткой концентрации власти, директивных методов управления, неограниченного маневрирования финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами в сочетании с широким применением репрессивно-карательных мер Дальстрой в кратчайшие сроки сумел выполнить поставленную экономическую задачу.

В 1941 г. перед промышленным комплексом Дальстроя была поставлена важная задача – повысить эффективность основного производства за счет увеличения добычи золота и олова, внедрения новых технологий, сокращающих непроизводительные расходы и потери металла.

В приказе народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия № 00525 от 26 апреля 1941 г. подчеркивалось: *«Для выполнения этих заданий требуется от Дальстроя максимальное использование оборудования и местных ресурсов, поднятие эффективности разведок и рационализации технологических процессов для повышения извлечения металла из руды и россыпей»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 162, л. 58].

Государственный план 1941 г. предусматривал широкое внедрение импортных передвижных сухопутных золотомоек, рифленых ручных лотков и механических систем Денвера, переход на оттайку многолетней мерзлоты холодной водой и в целом на механизацию основных технологических процессов.

---

[60]*Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 72.
[61]*Он же.* – С. 83.

В области геологоразведки – форсировать поисково-разведочные работы в Омсукчанском, Хетинском, Индигирском, Чаунском, Чукотском, Эге-Хайском, Арманском, Сусуманском, Дарпирском районах в целях создания 2-летнего запаса по россыпному золоту и выявления сырьевой базы молибдена, вольфрама, кобальта и других редких металлов.

На финансирование всего комплекса работ Дальстрою выделялось сверх установленного лимита более 160 млн руб., в том числе 80 млн руб. на капитальное строительство.

Л. П. Берия писал, что *«НКВД СССР выражает уверенность, что боевой коллектив дальстроевцев по-большевистски развернет работу, добьется в 1941 г. новых успехов, лучшего использования механизмов, более полного извлечения олова и золота при обогащении, быстрого освоения новых районов, полного и своевременного выполнения установленных партией и правительством планов по золоту и олову»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 34, л. 53].

Однако начавшаяся война с фашистской Германией резко обострила обстановку на Колыме и потребовала принятия экстраординарных мер.

На всех предприятиях Дальстроя вводился жесткий режим экономии с учетом сокращения государственного финансирования (табл. 15).

Таблица 15

Справка о капитальных вложениях по Дальстрою, млн руб.
[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3399, л. 18]

Показатель	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего	499,6	311,2	306,1	345,0	455,2
В т. ч. кап. строительство	183,1	147,3	144,1	134,2	156,3
Геологоразведка (золото и олово)	153,3	105,6	104,3	119,5	177,6

«Вопрос расходования ценных ресурсов в современных условиях должен стать по-иному, должен быть максимально ожесточен...», – подчеркивалось в приказе начальника ГУ СДС [Там же. Д. 162, л. 86].

Из всего комплекса проблем главным являлось обеспечение бесперебойного снабжения вольнонаемного населения и лагерей продовольствием, одеждой, а производственные объекты – горючим, взрывчаткой, цветными металлами и т. д.

В целях экономии средств отменялись все ранее изданные приказы, распоряжения и инструкции о нормах снабжения. В распоряжении по Управлению Севлага № 0547 от 28 июля 1941 г. говорилось: *«Создавшаяся обстановка в связи с происходящей войной требует от каждого руководителя... соблюдения максимальной экономии в расходовании всех материальных ресурсов, беспощадной борьбы со всякими излишествами... Самыми беспощадными мерами бороться с расточительством и расхищением... привлекая расхитителей к судебной ответственности.*

Надо организовать... сбор утиля и его сортировку... пускать в ремонт. Учесть, что в этом году из Магадана ничего отпущено не будет и встречать зиму придется в том, что окажется в наличии... Изыскивать все способы замены кожаной и валяной обуви, учитывая, что с обувью будет чрезвычайно тяжелое положение.

Изготовлять из отходов гвозди, жесть, печные и отопительные приборы... Предупреждаю... что всякая расхлябанность, ротозейство... будет наказываться мерами судебного воздействия...» [ГАМО, ф.р-80с, оп. 1, д. 53, лл. 111, 112].

С 29 июля на основании приказа по ГУ СДС НКВД № 398 уменьшилось финансирование по линии основного производства по СГПУ на 33,2 млн руб., по ЗГПУ – на 21,9, по ЧУГПУ – на 20,5, по ЮГПУ – на 23,9, по ТГПУ – на 4,9, по ЮЗГПУ – на 3,5 и по УАТу – на 12,5.

Начальникам предприятий и учреждений ДС запрещалось увеличивать численность административно-управленческого аппарата и приказывалось за счет уплотнения рабочего времени снизить расходы на 10%.

Лимит расходования горюче-смазочных материалов был сокращен на 20%. На базах Колымснаба и горных управлений создавался 3-месячный неприкосновенный запас продовольствия и материалов, необходимых для нормальной работы приисков и транспорта.

Несмотря на сложную обстановку второй половины 1941 г. Советское правительство, понимая важность Дальстроя для обороны страны, приняло ряд важных решений.

Заместитель начальника ГУ СДС Егоров говорил на совещании руководящих работников, что *«Дальстрой со всеми его организациями внесен в списки наиболее важных предприятий Советского Союза, на которые не распространяется сокращение в области снабжения и в области капиталовложений. Нас не лимитируют буквально ни в чем. Нас обеспечили полностью продовольствием, нас полностью обеспечили вещевым довольствием.*

<...> Нам по импорту предложено продовольствие, и мы сумеем завезти оборудование, в т. ч. и резину» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 165, л. 115].

Однако уже в начале 1942 г. стало ясно, что государство по объективным причинам не в силах выполнить необходимый объем поставок на Колыму.

Например, уровень капиталовложений на приобретение оборудования снизился со 118,5 млн руб. в 1941 г. до 55,0 млн руб. в 1942 г.; в 1943 г. он составил 56,1, в 1944 г. – 80,8 и только в 1945 г. возрос до 136,1 млн руб. В 1942–1943 гг. практически прекратились поставки грузовых автомобилей, электромоторов, транспортеров, экскаваторов и другой техники.

В целом завоз грузов в порт Нагаево сократился: в 1941 г. – 425,3 тыс. т, в 1942 г. – 183,0, в 1943 г. – 173,0, в 1944 г. – 215,3, в 1945 г. – 320,0 тыс. т. В этих условиях руководство Дальстроя приняло решение о переводе промышленного комплекса на самообеспечение по основной номенклатуре изделий.

В 1942 г. на АРЗе, промкомбинате и ЦРММ было налажено производство обогатительного оборудования для фабрик, которое ранее поступало из Ленинграда, а также запасных частей для автомобилей.

В целях быстрейшего перевода печных установок с нефтяного топлива на газ 20 августа 1942 г. на основании приказа по ГУ СДС № 382 было начато строительство газогенераторных станций, работавших на местном топливе – торфе, угле, дровах, в ЦРМ ЮГПУ и ЦРМ УАТа.

Одновременно началось переоборудование автомобилей и тракторов. В приказе № 587 от 15 октября подчеркивалось: «*Начальникам горных управлений и УАТа лично повседневно руководить внедрением газогенераторов... и самым внимательным образом проверить подготовку кадров газогенераторщиков (водителей, механиков, ремонтников). Все мелкие стационарные установки, работающие на жидком топливе, за исключением компрессоров и электростанций, остановить... Виновных в пережоге топлива... и переделке газогенераторных моторов на жидкое топливо привлекать к самой суровой ответственности*» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 84, лл. 25, 27].

Развертывание мощностей механических предприятий Дальстроя шло путем и создания новых цехов при действующих заводах, и постройки ремонтных мастерских при всех горных управлениях.

12 декабря 1942 г. в ЮГПУ был пущен в эксплуатацию первый на Колыме мартеновский цех. Причем плавильная печь была спроектирована собственными силами и построена в основном из местных материалов. За годы войны было выплавлено более 2000 т собственной стали. За успешную работу по строительству, монтажу и пуску мартеновского цеха начальник Дальстроя объявил благодарность начальнику ЮГПУ А. П. Сепатову, главному инженеру Квашнину, начальнику ЦРМ ЮГПУ Таширову, начальнику мартеновского цеха Ф. С. Сидоренко, мастеру Ерешину и др.

Механическими предприятиями в годы войны был освоен выпуск 114 типов различного горного оборудования, налажен выпуск запчастей, в том числе таких сложных деталей, как поршни, кольца, гильзы, топливная аппаратура для дизелей всех марок и т. д. На местных предприятиях изготавливались: компрессоры, токарные станки, морские, речные катера, электрооборудование, экскаваторы марки ЛК-0,5 «Кунгурец»*.

Кроме основного производства, в условиях войны особое значение приобрели предприятия местной промышленности, входившие в промкомбинат Дальстроя.

31 мая 1941 г. было принято решение о строительстве собственного стеклозавода с пуском его в эксплуатацию 1 ноября. Однако первую продукцию он дал только 9 февраля 1942 г. Первоначально оконное стекло изготавливалось только из стеклобоя, но уже в мае, в связи с пуском динассовой стеклопечи, завод перешел на использование местных песков.

В 1942 г. на 72-м км был построен деревообрабатывающий цех, выпускавший ящичную тару; пущена ватная фабрика в Магадане, перерабатывавшая различный утиль на вату, и гвоздильница.

На предприятиях промкомбината изготовлялись крайне необходимые в то трудное время вещи: лагерные бурки (до 25 тыс. шт. в месяц), веревочные лапти, валенки, портянки, постельное белье, шапки, рукавицы, оконное стекло, ложки, ящики, лотки для промывки золота и многое другое. Качество этой продукции, изготовляемой из разного хлама, было крайне низким.

По этому поводу И. Ф. Никишов говорил: «*Например, лапти вырабатываются из старой веревки, также из утильсырья вырабатываются бурки... Раньше рязанские мужики плели лапти из лыка... причем такие сделают, что в воскресный день к обедне ходят и долго носят. А наш Промкомбинат, во-первых, невероятных размеров лапти плетет. Я как-то т. Ясногорскому сказал, что если этими лаптями ударить тебя по голове, то убить можно... Если раньше лапти ломались до того, как их на ногу надевали, то сейчас... после того, как их надевают. Бурки – посмотришь на заключенного, ходит не на подметке, а на голенище*»[62].

Наряду с местной промышленностью в условиях жесткого дефицита продовольствия на Колыме повсеместно начали развивать сельское хозяйство и рыбную промышленность.

В целом, несмотря на тотальную мобилизацию внутренних ресурсов, предприятия Дальстроя покрывали с большими издержками менее трети потребностей (на 25–30%), и в 1942–1945 гг. определяющее значение приобрели поставки техники, оборудования, продовольствия и пр. по ленд-лизу из США.

---

*Подробнее см. *Ефимов С. П.* Машиностроение и металлообрабатывающая промышленность Магаданской области (1941–1945) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1986. – Вып. 14. – С. 51–60.

[62]*Бацаев И. Д.* Колымская гряда архипелага ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 58.

В сфере основного производства особое внимание уделялось **геологоразведке**.

Минерально-сырьевая база Дальстроя к началу войны основывалась на фундаментальных исследованиях, проведенных геологической службой в первое десятилетие своей деятельности.

В 1939 г. прогнозные оценки, сделанные Ю. А. Билибиным, были уточнены В. А. Цареградским и Г. А. Кечеком. Благодаря более глубокому и детальному изучению бассейна рр. Колыма и Индигирка запасы россыпного золота возросли с 1004 (Ю. А. Билибин, В. Н. Зверев) до 1625 т, а рудного снизились с 1100 до 650 т.

Перспектива оловодобычи определялась С. С. Смирновым в 200 тыс. т, но до 85% месторождений (исключая Чукотку) относились к рудным, что существенно затрудняло их разработку.

В конце 1940 – начале 1941 г. поисковые и разведочные работы велись в основных районах: Индигирском (рр. Худжах, Артык, Бурустах, Андычан, Ольчан, Тобычан), Берелехском (рр. Аркагала, верховье Берелеха, Чай-Урья), Хатыннахском (рр. Мылга, Чек-Чек, Хатыннах, Ат-Урях, Дебин), Оротуканском (Левобережная, кл. р. Утиная, рр. Оротукан, Герба, Мякит, Среднекан), Бохапчинском (рр. Тыллах, Эльген, Обо, Мандыган), Тенькинском (рр. Тенька, Большой и Малый Инякан, низовье р. Детрин), а также во второстепенных – Охотское побережье (Ямск, Авеково, Гижига, Ороек, Омолон и притоки р. Рассоха).

С началом войны в системе ГРУ ДС была проведена структурная реорганизация. На основании приказов ГУ СДС № 290 от 18 июня 1941 г. и № 308 от 18 июля из системы ГРУ ДС выводились Омсукчанское и Чаун-Чукотское РайГРУ, на базе которых с 1 июля организовались Омсукчанский и Чаун-Чукотский ГПК. В состав первого вошел Особый Гижигинский разведрайон, второго – Анадырская геологоразведочная экспедиция.

Приказом ГУ СДС № 438 от 22 августа 1941 г. геологоразведочные секторы ГПУ реорганизовались в отделы ГПУ. Это касалось также Омсукчанского ГПК, ЧЧ ГПК, Индигирского РайГРУ и Управления «Дальстройуголь».

Основными направлениями разведочных работ в 1941 г. являлись: 1) обеспечение запасами эксплуатационных предприятий не менее чем на 3 года; 2) улучшение методики разведки; 3) ревизия старых разведок и перепроверка сомнительных объектов.

Главное внимание уделялось отдельным районам – Чаун-Чукотскому, Омсукчанскому, Индигирскому, Чай-Урьинскому.

Для их исследования было сформировано 139 (вместе с Янским ГПУ) геолого-поисковых партий, в том числе на разведку олова – 52, золота – 28, молибдена – 6, вольфрама – 3, ртути – 3, полиметаллических руд – 4, серебра – 1 и пр.

В 1941 г. впервые геологические работы велись в верховьях р. Анадырь, а также в районе р. Яна. Кроме этого, впервые в практике Дальстроя работали 3 геоморфологических отряда: один в Индигирском РайГРУ (бас. р. Андычан), второй в бас. р. Среднекан, третий в бас. р. Чай-Урья. Эти партии изучали морфологию рельефа в связи с образованием и распределением россыпных месторождений. Сырьевая база Дальстроя по добыче золота концентрировалась на объектах, где велись основные разведочные работы (табл. 16).

Таблица 16

Характеристика объектов

Объекты (реки)	Добыто на 01.01.1942 г.	Запасы на 01.01.1942 г.	Всего, т	Горное управление
Чай-Урья с приисками	55,1	81,0	136,1	ЧУГПУ
М. Ат-Урях с приисками	95,4	21,4	116,8	СГПУ
Хатыннах с приисками	58,0	6,8	64,6	То же
кл. Штурмовой, Чек-Чек с притоками	50,7	10,1	60,8	– « –
кл. Туманный	10,5	7,0	17,5	– « –
Мальдяк с приисками	32,5	24,5	57,0	ЗГПУ
Челбанья с приисками	2,2	14,8	17,0	То же
Омчак с приисками	0,2	51,6	51,8	ТГПУ
Итого	304,6	217,0	521,6	
В % от всего по ДС	70	54,3	62,4	

Общее количество разведанных объектов достигло 581, из них 285 (49%) были открыты впервые. Наибольшее их количество находилось на территории Западного, Северного и Южного управлений – 68%.

В ЗГПУ (охватывало среднюю и верхнюю часть бас. р. Берелех, часть бас. рр. Дебин, Омулевка, Рассоха) обследовалось 208 объектов, из них 106 – впервые.

Из новых точек промышленные россыпи были обнаружены по кл. Киргилях, Камандык, Бортовой, Безымянный, Омчахонджа. Эти россыпи (мощностью от 0,5 до 3,5 т) были пригодны только для подземного способа разработки, поэтому основными оставались россыпи на р. Мальдяк с запасами более 24 т.

В Северном ГПУ (бас. р. Дебин, левобережье р. Колыма от р. Дебин до р. Лыглыхтах, бас. р. Таскан, рр. Большой и Малый Ат-Урях, Чек-Чек, Мылга и бас. р. Тыллах) разведка велась на 91 объекте. По притокам р. Дебин обнаружили россыпи с запасами 1,5–3,5 т.

В Южном ГПУ разведочные работы проводились на территории 6 разведрайонов, в том числе в Хетинском на олово, в Среднеканском и Верхне-Оротуканском на золото и олово. Управление проводило работы по правобережью р. Колыма, начиная от бас. р. Оротукан и заканчивая Буюндой. В результате обнаружили ряд россыпей в бас. р. Среднекан.

Особое внимание в 1941 г. уделялось Тенькинскому ГПУ, где велась разведка 74 объектов. В ходе работ была подтверждена крупная золотоносность в Омчакском узле протяженностью 7 км и шириной 600 м с запасом золота более 33 т и отдельные участки, в том числе кл. Наталка – 10,8 т со средним содержанием золота 15,7 г/м^3.

Золотоносные притоки р. Омчак – кл. Наталка, Глухарь, Павлик имели длину 5–7 км и ширину до 300 м, т. е. открывали хорошие промышленные перспективы. Кроме этого узла, выявили ценную россыпь – кл. Клин по притоку р. Тенька.

В 1941 г. Тенькинское управление по выявленным запасам золота вышло на первое место среди других управлений Дальстроя.

Некоторые успехи были достигнуты в ЧЧГПУ, где нашли промышленные россыпи в бас. р. Нексикан (кл. Буй), в Аркагалинском РайГРУ и впервые установлена россыпь в бас. р. Худжах – кл. Ованджа. Выявленные объекты имели запасы 1–3 т, пригодные для подземных разработок.

Разведки на рудное золото в 1941 г. проводились на объектах: «Чай-Урья» (ЧУГПУ), «Хатыкчан» (ЗГПУ), «Арик», «Пятилетка» (ЮГПУ), «Гольцовское», «Штурмовое», «Снайпер» (СГПУ).

Особенность геологоразведки 1941 г. и в целом в годы войны заключалась в том, что все ГПУ и ГПК направляли основные усилия на разведку олова, потребность в котором резко возросла как в стратегическом металле, необходимом оборонной промышленности страны. Даже сугубо «золотые» предприятия – ЗГПУ, ЧУГПУ – открыли на своей территории Дарпирский и Тарын-Юряхский оловянные разведрайоны. Более половины объемов разведки олова приходилось на Южное и Юго-Западное управление.

В результате поисковых работ 1941 г. были открыты новые месторождения рудного олова – Балыгычан, Нягаинское, Курбелякское, Кулинское, Каньонское и др; установлена оловоносность в Улахан-Нягаине (Дарпирский район) и в верховьях р. Миучан (Тарынский район). Однако особо выдающихся открытий в этом году сделано не было.

В целом в 1941 г. геолого-поисковые партии не нашли крупных месторождений россыпного золота, но были собраны ценные сведения о золотоносности Северо-Востока, в том числе установлено ее распространение в Яно-Адычанском районе, а также впервые получены данные о рудопроявлениях ртути (р. Агчах, Яна – ТГПУ, кл. Снежный – ЮГПУ, верховье р. Таскан, кл. Киноварь и др.), вольфрама (кл. Аляскитовый – ИГПУ, кл. Чагыдан – ЮЗГПУ), молибдена (р. М. Анюй, Еропол), кобальта (кл. Манящий, бас. р. Сеймчан, кл. Провал, Шагомер, Луна и др.).

В 1942 г. в связи с перераспределением объемов работ в новых и старых районах приказом по ГУ СДС № 91 от 19 февраля была проведена реорганизация разведрайонов ГПУ. Как самостоятельные организации ликвидировались: Неринго-Бохапчинский разведрайон (ЮГПУ), Мякит-Гербинский (ЮГПУ), с преобразованием его в разведучасток Среднеканского разведрайона, Мылгинский (СГПУ), Сеймчанский (ТГПУ), с преобразованием в участок Кадыкчанского разведрайона. Челбаньинский и Нексикано-Мяунджинский (ЗГПУ) объединялись в один – им. Фрунзе. В ЮЗГПУ организовался Балыгычанский разведрайон и Каньонский разведочный участок.

В марте 1942 г. приказом по ГУ СДС № 166 на базе Детринского и Кадыкчанского разведрайонов создается Арманский разведрайон III категории. Наряду со структурной реорганизацией геологической службы, впервые в истории Дальстроя проводилась паспортизация месторождений полезных ископаемых. Паспортизации первой очереди подлежали: а) все коренные месторождения золота и олова, независимо от их промышленной ценности; б) все россыпные месторождения золота и олова, включая выработанные; в) все эксплуатируемые или только разведуемые месторождения ископаемых углей.

В условиях войны вследствие возрастающего дефицита горюче-смазочных материалов активизировались поиски нефтегазоносных месторождений*. В 1942 г. группа геологов промкомбината – И. С. Новчов, И. И. Полевой, С. Д. Апрель-Спринцсон, А. Я. Перельман и руководитель группы И. И. Кабачный подготовили специальный отчет «Проблема нефтеносности Охотско-Колымского края». Ими были выделены районы возможной нефтеносности: Ольско-Сигланский, Таскано-Сеймчанский, Яно-Тауйский, Ожогино-Зырянский, Гижигинско-Пенжинский. Кроме этого, нефтегазопоисковые работы велись на побережье Северного Ледовитого океана и Берингова моря геологами ГУСМП[63].

---

*В 30-е гг. рассматривались два направления: разработка синтетических нефтепродуктов из местных углей и поиск нефти и газа.

[63]*Гревцев А. В., Глотов В. Е., Глотова Л. П., Соинская С. М.* История нефтегазопоисковых работ в Северном Приохотье // Наука Северо-Востока России – начало века : Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти акад. К. В. Симакова и в честь его 70-летия (Магадан, 26–28 апр. 2005 г.). – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2005. – С. 165–166.

Однако в силу объективных причин (отсутствие финансирования, неопределенность прогнозов, концентрация ресурсов на олово- и золотодобыче) поиски нефти и газа в районах деятельности ГУ СДС не получили должного размаха, и работы по этим направлениям были возобновлены только в начале 50-х гг.

В начале 40-х гг. в Дальстрое началось планомерное исследование мерзлотно-гидрологического состояния территории. Это геологическое направление имело важное значение для проектирования автодорог в зоне многолетней мерзлоты, промышленного строительства, защиты шахт от затопления, разработки методики промывки золота и олова летом и зимой, организации водоснабжения и т. д. В 1942 г. при ГРУ ДС создается гидрогеологическая служба. Основные работы по налаживанию надежного водоснабжения велись в промышленных районах в долинах рр. Средний Эльген (Р. Я. Антонов), Челбанья (Н. В. Губин), Сеймчан, Сусуман (А. П. Бисярин), Омсукчан (С. А. Нестеров), а также Чай-Урья, Аркагала, Бурхала, Омчак.

Причиной активизации работ в этом направлении стало затопление и обрушение нескольких шахт прииска «Челбанья» и затопление шахты рудника им. Лазо в результате прорыва подгрунтовых вод, а также технические трудности с обеспечением водоснабжения рудников и обогатительных фабрик.

Кроме этого, с 1940 г. подмерзлотные воды начали использовать для водоснабжения рабочих поселков. В 1941 г. были заложены скважины у пос. Сеймчан, Хета (1941, 1943 г.), Галимый (1942 г.), им. Лазо (1942 г.), Певек, Нижний Сеймчан (1943 г.), Валькумей (1944 г.) и др.

В 1942–1944 гг. были решены сложные вопросы рудничной геологии, возникшие в связи с переходом к эксплуатации подмерзлотных горизонтов на оловорудных месторождениях Хетинское, Галимовское, им. Лазо. В 1944–1945 гг. П. А. Сопин и А. Н. Репина, обработав данные шурфовочной и буровой разведки в долинах Теньки, Чай-Урьи, Мякита, Дебина, Берелеха, составили подробное бассейновое описание этих рек с указанием границ распространения и параметров таликовых зон.

В 1945 г. для постоянного детального изучения и осуществления гидрогеологических работ создается центральная мерзлотная станция Дальстроя[64].

«К 1944 г. имелось уже довольно ясное представление об общем характере подземной водоносности территории Колымского края», – отмечал Н. В. Губкин в «Очерке гидрогеологии части Охотско-Колымского края».

Следует заметить, что успех этих работ во многом зависел от высокой профессиональной подготовки геологов Дальстроя, их преданности своему делу.

В 1942 г. вследствие сокращения ассигнований (со 153 до 105 млн руб.) геологоразведочные и поисковые работы были в основном сосредоточены на доразведке и уточнении россыпных месторождений золота и олова в уже известных районах, имевших налаженную инфраструктуру. Рудные разведки были прекращены. Однако все это привело к сокращению перспективных запасов, что создавало реальную угрозу срыва выполнения государственных планов, и в 1943 г., несмотря на трудное положение с финансированием, объем разведок вновь стал возрастать. В этом году были организованы 116 поисковых партий (в 1942 г. – 84), большинству из которых ставили задачу поиска новых месторождений россыпного и рудного золота на территории Южного, Тенькинского, Западного и Чай-Урьинского горных управлений. Особое внимание уделялось Омчакской долине.

В результате выявили золотые россыпи в левых притоках р. Бохапча и рр. Мандычан и Курган (ТГПУ), золоторудные месторождения в Бургалинском (ЗГПУ), Делянкирском (ЧУГПУ) и Охотском районах. Суммарный прирост запасов золота в бассейне рр. Колыма и Индигирка составил 78,4 т.

Наряду с открытием новых месторождений золота, было обнаружено и несколько оловорудных жил по р. Чебыгылах (ТГПУ) и в правых притоках нижнего течения р. Яна (ЯГПУ), а также крупное месторождение железа (Верхне-Сеймчанское) и участки марганцевого и кобальтового оруденения.

Однако, несмотря на огромные усилия, задача прироста балансовых запасов золота на 2–3 года вперед, поставленная НКВД СССР, не была выполнена и, более того, в годы войны проявилась устойчивая тенденция к их сокращению к уровню 1939 г.

В 1944 г. геологоразведочными работами занимались 108 поисковых партий, в задачу большинства из которых входило выявление россыпных, рудных месторождений золота и олова, а также велись поиски кобальта, железа, марганца, нерудных ископаемых и углей.

Поисковые работы на золото проводились не только на территориях существовавших горных управлений, но и в совершенно новых, еще не исследованных районах, например, Охотска, где действовали 15 геолого-поисковых партий масштаба 1:500 000 и 1:100 000.

В результате в ТГПУ были найдены золоторудные месторождения по побережью р. Тенька, в бас. р. Дегдекан и на правобережье р. Омчак. Обнаружены коренные рудные тела по левобережью р. Бохапча и в бас. р. Неглинка.

---

[64] *Глотова Л. П., Глотов В. Е.* Гидрогеологические и инженерно-геологические исследования в период Дальстроя // II Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 184.

В СГПУ поиски велись в Лево-Колымском и Нижне-Бохапчинском районах и по правобережью р. Буюнда. На территории ЧУГПУ выявили ряд новых точек коренных месторождений в бас. р. Нера.

В целом за год прирост запасов россыпного золота составил 71 т. Разведочные работы на россыпное олово велись только на Чукотке, где было выявлено 2056 т.

Поиск оловорудных месторождений осуществлялся в Янском, Чаун-Чукотском, Юго-Западном, Тенькинском, Северном ГПУ на месторождениях Костер, Илинтас, Эге-Хая, Валькумей, им. Лазо, Галимый, Индустриальный, Бутыгычаг, Нагорный, Хатарен, Днепровский.

Рудные разведки на золото проводились в ЗГПУ (Желанное, Светло-Холодненское, Евгар), в СГПУ (Гольцевское, Утинское), в ЧУГПУ (Чай-Урья) и в ТГПУ (Омчакская долина). Запасы рудного золота оказались незначительными – 7,8 т.

Кроме золота и олова, в 1944 г. на территории Индигирского РайГРУ и ЧЧГПУ обнаружили залежи вольфрама на месторождениях Аляскитовый и Иультин – 3800 т.

В 1945 г. интенсивность геологоразведочных работ продолжала возрастать. Ассигнования на эти цели увеличивались со 105,6 млн руб. в 1941 г. до 193,8 млн руб., что позволило в полевой сезон снарядить 128 партий вместо 122 по плану.

В отличие от прошлых лет, основной задачей 1945 г. являлась разведка и поиск рудных месторождений золота в низовьях бас. рр. Индигирка, Полоусная и в среднем течении р. Колыма. Разведка на рудное золото проводилась в основном в ТГПУ, СГПУ, ЗГПУ, ЧУГПУ.

В процессе работ в Тенькинском ГПУ выявили несколько точек в бас. р. М. Мандычан и по руч. Веселый (левый приток р. Бохапча), в Северном ГПУ – по руч. Мрачный (р. Ларюковая), в Западном ГПУ – кварцево-золотоносные жилы по руч. Такон и Дорожный и ряд других. Эффективной оказалась разведка месторождений им. Матросова, Игуменовское, Дегдекан и открытие новых на Мальдяке с повышенным средним содержанием (ЗГПУ) и Ольчан в Индигирском ГПУ.

Наибольший успех по приросту запасов рудного олова был достигнут в ЮЗГПУ на месторождении им. Лазо, в 1945 г. давшем 2500 т.

Разведки на россыпное олово проводились только на территории ЧЧГПУ – в Пыркакайском и Куйвивеемском разведрайонах. Новые объекты, пригодные для промышленной отработки золотых россыпей, были обнаружены в Охотском районе в левом притоке р. Улья, в Чай-Урьинском ГПУ в среднем течении р. Нера, верховье р. Джелкан, бас. р. Нексикан, в Индигирском ГПУ в нижней части бас. р. Эльга и в бас. р. В. Тарын.

Кроме этого, было открыто крупное железнорудное месторождение в районе р. Горбуновая, месторождение углей по р. Яна и юго-западной оконечности п-ова Тайгонос, а также молибденовое оруденение в верховьях р. Буюнда и на хр. Полоусный.

В целом за годы войны, несмотря на большие трудности, геологическими исследованиями была охвачена площадь 504 247 км^2, из которых 320 тыс. км^2 в совершенно не обследованных районах. В ходе работы были разведаны запасы золота (356 т), олова (198 910 т), вольфрама (28 432 т), ископаемых углей (156 927 т), серебра (124 т), меди (24,9 т), свинца (66,1 тыс. т), редких металлов, огнеупоров и стройматериалов. Разведкой россыпных месторождений золота было выявлено 150 новых объектов (200 т), из которых 80 введены в эксплуатацию.

Добыча золота и олова во второй половине 1941 г. осуществлялась в крайне сложной обстановке, связанной с переводом промышленного комплекса Дальстроя на режим военного времени. Необходимо было не только выполнить, но и перевыполнить государственный план по всем показателям за счет резкого повышения производительности труда рабочих и служащих, и особенно заключенных, занятых в основном производстве.

Выступая на партийном активе, И. Ф. Никишов говорил: *«Мы с вами... находимся в 10–11 тыс. километров, от фронта далеко... даже самолет противника сюда не долетит. Но мы... выполняем очень серьезную задачу, направленную на усиление боевой мощи Красной Армии»*. И далее он подчеркивал, что *«выполнение этой задачи проходит, товарищи, в сложной обстановке, которая заключается в том, что мы имеем дело с лагерем. Лагерь в условиях войны может быть фронтом. Если бы завтра у нас образовался фронт на Дальнем Востоке и была бы попытка противника высадиться на Колыме, то мы с вами не имели бы тыла, у нас бы кругом был бы фронт»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 166, л. 19].

В первые месяцы после начала войны начальником ГУ СДС были изданы десятки приказов чрезвычайного характера о реорганизации управленческого аппарата и сферы производства, усилении производственной дисциплины и мобилизации внутренних ресурсов для безусловного выполнения плана по основному производству.

С 28 июня 1941 г. в лагерях вводился 12-часовой рабочий день, а для вольнонаемных допускалось удлинение до 3 часов в смену, где это диктовалось производственной необходимостью.

«Начальникам управлений и приисков приказывалось удлиненный рабочий день использовать с максимальной производительностью... провести решительную борьбу с лодырями, спекулянта-

ми, саботажниками, не выполняющими нормы по производительности труда» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 162, л. 112].

С 31 июля на добыче золота и олова устанавливался такой порядок, при котором каждая бригада ежедневно была обязана полностью выполнять суточные нормы. При невыполнении бригаду задерживали по окончании рабочего дня на 2 часа и более, а виновных бригадиров сажали в карцер на 10 суток с выводом на работу.

В приказах подчеркивалось, что *«о невыполнении суточных планов по объемам бригадами не может быть и речи... Нужно бригадиров наказывать... сажая на ночь в карцер, тогда бригадир будет беспокоиться о выполнении плана своей бригадой»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 161, л. 210].

По оперативным данным УНКВД, в лагерях Дальстроя отмечался рост антисоветских настроений, скрытого и явного саботажа.

В то же время началось брожение и среди вольнонаемных рабочих, главным образом из-за отсутствия правдивой информации о дальнейшей судьбе Дальстроя.

Начальник Политуправления И. К. Сидоров говорил, что *«факты показывают, что в нашем коллективе еще есть двурушники и шкурники, которые лишь на словах заявляют, что они советские граждане, а на деле показывают недопустимое отношение к своей Родине... Необходимо пресекать слухи, могущие нарушить уверенность в спокойной работе... а злостных болтунов привлекать к самой строгой ответственности по всем линиям... Кто попытается отлынивать от работы, от выполнения плана, кто не хочет укреплять тыл, кто попытается вносить элементы дезорганизации – тот враг советского народа, и с ним нужно поступать беспощадно... Политотделы на местах должны помогать органам НКВД, суду и прокуратуре...»* [Там же. Д. 166, лл. 204, 205].

Установка беспощадно карать была закреплена в резолюции партийного актива г. Магадана: *«Коммунистов и комсомольцев... немедленно привлекать к самой суровой... ответственности за распространение панических слухов и дезорганизацию производства»* [Там же].

В августе-сентябре на добычу золота, кроме заключенных, было брошено практически все трудоспособное население.

И. Ф. Никишов говорил: *«Не в порядке угрозы, а для сведения начальников горных управлений заявляю, что за невыполнением августовского плана, с чьей бы стороны это ни последовало, будем привлекать к суровой ответственности как за нежелание работать в условиях военного времени, как за нежелание работать для фронта»* [Там же. Л. 211].

В ходе повальной чистки предприятий и учреждений на основное производство было мобилизовано более 9 тыс. чел. Руководителей предупреждали, что *«если вы дадите калек, неработоспособных людей, будем карать жесточайшим образом вплоть до предания суду»* [Там же].

Таким образом в Чай-Урьинское ГПУ было дополнительно направлено 3600 чел. (2000 чел. прибыли на пароходе «Джурма»), в Северное ГПУ – 1000 чел., в Южное – около 2000 чел., в Тенькинское – 1000 чел.

Однако эти меры не дали ожидаемого эффекта, а привели, с одной стороны, к дезорганизации вспомогательного производства и транспорта, а с другой – к простоям, поскольку мобилизованные рабочие не имели подготовленного фронта работ.

Например, в ЮГПУ обеспеченность рабочей силой составляла 86% по золоту и 112% по олову, а фактически работали соответственно 53,3 и 46,3%. Вынужденные прогулы стали массовым явлением на многих приисках.

В СГПУ из 421 бригады технические нормы не выполняли 160, аналогичное положение было и в других управлениях. Только отдельные прииски, такие как «Ударник», «Стахановец», «Открытый», «Штурмовой», «Чекай», «Одинокий», выполнили план на 95–97%.

За срыв заданий виновных привлекали к уголовной ответственности. Например, за развал работы были преданы суду Военного трибунала начальник участка прииска «Комсомолец» (ЧГПУ) Маклощевич, главный инженер фабрики № 3 (ЮЗГПУ) Шмелев, начальник участка прииска им. Чкалова Кизимов и многие другие. В приказе № 435 от 22 августа 1941 г. по ГУ СДС говорилось: *«За невыполнение государственного плана как по металлу, так и по объемам, за безобразную организацию работы в Западном и Северном управлениях и особенно плохую работу приисков: "Верхний Ат-Урях", "Дебин", "Бурхала", "Мальдяк", "Светлый", "Комсомолец", "Чай-Урья", "Средний Оротукан", "Хета" и "Дусканья"... арестовать на 10 суток домашним арестом с исполнением служебных обязанностей:*

Начальника прииска "Дебин" – т. Орлова
Начальника прииска "Мальдяк" – т. Степанова
Начальника прииска "Светлый" – т. Кобнечкина
Объявить строгий выговор:
Начальнику Западного Управления – т. Нагорному
Начальнику Северного Управления – т. Богданову

Предупреждаю начальников управлений и начальников приисков... что если в ближайшие дни не выправится работа... буду вынужден привлечь к ответственности уголовной» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 79, л. 161].

По аналогии действовали и начальники управлений, грозя судом и расправой всем – от простого рабочего до механиков, начальников участков и горных мастеров.

Начальник УСВИТЛа А. И. Драбкин констатировал, что *«мы имеем целый ряд фактов серьезных выступлений среди лагерного контингента (прииск "Большевик", рудник "Бутыгычаг" и ряд других)».* В то же время он подчеркивал, что саботаж не массовое явление в лагере. Как правило, саботаж там, где плохо организован труд и в конечном итоге низкая производительность труда. *«Нельзя говорить о всей массе заключенных, что они настроены патриотически, но среди них есть лица, которые имеют семьи, у которых братья или отцы на фронте, бóльшая часть лагеря, которая трудится честно, относится лояльно ко всем мероприятиям, которые мы проводим».*

Эту точку зрения разделял и начальник Севлага Поспелов который говорил на совещании в 1941 г., что *«основным фактом скрытого саботажа является невыполнение бригадами установленного плана, невыполнение технических норм... Фактов открытого саботажа мы еще не выявили»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 165, л. 20].

Начальник Заплага Сквозников по этому поводу также отмечал, что *«по линии бригад мы его не имеем, а по линии отдельных заключенных имеем... Значительное количество по линии военного трибунала осуждено... Люди физически вполне здоровы, а выполняют норму на 20–25%»* [Там же. Лл. 51, 52].

Например, на прииске «Верхний Ат-Урях» за 3 месяца войны на вольнонаемных работников было наложено более 500 административных взысканий. Подобное положение было и на других предприятиях.

Заместитель начальника Дальстроя по кадрам Никешичев отмечал, что в этой порочной системе начальники приисков берут пример с начальников управлений, для которых получить выговор все равно, что сказать «доброе утро», а люди, которые срывают выполнение плана, остаются ненаказанными.

Размах произвола был настолько велик, что даже И. Ф. Никишов признал, что *«у нас отдают под суд все кому не лень. Считают, что бросить фразу – отдать под суд – это то же, что по пьянке выругаться»* [Там же. Д. 162, л. 252].

Тем не менее порочная практика продолжалась и в дальнейшем.

В 1941 г. повсеместно стали применять лоточную промывку. 25 сентября был издан приказ № 497, в котором говорилось: *«В целях обеспечения выполнения плана установить... намыв металла в сутки на каждого работающего на прииске, вне зависимости от должности и выполняемой работы: по СГПУ – 4 гр., ЗГПУ – 5 гр., ЧУГПУ – 8 гр., ЮГПУ – 3 гр., ТГПУ – 5 гр. Установленный... намыв металла в сутки является обязательным для выполнения всем без исключения списочным составом прииска – рабочие, занятые на основном производстве и вспомогательном, служащие аппарата приискового управления, все работники лагеря, лагерная обслуга и проч.»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 79, л. 16].

В отработку включались участки с наиболее высоким средним содержанием золота – 16 г/м^3 и более.

Однако, несмотря на всеобщую мобилизацию сил и средств, государственный план по добыче золота был выполнен всего на 89,1% (табл. 17).

В 1941 г. при росте золотодобычи на 6,2% (к 1940 г.) вскрыша торфов увеличилась на 18,7%, добыча песков – на 34,4%, в том числе подземных – на 32%, промывка – на 31,4%.

Рост горных работ был в основном обусловлен снижением среднего содержания золота, а также вводом в эксплуатацию новых месторождений и участков, структурными изменениями, что всегда было сопряжено с трудностями объективного характера, и консервацией ряда приисков.

На 1 января 1941 г. в состав СГПУ входило 27 предприятий, в том числе 12 приисков. В течение 1941 г. были организованы: прииск им. Горького, «Джелгала», приняты от других управлений прииск «Майорыч» и Тасканская железная дорога.

Таблица 17

Выполнение плана золотодобычи 1941 г.

Предприятие	План, кг	Фактически, кг	%
СГПУ	28700,0	25282,1	88,1
ЗГПУ	19700,00	19763,2	100,3
ЧГПУ	34800,0	28032,8	80,5
ЮГПУ	11600,0	10613,3	91,5
ТГПУ	2400,0	2452,0	102,5
ЯГПУ	400,0	803,0	200,8
ДС	97600,0	86946,4	89,1

В это же время ликвидировали ОЛПы приисков «Штурмовой», «Полярный», Севлага. Организованный в 1941 г. прииск «Хатыннах» был закрыт, а все рабочие переведены на прииск им. Водопьянова.

На 1 января 1942 г. в СГПУ действовали 24 предприятия и 15 приисков: им. Водопьянова, «Партизан», «Туманный», «Одинокий», «Дебин», «Ветвистый», «Майорыч», «Джелгала», «Штурмовой», «В. Ат-Урях», «Н. Ат-Урях», «Ледяной», «Чекай», «Бурхала», им. Горького.

В целом по Дальстрою в конце 1941 г. открылись новые прииски: им. Ворошилова, им. Тимошенко, им. Буденного, «Ветреный», «Пионер» в Тенькинском ГПУ, «Бурхала», «Ветвистый» – в СГПУ, «Челбанья» – в ЗГПУ, «Комсомолец» – в ЧГПУ.

Оловодобыча была сосредоточена на рудниках им. Лазо – ЮЗГПУ, им. Чапаева (закрыт 30 июля 1941 г.), «Хета», «Кинжал», «Днепровский» (образован 25 июля 1941 г.), «Бутыгычаг», «Светлый» – ТГПУ, «Индустриальный» (образован в 1942 г.) Омсукчанского горнопромышленного комбината (ОГПК), «Валькумей» – ЧГПУ (образован 11 апреля 1941 г.).

Расширение сырьевой базы оловодобычи достигалось за счет россыпей Пыркакайской системы на Чукотке (прииск «Пыркакай» образован 11 апреля 1941 г.), введенной в начальную стадию промышленной эксплуатации*.

Для обеспечения выполнения плана добычи олова в 1941 г. (4700 т) необходимо было: 1) подготовить запасы высоких категорий; 2) создать новые и увеличить производительность существующих предприятий, способных поднять добычу горной массы в 3,3 раза (с 250,8 до 842 тыс. т); 3) увеличить объемы по вскрыше торфов в 2,2 раза, промывке песков в 3,2 раза.

Однако по объективным причинам эти задания, а следовательно, и план добычи олова не были выполнены (табл. 18).

Таблица 18

Добыча олова

[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4196, л. 24]

Показатель	1940 г.	1941 г.	К плану 1941 г., %	В % к 1940 г.
Добыто олова, т	1945,7	3225,7	68,6	165,8
Добыто горной массы, тыс. т	250,8	672,3	79,9	268,1
Обработано руды, тыс. т	150,8	340,4	76,1	225,7
Вскрыша торфов, $м^3$	752,637	962,637	58,5	128,0
Промыто песков, $м^3$	374,0	728,8	60,6	194,9

По состоянию запасов рудного олова наиболее перспективными являлись рудники им. Лазо, «Хета», «Индустриальный», «Валькумей» и «Бутыгычаг».

Однако эти предприятии (за исключением рудника «Валькумей») вступили в эксплуатацию с недостаточно разведанной базой и были вынуждены максимально форсировать горноподготовительные работы, что повлияло на объем фактической добычи.

Кроме этого, не удалось ввести в действие месторождения: им. III пятилетки, Каньон в ЮЗГПУ, Кадыкчан, Евражка, Каменистый в ТГПУ, Хатарен, Бастон в ОГПК, Иультин в ЧЧГПК.

Главную роль в добыче россыпного олова играл прииск «Пыркакай». В основном благодаря Пыркакайской системе запасы олова увеличились на 64% (с 4132,5 до 6786 т), а также новым объектам – кл. Галимый в Омсукчанском районе, кл. Касситеритовый, Западный, Красный в Бургавлинском районе ЯГПУ, кл. Оборонный в Индигирском.

Несмотря на большие трудности, в 1941 г. была значительно повышена мощность обогатительных фабрик с 1160 до 1965 т руды в сутки за счет постройки новых – № 5, 6, 7 производительностью 400 т. Всего фабриками было обработано 340 235 т руды, но план был выполнен только на 76,0%.

Итоги 1941 г. и перспективы дальнейшего развития горнодобывающей промышленности были рассмотрены на партийном активе Дальстроя 7 января 1942 г.

Характерной чертой этого совещания являлось изменение точки зрения на трудовую политику. Начальник ГУ СДС И. Ф. Никишов так сформулировал основную цель: *«Товарищи, 1942 г. потребует от нас наиболее серьезного отношения, больше инициативы, уметь внедрять технику – это единственный выход для Дальстроя в дальнейшем, чтобы он мог давать большие объемы и расти по добыче необходимой продукции... это дает сокращение потребного количества физической силы и техники, которую мы завозили сюда. Ни в коем случае не допускать невыполнения планов... Если мы в этом году допустим такое же отношение, то катастрофическое положение будет и в 1942 г. Людей мы не получим, ни одного человека, военная обстановка не позволяет нам завозить людей сюда».* И далее И. Ф. Никишов подчеркнул: *«Нельзя сейчас подменять методы убеждения, методы воспитания – репрессиями и принуждениями.*

"Главным остается, – говорит товарищ Сталин, – метод воспитания, метод убеждения". И на это надо обратить серьезное внимание» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 178, лл. 40, 236].

Это было связано с тем, что ставка на жесточайшую эксплуатацию заключенных и вольнонаемных во второй половине 1941 г. не оправдала себя и имела крайне негативные последствия – повышенную смертность (в 2,5–3 раза), общее физическое ослабление и, как следствие, резкий спад производительности труда.

Естественно, что в условиях прекращения завоза новых этапов заключенных руководство Дальстроя было вынуждено изменить вектор технической политики.

Поэтому основной упор был сделан, во-первых, на внедрение имевшейся техники и различных подсобных механизмов и, во-вторых, на улучшение социально-бытового положения заключенных и вольнонаемных.

В 1942 г. продолжался процесс дальнейшей реконструкции основного производства. 11 мая 1942 г. было прекращено строительство Дарпирской обогатительной фабрики, 5 сентября на базе Иультинский

*17 июля 1942 г. приказом по ГУ СДС преобразован в Чаун-Чукотское ГПУ.

рудной разведки организуется рудник «Иультин» в составе ЧЧГПУ, 8 сентября ликвидируется как совершенно нерентабельный рудник «Куранах-Сала» (ЧЧГПУ), 12 сентября – прииск «Дарпир», а также «Средний Оротукан», «Среднекан», «Экспедиционный» в СГПУ. В целях концентрации работ с 1 октября объединялись прииски им. Горького и «Нижний Ат-Урях» (в прииск им. Горького)», «Ветвистый» и «Бурхала» (в прииск «Бурхала»).

Приказом № 507 от 14 сентября в новых разведанных районах открывались прииски: в ТГПУ – «Дегдекан», в ЧУГПУ – «Бурустах»* – на россыпных месторождениях кл. Дегдекан – левого притока р. Кулу и р. Курун-Агалык – правого притока р. Бурустах. В ЮГПУ (с 1 октября) ликвидировался Хетинский горнорудный комбинат и прииск «Золотистый», а в ТГПУ открылся прииск «Гвардеец».

В октябре 1942 г. из-за ограничения запасов были приостановлены все работы на руднике «Кинжал», а месторождение законсервировано и т. д.

В результате реорганизации количество приисков в СГПУ сократилось с 17 до 11 – им. Водопьянова, «Штурмовой», «В. Ат-Урях», им. Горького, «Туманный», «Одинокий», «Дебин», «Ветвистый», «Бурхала», «Майорыч», «Джелгала».

Прииски и рудники обслуживали 17 обогатительных фабрик, в том числе № 1 им. Чапаева, № 3 им. Лазо производительностью по 600 т руды в сутки, № 7 «Индустриальная» (100 т/сут).

27 июля 1942 г. приказом по ГУ СДС № 407 в связи с ростом добычи олова ЧЧГПК был преобразован в Чаун-Чукотское ГПУ, а в октябре на базе отдела оловодобычи ГУ СДС организуются два отдела: горный и фабрично-заводской.

На отдельных участках началась промышленная эксплуатация золоторудных месторождений и добыча рудного золота. За год было добыто 17 тыс. т руды и 482,2 кг золота. Обработка руды велась на 3 фабриках, оснащенных 10 бегунными чашами Бейльдона.

По сравнению с 1941 г. несколько повысилась эффективность применения имевшейся техники и оборудования. Например, на добыче песков, проходке руслоотводных и капитальных канав работали 92 экскаватора, на транспортировке торфов и песков, кроме мехдорожек и транспортеров, на подземных работах действовали 83 терриконика, 14 качающихся конвейеров ДК-2-15, на открытых участках – 28 скреперов. В результате производительность труда на горно-подготовительных работах повысилась на 21,8%, на промывке песков – на 31,2%, на перевалке торфов – на 22%.

Государственный план золотодобычи был выполнен на 107,5%. При плане 82 тыс. кг фактическая добыча составила 88 119,4 кг шлихового золота**.

Наибольший вклад внесли: Тенькинское ГПУ, выполнившее план на 177%, и Южное ГПУ – 100% и прииски: «Пионер» – 462,9%, им. Буденного – 245,5%, им. Ворошилова – 184,2%, «Бурхала» – 157,2%, «Комсомолец» – 145,0%, «Горный» – 145,0%, «Октябрьский» – 135,9%, «Скрытый» – 128,6%, им. Тимошенко – 128,2%, «Дебин» – 122,2%, «Утиный» – 117,4%, «Экспедиционный» – 117,3%.

Остальные управления план не выполнили. Самые низкие показатели имели прииски «Большевик» – 81% и им. Горького – 65%.

Характерной чертой 1942 г. и военного времени в целом являлся стабильно высокий удельный вес лоточной добычи золота (табл. 19).

По ряду приисков этот показатель достигал внушительных размеров. Например, в СГПУ на прииске им. Водопьянова золото, добытое лотками, составляло 34,8%, на прииске «Штурмовой» – 37,8%, «Бурхала» – 43,1%, «Джелгала» – 45,5%.

Таблица 19

Справка о добыче золота лотками по Дальстрою (т)
[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3399, л. 8]

Год	План	Отчет		Удельный вес, % в общей добыче
		шлиховое	хим. чистое	
1941	8,1	19,8	17,3	22,8
1942	5,3	23,9	20,4	27,1
1943	14,8	27,2	23,0	32,59
1944	27,4	25,9	22,0	31,1
1945	21,2	28,0	23,8	24,25

План оловодобычи Дальстроем был выполнен на 102%, в том числе ЯГПУ – на 150,6%, ЧЧГПУ – на 126,5%, ЮЗГПУ – на 116,7%, ЮГПУ – на 100,7%, ТГПУ – на 71,1%. По сравнению с 1941 г. количество добытого олова увеличилось на 354,2 т, или на 11%. Основной прирост был получен за счет рудного олова – 67% (2420,3 при плане 2530 т).

По россыпному олову наиболее эффективно работал прииск «Красноармейский» (ЧЧГПУ). Другие мелкие прииски (им. III пятилетки, «Золотистый», «Дарпир», россыпные участки рудников «Кинжал», «Хета», «Днепровский», «Галимый») были законсервированы. Главными недостатками оловодобывающих предприятий являлись резкое отставание геологоразведки и горно-подготовительных работ и плохая работа электростанций и обогатительных фабрик. Из-за нехватки электроэнергии

*Приказом ГУ СДС № 548 от 28 сентября 1942 г. открытие прииска приостановлено и вновь организован прииск «Ветвистый».

**План добычи золота в 1942 г. был скорректирован в сторону понижения для СГПУ на 1500 кг и увеличен для ТГПУ на 1500 кг. В ЗГПУ годовой план был уменьшен на прииске «Мальдяк» на 1000 кг и увеличен для прииска «Стахановец» на 300 кг, «Ударник» – 200 кг, «Челбанья» – 300 кг, «Скрытый» – 200 кг.

и перебоев доставки руды фабрика № 1 простояла 132 суток, № 2 – 58, № 3 – 131, № 4 – 48, № 5 – 82, № 6 – 78, № 7 – 59.

Серьезной проблемой оставалось извлечение олова. При плане 68,7% фактическое извлечение составляло лишь 65%, а на фабриках № 5 – 35%, № 4 – 45%, № 6 и 3 – 54%. В целом по Дальстрою по этой причине терялось более 20% металла.

В 1942 г. по объективным причинам обострилась проблема кадров рабочих и служащих, занятых в основном производстве. *«В период наиболее напряженной работы недостаток рабочей силы на горных работах перекрывался свертыванием до минимума подсобных и вспомогательных производств, мобилизацией работников Магадана и управлений вспомогательных отраслей... Работали без выходных»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4225, л. 7].

Особенность 1942 г. заключалась и в значительном росте удельного веса вольнонаемных в основном производстве с 27,5% в 1941 г. до 39,9% в 1942 г. Изменение соотношения вольнонаемных и заключенных позволило перевести ряд приисков и предприятий исключительно на вольнонаемный состав.

Например, приказом по ГУ СДС № 07 от 15 октября 1942 г. на новый принцип комплектования были переведены прииски: «В. Ат-Урях», «Штурмовой» (СГПУ), «Мальдяк» (ЗГПУ), им. Ворошилова (ТГПУ), «Горный» (ЮГПУ), «Большевик» (ЧУГПУ), «Октябрьский» (ЧУГПУ), фабрика № 6 (ТГПУ), Аркагалинская, Челбаньинская, Берелехская, Запятинская электростанции, рудник «Холодный», автобазы № 1, 6, угольные районы и ряд предприятий Дальстроя. Этот процесс продолжался и в последующие годы, что позволило в совокупности с внедрением механизации повысить производительность труда.

В 1943 г. ГКО установил для Дальстроя план добычи золота 70 т (в пересчете на химически чистый металл) и 4000 т олова в 40%-ных концентратах.

В приказе НКВД СССР № 0110 от 25 января 1943 г. подчеркивалось, что *«это обязывает дальстроевцев в 1943 г. работать еще лучше и дать стране больше золота... мобилизуя для этого наличные внутренние ресурсы хозяйства»* [Там же. Д. 34, л. 102].

Для выполнения плана руководству Дальстроя предлагалось *«продолжить в 1943 г. практику 1942 г. по концентрации работ на более богатых россыпях...»* [Там же. Л. 102 об.].

В 1943 г. главным образом за счет поставок по ленд-лизу в основном производстве начался технический переворот. Впервые на добыче и промывке песков в широком масштабе были применены 35 экскаваторов в комплексе с ленточными транспортерами. Подземные работы характеризовались увеличением механизации доставки, откатки и подъема песков из шахт. На рудниках было задействовано 28 качающихся конвейеров, 23 транспортера и 73 терриконика. Добыча подземных песков производилась почти исключительно при помощи пневматического бурения.

На промывке песков использовались 444 промывочных прибора, в том числе шлюзовых – 227, американок – 82, мехприборов – 73 и 60 – системы Шлендикова.

Особенностью промывочных работ 1943 г. являлось опытное применение шлюзовых приборов, оборудованных бочечными дезинтеграторами (скрубберами) для промывки тяжелых песков и давших высокий эффект.

В результате даже частичной механизации основных технологических процессов при дефиците рабочей силы в 75 тыс. чел. было добыто 70 084 кг золота и попутно 11,3 т серебра. Государственный план был выполнен на 100,3% (табл. 20).

Таблица 20

Добыча золота в 1943 г.

Способ производства	Химически чистое золото, кг	
	План	Отчет
Раздельная добыча	67145	67331
Гидравлическая	545	113
Шлихообогащение	1991	1481
Рудная добыча	319	200
Прочие	–	959
Итого	70000	70084

Выполнение плана 1943 г. протекало в очень сложных условиях главным образом из-за недостатка рабочей силы и ранних заморозков, что не позволило в полном объеме освоить подготовленные площади как открытыми, так и подземными работами. Эти потери компенсировались массовой лоточной промывкой.

План добычи золота лотками в сутки составлял: в ТГПУ – 30 кг, в ЧЧГПУ – 25, в ЗГПУ – 20, в СГПУ – 20, в ЮГПУ – 5.

Оплата лоточников из числа вольнонаемных составляла 24 руб. 53 коп. за 8 часов работы, заключенных – 3 руб. 10 коп. За перевыполнение суточных норм выплачивалось по 1 руб. за 1 г добытого металла. В целом за промсезон намыв на одного лоточника составил 13,7 г/чел.-день. План промывки лотками был выполнен на 183,2%. В IV квартале было добыто 10 523 кг золота, из них 79,7% лотками.

В приказе НКВД СССР № 0075 от 26 декабря 1944 г. подчеркивалось, что *«Главное Управление Строительства Дальнего Севера НКВД СССР успешно выполнило установленные для него на 1943 год задания по добыче золота и олова.*

За период отечественной войны Дальстрой добился также значительно лучшего использования рабочей силы и увеличения производительности труда, обеспечив высокий уровень добычи золота и рост добычи олова при сокращении численности рабочей силы по сравнению с 1940 годом на 20%» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 34, л. 173].

Исходя из достигнутого в 1943 г. перед Дальстроем была поставлена задача *«добиться дальнейшего увеличения производительности труда, выполнить возросший объем вскрыши и добычи песков, закрепить достигнутый уровень добычи золота...»* [Там же. Л. 173 об.].

Постановлением ГКО № 4995сс от 20 января 1944 г. Дальстрою был установлен план по добыче химически чистого золота – 70 т, олова – 3000 т и вольфрама – 50 т за счет дальнейшей механизации горных работ, широкого применения лоточной промывки на наиболее богатых месторождениях, увеличения извлечения олова и консервации нерентабельных предприятий.

Приказом НКВД СССР № 0075 восстанавливались все льготы для работавших в Дальстрое, а постановлением ГКО учреждалось переходящее Красное знамя ГКО и ежемесячные премии в размере 100 тыс. руб. (одна), 50 тыс. руб. (две).

НКВД СССР выражало уверенность, что *«коллектив руководящих и инженерно-технических работников, рабочих и служащих Дальстроя не успокоится на достижениях 1943 года, а большевистской работой с честью обеспечит выполнение плана по добыче золота и олова, а также по строительству новых предприятий на Дальнем Севере»* [Там же. Л. 175 об.].

Выполняя постановление ГКО и приказ НКВД СССР, в Дальстрое провели очередную реорганизацию горнопромышленного комплекса, направленную на концентрацию золото- и оловодобычи на наиболее перспективных месторождениях.

В январе 1944 г. был поставлен на консервацию Арманский горнорудный комбинат ТГПУ, в состав которого входил рудник «Кадыкчан», участок «Армань» и фабрика № 6. С 1 марта ликвидировались рудник «Днепровский» и фабрика № 8.

В соответствии с распоряжением НКВД СССР № 3 от 7 января в связи с малыми объемами добычи металла ликвидировалось Южное ГПУ. Прииски «Геологический», «Утиный», «Пятилетка», «Горный» и рудник «Кварцевый» передавались в состав Северного ГПУ со всем личным составом и планом по добыче золота. Фабрика № 5 и рудник «Хета» были законсервированы.

В целях расширения золотодобычи в бассейне р. Индигирка с 1 сентября (приказ ГУ СДС № 430 от 29 августа 1944 г.) организовалось Индигирское ГПУ под руководством А. В. Ломоносова.

В состав ИГПУ приказом № 560 от 9 ноября «О выделении горных отводов для приисков ИГПУ на 1945 год» были включены прииски «Победа», «Индигирский», «Панфиловский», «Тирехтях», «Ольчан», «Маршальский», им. Покрышкина.

Кроме этого, во всех горнопромышленных управлениях были ликвидированы десятки участков, имевших незначительное среднее содержание золота.

Главным направлением повышения эффективности золотодобычи являлась механизация горных работ с широким применением экскаваторов, бульдозеров, транспортеров и пр. В 1943 г. на механизированных приборах было промыто 1915,0 тыс. м^3, или 42% к общему объему, а в 1944 г. – 3320 тыс. м^3, что составляло рост 61%.

Объем механизированной промывки увеличивался благодаря дальнейшему расширению парка экскаваторных работ и скрубберных приборов, количество которых увеличилось соответственно с 35 до 47 и с 2 до 94.

«Широкая механизация промывочных работ позволила значительно сократить потребность в рабочей силе... улучшить использование производственной мощности приборов... технологию промывки, а также разрешить задачу промывки тяжелых песков».

Для выполнения плана золотодобычи в 1944 г. потребовалось переработать около 30 млн м^3 горной массы, в том числе на вскрыше торфов – 7788 тыс. м^3, на перевалке – 3197 тыс. м^3, на добыче песков подземными работами – 1596 тыс. м^3, на промывке – 5154 тыс. м^3.

Наряду с экскаваторами, на отдельных горных работах были впервые применены бульдозеры. Например, на прииске им. Водопьянова бульдозеры использовались на вскрышных работах, добыче и промывке песков.

В 1944 г. дальнейшее развитие получила рудная золотодобыча. Из шахт было добыто и переработано 47 тыс. т руды. Из каждой тонны извлекалось 10,2 г золота, и в целом был получен 481 кг (205% к 1943 г.).

Большое значение для выполнения плана золотодобычи имело более широкое применение метода оттайки мерзлых песков холодной водой, по которому работало 18 промывочных приборов. Кроме этого, было построено 47 утепленных зимних приборов с горячей водооттайкой, промывших 170 тыс. м^3 песков.

Аналогичные методы повышения производительности труда применялись на оловодобыче. Основной вклад в добычу олова внесло Чаун-Чукотское ГПУ (1747 т, или 47,2%), где вступила в эксплуатацию построенная в 1944 г. обогатительная фабрика № 521.

В отличие от прошлых лет в 1944 г. Дальстрой выполнил государственный план по всем видам горных работ (табл. 21).

Таблица 21

Показатели выполнения плана 1944 г.

Объем, тыс. м^3	План	Факт.	В %
Вскрыша торфов	7110	7788	109,5
Перевалка торфов	2260	3197	141,5
Добыча песков подземными выработками	1185	1596	134,7
Промывка песков	5280	5454	103,3
Открытые ГПР	697	821	117,8
Подземные ГПР	184	317	172,3

Такой высокий результат был достигнут только благодаря широкому внедрению средств механизации. План добычи золота был выполнен на 100,8%, что составило 70 548 кг.

Лучшие показатели имели прииски «Ударник», «Бурхала», «Стахановец», им. Фрунзе, «Пятилетка», им. Гастелло, «Дусканья», «Утиный», «В. Ат-Урях», «Кварцевый», «Панфиловский», «Мальдяк», им. Горького, «Скрытый», «Чай-Урья», им. Чкалова, «Туманный», «Штурмовой», им. Водопьянова и им. Тимошенко.

Западное ГПУ перевыполнило план добычи золота на 19,7%, Северное – на 12,1%.

В приказе начальника ГУ СДС № 03 от 8 января 1945 г. «Об итогах работы горных управлений по золоту за 1944 г. и основных задачах на 1-е полугодие 1945 г.» говорилось: *«План по золоту на 1944 год, установленный Дальстрою Государственным Комитетом Обороны и приказом Народного Комиссара Внутренних Дел тов. Берия, – выполнен.*

В своей работе коллектив Дальстроя, воодушевленный героическими победами Красной Армии, руководствовался историческими указаниями товарища Сталина и по-большевистски преодолевал все трудности военного времени» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 186, л. 3]. Добыча олова составила 3702,7 т, или 123,4% к плану (табл. 22).

Таблица 22

Добыча олова по управлениям

Управление	Переработка руды, тыс. т		Добыто олова, т	
	план	факт.	план	факт.
Юго-Западное	141,6	150,9	950	1263,3
Тенькинское	103,4	89,7	450	381,5
Янское	31,6	36,4	250	302,3
Чаун-Чукотское	27,0	63,2	1350	1747,0
СГПУ и ЮГПУ	–	3,1	–	8,6

В целом за 1941–1944 гг. промышленным комплексом Дальстроя была проделана огромная работа и значительно повысилась техническая оснащенность основного производства и эффективность ее применения (табл. 23).

«Освоение новых районов проходило самыми быстрыми темпами. Отсутствие дорог, жилья и т. п. перестало считаться серьезными препятствиями к быстрому освоению новых объектов. Так, например, Омчакская долина начала осваиваться только с осени 1941 г., но уже в 1942 г. на ней было добыто 21 495 кг золота. Добыча золота, строительство и организация приисков, прокладка дорог – все это производилось одновременно» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 167, л. 8].

Таблица 23

Справка о механизации горных работ

Показатель	1941г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Вскрыто и перевалено торфов экскаваторами и бульдозерами, млн м^3	6,35	6,77	5,21	7,75	11,95
Удельный вес, %	34,2	44,6	59,6	69,9	82,7
Добыто песков, тыс. м^3:					
экскаваторами	–	215	960	1100	1225
бульдозерами	–	–	–	78	590
Кол-во экскаваторов, шт.	101	92	97	138	168
Кол-во компрессоров, шт.	238	185	236	264	323
Кол-во бур. станков, шт.	5	28	15	22	48
Кол-во транспортеров, шт.	377	411	336	316	322

Всего за 1941–1944 гг. было введено в строй 17 новых приисков, на которых было добыто 90 т золота, и законсервирован 21 прииск (табл. 24).

За это время количество механических приборов увеличилось с 86 (1941 г.) до 243, а удельный вес объема промытых песков возрос с 9,2 до 69,2%.

В результате общие потери металла при промывке были снижены с 4,1 до 1,84 г, в том числе на механических приборах с 2,8 до 1,57, на других типах – с 4,1 до 2,5 г/м^3.

Производительность труда на вскрышных работах возросла на 57,5%, на добыче подземных песков – на 35,8%, на промывке приборами – на 67,5%.

Таблица 24

Динамика добычи золота в 1941–1944 гг.

Показатель	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Всего действовало приисков	47	40	37	37
В т. ч. открытых в 1941 г.	11	13	14	17
Добыто шлихового золота на приисках, открытых с 1941 г., кг	2497	30062	38615	47950
Их уд. вес в общей добыче, %	2,9	34,1	46,5	57,8

Это позволило при абсолютном снижении добычи золота к уровню 1940 г. все же стабильно удерживать ее в среднем на уровне 70 т в год.

Наибольший успех в годы войны был достигнут в добыче олова (табл. 25).

Таблица 25

Добыча олова по Дальстрою

Добыто, т	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего	1917	3226	3580	3902	3703	4509
В т. ч. из россыпей	459	769	823	1118	1177	950

Особо важную роль из предприятий, добывающих олово, играли Чаун-Чукотское и Янское ГПУ, располагавшиеся за Полярным кругом. Добыча олова в этих управлениях увеличилась к уровню 1941 г. в 3,5 раза и составила более 30% всей добычи по Дальстрою.

В связи с ростом добычи руды для ее обработки было построено 13 обогатительных фабрик.

Наряду с ростом рудной оловодобычи, интенсивное развитие в Чаун-Чукотском управлении получила разработка россыпей на прииске «Красноармейский».

Относительно стабильная работа горной промышленности была достигнута без постоянного увеличения рабочей силы (табл. 26).

Таблица 26

Динамика рабочей силы

[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 113, л. 6]

Показатель	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Общая численность работающих, чел.	113430	189826	216422	210674	186461	171340	176566*	189089
В т. ч. на золотодобыче, чел.	50554	71019	90368	95386	78996	6915	74991	8049

*Со второй половины 1944 г. возобновился завоз заключенных.

В 1945 г. перед Дальстроем была поставлена задача не только *«безоговорочно выполнить государственный план, но и дать 5–7% золота сверх плана»* [Там же. Д. 186, лл. 3, 4].

НКВД СССР приказывал добыть 82 000 кг шлихового золота, в том числе СГПУ – 16 000, ЗГПУ – 12 500, ЧУГПУ – 16 500, ТГПУ – 20 500, ИГПУ – 16 500 кг.

Начальникам горных управлений предписывалось обеспечить повышение производительности труда по сравнению с 1944 г. на 8% за счет использования экскаваторов, комплексной механизации подземных работ и подготовки полигонов, применения массовых взрывных работ на вскрыше торфов.

Добыча золота в 1945 г. характеризовалась дальнейшим ростом переработанных объемов горной массы, который превысил показатели 1944 г. на 31,9%.

Это было связано с тем, что на полигонах были задействованы 167 экскаваторов и 71 бульдозер. Одновременное их использование позволило довести механизацию на открытых работах до 67,7%, в том числе на вскрышных работах до 82,9%.

В 1945 г. началась промышленная добыча рудного золота. В течение года были спроектированы и построены два золоторудных комбината: Утинский и им. Берия в составе трех золотоизвлекательных фабрик производительностью 1200 т руды в сутки. Кроме этого, была пущена 50-тонная бегунная фабрика на месторождении Мальдяк ЗГПУ.

Завершение военной кампании было отмечено успешным окончанием промывочного сезона. В последний год войны *«благодаря большой помощи со стороны правительства и нашего Народного Комиссара тов. Берия, благодаря упорному труду коллектива горных управлений Дальстрой в 1945 году не только выполнил план по объемам металла, но и значительно перевыполнил»*, – отмечалось в приказе начальника ГУ СДС № 691 от 31 декабря 1945 г.

На предприятиях Дальстроя было добыто 69 500 кг химически чистого золота и 4509 т олова в концентратах.

Однако в этот период за внешним благополучием стали все отчетливее проявляться внутренние проблемы развития горнодобывающей промышленности.

Добыча золота по сравнению с 1940 г. значительно снизилась. Это было связано, во-первых, с хищнической отработкой месторождений в начальный период (1932–1937 гг.) и возобновленной в экстремальных условиях войны; во-вторых, со снижением среднего содержания золота с 15,53 до 11,77 г/м^3; в-третьих, с сокращением ассигнований на геологоразведочные работы, что в целом привело к уменьшению балансовых запасов золота и снижению темпов ввода в эксплуатацию новых объектов.

В 1941 г. прирост балансовых запасов составлял 71,0 т, в 1942 г. – 112,3, в 1943 г. – 62,5, в 1944 г. – 48,0, в 1945 г. – 56,5.

Кроме этого, экстенсивные методы организации производства, сами по себе малоэффективные и высокозатратные, при увеличении численности вольнонаемных и частичной механизации технологических процессов значительно удорожали себестоимость добываемого металла.

Снижение рентабельности золотодобычи компенсировалось внеэкономическими методами интенсификации труда и усилением репрессивной политики. Отработанная в предвоенные годы методика принудительного труда заключенных в условиях их резкого сокращения оказалась неэффективной, так как принцип материальной заинтересованности, зачетная система и пр. были ориентированы на инстинкт выживания, а не на сознательное отношение к труду, являвшемуся для большинства жестокой необходимостью.

В целом опыт работы Дальстроя в годы войны показывает, что стабилизация золотодобычи была достигнута путем максимальной мобилизации внутренних ресурсов в сочетании с широким применением чрезвычайных мер, обусловленных законами военного времени.

В 1946–1953 гг. в области промышленной политики в основном сохранялись ранее сложившаяся специализация и районирование горнопромышленных направлений.

В начале 1946 г. в составе Дальстроя действовали Северное, Западное, Юго-Западное, Индигирское, Чаун-Чукотское и Чай-Урьинское горнопромышленные управления.

6 ноября 1946 г. приказом ГУ СДС № 097 ликвидируется из-за нерентабельности Чай-Урьинское ГПУ, а все прииски и разведрайоны передаются в Западное ГПУ.

Характерной чертой горнодобывающей промышленности в эти годы по сравнению с довоенным периодом роста, пиком которого стал 1940 г., и этапом относительной стабилизации 1941–1945 гг. являлась тенденция снижения эффективности основного производства.

В 1940 г. было добыто 80 т химически чистого золота, в 1945 г. – 69,5, в 1946 г. – 52,6, в 1947 г. – 41,2, в 1948 г. – 43,6, в 1949 г. – 52,4, в 1950 г. – 49,0, в 1951 г. – 49,2, в 1952 – 49,1 т.

Наряду с золотом, предприятия Дальстроя начали добычу вольфрамовых и кобальтовых концентратов, и особое внимание уделялось разработке оловянных месторождений. Количество оловодобывающих предприятий в 1945–1949 гг. увеличилось с 20 до 25.

Стратегические задачи развития горнодобывающей промышленности были определены на геологическом совещании Дальстроя, состоявшемся 9 декабря 1944 г. По итогам этого совещания был издан приказ № 635 от 23 декабря, в котором говорилось: *«В целях быстрейшего выявления запасов бассейна р. Индигирки предусмотреть... резкое увеличение геологопоисковых и разведочных работ... для чего моему заместителю т. Цареградскому... направить туда необходимое количество опытных геологов и разведчиков на россыпное золото... В целях расширения сырьевой базы Дальстроя по золоту, начиная с 1945 г., резко увеличить объемы геологопоисковых и разведочных работ на рудное золото»*[65].

Кроме этого, геологической службе предписывалось максимально развернуть в 1945 г. и последующих годах разведочные работы на уголь и нерудные ископаемые в районах, перспективных в отношении золотодобычи, в частности на территории деятельности Индигирского районного ГРУ и ТГПУ.

Это решение было следствием постановлений Советского правительства и требования лично И. В. Сталина в минимально кроткий срок догнать и перегнать довоенный уровень золотодобычи[66].

Для выполнения поставленной задачи в 1945 г. в Западном ГПУ были организованы Берелехский рудник и Бургалинский комплексный рудно-россыпной район, в Чай-Урьинском – Чай-Урьинский рудник, в Северном – Хатыннахский, Оротуканский и в Западном ГПУ – Средне-Берелехский разведрайон.

15 августа 1945 г. приказом № 448 «О формировании геологоразведочных работ на территории Чаун-Чукотского ГПУ» организуется Тамнеквуньский разведрайон с задачей разведки россыпного золота.

В связи с развитием золоторудной добычи, организацией новых рудных предприятий 17 ноября 1945 г. золоторудная группа ПТО Дальстроя преобразуется в золоторудный отдел и с 1 декабря создается Строительное управление.

Основная разведка на рудное золото проводилась в ТГПУ, СГПУ, ЗГПУ, ЧУГПУ. Ниболее перспективными являлись месторождения им. Матросова, Игуменовское и Дегдекан. Чрезвычайно важным стало открытие новых золоторудных месторождений, имевших промышленное значение, – Мальдяк в ЗГПУ и Ольчан в ИГПУ.

В 1945 г. продолжались и активные поиски россыпного золота в среднем течении р. Нера, верховьях р. Джелкан и в бассейне р. Нижний Нексикан.

Вторым приоритетным направлением являлся поиск новых месторождений олова, потребность в котором постоянно возрастала. Разведки на россыпное олово проводились только на территории ЧЧГПУ в Пыркакайском и Куйвивенском разведрайонах, на рудное – в ЧЧГПУ, ЯГПУ, ЮЗГПУ и ТГПУ.

Наибольший успех по приросту рудного олова был достигнут в ЮЗГПУ, где находилось одно из крупнейших месторождений – им. Лазо.

Кроме этого, специальные партии вели разведку месторождений молибдена (верховье р. Буюнда, хр. Полоусный – СГПУ), железа (р. Горбуновая), каменных углей (р. Яна и юго-западная оконечность п-ова Тайгонос) и других ископаемых.

---

[65]*Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 124.

[66]*Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 151.

В 1946 г. геологоразведочные работы были в основном направлены на доразведку уже известных месторождений, но в то же время был найден перспективный по золотоносности район в междуречье Селяннях – Уяндина, где было выявлено 10 объектов с содержанием золота от 4 до 20 г/м^3, а в единичных пробах до 20 г/м^3.

В 1947 г. в связи с новыми задачами и увеличением объемов работ в структуре геологоразведочной службы Дальстроя произошли большие изменения. Ряд ГРО горных управлений реорганизовали в районные геологоразведочные управления: ГРО ЮЗГПУ – в Сеймчанское РайГРУ, ГРО ЗГПУ – в Берелехское РайГРУ, ГРО ТГПУ – в Верхне-Колымское РайГРУ, ГРО ИГПУ – в Верхне-Индигирское РайГРУ.

На базе Полоусненской экспедиции, входившей в состав ГРО Колымского речного управления, организовано Нижне-Индигирское РайГРУ, а для ведения поисков и разведки на территории п-ова Тайгонос и бассейна р. Пенжина – Пенжинская геологоразведочная экспедиция.

В 1947 г. были выявлены новые объекты по рудному и россыпному золоту в бассейнах рр. Индигирка, Берелех, Бохапча, Селяннях на побережье п-ова Тайгонос и западном побережье Камчатки, а также в районе Омчикандинского редкометалльного месторождения были обнаружены залежи сурьмы и свинца.

Кроме традиционных разведок, геологическая служба Дальстроя в 1945 г. была ориентирована на новое направление.

Постановлением СНК СССР от 13 октября 1945 г. на Дальстрой возлагалась задача по разведке урановых руд. В телеграмме Наркома НКВД СССР Л. П. Берия подчеркивалось: *«Необходимо принять все меры к тому, чтобы энергично развернуть поиски уранового сырья и уже в текущем году организовать добычу руды и выпуск концентратов урана... Прошу через каждые две недели сообщать о принимаемых мерах по выполнению задания...»*[67].

На основании этого распоряжения был издан приказ начальника ГУ СДС, в котором говорилось: *«Уран имеет большое народнохозяйственное значение. За короткое время в ряде разобщенных пунктов на территории Дальстроя обнаружены урановые минералы... Народным Комиссаром Внутренних Дел предложено форсировать поиски урановых минералов в Дальстрое»* [Там же].

Всем начальникам и главным геологам ГРО горных управлений и РайГРУ предписывалось приступить к составлению плана поисковых работ на уран в пределах своих территорий, немедленно начать лабораторную проверку на радиоактивность всех сборов полевых партий, особенно из оловорудных, вольфрамовых, кобальтовых и редкометалльных месторождений.

13 февраля 1946 г. в составе рудника «Бутыгычаг» создается особый разведочный участок с задачей разведки глубоких горизонтов подземными горными выработками и скважинами. Начальником участка был назначен А. А. Расторгуев.

Для руководства всеми работами по урану и торию 20 февраля в ГРО ТГПУ создается отделение под начальством В. Д. Володина.

В 1947 г. на руднике организуется внекатегорийный разведочный район, подчиненный непосредственно ГРУ ДС. Его начальником стал М. А. Чумак, старшим геологом – М. Н. Тупицын.

В 1948 г. в соответствии с Постановлением СМ СССР № 392-148сс от 22 февраля, приказом ГУ СДС № 0029 от 17 марта организуется Первое Управление.

Ему передавались весь личный состав ИТР, служащих и рабочих, занятых на специальных разведочных работах, в аппаратах управлений, партиях, спецлабораториях, а также все оборудование, транспортные средства, здания, сооружения и прочие товарно-материальные ценности. В составе авиаотряда Дальстроя создавалась специальная летная группа.

Начальником Первого Управлении был назначен генерал-майор В. П. Павлов, а руководство всеми техническими работами возлагалось на В. А. Цареградского.

Снабжение предприятий техникой, оборудованием, продовольствием осуществлялось специальной группой Колымснаба, имевшей допуск к работе с секретными материалами. Объекты Первого Управления брались под усиленную охрану и агентурное наблюдение. За разглашение характера работ работники привлекались к ответственности по Указу ПВС СССР от 9 июня 1947 г.

2 июля 1948 г. на основании приказа ГУ СДС № 0085 горно-геологическая служба Первого Управления изымалась из ведения РайГРУ и были ликвидированы аппараты Пятых отделов в ГРО и РайГРУ ГПУ. В системе Первого Управления были созданы: горно-геологический комбинат № 1 «Бутыгычаг», комбинат № 2 на базе Сугунского разведрайона, комбинат № 3 на базе Северного и Тенькинский отдел спецпартий.

С 1946 г. по июль 1954 г. специализированными партиями и поисковыми отрядами была обследована площадь 145 тыс. км^2 и обревизованы 102 месторождения, в том числе оловорудные – 41, золоторудные – 3, вольфрамовые – 6, угольные – 8, кварцитов и известняков – 2.

---

[67] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 126.

В результате было выявлено более 1000 рудопроявлений – на Чукотке, в нижнем течении рр. Индигирка, Яна, верховьях р. Колыма, в Сугунской полосе и ряде других мест.

Однако промышленное значение имели только два – Северное (72 км северо-восточней пос. Певек) и Бутыгычагское. Прогнозные запасы урана в недрах месторождений оценивались по Северному от 600 до 800 т, по Бутыгычагскому от 100 до 300 т.

С 1952 г. предприятия начали вырабатывать урановый концентрат. Задание правительства было выполнено.

Во второй половине 40-х гг. в горнодобывающей промышленности обострилась проблема прироста запасов полезных ископаемых – золота, олова и других металлов.

В 1948 г. СМ СССР принял специальное Постановление № 1723-688, в котором требовалось резко усилить геологоразведочные работы. Положение с приростом запасов золота было действительно напряженным. В 1946 г. они составляли 43 т, в 1947 г. – 32,1, в 1948 г. – 50,9 т.

Приказ МВД СССР № 00611 гласил: *«Направить разведку главным образом на месторождения, обеспечивающих действующие и вновь строящиеся обогатительные фабрики, и в первую очередь Омчакского месторождения, и не менее половины приростов золота разведывать в наиболее перспективных и компактных объектах – Берелехском, Индигирском и Ново-Нексиканском районах»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 206, л. 8].

Аналогичное положение было и с оловом. Суммарные запасы олова, учтенные по 63 коренным и 144 россыпным месторождениям, на 1 января 1949 г. достигали 341,5 тыс. т, в то время как балансовые составляли всего 96,8 тыс. т, или 28,5%. К уровню 1941 г. капитальные вложения сократились на 37,6% и составляли в 1947 г. всего 26,4 млн руб.

В 1948 г. было организовано 105 геолого-поисковых партий, из них 40 направлялись в новые перспективные районы. Благодаря принятым мерам основной прирост запасов рудного золота дало Омчакское месторождение, а по россыпному более 60% обеспечивалось за счет разведки Берелехской долины и Индигирского района (40 и 60 т). Наиболее ценными являлись месторождения им. Матросова и Лево-Наталкинское.

Одновременно начались работы по расширению обогатительных фабрик и комбинатов, в том числе Утинского производительностью от 600 до 1000 т/сут. Планировалось строительство новых фабрик общей мощностью 10 тыс. т/сут на месторождениях Омчакской долины с пуском первой очереди в 1950 г. производительностью 4400 т/сут (с учетом фабрики им. Берия) и строительство новой фабрики на месторождении Штурмовское.

Добыча рудного олова сосредоточивалась на рудниках «Галимый», «Кестер», «Валькумей», «Бургочан», «Серное-Светлое», россыпного – на приисках «Полоусное» и «Красноармейский».

Иультинским вольфрамо-оловянным комбинатом велась разработка вольфрама на месторождении Останцовый и кобальта – Полоусное. В 1947 г. были открыты два месторождения молибдена – Осеннее и Хакандинское.

С 1948 г. добыча вольфрама на руднике «Аляскитовый» возобновилась в промышленных масштабах.

В 1948 г. был открыт ряд золоторудных месторождений, в том числе Жданное и Заря в Верхне-Индигирском РайГРУ и Хангалах в Берелехском РайГРУ. По олову лучшие результаты были получены в ЯГПУ (Бургочан) и в Нижне-Индигирском РайГРУ, где открыли россыпи и коренное месторождение Депутатское.

Что касается рудного олова, то обнаружилось, что на наиболее крупных месторождениях – им. Лазо, Валькумей, Хатарен, Индустриальное, Отечественное – резко снизилось качество руды.

В этом году поисковыми партиями были найдены молибденовые рудопроявления в Тугунском районе (р. Индигирка – хр. Улахан-Сис), а также на Чукотке и около Магадана, кобальтовое оруденение – в районах Омчикандинского месторождения (Нижне-Индигирское РайГРУ). Кроме этого, окончательно определилась промышленная ценность месторождений золота, таких как Хантыгай-Хая и Чагадан.

Важным этапом геологического и промышленного освоения стал 1949 г. В нижнем течении р. Яна был открыт новый обширный золотоносный район, охватывавший северо-западное окончание Яно-Индигиро-Колымской золотоносной зоны.

Кроме этого, геологи обнаружили ряд участков и небольших золотоносных зон – Анюйскую и Пенжинскую. Анюйская охватывала бассейн р. Малый Анюй, нижнее течение р. Колыма до Чаунской губы (около 100 тыс. км^2). Пенжинская включала бассейны рек, впадающих в Пенжинскую и Гижигинскую губу, и верхнюю часть бассейна р. Омолон.

Остальные из известных участков – Охотский, Нижне-Ленский, Анадырский, Омолонский, Ороекский, Уяндинский, Аргатасский и Еропольский – отличались слабой интенсивностью оруденения, и только в некоторых объектах запасы золота достигали 10–15 т.

В целом большинство месторождений оказались малыми по запасам и часто непромышленными по содержанию. Только два – Верхнее и Нижнее Омчакское – обладали уникально крупными запасами.

В 1949–1950 гг. геологоразведочная служба подверглась очередной реорганизации. С 1 сентября 1949 г. создается Омсукчанское РайГРУ в составе 3 разведрайонов и 5 геолого-поисковых партий. Отделы Чаун-Чукотского, Янского ГПУ и Колымского речного управления преобразуются в РайГРУ. Основная часть геологоразведочных работ осуществлялась территориальными (районными) управлениями и экспедициями, непосредственно входящими в состав Центрального ГРУ Дальстроя

В 1950 г. на базе Пенжинской экспедиции создается районное геологоразведочное управление. Из состава РайГРУ «Углеразведка» с 1 июля выделяется Алданский геологоразведочный комбинат, «Углеразведка» преобразуется в Приморское РайГРУ, а 7 мая 1951 г. приказом № 0144 реорганизуется в разведочный район.

Таким образом, в 1950 г. в состав ГРУ ДС входили районные геологоразведочные управления – Омсукчанское, Сеймчанское, Нижне-Колымское, Верхне-Колымское, Средне-Колымское, Нижне-Индигирское, Берелехское, Янское, Чаунское, Пенжинское, Приморское, ГРО Чукотстроя и Алданский комбинат.

На территории Дальстроя разведывались 58 рудных месторождений, 783 россыпи, из них 19 с запасами свыше 10 т, 133 от 1 до 10 т и 631 – менее 1 т.

Отметим, что переориентация разведочных работ на олово породила серьезные диспропорции в горнодобывающей промышленности и подорвала базу золотодобычи. В материалах к проекту постановления правительства подчеркивалось, что за последние годы основные ресурсы геологоразведки ДС были направлены на разведку оловянных месторождений.

Золотодобывающая база предприятий пополнялись главным образом за счет приисковой разведки. Количество вновь разведанных месторождений было недостаточным [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3648, л. 1].

Выполнение государственных планов по добыче золота и олова в 1946–1953 гг. происходило в наряженной обстановке. Наряду с проблемами снабжения материальными ресурсами, продовольствием и пр., в сфере производства наметился технический кризис.

Перспективный план завоза рабочей силы был рассчитан на широкую механизацию всех горных работ с учетом поступления в соответствии с постановлением правительства большого количества техники и механизмов. Однако горное оборудование и землеройная техника не были доставлены на Колыму, и преобладающая часть работ по-прежнему выполнялась мускульным способом.

Уже во второй половине 1945 г. поставки по ленд-лизу из США стали резко сокращаться, а отечественные фонды были аннулированы из-за начавшейся войны с Японией. Срыв снабжения вызвал в ряде отраслей, и в первую очередь в золотодобыче, серьезные осложнения.

В отчетных документах отмечалось, что *«недополучение трансформаторов задержало сдачу в эксплуатацию Аркагалинской электростанции и ввод на полную мощность Эгехайской. ...Экскаваторы "Марион"... были получены без стрелы. Недовезено значительное количество запчастей к экскаваторам и бульдозерам. Автопокрышек недополучено 4,6 тыс. комплектов. Вследствие чего парк автомашин "Даймонд" используется не полностью. Техматериалов всего завезено 61% от плана, что создало ряд трудностей, особенно в области капитального строительства и в изготовлении местными предприятиями оборудования и запчастей»*[68].

В 1946–1947 гг. предприятия недополучили бульдозеров 141, экскаваторов –10, буровых станков – 66, буровых «Вагон Дрилл» – 70, электромоторов – 528, труб – 1400 т, из 6 драг – ни одной, из 55 погрузочных машин – 16 и т. д. Кроме этого, не были доставлены запасные части к экскаваторам на 100 тыс. долл., к электростанциям – на 130 тыс. долл., к компрессорам – на 20 тыс. долл.

В 1946 г. по этой причине простои экскаваторов составили 46 тыс. ч, бульдозеров – 7500 ч; в 1947 г. только за 7 месяцев – соответственно 27 тыс. ч и 4200 ч. Резко сократилась номенклатура запасных частей и автопокрышек к автомобилям большой грузоподъемности «Даймонд», которые должны были обеспечить основные грузоперевозки. В 1946 г. было получено запчастей только на 20 тыс. долл. вместо 370 тыс. долл. по плану. В результате объем перевозок не превышал 70%.

На выполнение планов в 1946–1948 гг. повлиял и процесс массовой замены рабочих контингентов из числа вольнонаемных и бывших заключенных, имевших большой практический опыт и необходимую специальную подготовку.

Прибывшие в районы Дальстроя новые этапы заключенных попали в крайне тяжелые условия, производительность их труда была очень низкой, а смертность высокой.

Ведение промывочных работ и добычи золота в IV квартале 1946 г. потребовало колоссального напряжения физических сил работающего состава приисков. Лоточная добыча в условиях резких холодов при морозах, достигавших -50°С, и недостаточной обеспеченности надлежащей одеждой вызывала неизбежное ухудшение трудоспособности заключенных.

Если на 1 октября 1946 г. работоспособная часть лагеря составляла 76%, то на 1 января 1947 г. она уменьшилась до 64%, а фактически этот уровень был еще ниже.

---

[68] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 134.

В результате был сорван не только план 1946 г., но и подготовительные работы 1947 г.; в итоге планы добычи золота постоянно срывались и корректировались Министерством в сторону понижения.

Положение было настолько серьезным, что С. Н. Круглов был вынужден обратиться с личным письмом к новому начальнику ГУ СДС И. Г. Петренко: *«Уважаемый Иван Григорьевич! Дело в том, что, как Вам хорошо известно, ДС в течение трех лет не выполняет государственных планов производства, причем невыполнение планов производства падает на 1945, 1946, 1947, 1948 гг., т. е. годы, когда я перед правительством отвечаю за работу Министерства, в т. ч. и за работу Дальстроя.*

Дальстрой фактом невыполнения плана, ежегодными убытками причинял большие неприятности Министерству в целом, и мне как Министру. ...Руководство Дальстроя часто выдавало обязательства по добыче золота, олова, вольфрама и кобальта, совершенно не подкрепленные возможностями... Так было и в 1948 г. ...В то же время Дальстрой... стал занимать большой удельный вес, а по некоторым позициям, как, например, по олову, решающий удельный вес во всем хозяйстве государства.

Руководство Дальстроя все эти годы неоднократно вводило меня в заблуждение своими предположениями о выполнении планов. ...Искались объективные причины...

Нужно сказать, что Дальстрой находился в более выгодном положении. Министерство в ущерб всем другим организациям предоставляло максимально возможные ресурсы.

Вам известно, что с большим трудом нам удалось правительственным органам доказать необходимость некоторого снижения уровня добычи золота, олова, вольфрама и кобальта... Если мы с Вами не обеспечим выполнение плана, нам нечем будет тогда объяснить причины нового провала. Что касается меня, то я буду принимать все меры, чтобы Вам оказать всемерную поддержку» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 253, лл. 88–94].

С. Н. Круглов предупредил руководство Дальстроя, что на них распространяется Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) № 1586-705 от 16 июля 1946 г., в котором, в частности, говорилось: *«Руководители многих предприятий в целях сокрытия своей плохой работы становятся на путь обмана государства, представляя неправильную отчетность»* [Там же. Д. 79а, л. 4].

Генеральному Прокурору СССР Горшенину и Министру юстиции Рычкову предписывалось дать указание органам прокуратуры и судам о решительном усилении борьбы с приписками. На следствие отводилось не более 10 дней, на рассмотрение в судах – 5-дневный срок.

Этот документ полностью опровергает все расчеты и утверждения о высокой эффективности и рентабельности добычи золота на Колыме силами заключенных по сравнению с другими предприятиями системы Главзолота.

На момент вступления в должность начальника ГУ СДС генерал-майора И. Г. Петренко (Постановление СМ СССР от 23 августа 1948 г. и приказ МВД СССР № 1676 от 24 декабря) промышленный комплекс включал в себя 9 горных управлений, объединявших 64 прииска, 15 рудников, 18 обогатительных фабрик, 12 крупных и 100 мелких электростанций, 4 механических завода, 8 ремонтно-механических мастерских, 11 автобаз и ряд подсобных предприятий.

Добычей золота занимались Северное, Западное, Тенькинское, Индигирское ГПУ (организовано с 1 сентября 1944 г.), олова – Юго-Западное, Западное, Чаун-Чукотское, Омсукчанское и Янское ГПУ, а также подчиненные непосредственно ГУ СДС рудники «Хениканджа» и «Бутыгычаг».

Прогнозные запасы золота составляли 1700 т, олова – 450 тыс. т, вольфрама – 168 тыс. т и кобальта – 4 тыс. т. На территории Дальстроя было открыто 50 месторождений железа (около 500 млн т), угля, а также ряда минералов (горный хрусталь, исландский шпат, слюда, сера, кварц и т. д.) и строительных материалов.

Горнодобывающие предприятия обслуживали: судоремонтный завод № 2, Магаданский авторемонтный завод, ремонтный завод горного и обогатительного оборудования, Спорнинский авторемонтный завод, Центральные ремонтно-механические мастерские, завод регенерации резины и завод № 5 по переработке и изготовлению взрывчатки.

Добыча угля велась в угольных районах: Аркагалинском, Эльгенском, Первомайском, Омсукчанском и Зырянском.

Таким образом, для освоения новых и планомерной отработки традиционных месторождений Дальстрой располагал достаточно разветвленной инфраструктурой. Задача дальнейшего развития горнодобывающей промышленности заключалась в рациональном использовании природных ресурсов и организации производства.

Основное внимание уделялось механизации трудоемких процессов. В 1948 г. только на золотодобыче был построен 731 промывочный прибор, началось внедрение передвижных механических и цельнометаллических разборно-переносных промывочных приборов. На скрубберных промприборах уста-

---

[69]*Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 158, 159.

навливались самородкоуловители, а на добыче песков стали применять пневматическое бурение и бурение электросверлами. В 1949 г. прииски «Гвардеец», «Ветреный» и «Дусканья» ТГПУ были переведены на электробурение[69].

Кроме этого, на приисках использовались бульдозеры, экскаваторы, транспортеры и другая техника. Однако эффективность их применения оставалась на низком уровне. Например, в 1950 г. в Северном ГПУ количество исправных тракторов составляло 59%, в Индигирском – 59%, Тенькинском – 26,5%. Такие же данные были и по эксплуатации экскаваторов.

Погрузка горной массы из забоев, как правило, не была механизирована и осуществлялась мускульным способом, а на некоторых оловодобывающих предприятиях расстояние мускульной перекидки породы достигало 45 м[70].

Производительность труда заключенных и вольнонаемных оставалась низкой; на приисках и рудниках по-прежнему преобладал ручной труд.

Золотодобывающие предприятия с большим трудом удерживали уровень добычи 45–49 т. При этом себестоимость золота постоянно возрастала. Одной из причин этого являлась необходимость включения в отработку бедных по содержанию запасов руд и песков, в то время как перспективные месторождения не отрабатывались из-за недоразведанности районов. В своде запасов по золоту значились внушительные цифры, на первый взгляд обеспечивающие работу основных управлений более чем на 2 года, но анализ этих запасов приводил к убеждению, что благополучие это кажущееся.

В основном они были нерентабельными для разработки механизированными способами и труднодоступными для мускульной. Необходимы были новые методы и технологии. Вместо них принимается решение об отработке старательскими методами. В 1949 г. организуется 9 старательских приисков – «Спорный», «Среднекан», «Майорыч» (СГПУ), «Нексикан» (ЗГПУ), «Тунгусский» (ЗГПУ), «Смелый» (ТГПУ), «Нелькоба», «Оротукан» (СГПУ), «Таганья» (ИГПУ).

Однако в соответствии с Постановлением СМ СССР от 25 февраля 1950 г. старательские прииски были ликвидированы.

В 1949–1952 гг. состояние горнодобывающей промышленности оставалось напряженным. В частности это было связано с сокращением разведочных работ. В 1950 г. в районах Дальстроя работало 35 геолого-поисковых партий на золото, в 1951 г. – 21, в 1952 г. – 19, в 1953 г. – 16. Результативность геологоразведки снизилась почти в 2 раза. Ее удельный вес в общих капиталовложениях на разведочные работы в 1950 г. составлял 53%, в 1952 г. он снизился до 37,8%. В итоге в эти годы не было открыто ни одного крупного месторождения золота.

Разведочные работы сосредотачивались на доразведке старых месторождений в целях продления срока действия работающих предприятий, хотя перспективным планом 1948–1952 гг. предусматривалось большое дорожное строительство для развития именно новых горнопромышленных районов. Планировалось построить: автодорогу Восточная Хандыга – Эге-Хая, от р. Алдан к Янским месторождениям (700 км); автодорогу зал. Креста – Иультин от порта зал. Креста к вольфрамовому месторождению (200 км); автодорогу порт Певек – Куйвивеем (280 км); автодорогу р. Кулу – прииск «Комсомолец» для соединения Тенькинской дороги с Колымской трассой.

В плане подчеркивалось, что включение в эксплуатацию новых, более богатых месторождений явилось бы большим резервом в снижении себестоимости золота. Однако освоение требует капиталовложений, а Дальстрой за последние годы вынужден резко сократить их в золотую промышленность – с 60 до 12 млн руб.

По этой причине участки приисков «Маршальский» и «Разведчик» (кл. Кокарин, Талолах, Безымянный, Базовский и др.), имевшие более 20 т запасов золота со средним содержанием 10 г/м^3 (почти в 2 раза выше в среднем по ДС), а также месторождения на приисках «Хатыннах», «Юбилейный», «Ветреный», «Большевик», «Фролыч», «Беличан», «Мальдяк» и др., расположенных в эксплуатируемых, но до конца не освоенных районах, отрабатывались в незначительных объемах.

Кроме этого, многим месторождениям за несколько десятилетий хищнической отработки был нанесен колоссальный ущерб.

По данным ГУ Государственного горного надзора, под навалами прошлых лет на 1 октября 1950 г. находилось 30,6% запасов золота и 24,5% олова. Неотработанные площади по отдельным месторождениям достигали 50%, в том числе Ат-Урях – 816 тыс. м^2, или 44%, Омчак – 1070 тыс. м^2 (33%), а также Чай-Урья – 20%, им. Тимошенко – 19%, им. Гастелло – 37%, им. Буденного – 42%, им. Ворошилова – 68%.

На руднике им. Матросова из-за нарушений правил техники эксплуатации месторождений недоработанные запасы золота достигали 38%, на руднике «Эге-Хая» законсервированными считались 8,7%, по Утинскому руднику – 13,6%, «Валькумей» – 10,2%. Однако их разработка в это время оказалась невозможной, так как выработанные пространства нижних горизонтов полностью обрушились.

[70] *Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 163.

Промывка золотоносных песков из-за несовершенной технологии и примитивной техники по-прежнему велась с большими потерями, а снос золота в хвосты был настолько велик, что его содержание в гале и эфелях достигало промышленных концентраций. Потери в почве образовывались в основном при отработке не на полную мощность, в результате чего промышленные запасы заваливались торфами, заливались наводнениями и теряли свою ценность.

Фактические потери по прииску «Мальдяк» составляли 12,3% вместо 6,5% по данным учета, «Беличан» – 23,4 вместо 5,5%, «Перспективный» – 22,7 вместо 7,8%, им. Чкалова – 14,1 вместо 0,5% и т. д.

Чтобы повысить эффективность основного производства, в конце 1940-х гг. на Колыме начали внедрять дражную добычу золота. В 1946 г. для Дальстроя было закуплено 5 импортных драг фирмы «Юба» производства США. Их ввод в действие проходил с большими трудностями. У всех драг отсутствовала электропусковая аппаратура, частично – моторы и тормозные устройства. Все это оборудование пытались изготовить на местных предприятиях (завод № 2) и заводах центральных районов страны.

Первая драга № 156 приступила к работе по временной схеме 25 августа 1949 г. на полигонах Чай-Урьи (прииск им. Чкалова), а 14 сентября началась промышленная добыча металла. В мае 1952 г. на прииске им. Гастелло ТГПУ были введены в эксплуатацию еще 3 драги. В 1952 г. они добыли 2957 кг ценного металла. Однако из-за нехватки квалифицированных специалистов, трудностей подготовки полигонов, частых поломок и высоких затрат дражная добыча в этот период не получила большого распространения.

Основными добытчиками золота по-прежнему оставались заключенные Севвостлага. Учитывая сложное экономическое положение Дальстроя и резкий спад в основном производстве, МВД СССР приняло ряд важных решений по вопросам повышения эффективности труда заключенных. С начала 30-х гг. и до 1948 г. формы и методы стимулирования их труда варьировались, но в принципиальной основе оставались неизменными.

В соответствии с Постановлением СМ СССР и приказом МВД СССР № 001430 с 1 января 1949 г. для заключенных ИТЛ Дальстроя вводилось новое положение об оплате труда. В отличие от ранее действовавших нормативов *«всем работающим заключенным ДС выплачивается заработная плата по тарифным ставкам для рабочих и должностным окладам для служащих и ИТР, с применением сдельной и сдельно-прогрессивной оплаты для рабочих и премиальной системы для ИТР и служащих»*.

Из заработной платы заключенного удерживались стоимость гарантированного питания, выданной одежды, обуви, постельных принадлежностей и подоходный налог в размерах, установленных для вольнонаемных рабочих и служащих, но при всех условиях заключенному начислялось к выдаче не менее 10% от фактического заработка.

Из заработной платы ежемесячно отчислялось 15% на лицевой счет заключенного, а остальную часть можно было использовать на собственные нужды. Заключенные получили право ежемесячно снимать со своего счета до 200 руб. и отправлять семьям один раз в 2 месяца денежные переводы в размере 50% от наличных денег на лицевом счете. Заключенным-двухсотникам один раз в год предоставлялся 10–14-дневный отпуск с направлением их в специально организованные комнаты отдыха.

Для заключенных общего режима устанавливалась продолжительность рабочего дня 9 часов. Через 4–5 часов предоставлялся часовой перерыв на обед и в обязательном порядке непрерывный 8-часовой ночной отдых. Однако в период промывочного сезона такой распорядок изменялся по усмотрению начальника Дальстроя. Как правило, в это время, включая навигацию, работали по 11 часов, не считая 1 часа на обед.

Заключенные-специалисты, кроме осужденных за измену Родине, шпионаж, диверсии, контрреволюционную троцкистскую деятельность, бандитизм, вооруженный грабеж и иноподданных, официально получали право на использование по своей квалификации на хозяйственных должностях. Для заключенных 2-й и 3-й категории, занятых на тяжелых работах, нормы выработки снижались от 20 до 50%.

В соответствии с приказом МВД СССР № 00627 от 4 июля 1948 г. для заключенных ИТЛ Дальстроя, выполняющих и перевыполняющих производственные нормы, в виде исключения разрешалось производить зачеты рабочих дней из расчета 1 рабочий день за 3 на основном производстве и до 2 дней на вспомогательных работах (зачетная система была отменена в 1939 г.).

На контингенты ИТЛ Дальстроя, работавшие на предприятиях, распространялись все правила об охране труда, применяемые к вольнонаемным, но с удлиненным рабочим днем, установленным в соответствии с приказами МВД СССР.

Начальникам управлений-лагерей (отделений) разрешалось использовать заключенных в ВСО ИТЛ ДС в качестве самоохраны в организациях и учреждениях, культбригадах и на других работах.

В то же время Положение устанавливало, что все заключенные Северо-Восточных лагерей привлекаются к работе в обязательном порядке. Отказ от работы или халатное отношение к труду рассматривается как нарушение установленного для лагерей порядка, и виновные привлекаются к административному или уголовному наказанию.

Согласно распоряжению МВД СССР № 98 от 13 февраля 1948 г. разрешалось расконвоировать заключенных независимо от отбытого срока наказания, за исключением осужденных к каторжным

работам, за контрреволюционные преступления (кроме ст. 59-10 УК РСФСР), бандитизм, грабеж, квалифицированную контрабанду, переход границы, побеги, дезертирство, разбой, а также по Указу ПВС СССР от 4 июля 1947 г. на сроки свыше 10 лет.

В связи с переводом заключенных на гарантированную оплату в лагерях организовывалась дополнительная сеть пунктов питания и торговых точек по продаже продовольствия и промышленных товаров за наличный расчет или по заборным книжкам сверх установленных норм.

Таким образом, в 1949 г. была упразднена существовавшая много лет система оплаты труда заключенных, строившаяся по принципу премиальности, включавшая в себя денежное, котловое, пайковое и вещевое вознаграждение.

В отчетах в МВД СССР подчеркивалось, что введенная с 1 января 1949 г. *«прямая неограниченная заработная плата с новыми тарифами, ставками и прогрессивно-премиальными доплатами за перевыполнение норм... коренным образом изменила всю систему поощрения заключенных... обеспечила новые материальные стимулы, способствующие развитию новых форм труда, стремлению заключенных к повышению своей квалификации, к росту производительности труда»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 229а, л. 202].

Новая система стимулирования не распространялась на заключенных Особого лагеря № 5 МВД СССР и осужденных к каторжным работам, в отношении которых действовал специальный приказ МВД СССР № 532 от 17 августа 1949 г. Для этих контингентов устанавливался 10-часовой рабочий день, не считая 1 час перерыва на обед. Единственной мерой поощрения для них (во изменение п. 4 Постановления СМ СССР № 416-159 от 21 февраля 1948 г.) являлась зачетная система, установленная для ИТЛ ДС. Только в 1952 г. на основании приказа МВД СССР № 0076 от 29 января и ГУ СДС № 00139 от 12 марта заключенные Особого лагеря № 5 МВД СССР были переведены на заработную плату по ставкам ИТЛ и получили право на ларьковое довольствие сверх установленных норм. Кроме этого, МВД СССР разрешило использовать заключенных на инженерно-технических должностях.

Кардинальные изменения в оплате труда заключенных являлись не актом гуманизма или либерализации исправительно-трудовой политики, а вынужденной мерой из-за кризиса системы ГУЛАГа в целом и Дальстроя в частности.

Ослабление репрессий и режимных ограничений в отношении части заключенных было связано с производственной необходимостью:

во-первых, Дальстрой и УСВИТЛ по своим целям и задачам изначально не предназначались для изоляции особо опасного контингента. Главным направлением деятельности этого комбината особого типа являлась добыча золота, олова и других полезных ископаемых.

во-вторых, с изменением технологии добычи и механизацией трудоемких процессов изменились формы и методы применения труда заключенных. При снижении уровня мускульного труда укрупненные бригады по 25–30 чел. были уже неэффективными, и заключенных стали разбивать на мелкие группы и бригады по 8–10 чел., количество которых достигло 7539. С точки зрения охраны и режима они становились неуправляемыми;

в-третьих, для обслуживания механизмов и укомплектования мелких, постоянно перемещавшихся полевых, геологоразведочных партий, дорожно-строительных бригад и лесозаготовительных командировок, рыбалок и пр. объективно требовалось применение бесконвойных заключенных. В 1950 г. количество расконвоированных достигло 36 013 чел., из них в нарушение приказов МВД СССР – 10 975 чел.;

в-четвертых, вынужденное дробление заключенных по производственной необходимости на большой территории создало проблему их охраны.

В то же время в конце 40-х – начале 50-х гг. МВД СССР приняло решение о переброске на Колыму особо опасного контингента заключенных, выявленного в процессе чистки лагерей системы ГУЛАГа, и, таким образом, Дальстрой превращался из производственного лагеря в зону строго режима.

Генерал-лейтенант Г. С. Жуков говорил по этому поводу: *«Товарищ Круглов указал, что... общей ошибкой было то, что выполнение плана часто шло в ущерб вопросам исправительно-трудовой политики... Он подчеркнул, что выполнение наших задач совершенно немыслимо без укрепления лагеря. Тов. Круглов говорил, что надо дело поставить с головы на ноги, т. е. укрепить лагерь и организовать на этой основе безусловное выполнение плана...*

В своей практической работе надо идти не от предприятия к лагерю, а от лагеря к предприятию... перестроить организацию производства в интересах лагеря, в интересах усиления охраны преступников...

Начальники забывают, что в нашей стране любой начальник является таковым лишь до тех пор, пока точно и неукоснительно выполняет законы, уставы и приказы, и перестает быть начальником, когда начинает играть в гетмана "Всея болота"...

Так вот как же быть? План не выполнишь – попадет. Вопросы изоляции государственных преступников будешь игнорировать – попадешь в положение древнего витязя из русской сказки: пойдешь налево – коня потеряешь и тогда погибнешь, пойдешь направо – сам погибнешь...

Единственно верный путь – комплексно осуществлять исправительно-трудовую политику... в лагере, в укреплении его режима заложен колоссальный резерв для того, чтобы мы имели громадный скачок вперед в производственном отношении.

Вопрос второй... Надо понять, что сейчас произошли очень серьезные изменения для Дальстроя. Если раньше Дальстрой в течение длительного времени находился на несколько изолированном положении и не все распоряжения, законы, требования были обязательными для его хозяйства, то сейчас эта полоса прошла... В Министерстве сейчас есть строительства, не менее трудные, чем Дальстрой. Это значит, что нельзя сейчас выполнять план набекрень, по формуле "любой ценой". Вы должны выполнять план путем гармоничного решения всех задач, а не путем одностороннего флюса»[71].

Такая установка поставила предприятия горнодобывающей промышленности и вспомогательных производств в очень тяжелое положение. Скорректированные планы выполнялись с большим трудом при сокращении объемов добычи золота и резком росте переработанной горной массы (табл. 27).

Таблица 27

Добыча химически чистого золота, кг

Показатель	1946 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.
Всего	52633	49039	49213	49148	47582	45156
В том числе:						
россыпное	50494	45725	45734	46213	44935	42776
рудное	2139	3314	2478	2935	2647	2386
Ср. содерж., г/м^3	6,7	5,58	5,17	5,29	4,29	3,98
Вскрыша торфов, тыс. м^3	8471	11668	13244	14503	14574	15400
Себестоимость, г/руб.	19,88	32,21	30,15	28,05	25,91	26,66

К середине 50-х гг. удельный вес Дальстроя в добыче золота в СССР снизился с 50,1 до 43,4%, олова – с 54,5 до 45%.

В результате спада в золото- и оловодобыче, вызванного рядом объективных и субъективных причин – снижение эффективности геологоразведки, сокращение капитальных вложений, падение среднего содержания металла, качественное изменение состава рабочей силы и в целом исправительно-трудовой политики, затруднения в снабжении и т. д., Дальстрой нес колоссальные убытки. В 1946 г. вместо прибыли в 299 260 тыс. руб. было получено убытков на сумму 259 726 тыс. руб., в том числе по горным предприятиям 205 702 тыс. руб. Убыточность горнодобывающих предприятий стабильно возрастала из года в год и в 1953 г. превысила 421 млн руб.

По итогам 1953 г. деятельность Дальстроя была признана неудовлетворительной. Выполнение плана по золоту составило 96,7%, олова в концентратах – 74,3%, при этом себестоимость добычи золота возросла на 15%, олова – на 32,6%, кобальта – на 11,7%. Общие сверхплановые убытки достигли 731,7 млн руб.

В ходе проверки производственно-финансовой деятельности Дальстроя по выполнению Постановления СМ СССР от 9 февраля 1950 г. было выявлено, что, во-первых, золотодобывающие предприятия не выполнили задание по снижению затрат на добыче золота в 1950 г. на 2 руб. 04 коп. и в 1952 г. на 2 руб. 35 коп. за 1 г чистого золота; во-вторых, экскаваторы использовались на 45%, бульдозеры – на 46%; производительность труда на промывке песков на промприборах составила 91,1%, на вскрышных работах – 77,8%.

Поэтому СМ СССР обязал Министерство финансов СССР прекратить с 1 января 1953 г. выдачу МВД СССР, а следовательно, и Дальстрою государственной дотации на добычу золота.

Лишение Дальстроя особого статуса сразу же привело его к экономическому банкротству.

Другим фактором ухудшения ситуации являлась амнистия, лишившая Дальстрой основной рабочей силы из числа заключенных и фактически парализовавшая в 1953 г. всю хозяйственную деятельность.

2.3. Особенности формирования трудовых ресурсов

2.3.1. Заключенные Севвостлага

Первая группа заключенных Севвостлага в количестве 100 чел. была сформирована в Владивостокском пересыльном пункте в конце 1931 г. и прибыла в б. Нагаева 4 февраля 1932 г. на пароходе «Сахалин» с группой вольнонаемных и стрелками охраны.

---

[71] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 156, 157.

Среди них были специалисты горнодобывающей промышленности И. Ф. Авксентьев, И. С. Давиденко, К. Н. Ивашев, Н. С. и С. С. Лапины, А. Л. Мацюсович, П. С. Рюмин, И. М. Селезнев, А. Л. Стамбулов, В. Г. Сатурин, осужденные по ст. 58 УК РСФСР. Все они были сразу направлены в Среднекан и на Утинку для организации горных работ.

С открытием навигации 1932 г. началась и история лагерной Колымы. Этапы заключенных доставлялись на пароходах Дальневосточного морского пароходства. В июне – августе ведомые ледоколом «Красин» в б. Нагаева пришли пароходы «Каширстрой», «Днепрострой», «Шатурстрой», «Свирьстрой», в сентябре – «Свердловск» и ряд других.

Летом 1932 г. были доставлены заключенные из Дальлага, имевшего свои подразделения на территории от Владивостока до Комсомольска-на-Амуре, а в дальнейшем осужденных стали доставлять из Вишерских, Мордовских лагерей, а также репрессированных из других районов Советского Союза. Потребность в заключенных ежегодно планировалась руководством треста, исходя из масштабов предстоявших задач и установленных правительством заданий по добыче золота. Контрольные цифры завоза заключенных, особенно в начальный период, никогда не выполнялись в полном объеме и имели большие колебания. Например, приказом ОГПУ от 19 ноября 1932 г. на Колыму планировалось доставить 40 тыс. заключенных, фактически на 1 января 1933 г. весь контингент Севвостлага составлял 28 тыс. чел. В основном это были люди, осужденные за бандитизм, мошенничество, спекуляцию, подлог, хулиганство, хищения социалистической собственности и даже неуплату алиментов. Квалификация организованной рабсилы была на очень низком уровне.

Начальник Управления строительства Нагаево-Магаданского района М. А. Заборонок отмечал в 1932 г., что рабочая сила 1-го строительного участка состояла преимущественно из заключенных, *«причем с самого начала получали неквалифицированную рабсилу, и мы имели всего 112 чел. плотников из 1120 чел. – остальные чернорабочие»*.

Следует отметить, что в период организации треста на совершенно не обустроенной территории заключенные Севвостлага и вольнонаемные рабочие попали в крайне тяжелые условия, особенно те из них, что находились в горнопромышленном районе. В приказе от 15 июня 1933 г. подчеркивалось, что *«массовые цинготные заболевания среди людей, впервые прибывающих в пределы Крайнего Севера, чем является район Дальстроя, считались обычными, а ряд тяжелых жилищно-бытовых условий, затруднения с завозом противоцинготных продуктов дали значительный рост заболеваний среди рабочих и служащих. Это затрудняло выполнение промфинпланов, вызывая текучесть рабочей силы, увеличивало расходы важнейшего участка Социалистического Строительства»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4, л. 272].

Из-за постоянного увеличения контингента заключенных в Севвостлаге проблема продовольственного обеспечения и снабжения приобретала все более острый характер. Для заключенных вводились общая, ударная и штрафная нормы, которые периодически пересматривались в зависимости от времени года, количества заключенных в лагерях, напряженности плановых заданий. Таким образом, начиная с 1932 г. продовольственный паек становился основным фактором выживания и главным стимулом повышения производительности труда.

15 мая 1933 г. Э. П. Берзин издал приказ № 155 о нормировании труда заключенных. Нормы выработки устанавливались на основе единых всесоюзных норм, но не допускались скидки на непривычность и недостаточную квалификацию. При выработке нормы заключенные получали 10% тарифной ставки, а за перевыполнение еще 90%. Кроме этого, вводились повышающие коэффициенты за переработку свыше 8-часового рабочего дня.

В Положении о премиальном вознаграждении для заключенных Севвостлага, работающих в районе Магадан-Нагаево, говорилось, что выплата премиальных является одной из мер поощрения заключенных в целях поднятия производительности труда.

Весь контингент заключенных, занятых на строительстве и других работах, разбивался на разряды по тарифной сетке в соответствии с квалификацией. Основная часть заключенных (90%) переводилась на сдельную оплату и 10% – на повременную. Половина месячного премиального вознаграждения выдавалась рабочему по месту работы и 50% – Севвостлагу. Заключенный имел право по особым ордерам пробрести на эту сумму в ларьках и складах стандартный набор продовольствия. Всем работникам из числа заключенных, занятым на административно-технических должностях, устанавливался оклад наравне с вольнонаемными. Премиальные суммы составляли от 10 до 25% от тарифной ставки.

В целях повышения трудовой активности заключенных в ноябре 1936 г. было принято Положение о мастерах высокой производительности труда в лагподразделениях Севвостлага, в котором подчеркивалось, что советская власть в условиях исправительно-трудовых лагерей отмечает и награждает лучших ударников за высокую производительность труда, за образцовое качество работы, дисциплинированность и участие в общественной жизни. Для получения этого звания необходимо было окончить 3-месячные курсы и стабильно выполнять установленные нормы не менее чем на 200%. Мастера получали право на зачеты – 135 дней в квартал, улучшение бытовых условий, получение обмундирования

первого срока, а также могли отправлять своим семьям деньги без ограничений и получать посылки. Особой формой поощрения являлась колонизация с выходом на поселение. За 1934–1937 гг. количество колонистов увеличилось с 402 до 1373, а с членами их семей – до 2566 чел.*

В 1935 г. приказом начальника УСВИТЛа И. Г. Филиппова № 113 было организовано Бюро жалоб. В приказе подчеркивалось, что *«все заявления заключенных, адресованные на мое имя, на имя Пом. Нач. ГУЛАГа тов. Алмазова, начальника ГУЛАГа тов. Бермана и уполномоченного НКВД по ДВК тов. Дерибас, немедленно должны пересылаться в Управление СВИТЛ»*.

Начальников лагерных подразделений обязывали предоставлять право заключенным посещать Бюро жалоб по подаваемым заявлениям во внерабочее время по вызову Бюро жалоб [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 12, лл. 8, 9].

Однако, несмотря на внешне эффектные меры, положение заключенных на приисках и строительстве трассы постоянно ухудшалось. Зам. начальника УСВИТЛа П. П. Никифоров признавал, что *«плохо мы выполняем план, плохо его обеспечиваем, заключенных не принимаем за людей, к свиньям отношение лучше»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 23].

Проверками ряда комиссий было установлено, что палатки заключенных не отоплены, не остеклены, не освещены, не имеют полов. Для приготовления пищи нет нормальной посуды, а еда выдается в консервных банках или в одной миске без ложек на несколько человек. На прииске «Пятилетка» заключенные не только не мылись в бане, но и по 3–4 месяца не меняли белье. На прииске им. Водопьянова в сентябре рабочие спали на голой земле, в нескольких палатках были нары, а в большинстве нет. Ели тоже на земле [Там же].

Э. П. Берзин говорил, что строительство на прииске им. Водопьянова было так умно расположено, что *«это можно назвать или совершенным безобразием, или уголовщиной. На углу ключа поставили больницу (из больницы всегда течет водичка), ниже больницы поставили конбазу. Вся эта водичка туда попадает, заключенные эту воду пьют, там же в разрезах испражняются. И что получили? В октябре начался тиф»* [Там же. Д. 62, л. 63].

На прииске им. Берзина (символично!) забыли построить палатки и прибывающие этапы размещали прямо на земле. В СГПУ в необорудованные лагеря было направлено одновременно более 2500 чел.

Особенно обострилась обстановка весной – летом 1935 г., когда начались массовые побеги заключенных и формирование бандитских группировок.

Массовые отказы от работы, волынки, побеги оценивались как активизация контрреволюционных элементов, но в то же время даже начальник УСВИТЛа И. Г. Филиппов говорил следующее: *«Нужно иначе относиться к людям. ...Часто мы получаем сведения о том, что при взрыве аммонита убито столько-то людей... при обвалах столько-то. Но никаких мер по охране жизни и здоровья заключенных не принимаем, люди продолжают гибнуть. Надо принять меры по охране... ибо это такие же люди, требующие человеческого отношения»* [Там же. Д. 62, л. 136; д. 76, лл. 113, 114].

ГУЛАГ НКВД потребовал от руководства Дальстроя и УСВИТЛа навести в лагерях настоящий «чекистский порядок», оборудовать рабочие и жилые зоны согласно установленным инструкциям. Для обустройства лагерных подразделений в Дальстрой были направлены строительные материалы и 30 т колючей проволоки.

Однако этого было недостаточно. На приисках, расположенных в горных районах Колымы, и на участках дорожного строительства из-за нехватки охраны и отсутствия оборудованных зон заключенные находились на бесконвойном положении, в режиме саморегулирования. Например, лагерные командировки УДС имели временный, кочующий характер и продвигались вперед по мере выполнения работ. Заключенные жили в самодельных палатках, времянках, землянках зачастую без всякой охраны.

В Управлении автомобильного транспорта лагерные командировки также были разбросаны на протяжении сотен километров от Магадана без оперативной связи и надзора. Например, на Тенькинской трассе после 108-го км не было ни охраны, ни каких-либо средств связи. В приисковых районах лагерные пункты не имели даже элементарного оборудования – те же палатки, примитивные бараки без полов и потолков. Зоны лагеря обозначались в лучшем случае тонкими жердями и имели свободный доступ извне.

Охрана лагерей имела свои дальстроевские «родимые пятна». В лагерях УСВИТЛа в этот период до 80% ВОХР состояло из заключенных и бывших заключенных.

Э. П. Берзин говорил, что *«органы НКВД (и ВОХР) – это наша правая рука, рука нашей пролетарской диктатуры. Однако вынужден указать на то, что в НКВД появилось много гражданственности, это никуда не годится. ...Сейчас работники прибывают, вышвыриваем негодный элемент. В НКВД платят меньше и договоров там нет... сроков службы нет... а попробуй кто-нибудь пикнуть – не выйдет, сразу сажают... Учитывая это положение, считаю, что нужно усилить охрану... потому, что... Колыма сегодня только начинает жить»* [Там же. Д. 76, л. 378].

---

*Подробнее см. *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 67–70.

О состоянии ВОХР в ЮГПУ ее начальник Семенов писал: *«Приходит сейчас пополнение, оборванное, разутое, раздетое. Я просил Магадан дать нам обмундирование. Нам ответили – пусть ходят в том, в чем пришли из лагеря. Следует иметь в виду... что сразу доверить винтовку этим людям даже нельзя, они ведь не из регулярных частей Красной Армии, а из лагеря»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 77, л. 100].

Отношение к такой охране со стороны заключенных было соответствующее. Начальник штаба ВОХР Шилов доносил в УНКВД в 1939 г.: *«Настроение бойцов весьма нехорошее, если пойдут в магазин одетые в форму, заключенные гонят их оттуда. ...Надо положить конец безобразному, хамскому отношению к стрелкам. Всякая сволочь в лице заключенных или бывших заключенных старается уязвить нашу охрану, не пускает в магазин... они получают продовольственные карточки с вырезанными талонами на масло, табаки, спирт и пр... у них нет постельного и нижнего белья и т. д. В одном из казарменных помещений было вредительство, заключенные подрезали потолочные балки»* [Там же. Д. 124, лл. 59, 62].

Такое положение создавало вольготную жизнь уголовникам, которые не только терроризировали политических заключенных, но и занимались кражами, разбоем и убийствами в поселках вольнонаемных рабочих.

Фактически Севвостлаг не был готов к приему новых этапов заключенных, количество которых из года в год возрастало.

Доставка заключенных на Колыму осуществлялась на пароходах, которые не были приспособлены для перевозки людей. Очевидец писал: *«Эти "твиндеки" заслуженно называют "свиндеками"... Мы ехали вместе с заключенными, на наших глазах их беспощадно били... умирает заключенный, так его выбросили за борт»* [Там же]. В 1936 г. такой «свиндек», доставивший в Нагаево 8 тыс. заключенных, простоял под «разгрузкой» 10 суток.

В 1934 г. на Колыму доставили 15 673 заключенных, в 1935 г. – 23 268, в 1936 г. – 37 058, причем в отличие от прошлых лет в 1936 г. подавляющее количество прибывших были осуждены за антисоветские контрреволюционные преступления.

Помощник директора по политчасти Булыгин подчеркивал: *«Повторяю, что среди лагерников значительная прослойка (75%) контрреволюционные элементы, часть КРТД, и пополнение идет такого же порядка»* [Там же. Д. 76, л. 25].

Соответственно это привело к ужесточению лагерного режима и трудовой политики.

Работник УСВИТЛа говорил своим подчиненным, что *«нам интересно от этих врагов народа все выжать, пусть они знают, как Родиной торговать»* [Там же].

В результате проверки состояния учета рабочей силы были отменены все ранее изданные приказы и распоряжения в отношении премиальных выплат заключенным-служащим и повременщикам и введены более низкие тарифы.

С 1 января 1936 г. устанавливалась единая система оплаты труда рабочим, служащим, ИТР и МОП из числа лагерников по тарифам вольнонаемных, но с удержанием уже 85% заработка. Для изоляции особо опасных заключенных Севвостлага на прииске «Неренга» ЮГПУ была создана штрафная спецкомандировка на 1500 чел., а в обычных зонах – бараки и роты усиленного режима (БУРы и РУРы). На командировке в соответствии с приказом ГУЛАГа устанавливался режим, обеспечивающий полную изоляцию заключенных.

Для усиления оперативного надзора за заключенными и в связи с участившимися побегами из лагерей была проведена реорганизация в системе ВОХР и РКМ. Приказом № 0012 от 17 апреля 1936 г. оперативное отделение по борьбе с побегами изымалось из состава ВОХР и передавалось в отдел НКВД по ДС.

Э. П. Берзин отмечал, что *«агентурная работа в загоне... личный состав разложен, борьба с побегами ведется слабо, количество побегов растет»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 18, л. 19].

На ООБП УСВИТЛа НКВД возлагалась агентурно-оперативная работа по активной борьбе с бандитизмом и побегами из лагерей, проявлениями хулиганства, кражами, а также с должностными и уголовными преступлениями лагерной администрации.

В связи с прибытием на Колыму больших этапов заключенных, в основном состоявших из особо опасных уголовных элементов и контрреволюционеров, положение в лагерях резко ухудшилось. Проявления лагерного бандитизма, издевательства, побеги, кражи продовольствия, отказы от работы в ряде мест приняли массовый характер.

Например, в приказе Э. П. Берзина № 0018 от 15 июля 1936 г. подчеркивалось, что *«мои приказы и указания о необходимости повышения лагерной дисциплины, особенно учитывая характер вновь прибывающих контингентов лагерников, не реализованы. Вредная теория... о том, что выполнение плана по основному производству будет служить оправданием всех безобразий в лагере, к сожалению, имеет место среди отдельных работников управления. Высокая цифра побегов из СГПУ является прямым следствием низкой дисциплины. Число больных в СГПУ... растет и проявляет тенденцию к дальнейшему росту (свыше 300 чел.), то же в отношении штрафников.*

Рост больных и штрафников является результатом пренебрежительного отношения к бытовым нуждам лагерников и бездействия лаг. администрации» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 18, л. 28].

Всем начальникам лагерных подразделений приказывалось в январе-феврале 1937 г. привести в порядок учет заключенных, построить зоны и вахты; всех заключенных, бежавших из лагеря 2 раза и более, возвратить в лагерь. Предусматривался комплекс мер по организации оперативных застав и постов на побегоопасных направлениях, а также по созданию групп содействия среди заключенных и местного населения.

В целях изоляции заключенных от внешнего мира, исключавшей какие-либо контакты, приказом № 0015 от 22 мая 1936 г. вводился особый порядок передвижения в районы Колымы. Этапы перебрасывали в пешем порядке и на автомашинах, колоннами по 300–400 чел. Остановочными пунктами для ночлега служили пос. Атка, Стрелка, 152-й км, Спорный.

Этапирование с побережья Охотского моря в Магадан и обратно производилось только по морю – на катерах. В исключительных случаях сухопутными маршрутами: 1) из Балаганного – до устья р. Яна на восток до новостроек; 2) из Олы – до устья р. Ола на запад до б. Гертнера; 3) из Гижиги – от устья р. Наяхан до устья р. Гижига. Категорически запрещалось бесконвойное передвижение в одиночку и группами по всему побережью Охотского моря, особенно вблизи японских рыбалок.

В лагерях УСВИТЛа проводилась чистка контингента и генеральный переучет заключенных. Начальник оперативного отдела УСВИТЛа НКВД Делов докладывал Э. П. Берзину в марте 1937 г., что работа по дактилоскопированию на Колыме до сего времени находилась в заброшенном состоянии. В течение всего времени существования лагеря на Колыме *«прибывающие этапы дактилоскопированы лишь частично или вовсе пропускались целые партии без регистрации отпечатков. В результате... задерживаемые беглецы, проходя под вымышленными фамилиями, вовсе не были установлены»* [Там же. Д. 24, л. 52].

В начале 1937 г. окончательно сформировались ОЛПы Севвостлага в СГПУ, ЮГПУ, УГПС, УДС, УАТе, КРУ ДС, в ПУСиПХе, КУСиПХе на Колыме и во Владивостоке.

В навигацию 1937 г. в б. Нагаева было завезено 41 577 заключенных и изменился качественный состав ИТЛ Дальстроя, в основном состоявшего из контрреволюционных элементов среднего и старшего возраста, мало приспособленных к физическому труду, склонных к саботажу, а порой и к открытому вредительству. Если с начала 1937 г. лагерников с бытовыми статьями было 48%, то уже в начале 1938 г. этот процент снизился до 18 [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 642, л. 10].

В 1937 г. по Колыме прокатилась волна политических репрессий, что являлось отражением общегосударственной политики того времени. С политикой чекистского либерализма в отношении заключенных Севвостлага было покончено.

Специально созданная комиссия в составе комбрига А. А. Ходырева, прибывшего из НКВД СССР интенданта I ранга И. Ф. Масанова, начальника УРО С. А. Комарова и начальника ПФС Б. А. Меерсона пришла к выводу, что в течение двух лет в системе Дальстроя применялась явно вредительская система премвознаграждения для заключенных. При проведении в жизнь этой системы лагерники имели авились даже преимущества положение в материальном отношении перед вольнонаемными, *«нередко отдельные водители зарабатывали по 5–6 и более тысяч... Средний заработок вдвое превышал тарифный»* [Там же. Д. 3882, л. 27].

В справке «О работе Северного отделения УСВИТЛ НКВД» говорилось, что *«в результате вражеского руководства лагерями лагподразделения Северного отделения Севвостлага были полностью разложены: лагерный режим отсутствовал, заключенные пользовались неограниченными преимуществами по сравнению с вольнонаемными... получали оклады выше окладов вольнонаемных, проживали вне зоны лагеря на частных квартирах... Это не лагерь особого назначения, а по форме и содержанию место отдыха, приличного заработка, продолжения контрреволюционной деятельности»* [Там же. Д. 139, л. 36].

В Акте приемки ДС и проверки производственной и финансовой деятельности (июнь 1938 г.) были вскрыты факты «вредительской» деятельности прежнего руководства в области тарифной политики: 1) для заключенных была установлена 6-дневная рабочая неделя при сокращенном рабочем дне (7–10 часов, включая час на перерыв); за непредоставленные дни отдыха виновные начальники привлекались к ответственности; 2) в порядке поощрения заключенные (с заработком не ниже 600 руб.) могли сниматься с котлового довольствия, получая взамен кормовые деньги и продкарточки, и даже прикреплялись на бесплатное питание в столовых ИТР; 3) заключенным по усмотрению лагадминистрации нередко выдавались денежные авансы в счет заработка, отпускалось в кредит питание, а в случае недостачи товарно-материальных ценностей у заключенных отбирались письменные обязательства о покрытии стоимости недостач в рассрочку из заработка; 4) освобожденные из лагерей получали право заключать договоры на условиях, одинаковых с вольнонаемными, и сверх того получали авансом отпуск с выездом за семьей на «материк», а также комплект нового обмундирования и постельные принадлежности со скидкой в 50%; 5) применение поясных коэффициентов при оплате труда заключенных и ряд других поощрений.

В Акте подчеркивалось, что *«надлежит признать, что в материальном отношении заключенные были обеспечены даже лучше отдельных категорий вольнонаемных и колонистов»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 111, л. 48].

В результате была введена новая система оплаты труда заключенных, применяемая в других лагерях ГУЛАГа НКВД СССР, без учета северных условий.

Заработная плата была отменена, а вместо нее приказом К. А. Павлова от 27 декабря 1937 г. утверждено положение о выплате премиального вознаграждения по 10 разрядам. Для сдельщиков оно составляло (по 10-му разряду) всего 2 руб. 88 коп. в день, плюс 75 руб. в месяц, для повременщиков – 2 руб. 15 коп. в день плюс 56 руб.

Рабочий день удлинялся с 10 до 12–14 часов, а по усмотрению лагадминистрации до 16 часов. В приказе № 459 от 15 июля 1938 г. говорилось, что задерживаемым на основной работе сверх 12 часов, согласно приказу по Дальстрою № 384, разрешается выплачивать дополнительно 30% основной ставки за каждый проработанный час сверх 10 часов, т. е. за 13 часов работы, за 14 – 40%, за 15 – 50% и за 16 – 60%. Заключенным-повременщикам, работавшим по 12 часов, в том числе ИТР, при задержках вознаграждение не выплачивалось, зачеты рабочих дней начислялись выполняющим нормы на 100% в размере 46 дней, на 105% – 92 дня, на 110% – 135 дней до окончания промывочного сезона. Для заключенных, выполнявших нормы не ниже 120% за весь период, срок заключения снижался до 1,5 лет, а для отбывших половину срока ставился вопрос о досрочном освобождении. Этот порядок распространялся и на заключенных, находившихся БУРах и РУРах и в подконвойных командах, с учетом выполнения норм.

Однако эти льготы распространялись только на заключенных, осужденных по бытовым статьям. Что касается политических, то начальнику УРО разрешалось производить зачеты по максимальной планке – 18 дней.

Ужесточение лагерного режима, норм выработки при почти полном отсутствии средств механизации особенно сказалось на положении «контрреволюционного элемента» (более 70% списочного состава Севвостлага) из заключенных среднего и старшего возраста, которые не могли выдержать большие физические нагрузки и адаптироваться к условиям Севера. В «Заключении по эксплуатации золотых россыпей Дальстроя» отмечалось, что *«резкое снижение производительности труда в 1938 г., наравне с явно неудовлетворительной организацией труда, объясняется резким увеличением состава контрреволюционеров... которые выполняют технорму в пределах 5–20%»* [ГАМО, ф.р- 23сч, оп. 1, д. 654, л. 50].

Например в ЮГПУ в течение 1938 г. количество контрреволюционеров увеличилось до 11 118 чел. (76,8%), а бытовиков сократилось до 2318 чел. (16,3%) и 1026 чел. составляли социально вредные элементы.

В целом по Севвостлагу по причине разутости, раздетости, истощения, высокой заболеваемости не выполняли производственные нормы более 70%, а по отдельным приискам до 90% заключенных. Люди умирали главным образом от истощения и общего обморожения. По неполным данным, в целом по УСВИТЛу в течение 1938 г. умерло 10 250 чел. и свыше 2000 заключенных, умерших в этом году, продолжали числиться живыми в 1939 г.

Горный мастер Шебанов писал в окружком ВКП(б) и лично И. В. Сталину: *«Если обратиться к цифрам смертности, то получится, что за все годы существования Дальстроя столько людей не умирало... К январю-февралю 1938 г. лагерь почти на 100% завшивел. Лагерники стали истощаться. Нормы перестали выполняться... Люди стали умирать, как мухи... Людей снимали с работы, арестовывали, сажали в тюрьму»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 35, лл. 31–37].

В Северном ГПУ отказы от работы составили 44 821 чел.-дн., из них 20 498 в январе 1938 г. В целом за год от непосильной работы и голода умерли 4222 заключенных, в том числе в августе 575 чел., в сентябре – 927, в октябре – 786, в ноябре – 524, в декабре – 377. Таковы были цена колымского золота и результат руководства К. А. Павлова [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 1, д. 139, лл. 36–37].

В 1937–1938 гг., наряду с ужесточением форм и методов трудового использования заключенных, по Колыме прокатилась волна убийственных репрессий. 2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «Об антисоветских элементах», на основании которого НКВД СССР издал оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

В начале декабря 1937 г. в Магадан прибыла специальная бригада НКВД СССР в составе четырех чекистов: капитана госбезопасности М. П. Кононовича, старшего лейтенанта М. Э. Каценеленбогена (Богена), лейтенантов С. М. Бронштейна и Л. А. Виницкого. Бригада была подчинена начальнику УНКВД по ДС В. М. Сперанскому, а фактически К. А. Павлову.

В справке «О Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации», составленной к началу 1938 г., отмечалось, что уже арестованы и осуждены 3302 заключенных Севвостлага, в том числе троцкистов и правых – 60%, шпионов, террористов, вредителей и других «контрреволюционеров» – 35%, бандитов, воров – 5%.

Всего на тройку УНКВД по ДС (К. А. Павлов, В. М. Сперанский, прокурор ДС Л. П. Метелев или М. П. Кононович) было подготовлено 10 000 дел, из них рассмотрено более 3000 по 1-й категории (расстрел) и свыше 4000 – по 2-й категории (срок до 10 лет).

Расстрелы заключенных проходили в Магадане, на Серпантинке, недалеко от Хатыннаха, на «Мальдяке» и других приисках Дальстроя. Казни носили массовый характер и являлись фактором устрашения. 13 августа 1938 г. на прииске «Мальдяк» было расстреляно сразу 159 чел. Сотрудник РО НКВД по СГПУ А. И. Гарусов впоследствии показал: *«В начале августа 1938 г. я был командирован... на пр. "Мальдяк" в распоряжение члена бригады Богена. ...Боген поручил мне и группе товарищей проводить следствие, давая сроки за три часа заканчивать 20 дел. ...Он прямо приказывал бить арестованных. Боген сам показал нам пример, вызвал одного заключенного и избил кочергой, после чего и мы били чем придется. Через несколько дней приехал капитан Кононович с прокурором Метелевым в 2 часа ночи и к 6 час. утра рассмотрели больше 200 дел... 133–135 чел. приговорили к высшей мере наказания. Прокурор арестованных не смотрел и ни с кем не разговаривал»*[72].

Однако кровавый террор не дал желаемого результата. В ответ ширилась волна пассивного и активного сопротивления, резко возросли групповые и одиночные побеги, увеличилось расхищение собственности внутри лагеря, участились грабежи грузов с автомашин на трассе и прочие уголовные преступления [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 140, л. 9].

По состоянию на 1 января 1939 г. в розыске находилось 607 заключенных. В I квартале 1939 г. из Севвостлага бежали 504 чел. во II – 629, в III – 669 чел., и эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. Увеличение побегов в летний период произошло за счет прибытия на Колыму этапов, в основном состоявших из заключенных, неоднократно бежавших из других лагерей и работавших практически без конвоя. Но были и другие причины. Например, в отчете ВОХР Севвостлага говорилось о массовых издевательствах над заключенными со стороны охраны, лагадминистрации. На пр. «Штурмовой» начальник лагпункта сажал заключенных, за мелкие провинности в специально построенные изоляторные ящики (50 × 60 см) по нескольку человек, ставил зимой на стойку на 2–3 суток и более в летнем обмундировании и т. д.

Заместитель Наркома внутренних дел СССР старший майор госбезопасности С. Б. Жуковский в приказе № 00349 от 5 июня 1938 г. отмечал, что состояние ВОХР лагерей НКВД характеризуется рядом серьезнейших нарушений в области политико-морального воспитания, боевой и политической подготовки и совершенно неудовлетворительной постановкой воспитательной работы. Для проверки личного состава ВОХР УСВИТЛа была создана специальная комиссия под руководством начальника УСВИТЛа С. Н. Гаранина. Некоторые командиры были понижены в должности и уволены, а командир Владивостокского отдельного дивизиона ВОХР привлечен к уголовной ответственности.

В 1939 г. новое руководство Дальстроя приняло ряд мер по упорядочению производственной дисциплины, усилению лагерного режима и борьбе с побегами. Система контроля становилась тотальной. Приказом № 029 от 26 декабря 1939 г. И. Ф. Никишов категорически запретил направлять заключенных в командировки в различные отделы ГУ СДС, находившиеся в Нагаево-Магаданском районе и пунктах, расположенных до пос. Атка включительно, а также всякое бесконвойное передвижение.

Всех осужденных по ст. 58-3, 165, 167, 164 УК РСФСР, а также по закону от 7 августа 1932 г. немедленно снимали с работы и перебрасывали в горные районы на основное производство. Кроме этого, выселению подлежали все ранее судимые за контрреволюционную, вредительскую, диверсионную и повстанческую деятельность, бандитизм, разбой, налеты и мошенничество, независимо от занимаемой должности. Заключенным, работавшим в аппаратах управлений, отделов и предприятий, ограничивали право переписки и категорически запрещали любые разговоры по телефону. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00889 от 2 августа 1939 г. в составе Отдела режима УСВИТЛа НКВД было создано отделение цензуры (по перлюстрации корреспонденции заключенных).

Для изоляции особо опасного контингента на 49-м км основной трассы в устье р. Уптар (1-й сплавной участок) был построен Центральный штрафной ОЛП.

3 февраля 1940 г. начальник ГУ СДС НКВД издал приказ № 09 «О лагерном режиме и порядке взаимоотношений лагерной администрации с начальниками хозяйственных управлений ГУ СДС», в котором говорилось: *«Лагеря охраняются плохо, вышки, зоны не отремонтированы... вахты телефонной связью и сигнализацией не обеспечены... заключенные в Горных управлениях не законвоированы, на производство и с производства следуют... без конвоя, а на производстве не охраняются»* [Там же. Д. 149, л. 23].

На совещании руководящих работников Дальстроя 20 ноября 1939 г. И. Ф. Никишов спросил начальника СГПУ Флорова: *«А охрана есть на производстве?»* Начальник СГПУ ответил, что *«есть только дежурные по объекту, а охранять лагерь мы не охраняем. Тайга охраняет. Товарищ комиссар, нам надо заняться строительством лагерей»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 125, л. 20].

---

[72] *Бацаев И. Д., Козлов А. Г.* Дальстрой..., 2002. – Ч. 1. – С. 219.

И. Ф. Никишов потребовал немедленно законвоировать и перевести на усиленный лагерный режим на производстве и в лагере всех заключенных, не выполняющих 100% дневной нормы выработки, оборудовать промышленные и производственные зоны лагерей в соответствии с инструкциями ГУЛАГа. (Отметим, что эта проблема оставалась нерешенной на протяжении всей деятельности Дальстроя.)

Кроме этого, была проведена «чистка» в Магадане. И. Ф. Никишов говорил, что *«такие з/к з/к, как скульпторы, профессора, какие-нибудь художники, все они осуждены по контрреволюционным статьям, а где они у нас работают? Они работают в Парке культуры и отдыха, в кино, театрах, на стадионах. А ведь без всех этих художников, право, можно обойтись... Можно создать при Промкомбинате художественную мастерскую, где они будут все законы выполнять, эти художники, но под конвоем»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 166, лл. 149, 150].

Для усиления борьбы с бандитизмом, грабежами, кражами и другими преступлениями на трассе создавались специальные оперативные группы УРКМ НКВД, которые располагались в пос. Палатка, на 150-м км, в пос. Атка, Спорный, Ягодный, на 23-й дистанции, Аркагале, Теньке (186-й км), в Сеймчане. В связи с этим (приказ № 04 от 14 января 1940 г.) отдел УГРО УРКМ был передан в УНКВД по Севвостлагу.

В 1939 г. в области трудовой политики по-прежнему сохранялся репрессивный уклон. За отказы от работы, невыполнение норм, скрытый и явный саботаж заключенных сотнями отправляли в ШИЗО и БУРы, на усиленный режим сроком от 6 месяцев до 1 года, но с правом досрочного освобождения и переводом в общую зону при условии хорошей работы. С апреля 1940 г. для заключенных вводили новые нормы питания, исходя из производственной выработки каждого. Система питания лагерников предусматривала для всех заключенных котловое довольствие и дифференцированное дополнительное за плату перевыполняющим нормы [Там же. Д. 149, лл. 101, 102].

Нормы питания были достаточно условны. Начальник УСВИТЛа Е. И. Драбкин признавал, что *«сильные получают, а слабых обворовывают»*. Начальник ЗГПУ Краснов отмечал на совещании в 1939 г.: *«Я ни одного дня не видел, чтобы по приказу № 533 лагерникам отдавали, что им положено. У нас есть недоедание. У меня есть распоряжение Ходырева, чтобы давать лагерникам то, что положено, но чем давать?»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 125, л. 39].

В 1939 г. производственный сектор и лагеря Дальстроя попали в катастрофическое положение.

Начальник лагеря ЮГПУ Федорович говорил, что *«лагерь юга – лагерь старый, поэтому у нас жилищно-бытовые условия значительно лучше, чем в других лагерях, но питание нас собственно и срезало. В конце сентября, когда еще резче сократился подвоз продовольствия... мы сели из-за продуктов. ...При бездорожье... мы носили все на себе, мы высылали заключенных на базу, и они оттуда приносили продукты и обмундирование. ...Контингент у нас такой – 70% спецучетников, так называемых каэровцев»* [Там же. Лл. 37, 59].

На совещании руководящего состава Дальстроя начальник СГПУ Флоров докладывал, что *«в январе-феврале все компрессоры стояли из-за отсутствия горючего, в марте испытывали затруднения с продовольствием, и мы остались без взрывчатки... Были огромные недостатки в снабжении... Если в июне... мы получали 96% продуктов, то в июле лишь 86%, в августе – 67%, в сентябре – 56% и в октябре – 55%. Мы не могли накормить людей даже по 3-й категории лагерников... А 3-я категория, как Вы знаете, выдается тем, кто почти не работает, т. е. при выполнении нормы менее 60%. ...Я помню передовую статью в газете "Советская Колыма", где говорилось, что на западе нашлись идиоты, которые смазывают механизмы экскаваторов и тракторов мылом, правильно, нашлись. Мы смазывали... не только мылом, но даже парафиновыми свечами... На все СГПУ на 18 ноября мы имели 37 т муки, 300 кг макарон, 200 кг сахара»* [Там же. Лл. 4, 5].

На многих приисках заключенные получали по 100–200 г хлеба в сутки, а *«на пр. "Одинокий" ухитрились вообще не кормить лагерников по несколько дней. А их там было более 500 чел.»*.

Флоров сказал, что *«у нас были такие случаи, когда целый ряд бригад качались от голода»* [Там же].

Резкое обострение со снабжением лагерей было связано, во-первых, с сильным наводнением и, во-вторых, с полным развалом автотранспорта и срывом завоза горючего и авторезины. По этой причине более 40% автомашин стояли на приколе. В тайгу доставлялось ежедневно не более 500 т грузов при потребности минимум 700 т [Там же. Д. 117, лл. 1, 2]. Начальник Политуправления ДС Моренков в докладной в ЦК ВКП(б) лично И. В. Сталину писал, что *«до сего времени не решен вопрос с автотранспортом, который на Колыме является решающим условием в выполнении добычи золота и олова и снабжении контингентов ДС НКВД СССР. ...На приисках создалась реальная угроза голода. Уже сейчас (октябрь 1939 г.) имеет место недовоз самых необходимых продуктов, что привело к необходимости сократить паек заключенным до 200 гр. хлеба в день. ...Катастрофическое положение с горючим, которое завозилось танкерами из Туапсе и Баку. Всего отравлено 4 танкера, 5-й – "Совнефть", отправленный 31 августа, вернулся из Красного моря обратно. Происшедшие стихийные бедствия... нанесли большой ущерб хозяйству ДС»* [Там же. Л. 1].

Кроме этого, в декабре 1939 г. на Колыме ударили сильные морозы -60...-63°С, и в результате на трассе от Атки до Спорного было заморожено более 200 автомашин с продовольствием. На Тенькинской трассе, *«а там жуткая дорога, такие перевалы, что еле-еле можно провести машину... Машины стоят замороженные 70 шт., а водителей никого нет»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 124, л. 65]. Положение в лагерях стало критическим.

Зам. начальника ГУ СДС А. А. Ходырев докладывал, что *«мы не имеем взрывчатки, обмундирования, мы остались раздетыми почти на 50%. Мы писали в ЦК ВКП(б), в частности тов. Сталину»* [Там же. Д. 125, л. 107].

Принятые меры по улучшению снабжения несколько стабилизировали обстановку, но во всех лагерях была зафиксирована повышенная смертность (от 4 до 7% списочного состава) и массовая заболеваемость среди заключенных. Например, в СГПУ за январь – май 1939 г. умерли 1658 чел. В ЗГПУ вспыхнула эпидемия брюшного тифа, количество инвалидов возросло с 4 до 10% и т. д. Производственные нормы вырабатывались на 35–40%. Следует отметить, что для спасения доходяг начальники ряда приисков переводили их на усиленное питание, нарушая тем самым основной принцип исправительно-трудовой политики, и привлекались к уголовной ответственности.

Для стахановцев и рекордистов устанавливался особый порядок поощрения. Бригадам, звеньям и одиночкам, намывавшим металл сверх 15 г в сутки в среднем на человека, выдавалось питание вне всякой категории, от 10 до 15 г – по особой.

Обеды готовились в отдельном котле по особо разработанному меню, резко отличавшемуся от остальных, с обслуживанием вне очереди. В период промывочного сезона обед выдавали прямо в забоях и обязательно на глазах у всех заключенных. Кроме этого, для рекордистов вводились так называемые тачки отличников. При выполнении норм от 105 до 115% на нее полагалось 200 г спирта, пачка махорки,100 г кондитерских изделий; от 115 до 130% – 300 г спирта, 1 пачка папирос, 100 г кондитерских изделий, 250 г сельди; от 130% и выше – 0,5 л спирта, по пачке папирос и махорки, 100 г кондитерских изделий и 1 банка рыбных консервов.

Введение такой системы, с одной стороны, стимулировало производительность труда, а с другой – усиливало произвол и эксплуатацию основной массы заключенных со стороны уголовных авторитетов, тесно связанных с лагерной администрацией.

Несовершеннолетние заключенные работали по 6 часов, но их норма выработки устанавливалась в размере 75% от нормы взрослых. Однако подобные меры не давали ожидаемого эффекта. *«У лагерников наступила реакция: работаем-работаем, а тут сразу зажали. В лагере образовался саботаж, и мы ему ничего противопоставить не сумели»*, – отмечалось в протоколах III партконференции Дальстроя [Там же. Д. 77, л. 64].

Зам. начальника ЗГПУ Делов говорил на совещании руководящего состава: *«Летом получили этап 15 тыс. чел. ...Раньше каждый заключенный через три месяца, если он хорошо работал, получал зачеты, т. е. вместо 5 лет сидел 3 года, вместо 3 лет – 1,5 года. Весной нам прислали директиву, про которую говорили, чтобы мы ее не разглашали, и мы про зачеты ничего не говорили»* [Там же. Д. 125, л. 37].

В годы войны из-за прекращения завоза заключенных на Колыму и изменения лагерной политики многие предприятия основного и подсобного производства были переведены на вольнонаемный состав за счет условно и досрочно освобожденных их лагерей. Эта широкомасштабная акция (при жесткой изоляции рецидивистов) позволила стабилизировать положение в лагерях Дальстроя и свести до минимума бандитские проявления среди заключенных.

Выступая на совещании партийного и хозяйственного актива, И. Ф. Никишов говорил: *«В системе работы Дальстроя лагерь занимает первостепенное значение, ибо он является основной валовой рабочей силой. Поэтому лагерь должен занимать исключительное место в повседневной работе не только лагерных работников, но и хозяйственников. ...Среди наших хозяйственников есть люди, которые проявляют заботу о машинах, о свином хозяйстве, о лошадях, если есть собаки – о собаках, но проявить заботу о лагере не считают своей обязанностью... Кроме мата и похабщины, разговаривать с заключенными на другом языке не умеют... Надо в корне изменить свое отношение к лагерю. В отношении саботажников, тунеядцев, лодырей вести беспощадную борьбу, вплоть до предания их суду, в отношении же честно работающих нужно проявить заботу и относиться к ним по-человечески»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 182, лл. 26, 27].

Проявление гуманизма носило чисто прагматический характер, так как результаты зимовки 1941/42 г. требовали принятия срочных мер по восстановлению рабочей силы. В приказе № 034 от 27 мая 1942 г. по ГУ СДС отмечалось, что *«высокий процент нерабочей части лагеря (группа В) и большой процент смертности заключенных, имевшие место зимой 1941–1942 гг., явились результатом недостаточной подготовки ряда лагерей к зимнему периоду... вызвали в зимние месяцы большое число простудных и др. заболеваний, выводивших из строя рабочую силу... отрицательно влияли на выполнение государственного плана»* [Там же. Д. 168, л. 108].

По этой причине только в октябре 1941 г. в СГПУ, ЗГПУ и Чай-Урьинском лагерях умерли от истощения и болезней 1023 чел. Начальник Сануправления Дальстроя докладывал: *«Мало того, что там, в бараках, холод и грязь, там нет естественного света, большая вшивость. ...Стоит только снять с заключенного рубаху, как увидите десяток вшей. Буханка хлеба весит 5 кг за счет влажности, и от этого хлеба увеличивается заболеваемость...»*[73].

На приисках «Чай-Урья», «Большевик», «Комсомолец», «Штурмовой», «Ледяной», «Одинокий» и ряде других заключенные работали без пищи и перерыва на отдых. Не имея никакого транспорта, они после работы шли за 10–15 км за дровами для отопления бараков и приготовления пищи[74]. *«Часто заключенные вместо дневной нормы получали на руки по 100 гр. муки, которые они разбалтывали в холодной воде»* [ЦХСД МО, ф.-2, оп. 2, д. 278, л. 78].

Все это было следствием установки, которую дал И. Ф. Никишов на совещании 8 июля 1941 г. В частности, он сказал: *«Если мы сейчас не будем применять мер репрессии, то активизация контрреволюционных элементов может развиваться... Надо создать такие условия, чтобы они (заключенные) рычали лишь внутри лагеря...»*[75].

Приказом Наркома НКВД СССР и Прокурора Союза ССР № 221 от 22 июня 1941 г. прекращалось освобождение заключенных, осужденных по ст. 58 (измена Родине, террор, шпионаж и т. д.) и 59 (бандитизм) УК РСФСР и за другие особо тяжкие государственные преступления. Освобожденные ранее по этим статьям вновь водворялись в лагерь до окончания войны. В отношении некоторой части заключенных эти меры были обоснованны. Например, по информации органов УНКВД по ДС, В. З. Матвеев, осужденный по ст. 58 УК РСФСР, заявил, что *«лучше быть фашистом, чем здесь работать»*; заключенный А. И. Морозов говорил, что *«скоро придет Гитлер, тогда вы будете работать, а мы командовать!»* Однако эти настроения не являлись определяющими. Подавляющее большинство заключенных, несмотря на свое положение, оставались патриотами и подавали прошения об отправке на фронт.

В 1941–1943 гг. в ряды армии с территории Дальстроя было призвано около 3000 заключенных и бывших заключенных, которые в боях проявили доблесть и героизм и были награждены орденами и медалями. А призванный в 1942 г. «бытовик» В. И. Еронько, отбывавший срок в ЗГПУ и ЧУГПУ, 26 октября 1944 г. удостоился звания Героя Советского Союза.

Следует отметить, что в годы войны на основании директивы ГУЛАГа велся тщательный секретный учет заключенных, желавших попасть на фронт. В мобилизационных планах Дальстроя заключенные рассматривались как серьезный резерв Красной Армии. Еще в 1937 г. начальнику УСВИТЛа И. Г. Филиппову был отдан приказ приступить немедленно к предварительному учету лучшей части заключенных в количестве 7000–8000 чел. на случай формирования воинской части.

Неблагонадежная часть заключенных заносилась в список подлежавших ликвидации в случае «внезапной и единовременной» эвакуации г. Магадана.

Однако по мере стабилизации обстановки на фронте в этот процесс были внесены коррективы.

26 января 1944 г. приказом № 004/007/006/23сс заместителя Наркома обороны СССР, Наркома НКВД, Наркома юстиции СССР и Прокурора СССР судам и военным трибуналам запрещалось применять отсрочку приговора с направлением осужденных в армию к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, к дезертирам и ворам-рецидивистам.

В то же время в 1942–1944 гг. в целях повышения производительности труда и в связи с дефицитом рабочей силы в Дальстрое поводилась кампания по условно-досрочному освобождению из лагерей. (Указом ПВС СССР от 15 июня 1939 г. «О лагерях НКВД» запрещалось условно-досрочное освобождение заключенных. Осужденный должен был отбывать установленный судом срок полностью.) Однако для Дальстроя в силу его специфики было сделано исключение. В 1940 г. решением Особого Совещания СССР заключенные Севвостлага вновь получили право на условно-досрочное освобождение, и эта практика получила дальнейшее развитие в годы войны. По ходатайству Дальстроя и Севвостлага в 1942–1944 гг. Особое Совещание при НКВД СССР положительно рассмотрело более 2 тыс. дел заключенных.

В соответствии с директивой Наркома НКВД и Прокурора СССР в целях обеспечения Дальстроя недостающей рабочей силой все освобожденные из лагеря заключенные задерживались на положении вольнонаемных рабочих и служащих без права выезда до окончания войны.

Находясь в тисках государственного плана, с одной стороны, и реалиях исправительно-трудовой политики – с другой, руководство Дальстроя проводило политику двойных стандартов. Меры поощрения, стимулировавшие производительность труда, чередовались с усилением лагерного режима и репрессивными методами.

---

[73] *Исаков А. Н.* Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАГ. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 58.

[74] *Северо-Восток* России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 75.

[75] *Исаков А. Н.* Исторические..., 1996. – С. 58.

Например, в апреле 1942 г. в соответствии приказом НКВД СССР № 792/к в лагерных подразделениях устанавливался распорядок, при котором заключенным и бригадам, выполняющим и перевыполняющим нормы, предоставлялись лучшие жилищные условия, первоочередное бытовое и культурное обслуживание и ларьковое довольствие. Стахановцам и выполняющим нормы на 120% и выше присваивалось звание «Отличник производства», дававшее право на льготы, вплоть до сокращения срока наказания или досрочного освобождения из лагеря. В то же время в приказе подчеркивалось, что наряду с поощрительными мерами в отношении честно работающих заключенных проводить жесткую борьбу с лодырями, отказчиками, саботажниками, беглецами и прочими нарушителями режима и порядка в лагере и на производстве. Нормы питания изменялись каждые три дня по итогам выполнения дневных заданий.

Для стимулирования труда заключенных, работавших на обогатительных фабриках машинистами компрессоров, бурильщиками, вводилась прогрессивно-премиальная оплата. За каждый процент перевыполнения плана по извлечению металла премия составляла от 15 (100–101% плана) до 30% (105% и выше). В соответствии с этим устанавливались и категории питания.

В ноябре-декабре 1942 г. на прогрессивную оплату были переведены заключенные, занятые на добыче подземных песков, на проходке шахт, и ряд работников других категорий основного производства. Кроме этого, для развития стахановского движения, ударничества и социалистического соревнования среди заключенных приказом № 793 от 23 декабря лагерникам-сдельщикам, переходящим по собственной инициативе на многостаночное обслуживание, полностью сохраняли действующие расценки на всю выработанную продукцию. Лагерникам-повременщикам за многоагрегатное обслуживание начислялось сверх основного премвознаграждения (за каждый дополнительный агрегат) от 20 до 70% тарифной ставки.

Делались попытки пресечь бесконтрольную эксплуатацию заключенных. В приказе ГУ СДС № 061 от 13 июля 1943 г. отмечалось, что *«на отдельных предприятиях и приисках Дальстроя установилась практика, когда лагерная администрация задерживает по окончании рабочего дня на производстве заключенных, не выполняющих норм, до того времени, пока эти заключенные не выполнят суточных норм. ...Задерживаются физически ослабленные заключенные – это приводит к дальнейшему физическому ослаблению рабочей силы и выводу ее из строя»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 180, л. 114].

С одной стороны, приказ запретил подобные действия, с другой – разрешил в отдельных случаях оставлять на производстве по окончании рабочего дня (для выполнения суточных заданий) только тех заключенных, которые по медицинскому заключению являются физически здоровыми, но не выполняющими нормы из-за нежелания работать, по симуляции.

Подобная двойственность открывала полную свободу лагадминистрации, тем более что многие приказы начальника ГУ СДС противоречили друг другу, особенно в части лагерного режима.

С началом промывочного сезона в лагерях и на производстве применялись дополнительные меры охраны объектов и предотвращения побегов. Как правило, с наступлением весны активизировались попытки групповых побегов, вооруженных и контрреволюционных выступлений со стороны отдельных групп из числа заключенных.

Начальникам лагерей предписывалось всех осужденных за антисоветские преступления, бандитизм, а также склонных к побегам сосредоточить на штрафных пунктах и взять под усиленный конвой. Производить не менее 2 раз в неделю поголовные обыски в лагерных подразделениях и на производстве, особенно у заключенных, работавших на агробазах, строительстве, электростанциях и в мастерских, где есть возможности для изготовления холодного оружия, самодельных гранат, хранения продуктов питания и пр., для совершения групповых вооруженных побегов. Жесткие меры были вызваны тем, что побеги заключенных отличались дерзостью, часто с убийством охраны. Вооруженные банды нападали на автомашины, грабили и терроризировали местное население, поджигали тайгу, убивали геологов.

Большинство побегов носили локальный характер (бежать с Колымы было некуда) и в основном ликвидировались силами ВОХР и УНКВД. Например, в 1942 г. практически все бежавшие были пойманы либо погибли в перестрелках. По итогам 1942 г. приказом НКВД СССР от 5 декабря за образцовую борьбу с побегами начальнику Севвостлага капитану госбезопасности Е. И. Драбкину, начальнику ВОХР полковнику А. Ф. Титову была объявлена благодарность Наркома НКВД СССР.

На приисках у заключенных были изъяты продукты питания, обмундирование, ящики аммонала, бикфордов шнур, детонаторы, холодное оружие, золото в слитках. Бежали не только бандиты, уголовники, но и работяги, доведенные до отчаяния голодом, непосильным трудом и издевательствами со стороны лагерной администрации. Несмотря на жесткие меры, побеги не прекращались. Например, в сентябре 1943 г. только из ОЛПа прииска «Одинокий» Севлага было совершено 37 побегов, из которых 36 ликвидированы.

В 1944 г. в целях усиления охраны и режима содержания заключенных, осужденных за побеги и бандитизм, в Севлаге были организованы штрафные лагерные пункты. На прииске «Утиный» – лагпункт «Дарьял» на 200 чел., «Туманный» – «Уютный» на 200 чел., «Джелгала» – № 2 на 100 чел. Аналогичные пункты были организованы в Тенькинском ГПУ на 500 чел., в Юго-Западном и Чай-Урьинском – на 300 чел., в Западном – на 400 чел. В лагпункте «Мылга» находился штрафной женский изолятор.

В целом в годы войны репрессивный аппарат Дальстроя и Севвостлага контролировал обстановку в лагерях.

Однако с прибытием новых этапов ситуация стала обостряться. В 1944 г. впервые за военные годы в Дальстрой прибыло из центральных районов Союза 19 165 заключенных, из них 9475 женщин. С этого момента гулаговский конвейер стал вновь набирать обороты.

В 1945 г. на Колыму было доставлено 15 886 заключенных, в том числе 5192 каторжника, 29 036 спецпереселенцев (первая партия в количестве 4931 чел. – в июле 1945 г.) и 3998 военнопленных японской армии. В этом же году по мобилизации ЦК ВЛКСМ в Дальстрой прибыли 2000 девушек. Одновременно в центральные районы страны были вывезены 9672 бывших заключенных, главным образом из числа амнистировных*, 811 заключенных-инвалидов и 1441 уволенный вольнонаемный.

В 1946 г. было уволено и отправлено из Дальстроя 22 350 бывших заключенных. В этом же году с Колымы были возвращены на родину репатрианты из числа латышей, литовцев и эстонцев (приказ начальника ГУ СДС МВД СССР № 0103 от 30.11.1946 г.). На 1 января в 1947 г. в Дальстрое работали 201 460 чел., в том числе 113 954 вольнонаемных (46 361 бывший заключенный, 6287 чел. из спецконтингента, 27 198 спецпоселенцев) и 87 506 остальных заключенных.

В навигацию 1947 г. в Дальстрой (по состоянию на 1 октября) поступило в счет плана, утвержденного МВД СССР, 36 895 заключенных и убыло 28 413 чел., в том числе 22 218 бывших заключенных. В 1948 г. при плане 50 000 чел. фактически прибыло 34 900 (69,8%), в 1949 г. – соответственно 59 и 54,5 тыс. чел. (92,6%).

За период с 1 января 1948 г. по 1 января 1950 г. численность занятых в Дальстрое увеличилась с 218,4 до 252,4 тыс. чел., в том числе заключенных – с 110,3 до 129,4 тыс. чел., вольнонаемных – с 108,1 до 123,0 тыс. чел. и был вывезен 38 171 чел., в том числе 27 731 бывший заключенный.

Приведенные данные указывают на то, что в 1946–1950 гг. шла интенсивная замена контингентов Севвостлага.

В 1951 г. среднесписочная численность персонала в целом по Дальстрою возросла до 361,1 тыс. чел. за счет доставки в 1950–1951 гг. около 94 тыс. заключенных.

Кроме заключенных ИТЛ, в 1949 г. по приказу МВД СССР № 00708 от 25 июля на Колыму стали поступать этапы особого контингента (ОК) со спецстроек МВД СССР – № 313, 247, 585, 514, ИТЛ-100, Челябинск-40, Свердловск-44, -45, г. Саров, Сухуми.

Первые 5259 чел. особого контингента прибыли в б. Нагаева на трех пароходах: «Советская Латвия» (2370 чел.) 19 сентября 1949 г., «Ногин» (2285 чел.) 28 сентября, «Джурма» (604 чел.) 17 октября.

В состав ОК входили: вольнонаемные и члены их семей, включая детей, солдаты охраны, демобилизованные солдаты-репатрианты и бывшие заключенные, прибывшие на пароходах «Джурма» и «Александр Невский».

Из общего числа заключенных (1253 чел.) были осуждены по Указу ПВС СССР от 26 июня 1940 г. 239 чел., за другие уголовные преступления – 1014 чел.

На вольнонаемных и заключенных (ОК) распространялся особый режим содержания и секретности, связанный с их предыдущей работой.

За 1949–1951 гг. со спецстроительств МВД СССР в Дальстрой было доставлено 4265 заключенных (ОК), которые были размещены на 16 предприятиях шести управлений Дальстроя.

Особый лагерь № 5 МВД СССР (Берлаг) в составе 15 отделений (20 лагпунктов) и центральной больницы комплектовался по приказу МВД СССР, МГБ СССР и Генерального прокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16 марта 1948 г. за счет особо опасных государственных преступников.

Таким образом, в 1945–1952 гг. контингент рабочей силы Дальстроя состоял из заключенных следующих категорий: 1) заключенных ИТЛ, осужденных по различным статьям УК в основном за тяжкие преступления; 2) заключенных, осужденных к каторжным работам, в том числе по Указу ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. (пособники, предатели и т. д.) сроком от 10 до 20 лет военно-полевыми судами, а после войны Особым Совещанием; 3) заключенных Особого лагеря № 5 МВД СССР; 4) заключенных особого контингента, направленных в Дальстрой со спецстроек МВД СССР.

В связи с прибытием на Колыму особо опасных контингентов заключенных в лагерях принимались повышенные меры безопасности.

Каторжные зоны были созданы в ЮЗГПУ в Эльгенском угольном районе на 800 чел., в СГПУ на прииске им. Горького – на 1500–1600 чел., «Туманный» – на 600 чел., а также в других управлениях. Обычные лагерные подразделения приспосабливались под БУРы и зоны особого режима.

Каторжников использовали в качестве горнорабочих и привлекали в первую очередь на все особо тяжелые физические работы. Для них устанавливалась одежда особого образца и цвета с нашивкой «на ней личного номера заключенного» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 117, л. 246].

---

*Амнистия 1945 г. На основании Указа ПВС СССР от 7 июля было освобождено 17 066 чел.

Режим содержания каторжников, определенный приказом НКВД СССР № 00968 от 11 апреля 1943 г. и специально разработанными инструкциями о порядке трудоиспользования и охране каторжных подразделений, должен был обеспечивать: а) изоляцию государственных преступников от общения с остальными контингентами заключенных и вольнонаемным населением Дальстроя; б) пресечение попыток каторжников к совершению побегов.

Каторжные пункты ограждались сплошным забором высотой 3 м с тремя рядами колючей проволоки. Внутри устанавливалась предупредительная зона в 4 ряда колючей проволоки и высотой не менее 1,2 м. Каторжников размещали в каменных бараках в камерах вагонного типа от 5 до 20 чел., но не более 200 чел. в бараке.

Продолжительность рабочего дня для них устанавливалась на 1 час больше общелагерной, т. е. 13–14 часов в сутки. В первые два года каторжники, вне зависимости от специальности, использовались только в качестве чернорабочих. Во время работы запрещалось всякое общение, разговаривать с ними имели право бригадиры, начальники конвоя и предприятий. Заключенным, кроме отказчиков, разрешались ежедневные прогулки до 3 часов внутри зоны и предоставлялись два дня отдыха в месяц.

Питание выдавалось по общим нормам, за исключением ларькового довольствия в течение первого года пребывания в лагере. За отказ от работы, за невыполнение норм выработки, нарушение режима и неисполнение распоряжений лагерной и производственной администрации устанавливались следующие наказания: а) увеличение рабочего дня до 2 дополнительных часов с переводом на более тяжелую работу; б) перевод на содержание в одиночный карцер на срок до 20 дней; в) арест и привлечение к уголовной ответственности с рассмотрением дел на Особом Совещании НКВД СССР.

За малейшее нарушение распорядка (громкий разговор, пение, хранение запрещенных предметов, кроме спичек, починочного материала, туалетных принадлежностей) водворяли в карцер на срок от 5 до 25 суток. Содержащихся в карцере на работу не выводили и лишали прогулки, питание назначалось по норме штрафников: хлеб – 350 г в сутки и кипяток, а через день – горячую пищу. Штрафники, выполнявшие норму до 50%, получали 350 г хлеба, 30 г крупы, 8 г муки, 30 г мяса, 5,5 г жиров, 14 г соли, 430 г картофеля.

По выходе из карцера каторжников не возвращали в их бригаду, а зачисляли в специальную штрафную команду, которую использовали на самых тяжелых работах. В случае неподчинения надзирателям разрешалось применять кандалы и смирительные рубашки.

Отдельную группу составляли военнопленные бывшей японской армии до их репатриации в 1949 г.

В ноябре 1945 г. в связи с тем, что завоз военнопленных был прекращен, ликвидировался созданный приказом по ГУ СДС № 60 от 31 октября 1945 г. Отдел лагерей военнопленных японской армии. На его основе создается отделение лагерей военнопленных в составе ОЛПа № 1 (МСК), № 2 (УНТП), № 3 (магаданский леспромхоз), № 4 (УШОСДОР). 6 декабря 1945 г. приказом по ГУ СДС № 678 лагерь военнопленных № 2 расформировывается и на его базе организуются лагерные пункты на лесозаготовительном участке Колымснаба (39-й км основной трассы) в составе 1-й роты 16-го батальона численностью 250 чел. и ОЛП при УРПХ, дислоцированный в пос. Ола, – 250 чел.

Определенные трудности для японцев возникли в период организации лагеря. В ходе проверки было выявлено, что в лагере № 1 (4-й км) нет сушилок, тумбочек, полок, *«кухня содержится грязно. Лагерь питьевой водой обеспечивается недостаточно, военнопленные вынуждены в котелках таять снег. В лагере № 3 палатки не отеплены... у пленных (741, особенно на участке "Козлинка") имеется вшивость... обедают на открытом воздухе»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 286, л. 111].

Основные недостатки были устранены уже в конце 1945 г. Режим содержания, за исключением Хасынского угольного района, не отличался большими строгостями. Например, на 10 производственных объектах УНТП на 400 пленных приходилось всего 6 конвоиров, в МСК на 858 чел. – 10 и т. д. Причем отмечалось, что *«наряд конвоя службу нес не бдительно, на объектах работ вращаются с оружием среди пленных, сидят у костров. В пути следования... не придерживаются установленной дистанции, идут вплотную... и оружие держат не в руках, а на ремне. Дисциплина среди военнопленных... слабая»*[76].

Продолжительность рабочего дня у японцев составляла 8 часов с перерывами для обогрева, а норма выработки – 50% от нормы вольнонаемных. При нахождении места работы более 3 км время, потраченное на переходы, засчитывалось как рабочее. Пешие переходы свыше 5 км запрещались, и доставка осуществлялась только автотранспортом.

Для пленных 1-й и 2-й категории, не выполняющих нормы, допускались сверхурочные работы, но не более 2 часов. Имеющих 3-ю группу трудоспособности использовали только на легких работах, в подсобных цехах и в лагобслуге в закрытых помещениях. Продолжительность рабочего для этой группы была 4–6 часов.

---

[76] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 142.

Согласно распоряжению по ГУ СДС № 016 от 22 февраля 1946 г. в лагерях военнопленных создавались оздоровительные команды, в которые зачислялись ослабленные и больные на срок до 1 месяца с освобождением от работы. В дополнение к основной норме питания (3 раза в сутки) пленные получали по 100 г дрожжей и жиров морзверя. Японцам, работавшим в забоях Хасынского угольного района, выдавалась надбавка – 300 г хлеба плюс 25% сахара к норме.

На 1 января 1949 г. в лагерях отделения насчитывалось 3479 военнопленных. 15 июня 1949 г. был издан приказ МВД СССР № 00585 и на его основе приказ начальника ГУ СДС № 0237 от 26 августа «О снятии военнопленных с объектов работ предприятий Дальстроя» с 15 сентября 1949 г. Японцы покинули Колыму на пароходе «Джурма».

В конце 1950 г. в подчинение управления ИТЛ Дальстроя входили 7 управлений и 10 самостоятельных отделений лагеря в составе 128 отдельных лагерных пунктов, 253 неотдельных и 225 командировок. На 1 октября 1950 г. в лагерях содержались 161 209 заключенных, в том числе 138 218 мужчин, 22 991 женщина. По характеру преступлений они подразделялись: осужденные за измену Родине – 15 389 чел., контрреволюционные преступления – 11 315 чел., хищение государственной, общественной и личной собственности граждан – 70 603 чел., бандитизм и грабежи – 13 724 чел., умышленное убийство – 4955 чел., воинские преступления – 5937 чел., побеги – 8073 чел., прочие – 31 213 чел. По срокам заключения: до 5 лет – 24 443 чел., от 5 до 10 лет – 89 695 чел., от 10 до 20 лет – 37 429 чел.

В Особом лагере № 5 МВД СССР содержались 28 384 чел., в том числе 5669 женщин.

Из общего количества заключенных ИТЛ и Берлага в 1949–1952 гг. более 60% относились к уголовно-бандитскому элементу. Такая ситуация в лагерях Дальстроя сложилась вследствие того, что из центральных районов страны на Колыму перебросили наиболее опасных преступников, выявленных в ходе «чистки» лагерей в 1949–1950 гг.

Это решение МВД СССР было совершенно необоснованным, поскольку ни по характеру производственной деятельности, ни по оснащению лагерей Дальстрой был совершенно не подготовлен к приему подобных контингентов. По состоянию на 1 января 1949 г. на одного заключенного в среднем приходилось в Северном и в Юго-Западном – 1,7 м², в Западном – 1,5 м², в Чукотстрое – 1,4 м², в Чаун-Чукотском – 1,2 м² жилой площади при минимальной норме 2 м².

В дальнейшем вследствие увеличения количества заключенных положение с их размещением в лагерных подразделениях еще более ухудшилось. Из-за нехватки средств планы нового строительства, капитального и текущего ремонтов не выполнялись.

Например, в 1950 г. план строительства бараков был выполнен на 70%, бытовых объектов – на 36%, лечебных учреждений – на 12%, ограждения зон – на 87%, вышек – на 33% и т. д. В результате средняя обеспеченность жилой площадью на одного заключенного не превышала 1,45 м², а в Омсукчанском лагере – 1,23 м², в Индигирском – 1,37 м², в Чукотстрое – 0,48 м², в ЧГПУ – 0,99 м².

Кроме этого, в лагерях сложилась катастрофическая обстановка со снабжением контингентов продовольствием, обмундированием и предметами первой необходимости. Из зимней одежды до нормы не хватало: бушлатов – 38%, телогреек ватных – 33%, шаровар ватных – 47%, шапок-ушанок – 51%. По причинам разутости и раздетости, а также по признакам статейности (бандиты, террористы и т. д.) десятки тысяч заключенных не выводились на работу.

В 1946–1949 гг. из-за резкого увеличения численности заключенных, сокращения государственных фондов и срыва доставки продовольствия в лагерях Колымы и арктических районов царил самый настоящий голод. Запасы продовольствия на снаббазах выражались ничтожными цифрами и обеспечивали 3–5-дневную потребность.

«Зима 1946–1947 гг. по своим климатическим особенностям оказалось тяжелой. Большие снежные заносы в декабре, январе и феврале систематически нарушали транспортные связи... План по вывозу из Магадана грузов был выполнен всего на 68%.

В горные управления не было завезено всего 16 236 т. грузов, главным образом продовольствия и горючего» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 196, л. 32].

Особенно тяжелым было положение в Индигирском ГПУ и ИТЛ, где без продовольствия остались прииски «Тирех-Тях», «Панфиловский», «Богатырь» и крупнейшие участки: «Ат-Урях», «Ночной», «Подобный», в Тенькинском ГПУ прииски «Бодрый», «Ветреный», им. Ворошилова. Не лучше была ситуация со снабжением и в других горнопромышленных управлениях. Причем голодовка приняла затяжной характер, и особенно тяжелым был 1947 г., когда в лагерях умерло 9175 чел., в том числе в ИГПУ – 2292 чел. В последующие годы смертность составляла от 1500 до 2500 чел.

Положение северных лагерей Дальстроя стало просто критическим в 1951 г., когда в результате исключительно большого наводнения в районе ИГПУ с 17 по 28 июня было разрушено 98 жилых и производственных построек в пос. Усть-Нера. Пострадали 12 приисков и особенно сильно «Партизан», «Победа», «Панфиловский», «Юбилейный» и «Разведчик».

В ночь с 16 на 17 декабря 1951 г. в пос. Певек сгорели базисные склады Колымснаба. Пожаром было уничтожено 6 складских зданий, в которых хранилось вещдовольствие для лагерей на сумму

9944,5 тыс. руб., включая 15 000 пар ботинок, 8000 брюк ватных, 4000 телогреек, 20 000 брюк х/б и продовольствие на 8982,7 тыс. руб., в том числе консервов – 105 т, масло растительное – 56 т, а также чай, сахар, крупа и другие продукты.

В рапорте начальнику I Управления Дальстроя МВД СССР о положении Чукотстройлага сообщалось, что срочно нужно *«принять все возможные меры для предотвращения катастрофы, которая уже начинается на комбинате и в лагере. В пос. Иультин... там живут около 1000 человек, и лагерь более 3000 чел. Запасов угля и продуктов на зиму туда завезено не было. ...Уголь и жидкое горючее... кончились; прекращает работу котельная, электростанция, пекарни, столовые... Лагерь уже полтора месяца не отапливается, из продуктов в лагере имеется только мука, овсяная крупа, но отсутствие угля не дает возможности приготовить пищу»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 319, лл. 219, 220].

Достаточно мрачная картина, но она была типичной, и таких примеров можно привести десятки по всем лагерям.

МВД СССР прекрасно знало о том, что происходило на Колыме, но, как отмечал начальник ГУ СДС генерал-майор И. Л. Петренко в своем обращении к начальникам управлений, *«по сложившимся условиям организации производства на Дальнем Севере (Дальстроя) государство вынуждено организовывать это производство, используя в основном труд заключенных, спецпереселенцев и вольнонаемных в любых условиях»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 259а, л. 13].

Наряду с чисто производственными задачами, руководству Дальстроя пришлось принимать экстренные меры по усилению режима содержания заключенных.

В целях устранения разобщения руководства производственными предприятиями и лагерными подразделениями, а также усиления режима в 1947 г. приказом ГУ СДС № 0098 от 27 сентября устанавливалось, что начальники управлений являются начальниками лагерей, а начальники предприятий – начальниками лагерных подразделений [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 195, л. 90]. Они несли полную ответственность за состояние режима, охраны, быта и трудового использования заключенных.

Выполняя приказ МВД СССР № 00198 от 5 марта 1946 г., оперативно-чекистский отдел развернул работу по водворению в лагерь заключенных, проживавших за зонами (кроме оформленных спецпостановлениями), пересмотру списков расконвоированных и сокращению числа бесконвойных. Вводился категорический запрет на выдачу заключенным сухого пайка. Все эти мероприятия были связаны с ростом количества побегов заключенных из числа вновь прибывших контингентов.

В документах неоднократно отмечалось, что уголовно-бандитский элемент, сконцентрированный в лагерях ИТЛ ДС МВД СССР, за последнее время проявляет исключительную активность, что подтверждается рядом фактов.

В 1948 г. в лагподразделениях Севвостлага были зафиксированы 4852 отказа от работ, 281 проявление лагбандитизма и 19 950 других нарушений режима. Органами УМВД по ДС было задержано 3830 беглецов местного и центрального розыска. В донесениях подчеркивалось, что *«беглецы, совершившие побеги из лагерей Дальстроя, особенно в районах Якутской АССР и Чаунском, Анадырском районах Камчатского округа, грабят и истребляют колхозный скот... организуют банды, терроризируют местное население»* [ГАМО, ф.р-80, оп. 1, д. 94, л. 34].

В Западном, Тенькинском, Индигирском, Янском, Северном управлениях и ИТЛ лагерный бандитизм, грабежи, избиения, поножовщина, отказы от работы приобрели массовый характер. За 10 месяцев 1949 г. было отмечено 21 276 случаев нарушений лагерного режима, в том числе 195 лагерного бандитизма. В ходе внутрилагерной борьбы совершено 227 убийств заключенных.

Увеличение нарушений лагерного режима и побегов объяснялось прибытием в 1949 г. в ИТЛ Дальстроя большого количества уголовно-бандитского контингента заключенных из Воркутлага, Севпечлага, Ангарлага и др.

Динамика побегов из ИТЛ ДС МВД СССР

	1949 г.	1950 г.*
Бежало	545	438
Задержано	470	322
Остаток	75	116

*На 30 октября 1950 г.

Динамика побегов в 1949–1950 гг. имела угрожающий характер.

Из подразделений Особого лагеря № 5 МВД СССР в 1949 г. совершено 22 побега. Рост числа побегов был связан со многими причинами, включая необустроенность лагерных подразделений и бесчинства лагерной администрации и охраны. В приказе начальника ГУ СДС МВД СССР № 00200 от 25 ноября «О результатах проверки режима содержания и охраны заключенных Тенькинского лагеря» подчеркивалось, что *«в проверенных лагподразделениях зоны не отвечают требованиям УСВО-43 г. – сделаны из жердей, которые к поперечным планкам привязаны проволокой, в ряде случаев жерди слишком тонки и удалены друг от друга на значительное расстояние, образующее большой ширины щели. Несмотря на это, даже такие представляющие из себя простое обозначение границ лагерной территории, а не препятствие для государственных преступников зоны содержатся в неудовлетворительном состоянии... Запретные и предупредительные зоны отсутствуют. Сигнализации нет, освещение недостаточное...*

Такое состояние зон и вахт... привело к тому, что в 1948 г. из Тенькинского лагеря 26,5% побегов совершили через зоны» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 204, л. 77]. С 1 января по 1 ноября 1948 г. в ТГПУ были совершенны 1133 побега, в том числе 185 центрального розыска. Побеги отличались тщательной подготовкой, организованностью и осуществлялись, как правило, группой (охрана разоружена и убита).

Например, 4 июня 1949 г. на прииске «Днепровский» (ЮЗГПУ) заключенные Д.И. Баранов (ст. 136, 82, Указ от 4/VI-47 г., срок 10 лет), В.В. Горбунов (ст. 193, срок 17 лет), К.З. Траниев (ст. 58-14, срок 10/3), В.Я. Банасенко (ст. 136, 193-7, срок 25/5 лет), П.М. Тарасенко (ст. 58-10, срок 10/5 лет), М.И. Тестов (ст. 58-14, срок 15 лет) убили солдата ВСО и совершили побег, захватив автомат и 30 патронов.

6 июня 1949 г. на прииске «Маршальский» (ИГПУ) з/к Г.Ф. Гарин (ст. 167, 109, срок 10/5 лет) убил жену оперуполномоченного РО МВД, захватил пистолет и совершил побег.

8 июня 1949 г. при побеге з/к з/к с прииска «Верхний Дебин» (ЗГПУ) был убит заместитель командира взвода 5-го дивизиона, 12 июня был совершен групповой побег (6 чел.) с прииска «Горный» (ТГПУ) осужденных по ст. 58 УК и за бандитизм.

В июле 1949 г. из ИТЛ Дальстроя было совершено 60 побегов, из них 18 групповых, в том числе 4 вооруженных с убийством стрелков ВОХР.

Особой жестокостью отличалась банда Лошкарева в составе 11 чел. 1 апреля 1949 г. они убили рабочего Иванникова, нанеся ему 17 ножевых ран; 25 мая совершили вооруженный налет на санчасть прииска «Комсомолец»; 19 июня зверски убили рабочего Казанцева и совершили целый ряд других кровавых преступлений.

Уголовники шли в побег, как правило, с «живыми консервами». В одном из многочисленных спецдонесений на эту тему отмечалось, что 20 мая 1949 г. шесть заключенных совершили вооруженный побег, 2 июня спецгруппа настигла беглецов, которые оказали активное сопротивление (метали гранаты, отстреливались), а затем подорвали себя гранатой. При дознании было установлено, что двое из беглецов были убиты подельниками и разделаны на мясо.

Обстановка в лагерях явно накалялась. В приказе начальника СГПУ № 0031 от 20 июня говорилось, что *«в лагерях СГПУ положение с побегами и другими фактами уголовно-бандитских проявлений также неблагополучно, и они с каждым днем принимают более активный и острый характер...*

Из донесений, поступивших от работников РО МВД и других источников, известно, что уголовно-бандитский элемент, содержащийся в лагере приисков Северного управления, продолжает вести подготовку к более активным действиям, ожидая благополучного момента, тщательно изучает... методы охраны заключенных в лагере и на производстве... Стремятся войти в доверие... использовать прошлое бойцов из числа бывших заключенных, которые превалируют в системе северной ВОХР. Таким образом, выходят из сферы постоянного наблюдения...» [ГАМО, ф.р-80, оп. 1, д. 134, лл. 82, 83].

Все это потребовало принятия экстренных мер по укреплению карательного аппарата Дальстроя.

Одной из основных функций органов УНКВД-УМВД-УМГБ по Дальстрою, наряду с охраной лагерей, борьбой с побегами, контролем за выполнением установленных планов и пр., являлось обеспечение надежной защиты от хищений золота на предприятиях и в процессе его транспортировки.

В начале 30-х гг. доставка золота с приисков и участков в Магадан не имела четко отлаженной схемы и осуществлялась, в нарушение всех инструкций, без специальной охраны, в неприспособленной для этих целей таре (мешках, консервных банках, ведрах и т. д.) гужевым, автомобильным или попутным транспортом. С середины 30-х гг. начали применяться самолеты У-2 авиаотряда Дальстроя. По мере накопления золото отгружалось на пароходы и отправлялось во Владивосток.

Учет добытого металла носил формальный, доверительный характер, и часть его расхищалась на приисках и в ходе транспортировки.

В связи с этим в 1938 г. Наркомом НКВД СССР Н.И. Ежовым был издан приказ № 00527 от 13 августа «О перевозке драгоценных металлов из ДС в Москву». В нем подчеркивалось, что *«существующий порядок перевозки драгоценного металла из ДС через Владивосток в Москву не обеспечивает быстроту доставки и сохранность»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 34, л. 3].

Начальнику пограничных и внутренних войск НКВД СССР комдиву Ковалеву приказывалось в августе-сентябре 1938 г. направить пароход «Ф. Дзержинский» по маршруту Нагаево – Владивосток через Татарский пролив с задачей перевозки золота из Дальстроя, сделав не менее 7 рейсов.

Кроме того, в этом направлении задействовали еще два корабля ГУПВО НКВД СССР. Золото отправлялось партиями от 3 до 5 т под надежной охраной фельдъегерских бригад во главе с начальником отделения УНКВД. Во Владивостоке золото немедленно (накопление категорически запрещалось) отправлялось в Москву с первым курьерским поездом в отдельном вагоне.

Охрана, кроме штатного оружия, снабжалась ручными пулеметами и гранатами. Литерный поезд брался под контроль комиссара ГБ 3-го ранга Бермана.

С 1945 г. по личному распоряжению Наркома внутренних дел Л. П. Берия (приказ ГУ СДС НКВД СССР № 0046 от 16 июля 1945 г.) перевозка золота из Магадана и Сусумана в Хабаровск стала осуществляться двумя самолетами «Дуглас» авиаотряда Дальстроя и двумя ГУ ГВФ. Самолеты отправлялись с аэродрома 13-го км, имея на борту 1200–1250 кг золота.

Установленный порядок (приказы и инструкции НКВД-МВД СССР неоднократно корректировались) исключал возможность хищений драгметалла в пути следования на «материк». Однако в 1946 г. ситуация обострилась в связи с вывозом из ДС большого количества вольнонаемных, у которых истек срок договора, и бывших заключенных, отбывших наказания в лагерях УСВИТЛа.

В приказе по ГУ СДС № 081 от 19 сентября 1946 г. говорилось, что *«в связи с предстоящим вывозом большого количества вольнонаемных рабочих... главным образом бывших заключенных, в центральные области СССР имеются случаи, когда похищают золото с целью вывоза»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 188, л. 205]. Органам УМВД предписывалось проводить *«тщательный обыск всех выезжающих вольнонаемных... а также горнадзора из числа бывших заключенных»*, сосредоточенных в транзитном городке и морском порту, перед посадкой на пароходы [Там же].

По оперативным данным, основным источником «непроизводительных потерь» металла, количество которых постоянно возрастало, являлись золотодобывающие предприятия.

В циркуляре ГУ СДС № 0533 от 7 августа 1946 г. подчеркивалось, что за последнее время резко участились случаи хищения золота с промприборов, вашгердов при доводке концентрата, из золотоприемных касс, с участков и приисков.

Инструкции и приказы ГУ СДС (№ 015 от 12 апреля 1943 г., № 062 от 17 июля 1947 г.), регламентировавшие порядок съемки, транспортировки, хранения и учета, как правило, не соблюдались:

на большинстве промприборов не пломбировались головные части шлюзов и самородкоулавливающих устройств;

при разработке песков даже с очень богатым содержанием в шахтах и забоях отсутствовали контроль и охрана золота в момент его добычи;

транспортировка золота от промприборов и участков к ЗПК часто производилась в неопломбированных мешочках, банках и т. д. без охраны;

золотоприемные кассы на многих приисках размещались в неприспособленных помещениях, а золото хранилось в простых ящиках;

проверка и клеймение весов в ЗПК не осуществлялись, что приводило к большим расхождениям – от 17 до 95 г при каждой сдаче золота.

Эти обстоятельства способствовали массовому хищению золота заключенными, вольнонаемными рабочими и служащими, стрелками ВОХР-ВСО.

Черный рынок подразделялся на легальный и криминальный. Заключенные похищали золото в основном в местах добычи для обмена на продукты питания и пр., а также при подготовке к побегам.

Например, заключенные Иванов и Новиков с ОЛПа «Перспективный» в 1949–1951 гг. продали перекупщикам 65 кг золота.

Министр МВД СССР С. Н. Круглов отмечал в своем письме от 17 июня 1950 г. многочисленные случаи хищения золота на предприятиях Дальстроя и требовал принять самые энергичные меры.

В целом по Дальстрою в 1950 г. официально было выявлено 97 случаев хищения золота и изъято 26 374 г, в 1951 г. – 110 случаев и 63 938 г, в том числе по Западному ИТЛ и ГПУ – 56 383 г, и осуждены 94 чел., включая 66 заключенных.

В 1951–1952 гг. в целях своевременного вскрытия фактов хищения золота была усилена агентурно-осведомительская сеть. В 1951 г. она состояла из 293 чел., в том числе резидентов – 6, агентов – 21, осведомителей – 266 чел.

В 1952 г. было завербовано целевой агентуры 44 чел. Главное внимание агентуры было сосредоточено в Западном ИТЛ и ГПУ (144 чел.), Тенькинском ИТЛ и ГПУ (86 чел.) и Индигирском ИТЛ и ГПУ (41 чел).

Кроме этого, имелась агентурно-осведомительская сеть по обслуживанию наиболее вероятных каналов вывоза золота из ДС в центральные районы страны – аэропорты: Магадан – 13-й км, Берелех, Сусуман, транзитные городки – № 3, 6, морской порт Нагаево и трасса по направлению на Якутск.

В 1952 г. в результате агентурно-оперативных мероприятий было выявлено 221 хищение и изъято при обысках 48 929 г золота, в том числе в Западном ИТЛ и ГПУ 80 случаев и 32 868 г, в Тенькинском – соответственно 104 и 12 755 г, в Индигирском – 26 и 2078 г.

К уголовной ответственности были привлечены 52 чел., включая 39 заключенных. В пос. Сусуман была вскрыта преступная группа в количестве 11 чел., которая занималась скупкой золота у заключенных.

За 1946–1951 гг. ими было сбыто на «материк» через лиц, прибывавших в Берелехский аэропорт, более 60 кг золота. Например, командиру экипажа ГВФ Берзону, проживавшему в г. Якутске, в 1947–1948 гг. было продано 18 кг, скупщику Базиеву из Новосибирска – 27,5 кг. Преступная группа имела связи в Ташкенте, Краснодаре и других городах.

Массовому хищению золота способствовала нехватка охраны в местах добычи, а также кадровый состав лиц, отвечающих за его сохранность и транспортировку.

Количество производственных объектов, подлежащих круглосуточной охране по горным управлениям, достигало 1120, из них особо охраняемых – 700, в том числе 46 шахт, 538 промприборов, 64 золотоприемные кассы, 14 рудников и фабрик, 2 драги и т. д.

Однако из 2100 охранников, положенных по штату, имелось менее 1000 чел. Как правило, на 3–4 объекта выставлялся один стрелок ВСО.

На приисках и участках отмечались многочисленные факты, когда съемкой, учетом, хранением золота занимались случайные люди, в том числе заключенные, осужденные за хищение социалистической собственности.

Например, на прииске «Тангора» трижды судимый съемщик Королев похитил 1 кг 498 г золота, на прииске им. Тимошенко дважды судимый Пучков – 698 г.

Заключенный Фельдзон, осужденный на 10 лет, работая завхозом прииска «Ольчан» (ИГПУ), скупал золото за спирт, которое заносил в ведомость на вымышленные фамилии. Таким образом было похищено более 13 кг.

Следует отметить, что хищение золота в размере 200–700 г было вообще обычным делом. Неоднократно вскрывались факты имитации ограблений золотонош, передоверия по «случаю», доставки в пьяном состоянии и элементарных потерь металла в пути.

Кроме явного криминала, широко практиковалось так называемые накапливание «неучтенного» металла мастерами, геологами, начальниками участков и приисков в целях, во-первых, продажи на другие прииски и в разведрайоны, где оплата за 1 г была более высокая, и, во-вторых, для покрытия плановых издержек.

В этом случае каждому работнику давалось задание добыть определенное количество металла где угодно и как угодно. Металлом были «обложены» все: дневальные, повара, работники магазинов, ларьков, маркшейдеры и даже съемщики с промприборов.

Таким образом, людей совершенно официально толкали на преступный путь хищений и скупки золота.

Например, начальник прииска «Бурхала» заставлял съемщиков ежедневно сдавать ему по 100 г, начальники лагпунктов требовали от заключенных приносить в лагерь золото, которое те были вынуждены изымать с промприборов. Таким образом начальник лагпункта прииска «Бурхала» только за июль 1951 г. сдал 17 кг золота и т. д.

Важным источником хищений являлась добыча золота лотками и «малыми формами». Для этих целей привлекалось большое количество заключенных и вольнонаемных, которые работали практически без всякого контроля и учета и часто добывали золото не в указанных местах, а из подготовленных песков для промывочных приборов, где среднее содержание было значительно выше. Кроме этого, существовало «бесхозное, неучтенное золото».

В акте комиссии МВД СССР, обследовавшей Северное, Западное, Индигирское и Тенькинское ИТЛ и ГПУ (19 приисков, 3 золотоизвлекательные фабрики и 3 РайГРУ) в 1951 г., отмечалось, что вопрос хранения большого количества золота в районных геологоразведочных управлениях, ИТЛ и ГПУ не приобрел актуального значения. Отсутствует элементарный учет приема и наличия имеющегося золота. Например, на участке «Торопливый» прииска «Горный» у мастера было найдено 20 кг золото, на прииске «Беличан» (ЗГПУ) у старшего геолога* было обнаружено 3400 г золота, в том числе 2671 г нигде не учтенного, на прииске «Бурхала» – 760 г, на прииске «Юбилейный» – 648 г и т. д. [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 284, л. 126].

В Индигирском, Тенькинском геологоразведочных управлениях на золоторудных комбинатах «хранилось» 32 кг неучтенного металла. Кроме этого, золото находили в капсюлях-детонаторах, охотничьих патронах, папиросах, в искусственных раковинах трубопроводов и т. д.

В связи с обострением криминальной обстановки в Севвостлаге руководство МВД СССР потребовало резко усилить режим содержания особо опасных контингентов.

В соответствии с приказом МВД СССР № 00516 от 1948 г. и ГУ СДС № 0041 от 14 февраля 1949 г. в УСВИТЛе началось оснащение лагерных подразделений строгого режима специальными средствами защиты, причем вне всякой очереди, за счет средств, ассигнованных на лагерное строительство. С. Н. Круглов в приказе № 0468 от 25 марта 1952 г. указал на необходимость применения в лагподразделениях технических средств охраны путем их массового производства и внедрения в службу караулов и конвоев, что в большинстве случаев не выполнялось.

В детальном перечне мер по содержанию, изоляции, трудовому использованию заключенных лагерей строгого режима (приказ ГУ СДС № 008 от 22 февраля 1949 г.) есть и задание изготовить на месте в необходимом количестве смирительные рубашки и снабдить ими все лагерные подразделения.

---

*Фамилии опускаются.

Заключенных строгого режима запрещалось использовать на бесконвойных работах; производственные и жилые зоны оборудовались техническими средствами (ракеты, хлопушки и т. д.), через каждые 100–150 м периметра выставлялись караульные собаки. За пределами зон, на расстоянии 500–1000 м создавались секреты. Вводился особый порядок конвоирования и надзора в период выполнения работ.

Кроме этого, в каждом лагере оборудовались бараки строгого режима для содержания особо опасного и склонного к побегам контингента. 2 декабря 1949 г. был утвержден «План мероприятий по усилению режима содержания и охраны заключенных в лагерях Дальстроя».

От начальников горных управлений и других предприятий требовалось в срок до 1 января 1950 г. *«принять решительные меры к созданию необходимых условий для подлежащей изоляции государственных преступников... привести в порядок зоны лагподразделений, обеспечить их достаточным освещением, отремонтировать изоляторы, оборудовать бараки усиленного режима и изолировать наиболее отрицательный контрреволюционно-бандитский элемент»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 221, л. 2].

Кроме этого, предлагалось пересмотреть мелкие командировки, максимально сократить их количество, всех расконвоированных в нарушение приказа МВД СССР № 0286 законвоировать, разработать оперативный план по розыску и задержанию до 30 декабря 1950 г. максимально возможного количества преступников*.

В приказе исполняющего обязанности начальника ГУ СДС № 00354 от 2 декабря 1949 г. полковника Кузнецова подчеркивалось, что все руководящие работники предприятий и лагерей *«будут нести серьезную ответственность за допуск побегов государственных преступников и бандпроявления со стороны заключенных»* [Там же].

Однако, несмотря на принимаемые меры, ситуация в лагерях продолжала ухудшаться и в 1950–1951 гг. В 1950 г. бежало из ИТЛ 576 чел., в 1951 г. – 752 чел., в том числе через зоны – 120, вахты – 46, из-под конвоя – 383, из изоляторов – 20 и бесконвойных – 232 чел.

27 июля 1951 г. группа в составе 3 чел. (прииск им. Буденного, ТГПУ) сделали подкоп, напали на стрелка охраны, разоружили его, а затем, убив 2 стрелков и 3 сотрудников опергруппы, ушли в побег.

28 июня группа заключенных Индигирского лагеря, разоружив конвой, захватила катер, на котором совершила побег. За июнь-июль 1951 г. в лагерях Дальстроя было совершено 10 вооруженных побегов (63 чел.) и убито 16 охранников. В Северном ИТЛ за полгода было допущено 68 побегов, в том числе 12 групповых.

Вследствие низкого качества розыскной службы в 1951 г. осталось 107 незадержанных беглецов. Наибольшее количество побегов дали Западный, Индигирский, Тенькинский, Дорожный и Северный ИТЛ.

В акте приема-передачи Дальстроя от 30 октября 1950 г. отмечалось, что *«условия даже изоляции заключенных, состоящих преимущественно из числа опасных государственных преступников с большими сроками наказания... не могут быть признаны удовлетворительными»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 260, л. 87].

В лагерях имелось всего: каторжных лагподразделений – 6 (вместимостью 2547 чел.), строгого режима – 7 (1793 чел.), штрафных – 3 (660 чел.), усиленного режима – 5 (2898 чел.) Строительство 10 спецлагерей строгого режима в 1949–1950 гг. из-за отсутствия средств практически не велось. Комиссия МВД СССР в 1950 г., констатировала: *«Осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, грабежи, разбой и другие тяжелые преступления размещены совместно с остальным контингентом, причем значительная часть этих преступников, вопреки распоряжению МВД СССР № 232 1950 г., используется старостами зон, нарядчиками, бригадирами, поварами и на других должностях»* [Там же. Л. 196].

Заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник И. Серов писал начальнику Дальстроя генерал-майору И. Л. Петренко, что *«особую тревогу вызывают непрекращающиеся дерзкие бандитские проявления со стороны уголовников-рецидивистов... Выявление среди заключенных-рецидивистов враждующих групп, изоляция их друг от друга и в целом этого элемента от остальной массы заключенных, в том числе в специальных лагерных подразделениях строгого режима, не обеспечивается...*

МВД СССР обращает Ваше внимание на необходимость устранения отмеченных недочетов в самый короткий срок» [Там же. Д. 255, лл. 111, 112].

В 1950 г. было официально зарегистрировано 313 случаев лагерного бандитизма с убийством 326 заключенных, в 1951 г. – соответственно 284 и 297 чел.

В справке работников прокуратуры Дальстроя и представителей Главной военной прокуратуры СССР по этому поводу говорилось: *«В лагерях происходит борьба враждующих группировок, которая ведет к поножовщине и лагерному бандитизму... террор со стороны лагерной администрации... В лагерях Дальстроя заключенные по статейному признаку не разделены... Есть сигналы о том, что надзорсостав терроризирует заключенных.*

---

*На 1 декабря наибольшее количество невозвращенных беглецов составляло: в ЗГПУ – 13 чел., в ИГПУ – 9 чел., в Зырянке – 8 чел.

В Заплаге никакого режима нет... Зырянский лагерь доведен до состояния крайнего развала. Достаточно сказать, что там нет ни одной зоны... Огромное количество расконвоированных, которые пьянствуют, хулиганят и совершают преступления в поселках... устраивают массовые волынки в лагерях.

УИТЛ систематически засылают в Юго-Западный лагерь из других лагерей уголовно-бандитствующий рецидив, хотя никаких условий для их содержания там нет» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 234, лл. 1–6].

По оценке органов МВД, разгулу бандитизма способствовали два обстоятельства: *«во-первых, поножовщина и борьба группировок, когда под страхом смерти представители одной группировки режут и убивают... представителей другой...*

Эта поножовщина из борьбы... за влияние на уголовный мир... переросла в антисоветскую деятельность отъявленного уголовного рецидива, носящую террористическую форму и направленную против исправительной политики... и трудового использования заключенных. Главная цель любой, как бы они себя ни называли, группировки захватить власть в лагере... вести паразитический образ жизни... запугать и терроризировать остальную массу заключенных.

Второе обстоятельство сводится к абсолютной безнаказанности в судебных инстанциях любого уголовника за любое количество убийств в лагере. Некоторые из них совершают бандитские проявления в лагере систематически... а приговор означает добавление к его 25-летнему сроку несколько, иногда, по сути дела, 2–3 месяцев» [Там же. Л. 280].

Например, бандит Разворотный, судимый более 10 раз и приговоренный в общей сложности к 150 годам ИТЛ, совершил в лагере 6 убийств заключенных и на следствии заявил: *«Резал и буду резать, расстрел отменен, а более 25 лет, которые я имею, вы мне не дадите».*

Рецидивист Смыслов (165 лет лишения свободы) за 2 года убил 10 чел., получив по приговорам суда 100 лет; заключенный Мухамедзянов судился 14 раз и приговорен в общей сложности к 143 годам, в том числе 5 раз за бандитизм, 5 раз за антисоветскую деятельность, дважды приговаривался к расстрелу; заключенный Резько судился 17 раз и приговорен к 225 годам лагерей. Неоднократно судимый заключенный Волков 29 января 1951 г. зверски убил двух заключенных, нанеся одному 23, а другому – 24 ножевые раны. 15 марта был осужден на 25 лет, в ночь со 2 на 3 сентября задушил двух заключенных и, будучи водворенным в изолятор, убил еще одного. Хронический убийца-людоед Малютин заявил на суде: «Я душил и буду душить заключенных».

В отличие от прошлых лет (1932–1944), заключенные группировались в многочисленные уголовные сообщества, отличавшиеся устойчивостью связей, жесткой дисциплиной и беспрекословным подчинением бандитским авторитетам. Они подразделялись: на «воров в законе», «беспредельщиков», «сук», «честных воров», бесконвойщиков и бывших солдат ВСО и самоохраны, отбывавших срок за уголовные преступления.

Как правило, представители этих группировок ставили своей целью (расставив нужных людей в низовой лагадминистрации) установить в зоне воровские порядки и, держа в подчинении основную массу заключенных, диктовать условия руководству лагеря, в том числе и по вопросам выполнения плана. На этой почве часто происходило сращивание уголовной верхушки с оперсоставом и начальниками предприятий. Уголовники были далеки от политики и, более того, являлись страшным орудием при подавлении так называемых антисоветских элементов.

Например, в докладной на имя министра МВД СССР С. Н. Круглова из Сеймчанского РайГру подчеркивалось, что *«между охраной надзорсоставом и лагерной администрацией лагпункта, с одной стороны, и заключенными – с другой, грани почти нет – полное панибратство...*

Особенно в 1951 г. и начале 1952 г. среди заключенных господствовали так называемые блатные, которых боялись не только заключенные, но и вольнонаемные и даже охрана. Имели место факты, когда избивали солдат... Они ходили по квартирам к руководителям и угрожали расправой» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 312, л. 47].

Во вторую группу входили осужденные за воинские преступления, измену Родине, каторжники и члены националистических бандформирований. Последние отличались наибольшей сплоченностью. Поэтому, например, запрещалось размещать чеченцев и ингушей более 3 чел. в одном лагподразделении.

Акты сопротивления (побеги, волынки, нападения на охрану) готовились тщательно, с четко разработанным планом действий, часто с установлением межлагерных связей. Они ставили своей целью массовое освобождение заключенных из лагерей. Однако их требования (как это ни странно) не имели антисоветской направленности.

К третьей относились политические, осужденные за различные антисоветские преступления, хищения социалистической собственности и пр. Четко выраженной организации, по-видимому, не имели и группировались в большинстве по профессиональным и морально-нравственным качествам.

Сформировавшиеся группировки вели постоянную жестокую борьбу за выживание.

В справке «О состоянии и нуждах лагерей Дальстроя» подчеркивалось, что *«в наших лагерях скопилось большое количество совершенно отпетых, уникальных, на все готовых головорезов, имеющих сотни лет тюремных приговоров, на которых не действуют... любые, самые крутые уставные меры воздействия»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 324, л. 282].

Начальник ГУ СДС И. Ф. Митраков отмечал, что причины, способствующие проявлению лагерного бандитизма и побегов, общие и сводятся к следующему: *«1) Из года в год увеличивающееся насыщение... уголовно-бандитствующим элементом. Это насыщение носит характер планомерной очистки хорошо приспособленных к содержанию рецидива лагерей глубинных районов страны и пополнения им... лагерей Дальстроя. 2) Абсолютная неприспособленность лагерей Дальстроя к содержанию такого рода контингентов, обусловленная резким многолетним отставанием лагерного строительства»* [Там же. Д. 282, л. 159].

Действительно, в Дальстрое (1949–1950) не было ни одной тюрьмы, ни одного каменного изолятора; так называемые лагеря строгого режима могли вместить до 3000 чел., при необходимости – 30 000 чел. Из 317 жилых зон 217 требовали коренной реконструкции, из 1600 рабочих зон были оборудованы только 64.

Заместитель начальника ГУ СДС по лагерю генерал-лейтенант Г. С. Жуков докладывал министру МВД С. Н. Круглову: *«ГУЛАГ... произвел чистку лагерей страны, направив в наши совершенно неприспособленные, необорудованные, плохо оснащенные лагеря, в бараки таежного типа, отъявленных головорезов, с которыми не могли справиться в уставных изоляторах, бурах, зурах на "материке". Таким образом, благополучная картина с побегами в ряде лагерей создана... за счет Дальстроя»* [Там же].

Для стабилизации и исправления положения в лагерях руководство Дальстроя предлагало:

1) прекратить рассматривать Дальстрой как лагерь строгого режима. Учитывая близость Дальстроя к США, запретить завозить в течение 2–3 лет уголовно-бандитствующий рецидив;

2) увеличить ассигнования на лагерное строительство и фонды колючей проволоки (с 600 до 1000 т);

3) еще раз поставить в правительстве вопрос о применении смертной казни за лагерный бандитизм, вооруженные групповые и повторные побеги;

4) перевести ВОХР на призывной контингент. И ряд других мер, решение которых зависело от МВД СССР и Советского правительства.

Однако было ясно, что отработанные годами карательные формы и методы лагерной работы в данных условиях не давали эффекта, и основной упор был сделан на активизацию оперработы органов УМГБ по ДС и I отдела УСВИТЛа по выявлению бандитских авторитетов, разложению группировок изнутри, предотвращению побегов и т. д.

С 1 января 1950 г. по 1 января 1952 г. осведомительная сеть агентуры среди заключенных увеличилась с 5087 до 8467 чел. Все водители (более 2000 чел.) были предупреждены под расписку об уголовной ответственности за провоз необозначенных в путевых листах лиц. В результате деятельности агентурной сети органами УМГБ и ВСО в 1951 г. было предотвращено 30 вооруженных побегов (204 чел.), 369 групповых (1136 чел.), 976 одиночных и 262 бандпровления. К уголовной ответственности привлечены 2198 чел., в том числе 1051 за побеги и 1147 за бандитизм.

В 1952 г. эффективность агентурной работы еще более повысилась: раскрыта подготовка побегов – 3548 чел., не допущено убийств заключенных – 300, уничтожены 53 бандитские шайки.

Оперативно-розыскной отдел УМГБ закрыл своей агентурой участки: Магадан – 87-й км, Уптарская долина с поселками побережья: Армань, Тауйск, Балаганное; 87-й км – «Левый берег», с пос. Атка, Черное озеро, Стрелка, Среднекан, Усть-Омчуг; прииск «Комсомолец – Кулу»; Кадыкчан – Адыгалах – Хандыга – Алдан.

Приказом ГУ СДС МВД СССР № 0109 от 28 февраля 1952 г. был создан оперативно-розыскной отдел трассы с агентурно-осведомительским аппаратом: маршрутных агентов – 4 чел., осведомителей – 130, членов бригад содействия – 203. С февраля по сентябрь при их помощи было задержано 35 беглецов из лагерей и 34 убийцы и бандита.

Таким образом, были блокированы основные направления побегов: Магадан, Якутск (по Хандыгской трассе), морские порты Певек, Эгвекинот, Тауйск и другие населенные пункты Охотского побережья.

На трассе была создана сеть оперпостов, маневренных групп, блокпостов и подвижных КПП, общей численностью 800 солдат и офицеров.

В 1952 г. количество лагкомандировок и мелких точек (от 5 до 20 чел.) сократилось с 761 до 412, а количество бесконвойных уменьшилось с 42 800 до 32 300 чел. (21,3% к общему числу заключенных).

В результате принятых мер лагеря Транспортный, Ушосдорлаг, Юго-Западный, Дорожный, Чаун-Чукотский, Янский, Чукотский, Транзитный, Зырянский, Чаунский, Стройлаг и лагерь БерГРУ не имели ни одного неликвидированного побега.

И. Ф. Митраков докладывал в МВД СССР, что *«удалось добиться некоторого улучшения основных звеньев службы. Однако мы считаем, что положение в лагерях Дальстроя продолжает оставаться чрезвычайно напряженным»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 364, л. 136].

С 1 января по 15 ноября 1952 г. из лагерей совершили побег 315 чел., в том числе вооруженных – 5 (30 чел.), групповых – 59 (15 чел.), одиночных – 134 чел. Причем 238 чел. бежали из-под конвоя, что составляло 75% от общего числа.

В целом рост преступности в районах Дальстроя по сравнению с 1951 г. составил 44%. Поступившие из Ванинского транзитного отделения контингенты заключенных еще более усугубили обстановку.

В отчете спецбригады МВД СССР, занимавшейся проверкой Ванинского отделения и организацией отправки заключенных на Колыму и в Заполярье, подчеркивалось, что основным недостатком в организации этапирования заключенных, характерным для большинства прибывших в Ванино эшелонов, является плохая осведомленность сопровождающих эшелоны оперуполномоченных о враждующих группировках заключенных, о наличии «авторитетов», о побеговых намерениях и настроениях среди этапируемых контингентов. В своем большинстве никакой работы с агентурно-осведомительской сетью оперуполномоченные как в период формирования этапов, так и в пути следования по железной дороге не ведут, сама сеть крайне малочисленна и неработоспособна.

Указанный недостаток в постановке оперативного обслуживания этапируемых заключенных затрудняет борьбу с бандпроявлениями, которые возникают, как правило, в первые дни прибытия новых эшелонов в транзитное отделение Ванинского отделения.

Начальник управления МВД по Хабаровскому краю генерал-майор В. Царев сообщал в 1949 г. начальнику ГУЛАГа МВД СССР и начальнику Дальстроя, что в Ванинском отделении *«среди заключенных имеется значительное количество опасного уголовно-бандитского элемента... Оперативная обстановка... продолжает оставаться крайне напряженной... Одним только обыском транзитного отделения ИТЛ в зоне № 1 было изъято изготовленных предметов: 160 разного ряда металлических кусков и стержней, 7 молотков, 10 ножей, несколько напильников... и тому подобное. Во второй зоне изъято: 20 самодельных ножей, 30 металлических стержней. Такое же положение в остальных 6-ти зонах»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 259а, лл. 81, 82].

За участие в массовых беспорядках были привлечены к уголовной ответственности 43 чел. Заключенный Федоров (он же С. Ф. Витковский) организовал бандитскую группу из 8 осужденных по ст. 59 ч. 3 УК (сроки по 25 лет). 17 января 1949 г., находясь в бараке усиленного режима, убили 3 з/к из обслуги, взяли в заложники надзирателя. После длительной осады 2 февраля сдались, имея при себе 35 ножей и 13 пик. Заключенный Упоров с подельниками убили 2 заключенных и ранили 3, а 17 февраля 1949 г. эта же группа взяла в заложники 3 стрелков ВОХР, захватила помещение санчасти и под угрозой убийства задержала начальника спецчасти лагеря, начальника санчасти и старшего фельдшера. Затем сдались.

Эти и подобные им «ребятки» отправились на Колыму. Несмотря на принимаемые меры, положение в Ванинском отделении не улучшилось.

Начальник ГУЛАГа МВД СССР генерал-лейтенант И. Долгих писал министру МВД С. Н. Круглову: *«Среди этапируемых на Колыму контингентов отмечается исключительная активизация побеговых намерений. За месячный срок пребывания бригады в Ванино из транзитного отделения было совершено 3 групповых побега заключенных общим числом 8 чел. ...За то же время было обнаружено 8 подкопов и через осведомительную сеть предупреждено 20 побегов. Значительное число попыток к побегам путем пролома стен и полов ж. д. вагонов было ликвидировано конвойной охраной в пути следования эшелонов... В жилых зонах имеют место бандитские проявления, неповиновения... допущено 8 одиночных бандпроявлений с убийством 8 заключенных...»* [Там же. Л. 179].

Несмотря на протесты руководства Дальстроя, этапы особо опасных преступников продолжали поступать в лагеря Колымы, обостряя и без того взрывоопасную обстановку.

В принципе у Дальстроя не было альтернативы. После совещания в МВД СССР, состоявшегося в феврале 1952 г., зам. начальника ГУ СДС генерал-лейтенант Г. С. Жуков докладывал: *«Центральной задачей нашего Министерства... является проведение исправительно-трудовой политики... Тов. Круглов подверг резкой критике крупных руководителей, таких как начальники строительства Куйбышевской ГЭС, Сталинградской ГЭС за то, что они выполнение производственных задач не сочетают с вопросами исправительно-трудовой политики...*

Производственник нам нужен не только как производственник, он нужен как чекист» [Там же. Д. 324, лл. 165, 267].

Яснее не скажешь. И далее он подчеркнул, что *«за последнее время резко изменился контингент заключенных. К нам и впредь будут поступать подонки общества, которых трудно держать в руках»* [Там же. Л. 166].

Пытаясь разрядить обстановку, руководство Дальстроя отправляло наиболее опасных заключенных из центральных промышленных районов все дальше на Север – в Янстройлаг, Зырянлаг, Заплаг, Индалаг.

Заплаг был *«самым тяжелым лагерем Дальстроя и давал побегов больше, чем другие»*, а *«Янстроевский ИТЛ... по режиму содержания и охране заключенных являлся одним из неблагополучных не только в системе лагерей Дальстроя, но и в системе всех лагерей министерства»* [Там же. Л. 168; д. 313, л. 164].

В декабре 1951 г. в Янстройлаг прибыл крупный этап особо опасных преступников из центральных районов страны, в том числе из Норильска, которые начали устанавливать свои порядки. Криминальная обстановка резко ухудшилась.

24 января 1952 г. группа заключенных напала на конвой в целях убийства и захвата оружия, 24 марта на объекте лагпункта «Тополиный» 16 заключенных совершили убийство 2 конвоиров, захватив оружие, убили (после зверских пыток сожгли живого на костре) еще одного солдата. В ходе ликвидации банды после длительного преследования было убито 12 чел., 2 съели сами бандиты и 2 взяли в плен.

18 марта 30 заключенных-долгосрочников на лагпункте «Ольчан» пытались совершить побег через вахту; 4 апреля 6 заключенных из лагпункта «ДСП-4» напали на конвоиров, пытаясь их разоружить; 13 июня 4 заключенных с лагпункта «Ольчан» убили двух солдат, захватили оружие и напали на конвой соседней бригады, убили еще двух конвоиров. Банда ушла в побег, но была ликвидирована.

Всего с января по август из Янстройлага бежали 43 особо опасных преступника, оружие применялось 12 раз. Это стало обычным делом.

11 января 1952 г. вспыхнула опасная «волынка» в ОЛПе № 3 Чукотстройлага, где 500 заключенных отказались выйти на работу, требуя освободить из барака усиленного режима содержащихся там товарищей. Во время подавления «волынки» заключенные оказали активное вооруженное сопротивление ножами и пиками, стремясь разоружить охрану.

В результате применения оружия среди заключенных были убиты 13 и ранены 8. В целом по лагерям Дальстроя только с января по май 1951 г. было зафиксировано документально 112 случаев применения оружия, в результате убиты 101 заключенный и 11 вольнонаемных.

Кроме Янстройлага, напряженное положение было в Индигирском, Западном, Тенькинском, Омсукчанском и Ожогинском ИТЛ.

Так, Западный ИТЛ в 1952 г. допустил побеги 49 преступников (15,7% от общего числа побегов по ДС), из Индигирского бежали 35 чел. (11,1%), из Тенькинского – 25 чел. (8%).

Наиболее неблагополучными по составу заключенных являлись лагподразделения: ОЛП-4 Янстроя (2 вооруженных побега и 3 групповых – 31 чел.), ОЛП-2 Янстроя (3 групповых побега), ОЛП прииска им. Буденного Тенькинского ИТЛ (1 вооруженный – 10 чел.), ОЛП прииска «Перспективный» Западного ИТЛ (1 вооруженный и 1 групповой – 7 чел.), ОЛП прииска «Широкий» Западного ИТЛ (3 групповых, 1 одиночный – 8 чел.), ОЛП прииска им. Чкалова Западного ИТЛ (2 групповых, 3 одиночных – 7 чел.), а также ОЛП РайГРУ Индигирского ИТЛ, ОЛП рудника «Галимый» Омсукчанского ИТЛ, ОЛП прииска «Красноармейский» Чаун-Чукотского ИТЛ, ОЛП «Дорожный» Чаунского ИТЛ, ОЛП «Маршальский» Индигирского ИТЛ и ряд других.

Кроме побегов, опаснейшей формой сопротивления стала динамитная война. На всех без исключения горных предприятиях отмечались факты хищения взрывчатых веществ, капсюлей-детонаторов, бикфордова шнура. Взрывчатые материалы применялись для изготовления гранат, подрыва административных и хозяйственных построек.

13 августа 1949 г. на прииске «Беличан» ЗГПУ взрывник А. Т. Иванов зашел в столовую и произвел самоподрыв зарядом аммонита весом более 2 кг, убив и покалечив несколько десятков заключенных.

На прииске им. Горького 21 января 1951 г. было найдено в снегу 40 кг аммонита, 60 зажигательных трубок и 16 электродетонаторов.

11 мая 1951 г. на прииске им. Гастелло ТГПУ при ликвидации побега заключенных у них было изъято: самодельных гранат-«куропаток» – 8 шт. массой по 600 г, капсюлей-детонаторов – 22 шт., бикфордова шнура – 10 м. На шахте № 276 заключенные устроили настоящую мастерскую по изготовлению самодельных зарядов.

12 мая в ходе обыска в ОЛПе № 10 «Нерючи» обнаружили 13 гранат массой по 2 кг, патронированного аммонита 6,5 кг, бикфордова шнура 6 м, капсюлей-детонаторов 17 шт. и т. д.

Похищенной взрывчаткой заключенные подорвали здания лагерной администрации и хозяйственные постройки на приисках «Дебин», «Тангора», «Спокойный», им. Калинина, на ОЛПе «Бурхала» и взорвали складские помещения в Теньлаге.

В приказе по ГУ СДС № 032 от 30 мая 1951 г. говорилось, что *«отсутствие надлежащего контроля за взрывчаткой... приводит к тому, что эти средства являются достоянием з/к з/к и приносятся в зоны лагеря, где з/к занимаются членовредительством, подрывая самих себя, и т. д. ...На ряде приисков имело место совершение террористических актов»* [ГАМО, ф.р-80, оп. 1, д. 210, лл. 110, 111].

Массовым явлением стало членовредительство при помощи капсюлей-детонаторов – заключенные отрывали себе руки, ноги, лишь бы уйти от этой каторги.

Например, 31 октября 1952 г. заключенный В. Т. Еременко (судим по ст. 58-14, срок 20 лет) совершил акт членовредительства путем подрыва обеих ступней ног.

Активно применялись взрывчатые вещества и во внутрилагерной борьбе бандитских группировок. Например, 28 октября 1949 г. за убийство 3 «честных воров» их товарищи взорвали изолятор, где содержались «суки»; в Теньлаге «честные воры» взорвали барак «беспредельщиков» и т. д.

В 1951 г. даже в Береговом лагере № 5 МВД, несмотря на строгий режим и постоянные обыски, были раскрыты две «антисоветские повстанческие группы» (по терминологии органов безопасности), которые похищали взрывчатые вещества, изготовляли самодельные гранаты и разрабатывали планы нападения на администрацию.

Таким образом, в 1946–1953 гг. в связи с увеличением численности заключенных и ухудшением криминальной обстановки первостепенное значение приобрела задача надежной охраны особо опасных контингентов.

Проблема комплектования и материально-технического обеспечения подразделений военизированной охраны имела глубокие корни и особенности.

В отличие от других лагерей ГУЛАГа, в Дальстрое ВОХР состояла из военизированной стрелковой охраны, несшей службу в лагерях, военизированной охраны 1-й категории, специальных подразделений по охране золота и важнейших объектов (100 чел.) и ведомственной военизированной охраны (4000 чел.).

«Учитывая, что ряд лагерей страны (Енисейстрой, Куйбышевгидрострой и некоторые др.), – отмечалось в докладе в МВД СССР, – *находясь в более преимущественном положении, имеют лимит 12% охраны, необходимо войти в Правительство Союза ССР об установлении для ИТЛ Дальстроя в 1953 г. лимита ВСО для охраны лагерей в 12%»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 259а, л. 173].

До конца 40-х гг. личный состав охраны набирался из вольнонаемных-договорников, бывших заключенных и заключенных самоохраны по принципу: «*что хуже – то в охрану! Разбитые поломанные автомашины, непригодные на производстве, – в охрану.*

Начальствующий состав, зарекомендовавший себя с отрицательной стороны в том или ином предприятии, также направлялся в охрану» [Там же. Д. 325, л. 303].

Заместитель начальника Дальстроя генерал-майор Титов писал в справке «О вопросах, требующих разрешения в МВД СССР по линии Севвостлагерей МВД»: *«В связи со значительным увеличением в 1947 г. списочного состава заключенных в лагерях Дальстроя некомплект личного состава военизированной охраны из расчета 7% к числу заключенных составляет 2835 человек. Кроме этого, признаны врачебно-экспертной комиссией непригодными для несения службы... 253 чел. и требуют замены как прослужившие непрерывно без отпусков на Колыме от 8 и более лет 3786 человек, а всего требуется пополнить с учетом некомплекта... – 6874 чел.»* [Там же. Д. 196, л. 133].

Для ликвидации дефицита охраны предлагалось направлять этапы заключенных в Дальстрой вместе с охраной из расчета 6% конвоя, годного для службы на Крайнем Севере. Однако такая постановка не нашла поддержки в МВД СССР.

По состоянию на 15 февраля 1949 г. общая потребность в пополнении охранных подразделений достигла 9878 чел. В середине 1948 г. на основании приказа МВД СССР № 00373 на территорию деятельности Дальстроя прибыли части 86-й дивизии конвойных войск МВД для охраны Особого лагеря № 5 МВД СССР.

Частями дивизии были приняты под охрану лагеря, совершенно не оборудованные и не отвечающие даже минимальным условиям организации надежной охраны. Командир дивизии полковник Автономов докладывал, что если жилые зоны еще кое-как обозначены (ветхие дощатые или твердые изгороди), то производственных зон совершенно нет.

Для пополнения ВОХР, а также для замены стрелков, длительное время работавших на Крайнем Севере, в 1949 г. Дальстрою направлялось 940 чел. срочной службы в счет 2000 чел., подлежащих вербовке (распоряжение МВД № 67 от 2 февраля 1949 г.), и 4 тыс. призывников из Приволжского военного округа. МВД СССР информировало, что *«в связи с тем, что призывной контингент из Закавказских и Среднеазиатских республик по климатическим условиям не может быть использован в охране Дальстроя, а возможности откомандирования вольнонаемного состава охраны из числа старослужащих других лагерей МВД исчерпаны, увеличить численность контингентов для пополнения военизированной стрелковой охраны Дальстроя не представляется возможности»* [Там же. Д. 229а, л. 21].

В принципе лагеря находились в критическом состоянии. В 1950 г. планировалось довести численность военизированной охраны до 17 991 чел. (в том числе 1377 офицеров), в 1951 г. – до 19 450 чел., а фактически на 1 мая 1951 г. имелся всего 13 761 чел. (в том числе 638 офицеров) и некомплект составлял 5689 чел.

В сложившейся обстановке МВД СССР (письмо министра С. Н. Круглова № 493 с/с от 12 января 1952 г.) разрешило содержать в лагерях самоохрану из заключенных сверх установленного лимита военизированной охраны. В приказе говорилось: *«1) с учетом особенностей производственной деятельности каждого ИТЛ в 10-дневный срок установить количество самоохраны... 2) количество сверхлимитной самоохраны из числа з/к з/к установить в пределах 30% к наличию рядового и сержантского состава вольнонаемной охраны каждого лагеря и содержание ее относить за счет производства ИТЛ»* [Там же. Д. 317, л. 183].

Что это была за охрана, можно представить, но обратимся к документам. 22 ноября 1952 г. С. Н. Круглов писал и. о. Главного управления ИТЛ и СДС полковнику Ю. В. Чугуеву: *«МВД СССР неоднократно обращало внимание руководства ДС МВД на неудовлетворительное состояние охраны и режима содержания з/к в лагерях Дальстроя и требовало наведения в этом деле должного порядка. Однако положение с охраной з/к в лагерях Дальстроя не улучшилось. Если во втором квартале с. г. бежало 96 чел., то в третьем – 120 чел., причем соответственно увеличилось и число дерзких групповых и вооруженных побегов... Дисциплина и качество несения службы... находятся на низком уровне. Многие стрелки и сержанты не знают порядка применения оружия, и, как результат этого, только во втором квартале имелось 5 случаев неправильного применения оружия по з/к з/к»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 317, лл. 178, 179].

В другом письме министр подчеркивал, что *«Вами не сделано выводов из неоднократных указаний Министерства и до настоящего времени не приняты меры к наведению порядка в лагерях Дальстроя. Вам надо понять, что МВД СССР в дальнейшем не может терпеть подобного положения и требует принятия более энергичных мер к выполнению приказов... об укреплении режима содержания, изоляции и охраны заключенных»* [Там же. Д. 259а, л. 71].

На совещании «Задачи по дальнейшему укреплению режима и изоляции заключенных и улучшению их трудоиспользования» практически все начальники управлений говорили о том, что *«самым наболевшим вопросом в настоящее время является вопрос об охране»* [Там же. Д. 325, л. 238].

«Засоренность подразделений ВСО и лагерного сектора... в прошлом судимыми, репатриантами, досрочно-освобожденными из лагерей и заключенными самоохраны остается значительной и в целом к общему числу личного состава ВСО составляла 42,3%» [Там же].

Начальник КИРП Елецкий говорил, что *«Зырянский лагерь находится в очень тяжелом положении. Производственные зоны отсутствуют, количество охраны явно недостаточно... Солдаты стоят на посту на открытом ветру при морозе 50–60°. ...Стоя по 12 часов подряд на таком морозе, солдат не столько охраняет заключенных, сколько старается укрыться от мороза и ветра. Сейчас в Угольном районе занято до 30% охраны, в результате чего стоят 5 предприятий – нет охраны».*

Зам. начальника 2-го Управления Мостовой признал, что *«фактически мы ставим на пост гражданское лицо, так как солдат еще не знает своих обязанностей службы и оружия, но все-таки мы вынуждены делать это, так как охраны не хватает.*

Большим злом для охраны является дробление лагеря на отдельные командировки и точки. Например, лагерь ЯГПУ раздроблен на 50 точек, что отрывает до 200 солдат.

В нашей охране мы можем наблюдать отсутствие воинской дисциплины. ...Если солдат будет нести службу по 14 часов, то боевая подготовка немыслима. В Дальстрое охрану ставят на последний план» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 325, лл. 300, 303, 306].

В документах Политуправления и II отдела УСВИТЛа неоднократно отмечалось, что все это способствовало значительному росту проступков и преступлений в подразделениях ВСО. *«Нарушения советской законности имеют место во всех лагерных управлениях и подразделениях Дальстроя МВД»* [Там же. Л. 257]. Пьянки, избиения заключенных, уходы с постов отмечались постоянно в оперативных донесениях.

Например, 30 декабря 1951 г. рядовой 2-го дивизиона 74-го отряда Демченко напился пьяным, взял карабин и пытался убить сержанта Князева и ножом ранил рядового Моцкалова. 20 апреля 1952 г. зам. начальника ОЛПа № 4 (прииск им. Горького) майор Гаврилов и начальник надзорслужбы Петров после групповой пьянки с заключенными отправились в ШИЗО, где избили двух заключенных. В результате начался бунт. Заключенные взломали стены изолятора и напали на охрану в целях захвата оружия.

11 июля 1952 г. дежурный вахтер ОЛП-9 Маглага пропустил в женскую зону постороннего, который был одет в женское платье, сам напился, бросил пост и ушел спать в барак.

18 июля солдат срочной службы Янского ВСО Г. Н. Жужгов напился, избил несколько заключенных, а одному проломил наганом голову.

23 августа начальник конвоя сержант Кожевников и два других конвоира организовали пьянку с заключенными, а затем изнасиловали женщин-заключенных.

31 июля начальник конвоя Юго-Западного ВСО Бернацкий вместе с конвоем бросили этап и ушли ночевать к женщинам-заключенным.

Лейтенант Козьмин, работавший в лаготделении № 2 Берлага, будучи в нетрезвом состоянии, вместе с резидентом «К» явился в кабинет к майору Канову и стал требовать объяснений ненормального отношения к своему агенту со стороны лагадминистрации. Агент «К», пользуясь покровительством офицера госбезопасности, набросился на майора и избил его до полусмерти.

29 июля из лаготделения № 3 Берлага МВД СССР заключенными Любченко и Юркевич был совершен побег. Через 12 дней при попытке задержания они оказали вооруженное сопротивление и были убиты. Юркевич считался одним из лучших агентов-провокаторов МГБ, но сам оказался организатором побега.

Бежавшие заключенные совершали тяжкие преступления, безжалостно грабили местное население, насиловали женщин, угоняли оленей и пр. Многочисленные факты уголовного произвола в отноше-

нии коренного населения изложены в докладе прокурора Камчатской области В. Сабурова Генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову

Были преступления и более серьезного, «политического» характера. Солдат 1-го взвода 2-го дивизиона Транспортной ВСО Нестеров вступил в сговор с группой опасных преступников. Они поручили ему уничтожить всю охрану ОЛП-3 Дорлага, лагерную администрацию, а затем совместно с ними освободить всех заключенных из лагеря. В ночь на 27 февраля 1952 г. Нестеров убил постового, а затем из автомата расстрелял отдыхающую смену. Все участники этой акции были уничтожены.

В ноябре 1951 г. режимно-оперативной частью лаготделения № 5 было передано в РО МГБ ЮЗГПУ следственное дело на контрреволюционную националистическую повстанческую группу из 6 чел., сознавшихся в том, что существует антисоветская националистическая организация, готовившая вооруженное восстание.

Кроме этого, в УМГБ по ДС расследовались дела: № 27 «Западники» – по окраске повстанцы, № 24 – по окраске уголовно-повстанческая организация, № 20 – по окраске националисты и др.

Что касается террора заключенных со стороны офицеров и солдат охраны, то он нарастал и принял неуправляемый характер. Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Так, при попытке к побегу 25 марта 1952 г. заключенный Панов получил ранение. По распоряжению начальника режима и оперработы лейтенанта Карташева его бросили в снег около морга, а затем лейтенант приказал его просто пристрелить. При отказе надзирателей выполнить приказ он дважды выстрелил заключенному в лицо. Потом его добили.

Заключенный Анышко ОЛП-2 (пос. Первомайский) отказался идти на работу. Не выяснив причину отказа, командир взвода ВСО лейтенант Жуйков в присутствии начальника лагпункта лейтенанта Андреева, начальника ОЛП-2 старшего лейтенанта Панкеева и заключенных расстрелял «виновника» без суда и следствия. Надзиратель ОЛП-3 Чаунского ИТЛ Трушков вместе с заключенными из числа агентуры, находясь в пьяном виде, учинили массовое избиение заключенных. Пострадали 28 чел., в том числе 2 получили тяжелые телесные повреждения.

17 июля опергруппа, прибывшая из пос. Адыгалах в Нагаево, устроила пьянку со стрельбой. Обстреляли автомашину, ранив несколько человек.

26 октября начальник штаба 6-го дивизиона ВСО г. Магадана лейтенант Яшин в пьяном виде избил начальника лагерного пункта № 6 Маглага.

Заключенные транзитного отделения г. Магадана писали в своей жалобе, что *«начальствующий состав и администрация за последнее время встали на ту же самую дорогу, на которой стояли палачи Освенцима и Майданека. Мы, советские люди, временно изолированные от общества, не можем и мысли допустить, что политика Советского правительства и Коммунистической партии встала на путь произвола.*

В связи с этим... произволом в транзитном отделении... мы видим не советских солдат. Мы видим, что начальствующий состав заодно с теми, которые льют кровь в Корее...

В транзитном отделении люди находятся согласно режима в закрытых помещениях, среди нас находятся больные и инвалиды, которым необходима медпомощь. Когда обратились к надзорсоставу, то он категорически отказался ее предоставить. Заключенные... стали выражать протесты... оперуполномоченный Гуревич с военизированной охраной... приняли самые жестокие, сверхчеловеческие меры. Капитан Гуревич приказал охране выводить из барака по одному заключенному, избивать и истязать их. З/к Ковань О. В. – перебили руку, колено, изломали грудную клетку. Чайков Н. Г. – перебили руку, пробили голову, измяли грудную клетку. Иванов В. Г. – перебили руку, пробили голову. Иванов В. И. – сломали руку, изуродовали. Шакиров Г. П. – выломали ребро и руку и т. д. (всего пострадало 10 чел.).

Ко всему этому вызвали пожарную машину и облили всех з/к з/к водой. Бараки, в которых находятся з/к, совершенно не отапливаются. Мы вынуждены были замерзнуть в холодном помещении. Просим Вас, как членов правительства, как русского человека и коммуниста, обратить серьезное внимание на незаконные, нечеловеческие злодеяния лагадминистрации и надзорсостава... В связи с этим объявляем смертельную голодовку с 9 декабря 1951 г. до тех пор, пока эти лица не будут привлечены к ответственности Советского закона. Заключенные транзитного отделения (ЗУРа) 9/XII-51 г.» [ГАМО, ф.р.-23сс, оп. 1, д. 259а, л. 213].

Руководство Дальстроя было обеспокоено (если так можно сказать) валом нарушений советской законности среди солдат и офицеров ВСО и принимало соответствующие меры.

Например, за 1951 г. за эти преступления было осуждено Военным трибуналом 48 чел., в том числе до 3 лет – 20, от 3 до 5 лет – 9, от 5 до 10 лет – 16, от 10 лет и выше – 3 солдата и сержанта охраны.

В 1952 г. были наказаны в дисциплинарном порядке 48 чел., в том числе 3 начальника управлений ИТЛ, 6 зам. начальников по лагерю, 5 начальников Первых отделов и т. д. Из них привлечены к уголовной ответственности 7 чел., уволены – 2 чел., сняты с понижением в должности – 7 чел. и пр.

Однако эти методы не давали эффекта. Большинство лагерных работников за допуск лагбандитизма, нарушение законности оставались безнаказанными. Для этого были веские основания.

В переписке начальника ДС с руководством МВД СССР от 13 марта 1951 г. указывалось, что руководство ДС МВД неоднократно ходатайствовало перед МВД о пополнении военизированной охраны стрелками и сержантами. В то же время из охраны ИТЛ ДС МВД в 1951 г. было уволено 2156 стрелков и сержантов.

В документе говорилось, что МВД СССР обязывает увольнение стрелков и сержантов по окончании срока подписки впредь без разрешения ГУЛАГа МВД СССР прекратить. Возможно, по этой причине подавляющая часть преступлений просто не фиксировалась и, соответственно, не расследовалась.

Так, по Северному ИТЛ из 16 задокументированных случаев (за 1952 г.) расследованы только 4, по Западному ИТЛ из 14 – 5, а по Индигирскому, Тенькинскому, Омсукчанскому, Чаун-Чукотскому практически не было рассмотрено ни одного дела, хотя эти лагеря относились к наиболее неблагополучным. Начальник ЧЧГПУ Туманов прямо заявлял, что из-за отсутствия следователей дела по лагерным преступлениям у них не ведутся.

«В результате этого в перечисленных лагерях среди круга лагерных работников до сих пор процветает атмосфера безнаказанности за совершение преступлений», – отмечалось в справке «О внутрилагерном бандитизме в ИТЛ Дальстроя МВД СССР» [ГАМО, ф.р.-23сс, оп. 1, д. 3256, л. 244].

20 декабря 1952 г. был издан приказ № 01060, в котором четко определялся круг руководящих лиц, имевших доступ в лагерные подразделения и категорически запрещалось посещение жилых зон лагерей личным составом охраны, а также надзирательским составом, не несущим службы.

Однако моральное разложение охраны уже нельзя было остановить никакими, даже самыми жесткими приказами.

Дело было еще и в том, что по сложившейся традиции офицеры, направляемые с «материка» в Дальстрой, как правило, имели многочисленные дисциплинарные взыскания за аморальное поведение, нарушение воинской дисциплины и пр., т. е. это были не лучшие представители сталинской гвардии.

Зам. начальника Дальстроя Г. С. Жуков писал в МВД СССР, что, *«имея в виду наличие в охране, оперативной службе и лагерном секторе части совершенно разложившихся и пропившихся офицеров, дальнейшее пребывание которых совершенно нетерпимо, необходимо разрешить на месте создать комиссию... решением которой уволить таких офицеров в запас»* [Там же. Д. 259а, л. 174].

В документах в разных вариантах подчеркивается мысль о том, что находившиеся на службе в охране люди являются скомпрометированными и не внушающими доверия лицами. Среди работников милиции и ВСО отмечались *«потеря политической бдительности, беспечность, ротозейство»*. В 1952 г. *«более трети состава милиции допустили нарушения дисциплины, различные аморальные проступки, особенно много пьянок, халатного отношения к работе и нарушений советской законности»* [Там же. Л. 101].

В 1952 г. в г. Магадане создаются сержантская и офицерская школы МВД по подготовке офицерского состава для лагерей и военизированной охраны Дальстроя.

Что касается политического ядра Дальстроя, то *«количество нарушений даже среди коммунистов не только не снижалось, а наоборот, из месяца в месяц увеличивалось...»* [Там же. Л. 87].

В начале 50-х гг. разгул бандитизма охватил не только лагеря, но и рабочие поселки, и г. Магадан. В 1952 г. было ликвидировано 20 бандитских группировок, состоявших из бесконвойных заключенных, которые занимались грабежом и убийствами.

Характерно, что именно в эти годы резко увеличился поток писем в МВД СССР, Политбюро ВКП(б), Советскому правительству с требованиями ввести самые жесткие меры для того, чтобы остановить вал преступности на Колыме.

Например, член ВКП(б) Хромов писал Г. М. Маленкову в ЦК ВКП(б): *«Родной Георгий Максимович, живем мы сейчас замечательно и радостно, но один факт крайне омрачает жизнь... о чем не могу умолчать...*

Почему сегодня в нашем передовом социалистическом обществе существует такое массовое зло, как воровство, грабежи и убийство!? Почему в больших городах в 23–24 часа опасно ходить, а во Владивостоке и Находке в 21–22 часа, не говоря уже о Магадане (центр Колымы), где в 20–21 час ежедневно грабят, раздевают, убивают...

Воры и бандиты открыто терроризируют тружеников... О политической ненадежности воров и бандитов нет и речи, безусловно, это убежденные и ярые враги советского народа.

Их надо стрелять. ...Заключенный Белов, который совершил 7 вооруженных побегов и съел 6 человек, его все ненавидели и боялись, а сделать ничего не могли, т. к. закон все запрещал, и лишь в последнем побеге при сопротивлении убили. ...Прошу немедленно ввести расстрел бандитам, ворам и грабителям... Прошу... ввести крайний террор» [Там же. Д. 9312, лл. 2–4].

Такую точку зрения разделяли не только простые граждане, но и руководство Дальстроя. В ответ на запрос заместителя министра МВД СССР П. И. Шмакова заместитель начальника ГУЛ СДС МВД Ю. В. Чугуев писал, что об этих фактах неоднократно сообщалось в МВД СССР и руководство Дальстроя в 1951–1952 гг. дважды ставило вопрос о необходимости введения смертной казни.

Все это говорило о том, что репрессивно-карательные органы уже были не в состоянии взять под действенный контроль взрывоопасную криминальную обстановку на Колыме. Руководство МВД СССР и Дальстроя это понимало, но в рамках сталинской политической системы, краеугольным камнем которой была репрессивная политика, отсутствовала любая альтернатива.

Бесперспективность существования Дальстроя в форме комбината особого типа стала очевидной. Военно-полицейская система управления промышленностью и лагерным хозяйством, раскинувшимся на территории в 3 млн км^2, оказалась неэффективной. Из всего комплекса форм и методов административного регулирования остался только репрессивный ресурс.

Принцип комплектования основной рабочей силы за счет особо опасных преступников превращал Дальстрой из промышленного лагеря в зону особого режима, что в корне противоречило его целям и задачам, а репрессивная политика поставила комбинат особого типа на грань криминального взрыва, чреватого непредсказуемыми последствиями.

И. Ф. Митраков писал начальнику Главного управления военного снабжения МВД СССР генерал-майору Я. Ф. Горностаеву, что, исходя из особых условий ДС и необходимости создания резерва оружия для вооружения советского, партийного актива при чрезвычайных обстоятельствах, просит в первой половине 1952 г. направить в ВСО ИТЛ ДС: пистолетов ТТ – 2000 шт., автоматов – 3500, пулеметов ПД – 250, карабинов – 1000 [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 316, л. 25].

Кроме этого, в «Справке по лагерным вопросам, требующим разрешения в центре» генерал-лейтенант Г. С. Жуков просил в кратчайшие сроки рассмотреть вопрос о выделении ВСО ИТЛ Дальстроя специального вооружения, необходимого для заблаговременной подготовки расчетов к действиям в особых условиях, – ручных и ротных пулеметов, 82–120-миллиметровых минометов, противотанковых ружей, зенитных установок, малокалиберных пушек [Там же. Д. 259а, л. 174].

Говорить о массовом вооруженном восстании заключенных на Колыме, конечно, не приходится, но сам факт перевооружения ВСО тяжелым армейским оружием говорит о том, что обстановка в лагерях была крайне напряженной и руководство Дальстроя теряло нити управления.

Однако в перспективных планах в 50-е гг. МВД СССР по-прежнему предусматривалось дальнейшее освоение Крайнего Севера, в том числе Северо-Востока, за счет массового применения труда заключенных. Репрессивный конвейер остановился только после смерти И. В. Сталина.

2.3.2. Вольнонаемная рабочая сила

Вольнонаемный состав рабочих и служащих Дальстроя формировался в специфических условиях лагерной системы и имел свои особенности.

Решение крупномасштабных задач, поставленных перед Дальстроем по добыче золота и развитию транспортной инфраструктуры, во многом зависело от проблемы обеспечения треста трудовыми ресурсами, основу которых составляли заключенные Севвостлага. В то же время была разработана программа привлечения на Колыму вольнонаемных договорников, предусматривавшая ряд привилегий, не действовавших в других районах СССР.

В соответствии с Постановлением Президиума ЦИК СССР «О льготах для работников треста "Дальстрой"» на вольнонаемных-договорников распространялись все льготы, предусмотренные Постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 августа 1930 г. о льготах для работающих в отдаленных местностях со следующими исправлениями и дополнениями: *«...ежегодная надбавка к зарплате делается в размере 20%, работники представительств и агентов треста... семьи, находящиеся на предприятиях... первой и второй группы, обеспечиваются по нормам госфонда; при полной потере трудоспособности или смерти работника... семье в течение 5-ти лет выплачивается трестом пенсия в размере: 1/2 заработка при окладе до 500 руб. в месяц, 1/3 при окладе 1000 руб., 1/4 при окладе свыше 1000 руб.»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 1, л. 3].

Семьи работников ОГПУ, уехавших для работы в районы Дальстроя, на основе циркуляра ОГПУ № 635/40 от 22 декабря 1932 г. с 1 января прикреплялись к закрытым распределителям органов ОГПУ. Они имели право пользоваться спецстоловыми и посещать медицинские учреждения системы ОГПУ.

Кроме этого, для закрепления особого статуса кадров Дальстроя СТО Постановлением № 1358/398с от 28 октября 1932 г. «О Колыме» предписал *«распространить все издаваемые впредь постановления о льготах и преимуществах золотопромышленности на Дальстрой»* [Там же. Л. 147].

В период организации треста рабочая сила состояла из двух категорий: во-первых, из наличной до Дальстроя рабочей силы, куда относились артели строителей, прибывших в районы приисков и работавших на предприятиях Колымского Главного приискового управления, часть аппарата АКО после

ликвидации конторы АКО. Во-вторых, прибывших путем вербовки вольнонаемных рабочих и служащих в Москве, Владивостоке и в других городах, где имелись агентства и уполномоченные Дальстроя, и из наличной организованной рабочей силы, предоставляемой Севвостлагом [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 401, л. 51].

На 1 января 1933 г. в Дальстрое работали 13 360 чел., в том числе 3095 вольнонаемных. Однако, попав в тяжелые условия Севера, многие из них покидали Колыму уже в первый год работы. Текучесть вольнонаемных рабочих и служащих в 1932 г. составляла от 66,2 до 265% (табл. 28). Отметим, что рабочие кадры, завербованные для работы на Колыме до образования Дальстроя, состояли в основном из деклассированных элементов и авантюристов.

Таблица 28

Текучесть кадров на основном производстве, чел.
[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 401, л. 59]

Горное управление	Состояло на 01.01.1932 г.	Прибыло	Убыло	Состояло на 01.01.1933 г.
Утинское	109	642	209	542
Среднеканское	172	391	167	396
Оротуканское	117	575	138	435

В протоколе Охотско-Эвенского окружкома № 14 от 25 апреля 1932 г. указывалось, что *«в связи с плохим подбором рабсилы на прииска и рыбалки при завозе прошлых лет в золотопромышленном районе и его окрестностях (Ольское побережье) осело значительное количество уголовного элемента, скрывающихся кулаков, летунов – не желающих нигде работать, спиртоносов, картежников и скупщиков золота»* [ЦХСД МО, ф.-1218, оп. 1, д. 31, л. 36].

Было признано целесообразным в связи с организацией УСВИТЛа изолировать этих «старателей» в лагере *«при условии точного соблюдения законоположений и правил о порядке изъятия социально опасного элемента»* [Там же].

В системе Дальстроя вольнонаемные кадры рабочих и служащих отбирались через представительства треста на «материке», причем кандидат должен был соответствовать критериям политической и криминальной благонадежности и обладать необходимой профессиональной подготовкой. Договор заключался только после тщательной проверки в органах НКВД.

В случае отказа по политическим причинам он мотивировался невозможностью использовать человека по данной специальности.

Однако, несмотря на формально жесткий отбор, в первые годы работы треста на Колыму прибывали не лучшие кадры, что, естественно, обостряло криминогенную обстановку на производстве и в быту.

По этому поводу директор Дальстроя Э. П. Берзин отмечал, что *«так называемые "горняки" набраны были с Владивостокского семеновского базара. Тысячи четыре таких работников было. Вся эта компания здесь оседала. Лучшую часть из них мы брали и сажали на работу, худшую часть посадили в определенное место и также поставили работать, а еще другую часть просто пришлось выгнать, ибо они приехали с дюжиной карт в кармане, с гармошкой не для того, чтобы работать... Лошадей в ваннах купали в шампанском, на столах фокстроты танцевали. Вот какие кадры были на Колыме»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 62, л. 39].

В условиях организационно-хозяйственного становления Дальстроя и необходимости в кратчайший срок наладить крупномасштабную добычу золота кадровая проблема являлась одной из важнейших. Особенно это проявлялось в среднем звене управления и непосредственно в сфере производства. На приисках, в дорожном и капитальном строительстве, на автотранспорте ощущался острый дефицит инженерно-технических работников. *«В 1932–1934 гг. желающих ехать сюда работать было немного»* [Там же. Д. 55, л. 21].

Помощник директора Дальстроя по Политчасти Б. А. Булыгин говорил: *«Я считаю неправильным, что... если троцкист или зиновьевец – то посылать его только в канаву или только в разрез. Это неверно потому, что мы... имеем небольшие вольнонаемные кадры. Среди заключенных имеем целый ряд людей со специальностями... Наша задача – все лучшее в лагере использовать на работе. Поэтому должна быть общая установка – использовать все возможное с большей пользой для советской власти, для производства»* [Там же. Д. 76, л. 25].

В определенной степени идеологию «чекистского либерализма» разделяли и другие руководители треста, в том числе Э. П. Берзин, член парткомиссии Р. А. Апин и др. В перспективе развития Даль- строя Э. П. Берзин считал возможным и необходимым перевести все хозяйство на вольнонаемную рабочую силу. На II межрайонной партийной конференции (25–28 января 1936 г.) он говорил: *«Перед нами остро стоит проблема кадров. Лет через 5 в Советском Союзе лагеря существовать перестанут, ибо преступность с каждым годом падает – растет активность и сознательность рабочих и колхозных масс. Рабочих нам получать будет неоткуда, поэтому мы сейчас вопросом создания своих собственных кадров на Колыме должны заниматься, а именно их нужно создавать из тех людей, которые освобождаются... обучать, закреплять, дабы уже часть таких кадров, в виде бригадиров и т. д., уже в этом году работали в Горных управлениях – на приисках»* [Там же. Д. 62, л. 224].

Однако были и противники, ориентировавшиеся только на увеличение контингента заключенных во всех отраслях экономики. Заместитель директора З. А. Алмазов прямо заявлял, что *«некоторые товарищи склонны были опорочить в смысле работоспособности ту рабсилу, которую мы имеем, но, товарищи, постройка Беломорстроя, гигантский разворот строительства Волга – Москва, вторых путей Ухты – Печоры, работ, которые находятся в не менее трудных условиях, чем Колыма, опровергают. Опыт этой работы показал, что при умелом чекистском руководстве и организации этой изолированной от общества массы людей мы можем добиться колоссальных успехов. Поэтому сторонников теории невозможности использования заключенных на наших работах надо бить»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 19].

В условиях дефицита договорников руководство Дальстроя было вынуждено обратить серьезное внимание на заключенных.

Политика «перековки» и оседания бывших заключенных на Колыме, проводимая Э. П. Берзиным в 1932–1936 гг., имела определенный успех. В 1935–1936 гг. были разработаны порядок освобождения и отправки на «материк» бывших заключенных и условия их приема на работу в Дальстрой.

Согласно приказу № 160/164 от 25 мая 1935 г. все освобождавшиеся заключенные концентрировались на пересыльном пункте 36-го км основной трассы. Находясь на пересыльном пункте, они были обязаны работать на лесозаготовках в качестве вольнонаемных рабочих. Всем работающим предоставлялись бесплатное общежитие и за наличный расчет питание, ларьковое довольствие, коммунальные услуги. В случае отказа от работы норма хлеба уменьшалась до 400 г и их переводили в специальные помещения тюремного типа. Из-за отсутствия у освобожденных документов на право жительства в пограничной полосе им запрещалось выходить из пересыльного пункта без пропусков. За нарушение установленного порядка (воровство, драки и пр.) виновные привлекались к уголовной ответственности.

Паспорта получали бывшие заключенные, отбывшие срок без ограничения гражданских прав, на 3 года, а при наличии компрометирующих материалов – не более чем на 1 год.

Процедура приема на работу определялась инструкциями от 25 мая и 20 октября 1935 г., а также приказом № 408 от 21 ноября.

За 3 месяца до освобождения заключенный должен был подать заявление руководителю предприятия для рассмотрения его в УРО УСВИТЛа НКВД.

Кандидат должен был иметь необходимую квалификацию и обязывался отработать в тресте не менее 3 лет.

При зачислении на работу ему выплачивалось пособие в размере 2-месячного оклада работников 1-й группы, 1,5 месячного – 2-й группы и месячный – 3-й группы, в зависимости от квалификации. В случае приезда по специальному вызову семьи оплачивались путевые расходы на каждого иждивенца в размере 1/4 единовременного пособия. Установленные льготы для работников Дальстроя распространялись на бывших заключенных с момента найма.

Особой формой организации вольнонаемной рабочей силы в этот период являлась колонизация. В 1932 г. приказом ОГПУ № 890с от 14 сентября было введено в действие «Временное положение о колонизационных поселках исправительно-трудовых лагерей», в котором говорилось: *«В целях осуществления колонизации и оседания исправившейся части заключенных при лагерях ОГПУ создаются колонизационные поселки... как одна из форм колонизации районов Севера»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 35, л. 2].

На спецпоселение после тщательной проверки переводились осужденные за бытовые, должностные преступления, аграрники (бедняки, середняки, кулаки – ст. 58 УК), а также относящиеся к категориям социально-вредных элементов*.

В инструкции «О льготах лицам из бывших заключенных Севвостлага и колонизации в районе деятельности Дальстроя» подтверждались основные статьи Постановления ЦИК и СНК СССР 1932 г. и вводился ряд новых положений. Колонисты получали право объединяться в коллективы для организации в местах своего проживания огородничества, животноводства и других видов сельского хозяйства. Работа на предприятиях Дальстроя оплачивалась в соответствии с квалификацией по общей тарифной сетке вольнонаемных.

Члены семей пользовались всеми гражданскими правами, в том числе на первоочередное трудоустройство, и рядом других льгот.

Правовое и социальное положение колонистов уточнялось и в дальнейшем в сторону расширения возможностей в части снятия судимости, помилования, восстановления гражданских прав**.

Начальник УСВИТЛа И. Г. Филиппов говорил, что *«руководство Дальстроя и лагеря не ставило лагеря в какое-то изолированное положение. Не называло лагеря крепостью, опутанной пулеметами, проволокой и рвами. Лагерь – это такое же советское учреждение»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 112].

---

*Подробнее см. *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – 217 с.

**Приказ № 84 от 23 февраля 1934 г.; в 1936 г. – «Новое положение о колонизационном Бюро Севвостлага НКВД»; «Временное положение о колонизируемых частях ОЛП Севвостлага НКВД»; «Положение о мастерах высокой производительности труда в лагподразделениях Севвостлага НКВД» и др.

Аналогичную позицию занимал и Э. П. Берзин, который подчеркивал, что *«у нас не инквизиция и не физическое уничтожение людей. Есть установка НКВД... и мы ее соблюдаем»* [Там же. Л. 377].

Однако политика «чекистского либерализма» в отношении вольнонаемных-договорников и бывших заключенных ограничивалась системой жестких мер административного и уголовного воздействия.

В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР об организации Военного трибунала и Военной прокуратуры Тихоокеанского морского флота для рассмотрения всех дел о нарушении трудовой дисциплины рабочих и служащих морского транспорта приказом по Дальстрою № 93 от 28 февраля 1934 г. в Управлении морского транспорта ДС вводился «Устав о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта». Устав предусматривал судебную ответственность за нарушение трудовой дисциплины работников, непосредственно участвующих в эксплуатации, строительстве и ремонте плавсредств. К тягчайшим преступлениям относились: невыполнение отдельных распоряжений, уход с поста, нахождение на службе в нетрезвом состоянии, порча средств транспорта, халатный осмотр механизмов и т. п.

За хищение грузов во время перевозки со всей жесткостью применяли закон от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности. Причем действие этого закона распространялось и за доставку грузов не по назначению. В качестве дисциплинарных наказаний применялись такие меры, как арест с исполнением и без исполнения служебных обязанностей, смещение на низшую должность или увольнение из Дальстроя.

Отметим, что усиление карательных функций в этих условиях было обоснованно. Так, хищения на складах транспортно-складской конторы и в морском порту, грабежи автомашин на трассе уже в 1932–1934 гг. приняли массовый характер.

Начальник УСВИТЛа И. Г. Филиппов в своем приказе от 4 мая 1935 г. подчеркивал, что на Колыме и особенно в Нагаево-Магаданском районе отмечается резкий рост преступлений, насилия, хулиганства, поножовщины, инициаторами которых являлись бывшие заключенные, оставленные для работы по вольному найму.

В одном из многочисленных приказов по этому поводу Э. П. Берзин также отмечал, что *«до последнего времени не прекращаются случаи хищения грузов как с места временного хранения (берег б/х Нагаево), так и в пути следования... Признавая такое положение в дальнейшем недопустимым, приказываю: лиц, уличенных в хищении, немедленно привлекать к ответственности в порядке Постановления ЦИК и СНК СССР от 7/VII-32 г. "Об охране имущества государственных складов"»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 2, л. 215].

Виновные в мелких хищениях договорники подвергались принудительным работам по месту службы сроком на 1 год и удержанию 50% заработной платы в пользу государства, а бывших заключенных немедленно увольняли и отправляли на «материк».

В области тарифной политики согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР об отчислении вознаграждения за работу по количеству и качеству выработанной продукции, в Дальстрое вводился следующий порядок: в случае невыполнения работником нормы выработки по его вине оплата труда производится соответственно количеству выработанной им продукции, без обеспечения работнику какого-либо минимального заработка; если невыполнение норм произошло не по вине работника, в этом случае он должен получить не менее двух третей своей тарифной ставки; в случае систематического невыполнения работник может быть уволен или переведен на другую работу.

Для борьбы с бракоделами и лодырями применялось Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июля 1932 г. «О мерах, способствующих борьбе с простоями и браками на производстве». Каждый неуважительный простой станков, машин, транспорта и людского состава фиксировался особым актом с указанием ответственных, которые лишались оплаты труда. За однодневный прогул без уважительных причин работник подлежал немедленному увольнению из Дальстроя.

Таким образом, несмотря на крайний дефицит рабочей силы из числа вольнонаемных, руководство треста вело беспощадную борьбу с прогульщиками, расхитителями и повальным пьянством на производстве.

В управлениях и на предприятиях вводилась строгая, вплоть до уголовной, ответственность за нарушение рабочего распорядка. В 1934 г. правила, установленные для работников железнодорожного транспорта, были распространены на все подразделения Дальстроя.

Это было связано с тем, что, как отмечалось в приказе № 287 от 17 августа 1935 г., *«трудовая дисциплина на ряде предприятий резко понизилась... хулиганство на производстве и в быту принимает угрожающие размеры... пьянство среди рабочих и служащих, тесно связанное с хулиганством, не менее последнего распространено... Участились случаи явки на работу в нетрезвом виде»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 13, л. 94].

В «Положении о внутреннем распорядке» подчеркивалось, что *«трудовая дисциплина в Управлениях и предприятиях... состоит в обязательном и точном исполнении рабочими и служащими своих обязанностей, беспрекословном и быстром выполнении приказов и распоряжений*

начальников... Трудовая дисциплина обязывает каждого работника Дальстроя: выполнять установленные нормы, строго хранить вверенную по службе государственную тайну» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 9, л. 94].

На предприятиях выстраивалась жесткая вертикаль единоначалия. При сменных работах запрещалось покидать свой участок до прихода сменяющего и отказываться от сверхурочных работ. Применение дисциплинарных взысканий не исключало возможности уголовного преследования за то же нарушение.

Устанавливалась также система индивидуального и позвенного (вместо бригадного) учета норм выработки, простои актировались уже не после 15 мин, а после 1 мин; на земельных работах учитывалась дифференциация выработки по отдельным процессам – рытью земли, наброске в тачки, откатке и т. д.

В оплате труда вольнонаемные уравнивались с заключенными, но с повышающим коэффициентом.

Отбывшие срок заключения официально имели равные права с договорниками, но на практике их положение было несколько иное.

Например, на III партконференции Дальстроя (20–21 апреля 1937 г.) отмечалось, что *«после освобождения они пользуются всеми правами вольнонаемных граждан, а мы имеем устное распоряжение о том, чтобы вольнонаемных сейчас держать в зоне, на общем котле, и на них распространяется лагерный режим»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 77, л. 100].

Это было связано с тем, что они, *«во-первых, бузят, во-вторых, к ним нельзя применять штрафных пайков, а среди них было наибольшее количество отказчиков»* [Там же].

При назначении на руководящие должности бывших заключенных обязательно учитывалось, по каким статьям УК они были осуждены (особенно в отношении контрреволюционеров, антисоветчиков, троцкистов, зиновьевцев и т. д., т. е. политических заключенных).

В 1936 г. количество вольнонаемных рабочих и служащих возросло с 5302 (10,9%) до 9623 чел. (14,3%). Увеличение численности этой категории рабочей силы было достигнуто за счет завоза специалистов и рабочих высокой квалификации по договорам, вовлечения членов семей вольнонаемного персонала в производство, а также за счет возросшего приема на работу бывших заключенных. Из общего количества вольнонаемных 4410 чел. (47,0%) прибыли по договорам из-за пределов Охотско-Колымского района, 4072 чел. (43,3%) являлись бывшими заключенными, в том числе 2397 чел., освобожденных в 1936 г.[77] В то же время за пределы Дальстроя убыли 1643 вольнонаемных работника[78]. Отмечая столь высокую текучесть рабочей силы, следует назвать основную причину.

В акте приемки ДС и проверки производственно-хозяйственной и финансовой деятельности в июне 1938 г. указывалось, что *«в начале 1937 г. в связи с массовым сокращением завезенного количества и отсева работников израсходовано 1 млн 010 тыс. руб. из-за бесхозяйственности бывшего руководства ДС, развернувшего в 1936 г. необоснованный набор вольнонаемной рабсилы, который в дальнейшем не был утвержден НКВД»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 1, д. 111, л. 44].

Страна вступала в полосу политического террора, и руководство НКВД СССР, чьим детищем являлся Дальстрой, посчитало излишним тратить большие средства при наличии избыточной армии заключенных, резко возросшей в 1937 г.

В середине 30-х гг., выполняя решение ЦК ВКП(б) 1935 г., на предприятиях Дальстроя активно внедряли стахановское движение, ударничество, социалистическое соревнование.

Особенностью этого процесса являлось то, что наряду с вольнонаемными в него включались и заключенные.

Политчасть ДС развернула широкую пропагандистскую кампанию, имевшую своей целью при минимальных материальных затратах резко повысить производительность за счет интенсификации ручного труда.

На III партконференции ДС была поставлена задача *«обеспечить дальнейший подъем стахановского движения среди вольнонаемных... развернуть стахановское движение среди лагерников и добиться действительной перековки правонарушителей»* [Там же. Оп. 2, д. 76, л. 408].

Э. П. Берзин указывал в 1936 г., что *«мы не желаем прислушиваться к критике здоровой части з/к з/к, например, стахановцев, ударников... Надо эту критику со стороны рабочих-заключенных как-то уловить. Ведь он не имеет права нам прямо сказать в глаза, он боится, а наша задача эту критику с него получить во что бы то ни стало»* [Там же].

На приисках «8-е Марта», «Партизан», им. Водопьянова и др. создавались стахановские штабы, в работе которых участвовали как вольнонаемные, так и заключенные. На их «совещаниях» решались вопросы повышения производительности труда и внедрения передовых методов добычи золота. *«У нас штабы являются буквально массовой организацией... Присутствуют на штабе не менее*

[77] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 81.
[78] *Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 89.

3/4 лагерного населения, участвуют стахановцы, лучшие бригады... обсуждают, кто что сделал. Тут же принимаем в ударники... Можно подумать даже о ликвидации РУРа, у нас почти нет отказчиков, один-два», – докладывал в политорганы начальник прииска «Партизан» [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 62].

Однако суть стахановского движения и ударничества достаточно ясно сформулировал П. О. Лапин на II межрайонной партконференции (25–28 января 1936 г.).

«Механизации, кроме кайла, лопаты, тачки и коробов, нет. Можно развивать на этой технике наше стахановское движение? Этого добиться можно. Хорошо сделанное кайло, лопата, хорошо насаженная на черенок, дает большой эффект, и работник работает увереннее» [Там же. Д. 62, л. 93].

На практике это означало, что успех стахановского движения зависел от рационализации отдельных видов работ (ледяные дороги, ледяной кювет, вóроты и т. д.) и исключительно от подбора физически крепких бригад.

Официально размах стахановского движения охватил все отрасли промышленности Дальстроя, но фактически в 1937 г. из 8000 вольнонаемных рабочих стахановские нормы выполняли только 537 чел.

Чтобы выполнить установку политчасти ДС, руководители предприятий принялись «выращивать» маяков производства путем обмана и приписок объемов работ.

Например по ЮГПУ в 1936 г. *«из месяца в месяц продолжалось очковтирательство... Когда провели контрольные замеры по всем приискам, то представилась жуткая картина: к 1 января 1937 г. оказалось 80 тыс. куб. м очковтирательства. Вот вам и стахановские методы»* [Там же. Д. 77, л. 64]. Э. П. Берзин в 1936 г. говорил: *«У нас так – ура, ура! Стахановцев масса, а проверили, оказывается липа»* [Там же. Д. 62, л. 62].

Аналогичное положение было и в других управлениях, включая автотранспорт.

На основе таких показателей производительности труда устанавливались повышенные нормы выработки для всех рабочих, и за это *«стахановцев начали избивать прямо в забоях, портить принадлежащий им инвентарь»* и т. д. [Там же. Л. 75].

Стахановские нормы для полуголодных, физически ослабленных, часто больных людей означали быструю смерть. Причем из-за отсутствия каких-либо единых критериев оценки труда на приисках дневные нормы устанавливались произвольно. При такой «системе» вчерашний стахановец, выполнявший норму на 200%, завтра сам становился доходягой, «садился на производственный или штрафной котел». Чтобы не попасть в штрафники, рабочие шли даже на членовредительство, что было характерно в основном для заключенных. Самым распространенным способом было обморожение.

Даже в УАТе неоднократно отмечалось, что *«шофера, чтобы отдохнуть, разрезали валенки и выставляли ноги на мороз – чтобы не ездить»* [Там же. Д. 55, л. 23]. Так что «широкий размах стахановского движения», на который указывает ряд исследователей истории Дальстроя, как и любой процесс, имел и другую сторону медали.

Э. П. Берзин признавал, что в принципе *«работа постановлена так: дай 100 гр. спирта, 2 пачки папирос, и работа будет сделана»* [Там же. Д. 62, л. 213].

По отчетам Дальстроя производительность труда на промывке золотоносных песков за 1932–1936 гг. в Среднеканском ГПР возросла на 1 чел.-день с 1,17 до 5,41 $м^3$, в Оротуканском – с 3,63 до 6,72 $м^3$, в Утинском – с 3,32 до 5,95 $м^3$.

Однако при детальной проверке в 1938 г. фактическая выработка составила: на вскрыше торфов с мускульной откаткой 1,89 $м^3$ (при плане 3,06 $м^3$), с конной – 3,09 (4,69 $м^3$), с механической – 2,22 (3,33 $м^3$), на добыче песков открытым способом – 1,66 (2,81 $м^3$), на промывке песков – 5,10 (11,03 $м^3$).

За перевыполнение планов по золоту в 1934–1937 гг. в виде премий было израсходовано более 3 млн руб. «Передовиков» награждали ценными подарками (в их числе 60 золотых часов, 53 импортных и 190 отечественных ружей, 256 импортных и 665 отечественных часов, 98 винтовок, 360 серебряных портсигаров, 97 фотоаппаратов и пр.), им выдавали путевки в санатории и огромные суммы пособий. Для этих целей был образован «Особый фонд ДС» в сумме более 1 млн руб., формировавшийся от продажи по повышенным ценам вина, папирос, парфюмерии и шелковых тканей. Большая часть этих материальных благ распределялась среди руководящего состава Дальстроя.

В 1932–1937 гг. количество вольнонаемной рабочей силы значительно возросло (табл. 29).

Таблица 29

Динамика рабочей силы на Колыме 1932–1937 гг., чел. (без Приморского управления)[79]

Показатель	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Кол-во рабсилы	13 053	30 782	35 995	50 301	73 150	92 258
В т.ч.:						
в/н	3 125	3 392	3 691	5 700	10 447	12 000
з/к	9 982	27 390	32 304	44 601	62 703	80 258

Приведенные данные подтверждают, что резкий прирост вольнонаемных начался с 1935 г.,

[79] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 99.

т. е. с момента активизации вербовки бывших заключенных и увеличения контингентов Севвостлага. Фактически в целом по Дальстрою более 50% вольнонаемных состояли из бывших заключенных, а в ряде управлений их количество в несколько раз превышало число договорников с «материка» (табл. 30).

Таблица 30

Рабочая сила Северного ГПУ, чел.

[ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 139, л. 4]

Показатель	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Кол-во з/к	13 085	20 346	25 774	32 909
Кол-во быв. з/к	842	1210	827	3 136
Кол-во в/н договорников	450	591	734	1080
Итого	14 377	22 147	27 335	37 125

В 1937 г. волна репрессий обрушилась на Колыму, что повлекло за собой не только массовые расстрелы (около 8000 заключенных), но и ужесточение трудовой политики в отношении как заключенных, так и вольнонаемных.

За короткий период своей деятельности К. А. Павлов и его сподвижники полностью дезорганизовали хозяйственный комплекс не только в основном производстве, но и во вспомогательных отраслях, а также в снабжении приисков продовольствием, техматериалами и т. д. Упразднялась вся система льгот, введенная в 1935–1936 гг. для бывших заключенных и заключенных УСВИТЛа, желавших остаться работать по вольному найму, – аккордно-премиальная оплата, надбавки за удлиненный рабочий день, суточные, договоры, авансирование и пр.*

В период промывочного сезона рабочие и служащие управлений, а также весь аппарат лагерей и стрелки ВОХР мобилизовывались на горные работы.

Вольнонаемные так же, как и заключенные, находились в жутких условиях труда и быта. Из-за срывов снабжения на приисках царил настоящий голод, резко возросли отказы от работы и смертность среди всех категорий рабочих. Например, в Северном ГПУ за 1938 г. отказы составили 44 820 чел.-дней.

Очевидец отмечал, что, *«когда мы ехали сюда, нам сказали, что вы едете в суровый край, будете жить в палатках, а когда приехали, то и палаток нет... Если бы Павлов посмотрел гостиницу в Берелехе, там под столами спали, на койках по 2–3 чел. лежали, а под койкой еще лежали, и так живут месяцами. Магадан весь забит договорниками, сидят, ничего не делают. В парке культуры, весь забит людьми и все получают зарплату»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 124, л. 72].

Дезорганизация производства с усилением репрессий продолжалась и в 1939 г. Однако карательные меры не давали эффекта.

В обращении Главного и Политического управлений Дальстроя ко всем рабочим и служащим от 8 октября 1939 г. руководство было вынуждено признать, что *«по всем управлениям произведен громадный перерасход рабочей силы, нигде нет надлежащей организации работ. Дальше так работать нельзя»* [Там же. Д. 218, л. 15].

Только после выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1940 г. в трудовую политику были внесены коррективы.

Нарком НКВД СССР Л. П. Берия указывал в своей телеграмме, что единственным стимулом повышения производительности труда является улучшение быта рабочих, улучшение режима и питания и что *«нужно судить людей за плохое отношение к рабочей силе»*.

Приказом НКВД СССР № 02-64 от 29 июня 1940 г. для вольнонаемных вводилась в действие единая 10-разрядная сетка с разрывом между крайними разрядами 1:3,6, на основных работах для каждой бригады устанавливалась ежедневная норма и норма на месяц, за перевыполнение планов выплачивались премии в повышенном размере. Произвольное изменение установленных норм и тарифов категорически запрещалось. В результате обстановка в производственной сфере начала стабилизироваться.

В 1939 г. за счет вербовки на Колыму прибыли 3654 чел., в 1940 г. – 5589, в 1941 г. – 1006 чел. В то же время в начале 1940 г. приказом НКВД СССР № 0168 от 15 июня 1939 г. (приказ ГУ СДС НКВД от 26 декабря 1939 г.) начался процесс массовой деколонизации заключенных.

Приказом № 01 от 25 января 1940 г. колонпоселки, созданные при Колонбюро УСВИТЛа, ликвидировались. Весь состав населения колонпоселков из числа бывших заключенных-колонистов, вольнонаемных, иждивенцев, а также членов семей заключенных-колонистов, водворяемых в лагерь, направляли в рыбпромхозы и колхозы [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 149, л. 1].

Уже 17 февраля 1940 г. в докладной записке наркому НКВД СССР Л. П. Берия начальник Дальстроя И. Ф. Никишов рапортовал: *«Ликвидировали колонпоселки, которые являлись пристанищем для беглецов и всяких таких элементов, колонистов водворили в лагерь»*.

Что касается социальной инфраструктуры и бытового положения, то Колыма, за исключением Нагаево-Магаданского района, оставалась огромным концлагерем и для заключенных, и для вольнонаемных.

На 1 января 1939 г. в районе Магадан-Нагаево было всего 10 кирпичных домов, все остальные – деревянные и каркасно-засыпные, в т. ч. 25% дощатых строений. Поскольку громадное большинство

---

*Подробнее см. *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – 217 с.

[80]*Навасардов А. С.* Освоение Северо-Востока СССР в 30-егг. XX в. (историко-демографический аспект). – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2004. – С. 123.

зданий имело легкий тип строения, цоколи большинства домов были не утеплены, а Магадан подвержен обдуванию северных ветров, поэтому здания имеют больше теплоотдачи, – отмечалось в промфинплане ГКО Магадана[80].

На одного вольнонаемного сотрудника ГУ СДС приходилось всего 2,7 м^2 жилой площади, т. е. как в лагере. Основная часть вольнонаемных проживали в утепленных палатках. На 4-м км Колымской трассы была построена центральная транзитка УСВИТЛа, в которой размещались несколько тысяч заключенных и вольнонаемных. В приказе № 1037 от 22 сентября 1939 г. «О мерах улучшения быта на карантинном пункте Севвостлага» отмечалось, что бывшие заключенные размещены в палатках размерами 6 × 10 м по 75–100 и 200 чел.; палатки построены наспех, без отопления, без пола и освещения[81].

В центральных промышленных районах положение было еще хуже, хотя, казалось бы, куда хуже.

В приказе по Главному и Политическому управлениям № 027 от 27 марта 1941 г. отмечалось: *«На прииске "Стахановец" ЗГПУ... установлено, что бараки вольнонаемных рабочих находятся в самом тяжелом, антисанитарном состоянии, у многих рабочих нет матрацев, простыней, наволочек – в результате люди вынуждены спать на голых досках, не раздеваясь; в бараках холодно, грязно. ...О доставке дров никто не заботился, в результате чего разворовываются балки с промывочных приборов и сжигаются в печах.*

На прииске "Фролыч" ЧУГПУ в двух транзитных бараках люди спят не раздеваясь... Моются в бане один раз в месяц. На прииске "Горный" ЮГПУ для вольнонаемных рабочих не создано даже элементарных условий – бараки без крыши, оттаивающий снег, сырость проникают в помещения... верхней одеждой обеспечены далеко не все, не хватает также валенок и кожаной обуви. В бараках появилась вшивость» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 162, л. 5].

Аналогичная ситуация складывалась и на других приисках, полностью или частично укомплектованных вольнонаемными рабочими.

Не улучшалось бытовое положение вольнонаемных рабочих и служащих и в г. Магадане. В 1941 г. на авторемонтном заводе 120 чел. жили в палатках. *«В Горкомотделе большинство вольнонаемных рабочих находились в исключительно тяжелых условиях – палатки не отремонтированы, находятся в антисанитарном состоянии, нет самого необходимого инвентаря»* [Там же. Л. 6].

Подобная обстановка, учитывая контингент вольнонаемных, прошедших колымские лагеря, отрицательно влияла на производство, провоцировала драки, картежные игры, пьянки и уголовные преступления.

Начальник УРКМ УНКВД по ДС Кедров говорил, что *«нет никакой возможности нам справиться с таким количеством жуликов, воров, убийц, если они не будут под замком... Если вечером пройдешь по улице, то в темноте Вам буквально могут голову оторвать»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 124, л. 98].

Об обострении криминогенной обстановки на Колыме в 1939–1940 гг. говорят и многочисленные приказы начальника ГУ СДС НКВД, в которых отмечалось, что на трассе, базисных складах и пр. резко участились случаи грабежа с автомашин, возросли прочие уголовные преступления среди заключенных и вольнонаемного состава.

В мае 1940 г. приказом по ГУ СДС НКВД № 0037 «О порядке освобождения и содержания по освобождении заключенных из лагерей» категорически запрещалось направлять освободившихся в г. Магадан для выезда с Колымы без специального разрешения.

Из числа бывших заключенных в период ожидания отправки организовывали бригады забойщиков, которые обязаны были работать неопределенное время на специально изолированных участках. Отказчиков привлекали к уголовной ответственности.

Вопросами трудоустройства бывших заключенных занималась специально созданная (приказ № 0089 от 29 января 1940 г.) при ГУ СДС комиссия, а в местных управлениях ДС отделы – в ЗГПУ, СГПУ, ЮГПУ, УАТе, Дорстрое и в Нагаево-Магаданском районе.

Несмотря на постепенное увеличение вольнонаемных из числа бывших заключенных, руководство ГУ СДС и отраслевых управлений уделяло очень мало внимания обеспечению этой категории рабочих и служащих нормальными условиями труда и быта. Многие начальники приисков категорически отказывались принимать на работу освобожденных из лагерей и требовали заключенных, поскольку *«с ними было легче работать, они менее требовательны»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 162, л. 7].

В 1941 г. из 241,9 тыс. чел. списочного состава Дальстроя вольнонаемные составляли 71,5 тыс., в 1942 г. из 262,4 тыс. чел. – 76,4 тыс.*

За 1933–1942 гг. удельный вес вольнонаемных рабочих и служащих увеличился с 11 до 38%.

---

[81] *Навасардов А. С.* Освоение..., 2004. – С. 125.

*Из 67 900 чел., занятых на производстве, 15 355 были договорниками, 48 800 – бывшие заключенные, остальные – члены семей и прочие [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5, л. 51].

Начавшаяся война с фашистской Германией внесла серьезные коррективы в положение бывших заключенных и вольнонаемных договорников.

После репрессий второй половины 1941 г. и тяжелой зимовки 1942 г., приведших к большой смертности в лагерях*, НКВД СССР принял ряд мер, направленных на стимулирование досрочного и условно-досрочного освобождения заключенных и перевода их на положение вольнонаемных.

В директиве НКВД СССР № 254 от 24 ноября 1942 г. (на основе директивы НКВД и Прокурора СССР № 194/17/11692/с от 7 мая 1942 г.) говорилось: *«С началом Отечественной войны в интересах обеспечения государственной безопасности директивой НКВД и Прокурора СССР № 221 от 22 июня 1941 г. начальникам лагерей... было предложено задержать освобождение закончивших сроки наказания заключенных. ...В апреле 1942 г. по ходатайству ряда начальников лагерей и в целях более рационального использования на работах заключенных... издана директива № 185 об освобождении из мест заключения части этих контингентов с оставлением их до конца войны на работах по вольному найму в лагерях и колониях НКВД»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 34, лл. 96, 101а].

Эта директива распространялась и на осужденных за особо тяжкие преступления (КРТД, СВЭ, ССД и др.), а также на членов семей изменников Родины.

В результате этой акции в годы войны удельный вес вольнонаемных в Дальстрое значительно повысился (табл. 31).

Таблица 31

Динамика численности вольнонаемных
[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 12, л. 1]

Показатель	1943 г.	1944 г.*	1945 г.	1946 г.
Промышленность:				
всего	107,4	97,7	102,8	106,0
в том числе вольнонаемные	57,4	54,0	56,5	63,3
Сельское хозяйство:				
всего	11,9	9,9	11,1	12,0
в том числе вольнонаемные	4,9	4,8	5,1	5,6
Охрана лагерей:				
всего	9,6	8,4	8,9	8,7
в том числе вольнонаемные	9,6	8,4	8,9	8,6
Инвалиды IV категории – всего	2,8	4,5	3,7	3,6
Всего контингентов	183,4	176,6	189,1	205,3
В том числе вольнонаемные	92,8	94,3	101,6	113,7

*Во II полугодии 1944 г. впервые за время войны было доставлено 19 165 заключенных, из них – 9475 женщин.

Увеличение вольнонаемных из числа заключенных позволило перевести часть приисков исключительно на вольнонаем-ный состав – «В. Ат-Урях», «Штурмовой» СГПУ, «Мальдяк» ЗГПУ, им. Ворошилова ТГПУ, им. 25 лет Октября ЧУГПУ, «Геологический», «Пятилетка», «Одинокий», «Комсомолец» и др.

Кроме этого, заключенных снимали с Аркагалинской, Челбаньинской, Берелехской, Запятинской электростанций, а также со всех предприятий Дальстройугля и некоторых автобаз УАТа. Подразделения ВОХР укомплектовывались только из вольнонаемных сотрудников.

В конце 1945 г. в состав вольнонаемной рабочей силы стали включаться спецпереселенцы, прибывшие из проверочно-фильтрационных пунктов Ленинградского фронта, которые привлекались к работе на предприятиях ГУ СДС в обязательном порядке. За исключением ограничений передвижения вне зон дислокации спецкомендатур, они пользовались всеми гражданскими правами. Этой категорией вольнонаемных было укомплектовано 13 приисков, в том числе им. Тимошенко, им. Гастелло, им. Расковой, «Ольчан» и др.**

В 1941–1945 гг. на весь контингент вольнонаемных и членов их семей распространились в полном объеме законы военного времени, а также приказы и распоряжения НКВД СССР, а бывшие заключенные приравнивались по своему правовому положению к заключенным ИТЛ УСВИТЛа и в случае нарушения установленных порядков немедленно водворялись в лагерь без судебного решения***. Напри-

*За октябрь 1941 г. в Чай-Урьинском ГПУ умерло 518 чел., в Северном ГПУ – 302, в Западном ГПУ – 203. Причины смертности: отсутствие медпомощи, истощение, дизентерия, массовые обморожения. В Севлаге количество заключенных в 1941 г. сократилось с 31 320 до 20 099 чел. в 1942 г., в том числе на прииске им. Водопьянова с 5227 до 2921 чел., «Штурмовой» – с 4321 до 2970 чел., «В. Ат-Урях» – с 6088 до 2660 чел., им. Горького – с 4452 до 3147 чел., «Туманный» – с 3077 до 2036 чел., «Одинокий» – с 2145 до 1604 чел., «Дебин» – с 2617 до 1735 чел., «Ветвистый» – с 988 до 834 чел. Аналогичное положение было и в других управлениях.

**На 1 октября 1947 г. в Дальстрое имелось 26 980 поселенцев.

***Директива НКВД СССР и Прокурора СССР № 185 от 29 апреля 1942 г.: *«Заключению в лагерь подлежали все освобожденные, которые не желают заниматься общественно полезным трудом, уклоняются от работы, нарушают производственную дисциплину и установленный режим, порядок на производстве»*; Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»; Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»; Постановление СНК СССР № 1353 от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности» и ряд других.

мер, все бывшие заключенные, работавшие в колхозах Среднеканского района, приказом № 026 от 12 апреля 1944 г. объявлялись дезертирами производства и привлекались к уголовной ответственности.

В приказе говорилось: *«Проверкой установлено, что за последние годы колхозами Ольского, Среднеканского и Северо-Эвенского районов принято в свои ряды значительное количество бывших з/к з/к, освободившихся из лагерей в период войны и закрепленных за Дальстроем.*

Часть этих лиц, не желая работать на предприятиях Дальстроя, дезертировали и нашли приют в колхозах, где, также не желая честно работать, занимаются рвачеством и разлагают трудовую дисциплину» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 183, л. 42].

Председателям колхозов категорически запрещалось принимать рабочих без разрешения в каждом конкретном случае отдела кадров ГУ СДС. В мае всех этих «колхозников» направили под конвоем на прииск «Гвардеец».

В целях повышения интенсивности труда в годы войны вводился комплекс мер, с одной стороны, по морально-идеологическому и материальному стимулированию вольнонаемных и заключенных, а с другой – по неукоснительному исполнению законов военного времени.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. № 82-34/с, приказом НКВД СССР № 045 от 12 февраля и телеграммой НКВД СССР № 2652 от 24 мая на всех рабочих и служащих предприятий ДС распространялось действие Указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Лиц, не работавших по разным причинам, привлекали на предприятиях ДС в порядке, установленном Указом ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

На членов семей вольнонаемных работников распространялось Постановление СНК СССР № 1353 от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время». От работы освобождались лица, не достигшие 16-летнего возраста, а также мужчины старше 55 лет и женщины старше 45 лет. Остальные подлежали мобилизации сроком до 2 месяцев с продолжительностью рабочего времени 8 часов в день и 3 часов сверхурочных.

Мобилизованные направлялись в основном в горные управления на лоточную промывку, где устанавливались жесткие суточные нормы. В 1942 г. они составляли в среднем 18,47 г на 1 чел.-день. Лоточников, не выполнявших нормы в течение недели, направляли на общие работы.

Одновременно шла жесточайшая борьба с нарушителями трудовой дисциплины – прогульщиками, лодырями, бракоделами и т. д.

В соответствии с директивой НКВД СССР и Прокурора СССР № 185 от 29 апреля 1942 г. водворению в лагерь подлежали все освобожденные из лагеря и заключенные, *«которые не желают заниматься общественно полезным трудом, уклоняются от работы, нарушают производственную дисциплину и установленный режим, порядок на производстве»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 91, л. 80 об.].

Руководители предприятий предупреждались, что действия, *«влекущие безнаказанность прогульщиков, будут рассматриваться как тягчайшее нарушение трудовой дисциплины со всеми вытекающими последствиями»* [Там же. Л. 82].

Лиц, виновных в «волоките», привлекали к суду Военного трибунала на основании приказа по ГУ СДС от 21 декабря 1942 г., в котором подчеркивалось, что *«в соответствии с Постановлением СНК СССР от 3 января 1942 г. обязать начальников предприятий и организаций Дальстроя материалы... направлять в Военную Прокуратуру не позднее чем на следующий день после установленного факта... дезертирства»* [Там же. Л. 53].

Отменялись все установленные законом льготы для работающих на Крайнем Севере – удлиненные отпуска, единовременное пособие, оплата стоимости проезда и провоза багажа, спецстрахование и начисление процентных надбавок.

Рабочим и служащим, совершившим прогул и осужденным по Указу ПВС СССР от 26 июня 1940 г. к исправительно-трудовым работам, хлебная норма снижалась на 200 г, где она составляла 800 г, и на 100 г на всех остальных предприятиях.

В 1942 г. широко применялась и мера по привлечению руководителей к уголовной ответственности. Например, в апреле выездная сессия Народного суда Среднеканского района рассматривала дело по обвинению С. С. Матюшина (1910 г. р., из рабочих, русского, образование высшее, несудимого) по ст. 109 УК РСФСР. Ему вменялось в вину то, что, работая начальником участка № 1 прииска им. Водопьянова, он систематически с декабря 1941 г. *«вследствие своей преступной работы не выполнял государственного плана. План за декабрь был выполнен только на 54,3%, января 1942 г. – на 25,4% и 20 дней февраля на 46%... Скрывал прогульщиков»* [Там же. Д. 85, л. 150]. Суд приговорил С. С. Матюшина к 6 годам ИТЛ без поражения в правах.

6 апреля 1942 г. Военный трибунал войск НКВД по Дальстрою рассмотрел в закрытом судебном заседании дело начальника рудника «Бутыгычаг» С. А. Сафронова (1900 г. р., из крестьян, образование высшее, кандидат в члены ВКП(б), имевшего на иждивении троих детей от 3 до 12 лет). Было установлено, что С. А. Сафронов, *«злоупотребляя служебным положением... текущего и среднего ремон-*

та дизельной станции, компрессорного парка и агрегатов не проводил... а отсюда, как следствие – частые аварии и простой агрегатов...

Сафронов потерял всякое чувство ответственности за поставленные перед ним задачи как руководитель столь серьезного предприятия, имеющего оборонное значение, в напряженный момент военного времени» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 85, лл. 169, 170]. Военный трибунал приговорил С. А. Сафонова к четырем годам ИТЛ и т. д.

Приказом № 370 от 31 июля 1944 г. всем начальникам горных управлений предписывалось не выпускать вольнонаемных рабочих из забоев до окончания рабочего дня, регистрировать опоздавших и немедленно отправлять на них дела в Военный трибунал и Военную прокуратуру.

Подчеркивалось, что *«если эти лодыри... в прошлом являлись заключенными, освобожденными из ИТЛ в порядке директивы НКВД и Прокурора СССР № 185, оформлять материалы и... водворять в ИТЛ впредь до окончания войны»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 115, л. 150].

В годы войны по ряду причин объективного характера (удаленность производственных объектов, дробление бригад, нехватка охраны) большой размах приобрело вынужденное расконвоирование заключенных. В части оплаты труда, обеспечения пайками, обмундированием, свободы передвижения в данном районе они приравнивались к вольнонаемным рабочим. Многие из них проживали вне зоны лагеря.

По данным отдела кадров ГУ СДС, в 1941 г. было освобождено из лагерей – 27 461 чел., в 1942 г. – 34 609, в 1943 г. – 26 958, в 1944 г. – 11 531, в 1945 г. – 31 356, в 1946 г. – 14 819, а всего за 1941–1945 гг. – 131 915 чел.

Таким образом, к 1946 г. вольнонаемная рабочая сила Дальстроя в основном состояла из вольнонаемных договорников, прибывших из других районов страны, бывших заключенных, закрепленных на 3 года, досрочно или условно освобожденных из лагерей, спецпереселенцев и приравненных к вольнонаемным расконвоированных заключенных ИТЛ (табл. 32).

Таблица 32

Численность занятых в Дальстрое на 1 апреля 1946 г., чел.

[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5016, л. 101]

Всего	204 150
В том числе: вольнонаемные	104 730
заключенные	65 453
спецконтингент	29 515
военнопленные	3 452
коренное население	1 110
прибывшие по договорам и члены семей	20 620
освобожденные из лагерей и работающие по вольному найму	73 324
в том числе: лица, закрепленные за ДС в порядке директивы НКВД № 185	34 985
лица, работающие по вольному найму, не закрепленные за ДС	30 526
лица, освобожденные из лагерей по амнистии	6 737
лица, реабилитированные и освобожденные из лагерей	1 076

Оценивая наличную рабочую силу из числа вольнонаемных, зам. начальника ГУ СДС по кадрам полковник Никешичев отмечал, что *«большинство работников ДС нуждаются в серьезном отдыхе и специальном лечении и значительная часть должна быть заменена в течение 2–3 лет»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5016, л. 10].

Отметим, что в 1941–1945 гг. на 1000 чел. населения смертность увеличилась с 6,1 в 1941 г. до 17,9 в 1944 г. и на 13,3% в 1945 г.

В 1946 г. было уволено и отправлено в центральные районы страны 2235 бывших заключенных, работавших в качестве вольнонаемных [Там же. Д. 5039, л. 5].

В приказе ГУ СДС № 095 от 1 ноября 1946 г. говорилось, что *«в 1946 г. произошли большие изменения контингентов, работавших в ДС. Большая часть вольнонаемных рабочих приисков уволена и вывезена с Колымы. Одновременно с этим прибыло в ДС значительное количество спецпереселенцев и до конца года прибудет большое пополнение рабочей силы за счет з/к з/к»* [Там же. Д. 188, л. 237].

С окончанием войны в результате новой волны репрессий поток заключенных на Колыму и в арктические районы стал резко возрастать и основная рабочая сила вновь начала формироваться из заключенных, качественный состав которых значительно изменился (табл. 33).

Таблица 33

Численность занятых в ДС, тыс. чел.

[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 12, л. 1]

Контингент	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Всего	176,6	189,1	205,3	207,6	216,8	232,7
В том числе: вольнонаемные заключенные	94,3 82,3	101,6 87,5	113,7 91,6	112,1 95,5	111,0 105,8	112,4 120,3
Охрана лагерей	8,4	8,9	8,7	7,5	8,4	10,2
В том числе: вольнонаемные заключенные	8,4 –	8,9 –	8,6 0,1	7,1 0,4	7,5 0,9	8,5 1,7

Согласно Постановлению правительства от 29 октября 1945 г. численность занятых в Дальстрое в 1946 г. должна была составлять 216 300 чел. Однако это распоряжение осталось невыполненным.

Тем не менее прибытие на Колыму спецконтингентов, приравненных по режиму к спецпереселенцам, изменило состав рабочей силы на ряде предприятий основного производства. В 1947 г., чтобы ликвидировать недостаток рабочей силы, в Дальстрой направляется большое количество заключенных, но это не решало проблемы, так как из 36 895 чел. 17 тыс. относились к 3-й индивидуальной и 4-й категории труда и не могли быть использованы на горных работах.

Справка о списочном составе рабочей силы Дальстроя на 15 октября 1947 г.
[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 196, л. 134]

Категория	Кол-во, чел.
1. Заключенные и военнопленные	113 587
из них:	
а) неработающие	19 246
б) транзит в Находке и Ванино	5 359
2. Спецпоселенцы	26 980
3. Вольнонаемные	82 159
Всего	222 726
В том числе:	
1. Горное управление	115 387
2. ГРУ Дальстроя	7 625
3. Стройорганизации	17 488
4. Транспорт	14 020
5. Заводы	5 655
6. Дальстройуголь	3 583
7. УШОСДОР	4 171

Наибольшее количество вольнонаемных работало в горных управлениях: в ИГПУ – 7000 чел., в ЗГПУ – 15 000, в СГПУ – 20 500, в ТГПУ – 11 400, в ЮЗГПУ – 6000 чел.

Кроме этого, в лагерях содержалось 4200 инвалидов, совершенно не пригодных ни к какому труду. Их нельзя было вывозить по статейным признакам – бандиты, террористы и пр. Таким образом, предприятия Дальстроя были обеспечены рабочей силой на 82,9%, из них 10% составляли больные и инвалиды.

В послевоенные годы вольнонаемные рабочие, так же как и заключенные, по-прежнему находились в тяжелых социально-бытовых условиях.

Приведем свидетельство очевидца из многочисленных официальных документов.

Член ВКП(б) С. А. Бугров писал в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину: «*В апреле 1948 г. я заключил договор и приехал в ДС в Индигирское горнопромышленное управление. Как только доехали мы до б. Находка, то оказались в неблагоприятных условиях в смысле питания и жилья: барачная грязная атмосфера и скудность питания людей, это первое, что бросилось в глаза. Когда производилась посадка на пароход "Ф. Дзержинский" 31 мая 1949 г... пассажиров уверяли, что... мы будем обеспечены питанием... а на самом деле 11 суток нас кормили в столовой без хлеба и продавали нам плесневелые сухари, которым мы были очень рады.*

9 июня 1949 г. мы высадились в Магадане, и я попал в ИГПУ на прииск "Ат-Урях", где я со всеми остальными там оказался в чрезвычайно жутких условиях.

Начиная с июля по сей день на прииске редкие дни были сыты, хлеба никогда не давали и сейчас не дают... Не говоря уже о других продуктах и жирах... Сидишь на пайке... плюс вода и без зарплаты. За три месяца я уже выбился из сил и как восстановить? А жить, черт возьми, еще хочется! Дальше: табак, чай в Колымо-Индигирском крае – редкость... Одна папироса стоит 2–3 руб., чай... рубль один грамм. Белье, простынь... и верхней одежды приобрести невозможно даже... в управлении (Ольчан)... отсюда вшивость... Люди спят на полу. Если сравнить, как и в каких условиях живут заключенные в лагере прииска, то очень наглядно, что в/н договорники живут хуже, нежели з/к з/к.

Освобожденный з/к С. С. Федоров... рад бы обратно пойти в лагерь, но его и там не принимают. Медицинская помощь совершенно отсутствует... Мне как старому члену ВКП(б) (стаж с 1929 г.) приходится думать, и я почему-то уверен в том, что в ДС орудует черная рука вредительства...

...Начальник политотдела ИГПУ Бутырский понудил меня совершить "геройский" подвиг – идти пешком 34 км по тайге при 61° мороза на совещание. Бугров» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 227, лл. 8, 9].

В декабре 1949 г. было проведено обследование размещения спецпереселенцев, в результате которого установлено, что для них не создано даже элементарных бытовых условий. В Западном ГПУ на прииске «Дальний» 287 спецпереселенцев были размещены в не подготовленных к зиме помещениях. «*В Северном ГПУ, на Утинском золоторудном комбинате спецпоселенцы проживали скученно, жилая площадь на человека составляла 1,4 кв. м, спали на общих нарах, помещения требовали капитального ремонта и к зиме не подготовлены. На участке "Приискатель"... проживали в бане, на прииске "Наталка" – в летних палатках. Аналогичное положение в Индигирском ГПУ*», – отмечалось в приказе МВД СССР от 17 декабря 1949 г. [Там же. Д. 55, л. 3].

Прибывая на место работы, спецпереселенцы зачастую находили после перевода заключенных полностью разгромленный лагерь.

Приказы и распоряжение ГУ СДС о подготовке и размещении спецпереселенцев и вольнонаемных на бывших лагерных подразделениях не выполнялись.

Во-первых, не было средств, а во-вторых, их выполнение во многом зависело от начальников приисков и участков, большинство которых интересовало только выполнение плановых заданий.

Неизвестный автор о безобразиях в Дальстрое писал: «*Народ, простой люд, который трудится не покладая рук за великое дело Ленина – Сталина, должен гнуть спину и подставлять свое светлое советское лицо под удары грязной и сволочной руки коричневой гориллы... Но народ*

уверен, что руководители партии и правительства делают все возможное для создания счастья своему народу... твердо уверены в личной заботе своего вождя т. Сталина об рабочих и служащих Дальстроя. Но вот эти зазнавшиеся паразиты делают то, чтоб народ чем-то был недоволен.

Я не хочу сказать, что они все враги народа... Необходимо для достоверности фактов направить негласного уполномоченного ЦК ВКП(б) в край Дальстроя.

Остаюсь предан великому делу Ленина – Сталина и верным сыном матери-Родины, воспитавшей и вскормившей меня для Отчизны».

Начальник политчасти Управления шоссейных дорог И. Саленко (член ВКП(б) с 1931 г.) писал министру МВД СССР С. Н. Круглову: *«Товарищ Министр! Обращаюсь к Вам потому, что всей душой чувствую во многих вопросах несправедливость, а также крупные недостатки в хозяйственной деятельности ДС, которые пустили глубокие корни на Колыме и наносят вред нашему общему делу – делу партии Ленина – Сталина.*

Я, как и многие другие, отправился в Находку. Здесь уже сконцентрировались тысячи договорников и офицеров со своими семьями... Здесь царил полный хаос... Тысячи людей – мужчин, женщин, детей – размещались в бараках на сплошных нарах (условий никаких)... В огромной очереди почти каждый день проходили скандалы, доходившие до драки. Погрузка парохода затягивалась... По прибытию в Магадан ощущал бездушное отношение к людям, прибывшим на Колыму.

Политорганы, партийные организации в ДС являлись придатками администрации... Председателям всех местных комитетов профсоюзов оказались лица, не внушающие никакого политического доверия, – бывшие активные троцкисты и др. к/р элементы.

Аллилуйщины и шумихи было много, но мало дела. Развелось много болтунов, подхалимов, бездельников. После того как я лично выступил против Гридасовой... два больших руководителя ДС Никишов и Никешичев приняли решение освободить меня от должности начальника политчасти.

Партийное лицо и моральный облик многих руководителей растворились в спирте. Чрезмерно пьют как хозяйственные руководители, так и партийно-комсомольские. Пьют работники органов МВД, милиции. Командир дивизиона 72-го км грубо нарушал советскую законность, организовал избиение 2-х десятников, заставлял становиться на колени, целовать ноги и др. хамские действия.

Руководитель ДС стал пугалом для всех. Лично я, а также многие другие, не видели в нем деятеля ленинско-сталинского типа, а зазнавшегося диктатора.

Кадры на ДС засылаются некачественные, очень много офицеров направляются в ДС как за провинность» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 226, лл. 13–20].

На Колыме сложился узкий слой привилегированного населения из руководящих работников Дальстроя и УСВИТЛа. По этому поводу направлялось много жалоб в ЦК ВКП(б), МВД СССР и лично И. В. Сталину. Например, начальник санотдела Индигирлага П. А. Пухаленко писал в ЦК ВКП(б): *«Из года в год растет население Индигирки. Из года в год, особенно зимой, все население подвергается недоеданию... Рабочие и служащие выражают недовольство, и законно: 1). Хлеб выпекается односортный с примесью компонентов. 2). Овощей нет, даже сушеных. 3). Свежего мяса нет, на снабжении обезвоженные консервы. 4). Рыбы нет, кроме сельдей, и те не всегда бывают. 5). Детям зимой достаются 100–200 гр. молока, летом 500–600 гр. 6). Нет посуды. Люди готовят и кушают из консервных банок. Единственно, чего хватает – это спирту. Получаемой зарплаты у большинства еле-еле хватает прокормиться.*

Живут рабочие в жутких условиях. Общежития – барачного типа, не оборудованы. Дневного света мало, зимой при коптилках...

Руководители ИГПУ в общежитиях не бывают, к нуждам рабочих не прислушиваются. Зачем им это? Сами-то они живут хорошо... Получают от 6 до 10 тыс. руб. в месяц, а если работает жена, то до 15 000 руб. Кроме этого, они пользуются правом получения продуктов в неограниченном количестве... Среди них развита исключительная семейственность. Уезжая в отпуск, жена нач. ИГПУ – Рыковская заявила: "Мы вернемся только на Индигирку. Нигде нет такого изобилия продуктов"» [Там же. Д. 229а, лл. 78, 79].

А в это время на Индигирке основная масса вольнонаемных, не говоря уже о заключенных, в прямом смысле «доходила» от голода. Аналогичная ситуация была и в других районах.

В то же время отметим, что с окончанием войны Советское правительство приняло ряд мер по улучшению материального положения вольнонаемных рабочих и служащих. Так, с 1 марта 1945 г. восстанавливалась выплата 10%-ной надбавки к основному окладу за каждый год работы на Крайнем Севере, а также дополнительные отпуска. На основании приказа НКВД СССР № 95 от 7 марта 1945 г. повышалась заработная плата инженерно-техническому персоналу, служащим и младшему обслуживающему персоналу. В декабре 1945 г. руководящие инженерно-технические работники, генералы, офицеры войск и органов НКВД, НКГБ и милиции по Дальстрою, имевшие непрерывный стаж работы в Дальстрое от 7 до 10 лет, получили право на премиальное вознаграждение 2-месячным окладом,

более 10 лет – 3-месячным. Кроме этого, распоряжением наркома НКВД СССР Л. П. Берия для вольнонаемных рабочих устанавливались льготы в области продовольственного снабжения и сверхлимитного приобретения теплой одежды обуви и других товаров на 1000 руб. и для членов семей по 500 руб. на каждого. С 1946 г. вновь начали заключать трудовые договоры сроком на 3 года с прибывшими в Дальстрой, а также с лицами, освобожденными по амнистии 1945 г. В 1948 г. вольнонаемные, проработавшие 20 лет и более, по достижении 50 лет могли выходить на пенсию по старости. Один год в условиях Крайнего Севера засчитывался за два. Работники, уволенные до 22 мая 1948 г., права на пенсию не имели. В начале 50-х гг. Советским правительством был принят ряд других мер, направленных на стимулирование производительности труда вольнонаемных рабочих и служащих и закрепление их на Крайнем Севере[82].

Однако по причинам объективного и субъективного характера (нехватка материальных и финансовых ресурсов, трудности снабжения и пр.) система льгот и поощрений выполнялась не в полном объеме, и социально-бытовое положение вольнонаемных работников в конце 40-х – начале 50-х гг. оставалось тяжелым.

В 1949–1950 гг. в связи с общим усилением репрессий в стране поток заключенных на Колыму вновь усилился. В то же время в течение 1949 г. из Дальстроя было уволено и вывезено в центральные районы страны 22 035 чел., из них 6904 договорника и члены их семей и 15 131 бывший заключенный, работавший по вольному найму.

В этом же году в соответствии с приказом МВД СССР № 00708 от 25 июля 1949 г. на Колыму было доставлено 5265 чел. спецконтингента со спецстроек МВД СССР – № 313, 247, 535, 514, ИТЛ-100, Челябинск-40.

Этот контингент прибыл в Нагаево на трех пароходах: «Советская Латвия» – 2370 чел., 19 сентября (эшелоны 97018, 97019, 97019-А, 97027), «Ногин» – 2285 чел., 28 сентября (эшелоны 97020, 97021, 97022, 97023, 97231), «Джурма» – 604 чел., 17 сентября (эшелоны 97149, 97236).

В первую группу спецконтингента входили вольнонаемные и члены семей, включая детей; солдаты охраны, демобилизованные солдаты-репатрианты и бывшие заключенные.

Ко второй группе относились заключенные спецконтингента, прибывшие 17 октября на пароходе «Джурма» – 904 чел. и 29 октября на пароходе «Александр Невский» – 349 чел.

На вольнонаемных и заключенных спецконтингента распространялся особый режим секретности, связанный с их предыдущей работой. Согласно приказам МВД СССР № 00708 и ГУ СДС МВД СССР № 00257 от 12 сентября 1949 г. при размещении спецконтингента на предприятиях Дальстроя в первую очередь принимались во внимание два обязательных условия: отдаленность от других населенных пунктов и расположение их в тупиках, исключающих проезд через эти предприятия.

Организация охраны и режима осуществлялась начальником ВСО ИТЛ ДС в соответствии со специально разработанными «Инструкцией по организации охраны и службы ВСО» и «Инструкцией по режиму содержания контингента» путем выставления контрольно-пропускных пунктов, наблюдательных пунктов, засад, секретов и дозоров.

Четко определялись границы района передвижения и маршруты движения контингента. Вольнонаемных размещали в бывших лагерных подразделениях на приисках «Октябрьский» (687 км от Магадана), «Желанный» (671 км) – ЗГПУ, «Победа» (1042 км), «Надежда» (1175 км) – ИГПУ, им. Расковой (522 км) – ТГПУ и в Аркагалинской стройконторе (730 км). В этих районах создавались условия строгой изоляции от контактов с другими вольнонаемными работниками Дальстроя.

В документах подчеркивалось, что круг кадровых работников управления по работе с особым контингентом должен быть ограничен до предела.

Заключенных направляли в специально выделенные лагерные подразделения: мужчин – в ОЛП прииска им. Калинина ЗГПУ, ОЛП прииска «Геологический», СГПУ, женщин – в ОЛП ЗГПУ и лагпункт прииска «Дебин» СГПУ.

Всего за 1949–1951 гг. со спецстроительства МВД СССР в Дальстрой доставлены 10 363 вольнонаемных, которых разместили на 16 предприятиях шести управлений Дальстроя. Любое перемещение спецконтингента на другие объекты категорически запрещалось. За исключением специальных подписок о неразглашении государственной тайны (Указ ПВС СССР от 9 июня 1947 г. и Постановление СМ СССР от 8 июня 1947 г.) и ограничений передвижения, вольнонаемные пользовались всеми общими правами. Однако в целом их правовое положение регулировалось не законом, а приказом МВД СССР № 00708. Причем, как отмечалось во Временной инструкции, в разговорах с лицами особого контингента, а также с другими работниками никаких ссылок на приказ МВД СССР № 00708 от 25 июля 1949 г. и приказ ГУ СДС № 00257 от 12 сентября 1949 г. не допускалось в целях сохранения секретности.

Рабочие и служащие, а также члены их семей, прибыв на Колыму, писали сотни писем в МВД СССР, ЦК ВКП(б), Совет Министров СССР, лично Сталину, в которых выражали свой протест на незаконные действия МВД СССР. В них говорилось, что до момента прибытия они не знали, куда их везут

---

[82] *Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 223–240.

и за какие преступления они оказались на Колыме. В пути следования их не выпускали из вагонов, конвой травил людей собаками, на тех, кто выражал протест, надевали наручники и т. д.

Например, бывший военнослужащий М. А. Тарасов с прииска «Победа» писал министру МВД С. Н. Круглову: *«По окончании войны наш 8-й батальон был переброшен в г. Челябинск-40 на охрану города.*

5 марта 1949 г. из состава Советской Армии уволен и оставлен на строительстве по вольному найму. 19 августа 1949 г. комплектовался эшелон из бывших заключенных по распоряжению Москвы на другое строительство, куда – известно не было. ...Я вместе с другими в сопровождении вооруженного конвоя 18 октября 1949 г. прибыл на Дальний Север, на Колыму в распоряжение Дальстроя...

<...>

Теперь представьте себе, товарищ Министр, я патриот Родины, активный ее участник, рожден и воспитан Советской властью, до сих пор ничего не пойму. За какое наказание меня обманным путем привезли на Колыму, лишили всех жизненных прав, а именно: а) на получение гарантированной работы; б) на отдых и т. д.

Договора заключать я категорически отказался и в настоящее время нахожусь вне Советского Закона, ибо его я здесь по отношению к себе не вижу. Вопреки существующих положений на Колыме я нарушил их, самовольно сделал визит к начальнику МГБ по Индигирскому управлению Дальстроя, последний в личной беседе сказал мне, что вы попали в волчье логово, по-волчьи нужно и выть.

Оперуполномоченным Чесноковым я был посажен в камеру предварительного заключения лишь за то, что обратился с жалобой без ведома последнего. Прошу Вас, товарищ Министр, восстановить Советский Закон и дать мне возможность уехать с Колымы» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 386, лл.119, 120].

Это письмо было направлено И. Л. Митракову со следующим ответом: *«М. А. Тарасов прибыл со спецстроительства МВД СССР и должен проработать в режимных условиях не менее трех лет, поэтому уволить его с выездом на материк не представляется возможным»* [Там же. Л. 117].

На другой подобный запрос был дан более развернутый ответ.

Заместитель министра МВД СССР генерал-полковник Чернышов писал начальнику ГУ СДС И. Ф. Митракову: *«Направляю Вам поступившее из Президиума Верховного Совета СССР заявление гр. Галкина и др. направленных для работы в Дальстрой со спецстроительства МВД СССР (Челябинск-40).*

В соответствии с постановлением СМ СССР № 3071–1272с от14 июля 1951 г. все бывшие заключенные, судившиеся за антисоветскую деятельность, бандитизм, разбой, воры-рецидивисты, а также солдаты-репатрианты и спецпереселенцы, имевшие связи с заграницей или сотрудничавшие с фашистскими оккупантами, подлежат направлению для работы в отдаленных районах Дальстроя в качестве вольнонаемных сроком на 2–3 года.

Несмотря на то что отбор заключенных и вольнонаемных работников со спецстроек производился специальной комиссией... органов МГБ СССР, несомненно, могли быть отдельные случаи, когда в список подлежащих отправке на территорию Дальстроя указанной категории рабочих могли попасть и лица, не заслуживающие такого к ним отношения.

Внести какие-либо исправления в настоящее время без ущерба для сохранения государственной тайны затруднительно, поэтому производить массовый пересмотр списков и материалов нецелесообразно. ...Кроме этого, прошу Вас обратить внимание на изложенные факты грубого нарушения советской законности со стороны администрации приисков, а также сообщения о нечеловеческом обращении отдельных руководящих лиц предприятий» [Там же. Д. 5424, л. 13].

В то же время отмечалось, что письма, поступавшие от особого контингента, свидетельствуют об озлоблении и антисоветских настроениях авторов, видно также, что они распространяют злостные слухи о якобы ничем не оправданном содержании их в условиях Дальстроя. *«Считаем необходимым тщательно проверить каждого заявителя, выявить их политические настроения и взять их под постоянное оперативное наблюдение»* [Там же].

Таким образом, каждый, кто посмел обращаться в органы государственной власти, подвергался серьезной опасности и мог быть репрессирован в любой момент.

Тем не менее руководство Дальстроя было вынуждено принять ряд мер по улучшению положения особого контингента. Право свободного передвижения получили 1026 чел., имевших ограничения – ссылку, высылку, выселенные навечно, осужденные за связь с оккупационными властями, но дела которых были в достаточной мере оперативно не изученными.

3539 чел., положительно зарекомендовавших себя, при отсутствии новых компрометирующих материалов после увольнения могли уехать из Дальстроя.

Со специалистами с высшим и средним специальным образованием заключались трудовые соглашения, и они переводились на общие работы. Однако все они были обязаны отработать в Дальстрое

3 года. Смягчение режима не касалось заключенных, прибывших со спецстроительств в 1949–1950 гг. и освободившихся из лагерей за 1950–1951 гг.

В то же время отметим, что многие режимные ограничения в отношении лиц особого контингента не выполнялись в полном объеме. В ходе проверки работы с особым контингентом в сентябре 1952 г. было установлено *«полное отсутствие какого-либо режима на всех предприятиях, укомплектованных этим контингентом. ...Они беспрепятственно выходят за пределы территории... выезжают в поселки Усть-Нера, Ягодное и даже в Магадан, где проживают по несколько дней, общаясь с населением и подчас занимаясь преступной деятельностью. ...Оперработники занимаются только лагерными подразделениями, а вольнонаемный контингент не обслуживается. В результате на предприятиях уголовно-преступный элемент терроризирует основную рабочую массу. Нередки случаи угроз убийством и убийства. ...Руководство Горных управлений производит самовольные переброски контингента с одного предприятия на другое без конвоя... Отделы режима и оперработы никаких мер к наведению порядка... не принимают...»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5424, л. 108].

Особую группу составляли инвалиды. В справке о положении инвалидов из числа особого контингента указывалось, что они (259 чел.), не имея средств к существованию, оказались в критическом состоянии. Смертность среди них из месяца в месяц растет. За январь – апрель 1952 г. умерло 39 чел. Большинство инвалидов из числа особого контингента, привезенных в сентябре 1949 г., были вывезены с Колымы только в сентябре 1952 г. по распоряжению СМ СССР № 8397 от 12 апреля 1952 г. и приказу МВД СССР № 00405 от 19 апреля [Там же. Л. 68].

В 1950 г., исходя из производственной необходимости, начали досрочно освобождать из ИТЛ заключенных, осужденных на срок до 5 лет.

Правовое положение досрочно освобожденных и закрепленных за Дальстроем регулировалось инструкциями и приказами МВД СССР и Указами ПВС СССР. Эту категорию вольнонаемных запрещалось использовать в аппарате лагерного сектора и военизированной охране.

В дополнение к приказу по ГУ СДС № 00449 от 17 июля 1952 г. разъяснялся порядок заключения с ними трудовых договоров. Договоры не заключались с лицами, имевшими после освобождения поражение в правах, спецпоселение, высылку и ссылку, ограничения в выезде с территории Крайнего Севера, неотбытый срок наказания, а также с местными жителями коренной национальности, освобожденными из лагеря.

Согласно утвержденной Постановлением СНК СССР от 2 сентября 1945 г. инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС все досрочно освобожденные лишались льгот за работу на Крайнем Севере, а работа предоставлялась с учетом их профессии, исключая руководящие должности. После одного года добросовестной работы администрация могла предоставлять досрочнику отпуск с выездом к месту жительства, в дома отдыха и санатории, но эта льгота применялась крайне редко. Они, за исключением осужденных с поражением избирательных прав, имели право участвовать в выборах. Кроме этого, администрация предприятий и строительства была обязана оказывать им необходимую помощь в развитии индивидуального хозяйства и строительства жилья.

Введение в действие Указа ПВС СССР от 26 августа 1950 г. «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» проводилось в порядке, установленном приказом МВД СССР и Генерального прокурора СССР № 0589/183 от 31 августа 1950 г. Этот Указ распространялся и на лиц «особого контингента», работавших в 1948–1949 гг. на спецстроительствах МВД СССР.

В соответствии с приказом МВД СССР № 00623 1950 г. досрочному освобождению подлежали многодетные матери, имевшие вне пределов Дальстроя двух детей и более (в исключительных случаях и отца), и женщины-инвалиды, потерявшие трудоспособность. Однако эта акция по досрочному освобождению не касалась лиц «особого контингента» (мужчин), являвшихся спецпоселенцами, ссыльными, высланными навечно и работавшими на стройках, не указанных в специальном перечне ГУЛАГа МВД СССР (телеграмма начальника ГУЛАГа МВД СССР и начальника Управления прокуратуры СССР по надзору за местами заключения от 27 марта 1951 г.).

Говоря о процессе освобождения и закрепления бывших заключенных ИТЛ Дальстроя, надо в целом отметить, что в разные годы он имел свои динамику и особенности.

В справке о количестве освобожденных из лагерей ДС МВД СССР от 31 октября 1949 г. за подписью начальника спецотдела УИТЛа ДС МВД капитала И. Вахненко приводятся статистические данные, согласно которым за 1939–1948 гг. из ИТЛ освобождены 227 453 чел., в том числе в 1939 г. – 13 386 чел, в 1940 г. – 20 067 чел., в 1941 г. – 27 461 чел., в 1942 г. – 34 609 чел., в 1943 г. – 26 958 чел., в 1944 г. – 11 531 чел., в 1945 г. – 31 356 чел., в 1946 г. – 14 819 чел., в 1947 г. – 19 614 чел., в 1948 г. – 27 652 чел.

За эти годы из общего количества освобожденных вывезено на «материк» 77 506 чел.

Период войны 1941–1945 гг. отличался, по известным причинам, наибольшей интенсивностью (131 915 чел.), но в то же время на «материк» было вывезено всего 22 880 чел. В 1946–1948 гг. в ходе

замены контингентов рабочей силы соотношение меняется. Освобождено 62 085 чел. и убыло из Дальстроя 50 390 чел. В 1949 г. за 9 месяцев освободили еще 13 718 чел.

По данным I спецотдела УМВД по ДС на 14 июля 1949 г., за период войны и после из Севвостлага освобождено по отбытии срока наказания свыше 11 тыс. чел., в прошлом судимых за контрреволюционные преступления, из них бо́льшая часть убыла на «материк». На всей территории Дальстроя на этот момент находился всего 5551 чел., относившийся к этой категории.

В 1950 г. было освобождено из ИТЛ ДС 20 895 чел., в том числе 15 тыс. чел. по приказу МВД СССР № 0257 1950 г. о досрочном освобождении с закреплением их за предприятиями – 6186 чел.; по приказу МВД СССР и Генерального прокурора СССР № 0589/183с 1950 г. «Об освобождении беременных женщин и имеющих детей до 14 лет» было выявлено 3616 чел., из них освобождено 667 и 555 женщин направлено в УИТЛК Хабаровского края.

Таким образом, в начале 50-х гг. вольнонаемная рабочая сила Дальстроя на две трети состояла из бывших заключенных, имевших различные ограничения.

Зам. начальника ГУ СДС МВД СССР генерал-лейтенант Г. С. Жуков писал, что *«своеобразие Дальстроя как лагеря заключается в том, что число вольнонаемных рабочих здесь все же округлено и составляет около 50%. Следует отметить... что из производственных предприятий, укомплектованных рабочей силой из заключенных, план выполнили на 58%, тогда как из предприятий, укомплектованных вольнонаемными... только на 44%»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 234, л. 54].

Большинство вольнонаемных, отсидевших в колымских лагерях длительные сроки, стремились выехать из Дальстроя, но не имели возможности, пока существовала сталинская система подавления.

2.4. Создание основ сельскохозяйственного производства

Необходимость организации в экстремальных условиях Крайнего Севера собственного товарного сельскохозяйственного производства возникла как объективная реальность уже в первые годы работы треста. Решение о создании на Колыме собственной продовольственной базы принималось на уровне ЦК ВКП(б), СНК и СТО СССР.

В Постановлении СТО от 28 сентября 1932 г. «О Колыме» ДВ Крайисполкому предписывалось выделить для агробазы ДС в районе г. Владивостока 500 га земли и отгрузить в июле-августе 1933 г. 20 тыс. м^3 кругляка и 10 тыс. м^3 пиломатериалов.

НКЗ СССР должен был обеспечить Дальстрой семенами, сельскохозяйственным оборудованием, удобрениями и племенным скотом *«для сельскохозяйственного освоения района деятельности треста»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 1, л. 147].

В 1935 г. СНК СССР принимает Постановление № 434-64/с от 16 марта «О Дальстрое», в котором также отражены вопросы сельского хозяйства. В частности, о закупке в 1935–1936 гг. для оленеводческих совхозов Дальстроя в других районах ДВК, КНО, ЧНО, Северо-Эвенском районе 25 тыс. оленей, а также о направлении на Колыму специалистов сельского хозяйства – зоотехников, ветврачей, агрономов. Однако эти решения по объективным причинам выполнялись не в полном объеме.

В 1933 г. население Колымы увеличилось до 38 500 чел., а поставки всех видов товаров всего на 26,9%. На центральных базисных складах Магадана имелось 8588 т муки (на 230 дней), крупы – 774 т (на 180 дней), жиров животных – 165 т (на 237 дней), консервов – 406 т (на 140 дней). Однако из-за отсутствия дорог и транспорта доставка продовольствия в горные районы была крайне затруднена, и на приисках обычным явлением были голод и цинготные заболевания.

Газета «Орочельско-Эвенская правда» писала в то время: *«Среднекан голодает 13 дней. Еще тяжелей положение 400 утинских рабочих. Голодовка не снята с повестки дня. Остановлены все работы. Малейшее промедленье – новые пытки голода для рабочих приисков, новая остановка работ»*[83].

Реально сложившаяся ситуация с обеспечением быстро растущего населения продовольствием, а также перспективы расширения сферы деятельности Дальстроя потребовали от руководства обратить серьезное внимание на эту проблему.

Начальник планово-финансового отдела треста Л. М. Эпштейн отмечал, что *«Дальстрой обязан был задуматься над тем, каким образом эту армию рабочих и служащих Колымы прокормить... при намеченных больших масштабах работ»*[84].

«Вопреки всем предсказаниям, что с огородами на Колыме ничего не выйдет, мы, однако, решили взяться за это дело. В декабре 1932 г. первая горсточка пионеров сельского хозяйства направилась в Тауйский район, чтобы заняться подготовительными работами. Сельскохозяй-

[83]*Бацаев И. Д.* Сельское..., 1997. – С. 64.
[84]Там же. – С. 65.

ственное освоение Колымы началось с установок палаток в снежной тайге. Весной 1933 г. построили первые 70 парниковых рам, подняли 6 га целины. Посадили картофель, капусту, брюкву, посеяли лук, редис, огурцы и помидоры... Большинство ожидало в результате работы не урожая, а краха нашей затеи. Урожай пришиб врагов и неверов и окрылил нас...» [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 95, л. 8].

В 1933 г. началось строительство первых сельскохозяйственных и животноводческих баз – совхозов «Дукча» (8 км от Магадана), «Тауйский» (на побережье Охотского моря в 130 км от б. Нагаева), оленеводческого совхоза «Талая» (80 км от Элекчана). Первые изыскания показали, что *«на побережье Охотского моря и внутри области по долинам рек имеется ограниченное, но достаточное количество пахотных земель, сенокосных и пастбищных угодий»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 536, л. 94].

Однако сельское хозяйство Колымы, особенно овощеводство и растениеводство, требовали больших капитальных вложений для мелиоративных мероприятий по осушению местности – полей, заболоченных в летний период от таяния многолетней мерзлоты; работ по отводу рек, паводковых и дождевых вод со склонов гор, заливающих поля, и т. д. Кроме этого, предстояло заняться селекцией сельскохозяйственных культур, пригодных для условий Крайнего Севера. Эта работа началась в 1933 г. в Тауйском районе на участках «Талон» и «Балаганное» агрономом М. С. Отаровой.

В 1933–1934 гг. было заложено сортоиспытание 6 видов белокочанной капусты и проведена работа по селекции зерновых культур ячменя и овса. В 1935 г. организованы опытные участки в совхозах под руководством агронома В. Н. Сонина. В Тауйском сельхозкомбинате проводили испытания картофеля, капусты. Аналогичные опыты были поставлены в Дукчинском, Ольском и Таловском совхозах [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 131, л. 77].

Кроме этого, агроном В. Э. Фербей провел агрометеорологическое и сельскохозяйственное обследование правобережной части долины р. Таскан, а геоботаниками Антоновой и Шипицыным были обследованы районы рр. Колыма, Сеймчан и др. Однако эти исследования велись разрозненно и носили случайный характер. Поэтому, выступая на II межрайонном съезде Советов Колымы, Э. П. Берзин подчеркивал, что, *«говоря о сельском хозяйстве, необходимо помнить, что в 1932–1933 гг. в это дело мало верили. Думали, что на Колыме ничего не может вырасти»* [ГАМО, ф.р-51, оп. 1, д. 4, л. 20].

Лишь с приездом на Колыму в 1936 г. А. А. Тамарина была организована Колымская сельскохозяйственная опытная станция, одновременно являвшаяся Северо-Восточным филиалом Всесоюзного института растениеводства, и началась планомерная научно-исследовательская работа.

Этот год был крайне неблагоприятным по природно-климатическим условиям. Вегетативный период длился всего 68 дней. В июле установилась очень жаркая погода – до +31°С в тени, при максимальной температуре на поверхности почвы +55°, а 15 августа ударили заморозки, что привело к гибели почти всего опытного материала. Первые исследования подтвердили, что колымские районы находятся в зоне рискованного земледелия, но селекционная работа продолжалась.

Создание собственной сельскохозяйственной базы на Колыме планировалось осуществить в несколько этапов. В первую очередь должны были организовываться совхозы Дальстроя в непосредственной близости от Колымы, чтобы отказаться от завоза овощей из центральных районов Союза. Затем создание сельскохозяйственных предприятий уже в самом районе Дальстроя на побережье, которое отличалось более мягким климатом, и только после этого начинался этап сельскохозяйственного освоения в глубинных районах, в тех местах, где сосредотачивалась основная масса рабочих.

На практике сельскохозяйственный сектор Дальстроя формировался одновременно с развитием промышленного производства, в местах дислокации лагерей УСВИТЛа и рабочих поселков, число которых в 1935 г. достигло 39 (включая 9 национальных центров – Гаданжа, Кунтук, Маякан, Сиглан, Эсчан, Гарманда, Таватум, Камешки, Вилига) с населением 34 717 чел.

«Первые совхозы в своем большинстве возникали стихийно, находили среди гор подходящую площадь и строили совхоз. Совхозы располагались на заболоченной местности, почти в большинстве – торф с илом или песком... Вложенные большие средства на раскорчевку, перепашку полей... в первые годы не давали урожайности... требовали больших привозных и местных удобрений для того, чтобы сделать их пригодными для выращивания сельскохозяйственных культур» [Там же].

По объективным причинам 1932–1937 гг. были наиболее трудными в истории сельского хозяйства: в этот период создавались и организационно укреплялись совхозы, подсобные хозяйства Дальстроя и национальные колхозы. В 1934 г. на основании приказа дирекции треста «Дальстрой» № 30 организуется Управление снабжения под руководством Л. Я. Раскина*. В его ведение передавались из Коопсоюза** все товарно-материальные, денежные и имущественные ценности, а также все заготовительные и производственные предприятия, в том числе национальные колхозы. На Управление снабжения возлагались функции по организации и непосредственному ведению на территории Дальстроя сель-

*На базе реорганизованного Сектора снабжения.
**Коопсоюз был ликвидирован распоряжением УУДВИК в январе 1934 г.

ского хозяйства и переработки поступающей от колхозов продукции рыболовных, морзверобойных и охотничьих промыслов [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 7, л. 65].

В состав Управления вошли Тауйский, Ольский сельскохозяйственные комбинаты*, оленеводческий совхоз «Талая», Наяханский, Ямский, Сеймчанский промхозы, совхоз «Дукча», центральные склады, торговая сеть Нагаево-Магаданского района, производственные предприятия пищевой промышленности по переработке местного сырья.

3 января 1935 г. приказом № 6 по Дальстрою создается Управление местных ресурсов (УМР) – руководящий центр сельского хозяйства и рыбозверобойного промысла. В апреле 1936 г. УМР было реорганизовано в два управления: ПУСиПХ и КУСиПХ.

Первое организовалось на базе Тауйского комбината и объединяло Ольский, Ямский и Наяханский промхозы, Дукчинский совхоз и Хасынский леспромхоз. В состав второго вошли совхозы «Эльген» (СГПУ), «Сеймчан» (ЮГПУ), «Талая» (УМР).

О создании совхоза «Эльген» А. А. Тамарин писал: *«На месте старого якутского стойбища на устье р. Эльген был создан совхоз... Из огромного навозного наследства якутов построили теплицы и парники и в 1935 г. дали овощи приискам. Тысячи пудов ячменя, овса сняты с полей Эльгена. Созрела озимая рожь... получен семенной материал по картофелю. Проблема полного самообеспечения Заколымья овощами становится реальной программой. КОС и "Эльген" должны решить эти задачи в короткие сроки»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 95, лл. 16, 17]. В совхозе «Эльген» была создана уникальная система орошения. Участок площадью 87 га полностью снабжался водой из реки благодаря трассированной системе каналов. В 1933 г. для развития мясного и молочного животноводства в приисковых районах в совхозы «Эльген» и «Сеймчан» завезли 30 коров и 82 яка. На предприятиях ГПР создавались внутриприисковые сельскохозяйственные участки.

Основными задачами ПУСиПХ и КУСиПХ являлись: изучение в районах почвенных, климатических и экономических условий, оказывающих влияние на развитие сельского хозяйства; развитие животноводства, оленеводства, полеводства, огородничества; испытание в северных условиях сельскохозяйственных машин и электрификация сельскохозяйственного производства.

«1936 г. стал подготовительным для перехода в ближайшие годы к большому развороту сельского хозяйства», – отмечалось в годовом отчете треста [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 471, л. 3]. Проблема требовала кардинальных решений, так как положение со снабжением продовольствием приисков оставалось очень напряженным. В результате был принят ряд решений по подъему сельского хозяйства, но на III партконференции в 1937 г. вновь констатировалось, что *«красивые резолюции выносились во времена осенней кампании. В результате этих резолюций ничего практически нет»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 76, л. 58].

В августе 1938 г. КУСиПХ и ПУСиПХ были реорганизованы в Управление рыбопромышленного хозяйства (пос. Веселая) и Управление сельского и лесного хозяйства (совхоз «Дукча»). Первое объединяло рыбпромхозы, второе – совхозы. В результате произошло выделение сельского хозяйства в самостоятельную отрасль.

На Управление сельского и лесного хозяйства возлагалось руководство сельскохозяйственной деятельностью всех управлений и организаций районов Колымы и Охотского побережья. Общий контроль осуществлял Административно-гражданский отдел и партком Дальстроя.

В сфере производства с 1934 г. базой для развития сельского хозяйства становится Тасканская долина, *«расположенная вблизи крупной горной промышленности. Долина исключительно благоприятна... Несколько десятков тысяч га лугов и земель... которые сравнительно с небольшими для Крайнего Севера капитальными затратами могут быть использованы и превращены в поля. Продукция этой долины, помимо Тасканского горнопромышленного района, может легко доставляться вниз по Колыме в районы Утинки и Оротукана»*, – подчеркивалось в отчете Дальстроя [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 471, л. 3].

В это же время началось освоение богатой лугами Сеймчанской долины, которая в дальнейшем стала базой кормопроизводства. Совхоз «Дукча» с отделениями снабжал население Нагаево-Магаданского района. Оленеводческие совхозы «Талая» (организован в 1932 г.), «Буксунда» (организован в 1936 г.), «Челбанья» (организован в 1937 г.) в первые годы в основном занимались перевозкой грузов в районы приисков.

Социалистический сектор сельского хозяйства на Колыме формировался на основе двух форм собственности – государственной и кооперативно-колхозной.

Коллективные хозяйства в национальных районах начали формально создаваться в конце 20-х гг., а реально – в первой половине 30-х гг.

Как отмечалось в резолюции IV съезда уполномоченных Ольско-Сеймчанского района 5 апреля 1931 г., *«создание артелей до 1931 г. проходило самотеком... Делу коллективизации не уделялось*

---

*Организованы в 1934 г.

внимания... В сущности у нас одно лишь название, что кооперативы, а никаких кооперативов нет» [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 186, л. 18]. Из 1328 хозяйств кочевой образ жизни вели 832.

Председатель Тасканского сельсовета якут Винокуров говорил на II межрайонном съезде Советов Колымы: *«Мы раньше так полагали, что все русские плохие люди, они только обманывают, а вот теперь как приехал Берзин, он доказал, что русский человек не такой, он старается о нас»* [ГАМО, ф.р-61, оп. 1, д. 4, л. 13].

Э. П. Берзин придерживался такой точки зрения, что *«реконструкция хозяйства кочевника состоит не в том, чтобы украсить юрту кочевника, оббить ее фанерой, поставить печку, а в том, чтобы подвести под это дело экономическую базу, чтобы он сам видел, что ему выгодно»* [Там же].

Таблица 34

Национальные колхозы на 1 апреля 1933 г.
[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 349, л. 35]

Район	Всего хозяйств	Оседлые	Кочевые	Колхозы	Товарищества, артели
Северо-Эвенский	349	26	323	1	3
Ольский	363	169	194	3	5
Тауйский	216	137	79	3	1
Колымский	340	140	200	–	5
Итого	1268	472	796	7	14

В 1933 г. коллективизацией было охвачено 45,3% хозяйств в основном оседлого населения (табл. 34).

В 1936 г. в колхозы объединили уже 77% хозяйств всех категорий, а по официальным данным, коллективизация в районах Колымы и Охотского побережья завершилась к 1941 г. Хотя это и не соответствовало действительности в отношении кочевников-оленеводов, которых насильственно переводили на оседлый образ жизни.

В акте приема-сдачи АГО ГУ СДС от 25 февраля 1939 г. отмечалось, что *«плана коллективизации сельских хозяйств нет, не выявлены кулацкие хозяйства. В настоящее время никаких данных о ходе коллективизации нет...»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 3, л. 2].

В то же время это не означало, что УСХ ДС и районные исполнительные комитеты не вели репрессивную политику в отношении кулачества. В 1934 г. при перевыборах в Советы в селах Камешки, Вилига, Кунтук и др. была проведена *«чистка органов власти от классово неугодных и враждебных элементов»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 55, л. 2]. Партком ДС постоянно ориентировал партийные органы на усиление бдительности и беспощадную борьбу с национальным кулачеством и шаманством. На это же были нацелены и оперуполномоченные органов УНКВД по ДС. В результате срывы снабжения коренного населения, поджоги тайги, невыполнение планов, бегство оленеводов из колхозов и т. д. оценивались как антисоветская, террористическая деятельность кулачества. Секретарь Среднеканского РИКа В. Н. Домиков прямо утверждал, что *«поджоги тайги делало подчас само коренное население, классовый враг это списывал на русских, а сами уходили далеко от русских. С этим надо беспощадно бороться»* [Там же. Л. 39]. Начальник УСВИТЛа И. Г. Филиппов говорил, что *«нужно забраться в нацсентры. Мы хорошо знаем, что кулаки и остатки бочкаревцев в лагере не сидят, а ушли подальше, есть данные, что работают они крепко»* [Там же. Л. 115].

Во второй половине 30-х гг. в связи с усилением в стране репрессивно-карательной политики борьба с кулачеством на Колыме также приобрела ярко выраженную повстанческо-шпионскую окраску.

Так, по отчету за 1937–1940 гг. силами Нагаево-Магаданского пограничного отряда были вскрыты и ликвидированы целый ряд *«контрреволюционных, шпионо-повстанческих... групп, созданных... разведорганами в разные годы, начиная с 1924 г., почти во всех населенных пунктах Охотского побережья»*. Репрессиям подверглись 148 чел., в основном представители коренных народностей Севера, которые, по мнению УНКВД по ДС, составляли целую сеть *«шпионо-повстанческих организаций... и действовали по одному плану под одним руководством... Они готовили контрреволюционное восстание по всему Охотскому побережью и среди заключенных лагерей»*[85].

Развитие совхозного производства также сталкивалось с серьезными трудностями, а его эффективность находилась на низком уровне. В сводном годовом отчете УСХ ДС по совхозам «Тауйский», «Ольский», «Дукча», «Хасынский», «Янский» за 1937 г. говорилось, что *«деятельность ПУСиПХ... характеризуется исключительно плохими показателями и резким невыполнением планов – по картофелю – 63,5%, капусте – 37,7%, овощам – 23,6%, корнеплодам – 61,8%... Производство совхозов носит в большей своей части потребительский характер, что не соответствует их назначению... Инвентарь находится под открытым небом и занесен снегом, точного представления о его наличии не имеется. Снабжения местного населения... явно недостаточно, и население испытывает острую нужду, что не могло не вызвать его недовольства»* [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 8, лл. 1, 4].

Такая ситуация в этот период объяснялась в первую очередь деятельностью врагов народа – «шайки Берзина – Булыгина».

---

[85] *Райзман Д. С.* Оперативная работа 61-го Нагаево-Магаданского морпогранотряда ОГПУ-НКВД СССР (1932–1940) // Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. чл.-кор. РАН Н. Н. Дикова. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 210.

В «Плане развития сельского хозяйства в 1938–1942 гг.» отмечалось, что *«естественно, сельское хозяйство, являясь цехом питания социалистической промышленности, не могло оказаться в стороне от вредительской деятельности бывшего вражеского руководства треста "Дальстрой". Основной удар вредительства был направлен на то, чтобы, затрачивая огромные средства на организацию сельскохозяйственных предприятий (совхозов), создавать их с таким расчетом, чтобы получить наименьший производственный эффект»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 98, л. 3].

Парторг ПУСиПХ Матвеев, выступая на IV Всеколымской партийной конференции, говорил, что *«с моим приездом на Колыму у меня создалось впечатление, что я попал не в советскую страну, это особенно чувствовалось в ПУСиПХ, где сидело много врагов народа»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 97, л. 2].

Делегат П. И. Татаринов из совхоза «Эльген» громил КУСиПХ: *«Там еще стоят у руководства враги народа, в частности, начальник управления Ткачук с 58 ст., зав. конбазой Скачков – ст. 58, заведующий свинофермой Кушко – ст. 58»* [Там же].

«Враги» скрывались и в совхозе «Талая». *«В нашем совхозе*, – говорил Т. Т. Новиков, – *много было разоблачено врагов народа – Березкин, Сыромятников и др., которые имели покровительство со стороны руководства ДС, в частности, врага народа Берзина»* [Там же]. В то же время отметим, что специалисты сельского хозяйства реально оценивали целый комплекс актуальных проблем колхозно-совхозного сектора.

В частности, отмечались отсутствие единой организационной системы управления и производства, серьезные просчеты в ходе изыскательских работ при выборе мест строительства совхозов, примитивная механизации основных технологических процессов, запущенность агротехники, нехватка средств на капитальное строительство, срыв научно-исследовательских работ и практического внедрения и пр.

По итогам специального совещания о советско-колхозном строительстве при Политотделе ДС, состоявшегося 21–25 февраля 1938 г., был разработан план развития колхозов. Он предусматривал строительство национальных центров в Бараборке, Наяхане, Хургане, Туманах, Коркодоне, Уптаре, Эсчане, Оротукане, Балыгычане, организацию земельных отделов при РИКах и укомплектование их лицами коренной национальности. В системе управления снабжением ДС создавались специальные отделы. Совещание приняло решение: *«Колхозсоюз как организацию, не обеспечивающую нормальное организационно-хозяйственное развитие колхозов, – ликвидировать»* [ГАМО, ф.р-17, оп. 1, д. 216, л. 150].

Руководство колхозным движением передавалось земотделам РИКов и УУДВИК.

Совещание потребовало развернуть широкую политмассовую работу среди коренного населения, организовать в кочевых сельсоветах колхозные Красные юрты (яранги) в Ольском (Талая, Туманы, Киринтанс), Среднеканском (Улахан, Чистая) и Северо-Эвенском районах. Для разъяснения задач социалистического строительства было решено *«создать издательство национальной художественной и специально-экономической литературы на эвенском языке при редакции газеты "Орочельская правда"»* [Там же. Л. 154]. Кроме этого, в плане борьбы с кулачеством особо отмечалась слабая антирелигиозная пропаганда среди населения, результатом которой явилась «антисоветская вылазка» шаманов в Гаданже и Гарманде. Подчеркивалось, что *«вопрос религиозный глубоко еще сидит в тунгусских юртах, которые просто увешаны иконами»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 62, л. 86].

На 1 января 1939 г. в районах Колымы и Охотского побережья были организованы 25 коллективных хозяйств, из них 13 на уставе артели и 12 на уставе товариществ (табл. 35).

В Ольском районе из 694 хозяйств (оседлых 336, кочевых и полукочевых 358) было коллективизировано 552 (81%), в Среднеканском из 287 – 206 (71,7%), в Северо-Эвенском из 366 – 313 (85%) (табл. 36).

Колхозы имели смешанную отраслевую структуру. В Ольском и Северо-Эвенском районах основным направлением были рыболовство и добыча морского зверя. Кроме этого, в ограниченных размерах начало развиваться молочное животноводство и растениеводство. В 1938 г. в колхозах Среднеканского района было сосредоточено 80% крупного рогатого скота от общего количества (1640 гол.) в колхозном секторе. Становление молочного животноводства и земледелия в национальных колхозах было связано не только с серьезными материальными трудностями, но и с ломкой психологии коренного населения. *«Раньше орочи смотрели на свинью, корову так: раз нельзя ее запрячь в нарты, то она для хозяйства не годится»* [ГАМО, ф.р-51, оп. 1, д. 4, л. 19]. Коренное население *«не смело даже дотрагиваться и ковырять священное лицо земли»* [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 95, л. 12].

Кроме этого, продукция животноводства и овощеводства не входила в традиционный рацион питания орочей, камчадалов, юкагиров, якутов, и они крайне неохотно покупали коров в промхозах. Целенаправленная работа по развитию колхозного животноводства и растениеводства началась только в 1939 г., когда руководство национальными колхозами было передано непосредственно АГО СДС. За 1933–1940 гг. посевные площади в колхозах увеличились с 3,5 до 196 га, а валовой сбор овощей с 10 до 224 т.

Однако, как отмечалось в «Справке о трех национальных районах», этому вопросу *«мало уделялось внимания. Предпосевная обработка почвы отсутствует, т. е. поднятие паров и вспашка зяби не проводится, минеральные удобрения не вносятся. Обработка почвы вручную. Кроме того, большинство колхозов занимаются рыбной ловлей, которая дает им основной доход. Поэтому для работы в сельском хозяйстве остается очень мало рабочей силы»* [Там же].

Таблица 35

Колхозы Колымы и их специализация

Хозяйство	Уставная форма	Хозяйственное направление
Ольский район		
«Путь Севера», Ола	С/х артель	Рыболовство и с/хозяйство
«Новая жизнь», Гаданжа	То же	То же и животноводство
«Новый путь», Маякан	Р/б артель	То же и оленеводство
«1-е Мая», Сиглан	То же	– « –
«Пятилетка», Ямск	– « –	Рыболовство и с/хозяйство
«Рассвет», Гаданжа	– « –	То же и оленеводство
«Рассвет», Тауйск	С/х артель	То же и с/хозяйство
«Пробужденный Север», Армань	То же	То же и оленеводство
«Кунтук-Ороч», Кунтук	Товарищество	– « –
«Оленевод», Талая	То же	Оленеводство
«Рыбак», Туманы	– « –	Рыболовство – оленеводство
Среднеканский район		
«Красный богатырь», Таскан	С/х артель	С/хозяйство, животноводство
«Искра», Сеймчан	То же	То же
«III пятилетка», Балыгычан	– « –	– « –
«Светлая жизнь», Нешкан	– « –	– « –
«Новый путь», Коркодон	– « –	– « –
«Красная звезда», Оротук	Товарищество	– « –
«Красный Бухчай», Эсчан	То же	– « –
Северо-Эвенский район		
«Север», Наяхан	С/х артель	Рыболовство и с/хозяйство
«Новый путь», Таватум	Товарищество	То же и оленеводство
«Рассвет», Камешки	То же	– « –
«Путь Ленина», Наяхан	– « –	– « –
«Элекчан», Гарманда	– « –	– « –
«Красный луч», Вилига	– « –	– « –

Что касается животноводства, то в обобществленном секторе имелись 454 гол. крупного рогатого скота, 317 лошадей, 129 свиней, 7808 оленей и 279 собак, а в личном пользовании колхозников – 1117 гол. крупного рогатого скота, 317 лошадей, 22 975 оленей и 1905 собак.

Например, в Северо-Эвенском районе в личной собственности колхозников нахолось 19 тыс. оленей, а в общественном секторе – 1400 гол., ездовых собак – соответственно 765 и 29. В колхозе «Путь Ленина» колхозное стадо насчитывало всего 23 гол., а личное – 3300 гол. В Ольском районе поголовье оленей, находившихся в личном пользовании колхозников, составляло11 894, а в колхозе – 6000 гол. (40,3%), ездовых собак – соответственно 1256 и 394 гол. (23,8%).

В колхозах велся большой забой общественных оленей для личных нужд, а потери достигали огромных размеров, пастухи просто бросали колхозные стада.

Таблица 36

Состав населения нацрайонов, по данным хозучета на 1 января 1939 г.*

Район	Эвены	Камчадалы	Якуты	Русские	Юкагиры
Ольский	1620	641	139	214	–
Северо-Эвенский	1300	65	–	329	–
Среднеканский	256	–	488	–	175

*По данным Всесоюзной переписи 1939 г., в 3 районах учтены 5212 чел., в том числе эвены – 3008 чел., камчадалы, юкагиры, чукчи, коряки, якуты – 675 чел. и 773 чел. других национальностей.

В справке «О состоянии советско-колхозного строительства в Северо-Эвенском районе» подчеркивалось, что *«некоторые пастухи-оленеводы сами заинтересованы в неправильном учете оленьего поголовья... для них и др. крупных оленеводов создается благоприятная обстановка для хищнического забоя оленей... Поскольку олений и собачий транспорт в основном находится в личном пользовании... организации ДС из года в год испытывают большие затруднения. Владельцы же собачьих и оленьих нарт эти трудности стараются использовать в целях личного обогащения»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 4, лл. 35, 36].

Работники РИКов докладывали, что в колхозах основные капиталы разбазариваются, а имущество или расхищается, или просто погибает. Многие колхозники не выходили на работу без уважительных причин, а вторые члены семьи совершенно уклонялись от работы в колхозах.

Данные факты говорят о том, что коллективизация протекала крайне сложно, наталкиваясь на скрытое сопротивление коренного населения.

На совещании по вопросу о советском и колхозном строительстве в национальных районах Колымы в сентябре 1940 г. констатировалось, что *«колхозники занимаются своим индивидуальным хозяйством, и они наплевательски относятся к колхозу... С иждивенческими настроениями надо покончить и направить колхозников на правильный путь»* [Там же. Д. 14, л. 64].

Председатель Ольского РИКа Салдадзе прямо заявил, что *«у нас не колхозы, а лжеколхозы... Некоторые колхозники не выходят на работу и отказываются от работы»*.

Начальник 1-го отдела Политуправления Паркман подчеркивал, что *«у нас есть ряд колхозов, которым приходится все, буквально все, завозить – мясо, овощи и прочее»*.

Начальник Политуправления Сидоров с удивлением вопрошал: *«Почему же положение почти всюду плохое?»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 14, л. 35].

На этот риторический вопрос начальник АГО ДС С. Н. Расторгуев отвечал: *«Ездили инструктора. Причем когда они приезжали в Магадан, то докладывали совсем другое – о благополучии, председатели колхозов докладывали также другие цифры, чем на самом деле, т. е. заявляли, что все хорошо»* [Там же. Л. 35]. Он подчеркивал, что *«нам не хотят подчиняться, игнорируют наше руководство. В районах говорят: "Что нам АГО? – это просто аппендицит! Мы подчиняемся Краю, а распоряжений АГО не признаем". А в результате и Краю не подчиняются. В планировании неразбериха, дело в том, что нет единства: мы даем один план, промхоз другой и УРПХ – третий»* [Там же. Лл. 7, 8].

Зам. начальника ГУ СДС Корсаков говорил, что *«на меня лично доклад тов. Расторгуева... произвел очень тяжелое впечатление... Он рассказал, что посевные планы не выполняются, новые земли не осваиваются, урожайность низкая, да и имеющийся урожай хранить негде, т. к. нет овощехранилищ. Этот доклад можно было бы, и то с натяжкой, понять, скажем, в 1929–1930 гг. и от силы в 1931 г., но не сейчас»* [Там же. Л. 91].

За развал работы С. Н. Расторгуев был снят с должности, и начальником АГО ДС назначен Д. А. Жучаев. В приказе Главного и Политического управлений СДС НКВД СССР № 055 от 17 сентября 1940 г. отмечалось, что *«в результате слабой работы АГО... колхозы Колымы, несмотря на большую помощь Дальстроя, работали плохо, снабжение коренного населения, особенно в глубинных пунктах, по-настоящему не организовано... неграмотность ликвидируется крайне медленно»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 22].

Кризис сельского хозяйства в колхозах было решено преодолеть по-большевистски, методом штурма и натиска, а именно за счет принудительного обобществления личной собственности колхозников – коров, оленей и ездовых собак. Политуправление и АГО приняли решение оставлять у колхозников одного коня и корову, а оленей и собак по «согласованию с владельцами».

Перед АГО ДС и РИКами была поставлена задача: добиться, *«чтобы колхозы создавали какую-то базу для собственного обеспечения... чтобы можно было сказать, что мы имели какую-то продукцию своего хозяйства. Превратить колхозы Колымы из потребляющих в крупные фабрики, производящие не только рыбную, но и сельскохозяйственную продукцию»* [Там же].

Однако на практике руководство Дальстроя не уделяло большого внимания укреплению материально-технической базы колхозов, капитальному строительству и т. д. Сельское хозяйство в колхозах Ольского и Северо-Эвенского районов оставалось подсобным, второстепенным, а главное внимание, учитывая навыки населения и потребность ДС, уделялось развитию рыболовства и добыче морского зверя.

Основным производителем сельскохозяйственной продукции являлись 10 совхозов на Колыме, 5 в Приморье и более 300 подсобных хозяйств промышленных предприятий и организаций. Доля местного производства постепенно возрастала. В 1936 г. *«впервые стало возможным выдача сравнительно значительных масс овощей для удовлетворения нужд Магадана и трассы. В фонд снабжения Дальстроя было передано 1480 т картофеля, капусты и др. овощей. Объем товарной продукции мог быть и больше, но начавшийся в конце мая (1936 г.) разлив рек принял характер стихийного бедствия, затопив старопахотные участки совхозов "Эльген" и "Сеймчан"... Разлив рек Эльген и Таскан по совхозу "Эльген" и рек Колымы и Сеймчана по совхозу "Сеймчан" принял такие размеры, что затопило и прекратило какие бы то ни было сообщения. На территориях указанных совхозов смыло парники»*[86].

В течение последующих двух лет доля местного валового производства возросла до 67%, товарного – до 62,8% (табл. 37).

Таблица 37

Валовая и товарная продукция совхозов Дальстроя (картофель, овощи, т)

Показатель	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Валовая продукция ДС	6978,9	11865,9	15919,2
Из них товарная	6618,1	10907,4	14117,2
В том числе по управлениям:			
Приморское управление	975,2	2725,0	4624,0
Горное управление	31,0	483,0	3722,0
Колонпоселки	204,0	942,4	2328,0
Владивостокская агробаза	5768,6	7717,5	5246,0

Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции было достигнуто путем создания новых совхозов, подсобных хозяйств в колонпоселках, но главным образом за счет усиления эксплуатации труда заключенных и роста их численности в системе сельского хозяйства.

В 1936 г. в КУСиПХ из 2729 чел., занятых в сельском хозяйстве, 2433 являлись заключенными, в ПУСиПХ из 3443 чел. – 2845. В 1938 г. на начало года в системе УСХ ДС работал 6561 заключенный, причем в течение года прибыли 6932 чел., а убыли 8092 чел. [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3981, л. 108 об.].

[86] *Бацаев И. Д.* Сельское..., 1997. – С. 68.

В 1940 г. количество заключенных в совхозах увеличилось до 6623 чел. Их труд широко применялся на раскорчевке лесных массивов под пашню, осушении болот, заготовке сена, в капитальном строительстве и т. д.

В период промывочного сезона *«полноценная рабсила из совхозов снималась, и они укомплектовывались главным образом за счет слабосильных рабочих и женщин... что отражалось на выполнении норм выработки»* [Там же. Д. 642, л. 70].

Таблица 38

Состав рабочей силы совхоза «Эльген», чел.

Работники	Мужчины	Женщины	Всего
Годные к ТФТ	52	246	298
То же, к СФТ	26	403	429
То же, к ЛФТ	195	210	405

Например, в совхозе «Эльген» на 1/1-1941 г. работали 150 вольнонаемных (в том числе 125 бывших заключенных) и 1244 заключенных, из них 308 мужчин и 936 женщин (табл. 38).

Из общего количества заключенных-женщин имелось: 137 кормящих матерей, из них не работали 60 чел., слабосильных и разутых – 53 чел.

«Совхоз находился в весьма трудном положении по причине большого процента слабосильных, инвалидов и кормящих матерей, которые приносят производству только ущерб и убытки», – отмечалось в отчете УСХ ДС [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 32, лл. 40, 41].

Аналогичное положение было и в совхозе «Дукча», где к тому же аппарат управления на 26% состоял из заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления.

В совхозе «Тауйский» на ответственных административных должностях (л/п «Талон» и «Балаганное») работали 32 заключенных, осужденных за контрреволюционную деятельность, и, как отмечалось в документах, *«все эти безобразные факты привели к развалу лагерного режима, сожительству, снижению дисциплины... о чем свидетельствует наличие в лагере беременных женщин»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 4, л. 25].

Режим работы и содержания заключенных, занятых в сельском хозяйстве, ничем не отличался от других лагерей УСВИТЛа – разутость, раздетость, голод, разваленные бараки, издевательства со стороны лагерной администрации.

По результатам проверки совхоза «Тауйский» начальник АГО ДС Д. А. Жучаев докладывал в Политуправление, что *«материалы... о нарушении лагерного режима подтвердились полностью... Начальник л/п "Талон" Поплавская раздевала з/к женщин-отказчиков и ставила их "на комара". Боец Лебедев по указанию Поплавской 16/VIII-40 г. на сельхозучастке во время работы раздел з/к женщин и посадил их "на комара" якобы за отказ от работы, но актов об этом отказе не оказалось»* [Там же. Л. 26]. Факты издевательств над заключенными являлись обычным делом. Они отмечались в приказах начальника ГУ СДС, виновных наказывали, но ситуация не менялась.

В 1940 г. совхозы (сельхозлагеря) «Эльген» и «Тауйский» были крупнейшими хозяйствами Колымы. Их удельный вес по валовому выходу продукции составлял 52%, по посевным площадям – 78% ко всем остальным совхозам УСХ ГУ СДС. В то же время в актах ревизий подчеркивалось, что эти хозяйства продолжали оставаться в глубоком прорыве. Например, в совхозе «Тауйский» поголовье рогатого скота почти полностью было поражено бруцеллезом, а ведущая отрасль – свиноводство, находилась в «совершенно неудовлетворительном состоянии».

Несмотря на жесткий лагерный режим, в совхозах процветали приписки к нарядам, завышение производительности труда заключенных и вольнонаемных рабочих, очковтирательство, *«ставшие повсеместным, преступным делом многих врагов народа, грабящих совхозное добро»*, – отмечалось в приказах УСХ СДС [Там же. Д. 14, л. 173].

Это было следствием сращивания лагерной администрации с уголовными авторитетами, державшими в «ежовых рукавицах» основную часть заключенных. В докладной записке «О состоянии работы Тауйского совхоза» подчеркивалось, что *«руководители совхоза и лагпункта... дожили до того, что... организовали в столовой вечер с вином для заключенных, на котором участвовали 17 чел. з/к бригадиров, звеньевых и присутствовал директор Бойцов и инспектор КВЧ Кошкина»* [Там же. Л. 26].

Материально-техническое оснащение совхозов находилось на крайне низком уровне, а капитальное строительство так же, как и в колхозах, практически не велось. В документах УСХ отмечалось, что *«обеспеченность стройматериалами, техперсоналом на стройках УСХ совершенно недостаточные. Строителей нет. Контингент з/к имеет постоянную текучесть. Техперсонал нужного опыта не имеет. Основная масса строительных рабочих з/к являются неполноценными – инвалиды, забракованные на работах, требующих физически здоровых рабочих»* [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 31, л. 52].

Строительство велось хозспособом, без проектов и смет. Фермы, хранилища, мастерские размещались в ветхих бараках и землянках. В результате ревизии совхоза «Эльген» было выявлено, что *«ремонт зданий совхоза не проводился... Молочная в безобразном антисанитарном состоянии... Чаны с молоком наполнены... мухами, вокруг здания кучи навоза... В таком же неприглядном состоянии... и птицеферма... Печи в теплицах на 50% пришли в негодность и не ремонтируются»* [Там же].

В совхозе «Тауйский» та же картина: *«Территория вокруг производственных цехов непомерно захламлена навозом, щепой, битым кирпичом... кругом валяется хозяйственный инвентарь, самые разнообразные стройматериалы, доски, кирпичи и т. д. ...В складах грязь, захламленность... невероятная мешанина... – цемент, кожсырье, минеральные удобрения и разные технические принадлежности свалены в одну кучу...»* [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 24, л. 8; д. 32, л. 243].

Подневольный труд пытались стимулировать, с одной стороны, усилением режима и репрессиями, с другой – организацией соревнований среди заключенных, увеличением пайков, но это не давало эффекта.

В целом, несмотря на рост валового производства, в 1933–1937 гг. сельское хозяйство *«по методике ведения находилось в экспериментальном состоянии... было подвергнуто случайностям и стихийности»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 642, л. 65].

В соответствии с решениями XVIII съезда ВКП(б) перед сельским хозяйством Дальстроя была поставлена задача в 1938–1942 гг. *«создать собственную продовольственную базу, обеспечивающую потребность населения Колымы овощами, картофелем, молоком и мясом, а также полное покрытие потребности животноводства в грубых и сочных кормах и отчасти в концентратах»* [Там же. Д. 98, л. 3]. Для этого было необходимо увеличить производство овощей в 12,3 раза, картофеля в 25 раз, молока в 4 раза, мяса в 5 раз, яиц в 3,5 раза. Предусматривалась организация новых совхозов – «Аркагала», «Нера», «Хольджай», «Тенька». Однако эти планы были нереальны.

В общем объеме потребностей Дальстроя удельный вес собственной сельскохозяйственной продукции по отношению к завозимой оставался небольшим.

В 1940 г. в совхозах и подсобных хозяйствах было произведено 355 т мяса и завезено 1600 т, овощей соответственно 4380 и 9000 т. При этом совхоз «Тауйский» дал убытки в 1281 тыс. руб., «Эльген» – в 1977 тыс. руб.

В 1940 г. в структуре УСХ произошли следующие изменения. В совхозе «Дукча»* организуется первая птицеводческая ферма, Колымская опытная станция и совхоз «Эльген» объединены в одно хозяйство «КОС-Эльген». Совхозы «Бохапча», «Мылга», «Сеймчан» и «Сусуман» передавались в горнопромышленные управления – СГПУ, ЮЗГПУ, ЗГПУ – в целях приближения их к горным предприятиям. В составе УСХ остались совхозы «Дукча, «Эльген», «Тауйск», «Талая», «Ольский», «Челбанья», «Буксунда»**.

В целом созданный в 1932–1940 гг. социалистический сектор сельского хозяйства отличался низкой экономической эффективностью и организационной неустроенностью, но как база местного производства сыграл важную роль в годы войны.

Основная задача сельскохозяйственного производства в этот период заключалась в постоянном наращивании объемов продукции с максимальным использованием местных природных ресурсов. РИКам и правлениям колхозов Колымы предписывалось *«как можно меньше требовать от государства материалов и продовольствия... обеспечить нужды тыла за счет мобилизации всех местных продовольственных ресурсов, развернуть самозаготовки в каждом районе, собрать, заготовить и сохранить все, что может быть заготовлено на месте»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 71].

В приказе ГУ СДС и Политуправления № 50 от 10 ноября 1941 г. говорилось: *«Сельсоветы и колхозы должны беречь и укреплять общественную социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни трудящихся. В час военных испытаний колхозники должны еще теснее сомкнуть свои ряды вокруг великой партии Ленина – Сталина, удесятерить усилия, укреплять и расширять колхозное производство. Все силы на помощь нашей доблестной Красной Армии, нашей любимой Советской Родине»* [Там же. Л. 81].

Наряду с обычными видами сельхозпродукции, колхозы и совхозы обязывались организовать плановый забой морских чаек (100 ц), водоплавающей и боровой дичи (140 и 1700 ц), а также сбор яиц диких птиц (100 тыс. шт.), ягоды (530 ц), шишек стланика (300 ц) и заготовить до 200 ц мяса диких животных.

В приказе ГУ СДС № 50 от 29 ноября 1941 г. подчеркивалось, что *«в это грозное время, когда наш великий народ собрал все силы на борьбу с жестоким врагом, не должно быть отстающих, не должно быть ни одного колхоза, не выполняющего своих обязательств перед государством... Колхозы Колымы должны перестроить свою работу на военный лад»* [Там же. Лл. 80, 81].

На предприятиях создавали специальные заготовительные бригады, которые сдавали продукцию на приемные пункты Колымснаба. В 1941 г. было заготовлено 594 ц мяса и сала морзверя, 225 ц мяса диких животных, свыше 149 ц водоплавающей дичи и чаек, 12 263 шт. боровой дичи, 55,9 т грибов и ягод. В 1942 г. децентрализованные заготовки возросли до 1656 ц мяса и сала, 432 ц мяса диких животных, 279,8 ц водоплавающей дичи, 21 442 шт. боровой дичи, 142 т грибов и ягод. Для их переработки в пос. Ягодное была создана витаминная фабрика. На ней изготовлялись экстракты из брусники, стланика, шиповника, витаминизированные джемы и кисели. Из орехов стланика было получено кедровое масло.

---

*С 1 апреля 1939 г. за счет разукрупнения организован свиносовхоз.

**Создан на базе совхоза «Талая» в 1939 г. С 1 декабря 1940 г. как самостоятельное хозяйство ликвидирован.

Инженер-химик П. И. Чудинов писал, что *«по питательности кедровое масло не уступает лучшим сортам растительного масла. ...Оставшийся жмых размалывается на бегунах и просеивается через мелкое сито. Полученная мука может быть использована для приготовления кофе, халвы и совместно с мукой пшеничной – для выпечки галет, печенья»*.

В 1943 г. вступил в строй Тасканский пищекомбинат, на котором переработка местного сырья была значительно увеличена. Пищекомбинат освоил производство противоцинготного витаминизированного вина, сгущенного молока, а также различных солений и маринадов. В 1945 г. директор комбината Н. Д. Каменова была награждена орденом «Знак Почета».

В совхозах «Дукча», «Тауйск», «Эльген», колхозах «Красный богатырь», «Сталинец» освоили выращивание махорочного табака. Посевы табака к концу войны достигли 10 га, а сбор урожая с 6 до 15 т.

16 сентября 1941 г. принимается важное решение о развитии оленеводства, которое в предвоенные годы было *«пущено на самотек, приводивший к большим потерям оленепоголовья, непроизводительному отходу оленей, хищническому забою и огромным потерям для нашего государства»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 79, л. 48].

Основное стадо оленей в национальных районах Колымы находилось в индивидуальном пользовании колхозников и единоличников. Прирост оленепоголовья в 1939 г. был равен всего 9% (на 1/1-1939 г. – 27 795 гол., на 1/1-1940 г. – 30 513), а в 1940 г. он даже снизился до 3%. В 1941 г. положение несколько улучшилось. Количество оленей возросло с 31 611 (на 1/1-1941 г.) до 40 629 гол., в том числе в общественном секторе с 9239 до 17 394 гол. Планом развития оленеводства в 1941–1945 гг. предусматривалось довести количество оленей на Колыме до 66 тыс. гол., из них 80% в колхозах.

АГО ДС предписывалось закупить 5000 оленей в Якутии для развития оленеводства в Среднеканском районе.

Кроме этого, была разработана комплексная программа, включавшая в себя маршруты оленьих кочевок, которые прокладывались таким образом, чтобы исключить какие-либо контакты с заключенными УСВИТЛа, организацию ветеринарных пунктов, школ по подготовке национальных кадров, а также ряд мероприятий по оседанию кочевого населения.

Эта проблема являлась первостепенной, так как проведенной весной 1941 г. проверкой было установлено, что *«хозяйственные центры для оседлого населения... выбраны неудачно: в местах, отдаленных от основных промыслов, в местах, подверженных наводнению, отдаленных от топлива, и прочее. Население по указанным выше причинам ушло в другие места»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 9, л. 217].

Приказом ГУ СДС НКВД СССР № 126 от 20 марта 1941 г. определялись места новых национально-хозяйственных центров в устье р. Таватум, на рр. Мылга, Таллах и районе поселков Таватум и Тауйск. В Тауйске планировалось построить 8 домов для Янской группы кочевого населения, в Армани – 13 для Уптарской группы, в Сиглане – 10, в Бараборке – 11, в Камешках – 15, в Гарманде 10 домов. Кроме этого, в 1941–1942 гг. предусматривалось в виде опыта организовать круглосуточные детские комбинаты и интернаты при школах в Тауйске, Ямске, Таватуме, Гарманде и Нижнем Сеймчане. Детей в интернаты помещали исключительно по просьбе родителей.

Основным направлением хозяйственной деятельности колхозов Ольского и Северо-Эвенского районов по-прежнему оставалось рыболовство и добыча морского зверя, но в обстановке военного времени постоянно наращивалось и производство продукции животноводства и овощеводства. В Среднеканском районе 6 колхозов специализировались на животноводстве, растениеводстве, овощеводстве, а также занимались охотой, извозом, оленеводством и в незначительных размерах рыболовством.

Доля колхозов в валовом объеме сельхозпродукции местного производства в годы войны возрастала (табл. 39).

Колхозы «Красный богатырь», «Искра», «Светлая жизнь», «III пятилетка», «Ольский», «Рассвет» неоднократно отмечались грамотами Главного и Политического управлений Дальстроя за высокие показатели в развитии сельского хозяйства.

Однако основным поставщиком продовольствия являлись не колхозы, а по-прежнему совхозы УСХ СДС на Колыме, 5 – в Приморье (№ 1, 3 ст. Дубининская, № 2 ст. Надежнинская, № 4 ст. Возжаевка, № 5 ст. Хоральск) и подсобные хозяйства предприятий и организаций. В октябре 1942 г. от Владлага было принято подсобное хозяйство (14 км от Находки) – совхоз № 6 «Американка».

В условиях сокращения всей номенклатуры поставок с «материка» проблема обеспечения продовольствием заключенных и вольнонаемных рабочих и служащих, членов их семей приобрела первостепенное значение.

Выступая на партийно-хозяйственном активе в 1941 г., Н. Ф. Никишов говорил, что *«я вам со всей ответственностью заявляю, что голода на Колыме не будет. Партия, правительство, лично Лаврентий Павлович – наш Нарком и лично товарищ Сталин заботятся о нас. Мы не будем жить с вами, как говорят, "чаша через край", но голодными и раздетыми также не будем... Продовольствием мы обеспечены, если даже завтра мы окажемся оторванными от "материка", два года будем держаться здесь... На два года мы обеспечены... а если тяжело будет, то пробьем дорогу, сил у нас хватит»*.

Однако это оптимистическое заявление носило больше пропагандистский характер, в целях пресечения панических настроений, а реальное положение было значительно хуже. Так, если в 1941 г. в Нагаево было завезено 378 тыс. т различных грузов, в том числе 136 тыс. т продовольствия (на 28% больше к 1940 г.), то в 1942 г. всего 166 тыс. т, в основном технических. В результате были резко снижены нормы питания заключенных, введены заборные книжки и карточки для всех категорий вольнонаемных рабочих и членов их семей.

Таблица 39

Динамика колхозного производства в годы войны

[ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 46, л. 66]

Показатель	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Олени общ. стада, гол.	8226	18796	26837	30680	34430	38805
Олени личные, гол.	21183	15495	14246	11888	11705	9913
КРС общ. стада, гол.	377	684	649	713	685	768
КРС личный, гол.	759	598	499	362	353	338
Посевные площади, га, в т. ч.						
картофель	42,7	43,4	47,8	69,1	56,4	66,8
капуста	5,2	16,6	10,6	14,7	11,5	14,4
Валовой сбор, т, в т. ч.						
картофель	135,1	261,7	317,8	303	381	314
капуста	23,2	149,5	194,1	182	169	162
Денежные доходы, тыс. руб.						
Рыболовство и охота	4457	6196	8833	8197	12460	8164
Животноводство	1086	1079	2342	3581	4082	4713
Доходы колхозников на одно хозяйство, тыс. руб.	4,5	5,7	7,3	6,9	9,3	9,9

На предприятиях была проведена ревизия продовольственных запасов, которая выявила многочисленные факты хищений, растрат, мошенничества. Только в УДС Юга было обнаружено нигде не учтенное продовольствие: мука – 68 155 кг, крупа – 18 919 кг, макароны – 5388 кг, мясные консервы – 6700 банок, жир растительный – 1927 кг и т. д. Виновные в сокрытии и спекуляции немедленно предавались суду.

И. Ф. Никишов подчеркивал, что *«в настоящих условиях особо важное значение приобретает вопрос правильного учета и распределения продовольствия. Вскрытые факты... снижения остатков продовольствия... расцениваю как особо вредные умышленные действия, направленные на дезорганизацию дела снабжения Колымы»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 78, л. 123].

В целях расширения сельскохозяйственного производства в конце 1941 г. было принято важное решение о массовом развитии индивидуального огородничества. Это дало толчок к повсеместному строительству примитивных теплиц, в которых выращивалась рассада капусты, свеклы, брюквы. На предприятиях промкомбината, АРЗа, завода № 2 было налажено производство различного сельскохозяйственного инвентаря.

В 1944 г. собственные огороды общей площадью 290 га обрабатывали более 10 тыс. чел. Благодаря этому многие рабочие и служащие обеспечивали себя картофелем и овощами.

О том, какое значение придавалось вопросу развития собственной продовольственной базы в этот период, говорит и такой факт: ответственность за развитие сельского хозяйства на Колыме персонально возлагалась на заместителя начальника ГУ СДС капитана госбезопасности Корсакова.

В 1941 г. впервые в истории сельского хозяйства Колымы Управление сельского хозяйства выполнило план по всем основным показателям, в том числе по растениеводству на 146,2%. *«Колыма получила исключительно высокий урожай, обусловленный строгим выполнением агротехправил, а также хорошими местными условиями»*, – подчеркивалось в плане Дальстроя на 1942 г. [ГАМО, ф.р-147, оп. 1, д. 4, л. 1 об.]. Рост поголовья крупного рогатого скота был достигнут за счет собственного воспроизводства и принятия в совхозы телят из небольших подсобных хозяйств приисков и других предприятий. Впервые все поголовье было обеспечено местными кормами, включая и морские водоросли.

Зоотехник А. Маврин отмечал, что в этом деле *«особую ценность представляют морские животные и растения... Во время штормов море в большом количествах выбрасывает на берег морских звезд... Мука из морских звезд представляет богатый белками корм для свиней и птиц»*[87].

На корм скоту, помимо сена и силоса, заготавливали большое количества веток березы, ивы, тополя, а также ягель.

За достигнутые успехи в развитии животноводства грамотой Главного и Политического управлений были награждены: начальник совхоза (сельхозлагеря) «Эльген» А. Ф. Калдымов, совхоза «Дукча» А. В. Калинов, ветврач совхоза «Тауйский» В. В. Березин, начальник отделения «Мылга» И. М. Офицеров, а также ряд бригадиров, механиков, зоотехников.

Продукция совхозов и подсобных хозяйств направлялась в первую очередь в больницы, детские учреждения, столовые, а также распределялась среди стахановцев и двухсотников. За нарушение установленного порядка виновные привлекались к строгой, вплоть до уголовной ответственности.

---

[87]Сов. Колыма. – 1942. – 7 июня.

Сельское хозяйство Колымы изначально развивалось в зоне рискованного земледелия, обусловленного экстремальными условиями Крайнего Севера, поэтому на его эффективность влияли факторы не только субъективного (почти полное отсутствие финансовых и материальных ресурсов), но и объективного характера. Например, в 1941 г. с 7 по 10 сентября во время уборки урожая в горных районах бушевала пурга, выпал снег слоем до 30 мм и одновременно понизилась температура до -21°С.

В 1942 г. стало быстро расширяться подсобное хозяйство УСВИТЛа, которое в основном удовлетворяло потребности больниц, школ, детских учреждений и администрации лагерей в овощах, мясе и молоке.

В сельхозлагерях и подсобных хозяйствах по-прежнему широко применялся труд заключенных (главным образом женщин), но в годы войны рос и удельный вес вольнонаемных, в основном за счет условно и досрочно освобожденных из лагерей (табл. 40).

Таблица 40

Показатели по труду по УСХ СДС, чел.

Показатель	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Численность – всего	7572	8137	8727
В том числе:			
вольнонаемные	1918	3010	3669
заключенные	5654	5127	5058

Рабочий день заключенных и вольнонаемных в совхозах продолжался официально 10 часов, а в период уборки урожая весь световой день без выходных.

1942 год для сельского хозяйства Колымы был успешным. Производство местного продовольствия в хозяйствах всех категорий значительно возросло (табл. 41).

Таблица 41

Продукция сельского хозяйства Дальстроя

Показатель	1941 г.	1942 г.
Овощи и картофель, т	8 718	15 428
Молоко, ц	44 442	48 576
Мясо, т	766	1 123
Яйца, тыс. шт.	690	1 033
КРС, гол.	1 756	1 955
Олени, гол.	8 279	9 367

*«Потребность в овощах была покрыта за счет собственной продукции совхозов Дальстроя в Приморье и на Колыме, но нормы снабжения овощами были все же ниже... для вольнонаемных в среднем 7,5 кг, для заключенных на горных работах в среднем 4 кг, а на остальных 2,5 кг»** [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4225, л. 31]. Производство мяса удовлетворяло потребность на 46–48%, не считая заключенных УСВИТЛа.

При этом завоз продовольствия с «материка» в 1942 г. был сокращен с 118 956 по плану до 96 913 т, фуража с 29 300 до 15 823 т. В этой ситуации большую роль стали играть поставки продовольствия по ленд-лизу из США, которые составили 47 000 т.

В 1943–1945 гг. импортные фонды продовольствия отгружались полностью, что *«позволило производить снабжение контингентов Дальстроя в пределах установленных норм снабжения»* [Там же. Д. 4268, л. 35].

Объем поставок местной продукции был подвержен большим колебаниям в основном из-за суровых природно-климатических условий и примитивной технологии земледелия. Например, в 1944 г. из совхозов Приморья поступило только 3592 т свежих овощей вместо 10 297 т, а из совхозов Колымы – 2890 т при плане 12 600 т. В совхозах Дальстроя применялись очень уязвимые экстенсивные методы ведения хозяйства, поэтому качественные показатели оставались на низком уровне. Урожайность картофеля на Колыме в 1941 г. составляла 93 ц/га, в 1942 г. – 96, в 1943 г. – 57, в 1944 г. – 91, в 1945 г. – 47; капусты колебалась от 310 до 140 ц. Удой на одну корову снизился за эти годы с 2934 до 1268 кг из-за срыва поставок концентрированных кормов, заготовки сена и низкой продуктивности животных.

Придавая большое значение местному сельскому хозяйству, руководство Дальстроя в конце 1942 г. разработало ряд мер по повышению его эффективности. В приказе ГУ СДС № 42 от 18 января 1943 г. говорилось, что *«в 1943–1944 гг. сельское хозяйство Колымы должно получить дальнейшее развитие и явиться важнейшим фактором улучшения снабжения рабочих и служащих Дальстроя»* [ГАМО, ф.р-108, оп. 1, д. 24, л. 65].

На всех предприятиях (под личную ответственность их руководителей, независимо от размеров и специализации, а также в лагподразделениях и ВОХР) предписывалось *«в обязательном порядке организовать собственные посевы овощей и корнеплодов в максимально возможном количестве, а также организовать... у себя свиноооткорм в объемах полной реализации пищевых отходов»* [Там же].

Перед специалистами ставилась задача обратить особое внимание на выведение новых сортов семян, устойчивых к условиям Севера. Впервые семеноводством овощных культур начали заниматься в совхозе «Сеймчан». Под руководством агронома А. И. Торбицкого в 1943 г. было получено около 20 кг местных семян редиса и велись эксперименты по селекции всех основных овощных и кормовых культур.

Что касается вопросов технического переоснащения совхозного производства, финансирования, капитального строительства, то ни одно из намеченных мероприятий в годы войны не было доведено до конца. Например, в 1944 г. план капитального строительства по УСХ выполнили всего на 45,5%, а по вводу объектов в эксплуатацию всего на 12%.

---

*Распоряжением НКВД № 469 от 25/IX-42 г. расчетная норма довольствия заключенных овощами и картофелем установлена в 12 кг в месяц.

В структуре товарных заготовок картофеля и овощей в годы войны главную роль играли совхозы Приморья, расположенные в зоне устойчивого земледелия, а производство свежего мяса, молока, яиц и парниковое хозяйство – в хозяйствах Колымы.

Такое межотраслевое распределение было оправдано с точки зрения удовлетворения потребностей населения (табл. 42).

Таблица 42

Динамика развития совхозного производства

[ГАМО, ф.р-147, оп. 1, д. 1, л. 1]

Показатель	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	Всего	В т. ч. Колыма	Всего	В т. ч. Колыма	Всего	В т. ч. Колыма	Всего	В т. ч. Колыма
Посевная пл., га	6 205	1 909	6 402	2 348	6 775	1 970	7 671	2 568
Валовой сбор, т:								
картофеля	11 401	2 325	10 496	3 116	8 047	2 561	11 610	5 823
овощей	17 490	6 073	20 993	9 853	11 418	7 182	16 254	12 474
Теплиц, м^2	20 680	19 868	22 212	22 020	21 466	21 466	31 124	31 124
Парник. рам, шт.	35 283	17 060	37 183	1 966	35 904	14 711	46 818	34 488
КРС, гол.	3 283	2 964	3 974	3 568	4 576	4 176	7 151	6 926
в т. ч. коров	1 053	974	1 186	1 039	1 521	1 482	2 455	2 390
Птица, гол.	12 912	12 855	21 633	20 752	7 772	7 772	8 584	8 584
Олени, гол.	26 413	26 413	28 413	28 413	59 459	59 459	65 855	65 855
Вал. продукция, ц:								
молока	31 908	30 642	33 534	33 244	21 246	19 843	33 034	30 788
мяса	2 077	1 933	3 510	3 130	6 410	5 890	8 090	7 660
в т. ч. оленьего	760	760	1 199	1 199	1 550	1 550	3 372	3 372

Однако в 1945 г. из-за неблагоприятных погодных условий заготовки картофеля в Приморье снизились до 9208 т, на Колыме – до 4466 т, капусты – соответственно до 12 264 и 2533 т. Ухудшились и другие показатели, за исключением забоя оленей на мясо, а также резко возросла затратность совхозного производства.

Не лучше было положение с развитием сельского хозяйства и в национальных колхозах. Экономическое положение колхозов Ольского и Северо-Эвенского районов в первую очередь зависело от добычи рыбы и морского зверя. Однако в связи с переориентацией рыболовецких колхозов удельный вес этих высокодоходных отраслей начал снижаться. Если в 1940 г. доходы от рыболовства составляли от 70 до 80%, то уже в 1943 г. они снизились до 41,3%. Остальные виды хозяйственной деятельности давали оленеводство – 8,2%, извоз – 5,2%, животноводство – 9,3%, огородничество – 5,3% и т. д.

Ольский РК ВКП(б) отмечал, что *«сельское хозяйство в колхозном секторе не показательно, т. к. оно до 1945 г. не являлось поставщиком овощей Дальстрою, а в известной степени удовлетворяло лишь нужды трудящихся внутри района»* [ЦХСД МО, ф.-16, оп. 2, д. 18, л. 19].

Товарную продукцию животноводства и овощеводства сдавали только колхозы Среднеканского района, приближенные к центрам развития горнодобывающей промышленности.

9 марта 1945 г. в циркуляре Главного и Политического управлений «Об очередных задачах работы в национальных районах Колымы» подчеркивалось, что в колхозах до сих пор живучи иждивенческие настроения, отсутствуют неделимые денежные фонды, а имевшиеся фонды разбазарены в виде авансов колхозникам и числятся как задолженность за общественными организациями и частными лицами.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 13 апреля 1942 г. «Об обязательной выработке минимума трудодней» (количество трудодней было увеличено в 1,5 раза) выполнялось совершенно неудовлетворительно. Кроме этого, отмечался полный развал политико-воспитательной работы среди колхозников, формально велась работа по организации соцсоревнования и движения ударничества.

Об «эффективности» колхозов говорит и такой факт – *«половина колхозов не обеспечивала потребность в картофеле и овощах даже своих колхозников»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 1, л. 40].

Наряду с низкой эффективностью производства в колхозах, АГО СДС констатировал и нарастание социальных проблем. Количество коренного населения в трех районах сократилось с 5209 чел. в 1934 г. до 4758 чел. в 1940 г. и до 3437 чел. в 1945 г. Основными заболеваниями и причинами смертности являлись туберкулез, трахома, сифилис. Ни одно из намеченных мероприятий по оздоровлению населения не было выполнено, хотя формально *«вопросы здоровья коренного населения стояли всегда в центре внимания советских и партийных работников районов»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 24, л. 17].

Программа перевода кочевников-оленеводов на оседлость, главным элементом которой было строительство новых национальных центров, была заморожена из-за недостатка средств и строительных

материалов*. К 1 января 1945 г. планировалось построить 640 домов с общим ассигнованием на эти цели по местному бюджету 11 млн руб. Причем 50% стоимости строительства считалось как безвозвратная ссуда и 50% как долгосрочный кредит. В 1940–1942 гг. построили 233 дома, и на этом все было закончено, работы свернули и не возобновляли.

По отчетам АГО считалось, что в этих домах жили кочевники, переведенные на оседлость, а на самом деле они использовались для иных нужд. Например, в Тахтоямске Ольского района из 47 выстроенных домов только в семи жили кочевники, а все остальные были заняты под магазин, склады, правление колхоза, сельсовет и подразделения погранотряда. Из построенных для колхозников домов большинство находилось в крайне плохом, антисанитарном состоянии, зачастую без полов и потолков, с одинарными рамами. Разумеется, жить в таких помещениях было невозможно. Председатель Сигланского колхоза И. В. Хабаров говорил на II Ольской партконференции (25–27 января 1945 г.): *«Наши колхозники перешли на оседлый образ жизни. Но надо сказать, что в этих домиках жить очень холодно, ибо требуется капитальный ремонт. Необходимо отметить жизнь пастухов-оленеводов. Пастухи живут плохо, одежды нет, печей нет, свечи отсутствуют, палатки тоже отсутствуют»* [ЦХСД МО, ф.-16, оп. 2, д. 18, л. 4].

Тем не менее даже в таких условиях колхозники Колымы в годы войны выполняли свой патриотический долг в оказании помощи фронту. Среди сельского населения была проведена пропагандистская кампания по подписке на государственные военные займы 1942–1944 гг. Подписка проходила с большими трудностями в основном из-за отсутствия денег у колхозников и колхозов. В решении Ольского районного Совета № 27 от 29 февраля 1944 г. отмечалось, что погашение 2-го военного займа среди колхозников проходит неудовлетворительно. По состоянию на 15 февраля 1944 г. погашено колхозниками на сумму 612 000 руб. вместо 796 000 руб. подписки, что составляет 77,4%. Особенно плохое положение по колхозам «1-е Мая» – имеет погашение 40%, «Путь Севера» – 52%, «Новый путь» – 73%.

Исполком райсовета предупредил председателей сельских Советов, колхозов, что если они не примут серьезные меры по выполнению решения исполкома райсовета, то к ним будут применены меры по закону военного времени.

Однако положение не улучшалось. Ольский исполком в решении № 89 от 1 августа 1944 г. вновь констатировал, что поступление платежей от сельского населения по подписке на 3-й Государственный военный заем проходит крайне неудовлетворительно – по колхозникам на 44%, колхозам – 62%[88].

Тем не менее сельским населением было сдано в добровольно-принудительном порядке в фонд обороны страны: теплых вещей – 15 398 шт., оленей – 2391 гол., облигациями госзаймов – 3 852 985 руб., спецвкладами – 28 7671 руб., наличными деньгами – 3 144 726 руб.

За 1941–1945 гг. сельским хозяйством Дальстроя было произведено 78 419 т овощей, 50 782 т картофеля, 4094 т молока, 2833 т мяса, 3697 тыс. шт. яиц.

Десятки работников сельского хозяйства были награждены орденами, в том числе директор совхоза «Эльген» А. Ф. Калдымов – орденом Трудового Красного Знамени. Ордена «Знак Почета» удостоились: И. М. Добротворский – директор совхоза «Тауйский», А. К. Морозов – агроном совхоза «Эльген», А. И. Трифонов – бригадир колхоза «Новый путь», а также Д. А. Жучаев, А. А. Кочеров и ряд других работников аппарата управления.

Сотни специалистов сельского хозяйства, рабочих и колхозников получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть».

Однако в целом совхозно-колхозная система Дальстроя в годы войны характеризовалась низкой экономической эффективностью, высокой затратностью и примитивной материально-технической базой. Рост валового производства сельскохозяйственной продукции был достигнут за счет экстенсивных факторов – увеличения посевных площадей и поголовья низкопродуктивного крупного рогатого скота, концентрации оленей в колхозах и совхозах, а также перевода колхозов и совхозов на режим военного времени.

С окончанием войны обеспечение продовольствием вольнонаемного населения и заключенных лагерей в промышленных районах Колымы резко ухудшилось.

Это было связано с прекращением поставок продовольствия из США, доля которых в годы войны возрастала. Например, в 1942 г. из всех грузов, доставленных в Нагаево, 80 тыс. т (48%) составляли импортные, в том числе 47 тыс. т продовольствия. В 1944 г. вся номенклатура продовольствия, необходимого Дальстрою, была поставлена из США.

Другой причиной являлось резкое сокращение государственных фондов (на 44%) и срывы снабжения.

Начальник Дальстроя И. Г. Петренко писал министру внутренних дел СССР, что *«причинами*

---

*Построенные в 1932–1939 гг. дома в пос. Наяхан, Хурчан, Меренга, Кунтук, Эсчан были брошены, а население вновь перешло на кочевой образ жизни.

[88]*Государственные* военные займы на Колыме, 1942–1945 гг. / Гос. архив Магадан. области; [А. В. Эйчис; редкол. Н. Г. Петренко и др.]. – Магадан : Нов. полиграфия, 2006. – С. 29, 48.

плохого снабжения продовольствием... Дальстроя за последние годы (1946 и первая половина 1949 г.) является острый недостаток морского транспорта, вследствие чего выделенные фонды продовольствия... из Находки и Ванино в порт Нагаево полностью не ввозились. А грузы, которые поступали в Нагаево, вследствие острого недостатка автотранспорта на места в достаточном количестве не доставлялись» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 229, л. 53].

Запасов продовольствия на местах не было создано даже в минимальных размерах. Голодовка коснулась и находившихся в привилегированном положении японских военнопленных. Приказом начальника ДС № 0087 от 2 сентября 1946 г. упразднялось дополнительное снабжение хлебом за перевыполнение норм выработки, выполнение физически тяжелых работ и руководство бригадами.

На продовольственных складах и в совхозах участились случаи хищений. Например, как отмечалось в приказе № 094 от 31 октября 1946 г., в совхозе «Челбанья» *«группа проходимцев, жуликов и воров... систематически обсчитывала пастухов из числа местного населения... Эта группа жуликов развалила работу... в силу чего было похищено свыше 500 гол. оленей»* [Там же. Д. 188, л. 236].

Из-за хронической голодовки в лагерях значительно возросло количество нетрудоспособных заключенных. Так, только за 10 дней декабря 1947 г. из среднесписочного состава Индлага – 12 500 чел. – невыходы на работу составляли 3350 чел. в сутки, по Теньлагу из 14 200 чел. – 3600 чел. и т. д. Обессиленные заключенные попадали в категорию отказчиков, к которым применялись жесткие меры воздействия. Так, в приказе № 017 от 24 марта 1947 г. от начальников лагерей требовалось всех *«симулянтов, штрафников, отказчиков, членовредителей, в т. ч. и выписываемых из лечебных учреждений, питать только в зависимости от выработки или производственного плана»* [Там же. Д. 194, л. 59].

В специальном приказе исполняющего обязанности начальника ДС генерал-майора Семенова № 00127 от 25 ноября 1947 г. «О мероприятиях по оздоровлению лагерных контингентов СВИТЛ МВД» говорилось, что *«в 1947 имеет место резкое увеличение смертности среди з/к СВИТЛ, значительное ухудшение их физического состояния, особенно с 10 августа 1947 г. Руководство лагерей горных и отраслевых управлений уделяет очень мало внимания вопросу сохранения и восстановления рабочей силы. В результате... систематические перебои со снабжением их продуктами питания – лагеря ЗГПУ, ИГПУ, УДС, ТГПУ»* [Там же. Д. 195, л. 158].

В арктических районах положение было еще хуже, в основном из-за неритмичного подхода судов в период навигации. Например, в 1949 г. 10 пароходов встали под разгрузку с задержкой на 222 суток, т. е. в среднем каждый из них опоздал на 22 дня.

Начальник ЮЗГПУ полковник М. Злунис докладывал И. Г. Петренко, что в снабжении контингента отсутствуют рыба, мясо, овощи и практически питание состоит из овсяной муки [Там же. Д. 225, л. 79].

Председатель комиссии УИТЛ ДС по проверке лагерей Чукотстроя подполковник Н. Михайлов писал в своем отчете, что *«в ходе работы... было установлено явное неблагополучие с запасами продовольствия на зимний период 1949–1950 гг. По состоянию на 1 декабря 1949 г. совсем отсутствуют следующие виды продовольствия: свежие овощи, квашеная капуста и другие соленые маринады, сушеная капуста, свежие мясо и рыба, сахар и сахарный песок. Соленая рыба (горбуша) весьма низкого качества – старого, грязного посола, с большой примесью песка и грязи»* [Там же. Л. 212].

В связи с гибелью танкера «Лок-Батан» в 1949 г. Дальстрой недополучил более 1000 т жиров.

Таким образом, во второй половине 40-х гг. роль и значение местного сельского хозяйства, учитывая потенциальные возможности, значительно возросла. Однако, несмотря на тяжелейшее положение с продовольствием, капитальные вложения в аграрный сектор последовательно снижались. В 1946 г. было ассигновано 5,8 млн руб., в 1947 г. – 4,9, в 1948 г. – 1,5, в 1949 г. – 1,5, в 1950 г. – 4,0.

Сельское хозяйство находилось в застое, практически прекратилось капитальное строительство и даже элементарное совершенствование материально-технической базы.

В то же время в плане развития Дальстроя отмечалось, что *«сельское хозяйство имеет своей целью производство сельскохозяйственной продукции для дополнительного питания работников. При этом особое внимание уделяется получению продукции, доставка которой на Колыму практически невозможна: свежее молоко, овощи, яйца»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1128, л. 1].

На практике руководство Дальстроя в этот период сосредотачивало материальные и финансовые ресурсы на развитии основного производства, а сельское хозяйство по-прежнему оставалось второстепенной отраслью экономики.

В конце 40-х гг. на Колыме имелось 20 совхозов-лагерей и свыше 400 подсобных хозяйств предприятий и организаций. В 1947–1949 гг. они находились в подчинении сельскохозяйственного отдела ГУ СДС, а с сентября 1950 г. формально вошли в состав УПХ ДС. Совхозы-лагеря распределились по производственно-территориальному признаку. Непосредственно УПХ ДС подчинялись овоще-животноводческие («Тауйский», «Дукча», свиносовхоз, «Ольский», «Сеймчан», «Эльген», «Сусуман») и 3 оленеводческих («Талая», «Челбанья», «Андыгычан») совхоза. «Зырянский», «Нижне-Колымский» и «Омолонский» оленеводческие совхозы подчинялись Управлению Колымо-Индигирского речного пароходства, оленеводческий совхоз «Буюнда» – Омсукчанскому ГПУ, оленеводческий совхоз «Певек» – Чаун-Чукотскому ГПУ.

Наиболее крупными подсобными агробазами являлись: завод горного оборудования в Оротукане, «Дусканья» (СГПУ), «Левый берег» (УИТЛ), Тасканский пищекомбинат, «Нексикан» (Берелехский РайГРУ), «Балыганах» (ИГПУ), «Радчево» (КИРП), ХОЗО ГУ СДС (72-й км), ПХ УИТЛ (г. Магадан).

Основной рабочей силой в совхозах оставались заключенные, причем во второй половине 40-х гг. их численность начала вновь увеличиваться. В 1946 г. в сельском хозяйстве было занято 12 тыс. чел., в том числе 5,6 тыс. вольнонаемных, в 1947 г. – соответственно 12,8 и 4,4, в 1948 г. – 12,5 и 4,2, в 1949 г. – 11,0 и 3,9, в 1950 г. – 11,2 и 3,9 тыс. чел. Подавляющие число заключенных относилось ко 2-й категории трудоспособности.

Поэтому, несмотря на жесткий режим (на массовых сельхозработах использовался, как правило, подконвойный контингент), люди по физическому состоянию были просто не в силах выполнять установленные нормы по сенокошению, корчевке леса под пашню, осушению заболоченных полей и т. д.

В 1948 г. приказом № 0180 от 1 ноября в целях лучшего использования рабочей силы и имевшихся мощностей производство Магаданского лагеря, промкомбината и УРПХ объединялось в Магаданский производственный лагерь – Маглаг.

19 ноября 1948 г. приказом № 0188 Маглаг расформировали и на его базе создали промышленный лагерь – Промлаг и рыбопромысловый и сельскохозяйственный лагерь – Рыбсельлаг, объединивший УРПХ ДС, рыбпромхозы и сельхозлагеря «Дукча», «Ольский», «Тауйский».

Перспективным планом предусматривалось организовать новые совхозы: «Куйдукун» (на дороге Сусуман – Хандыга), «Буюнда» (устье р. Буюнда в районе деятельности ЮЗГПУ), «Кони» (п-ов Кони), «Сплавная» (56-й км Колымской трассы), а также на базе подсобных хозяйств – «Дусканья» (ТГПУ), «Балыганах» (ИГПУ), «Сайлык» (Верхне-Индигирское РайГРУ), «Радчево» (Колымское речное управление).

Кроме этого, впервые намечались мероприятия по подъему колхозного сектора.

В 1947 г. в 20 колхозах насчитывалось 1310 хозяйств, из них 651 орочей, 174 якутов, 140 камчадалов, 40 юкагиров и 305 прочих с населением 3792 чел.

Национальные колхозы были освобождены от государственных поставок и выполняли планы, установленные ГУ СДС по вылову рыбы, добыче морского зверя и заготовке пушнины. Продукция оленеводства шла на питание колхозников, пошив меховой одежды и в незначительных количествах поставлялась в заготовительные конторы Колымснаба. Удельный вес рыболовства в денежных доходах колхозов составлял 38,4%, оленеводства – 14,5, животноводства – 13,7, огородничества – 13, охоты – 5,1.

Рыболовецкие колхозы находились по ряду причин (ручной труд, примитивная материально-техническая база, крайне низкие закупочные цены, высокая арендная плата за орудия лова и т. д.) «в катастрофическом финансовом положении». Кроме этого, вследствие массового заболевания колхозного населения корью была полностью сорвана рыбная путина в 1946 г.

Начальник АГО СДС Д. А. Жучаев докладывал в Политуправление Дальстроя, что *«за период войны и вот уже два послевоенных года не завозится в колхозы орудий лова (дель, веревка), а также нарезные винтовки и патроны. Как правило, ежегодно рыбакам приходится ловить рыбу, не имея в достаточном количестве резиновой обуви и спецодежды. В результате во время селедочной путины... рыбаки подвергаются простудным заболеваниям. Охота на морского зверя... практически не проводится в связи с отсутствием оружия и патронов. Старые берданки и американские винчестеры вышли из строя»*.

Растениеводство, животноводство, овощеводство также были в запущенном состоянии.

В колхозах Колымы имелось всего 157 га посевных площадей, 1357 гол. крупного рогатого скота (в том числе 559 коров), 1054 лошади, 225 свиней, 5778 оленей. Вся посевная площадь колымских колхозов была в 10 раз меньше, чем приходилось на одно хозяйство в среднем по РСФСР, и в 3 раза по поголовью КРС.

В 1952 г. по сравнению с 1940 г. посевные площади в колхозах уменьшились в 2,5 раза, поголовье крупного рогатого скота увеличилось в 3,5 раза, но с учетом индивидуального сектора лишь на 45%. Денежные доходы от растениеводства уменьшились до 7%, животноводства – до 20%, оленеводства – до 21,4%.

В справке АГО СДС подчеркивалось, что *«сельское хозяйство ни в какой мере на удовлетворяет потребности в свежих овощах, мясе, молочных продуктах бурно растущего населения Колымы»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 86, л. 41]. Более того, эти продукты приходилось завозить для снабжения колхозников.

В отчетах постоянно отмечалось, что в колхозах *«плохая трудовая дисциплина, массовые невыхода на работу, распространенное пьянство... случайный подбор безграмотных председателей... низкое качество районного руководства»* [Там же. Д. 49, л. 56].

По мнению специалистов АГО ДС, дальнейшее развитие производственной деятельности колхозов Колымы упиралось в отсутствие рабочей силы. В 1950–1951 гг. планировалось завезти на Колыму из Хабаровского края 150–200 семей переселенцев.

Однако одной из главных причин низкой эффективности колхозного производства являлась не нехватка рабочей силы, а отсутствие материальной заинтересованности и крайне тяжелые условия труда и быта. На Колыме не было ни одной МТС, а тракторы и сельхозтехника колхозам не продавались, так как они не являлись товаром.

Фактически колхозники, чтобы выжить, просто саботировали общественное производство и занимались своим подсобным хозяйством. Например, ежегодные сенозаготовки по колхозам составляли 30–40% от потребности, в то время как скот, имеющийся в личном пользовании, обеспечивали кормами полностью. Колхозники выпасали личный скот и оленей на колхозных пастбищах, использовали общественный инвентарь, расхищали посевные материалы, что являлось тягчайшим преступлением с точки зрения советского закона. Виновные привлекались к уголовной ответственности с конфискацией имущества.

Например, в 1951–1952 гг. на основании приговора Военного трибунала у колхозников было конфисковано для передачи в фонды колхозов 3860 оленей.

За нерациональное использование средств колхозов (авансирование, передача в аренду земель, выплата задолженности колхозников по подписке на займы и пр.) были привлечены к уголовной ответственности как «враги колхозного строя» руководители колхоза «Пятилетка» А. А. Кочеров, Ф. Ф. Ковальский, П. И. Данилов, Е. Н. Бахов, А. Г. Цой, колхоза «Рассвет» – Н. А. Родителев и С. Н. Алексеев, колхоза «Вперед» – А. И. Трифонов, И. Н. Шахурдин и др.

Заместитель начальника Дальстроя Ю. В. Чугуев подчеркивал, что *«лица, виновные в нарушении Устава сельхозартели, в извращении политики партии и правительства в колхозном строительстве, будут привлекаться к ответственности как уголовные преступники»* [Там же. Д. 1, л. 152].

Однако такая политика сама по себе носила антиколхозный, антинародный характер, а репрессивные меры не давали желаемого эффекта. В докладной записке о результатах проверки Северо-Эвенского района указывалось, что *«в колхозах полный развал финансовой дисциплины и недопустимо большая дебиторская задолженность. Денежные средства колхозов буквально растаскивались»* [Там же. Д. 49, л. 50].

В 1946–1949 гг. долги колхоза «Путь Ленина» увеличились с 10 853 до 451 783 руб., «Рассвет» – с 20 593 до 27 828 руб., «Север» – с 7516 до 55 876 руб., и эта тенденция сохранялась в дальнейшем. На январь 1953 г. дебиторская задолженность колхозов составляла по Среднеканскому району 572 тыс. руб., по Ольскому – 2494 тыс. руб., по Северо-Эвенскому – 2508 тыс. руб. Финансовое положение колхозов усугублялось ростом неплатежей за потребляемую продукцию со стороны государственных предприятий и организаций Дальстроя. Так, совхоз «Тауйский» был должен колхозам «Арманский» и «Пробужденный Север» 48 тыс. руб. за сданную рыбу, Приморское РайГру – 49 тыс. руб. за транспортировку грузов, Арманское РПХ колхозу «Рассвет» – 20 тыс. руб., Ямский торгово-заготовительный отдел колхозу «Вперед» – 31 тыс. руб. и Ямское РПХ – 30 тыс. руб., Оротуканская пушфактория колхозу «Сталинец» – 9,9 тыс. руб. и т. д.

В целом хозяйственные организации были должны колхозам 1310 тыс. руб.

В 1950–1952 гг. в целях повышения эффективности малонаселенных колхозов была проведена их реорганизация на основе концентрации производства* (табл. 43).

Простое укрупнение колхозов (с 20 до 14) не привело к кардинальным изменениям в производственной сфере. В докладной записке начальнику ГУ СДС И. Л. Митракову говорилось, что *«товарная продукция колхозов крайне незначительна, многие наши колхозы в настоящее время настолько малочисленны, что они с боль-*

Таблица 43

Справка о количестве колхозов
[ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 64, л. 78]

Колхозы на 1/1-1950	Колхозы на 1/1-1953	Местонахождение
Ольский район		
«Путь Севера» «Новый путь» «1-е Мая»	«Путь Севера» им. Сталина	Ола
«Пробужденный Север» «Рассвет»	«Пробужденный Север» «Рассвет»	Армань Тауйск
«Пятилетка» «Рассвет»	«Ленинское знамя»	Ямск
«Оленевод» «Вперед»	«Победа»	Тахтоямск
Среднеканский район		
«Красный богатырь» «23-й год Октября» «Искра» «Сталинец» «3-я Пятилетка» «Светлая жизнь»	«Красный богатырь» «Искра» «Сталинец» «3-я Пятилетка» «Светлая жизнь»	Таскан Сеймчан Оротук Балыгычан Полесное
Северо-Эвенский район		
«Путь Ленина» «Север»	«Путь Ленина»	Гарманда
«Новый путь» «Рассвет»	«Новый путь» «Рассвет»	Тавстуки Кашинки

*Постановление СМ СССР № 545 от 24 февраля 1951 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства и улучшению культурно-бытовых условий населения Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского районов Хабаровского края».

шим трудом справляются только с имеющимся у них хозяйством, не говоря о его дальнейшем росте» [Там же. Д. 52, л. 63].

Проверками было установлено, что многие колхозы, включая «Вперед», «Пятилетка», «Пробужденный Север», «Рассвет» и др., *«полностью проели средства неделимого фонда, и они не имели никаких финансовых средств в кассе и на текущем счету»* [Там же. Д. 55, л. 21].

В результате заработки колхозников из года в год снижались. Так, в колхозе «Путь Ленина» стоимость трудодня в 1947 г. составляла 48 руб., в 1949 г. – 16 руб., в колхозе «Новый путь» – 30 и 18, «Рассвет» – 32 и 9, «Север» – 50 и 32. Это в свою очередь привело к массовому забою и значительному сокращению оленей, находившихся в личном пользовании колхозников, с 21 188 гол. в 1940 г. до 2932 гол. в 1952 г.

В 1948–1950 гг. у работников колхоза «Путь Ленина» количество оленей уменьшилось с 1228 гол. до 488, «Новый путь» – с 526 до 6, «Рассвет» – с 3176 до 1378, а в целом по Северо-Эвенскому району – с 4925 до 1872 гол. Аналогичное положение было и в Ольском районе.

Главной причиной упадка колхозов и низкого прожиточного уровня колхозников АГО и Политуправление Дальстроя считали подрывную деятельность врагов народа и скрытого кулачества. В докладной записке о результатах проверки работы Северо-Эвенского РК ВКП(б) и РИКа указывалось, что *«в настоящее время совершенно неоспоримо, что развитию общественного оленеводства значительной помехой является беглая кочевая группа в количестве 75 человек... руководимая кулаком, который имеет в своем распоряжении до 15 тыс. гол. оленей. Несомненно, кулаки, подкочевывая к колхозным стадам, из года в год отбивают большие партии оленей»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 49, л. 60].

Эта группа оленеводов, спасаясь от коллективизации, в 1932–1933 гг. откочевала с территории Камешковского сельсовета и скрывалась в тайге 18 лет.

Вся «подрывная» деятельность оленеводов заключалась в том, что, видя бедственное положение колхозников, они бесплатно раздавали им своих оленей, спасая от голода. В частности, колхозники Н. Мамин, Я. Кудрин, Н. Кудрин получили от кулаков 150 гол. и т. д.

В марте-апреле 1951 г. кочевники-оленеводы изъявили желание перейти на оседлый образ жизни. По этому поводу начальник АГО ДС Д. А. Жучаев писал в своем рапорте, что *«необходимо с самого начала предупредить какие бы то ни было перегибы, а перегибы уже допущены»* [Там же. Д. 57, л. 3].

Председатель колхоза «Путь Ленина» Н. Заикин, пользуясь наивностью колхозников, закупил у них 1500 оленей по 50 руб. за оленя при реальной стоимости 150–200 руб.

Следует отметить, что настоящими разорителями колхозов являлись не нерадивые колхозники и «враги народа», а председатели и специалисты сельского хозяйства, являющиеся номенклатурой РК ВКП(б) и РИКов. Многие из них были ранее осуждены за тяжкие уголовные преступления, в том числе за разбой и хищение социалистической собственности.

Начальник сельхозотдела АГО ДС А. А. Кочеров неоднократно докладывал, что *«в руководство колхозами приходят случайные люди, нисколько не интересующиеся делом колхозного строительства, а наоборот, причиняющие ему вред. <···> Специалисты районных управлений пьянствуют, бездельничают, в стада не выезжают, агрозооветработу не ведут, передовой опыт не изучают»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 11, лл. 22, 44].

Однако каких-либо изменений в кадровой политике не происходило.

Основным направлением развития социалистического сектора сельского хозяйства по-прежнему оставалось подавление частного сектора и укрепление общественного производства.

В справке о состоянии сельского хозяйства и мерах дальнейшего организационного и хозяйственного укрепления колхозов Колымы подчеркивалось, что *«во многих случаях очень плохо сочетаются общественные и личные интересы колхозников, что крайне отрицательно отражалось на колхозном движении»* [Там же. Д. 64, л. 22].

Планомерное подавление частнособственнических тенденций среди колхозников, с одной стороны, не привело к укреплению колхозов, с другой – явилось главной причиной разорения личных подворий.

Так, из 1184 хозяйств коренного населения только 117 держали крупный рогатый скот и 305 хозяйств имели в личной собственности оленей.

В то же время и общественное животноводство находилось в крайне тяжелом положении. Например, при потребности сена 464 т в колхозах Северо-Эвенского района в 1950 г. было заготовлено только 10 т, силоса соответственно 200 и 55 т.

Значительная часть колхозников только числились в списках растениеводческих (огороднических) бригад, а фактически в общественном труде принимали участие, и то эпизодически, только женщины, которые не имели детей. В 1952 г. в колхозах «Вперед» и «Оленевод» колхозники работали всего 2–3 месяца.

Для обеспечения производства в 14 колхозах Колымы в 1953 г. имелось всего 8 локомобильных электростанций, 80 конных плугов, 35 сенокосилок, 36 конных граблей, а также 2 доильных агрегата и 25 сепараторов для молочного животноводства. Вот и вся материально-техническая база.

В отчетах АГО ДС указывалось, что все колхозы Колымы радиофицированы и электрифицированы, что не соответствовало реальному положению.

Для повышения эффективности колхозного сектора руководство Дальстроя предлагало укомплектовать их людьми за счет переселенцев из центральных районов страны, разрешить колхозам приобретать гусеничные тракторы, морские рыболовецкие суда, повысить закупочные цены, организовать на месте подготовку колхозных кадров.

Однако в начале 50-х гг. эти вопросы серьезно не рассматривались, в то время как экономика колхозов продолжала разваливаться не только в основных, но и в подсобных отраслях.

Так, из-за отсутствия оружия, боеприпасов и другого снаряжения практически прекратилась промышленная добыча морского зверя.

В отчете АГО ДС от 30 сентября 1953 г. А. А. Кочеров констатировал, что *«за последнее время добыча морского зверя колхозами производится только для своих личных нужд, а хозяйственные заготовительные организации почти прекратили прием от колхозов продукции морзверя»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 1, л. 55].

В критическом состоянии был и охотничий промысел. *«Охотничье хозяйство Колымы,* – отмечалось в докладной начальнику ГУ СДС И. Л. Митракову, – *находится в совершенно запущенном состоянии. В результате нарушения сроков и правил охоты... и все большего освоения таежных территорий промышленностью добыча пушнины по некоторым видам из года в год сокращается.* <···>

До 1941 г. на Колыме в естественном состоянии водилась черно-бурая лиса, в настоящее время ее почти нет... В значительных количествах водилась выдра... теперь стала большой редкостью» [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 52, л. 61] (табл. 44).

Таблица 44

Добыча промысловой пушнины

[ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 52, л. 91]

Вид	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Белка	70124	67695	94514	54304
Горностай	10603	5022	3479	2586
Лисица	564	130	344	142
Медведь	95	134	30	30
Росомаха	34	37	19	13

Для воспроизводства поголовья пушных зверей в 1951 г. в Ольском и Среднеканском районах были выпущены 93 соболя, в 1952 г. – 193 соболя, 133 норки и 203 ондатры. В колхозе им. Сталина Ольского района в конце 1951 г. была организована первая звероферма серебристо-черных лисиц – 32 гол.

В 1951–1953 гг., учитывая бедственное состояние колхозов и совхозов, были предприняты экстренные меры. В частности, резко возросли капитальные вложения на производственное строительство и техническое переоснащение.

Если в 1950 г. на развитие сельского хозяйства было ассигновано 4 млн руб., то уже в 1951 г. – 29,8, в 1952 г. – 24,0, в 1953 г. – 23,5 млн руб.

В 1952 г. во все колхозы Колымы были направлены комиссии по проверке выполнения Постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации нарушений устава сельхозартели». В их состав входили представители Крайкома ВКП(б), Крайисполкома, Политуправления, АГО райкомов партии и райисполкомов.

«Работа по ликвидации нарушений устава в 1952 г. в районах проводилась в жизнь с особым усердием. Были выявлены многочисленные нарушения демократических прав колхозников, отсутствие учета труда, разбазаривание финансовых средств и т. д.» [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 1, л. 8].

В результате было запрещено авансирование труда колхозников, выдача ссуд из средств капвложений и неделимого фонда, погашение задолженности колхозников по подписке на займы, сдача земель и сенокосов в аренду промышленным предприятиям. Кроме этого, категорически запрещался выпас и содержание оленей и крупного рогатого скота колхозников в общественном стаде и использование инвентаря колхозов (плуги, косилки, бочки, ведра, топоры, пилы и т. д.) в личных подворьях. Лица, виновные в нарушении установленного порядка, привлекались к уголовной ответственности.

Приказом ГУ СДС № 497 от 20 июня 1952 г. всем предприятиям Дальстроя предписывалось немедленно произвести расчеты с колхозниками по всем задолженностям и возвратить земли, изъятые у колхозов (приказ № 614 от 23 июля 1952 г.) [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 11, л. 19].

Правлениям колхозов категорически запрещалось увольнять колхозников из членов артели за нарушения трудовой дисциплины*. Принятые меры «оздоровления» колхозов не оказали существенного влияния на сферу производства, а в целом носили характер политической кампании.

По результатам хозяйственной и финансовой деятельности колхозов в 1953 г. по-прежнему отмечался очень *«слабый рост общественного хозяйства многих колхозов и неудовлетворительное трудовое участие колхозников в общественном производстве»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 8, л. 14].

Таким образом, колхозная система в начале 50-х гг. находилась на грани полного экономического развала, что привело к обострению целого комплекса социальных проблем обустройства села. Фактически оказалась сорванной программа жилищного строительства и перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, что являлось ключевой задачей социалистической реконструкции туземного общества.

Еще в 1940 г. начальник Политуправления Дальстроя Сидоров говорил по этому поводу: *«Я беседовал с колхозниками. Они говорят: "Вы нам дома строите – спасибо. Мы их отопить не можем. Вынуждены так делать – юрту в дом втащить и жить в юрте". Дело в том, что проекты домов даны наобум Лазаря. Спрашивается, зачем давать такие проекты?»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 14, л. 29].

Подобная порочная практика благоустройства северных сел и центральных усадеб колхозов продолжалась во второй половине 40-х и в начале 50-х гг.

В 1945–1950 гг. из-за нехватки финансовых средств и стройматериалов в колхозах было построено всего 60 домов, в том числе в Ольском районе – 30, в Среднеканском – 10, в Северо-Эвенском – 20. В 1952 г., по отчетам, на 1184 хозяйства имелось 600 домов, но эти цифры не отражали реального положения. *«Построенные при переводе на оседлость 233 дома находились в плохом состоянии, и многие из них оказались не пригодными для жилья»*, – подчеркивалось на совещании АГО Дальстроя в 1949 г.

Проведенное в 1952 г. обследование бытовых условий колхозников показало, что *«значительная часть семей колхозников проживает скученно, в одном домике по 3–4 семьи, причем часть домов не оборудована, без кирпичных печей, с железными времянками, которые дымят и создают невозможные условия для нормальной жизни людей. Кроме этого, нет вторых окон, двери не утеплены, в квартирах холодно... примитивная меблировка – топчан, скамейка и грубо сколоченный стол... постельными принадлежностями служат оленьи шкуры»* [Там же. Д. 64, л. 34].

Эти факты подтверждались и в документах Санитарного управления Дальстроя. Медицинские работники констатировали высокий уровень смертности среди коренного населения. Они пришли к выводу, что *«основная заболеваемость и смертность орочей, камчадалов, якутов и других народностей происходит за счет острых (корь, грипп и др.) и хронических инфекций – туберкулез. Причина – плохие бытовые условия, антисанитария и недостаток медобслуживания»* [Там же. Д. 10, л. 45].

Фактором риска являлся постоянный контакт коренного населения, не имеющего иммунитета против инфекционных заболеваний, с людьми, приезжающими в Дальстрой с «материка». Вследствие этого любое инфекционное заболевание протекало в виде вспышек с большим количеством смертельных исходов.

В августе-сентябре 1949 г. медицинская экспедиция Хабаровского Крайздравотдела провела обследование коренного населения Ольского и Северо-Эвенского районов. В Оле, Бараборке, Гадле из 273 чел. оказались больны туберкулезом в острой форме 25%, в Наяхане, Гарманде, Таватуме из 260 чел. – 24%, причем обследование совершенно не коснулось глубинных районов, где заболеваемость была бы еще выше [Там же. Д. 49, л. 29].

Д. А. Жучаев писал председателю Хабаровского Крайисполкома, что Дальстрой располагает весьма плачевными данными по естественному приросту коренного населения – орочей, чукчей, якутов, юкагиров и камчадалов. Учитывая бедственное положение среди коренного населения этих районов, СМ СССР принял 24 февраля 1951 г. специальное Постановление № 545 «О мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства Ольского, Северо-Эвенского, Среднеканского районов Хабаровского края», а Министерство здравоохранения РСФСР направило в 1951 г. специальную экспедицию, которая работала в районах Колымы с 23 июля по 10 ноября.

Было обследовано 6 поселков в Северо-Эвенском районе, 3 в Среднеканском и 3 в Ольском с населением 2360 чел., в том числе 737 коренных жителей.

В процессе работы было установлено, что *«больничная сеть крайне плохо оборудована. Нет рентгеновских установок, лабораторий, необходимые медикаменты либо отсутствуют, либо их мало. Питание больных совершенно неудовлетворительно»* [Там же. Л. 32].

Такое же положение было в детских домах и школьных интернатах, в которых находились дети в основном коренного населения. *«В этих домах была большая скученность. Больные открытой формой туберкулеза дети живут вместе со здоровыми»* [Там же. Л. 33].

Характерно, что аналогичные оценки давались еще в 1940 г. на совещании по вопросам советского и колхозного строительства на Колыме. Тогда начальник АГО Дальстроя Расторгуев также говорил: *«В области здравоохранение неблагополучно. Например, в больнице нет морга. Нет в больнице постельных принадлежностей – вместо наволочек надевают на подушки халаты или кальсоны. Мертвые лежат вместе с больными... Жуткая антисанитария и вместо практических мероприятий вышли из положения тем, что закрыли прачечные и бани!»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 14, л. 60].

Из-за плохого медицинского обслуживания на центральных усадьбах колхозов неоднократно вспыхивали эпидемии кори и гриппа, *«была большая смертность коренного населения всех возрастов»* [Там же. Л. 31].

Медики пришли к выводу, что *«более двух третей коренного населения не охвачены медицинским обслуживанием во всех районах Колымы и подлинного состояния здоровья населения до сих пор окончательно неизвестно»* [Там же. Д. 10, л. 117].

---

*Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1939 г. «О запрещении исключения колхозников из колхоза».

В 1939 г. в трех районах Колымы насчитывалось 4923 чел. коренного населения, в 1945 г. – 3473 чел., в 1952 г. – 3134 чел.

Эти данные говорили о катастрофическом положении с естественным приростом коренного населения в Колымских районах.

В справке на имя зам. начальника Политуправления Дальстроя полковника Лифанова врачи КрайЗО писали, что, *«несмотря на угрожающее положение с заболеванием коренного населения, вопросы охраны его здоровья не приобрели в глазах местных руководящих органов первостепенное значение»* [Там же. Д. 49, л. 33].

Демографическая обстановка и смертность в колхозах обострялись повальным пьянством. Д. А. Жучаев отмечал в своем отчете, что *«значительная часть орочей, камчадалов и якутов имеет болезненное пристрастие к спиртным напиткам. Люди, зараженные алкоголизмом, совершенно не отдают отчета в своих действиях... они расходуют на покупку спиртного до 70% своего заработка»* [Там же].

На производстве это приводило к тому, что доярки, скотники, полеводы неделями не выходили на работу. Например, в 1952 г. в колхозе «Искра» из 12 доярок только из-за пьянки не выходили на работу по 6–8 чел., по этой же причине в колхозе «Светлая жизнь» сгорел свинарник и т. д.

Кроме проблем жилищного строительства и здравоохранения, в начале 50-х гг. резко ухудшилось положение со снабжением колхозников товарами первой необходимости. В магазинах Колымснаба было невозможно купить кружки, котлы, ведра, одежду, а также гвозди, топоры, пилы и прочие инструменты. Колхозники были вынуждены заимствовать все это по месту своей работы, т. е. в колхозах.

На рубеже 50-х гг. колхозная система имела все признаки комплексного кризиса.

Что касается совхозов-лагерей, то их производственная эффективность, по понятным причинам, несмотря на резкое увеличение с 1951 г. капитальных вложений, оставалась очень низкой. В 1953 г., по сравнению с 1950 г., посевные площади открытого грунта увеличились всего на 6% (с 1518 до 1625 га), а закрытого даже сократились на 15% (с 21,9 до 18,7 тыс. м^2).

Во всех совхозах Дальстроя тепличное и парниковое хозяйство пришло в частичную или полную негодность, а строительство новых теплиц не проводилось. План освоения целины был выполнен всего на 23%. Культура земледелия в совхозах находилась на крайне низком уровне – все работы проводились вручную.

В справке «О хозяйственном и культурно-бытовом строительстве в национальных районах Колымы» начальник АГО Д. А. Жучаев докладывал генерал-майору И. Г. Петренко, что *«потребность Дальстроя в овощах за счет местных совхозов покрывается не больше как на 25–30%, по мясу и молоку и того меньше. Товарная продукция колхозов по овощам настолько незначительна, что она даже не поддается никакому учету»* [Там же. Д. 52, л. 94].

В 1953 г. жители г. Магадана получали от совхозов и подсобных хозяйств только 17% молока, 10% мяса и 11% яиц от потребности. Производство сельскохозяйственной продукции в совхозах было убыточным и поддерживалось за счет государственных дотаций, которые в 1953 г. составили 65 млн руб.

В связи с амнистией дальстроевская система сельского хозяйства, основанная на подневольном труде заключенных, оказалась парализована.

2.5. Рыбная промышленность

С образованием Дальстроя развитие рыболовства приняло планомерный полупромышленный характер. В 1931 г. все рыбные промыслы Колымы были переданы Охотско-Колымскому кооперативному союзу (Коопсоюз). Обработку рыбы и выпуск готовой продукции производили небольшие предприятия Коопсоюза, располагавшиеся в прилегающих к Нагаево районах.

«Удельный вес участия колхозов в вылове рыбы составлял за сезон 1933 г. около 80% всего вылова Коопсоюза, в то время как обработанной продукции колхозы сдали не более 10–15%» [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 405, л. 35].

В области развития промышленного рыболовства перед Коопсоюзом были поставлены задачи наладить массовый лов рыбы лососевых пород непосредственно в море, освоить добычу сельди, развивать зимний подледный лов, а также улучшить переработку рыбной продукции. Однако по объективным причинам это было невозможно, так как Коопсоюз не имел ни промыслового флота, ни технически оснащенных береговых баз. Объемы добываемой рыбы были крайне незначительными.

В 1929 г. было добыто 22,4 тыс. ц лососевых, в 1930 г. – 26,1, в 1931 г. – 28,5, 1932 г. – 46,6, в 1933 г. – 32,3, и впервые 10,4 тыс. ц сельди. Кроме заготовок рыбы, на Охотском побережье в 1933 г. была проведена опытная добыча рыбы в районе приисков. При плане 27,4 т фактически удалось выловить лишь 3,7 т.

По оценке руководства Дальстроя, рыбная путина 1933 г. показала, что *«при своевременном снабжении материальными ресурсами и людьми район (Колымы) не только будет обеспечен рыбой, но и даст значительные товарные излишки»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 402, л. 3].

В 1934 г. рыбное хозяйство Коопсоюза было передано в ведение Управления снабжения Дальстроя. Промысловый район *«охватывал пространство от бухты Шестакова... и до правого берега реки Гижига. Береговая полоса составила около 850 морских миль»* [Там же. Д. 551, л. 131].

Добыча рыбы была организована на побережье северо-восточной части Охотского моря в устьях рек Тауй, Яна, Армань, Ола, Наяхан. Основными районами лова рыбы становились Тауйский, Ольский, Наяханский, Ямский.

Населенные пункты, колхозы, колонпоселки, рыбные базы на Охотском побережье

Тауйский рыбохозяйственный район	Наяханский рыбохозяйственный район
Кунтукское тов-во, с. Кунтук	Таватумское тов-во «Новый путь»
Тауйская артель к-з «Рассвет», с. Тауйск	Наяханское тов-во «Путь Ленина»
Колонпоселок «Темп», с. Армань	Гармандинское тов-во «Элекчан»
«Пробужденный Север», р. Армань	Камешковское тов-во «Рассвет»
Уптарское тов-во, с. Уптар	Тумановское тов-во
Колонпоселок Балаганное, р. Тауй	

Ольский рыбохозяйственный район	Ямский рыбохозяйственный район	Промыслы
Колонпоселок «Веселая»	Ямская артель «Пятилетка»	Балаганский
Колонпоселок «Ударник»	Гаданжинское тов-во «Рассвет»	Ямский
Гадлинская артель «Новая жизнь»		1-я морская база
Мальнанское тов-во «Новый путь»		2-я морская база
Сигланское тов-во «1-е Мая»		Арманский
		Окский

В этих районах (Балаганное, Ола, Ямск, Наяхан, колонпоселки Радчево, Веселая, Ударник, Темп) создавались бондарные и чановые мастерские, засольни, икрянки, природные холодильники, т. е. закладывалась материальная база рыбной промышленности Дальстроя, состояние которой являлось самой главной проблемой, сдерживавшей рост добычи рыбы.

На создаваемых промысловых участках не хватало бочек, сетей, неводов, засольных чанов и особенно промысловых и транспортных судов.

Мортран Дальстроя в 1933 г. *«опирался в своей работе на плавсредства, которые он получил от Совторгфлота. Чтобы представить себе состояние этих плавсредств, достаточно указать, что 22 принятые единицы... были расценены в сумме 42 750 руб., а некоторые ввиду значительной их поврежденности были приняты без цены. В необорудованной мастерской, наполовину защищенной от открытого неба, при ветрах, при суровых морозах, в среднем от 35 до 40... Мортран выполнял судостроительную программу»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 34].

Начиная с 1935 г. и особенно в 1936 г. на промыслах Дальстроя развернулась большая работа по созданию производственной базы. В колонпоселках было изготовлено 62 810 бочек, 502 чана, построены новые естественные ледники, сараи для копчения. Добыча рыбы возросла с 67,3 тыс. ц в 1932 г. до 132,0 тыс. ц в 1936 г.

В целях наращивания вылова рыбы и улучшения производственно-финансового положения национальных колхозов в 1937 г. было решено, *«учитывая необходимость вовлечения коренного населения в рыбное дело и необходимость колонизации края, с 1938 г. добычу рыбы сосредоточить в колонпоселках и колхозах»* [Там же. Д. 551, л. 140].

В 1936 г. колонистами-заключенными было добыто 1807 ц и обработано 5277 ц рыбы, изготовлено 33 278 бочек и 316 засольных чанов. Однако поднявшаяся в 1937 г. волна репрессий повлекла за собой ужесточение лагерного режима, а в 1940 г. началась деколонизация.

Приказом начальника ГУ СДС № 01 от 25 января 1940 г. (в соответствии с приказом НКВД СССР № 0168 от 15 июля 1939 г.) на базе колонпоселка Темп был организован рыбпромхоз «Ударник» – подсобное хозяйство УСВИТЛа и ВОХР НКВД. Рыбные промыслы Бугурчан, Умра, Атарган и Дукча переданы Управлению рыбопромыслового хозяйства, созданному в 1938 г. В функции УРПХ входили: *«скуп рыбы-сырца у национального кооперированного населения Охотского побережья, обработка сырья, а также организация снабжения по всему Охотскому побережью»*. В состав УРПХ входили рыбпромхозы «Арманский», «Ольский», «Усть-Магаданский», «Ямский», «Наяханский». Два последних были приняты от ликвидированного в 1938 г. Колхозсоюза. Рыбпромхозы имели 4 основных промысловых района: Тауйский (6 промыслов – Балаганное, Яма, морбазы № 1 и 2, Армань, Окса), Ольский (7 промыслов – Усть-Магадан, Атарган, Бугурчан, Умра, Ола, Сивуч, Сиглан), Ямский (3 речных промысла на рр. Яма, Иреть и Туманы), Наяханский (5 промыслов – Наяхан, Большая Гарманда, Малая Гарманда, Таватум, Вилига).

Перед УРПХ и колхозами была поставлена задача «преодолеть вредительство» арестованного руководства Дальстроя и резко увеличить добычу рыбы, в первую очередь за счет нерестовой сельди. В плане развития подсобных производств в III пятилетке отмечалось, что *«запасы сельди еще не*

тронуты и огромны. Ни в каких других районах ДВК нет такого бурного массового ее подхода во время нереста» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 101, л. 72].

В Тауйской губе в 1936 г. одним неводом добывали свыше 9000 ц сельди при самой высокой норме в других районах ДВК 2000–3000 ц.

Рыбные ресурсы Охотского моря были действительно велики, но «взять» их было чрезвычайно сложно из-за примитивной материально-технической базы и почти полного отсутствия капитальных вложений. *«Из-за слабой ремонтной базы до 50% промыслового флота в течение путинного и промыслового периода находились на приколе... Механизации, хотя бы и примитивной, на промыслах Управления не имеется, и это обстоятельство оказывало свое отрицательное влияние на производительность труда и качество продукции»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 4040, л. 6].

Из-за отсутствия средств и стройматериалов медленно развивалось складское хозяйство, *«а созданные базы хранения представляли собой в буквальном смысле слова кладбище для погребения государственных ценностей. Рыба сваливалась на необустроенной, даже неогороженной территории в порту Нагаево, подвергалась действию атмосферных осадков»* [Там же. Л. 62].

Капитальных складов для хранения рыбопродукции *«как на промыслах, так и в Нагаево, не было вовсе... Бочки почти повсеместно находились под открытым небом... рассыхались, тузлук вытекал, продукция ржавела»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 101, л. 70].

Все рыбпромхозы осуществляли лов в основном пассивным методом. *«Активный глубинный лов совсем не применялся, а морской лов сосредоточивался на береговых морских участках»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 551, л. 131].

В результате это привело к истощению рыбных запасов и снижению вылова рыб ценных лососевых пород с 54,5% в 1938 г. до 47,3% в 1940 г.

Из-за примитивной технологии переработки более 92% рыбы изготовлялось в крепкосоленом виде, и только от 3,5 до 5,2% составляли копчения и маринады.

Были трудности и объективного характера. Территориальная отдаленность предприятий УРПХ достигла 1100 км, а связи с ними могло не быть в течение 7–8 месяцев. Например, Наяханский рыбпромхоз имел в своем составе 7 производственно-торговых отделений в радиусе 200 км без всякой почтовой, телеграфной и какой-либо другой связи. Аналогичное положение было в Ольском и Ямском рыбпромхозах. В результате значительная часть продукции оставалась не вывезенной из глубинных пунктов. В 1941 г. почти все полуфабрикаты для копчения и маринадов остались на промыслах *«и не были вывезены в Магаданский промхоз, где была сосредоточена переработка рыбы»* [Там же. Д. 4223, л. 51].

Установленные планы в 1938–1940 гг. не выполнялись, и в целом *«добыча рыбы не получала достаточного размаха»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 101, л. 69].

При относительном росте добычи рыбы (с 88,0 до 122,5 тыс. ц) и выпуске готовой продукции *«население даже таких приморских центров, как Магадан и Нагаево, получало рыбу в ничтожном количестве, население производственных центров, удаленных от моря, не получало ее совсем»* [Там же. Л. 71].

Несколько лучше обстояло дело с добычей морского зверя. Это было *«продиктовано потребностями в шкурах, жире и мясе»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 799, л. 53]. Сало морзверя перерабатывалось на пищевой жир, а мясо использовалось на корм скоту. В 1938 г. было добыто 2367 гол., в 1939 г. – 3791, в 1940 г. – 3924, в 1941 г. – 9500.

Бо́льшая часть качественной рыбопродукции отгружалась на пароходы и отправлялась во Владивосток в адрес Спецторга НКВД.

Наряду с другими отраслями, труд заключенных применялся и в рыбной промышленности. Их численность на промыслах колебалась и зависела от общей обеспеченности треста рабочей силой. На добыче рыбы работали физически ослабленные заключенные, не пригодные к тяжелому физическому труду в основном производстве. В 1940 г. в Арманском промхозе работали 255 вольнонаемных и 502 заключенных, в Усть-Магаданском – 96 и 240, в Ольском – 281 и 340, в Ямском – 165 и 157, в Наяханском – 193 и 238.

В 1941 г. промхозы полностью перешли на вольнонаемный состав по всем категориям, кроме рабочих, а удельный вес заключенных сократился с 67% в 1940 г. до 45,9% в 1941 г. *«за счет трудоустройства бывших з/к и найма колхозников»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 799, л. 62].

Основу рыбной промышленности Колымы в 1933–1941 гг. составляли национальные колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов. В 1940 г. добычей рыбы в Ольском районе занимались 7 колхозов на уставе северной смешанной промысловой артели («Путь Севера» – с. Ола, «Пробужденный Север» – с. Армань, «Рассвет» – с. Тауйск, «Новая жизнь» – с. Гадля, «1-е Мая» – с. Сиглан, «Пятилетка» – с. Ямск, «Новый путь» – с. Бараборка) и 4 простейших товарищества («Рыбак» – с. Кунтук, «Оленевод» – с. Талая, «Вперед» – с. Туманы, «Рассвет» – с. Гаданжа). В Северо-Эвенском районе имелось 5 товариществ («Север» – с. Наяхан, «Путь Ленина» – с. Наяхан, «Элекчан» – с. Гарманда, «Рассвет» – с. Камешки, «Новый путь» – с. Таватум, «Красный луч» – с. Вилига). В Среднеканском районе делались попытки наладить промышленный лов рыбы в бассейне р. Колыма, но он не получил большого размаха.

В 1938–1940 гг. удельный вес колхозного лова рыбы составлял более 60%. Колхозы Ольского района получали от рыболовства 69% прибыли, а Северо-Эвенского – 90%. Валовой доход колхозов в 1935–1940 гг. увеличился с 2247 до 8170 тыс. руб. Однако в колхозах добыча рыбы велась на самой примитивной основе.

На совещании о советском и колхозном строительстве в национальных районах Колымы, состоявшемся 26 сентября 1940 г., начальник АГО ДС Расторгуев констатировал, что *«в колхозах нет никакой механизированной обработки... Лов рыбы... производится вручную закидными неводами. Плохо и то, что рыбаки не имеют спецодежды, нет и плавсредств. Переноска рыбы за 50 метров производится не механизированно, а на руках. Подача воды в чаны также производится вручную, лишь в Ямске качают насосом. Укладка соленой рыбы производится без перчаток, у рабочих сильно разъедает солью руки, и они быстро выбывают из строя на 5–6 дней»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 14, л. 3].

В приказе Главного и Политического управлений Дальстроя № 055 от 17 октября 1940 г. отмечалось, что *«колхозы организационно еще не укреплены и руководят ими плохо. Трудовая дисциплина и производительность труда в колхозах крайне низка. Учет труда в ряде колхозов в состоянии полного развала»* [Там же. Д. 1, л. 22].

В целом в предвоенные годы рыбная промышленность Колымы находилась в стадии формирования и организационно-хозяйственного развития. На Охотском побережье созданная сеть рыбпромхозов и колхозов, занятых добычей рыбы, хотя и имела крайне слабую промысловую и перерабатывающую базу, тем не менее сыграла важную роль в обеспечении морепродуктами населения в годы войны, когда резко сократилось снабжение с «материка».

В условиях военного времени вопрос максимально возможного самообеспечения продуктами питания, и прежде всего рыбой, вольнонаемного населения и заключенных лагерей приобрел первостепенное значение. Это было связано как с большими запасами рыбы ценных пород и во внутренних водоемах, и на морском побережье, так и с тем, что эта отрасль не требовала крупных капитальных вложений.

В целях увеличения добычи рыбы руководство Дальстроя приняло ряд мер по организационно-хозяйственному и материально-техническому укреплению предприятий рыбной промышленности. В состав Арманского рыбпромхоза было передано хозяйство бывшего колонпоселка Темп УСВИТЛа, в Ольский вошли промыслы колонпоселка Ударник, Умра и Сахарная головка. В 1941 г. организован новый рыбпромхоз «Сигланский», специализирующийся на добыче лососевых. В начале 1942 г. в состав УРПХ ДС входили Арманский, Усть-Магаданский, Ольский, Ямский, Наяханский, Сигланский рыбпромхозы (27 промыслов) и судостроительная верфь.

В октябре 1942 г. Сигланский рыбпромхоз ликвидируется, а действующие промыслы Сивуч, Сиглан и Бухта Средняя были переданы Ольскому рыбпромхозу.

В 1941 г., несмотря на трудности, государственный план по добыче рыбы (180 тыс. ц) был выполнен на 102,1%. *«Из 183 700 ц рыбы 91 326 ц (50,2%) составлял лов рыбы силами и средствами УРПХ, а остальная часть – 89 867 ц была скуплена у колхозов, которые осуществляли лов орудиями УРПХ»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 4223, л. 51].

Однако, как и в предвоенные годы, из-за отсутствия транспорта и *«в силу того, что рыбные промыслы разбросаны на расстоянии до 800–900 км, а каботажный флот был отвлечен на специальные работы – часть рыбы осталась невывезенной»* [Там же].

В результате в конце 1941 г. возникли серьезные проблемы со снабжением рыбной продукцией лагерей и рабочих поселков, что наряду с другими факторами привело к повышенной смертности среди заключенных УСВИТЛа.

В годы войны, помимо трудностей субъективного характера (нехватка промыслового оборудования, транспорта, соли, примитивная переработка и пр.), на эффективность рыбной промышленности влияли и крайне неблагоприятные природно-климатические условия.

«Ввиду холодной весны 1942 г. и позднего освобождения бухт от льда ряд рыбпромхозов, как, например, Арманский, Усть-Магаданский, начали лов сельди позднее положенного, а Сигланский и Ямский... сельди совершенно не поймали... т. к. бухты не были освобождены от льда» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 13, л. 14].

В первой половине 1943 г. был организован Чаун-Чукотский промысел, который в том же году как не дававший результатов был закрыт и передан в ведение Колымснаба.

Рыбная путина 1943 г., как и предыдущая, осложнялась суровыми условиями – дождями, холодом, штормовым ветром – и малым ходом рыбы.

Например, на промысле Атарган (б. Атарган) было добыто всего 45% (от плана) рыбы при наличии 36 неводов. В Ямском рыбпромхозе в период лососевой путины были сорваны штормами все ставные неводы, в Ольском рыбпромхозе основные участки по добыче кеты и горбуши – Сивуч и Сиглан – простаивали из-за недохода рыбы.

Несколько лучше было положение в Арманском и Наяханском рыбпромхозах, но в целом план добычи рыбы был выполнен на 80% (табл. 45).

Таблица 45

Выполнение плана добычи рыбы в 1943 г., %

[ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 15, л. 6]

Рыбпромхоз	Хозлов	Колхозы	Всего
Арманский	100	137	117
Усть-Магаданский	64	–	64
Ольский	45	55	52
Ямский	28	90	63
Наяханский	98	63	66
Итого	74	85	80

План по выпуску готовой продукции выполнили всего на 71%, а убытки составили 2896 тыс. руб. Причем из-за низкого качества (примеси угля, песка и пр.) бóльшая часть соленой рыбы не соответствовала стандарту. В 1943 г. впервые был поставлен вопрос о научно-исследовательской работе и изучении наиболее перспективных районов подхода рыбы.

Важное значение для развития рыбной промышленности Дальстроя имело Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока», которое обязывало Наркомрыбпром СССР немедленно приступить к активной работе в этих районах, включая и Охотско-Аянское побережье. Повышенное внимание к этим районам было связано с тем, что из-за военных действий прекратилась добыча рыбы в Балтийском море и резко сократилась в Черном и на Волге.

Несмотря на большие трудности, в рыбпромхозах и на предприятиях Дальстроя было налажено бондарное и тарное производство, наращивались мощности местного судостроения на Арманской судоверфи и ремонтном заводе № 2 в г. Магадане.

В 1943 г. было построено 65 кунгасов и 1 кавасаки, а в целом до 1945 г. для нужд рыбной промышленности изготовили 302 тыс. бочек, 367 деревянных засольных чанов, 122 кунгаса, 215 лодок, 255 ставных и закидных неводов и много другой сетеснастной продукции.

В 1944 г. на основании Постановления СНК от 7 мая 1944 г. и приказа ГУ СДС № 421 от 22 августа Наяханский рыбпромхоз (за исключением промысла Вилига) был передан в состав Наркомата рыбной промышленности. Одновременно в УРПХ был включен Колымо-Индигирский госрыбтрест Главсибрыбпрома.

В 1944–1945 гг. общая динамика и эффективность рыбной промышленности изменилась незначительно, в основном из-за природных условий.

Наиболее тяжелым был 1945 г., когда почти все орудия лова затонули. При плане 190 600 ц было добыто всего 109 234 ц.

Добыча рыбы рыбпромхозами и колхозами Колымы, тыс. ц

Год	Добыча
1940	12,0
1941	18,4
1942	18,2
1943	16,6
1944	20,1
1945	10,9

Большой вклад в добычу рыбы в годы войны внесли 14 рыболовецких артелей Ольского и Северо-Эвенского районов. Начиная с 1939 г. колхозный лов систематически возрастал и в 1944 г. достиг 140 тыс. ц, или 50% всего вылова Дальстроя. В 1942 г. в целях высвобождения рабочей силы для основного производства УРПХ передало колхозам на арендных началах промыслы Янский, Сивуч, Речка, Туманский, Вилига, Таватумский, Наяханский, Большая Гарманда, Малая Гарманда.

Добыча рыбы в колхозах осуществлялась исключительно на мобилизации «внутренних ресурсов» [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 98].

Начальник АГО ДС Д. А. Жучаев в докладной записке в Политуправление Дальстроя отмечал: *«За период военных лет... не завозились в колхозы материалы для изготовления орудий лова (дель, веревка), а также нарезные винтовки и патроны.*

Как правило, ежегодно рыбакам приходится ловить рыбу, не имея в достаточном количестве резиновой обуви и спецодежды, в результате во время селедочной путины в мае месяце рыбаки подвергаются простудным заболеваниям.

Охота на морского зверя в 1945 г. колхозами практически не проводилась... Старые берданки и американские винчестеры вышли из строя» [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 1, л. 10].

В годы войны колхозы по-прежнему арендовали орудия лова и сдавали почти весь улов на переработку рыбпромхозам, которые устанавливали низкие закупочные цены на рыбу-сырец и высокую арендную плату за эксплуатацию промыслового флота. В результате колхозы несли большие убытки. В отчете колхозов за 1944 г. начальнику Управления сельского хозяйства районов Крайнего Севера НКЗ РСФСР подчеркивалось: *«В данный момент рыбацкие колхозы Ольского района оказались в катастрофическом финансовом положении по причинам ручного труда, примитивной материально-технической базы, разницы в ценах... за орудия лова и сдаваемой рыбы»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 13, л. 9].

Запрещая рыбообработку колхозам под предлогом отсутствия среди коренного населения специалистов, рыбпромхозы в то же время были не готовы к приемке большого количества рыбы. Малочисленный буксирно-транспортный и промысловой флот УРПХ не справлялся с поставленной задачей. Его плавсредства постоянно привлекались на рейдовую разгрузку и погрузку морских судов в ущерб рыбодобыче.

«На обработку морсудов был поставлен не только весь железный тоннаж, но и в силу необходимости и значительная часть транспортного речного деревянного флота, что серьез-

но отразилось на транспортной речной работе. Весь деревянный флот пришел в такое состояние, что уже не являлся полноценным» [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 1112, л. 11].

Кроме этого, флот УРПХ отличался большой аварийностью. В 1943 г. потерпели крушения катера «Чкалов», «Аян», пароходы «Тайга», «Марчекан», баржи «Яна», «Вилюга». В 1944–1945 гг. произошли 22 аварии в основном из-за низкой трудовой дисциплины.

В этой ситуации колхозные рыбаки были вынуждены сами доставлять рыбу на переработку за десятки километров. Ручной труд господствовал безраздельно. Особенно тяжелой была работа на выгрузке рыбы из кунгасов и барж. До засольных чанов рыбу доставляли тачками и носилками, а в местах, где было невозможно пристать к берегу, осуществлялась еще и перегрузка в лодки.

Оснащение цехов Усть-Магаданского рыбозавода находилось на самом низком технологическом уровне. Удельный вес деликатесной продукции – рыбы горячего и холодного копчения, маринадов, колбасной продукции – в 1945 г. не превышал 35%. Основная часть сельди и лососевых изготовлялась крепкосоленой.

В этот период рыбная промышленность Колымы, кроме обеспечения собственных нужд Дальстроя, выполняла государственное задание по *«оказанию помощи центральным районам страны»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 167, л. 32].

В 1941–1944 гг. *«Дальстроем в качестве продовольственной помощи было отправлено рыбы и рыбных изделий: в Москву Спецторгу НКВД СССР – 1648 т, в г. Владивосток Горторгу – 318 т и в Хабаровск – 714 т, всего 2680 т»* [Там же. Л. 43].

Несмотря на серьезные трудности объективного и субъективного характера, в годы войны неоднократно отмечалась хорошая работа рыбаков Ольского, Арманского и Усть-Магаданского рыбпромхозов. Во время путины рыбаки и рыбообработчики работали круглосуточно. Недисциплинированность, халатность, снижение норм рассматривались как скрытый саботаж.

На вольнонаемных рабочих рыбпромхозов распространялся Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Материалы на виновных направлялись *«в военную прокуратуру не позднее чем на следующий день после установления факта»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 1, л. 91].

В 1941 г. в Ольском рыбпромхозе за нарушение рабочего распорядка и прогулы 18% его состава было отдано под суд Военного трибунала.

И. Ф. Никишов подчеркивал, что *«среди негодяев, саботажников, дезорганизаторов производства, лодырей мы не должны вести воспитательную работу, а должны их беспощадно карать, вплоть до расстрела...»* [Там же].

Партийные организации вели усиленную идеологическую обработку рабочих рыбных промыслов, важное место в которой занимали социалистическое соревнование и стахановское движение. Этой формой организации производства было охвачено более 90% рыбаков и обработчиков.

По сравнению с довоенным периодом на рыбопромышленных предприятиях изменились соотношение и состав рабочей силы.

Таблица 46

Динамика численности рабочей силы

Работники, чел.	1940 г.	1945 г.
Вольнонаемные	990	2010
Заключенные	1477	235
Всего	2467	2245

В 1940 г. из 2467 чел. 1477 составляли заключенные ИТЛ, а в 1945 г. из 2545 чел. только 235 чел. (табл. 46).

В годы войны рыбаки Дальстроя выполнили поставленную задачу – население Колымы, кроме заключенных ИТЛ, в основном было обеспечено собственной рыбной продукцией.

В то же время увеличение добычи рыбы в 1941–1945 гг. имело и негативные последствия. Лов лососевых велся, как правило, в устье рек недозволенными способами, а также в верховьях рек на основных нерестилищах.

В результате были совершенно опустошены нерестовые водоемы рр. Дукча, Магаданка, Армань и многие другие. В реках Ольского района добыча лососевых сократилась с 2485 ц в 1940 г. до 4712 ц в 1945 г. [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 39, л. 119].

В 1946–1953 гг. рыбная промышленность Дальстроя, основанная на экстенсивных формах развития производства и принудительных методах организации труда, находилась в застойном состоянии.

Сложившаяся в годы войны ситуация с финансированием, материально-техническим обеспечением, строительством, в какой-то мере оправданная чрезвычайным положением военного времени, сохранялась и в дальнейшем.

В 1946 г. потребность в рыбной продукции резко возросла, так как в Дальстрой прибыло *«значительное количество спецпереселенцев и большое пополнение рабочей силы за счет заключенных»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 188, л. 237].

В силу объективных причин в это время Дальстрой не мог рассчитывать на получение сверхнормативного продовольствия, опираясь только на местные ресурсы, развивая сельское хозяйство и промышленное рыболовство. В 1948 г. *«в целях лучшего использования рабочей силы, более рента-*

бельной организации производства и использования имеющихся мощностей» 19 ноября был организован рыбопромысловый и сельскохозяйственный лагерь «Рыбсельлаг» [Там же. Д. 204, л. 21].

Реорганизация рыбной промышленности на этом не закончилась.

4 января 1950 г. создано УРПХ Дальстроя, в состав которого вошли рыбпромхозы «Арманский», «Ольский», «Ямский», «Усть-Магаданский» и 10 совхозов.

Кроме этого, 1 января 1950 г. по решению СМ СССР организован Северо-Охотский госрыбтрест. В него вошли рыбокомбинаты «Гижигинский» и «Наяханский», находившиеся до этого в ведении Охотского треста. Комбинаты объединили 10 рыбозаводов, которые обслуживали 10 колхозов.

Наяханский комбинат специализировался на добыче сельди, а Гижигинский – лососевых, комбинат в Авеково добывал морзверя, а в Чайбухе и Таловке – сельдь.

Сложившаяся структура рыбной промышленности сохранялась до 1954 г.

В 1946–1953 гг. добыча рыбы велась нестабильно и зависела в основном от интенсивности подхода рыбы и состояния рыбных запасов. Из-за отсутствия морских судов для активного лова рыбалка осуществлялась по-прежнему пассивными методами в устьях рек и на береговых участках, что значительно сокращало промысловые возможности.

Начальник АГО Дальстроя Д. А. Жучаев докладывал в 1950 г. А. Г. Петренко, что *«в Дальстрое, а следовательно, и в колхозах, активный лов сельди совершенно не организован, проводится исключительно ставными неводами, для чего необходимо иметь свободные от льда берега, тогда как начиная с 1945 г. по 1948 г. у побережья Охотского района была крайне неблагоприятная ледовая обстановка»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 52, л. 86].

Длительная эксплуатация одних и тех же участков лова в прибрежной зоне и устьях рек привела к резкому сокращению добычи нерестовой сельди в Тауйской губе (с 70 тыс. ц в 1940–1944 гг. до 27 тыс. ц в 1946–1953 гг.) и лососевых в Анадырском заливе и Гижигинской губе. *«В результате хищнического лова рыбы лососевых пород реки, впадающие в Охотское море, – Армань, Яна, Ола, Сиглан – были доведены до крайнего истощения. Если в 1944 г. эти реки дали 40 тыс. ц лосося, то в 1949 г. – 9,8 тыс. ц»* [Там же].

В 1948 г. начальник Дальстроя издал приказ № 381 «Об охране и воспроизводстве рыбных запасов в районе деятельности Дальстроя», которым запрещался лов лососевых рыб в мелких реках, водоемах, заливах Мотыклей, Амахтонский, Одян, Забияка, Бабушкина и в Ямской губе. Объявлялись запретными нерестовые места на весь период года в рр. Тауй, Яна, Ойра, Армань, Хасын, Ола, Яма, Туманы, Вилига. Однако при наличии многих приказов по охране нерестилищ в таких реках, как Армань, Ола, они из года в год хищнически разрушались, что привело к обезрыбию этих рек.

В 1950 г. промысловый лов лососевых в названных реках был полностью запрещен, а в остальных ограничен, но браконьерство продолжалось. В 1952 г. в рр. Ола, Яна, Уптар, Хасын занимались незаконным ловом транзитное отделение 3-го управления Дальстроя, ОЛП № 10, окружной совет «Динамо», пожарная охрана пос. Палатка, Ушосдорлаг Дальстроя 103-го км, подрывное хозяйство УМП и др.

В то же время Ямское побережье, наиболее богатое рыбой, предприятиями Дальстроя осваивалось очень плохо. Добычу в новых водоемах сдерживал недостаток промыслового и транспортного флота.

Эффективность пассивных методов добычи, зависевшая от количества выставленных орудий лова, а главное от интенсивности подхода рыбы к берегам, неуклонно снижалась.

В 1950 г. основные селедочные промыслы Атарган, Сахарная головка, морбаза № 2, Пестрая Дресва и др. практически в деле не участвовали из-за отсутствия сельди (табл. 47).

В 1951 г. неблагоприятная ледовая обстановка и штормовая погода почти полностью сорвали селедочную путину. Колхозы и рыбпромхозы добыли 22 678 ц сельди вместо 51 300 ц по плану. В 1953 г. с 1 июня прекратился подход сельди, и план был выполнен только за счет массового хода горбуши.

Вести добычу рыбы в море рыбпромхозы не могли, поскольку промысловый флот УПХ по техническим качествам не мог удаляться от берега далее 5 миль. Имевшийся для активного лова рыбы сейнер на протяжении трех лет (1950–1952 гг.) эксплуатировался без положительных результатов в основном из-за отсутствия квалифицированных кадров.

Таблица 47

Динамика добычи рыбы колхозами и промхозами УПХ ДС, тыс. т

[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 190, л. 50 об.]

Год	Всего	В %	Лосось	Сельдь	Прочие
1946	9,0	51,6	4,9	3,0	1,2
1947	8,2	54,4	3,9	3,4	0,9
1948	7,3	43,7	3,9	2,2	1,2
1949	14,3		6,9	5,6	1,8
1950	6,1	63	2,8	3,0	0,3
1951	7,9	80	5,1	2,2	0,6
1952	4,8	48	2,7	1,5	0,6
1953	11,4	117	7,1	3,7	0,6

Аналогичная ситуация складывалась и в Северо-Охотском госрыбтресте. В 1950 г. *«лов лососевых практически не дал никаких результатов вследствие исчезновения этих пород в местных водоемах. Поэтому основной и единственной промысловой породой Северо-Охотского треста являлась сельдь»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 67, л. 84] (табл. 48).

Таблица 48

Сопоставление добычи рыбы Гижигинским и Наяханским рыбпромхозами в 1945–1950 гг., ц

[ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 67, л. 14]

	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Гижига – всего	21153	12743	26487	49109	31242	20372
в т. ч. лососевые	2416	4554	3221	2248	2734	703
Наяхан – всего	22922	26272	19082	26471	43126	14092
в т. ч. лососевые	9929	7354	3298	6172	4735	1889
Итого	44075	39015	45569	75580	74368	34464
в т. ч. лососевые	12345	11908	6519	8420	7469	2536

С образованием Северо-Охотского треста объем добычи рыбы, *«несмотря на увеличение количества ловцов, орудий лова и обслуживающего рыбодобычу флота»*, оставался на низком уровне.

В 1950–1953 гг. потеряли свое значение как основные промыслы Наяхан, Таватум, Вархалам, Авеково.

В 1953 г. Северо-Охотский трест получил 12 480 тыс. руб. убытков. Одной из причин высокой убыточности явилось низкое качество выпускаемой продукции. Обработка рыбы велась примитивными методами. Например, рыбозаводы в с. Большая и Малая Гарманда (построенные в 1936–1938 гг.), Чайбуха (1936 г.), Тополовка (1949 г.) совершенно не имели стационарных посольных емкостей. В целом по тресту из 1842 чанов вместимостью 122 и 315 ц только 661 имел навесы, а 1181 находился под открытым небом. Во время штормов чаны затопляло водой, а зимой заносило снегом.

12–13 ноября 1950 г. во время сильного шторма была затоплена вся береговая полоса Гижигинского и Наяханского комбинатов, что привело к потере 1481 ц рыбы. Ежегодно десятки тысяч центнеров готовой рыбопродукции оставались зимовать на промыслах в открытых чанах, теряя при этом качество. Засольные цехи имелись только на 2 заводах. Солехранилищ и складов готовой продукции не было совсем, соль и рыботовары хранились под открытым небом. Ситуация осложнялась неритмичным подходом пароходов, забиравших рыбопродукцию в штормовые осенние месяцы.

Тяжелое производственно-финансовое положение рыбпромхозов УПХ ДС и Северо-Охотского треста отрицательно сказывалось на экономическом положении колхозов.

В 1946–1953 гг. рыболовецкие колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов полностью зависели от рыбных предприятий. *«От государственных поставок колхозы Крайнего Севера были освобождены. Они выполняли планы, установленные ГУ СДС по вылову рыбы, отстрелу морского зверя и заготовке пушнины»* [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 13, л. 7].

Внеэкономические методы руководства колхозами, особенно в годы войны, привели к тому, что в 1946 г. *«рыболовецкие колхозы Ольского района оказались в катастрофическом финансовом положении»* [Там же. Л. 9].

Положение колхозных рыбаков ухудшилось после принятия Союзнаркомрыбпромом в 1946 г. решения о новом порядке снабжения рыболовецких колхозов. В документе подчеркивалось, что *«в целях недопущения разбазаривания государственных и промтоварных фондов на председателей колхозов возлагается ответственность... проверять рыбаков, получивших карточки в части выхода на работу. В случае невыхода снимать со снабжения, а колхозникам, не выполняющим норму выработки, снизить норму до сельхозколхозников. Председателей колхозов, допустивших указанное нарушение, привлекать к уголовной ответственности»* [Там же. Д. 39, л. 169].

Такое решение совершенно не учитывало ни материально-технических возможностей колхозов, ни изменившейся сырьевой базы промыслов, ни кризисной демографической обстановки среди коренного населения. Данные обследования колымских районов, проведенного в 1948 г., говорили о катастрофическом сокращении трудоспособного населения в колхозах.

Несмотря на это, в 1948 г. СМ СССР принял постановление о выплате специальных надбавок рыболовецким колхозам за рыбу, сданную сверх плана, за исключением колхозов Камчатской области и Охотского побережья. Это еще больше подорвало экономику национальных колхозов, занятых добычей рыбы.

В решении исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета № 20 от 26 сентября 1952 г. отмечалось, что в Ольском районе *«добыча рыбы и морзверя, являющихся важнейшим источником доходов колхозов, в 1951 г. по сравнению с 1940 г. уменьшилась в 3 раза. Колхозы плохо обслуживаются самоходным флотом, неудовлетворительно снабжаются спецодеждой, обувью, продуктами питания на лову. Путинные материалы отпускаются колхозам по повышенным ценам. Рыбпромхозы, являясь второстепенными заготовителями, принимают от колхозов готовую продукцию не по закупочным, а по заготовительным ценам»*.

В 1941 г. добыча рыбы колхозами Ольского района составила 84 тыс. ц, в 1945 г. – 60,6, в 1946 г. – 43,7, в 1948 г. – 22,6, в 1949 г. – 36,2.

Снижение добычи рыбы в колхозах и рыбпромхозах в 1946–1953 гг. отмечалось повсеместно. Кроме того, в этот период оставалась нерешенной проблема изготовления готовой продукции. В 1947 г. колхозы сдали в обработанном виде 24 тыс. ц рыбы, в 1948 г. – 22 тыс. ц, в 1949 г. – 14 тыс. ц и т. д. В результате изменилась структура денежных доходов колхозов: если в 1939 г. удельный вес доходов от

рыболовства в колхозах Северо-Эвенского района составлял 90%, Ольского – 69, то в 1948–1949 гг. в среднем он не превышал 26% [ГАМО, ф.р-38, оп. 1, д. 52, лл. 85, 97].

В 1950 г. начальник АГО писал, что *«рыбное хозяйство Дальстроя, оснащенное примитивной техникой, топчется на одном месте и за последние 5 лет находится в состоянии большой запущенности. Из анализа работы рыболовецких колхозов необходимо сделать только такой вывод, что их дальнейшее экономическое укрепление находится в прямой зависимости от развития рыбной промышленности Дальстроя и увеличения капитальных вложений»* [Там же. Д. 52, л. 86].

Реорганизация рыбной промышленности Дальстроя и создание Северо-Охотского треста положения колхозов не изменили. Кроме производственных проблем, на развитие рыбной промышленности отрицательно влияли нехватка квалифицированных кадров и тяжелое социально-бытовое положение колхозников и рабочих рыбпромхозов.

В рыбпромхозах процветали семейственность и назначения на руководящие должности по принципу личной преданности. Контрольные комиссии Политуправления Дальстроя ежегодно вскрывали растраты финансовых средств и факты преступной халатности должностных лиц. Например, на должность председателя колхоза «Путь Ленина» Северо-Эвенского района был назначен Бондаренко, бондарь по специальности, член ВКП(б), который, причинив колхозу огромный материальный ущерб и обокрав казну, сбежал. Председатель колхоза «Новый путь» Веденеев присвоил 4245 руб. за сверхплановую рыбу. *«Председатель колхоза "Рассвет" Баков, он же секретарь парткома, чувствовал себя в колхозе бесподотчетным хозяином»*, – сообщалось в справке АГО от 25 сентября 1950 г. начальнику Политуправления полковнику В. Ф. Шевченко [Там же. Л. 64]. Виновных предавали суду, но проблема руководящих колхозных кадров оставалась очень острой.

Руководство Дальстроя, имея в виду весь комплекс проблем, признавало, что *«задачи, связанные с развитием рыбной промышленности, решаются совершенно недостаточно»* [Там же].

В 1953 г. рыбная промышленность Дальстроя по степени материально-технического оснащения находилась на уровне середины 30-х гг. *«За период с 1933–1953 гг. и до 1954 г. было построено незначительное количество жилой площади, что же касается строительства производственных зданий, то... за 21 год строительство производственных зданий и сооружений совершенно не велось, в силу чего ни на одном из промыслов нет складов хранения готовой продукции, льдосолевых баз, машинных холодильников...»*, – отмечалось в акте обследования УРПХ ДС в 1954 г.

Производственные помещения рыбокомбинатов УРПХ ДС располагались в тесных полуразвалившихся деревянных помещениях, где невозможно было применить современную технологию обработки рыбы и механизировать трудоемкие процессы. Работали в очень тяжелых условиях. Например, на Монтыклейских промыслах рыба из кунгасов к разделочным столам и мойкам подавалась вручную ведрами через блок; подача рыбы к чанам – тачками. Для заготовки тузлука вода подвозилась из речки бочками на расстояние 100 м. На промысле Атарган воду доставляли на лошадях и лодках на расстояние 1–2 км; все сооружения требовали капитального ремонта.

Перерабатывающая база рыбных промыслов располагала только засольными чанами, из которых более 40% были брезентовыми. Большинство цехов предприятий не было приспособлено к длительному хранению посоленной рыбопродукции. Емкости находились под открытым небом, даже без временных навесов. В результате значительная часть рыбы теряла качество и пропадала. Из-за нехватки самоходного флота и крайней изношенности буксирных катеров постройки 1934–1948 гг. готовую рыбу годами не вывозили с промыслов.

2.6. Амнистия 1953 г. и ее влияние на промышленный комплекс Дальстроя

В 1953 г. после смерти И. В. Сталина начался демонтаж основных звеньев репрессивно-карательной машины тоталитаризма, и в первую очередь системы ГУЛАГа МВД СССР. Государство было уже не в состоянии содержать огромную армию заключенных, труд которых, с экономической точки зрения, был совершенно не эффективным. Это достаточно ярко проявилось в деятельности Дальстроя, который в структуре ГУЛАГа длительное время занимал особое место в качестве лагеря как самого большого по территории, так и по задачам промышленного освоения Северо-Востока.

В конце 1952 г. ГУЛ СДС МВД СССР состояло из 9 управлений ИТЛ, 16 отдельных отделений, 128 лаготделений, входивших в состав соответствующих УИТЛ, и 293 лагпунктов.

Перед объявлением амнистии (на 1 декабря 1952 г.) в исправительно-трудовых лагерях Дальстроя содержалось 152 828 заключенных (без Особого лагеря № 5 МВД СССР), в том числе в Тенькинском ИТЛ (пос. Усть-Омчуг) – 15 746 чел., в Западном ИТЛ (пос. Сусуман) – 13 708, в Северном ИТЛ (пос. Ягодный) – 11 592, в Индигирском ИТЛ (пос. Усть-Нера) – 12 276, в Юго-Западном ИТЛ (пос. Н. Сеймчан) – 3905, в Омсукчанском ИТЛ (пос. Омсукчан) – 7085, в Чаун-Чукотском ИТЛ (пос. Певек) – 12 701, в Чаунском ИТЛ (пос. Певек) – 5278, в Чукотском ИТЛ (зал. Креста) – 7866, в Янском ИТЛ

(пос. Эге-Хая) – 7740, в Дорожном ИТЛ (пос. Адыгалах) – 2838, в Магаданском ИТЛ (г. Магадан) – 7786, в Ванинском ИТЛ (бух. Ванино) – 4352, в Приморском ИТЛ (г. Находка) – 4105, в Усть-Кутском ИТЛ (пос. Усть-Кут) – 889, в Транспортном ИТЛ (пос. Мякит) – 5947, в ИТЛ УПХ (пос. Веселая) – 6587, в ИТЛ Промжилстроя (г. Магадан) – 2426, в отделениях: ИТЛ Янстроя (пос. Хандыга) – 3774, ИТЛ Ушосдора (пос. Карамкен) – 2048, ИТЛ КИРП (Зырянка) – 3522, Ожогинского ИТЛ (пос. Ожогино) – 1598, ИТЛ БРГРУ (Нексикан) – 2599, транзитном отделении (г. Магадан) – 3216, ИТЛ центральной больницы (пос. Дебин) – 2264, ОЛП-12 Комбината № 1 (Бутыгычаг) – 378 и в перебросках между лагерями – 600 чел.

Из общего количества заключенных ИТЛ 3435 чел. были осуждены к каторжным работам, в том числе 424 женщины.

Весь контингент заключенных размещался в 347 лагподразделениях общего режима (147 тыс. чел.), в том числе в 98 лагпунктах и БУРах (6625 чел.), в 293 штрафизоляторах (2823 чел.), в 10 лагподразделениях строгого режима (3740 чел.), в 2 – тюремного режима (318 чел.), в 9 каторжных подразделениях (3255 чел.).

Количество заключенных-большесрочников составляло, %: в Маглаге – 45,7, в Стройлаге – 54,2, в Заплаге – 52,0, в Севлаге – 63,3, в Теньлаге – 54,0 и т. д. Все заключенные-женщины размещались в 38 лагподразделениях, в том числе в специальных женских 15 511 чел.

В навигацию 1952 г. из ИТЛ Дальстроя было отправлено в лагеря центральных районов страны 1650 заключенных-инвалидов, 450 заключенных-женщин с детьми, 377 чел. в распоряжение судебно-следственных органов. На основании распоряжения № 080 от 20 мая с Колымы в Институт лепры (Астраханская область) были вывезены все лепрозные больные.

Кроме этого, на «материк» отправили 4957 чел.*, освобожденных из заключения, и доставили из других лагерей страны 9822 чел.

Для размещения вновь прибывших в 1952 г. было построено: жилых бараков – 182, лечебных помещений – 201 (в том числе 2 Дома младенца), бытовых – 108, изоляторов – 64, ограждения зон – 38 556 м, прочих объектов – 48.

Колымские лагеря строились, готовясь принять очередных «покорителей» Севера. Им предстояла большая работа по освоению новых месторождений золота, олова в труднодоступных районах Индигирского, Тенькинского, Западного, Янского горнопромышленных управлений, где необходимо было проложить сотни километров дорог, построить прииски, рудники и т. д.

Основная ставка по-прежнему делалась на заключенных, численность которых планировалось значительно увеличить.

Между МВД СССР и ГУЛ СДС МВД велась активная переписка о поставках для лагерей лесоматериалов, прожекторов, колючей проволоки, электропроводов, средств связи, сигнализации и т. д. Однако к началу 50-х гг. система ГУЛАГа достигла таких масштабов, что Дальстрой потерял в ней свое исключительное значение, и МВД СССР уже не могло выделять нужные ресурсы в неограниченном количестве.

Так, для обустройства тюрем, зон и 10 лагерей строгого режима требовалось 650 млн руб., в то время как ежегодно выделялось на все лагерное строительство не более 60 млн руб. Руководство ГУЛ СДС МВД констатировало, что *«та небольшая сумма ассигнований на строительство, которая утверждена МВД СССР, не позволяет нам и в 1953 г. добиться серьезных сдвигов в этом направлении»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 364, л. 136].

Из-за невозможности в Дальстрое создать необходимые режимные условия для основной массы заключенных и учитывая специфику производственной деятельности, были предприняты меры по реорганизации рабочей силы в целях увеличения численности вольнонаемных рабочих.

На основании ряда постановлений СМ СССР и приказов МВД СССР в лагерях проводилась работа по расконвоированию и досрочному освобождению заключенных с закреплением их в Дальстрое на неотбытый срок наказания.

МВД СССР разрешило расконвоировать в лагерях Дальстроя осужденных на срок 10 лет лишения свободы при условии безупречного поведения и хорошего отношения к труду, а осужденных на срок свыше 10 лет – по отбытии не менее 3 лет заключения.

Не допускалось расконвоирование лиц, осужденных к ссылке на каторжные работы, подлежащих содержанию в Особом лагере № 5 МВД, в специальных лагерных подразделениях строгого режима, в штрафных пунктах, а также осужденных за совершение контрреволюционных преступлений (кроме ст. 58-10 УК РСФСР), бандитизм, вооруженный разбой, грабеж, побеги, перебежчиков через государственную границу, подданных иностранных государств, лиц вне подданства и рецидивистов.

На 1 октября 1952 г. в лагерях было расконвоировано 33 807 чел. (21,4% к списочному составу заключенных), в том числе с нарушением приказа МВД СССР № 0286 – 4680 чел. (табл. 49).

---

*Всего в 1952 г. освобождено 25 757 чел.

Таблица 49

Сравнительная таблица расконвоирования заключенных, чел.

Год	Кол-во заключенных	Расконвоировано		В т. ч. с нарушением приказа МВД	
		кол-во	в %	кол-во	в %
1950	173 534	59435	35,3	22770	40,2
1951	167 737	47414	29,8	18935	44,2
1952	154 453	33807	21,4	4680	13,8

На основании приказа МВД СССР и Генерального прокурора СССР № 065/117с от 14 мая освобожденные заключенные из лагерей закреплялись за предприятиями Дальстроя по месту освобождения.

Ими укомплектовывались в первую очередь объекты, где использовались заключенные мелкими группами без охраны.

В 1951–1952 гг. были частично пересмотрены инструкции, приказы, распоряжения по вопросам увольнения из ДС различных категорий рабочих и служащих.

Эти функции изымались из компетенции отделов кадров и передавались в органы УМГБ по ДС.

В соответствии с распоряжением МВД СССР № 420-50 г. «Об увольнении отдельных категорий лиц, работавших на спецстроительствах МВД СССР» разрешалось увольнять из Дальстроя рабочих и служащих из числа бывших заключенных, ранее содержавшихся в лагерях при строительствах МВД СССР № 247, 313, 514, 585 и прибывших по приказу МВД СССР № 00708-49 г., а именно: инвалидов, многодетных матерей, имевших вне ДС двух детей и более (в исключительных случаях отцы), и беременных женщин.

Лиц из числа особого контингента разрешалось увольнять в случае хронических заболеваний, полной нетрудоспособности в условиях Крайнего Севера и по от бытии ими 3-летнего срока на предприятиях Дальстроя [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5268, лл. 8–10].

Спецпереселенцы, снятые с учета МГБ, закреплялись на 3 года, а ссыльные и высланные навечно лишались права выезда.

Судьбу контрреволюционеров после освобождения из лагеря в каждом отдельном случае решали органы УМГБ по ДС.

Что касается досрочно освобожденных, то согласно разъяснению Прокурора СССР и распоряжению военного прокурора войск МГБ СДС № 003858 от 6 декабря 1952 г. разрешалось увольнять из Дальстроя с выездом в центральные районы только инвалидов 2-й группы, осужденных на срок не более 10 лет и отбывших не менее 50% срока наказания.

Для того чтобы задержать на Колыме бывших заключенных, имевших право выезда, применялись и незаконные меры – ликвидация карточек учета, отказ выдать пропуск, паспорт и пр. В результате в 1950 г. на предприятиях насильственно удерживалось более 15 тыс. бывших заключенных.

Все это указывало на крайне напряженное положение с обеспечением Дальстроя рабочей силой. Однако в рамках сложившейся системы выхода не было.

Требовались иные решения, которые лежали в плоскости внедрения новых технологий, механизации, а самое главное – в изменении принципиальных основ созданной системы общественных и трудовых отношений.

Ситуация кардинально изменилась только после смерти И. В. Сталина и последовавшей амнистии. В связи с этим большой интерес представляют архивные документы оперативного характера, раскрывающие психологическое состояние заключенных.

Сотрудники МВД и МГБ через внутрилагерную агентуру начали сбор информации о реакции заключенных на смерть «вождя народов».

В докладной записке по состоянию на 13 часов 7 марта 1953 г. говорилось: *«Продолжая работу по выявлению настроений заключенных и вольнонаемного состава... агентурно-осведомительным аппаратом 1-го Управления зарегистрированы следующие высказывания:*

Содержащаяся в Транзитном отделении заключенная-рецидивистка Цимбалева, она же Мулаева, она же Грушкевич, она же Мотылева, она же Пардинова С. Е., судимая пять раз за воровство и грабежи, заявила: "Если бы мне предложили отдать жизнь за Иосифа Виссарионовича Сталина, я бы умерла ради него, потому что он – Великий человек и нужен для счастья народов".

Заключенная Матушкина И. П., осужденная на 8 лет ИТЛ, сказала: "Когда меня судили, я не так была убита горем, как сейчас, когда услышала о смерти товарища Сталина..."

Источник "Беляев" донесла, что сообщение о смерти И. В. Сталина вызвало со стороны... заключенных лаготделения "Дукча" глубокую скорбь, многие плакали, а заключенная Шевченко находилась в обморочном состоянии. ...Имели место также отрицательные высказывания части заключенных, враждебно настроенных к Советской власти и Коммунистической партии.

Заключенная врач Молахова О. Н.: "Международная медицина давно желала нашему старику смерти".

Заключенный Негодяев Н. Д.: "Вот умер Сталин, и будет для нас амнистия, а американцы в связи со смертью Сталина начнут войну с Советским Союзом".

Заключенная Кузнецова Т. Н.: "Не плакать надо, что он умер, а смеяться".

Заключенный Масин А.: "Наконец-то наш "ус" – Сталин – умер. Хотя бы скорей еще кто-нибудь умер, а нас бы – заключенных в честь смерти Сталина амнистировали".

Заключенный Байкулов С. И.: "На черта нам нужен этот митинг! Умер – ну и туда ему дорога".

Заключенный лаготделения № 6 Маглага Прокопенко Г. Г., судимый по Указу от 4 июня 1947 г. на 20 лет, после сообщения о смерти вождя сразу же запел веселые песни.

Тараку В. Д. выражал злобное удовлетворение постигшим Советский народ несчастьем. ...Заключенный Денисов, протягивая руку Емельянову, сказал: "Поздравляю тебя с праздником!"

Рецидивист Жуков Ф. Г., судимый за бандитизм на 25 лет: "Вот сволочи контрики, как говорят. Они, наверно, рады, что Сталин умер".

Заключенный Игненко: "Спасибо Сталину за наше счастливое детство, за то, что мы получили по 25 лет сроку. Идите, идите на митинг, а то еще скажут, что мы его не любили, и еще срок дадут".

Заключенный Турсунов Ш.: "Если только в смерти замешаны евреи и они виновники в этом, то их всех надо перевешать или загнать на какой-нибудь остров".

Заключенная Матвеева О. П.: "Умер, и ничего существенного не произошло, как было при нем, так и будет и после него..."

Осведомитель "Васильева" донесла, что заключенная Павловия Е. В., осужденная за измену Родине, по специальности врач, сказала: "Жаль, что мне не доверяют работать врачом, а то бы я здесь некоторых офицеров подшила".

Источник "Азарс"... отмечает, что в лагере заметно чувствуется обособленное положение заключенных, осужденных за антисоветские преступления, и особенно участников банд "ОУН"... Часть заключенных не пошла на траурный митинг.

В целом часть антисоветски настроенных заключенных ожидают переустройства государственной власти, изменения Коммунистической партии и Советского правительства, ориентируются на скорую войну Советского Союза со странами агрессивного блока.

Заключенный Палкин Б. А. заявил: "Все заключенные делают вид, что горюют. А вот попробуй они сейчас громко смеяться, их запрячут в БУР до конца срока, да еще и новый срок дадут. При крепостном праве люди не знали таких порядков, как сейчас, а ведь в СССР на каждом углу кричат о свободе слова и мысли, а где она – эта свобода, мы не видим".

Заключенный Верещацкий Г. С.: "Я бы бросил на все правительство 60 тонную бомбу".

Заключенный Малышев в беседе с осведомителем "Углов" сказал: "Это событие было предсказано в Америке уже давно простыми людьми. Эти люди – святые посланники бога. Теперь откроются ворота тюрем и лагерей... Будет великая смута, прогрешенный народ будет шататься во все концы, но приюта никакого не будет. Спустится с Запада крест и пройдет с запада на Восток, а потом будет огненный шар, все грешники погибнут, а останутся только праведники".

Заключенный Яремчук: "Есть такая еврейская организация "Джойнт", которая имеет миллионы долларов и тесно связана с американо-английской разведкой. Поэтому, без сомнения, политический строй и правительство Советского Союза должны быть скоро извергнуты".

Агентурная разработка лиц, высказывающих антисоветские провокационные измышления, продолжается» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 364, лл. 106–115].

27 марта 1953 г. ПВС СССР был издан Указ «Об амнистии», положивший начало массовому освобождению сотен тысяч заключенных из сталинского ГУЛАГа.

В Указе, в частности, говорилось, что в нынешних условиях *«не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющих большой опасности для государства...»* [Там же. Д. 315, л. 196].

В связи с этим Политуправление Дальстроя предписывало довести до сознания каждого заключенного, во-первых, исключительную политическую важность Указа для упрочения Советского государства и, во-вторых, что амнистия является величайшим актом гуманизма, дающая ему возможность вернуться к честному труду.

Известие об амнистии принесло освобождение, но восприняли его заключенные по-разному.

В докладной записке «О реагировании заключенных ИТЛ Дальстроя в связи с опубликованием Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР "Об амнистии"» подчеркивалось, что *«основная масса заключенных, содержащихся в лагерях Дальстроя... высказывает свою радость и глубокое удовлетворение.*

Так, например, заключенный Магаданского ИТЛ Александров Н. Н. писал своей жене: "Какое счастье нам с тобой создает коммунистическая партия Советского Союза и дорогое Правительство! Нам разрешено влиться в семью трудящихся и внести всю нашу энергию – энергию советского человека – в великие стройки Коммунизма..."

Наряду с этим часть заключенных... осужденных за антисоветскую деятельность, продолжает высказывать клевету на советскую действительность...

Заключенная Виноградова: "По этому указу убийц, бандитов, воров освобождают, а нас, судимых по 58-й статье, не амнистируют".

Заключенная Павлович: "Издание данного указа связано со скорой войной... Ведь ни в одной стране нет такого большого количества людей в тюрьмах, как у нас, – в Советском Союзе. Для нас – 58 статьи ничего не сделали, но ничего, это долго продолжаться не будет".

Заключенный Петренко: "Нам амнистия будет тогда, когда даст ее нам Эйзенхауэр. Больше нам надеяться не на что".

Заключенный Лобода Н. К.: "Вы особенно не радуйтесь этой амнистии. Правительство не зря решило объявить эту амнистию, а с целью, потому что не позднее мая месяца с Америкой у нас обязательно будет война. Америка хорошо знает, что у нас сидят в тюрьмах десятки миллионов людей, и вот она обязательно нападет на нас... Правительство и решило большую часть заключенных освободить из лагерей... поставить под штыки, бросить против Америки. Но наше правительство просчиталось, ни один заключенный не пойдет воевать против Америки, и я лично ни за что не буду менять тюремный костюм на солдатскую робу... Им этот номер с амнистией не пройдет".

Заключенный Белобаб Б. Н.: "Амнистия сейчас необходима, так как война неизбежна, кадров на воле мало, а пушечного мяса потребуется очень много. Но вряд ли что из этого получится, нас научил 1941 г., мы стали умнее, трудно нас обмануть. Пусть чекисты со своими пособниками идут на пушечное мясо".

Заключенная Берсенева А. П.: "Во время коллективизации все у нас отобрали, заставили работать в колхозе, голодать, а теперь в тюрьме подыхать придется. Не было правды и не будет".

Заключенный Силаков В. П.: "Вы думаете, что (назвал фамилию одного из руководителей партии и Советского правительства), Готвальд, Димитров, Чойболсан да и наш Петренко умерли своей смертью? Нет, их всех отравили евреи по указке американцев... Давно готовятся к войне против нас, вот и убирают нужных им людей и правильно делают...» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 259а, лл. 108–114].

Как видно из оперативных данных, заключенные, осужденные за антисоветскую деятельность, высказывали резко отрицательное отношение к амнистии и не верили в гуманизм Советского правительства даже после смерти И. В. Сталина.

В спецдонесении от 2 апреля 1953 г. подчеркивалось, что *«часть антисоветски настроенных заключенных продолжает высказывать клеветнические измышления на советскую действительность, связывая амнистию с началом войны.*

Заключенная Костюк В. А. говорила: "Нас, осужденных по 58-й статье – не освобождают, хотя и знают, что мы осуждены неправильно. Но ничего, скоро будет война и капиталистические страны нас освободят".

Заключенная Монахова О. Н.: "Неправильно подошло правительство, освобождая из лагерей воровскую категорию заключенных. Ведь они только выйдут из лагеря и опять начнут воровать, снова очутятся в лагере. А мы честно работали до заключения, в лагере работали не покладая рук, гнем спины, а нам никаких привилегий. Кругом несправедливость. Какая же я преступница, если немцы насильно увезли меня в Румынию... Если бы я знала, что нет справедливости, я никогда бы в СССР не вернулась, но я тогда считала, что наши органы, суды и прокуратуры – самые справедливые и гуманные, но глубоко в этом ошибалась".

Заключенный Прикуль Х. А.: "Амнистия дает свободу только тем, кто не работает в лагере, всяким ворам для того, чтобы они грабили на свободе, а работать они все равно не будут. А нашим людям, осужденным по 58-й статье, никаких льгот не дали".

Заключенный Объедков П. М.: "Амнистировать преступников решили сейчас потому, что скоро будет война и тогда освобождать будет поздно, так как все заключенные станут изменниками. Вот и решили освободить сейчас, пусть, мол, поживут на воле, а там горы свернут за Родину, если будет война".

Заключенный Ченайкин А. П.: "Не освобождают нас по амнистии и не надо, не будем стоять на коленях и унижаться. Настанет время, когда они сами придут к нам и попросят» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 259а, лл. 120–121].

Опасения заключенных, осужденных по 58-й статье УК, имели под собой реальные основания.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 27 марта 1953 г. и приказом МВД, МЮ и Генеральной прокуратуры СССР № 08/012/85 от 28 марта 1953 г. в лагерях Дальстроя начался процесс освобождения согласно установленному порядку.

По ст. 1 Указа подлежали освобождению все заключенные независимо от того, кем и за что осуждены, по ст. 4 – заключенные, которым по решению суда были сокращены сроки наказания наполовину и в случае отбытия остатка полностью, на момент амнистии.

Кроме этого, освобождались заключенные, подпадающие под действие ст. 2 и 3 Указа независимо от того, на сколько и по каким статьям они были осуждены, за исключением лиц, осужденных за преступления, указанные в ст. 7.

К иностранным подданным амнистия применялась на общих основаниях.

Амнистия не распространялась на заключенных, осужденных на сроки свыше 5 лет, за контрреволюционные преступления, бандитизм, умышленные убийства, а также за крупные хищения социалистической собственности.

В первую очередь из лагерей освобождались: несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей, заключенные преклонного возраста, инвалиды и лица из числа местных жителей.

Больных и нетрудоспособных при отсутствии у них родственников направляли в Дом инвалидов Сануправления Дальстроя.

Из лагерей Заполярья амнистированных отправляли к постоянному месту жительства с открытием навигации в бух. Ванино и Находка, из Янского ГПУ и Янстроя – в Якутскую АССР. Все остальные лагеря этапировали освобожденных в строгой очередности в г. Магадан*.

Спецпереселенцы направлялись к месту нового поселения для соединения с семьями**.

В соответствии с Указом каждому амнистированному выдавались справка об освобождении, паспорт, деньги в размере стоимости гарантированного питания в пути следования, проездные билеты и одежда.

Постановлением СМ СССР от 21 мая 1953 г. № 1305-515сс упразднялись паспортные ограничения в городах и местностях СССР, а также в режимных зонах вдоль границы и запреты на приобретение билетов на транспорт.

Все покидающие Дальстрой (контингент, стрелки охраны, вольнонаемные и т. д.) давали подписку об уголовной ответственности за разглашение сведений о характере работ, дислокации лагерей, режиме содержания и пр., составлявших государственную тайну.

В соответствии с директивным указанием министра МВД СССР, МЮ СССР и Генерального прокурора СССР от 22 апреля 1953 г. № 15-18/-106 с лиц, досрочно освобожденных из мест заключения по специальным постановлениям правительства СССР и направленных в промышленность до 27 марта 1953 г. на правах вольнонаемных рабочих на неотбытый срок, а также с лиц, освобожденных по зачетам рабочих дней и закрепленных на работу по вольному найму на половину неотбытого срока, снимались все ограничения [ГАМО, ф.р-80, оп. 1, д. 311, л. 161].

Таким образом, подавляющая часть заключенных, занятых в Дальстрое, в связи с амнистией готовилась к выезду на «материк».

На 10 марта 1953 г. в лагерях (без Берлага) содержалось 146 405 заключенных, 8352 спецпоселенца, 5223 ссыльных, 17 736 чел., закрепленных за Дальстроем, и 47 138 бывших заключенных. Из этого числа подлежали амнистии: по ст. 1, 3 осужденные по Указу от 4/VI-1947 г. за хищение личной собственности граждан – 14 617 чел., по ст. 1, 3, 5 за хищение социалистической собственности – 10 402 чел., по Указу от 4/I-1949 г. – 326 чел., осужденные за разбой (по ст. 165, 167) – 1047 чел., воры-рецидивисты (ст. 162) – 485 чел., за имущественные преступления – 855 чел., воинские – 2326 чел., незаконное хранение оружия – 545 чел., спекуляцию – 1007 чел., хулиганство – 2673 чел., нарушения Закона паспортизации – 252 чел., должностные и хозяйственные – 1745 чел., прочие – 3625 чел., а всего 39 905 чел. С учетом заключенных, отбывших сроки наказания, лагеря должны были покинуть 73 900 чел.

Однако этот план подвергся корректировке. Согласно справке о движении заключенных в связи с применением Указа ПВС СССР от 27 марта 1953 г., из списочного состава ИТЛ на 1 апреля 145 640 чел. подлежало освобождению 49 253 чел. по амнистии и 15 000 чел. по окончании сроков.

По фактическим данным с 1 января по 1 декабря 1953 г. из Дальстроя убыли 78 494 чел., в том числе по амнистии – 52 099 чел., планово освобожденные – 20 720 чел., в другие лагеря ГУЛАГа – 4717 чел. и прочие – 958 чел.

Процесс освобождения не касался особо опасных государственных преступников, находившихся на особом режиме содержания.

---

*Из труднодоступных районов переброска амнистированных осуществлялась самолетами Дальстроя.

**Распоряжение № 0061 от 20 июня 1953 г. «О порядке отправки к местам назначения осужденных иностранных граждан и подданных, подлежащих освобождению» изъято из архива 10 августа 1961 г.

Освобождено по амнистии по управлениям, чел.

На добыче золота	На добыче олова
СГПУ – 2794	ЯГПУ – 3075
ТГПУ – 4148	ЧЧГПУ – 5002
ИГПУ – 3409	ЮЗГПУ – 1463
ЗГПУ – 3319	ОГПУ – 1798

На 1 апреля 1953 г. в Особом лагере № 5 находилось 22 995 заключенных, в том числе 18 495 мужчин и 4500 женщин. По составу преступлений заключенные делились на следующие категории: за измену Родине – 18 053 чел., шпионаж – 2151 чел., террор – 850 чел., диверсии – 392 чел., вредительство – 60 чел., участие в антисоветских заговорах – 353 чел., прочие КТР преступления – 1136 чел.

По возрастному составу они подразделялись: от 18 до 25 лет – 9427 чел., от 25 до 35 лет – 9473 чел., от 35 до 45 лет – 4051 чел., от 45 до 50 лет – 29 чел., от 50 до 60 лет – 13 чел., старше 60 лет – 2 чел. По срокам наказания: от 3 до 5 лет – 29 чел., от 5 до 10 лет – 11 988 чел., от 10 до 15 лет – 1853 чел., от 15 до 20 лет – 2085 чел., свыше 20 лет – 7040 чел.

Из общего числа заключенных 3071 чел. был осужден к каторжным работам, включая 590 женщин.

Подавляющее большинство осужденных составляли украинцы – 11 077 чел., русских насчитывалось 3385 чел., литовцев – 2000 чел., латышей – 953 чел., эстонцев – 700 чел., поляков – 822 чел., белорусов – 923 чел. и других национальностей – 3135 чел.

Особый лагерь № 5 состоял из 16 лаготделений, в том числе 3 женских (комбинат «Хениканджа» ТГПУ, фабрика им. Чапаева, л/о по обслуживанию магаданских городских объектов), и 26 лагерных пунктов, расположенных на расстоянии от 331-го (комбинат им. Матросова) до 736-го км от г. Магадана.

На момент амнистии режим содержания и изоляции заключенных в большинстве зон лагерных подразделений был организован согласно инструкции МВД СССР 1948 г. «О режиме содержания заключенных в Особых лагерях МВД СССР».

Однако специфика производственной деятельности Дальстроя и хроническая нехватка средств на обустройство лагерей приводили в ряде мест к серьезным нарушениям. Начальник ГУЛАГа МВД СССР в своем письме № 9/10/2сс/3820 от 7 июля 1952 г. отмечал многочисленные недостатки в режиме содержания и изоляции в лаготделениях № 1, 11, 12.

После этого министром МВД СССР был издан специальный приказ № 00625 от 5 августа 1952 г. по Особому лагерю № 5 об усилении режима, но и он остался невыполненным.

4 сентября 1952 г. начальник ГУЛАГа МВД СССР вторично отмечал, что *«в 1, 4, 6, и 11 лагподразделениях особый контингент работает совместно с заключенными общего режима. В производственных зонах продолжают проживать вольнонаемные... что приводит к беспрепятственному общению особо опасных преступников с вольнонаемным составом»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 229а, л. 234].

Для приведения зон Особого лагеря № 5 в соответствие с требованиями МВД СССР Дальстрою требовалось 778 т колючей проволоки 200 тыс. м электропроводов, 542 прожектора и многое другое.

Из-за отсутствия *«в Дальстрое колючей проволоки, электропроводов, прожекторов и других дефицитных материалов... а также специальных ассигнований, оборудовать зоны... в ближайшее время не представляется возможным»*, – отмечалось в докладе по Особому лагерю за IV квартал 1952 г. [Там же. Д. 364, л. 28].

В 1952 г. смертность среди заключенных Особого лагеря № 5 составила 11 чел. на 1000 заключенных (297 чел.), в том числе 72 чел. от сердечно-сосудистых заболеваний, 69 чел. от производственных травм, 39 чел. от турберкулеза легких.

Отбывшие срок особо опасные преступники оставались на Колыме в качестве вечно ссыльных.

Массовый отток рабочей силы из числа заключенных, вольнонаемных и спецпереселенцев, с которых были сняты все ограничения, поставил предприятия Дальстроя в критическое положение.

Например, в Западном ИТЛ и ГПУ в связи с отправкой на «материк» 3856 заключенных остановились все работы на приисках «Центральный», «Контрандья», «Ударник», «Челбанья» и ряде участков.

В Северном ИТЛ и ГПУ в апреле-мае 1953 г. начались закрытие, ликвидация, а местами консервация лагерных подразделений и производственных зон на приисках «Штурмовой» (лагпункт «Двойник»), Бурхала («Боковой»), «В. Ат-Урях» («Ледяной»), «Тангора» («Ударник») и др.

В Тенькинском ИТЛ и ГПУ в сентябре-октябре ликвидировались прииски «Дусканья», им. Расковой, рудник им. Белова.

Аналогичное положение с рабочей силой было в Геологоразведочном управлении Дальстроя ММП СССР.

Например, в центральном л/п (пос. Нексикан) при списочном составе 400 чел. фактически было 250 заключенных, в л/п Нижне-Берелехского разведрайона – 500 и 50, в Омчакском л/п Верхне-Колымского РайГРУ в лагере на 300 чел. не было ни одного заключенного, в Комендантском л/п численностью на 250 чел. имелось 50, в л/п Средне-Дебинского разведрайона – соответственно 350 и 50 и т. д.

В приказе № 0419 от 21 сентября 1953 г. «Об организации лагерных подразделений в системе Геологоразведочного управления» подчеркивалось, что в результате проведенной амнистии в ГРУ резко сократился списочный состав рабочей силы, которая в настоящее время составляет 66% к списку.

В сложившейся обстановке начальники ГПУ и ИТЛ под разными предлогами стремились задержать амнистированных на производстве. Так, в приказе начальника Дальстроя ММП СССР № 0298 от 19 июня 1953 г. говорилось, что начальники грубо нарушают порядок проведения амнистии. В ряде управлений (Индигирское, Юго-Западное и др.) без всякого основания задерживается освобождение из лагерей лиц, подлежащих амнистии. Начальникам ГПУ и ИТЛ и отраслевых управлений, расположенных в центральных районах Колымы, приказывалось: 1) в срок до 25 июня 1953 г. закончить освобождение из лагерей лиц, попадающих под амнистию; 2) прекратить вредную практику задержания освобожденных по амнистии на работе в Дальстрое без их согласия.

Однако незаконное удержание амнистированных продолжалось, особенно в Чаун-Чукотском и Янском ИТЛ и ГПУ, Чукотстрое и Колымском речном пароходстве. В связи с этим И. Ф. Митраков категорически потребовал закончить до 15 августа переброску всех амнистированных из Янского ИТЛ самолетами, работающими на трассе Магадан – Берелех – Усть-Нера.

Амнистия проводилась без корректировки производственных планов, что привело к их срыву по всем основным показателям.

В циркуляре Дальстроя от 1 апреля 1953 г. (сов. секретно. Всем начальникам управлений и лагерей) говорилось: *«В связи с амнистией... многие предприятия Дальстроя в самый разгар промывочного сезона будут испытывать чрезвычайно большой недостаток рабочей силы, поэтому необходимо отнестись самым внимательным образом и постараться путем разъяснения условий и льгот... завербовать значительную часть освобождающихся заключенных для постоянной работы в Дальстрое. В связи с тем, что освобождение заключенных по амнистии должно быть проведено в течение двух месяцев, Вам необходимо продумать во всех деталях вопрос обеспечения освобождающихся заключенных жильем, питанием и бытовым обслуживанием... Необходимо... часть лагерей приспособить под общежития.*

При размещении... необходимо учитывать наличие враждующих группировок с тем, чтобы предотвратить возможные столкновения. В связи с большим количеством освобождающихся и ограниченными транспортными возможностями вывозить освобожденных в Магадан только по специальному разрешению 3-го Управления. До отправки обеспечьте людей работой» [ГАМО, ф.р-32сс, оп. 1, д. 353, л. 200].

Планом 1953 г. предусматривалось завербовать из числа амнистированных 25–30 тыс. чел. на срок более 2 лет. Однако план вербовки не был выполнен, а более 50% амнистированных заключили договоры на срок от 6 месяцев до 1 года.

Бывшие заключенные рвались на «материк» со сталинской каторги. Следует отметить, что и до амнистии вербовка походила с большими трудностями. Например, в октябре 1952 г. зам. начальника Дальстроя Ю. В. Чугуев отмечал, что *«вербовка с заключением договоров... на работу рабочих, специалистов, освобождающихся из лагерей, проходит крайне неудовлетворительно. Во всех управлениях количество завербованных по договорам не превышает 1–2% от числа освобожденных, а в некоторых управлениях – в частности, Янстрой, Энергострой, вербовка совсем не ведется»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 310, л. 89].

Аналогичное положение было и со спецпереселенцами. По состоянию на 1 марта 1952 г. в Северном ГПУ было завербовано 386 чел. (10% к общему числу этой категории рабочих), в Западном ГПУ – 523 чел. (10%), в ЮЗГПУ – 115 чел. (25%), в УАТе – 201 чел. (17%).

До поры до времени эту проблему решали за счет заключенных, но после амнистии ситуация резко изменилась.

Для выполнения Постановления СМ СССР от 7 апреля договорникам необходимо было выплатить более 140 млн руб. (из расчета 1000 руб. на 1 чел. – пособие (30 млн руб.) на хозяйственное обзаведение – 3000 руб. (45 млн руб.), завоз членов семей и багажа – 25,2 млн руб. и другие расходы.

При заключении договоров на 3 года с лицами, досрочно освобожденными до 27 марта, им выдавали ссуды в размере 10 тыс. руб. с погашением в течение 7 лет, выплачивали процентные надбавки через 6 месяцев работы и на них распространялись северные льготы [ГАМО, ф.р-80, оп. 1, д. 311, л. 164].

Кроме этого, для медицинского обслуживания завербованных необходимо было создать 240 больничных койко-мест, 15 врачебных и 28 фельдшерских пунктов и затратить на это 5,7 млн руб.

И. Ф. Митраков писал зам. министра ММП СССР И. В. Архипову: *«В процессе вербовки рабочих из числа освобожденных согласно Указу ПВС СССР от 27 марта 1953 г. для работы на предприятиях и стройках Дальстроя потребуются значительные дополнительные расходы»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 314, л. 3].

Однако Министерство не располагало такими средствами, и для стабилизации положения в период с 1 января по 1 ноября 1953 г. Минюст СССР направил на Колыму 15 059 заключенных, в том числе по нарядам ГУЛАГа 12 744 чел. Но это не могло компенсировать убыль рабочей силы по амнистии.

Встал вопрос о дальнейшей судьбе Дальстроя, так как в 1954 г. по окончании сроков освобождались из лагерей еще 13,3 тыс. заключенных и 6,6 тыс. по амнистии, и, таким образом, вместе с договорниками-краткосрочниками Дальстрой покидали 33,4 тыс. чел.

Что касается эффективности труда заключенных ИТЛ, то после амнистии отказы от работы, «волынки», приобрели характер эпидемии.

Например, вывод на работу заключенных за 9 месяцев 1953 г. составил на прииске «Одинокий» 37% к списочному составу лагеря, «Пятилетка» – 49%, «Бурхала» – 49,8%, «В. Ат-Урях» – 59,8%, «В. Дебин» – 59%, «Штурмовой» – 60,7%. В лагерях сложилась ситуация, при которой заключенных было просто некому охранять и выводить на работу. Начальник Северного ИТЛ и ГПУ В. Сергеев докладывал, что *«согласно Указа ПВС "Об амнистии" в СГПУ освобождается вся самоохрана ВСО... Создается очень напряженная обстановка с выводом з/к з/к на производство. Освобождающихся самоохранников концентрировать в одном месте и охранять их от возможных эксцессов и убийств, а также трудоустроить до отправки на материк невозможно... Прошу Вашего разрешения о приеме самоохранников на работу в ВСО по вольному найму, в качестве солдат»* [ГАМО, ф.р-80, оп. 1, д. 328, л. 181].

МВД СССР приняло решение *«всех лиц из числа бывших стрелков самоохраны, освобожденных по зачетам рабочих дней и оставленных на работе в Дальстрое, в случае преследования их бандитствующими элементами разрешается, как исключение, увольнять из Дальстроя ранее установленного срока»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 353, л. 93].

И. Ф. Митраков в докладной записке на имя Председателя СМ СССР Г. М. Маленкова и Секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева писал: *«Предприятия ДС в настоящее время испытывают большой недостаток в рабочей силе, а геологоразведочные работы обеспечены ею всего лишь на 70%.*

Особо тяжелое положение создалось в Чаун-Чукотском управлении, удельный вес которого по добыче олова... составляет 45%, а рабочей силой оно обеспечено только на 70%» [Там же. Д. 382, л. 210].

В связи с тем, что (по расчетам отдела кадров Дальстроя) с июля 1954 г. до конца 1955 г. с предприятий должны были выбыть до 60 тыс. чел., в том числе 25 тыс. заключенных, И. Ф. Митраков потребовал завезти в 1954–1955 гг. не менее 40 тыс. заключенных.

Он подчеркивал, что *«решить вопрос... за счет вербовки вольнонаемных... мы не можем потому, что ДС не имеет необходимого количества жилой площади с минимальными коммунально-бытовыми условиями»* [Там же. Л. 212].

Действительно, положение в этой сфере было критическим. На 1 мая 1954 г. предприятия Дальстроя имели жилой площади всего 803 тыс. $м^2$, в том числе в каменных домах – 6,5%, деревянных – 75,5%, каркасно-засыпных – 18%, причем основной фонд был построен 15–20 лет назад и находился в полуразрушенном состоянии.

Таким образом, в нормальных экономических условиях Дальстрой просто не мог функционировать. Однако И. Ф. Митраков протестовал только против сложившейся в конце 40-х – начале 50-х гг. практики, когда ГУЛАГом *«нам засылались отказчики, головорезы, которые здесь не работают. Ведь со всех лагерей собирался цвет бандитов и направлялся к нам. Это неправильный подход, нам нужны рабочие люди... Мы просим доложить, что будем настоятельно требовать присылать нам рабочих людей».*

Идеология принуждения, культивируемая десятки лет, оставалась нормой и казалась крайне удобной.

Однако на запрос Дальстроя начальник ГУЛАГа МВД СССР генерал-лейтенант И. Долгих дал следующий ответ: *«В связи с Вашим письмом от 15 марта 1954 г. № 25/0504 сообщаю, что вывезти из подразделений Севвостлага 10 тыс. чел. заключенных второй категории труда и 1600 инвалидов, осужденных за тяжелые уголовные и контрреволюционные преступления, ГУЛАГ не имеет возможности, так как в других ИТЛ нет мест для размещения, а содержать такую категорию преступников в подразделениях УИТЛК-ОИТК нельзя по режимным соображениям.*

ГУЛАГ также не может направить в первой половине 1954 г. 8 тыс. з/к з/к, могущих быть использованными на бесконвойных работах. Завоз заключенных может быть произведен за счет осужденных в основном к длительным срокам лишения свободы, независимо от состава преступления, в том числе подпадающих под действие приказа МЮ и МВД СССР № 00273/00942 от 20 октября 1953 г.» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 382, л. 109].

В период амнистии на базе закрывавшихся лаготделений создавались рабочие общежития для вольнонаемных, но в приказах дальновидно предписывалось: *«Зоны и вышки разобрать и сложить для хранения на складах и в стройцехах приисков... Запретить передачу помещений под другие цели без санкции ГУЛ СДС.*

Создать комиссии для определения технического состояния зданий, сооружений и возможности их дальнейшего использования для размещения контингентов ИТЛ» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 352, л. 38]. И все это действительно пригодилось после «жаркого лета 1953 г.».

В соответствии с приказом МЮ и МВД СССР № 00273/00942 от 20 декабря 1953 г. «О порядке направления в лагерные подразделения строгого режима лиц из числа амнистированных» начальникам управлений ИТЛ предписывалось подготовить лагерные подразделения *«для приема и содержания в них лиц... вновь осужденных... обеспечив размещение их в отдельных лагподразделениях и использования на работе изолированно от других заключенных. Переоборудование лагерных и производственных зон... произвести в течение зимнего периода с расчетом приема заключенных в навигацию 1954 г.»* [Там же. Д. 363, л. 48].

Лагерные подразделения строгого режима (не менее 500 и не более 700 чел.) организовывались отдельно для заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, для бандитов и для воров-рецидивистов.

Одновременно шла реорганизация лагподразделений общего режима в зависимости от наличия заключенных, технической оснащенности и производственной необходимости.

По данным МВД СССР, на 7 мая 1954 г. из 163 постоянных производственных объектов, на которых использовались заключенные, 144 не имели ограждений, вахт, вышек и освещения [Там же. Д. 382, л. 136].

В связи с консервацией предприятий ЮЗГПУ приказом № 0414 от 20 декабря 1954 г. было расформировано с 1 января 1955 г. Юго-Западное отделение ИТЛ.

Всех заключенных л/п № 1 рудника им. Лазо, л/п № 3 «Нижний Каньон», л/о рудник «Днепровский» передавались в ЗГПУ и ИТЛ, лагерные пункты при фабрике № 3 и совхоза «В. Сеймчан» вошли в состав л/о Эльгенского угольного района.

Приказом начальника УСВИТЛа и ГУЛАГа МВД СССР от 12 апреля 1955 г. ликвидировалось Омсукчанское управление ИТЛ. В это же время началась ликвидация мелких лагподразделений с пополнением менее 300 заключенных. В Западном ИТЛ было закрыто 12 подразделений, в Северном – 17, в Индигирском – 17, в Тенькинском – 6, в Омсукчанском – 11, в Чаун-Чукотском – 5, в Чукотском – 5, в Янском – 11, в Хандыгском отделении – 12, в Магаданском ИТЛ – 11.

12 сентября 1955 г. приказом начальником СДС и УСВИТЛа № 0300 Хандыгское отделение ликвидировалось с 1 октября 1955 г. Лагерные пункты «Джебарики-Хая» и «Тополиное» передавались в состав Индигирского управления ИТЛ.

Одновременно продолжалась работа по организации специальных лагпунктов строгого режима.

В связи с прибытием на Колыму заключенных из Норильского лагеря МВД начальник Дальстроя и УСВИТЛа МВД И. Ф. Митраков издал приказ № 052 от 15 февраля 1955 г. «Об организации на базе лагпункта № 8 "Известковый" – СГПУ подразделение строгого режима на 250 чел.».

Начальникам Западного, Тенькинского, Индигирского, Магаданского и Северного ИТЛ приказывалось этапировать из подведомственных лагподразделений в лагпункт № 8 «Известковый» всех заключенных-«норильцев».

«Для изоляции уголовно-бандитствующего рецидива и контрреволюционного элемента из числа злостных отказчиков от работы и активных участников лагерных группировок, ведущих паразитический образ жизни», приказом по Дальстрою № 0294 от 3 сентября 1955 г. создавалась целая сеть таких подразделений. В Западном ИТЛ – два лагерных пункта строгого режима, один из которых для содержания осужденных за контрреволюционные преступления в лаготделении № 5 «Широкий» на 200 чел., второй – для уголовно-бандитствующего элемента в лаготделении № 4 «Берелехское» на 250 чел.

В Чай-Урьинском лаготделении создавались строгорежимные лагпункты на участках «Фок» и «Бабай», в Северном ИТЛ на «23-й дистанции» лаготделение «Верхний Ат-Урях» (до 300 чел.), в Тенькинском ИТЛ на базе лагпункта «Омчуг» Комендантского лаготделения, в Индигирском ИТЛ на дорожном участке «Алачабук» лаготделения № 5 «Артык» (до 350 чел.), в Чукотском ИТЛ на 2-м км Иультинской трассы.

В отличие от прошлых лет размещение в спецлагпункты заключенных, выявленных комиссией УСВИТЛа, проводилось только после окончания всех работ по оборудованию жилых и производственных зон, строго по принципу статейности.

После смерти И. В. Сталина в репрессивно-карательной политике произошли большие изменения, но стратегическое направление в отношении применения труда заключенных оставалось прежним.

«Основной задачей исправительно-трудовых лагерей, определенной решениями ЦК КПСС от 12 марта и 10 июля 1954 г., являлось быстрейшее перевоспитание заключенных и возвращение их к честной трудовой деятельности.

Важнейшим средством перевоспитания заключенных является привлечение их к общественно полезному труду и систематическое улучшение трудового использования» [Там же. Д. 401, л. 92].

Принципы «новой» исправительной политики были сформулированы в «Положении об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД» и приказе МВД СССР № 00610 от 17 июля 1954 г.

Однако в практической деятельности лагерной системы по-прежнему преобладал репрессивный уклон. Сила инерции была слишком велика.

Например, 6 ноября 1954 г. МВД СССР приказом № 0620 отменило все ограничения по трудовому использованию ограниченно годных к физическому труду заключенных, вплоть до инвалидов.

Начальникам управлений и предприятий Дальстроя предписывалось немедленно пересмотреть весь состав заключенных, относящихся к ограниченно трудоспособным или инвалидам, и обеспечить контроль за полным трудовым использованием всех заключенных, подлежащих выводу на производство.

Начальник Дальстроя МЦМ СССР и УСВИТЛа МВД СССР И. Ф. Митраков в приказе № 41с от 21 февраля 1955 г. подчеркивал: *«Каждый случай простоя этих заключенных немедленно расследовать и виновных привлекать к строгой ответственности... Обращаю внимание начальников горнопромышленных управлений и подразделений Дальстроя и их заместителей на необходимость впредь исключить факты неиспользования контингента заключенных из-за отсутствия фронта работ и несоответствия их физического профиля характеру работ...»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 381, л. 9].

Но чем могли помочь инвалиды, если в 1954 г. из-за отсутствия фронта работ ежедневно простаивало до 7000 физически здоровых заключенных, в штрафных изоляторах без вывода на работу содержалось 1087 чел., а отказы от работ составляли 825 чел. в сутки.

Например, в Северном ГПУ и ИТЛ не работало 3705 чел., в ТГПУ – 4951, в Чукотстрое – 3303, в ЗГПУ – 2619 и т. д. В результате невыполнения плана по доходам убытки превысили 66 млн руб., образовалась большая задолженность по зарплате личному составу лагерей, а также заключенным. Из личных денег заключенных было позаимствовано на нужды лагеря более 10 млн руб. [ЦХСД МО, ф.-1, оп. 2, д. 2444, л. 35].

В связи с амнистией возникли большие проблемы и с охраной лагерей. Учитывая это обстоятельство, Министерство юстиции СССР приказом № 18/20сс от 18 мая 1953 г. вновь разрешило произвести набор заключенных в самоохрану. Все возвращалось на круги своя.

Это решение не снимало проблему охраны и, более того, усугубило криминальную обстановку, которая и после амнистии оставалась очень напряженной.

Вновь осужденные после амнистии и уголовники, этапированные из центральных районов страны, развернули на Колыме настоящую бандитскую войну.

Например, в Чаун-Чукотском ИТЛ с февраля по август 1954 г. 10 участников уголовно-бандитской группы, осужденные за бандитизм (сроки от 18 до 25 лет), систематически зверски избивали заключенных, отбирали деньги и под угрозой убийства склоняли заключенных к мужеложству.

В зоне лаготделения № 5 Тенькинского ИТЛ в ходе бандитской разборки были убиты 2 чел., тяжело ранены 11 и получил телесные повреждения 41 заключенный.

В Чукотском ИТЛ на лагпункте «Аэродром» 18 заключенных совершили попытку убийства амнистированных. В Западном ИТЛ 17 ноября заключенные взломали камеры, освободили своих соратников, избили администрацию и надзирателей. Только применив вооруженную силу и пожарные машины, эту «волынку» ликвидировали.

В Тенькинском ИТЛ 24 октября было совершено зверское убийство нескольких заключенных, которых затем сожгли в топке лагерной бани.

В спецдонесениях I Управления УСВИТЛа ежедневно фиксировались факты массовых драк, поножовщины, убийств, хулиганства и других проявлений нарушения лагерного режима.

Не отставали от уголовников солдаты и офицеры ВСО. Министерство юстиции СССР отмечало, что *«располагает материалами о неблагополучном состоянии дисциплины, отсутствии твердого порядка и многих чрезвычайных происшествиях в ряде подразделений охраны Дальстроя»* [Там же. Д. 259а, л. 85].

Так, помощник командира взвода Янстройлага Катыхин, вызвав группу стрелков, начал избивать заключенных ремнями, палками. Затем пьяные солдаты открыли огонь, убили одного и ранили трех заключенных.

Командир дивизиона Магаданской ВСО Кралов с подчиненными устроил пьяный дебош со стрельбой в зоне женского лагеря и т. д. Словом, это был взаимный беспредел.

Разумеется, что в общем обстановка, сложившаяся в лагерном секторе Дальстроя после амнистии 1953 г., не могла не отразиться на производстве, эффективность которого продолжала снижаться (табл. 50).

Таблица 50

Динамика добычи золота (хим. чистое), кг

[ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 258, лл. 1–4]

Показатель	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Всего	49148	47582	45156	44100
в т. ч.				
россыпное	46213	44935	42776	41732
рудное	2935	2647	2380	2378
Ср. содерж., г/м^3	5,29	4,29	3,98	3,79

С образованием Магаданской области в целом было покончено с неограниченным господством империи ГУЛАГа МВД СССР.

Начало этого процесса было во многом связано с амнистией 1953 г.

В общегосударственном масштабе амнистия была связана с осознанием политическим руководством страны того факта, что государственная поли-

тика развития экономики принудительным трудом заключенных в эпоху начавшейся научно-технической революции является анахронизмом и, более того, угрожает экономической безопасности.

Созданная система управления народным хозяйством, где репрессивный аппарат подавления занимал ключевое место, располагая к тому же вооруженной силой, в изменившейся политической ситуации непосредственно угрожал власти партийной бюрократии.

Криминальная обстановка в ИТЛ ГУЛАГа МВД СССР (Дальстрой не являлся исключением) в целом достигла такого накала, что заключенных надо было либо расстреливать, либо выпускать.

С точки зрения права это был акт прощения за совершенные или мнимые преступления, а не реабилитации и признания государством исторической вины за необоснованную репрессивную политику в отношении значительной части населения.

На региональном уровне применительно к Дальстрою амнистия создавала объективные предпосылки для комплексного социально-экономического развития Магаданской области.

В ходе реорганизации комбината особого типа был ликвидирован военно-полицейский аппарат управления и созданы конституционные органы власти. В рамках советского законодательства восстанавливались основные права и свободы рабочих и служащих. Лагерная система хотя и продолжала существовать, но ее роль в хозяйственной сфере была значительно снижена. Дальстрой из зоны строгого режима постепенно превращался в обычный хозяйствующий субъект.

Амнистия 1953 г., даже при известной ограниченности (не распространялась на осужденных за контрреволюционные и антисоветские преступления), имела громадное значение, положив конец политике государственного террора.

Глава 3
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1965 гг.

3.1. Образование нового субъекта Российской Федерации

Вопрос организации Магаданской области встал на повестку дня в связи с серьезными изменениями, происшедшими во внутренней политике советского государства на рубеже 50-х гг. В стране в полном объеме восстанавливалась власть партийно-советской бюрократии в области государственного управления в центре и на местах планирования развития экономики и социальной сферы. Таким образом, при сохранении основных принципов советского строительства за счет перераспределения функций видоизменялась вертикаль власти административно-командной системы.

Из сферы влияния карательных органов, которые длительное время занимали ключевые позиции в ведущих отраслях промышленности, транспорта и особо трудоемких производств, изымались не свойственные этому ведомству хозяйственные функции и передавались соответствующим министерствам и ведомствам.

Процесс структурной реорганизации, естественно, не мог не затронуть такую организацию, как Дальстрой, промышленная деятельность которого охватывала огромную территорию Северо-Востока России. Особый статус этого комбината, установленный Постановлением ЦК ВКП(б) 1931 г., фактически выводил целый регион с населением более 300 тыс. чел. из конституционного поля страны. В период господства тоталитарной системы в крайних ее проявлениях попытки реорганизации Дальстроя (орг. в 1939 г. Колымского округа) оказались безуспешными.

В то же время руководство Дальстроя и Хабаровского крайкома ВКП(б), учитывая чрезвычайно сложную обстановку, сложившуюся в конце 40-х – начале 50-х гг., высказывало мысль о том, что существующие формы и методы руководства хозяйственной и политической жизни (администрирование, опора на подневольный мускульный труд, двойное подчинение партийных и советских органов) уже не соответствовали тем новым задачам, которые необходимо было срочно решать на Колыме и Чукотке.

В январе 1948 г. председатель Хабаровского крайисполкома Ф. Мамонов в письме на имя Председателя СМ РСФСР М. И. Родионова отмечал, что *«эта необычная практика руководства хозяйственным и культурным строительством (национальных районов) сложилась и была терпимой главным образом ввиду относительно низкого уровня их местного хозяйства. К настоящему времени местное хозяйство колымских районов значительно возросло... Административно-гражданский отдел Дальстроя МВД стал справляться со своими задачами явно неудовлетворительно. К тому же руководители Дальстроя МВД в связи с возросшими задачами по их основной деятельности стали уделять внимание административно-гражданскому отделу значительно меньше»*[89].

Подробный анализ состояния хозяйства и социальной сферы Ольского, Северо-Эвенского и Среднеканского районов содержался в докладной записке начальника Политуправления Дальстроя В. Ф. Шевченко Секретарю ЦК КПСС А. А. Кузнецову. В ней, в частности, отмечалось, что основная политическая задача по оздоровлению и снижению смертности среди коренного населения решается крайне неудовлетворительно[90].

В 1949 г. Хабаровский крайисполком обратился в СМ РСФСР с ходатайством о создании в составе края Колымского административного округа, объединявшего национальные районы.

Крайисполком предлагал реорганизовать АГО Дальстроя в Гражданское управление, подчинив его одновременно крайисполкому. В функции этого управления должно было перейти руководство хозяйственной деятельностью Ольского, Северо-Эвенского, Среднеканского райисполкомов и Магаданского горисполкома, вся сеть образовательных и медицинских учреждений, расположенных на территории колымских районов, а также утверждение местного бюджета и планов развития народного хозяйства.

---

[89] *Гунько С. В., Галин А. В.* Из истории создания Магаданской области // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1975. – Вып. 10. – С. 19; *Бубнис Г. К.* Из истории образования Магаданской области // Там же. – 1982. – С. 41–48.

[90] *Веркина Т. В., Козлов А. Г.* Национальные районы Колымы накануне образования Магаданской области // III Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 73–80.

В 1950 г. Хабаровский крайком ВКП(б) обратился в ЦК ВКП(б) и СМ СССР с ходатайством об образовании новой Колымо-Чукотской области, объединяющей Ольский, Среднеканский, Северо-Эвенский районы Колымы, северо-западную часть Пенжинского района Корякского национального округа и весь Чукотский национальный округ с общей территорией 1256 тыс. км^2. Необходимость этого обосновывалась тем, что экономическое развитие указанных районов имеет большое народнохозяйственное значение и поэтому требует более эффективного руководства со стороны партийных и советских органов. Однако в этот период вопрос остался на уровне обсуждения.

В июле 1953 г. была подготовлена подробная справка «Об экономике, культуре, населении, составе партийных профсоюзных и комсомольских организаций центральных районов Колымы», в которой был дан серьезный анализ социально-экономического состояния подведомственной территории и конкретные предложения по организации области.

Кроме существовавших ранее районов (Ольский, Северо-Эвенский, Среднеканский), в состав области должны были войти Сеймчанский, Ягоднинский, Мякитский, Тенькинский, Аркагалинский, Сусуманский районы и г. Магадан.

Этот вопрос рассматривался неоднократно на заседаниях Магаданского ГК КПСС.

3 августа 1953 г. начальник Политуправления Дальстроя полковник П. С. Буланов в своем докладе отмечал, что *«в структуре партийных и советских органов на Дальнем Севере имеются крупные недостатки. ...Раньше... необходимо было сосредоточить все в одних руках, а теперь в городе 5 тыс. коммунистов... Я считаю ненормальным явлением, когда Политическое Управление руководит недальстроевскими организациями. Далее. Дальстрой наделен не свойственными ему функциями руководства национальными районами...*

Если ЦК и правительство... создадут область, хочу высказать пару замечаний... Необходимо просить не 5–7 районов, а резко расширить районы за счет включения Охотского рыбного района, включить из Якутии районы на Колыме (Средне- и Нижне-Колымские и Оймяконские). Я также считаю необходимым включение Певекского узла...»[91].

12 августа 1953 г. на совещании руководства Дальстроя с представителями ЦК КПСС И. Ф. Митраков высказался против организации Магаданской области в составе Хабаровского края, мотивируя это тем, что, если в нее включить только центральные районы, область будет иметь население около 176 тыс. чел., из них только 120 тыс. вольнонаемных, и предложил создать в центральных районах Дальстроя, расположенных на территории Хабаровского края, два новых промышленных района с центрами в Сусумане и Усть-Омчуге, подчинив их непосредственно краю.

Бюро Хабаровского крайкома КПСС на своем совещании 20 августа 1953 г. рассмотрело вопрос «Об организации в составе Хабаровского края Колымо-Чукотской области». Однако эта формулировка была отклонена на том основании, что такая форма организация ущемляет автономные права Чукотского национального округа и противоречит основным принципам советской национальной политики в отношении малочисленных народов Севера. В результате было принято решение назвать область Магаданской.

Бюро приняло специальное постановление, в котором отмечалось, что, несмотря на серьезность задач, решаемых Дальстроем, большой объем разностороннего хозяйства и безусловные изменения, происшедшие в составе кадров и организации всего производства, хозяйственная деятельность этого комбината в целом и отдельных его предприятий партийными и советскими органами не направляется и не контролируется. Бесконтрольное положение Дальстроя является совершенно ненормальным и вредно отражается на работе и дальнейшем социально-экономическом и культурном развитии районов Колымы и Чукотки.

Крайком КПСС считал также, что создание в районах деятельности Дальстроя территориальных партийных и советских органов и включение партийных и советских организаций Дальстроя в состав краевой партийной организации позволит быстрее устранить ненормальности и обеспечить более правильное решение задач хозяйственного и культурного строительства в районах Крайнего Севера.

На рассмотрение в ЦК КПСС были выдвинуты предложения:

образовать в составе Хабаровского края Магаданскую область, включив в нее г. Магадан, Ольский, Северо-Эвенский, Среднеканский, Сусуманский, Ягоднинский и Тенькинский районы Колымы;

включить в состав Магаданской области Чукотский национальный округ с Анадырским, Марковским, Восточно-Тундровским, Чукотским и Иультинским районами;

Сусуманский, Ягоднинский и Тенькинский районы Колымы создать за счет разукрупнения Среднеканского района на базе горнопромышленных предприятий Дальстроя. Иультинский район Чукотского национального округа – за счет части территории Чаунского, Чукотского и Анадырского районов.

---

[91]*Козлов А. Г.* У истоков Магаданской области (к 50-летию образования) // III Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 28–45.

В Северо-Эвенский район включить территорию Верхне-Гижигинского, Верхне-Пареньского, Гижигинского и Тайгоносского сельсоветов Пенжинского района Корякского национального округа[92].

На основании этих предложений ПВС РСФСР 2 декабря 1953 г. принимает Указ «Об образовании районов в составе Хабаровского края» с организацией Сусуманского, Тенькинского, Ягоднинского и Иультинского районов.

Однако 3 декабря 1953 г. ПВС СССР принимает Указ « Об образовании Магаданской области», в котором говорилось: *«Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об образовании в составе РСФСР Магаданской области с центром в г. Магадане. В состав Магаданской области включить: г. Магадан, Среднеканский, Ольский, Северо-Эвенский, Сусуманский, Тенькинский, Ягоднинский районы и Чукотский национальный округ, выделив их из состава Хабаровского края»*[93].

Таким образом, был окончательно решен вопрос о создании на Северо-Востоке России нового субъекта Федерации.

Для определения административных границ вновь образованных районов была создана специальная комиссия, в которую вошли: секретарь облисполкома Г. Ф. Рощупкин, директор Магаданского лесхоза Н. М. Бочинский, начальник топографо-геодезического отдела Геологоразведочного управления Дальстроя Я. П. Толкачев, зам. начальника отдела Государственного геодезического надзора Управления МВД Хабаровского края А. А. Милюк.

5 мая 1954 г. специальным актом комиссия утвердила административные границы области. Однако работа по детальному уточнению границ с сопредельными субъектами Федерации и дислокации населенных пунктов внутри области продолжалась и в дальнейшем.

Секретарь ПВС ЯАССР П. Корякин писал председателю Магаданского облисполкома П. Я. Афанасьеву, что *«в связи с перемещением в состав В.-Колымского района Якутской АССР Нелемского сельсовета Среднеканского района... необходимо установить границу ЯАССР и Магаданской области по смежеству с В.-Колымским районом ЯАССР и Среднеканским районом Магаданской области»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 36, л. 77].

В 1954 г. в состав Северо-Эвенского района вошли Верхне-Гижигинский, Верхне-Пареньский, Гижигинский и Тайгоносский сельсоветы, ранее находившиеся в Корякском национальном округе (решение облисполкома № 11 от 19 января 1954 г. на основании Указа ПВС РСФСР от 22 декабря 1953 г.).

В Чукотском национальном округе за счет разукрупнения Анадырского, Чукотского и Чаунского районов создавался новый Иультинский район с территорией 106 тыс. км^2.

3 июня 1954 г. Магаданский облисполком принимает решение № 212 «Об образовании Омсукчанского района в составе области».

В пояснительной записке в ЦК КПСС отмечалось, что этот район располагает значительными запасами золотоносных, оловянных, молибденово-вольфрамовых руд и залежами углей, является наиболее перспективным и в целях наиболее эффективного их использования требует *«приближения к производству районного партийного и государственного руководства... Образование района... не нарушает целостности национального Северо-Эвенского района»* [Там же].

Кроме этого, в решении № 212 подчеркивалось, что существующее административно-территориальное устройство Северо-Эвенского района из-за отсутствия путей связи искусственно разобщает две противоположные по народнохозяйственному профилю части района – Омсукчан и Эвенск [Там же].

Таким образом, в состав Омсукчанского района с территорией 86,6 тыс. км^2 и населением 11 820 чел. (в том числе 4620 чел. контингента) вошли Омсукчанский поселковый и Галимский сельсоветы, а также поселки Хатарен, Останцевский, Меренга.

Одновременно решался вопрос о перенесении центра Северо-Эвенского района.

В объяснительной записке говорилось, что *«Указом ПВС РСФСР от 2 декабря 1953 г. предусматривалось перемещение районного центра из села Наяхан в рабочий поселок Омсукчан, что являлось нецелесообразным потому, что Указом ПВС РСФСР от 18 декабря 1951 г. было произведено перемещение районного центра этого района из села Наяхан в с. Эвенск»* [Там же].

Уточнялись некоторые вопросы размещения поселков и по другим районам.

Так, по Указу, пос. Армань был включен во вновь организованный Тенькинский район, но в то же время находился на территории Ольского района, в 200 км от Теньки.

Путаница возникла из-за того, что на р. Армань имелись два населенных пункта с одноименным названием. Один находился в верховьях реки и попадал на территорию Тенькинского района, но в момент образования области он был полностью заброшен. Второй поселок находился на берегу моря в Ольском районе. В Армани проживало более 1650 чел., имелся колхоз «Пробужденный Север», рыбный промысел «Новостройка» и Арманский рыбозавод. Это несоответствие было устранено.

---

[92]*Козлов А. Г.* У истоков Магаданской области..., 2004. – С. 42.

[93]*Советы* Северо-Востока СССР : сб. документов и материалов. Ч. 2 (1941–1961 гг.). – Магадан : Кн. изд-во, 1979. – С. 220.

19 января 1954 г. облисполком принимает решение № 11 «О переносе и организации новых районных центров», которым предписывалось до 15 февраля переместить центр Среднеканского района из с. Таскан в пос. Сеймчан, а директору Дальстроя И. Ф. Митракову обеспечить размещение и организацию районных центров в пос. Сусуман (Сусуманский район), Ягодное (Ягоднинский район), Усть-Омчуг (Тенькинский район).

Таким образом, уже к началу 1955 г. сформировалась структура районирования Магаданской области.

Административно-территориальное деление
Магаданской области на 1 апреля 1955 г.
[ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 36, л. 80]

Территория	1201,3 тыс. км^2
Административные единицы:	
Национальный округ	– 1;
Город	– 1;
Район	– 13;
Поселковый совет	– 30;
Сельский совет	– 74.

Районы областного подчинения

Район	Центр района
Ольский	с. Ола
Омсукчанский	пос. Омсукчан
Северо-Эвенский	с. Эвенск
Среднеканский	пос. Сеймчан
Сусуманский	пос. Сусуман
Тенькинский	пос. Усть-Омчуг
Ягоднинский	пос. Ягодное

Чукотский национальный округ

Район	Центр района
Анадырский	с. Комбинат
Восточной Тундры	с. Анюйск
Иультинский	пос. Эгвекинот
Марковский	с. Марково
Чаунский	пос. Певек
Чукотский	с. Лаврентия

В 1953–1957 гг. решениями Магаданского облисполкома населенные пункты в центральных промышленных районах получили статус рабочих поселков, в том числе Адыгалах, Аркагала, Атка, Большевик, Верхний Ат-Урях, Гастелло, Дебин, Мякит, Нексикан, Омсукчан, Омчак, Оротукан, Палатка, Сеймчан, Спорный, Стекольный, Сусуман, Усть-Омчуг, Ягодное (22 декабря 1953 г.), Галимый (19 августа 1954 г.), Бурхала (30 ноября 1956 г.), Мяунджа (4 января 1957 г.), Ола (31 октября 1957 г.), Широкий (31 декабря 1957 г.).

Это мероприятие имело большое значение для закрепления трудоспособного населения, так как рабочие поселки получали значительные преимущества в области снабжения и развития социальной сферы, в том числе в жилищном строительстве, здравоохранении, образовании.

Кроме этого, в этот период впервые были четко определены территориальные границы г. Магадана. В черту города вошли населенные пункты: Дом отдыха «Горняк», Дукча, Кирпичный завод, Кожзавод, Марчекан, Нагаево, Новая Веселая, Новые Гаражи, Свиносовхоз, Снежная Долина, Старая Веселая.

Комиссия облисполкома провела работу по изменению названий и транскрипции ряда поселков и сельсоветов в центральных районах Колымы (табл. 51).

В 1955 г. продолжалась работа по уточнению административной границы Среднеканского района с ЯАССР. В ранее созданную комиссию были включены председатель Среднеканского райисполкома И. М. Дягилев, секретарь РК КПСС В. В. Пономарев. Административная граница между Магаданской областью и Якутской АССР была утверждена решением Магаданского облисполкома № 364 от 7 октября 1955 г. и Постановлением ПВС Якутской АССР от 21 октября 1955 г.

Таблица 51

Изменение названий населенных пунктов

Новая транскрипция	Старая транскрипция	Причина
Н. Сеймчанский с/с	Сеймчанский	Соответствует географическому положению
Широкинский с/с	Широкий	Ходатайство с/с
Уптар	47-й км	р. Уптар
Ахматонский	Ахматонск	Ходатайство с/с
Кедровый (Арэк)	Арэк	Одноименный ручей
Аркагала	Аркагала-Угольная	Ходатайство с/с
Еврашкалах	Еврашкала	То же
Тимошенко (Омчак)	Тимошенко	– « –
Омчуг («Пионер»)	Омчуг	– « –
Санта-Талон	Сантаталон	Якутское название из двух слов
Хета (электростанция)	Хета	Ходатайство с/с
Яблоновый	150-й км	То же
Усть-Таскан	Тасканский эл. комбинат	Географ. название

В 1956–1960 гг. в связи с реструктуризацией народного хозяйства в области появились новые и ликвидированы неперспективные населенные пункты.

Так, в течение ряда лет население с. Гижига переселялось в с. Кушка, которое фактически стало центром Гижигинского сельсовета. Поэтому было принято решение переименовать с. Кушка в с. Гижига, а Гижигинский, Чайбухинский и Верхне-Гижигинский сельсоветы в Гижигинский сельсовет.

15 октября 1957 г. Магаданский облисполком в соответствии с п. 3 Указа ПВС СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» постановил переименовать пос. им. Тимошенко Тенькинского района в пос. Омчак, пос. им. Буденного – в населенный пункт Нагорный, пос. им. Ворошилова – в населенный пункт Свободный, прииск им. Тимошенко – в прииск им. 40 лет Октября, колхоз им. Маленкова (В. Тундра) – в колхоз «40 лет Октября», колхоз им. Хрущева на о. Врангеля – в колхоз «Рассвет Севера».

22 декабря 1956 г. Исполнительный комитет ЧНО принял решение о ликвидации Северного сельсовета Чаунского района.

Северный сельсовет был образован в период разработок урана и включал в себя население поселков Северный, Восточный, Кекурный, 62-й км, Западный, 42-й км, 18-й км, входивших в состав управления ДС п/я-43. Решением Министерства цветной металлургии управление и предприятия п/я-43 ДС были ликвидированы.

14 июня 1955 г. образуется сельсовет на о. Врангеля. На острове имелись: полярная станция, в состав которой входили метеорологическая станция, радиостанция, торгово-заготовительный пункт, аэропорт ГУСМП (бух. Сомнительная), больница, начальная школа с интернатом, Красная яранга, 12 жилых домов и баня. Население – 120 чел.

В 1957 г. произошло объединение Шелагского и Ичуньского сельсоветов Чаунского района, населенный пункт Стахановец Сусуманского района переименован в пос. Мирный. Населенные пункты Залив Креста, Оловянная, Нутепельмен, Экран были ликвидированы в 1958 г.

На 15 января 1959 г. территория Магаданской области составляла 1185,2 тыс. км^2, на которой проживало 235 тыс. чел., из них городское население – 190 тыс. чел., сельское – 45 тыс. чел. Область подразделялась на 15 районов, в которых располагались 34 рабочих поселка и 71 сельский совет.

В 1960 г. Указом ПВС РСФСР от 3 июня в ЧНО был упразднен Марковский район с передачей его территории и хозяйства в состав Анадырского района. В него вошли Ваегский, Еропольский, Ламутский, Марковский, Чуванский сельские советы.

Решением от 23 июля 1960 г. Чаплинский сельсовет преобразуется в Ново-Чаплинский, а Уэлькальский сельсовет передавался в состав Анадырского района.

Чукотский национальный округ в составе 7 районов занимал площадь 721,48 тыс. км^2.

По переписи 1959 г. население округа составляло 47 134 чел. (в 1930 г. – 2088 чел.), из которых коренное население – 12 045 чел. (в 1930 г. – 15 295 чел.), или 27% (в 1930 г. – 73%), в том числе чукчей 8448, или 18% (в 1930 г. – 12 163 чел.).

До ликвидации Марковского района в начале 1960 г. коренное население распределялось следующим образом: Анадырский район – 8179 чел., в том числе 1884 чукчи; Беринговский – 4006 чел., в том числе 1002 чукчи; Восточной Тундры – 3732 чел., в том числе 779 чуванцев; Иультинский, в том числе 1465 чукчей; Марковский – 2194 чел., в том числе 756 чуванцев; Провиденский – 6275 чел., в том числе 1032 чукчи, 565 эскимосов; Чаунский – 10 638 чел., в том числе 855 чукчей; Чукотский – 3623 чел., в том числе 2210 чукчей.

В Колымских районах в 1960 г. решением № 226 от 3 июня был упразднен Нижне-Сеймчанский сельсовет Среднеканского района с передачей его территории в Сеймчанский сельсовет. 5 января 1961 г. в этом районе образован Глухаринский сельсовет, а 13 января упразднен Камешковский сельсовет Северо-Эвенского района.

В 1960 г. закончился процесс оформления внешних административных границ Магаданской области, и 22 апреля они были окончательно утверждены Постановлением СМ РСФСР № 603.

Что касается внутриобластного районирования, то в рамках установленных границ дислокация населенных пунктов в районах Колымы в дальнейшем менялась незначительно, и лишь на Чукотке в связи с укреплением колхозов и преобразованием их в совхозы произошло их значительное сокращение.

Параллельно с оптимизацией промышленного районирования шел процесс создания областных, районных, поселковых, партийных и советских органов власти и управления.

На основании Указа ПВС РСФСР от 2 декабря 1953 г. до выборов в местные Советы (до 5 января 1955 г.) в г. Магадане был образован областной исполнительный комитет в составе: председатель – П. Я. Афанасьев, первый заместитель – В. Н. Ферапонтов (умер 12 января 1955 г.), заместители – Б. А. Рогушин, И. П. Чистяков, секретарь – Г. Ф. Рощупкин, члены – Т. И. Абабков, И. Е. Зубец, И. М. Харитонов, Ю. В. Чугуев.

13 января 1954 г. состоялось первое заседание исполкома областного Совета, где рассматривались вопросы организации районных исполнительных органов власти, которые наделялись полномочиями формировать состав поселковых и сельских исполкомов на срок до ближайших выборов.

12 мая 1954 г. состоялся 1-й пленум Магаданского ОК КПСС, на котором было избрано бюро в составе: Т. И. Абабкова, В. С. Тимофеева, Н. А. Жихарева, П. Я. Афанасьева, И. Ф. Митракова, П. И. Ромашкова, Н. Я. Новокрещенова, В. Н. Ферапонтова, Д. С. Комаровского.

Одновременно формировались областные, районные профсоюзные и комсомольские организации. В начале 1954 г. (27 февраля – 1марта) Колымский окружком профсоюза был преобразован в Магаданский обком профсоюза работников металлургической промышленности, а 2 марта на первом пленуме его председателем был избран Н. П. Кусанин, секретарем – С. П. Голоулин.

В соответствии с Постановлением ВЦСПС от 17 сентября 1954 г. организуется Чукотский окружной профсоюзный комитет рабочих металлургической промышленности. Его первым председателем был избран В. Ф. Фоломеев.

В 1957 г. из подчинения Магаданского обкома профсоюзов (в соответствии с территориальными границами области) вышли Оймяконский, Зырянский, Хандыгский, Янский райкомы профсоюза[94].

Таким образом, за короткий период времени в Магаданской области были созданы конституционные органы власти и управления, и начался процесс комплексной реорганизации промышленности и создания социальной инфраструктуры.

3.2. Последствия деятельности Дальстроя и основные направления развития народного хозяйства

С образованием Магаданской области система управления и промышленно-транспортный комплекс Дальстроя подверглись кардинальной реорганизации.

В январе 1954 г. были упразднены: Политическое Управление ДС и Административно-гражданский отдел, политотделы ГПУ и отраслевых подразделений, кроме Ушосдора, КИРПа, УДС, УАТа, а также сняты функции административного и партийного руководства районными исполнительными комитетами Северо-Эвенского, Среднеканского и Ольского районов.

Кадры аппарата ДС направлялись в областные, районные партийные и советские органы власти и управления. В течение 1954 г. в структуре Дальстроя в связи с образованием при Магаданском облисполкоме отделов и управлений ликвидировались управления «Дальстройуголь», дорожного строительства, местных строительных материалов, завода № 5, подсобных хозяйств, ЮЗГПУ, а также промежуточные звенья (конторы) в Колымо-Магаданском пароходстве на перевалочных базах (Ванино, Усть-Кут, Приморье) и автобазах. При ликвидации управлений промышленные, энергетические, строительные предприятия оставались в составе Дальстроя.

В связи с передачей рыбной промышленности Магаданскому рыбному тресту упразднялось Управление подсобных хозяйств. Совхозы Дальстроя переподчинялись государственному тресту «Колымснаб», в аппарате которого был создан сельскохозяйственный отдел.

В состав отделов облисполкома вошли: Санитарное управление Дальстроя и вся медицинская сеть, Управление воздушного транспорта, связи (кроме ведомственной), Магаданский промкомбинат, пищекомбинат, хлебозавод, городское коммунальное хозяйство и промкомбинаты районных центров, а также районные типографии и издательство «Советская Колыма», областной театр, школы и другие культурно-просветительные учреждения.

Значительные структурные изменения произошли в горной промышленности. Были объединены прииски «Челбанья» и им. Фрунзе, «Беличан» и «Перспективный», «Октябрьский» и «Большевик», «Дебин» и «Пятилетка», «Джелгала» и «Бурхала», «Хатыннах» и «Юбилейный», «Красноармейский» и «Южный», закрыты ряд рудников, в том числе «Днепровский», «Урчан», «Хатарен» и др.

В результате осуществления мероприятий по оптимизации штатов и упрощению структуры было сокращено 10 500 должностей (47%) административно-управленческого персонала – 8399 чел.[*] Количество управленческих звеньев уменьшилось с 2449 до 1224 (на 50%), а численность руководящих работников составила 5,4% вместо 11,5%.

После реорганизации в системе Главного Управления Дальстроя насчитывалось 201 предприятие, в том числе 36 приисков, 9 рудников, 7 обогатительных фабрик, Центральные ремонтно-механические мастерские, 5 угольных районов, 21 автобаза, 8 электростанций, 3 завода, 5 энергокомбинатов и другие объекты.

---

[94]*Курьянова А. Ф., Ушкалов В. А.* Из истории профсоюзных организаций Магаданской области // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1982. – Вып. 12. – С. 54, 55.

[*]*Постановление* ЦК КПСС и СМ СССР № 2150 от 14 октября 1954 г. и приказы МЦМ СССР № 440 и 485.

В Дальстрое оставались горнопромышленные управления: Северное, Западное, Тенькинское, Индигирское, Янское, Чаун-Чукотское, Омсукчанское. В состав ГРУ вошли: Первый специальный отдел, энергетическое управление, Дальстройпроект, ВНИИ-1. Функции снабжения возлагались на тресты «Колымснаб», «Колымтехснаб», «Дальстройснаб» и управления – Приморское, Ванинское, Усть-Кутское. Капитальным строительством занимались управления «Чукотстрой», «Янстрой» («Дорстрой»), строительно-монтажное и «Энергострой».

В процессе становления и развития промышленно-транспортного комплекса Дальстроя в 1932–1953 гг. определились основные черты и экономические направления производительных сил Магаданской области. На основе данных, полученных в ходе многолетних широкомасштабных геологических исследований, охвативших 1,7 млн км^2 территории Северо-Востока России (69%), в зоне деятельности Дальстроя сложились крупные центры золото- и оловодобычи, имевшие многоотраслевую структуру промышленного производства.

Специализация и особенности развития этих районов определялись состоянием минерально-сырьевой базы. К наиболее перспективным районам относились: правобережье р. Эльген (ИГПУ), район прииска «Встречный» (ТГПУ), правобережье р. Индигирка – прииски «Юбилейный» и «Хатыннах».

В 1951–1955 гг. из 725 запланированных партий (в том числе 310 на золото и 210 на олово) только одна шестая часть направлялась в низовья р. Яна, бассейны Малого и Большого Анюя и Охотский район. Учитывая тот факт, что на этой территории все геологоразведочные работы проводились только собственными силами, в 1954 г. было принято решение освободить Дальстрой от обязательной регистрации геологоразведочных работ в Министерстве геологии и охраны недр.

Золотодобывающие предприятия были сосредоточены в Северном, Западном, Тенькинском и Индигирском горнопромышленных управлениях, а оловодобыча – в Юго-Западном, Янском, Чаун-Чукотском, Омсукчанском ГПУ.

На территории этих управлений находилось около 70% балансовых запасов рудного и россыпного золота Северо-Востока в месторождениях, расположенных в бассейнах рр. Колыма, Индигирка, Яна и Алдан.

Колымский, Индигирский и Янский районы являлись частями Яно-Колымского золотоносного пояса (90% всех выявленных запасов золота), который простирался от верховьев р. Колыма до левобережья р. Яна. Его длина составляла 2060 км, а ширина от 100 до 400 км. Прогнозные запасы россыпного золота оценивались в 2750 т шлихового, или 1750 т химически чистого металла, из которых на начало 1951 г. было добыто (с учетом 3,8% потерь) около 1100 т. Подавляющее количество неразведанных запасов (около 80%) находилось в области основной Колымской металлоносной зоны, на действующих приисках СГПУ, ТГПУ, ЗПГУ.

В связи с незначительной изученностью прогнозные запасы рудного золота оценивались «очень приблизительно» и составляли около 347 т при среднем содержании 5 г/т. Наиболее крупными являлись месторождения Наталкинское и Павлик (ТПГУ), входившие в состав Омчакского узла, а также Дегдекан и месторождения, открытые в 1943 г. на Индигирке, – Жданное, Ханталас, Хантагай-Хая в Пионерском узле.

Рудное золото добывалось на рудниках им. Матросова, им. Белова (ТГПУ), «Юглер» (СГПУ) и Утинском горнорудном комбинате.

Состояние с запасами золота и перспективы развития горнодобывающей промышленности оценивались достаточно критически. Геологи предполагали, что при среднем уровне добычи 46 т химически чистого золота планируемый прирост запасов сможет лишь покрыть добычу золота в 1952–1955 гг., а в 1956 г. *«Дальстрой будет иметь в лучшем случае балансовые запасы, обеспечивающие нужды эксплуатации на 1 год, при стабилизации среднего содержания в 4–5 г/м^3»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3508, л. 53].

В то же время золотодобывающая промышленность имела большие потенциальные возможности, поскольку Яно-Колымская полоса была наиболее детально исследована на протяжении 1000–1100 км.

Большинство золоторудных месторождений оказались небольшими по запасам и часто непромышленными по содержанию. Только два – Верхне- и Нижне-Омчакское – обладали крупными запасами – 10–15 т. Поэтому, несмотря на то что почти 60% запасов золота Северо-Востока заключалось в рудных месторождениях, основная добыча (свыше 90%) велась из россыпных[95]. Кроме Колымской зоны (юго-восточная часть Яно-Колымского пояса – 645 месторождений россыпного и 28 рудного золота), большие перспективы имел Полярный золотоносный район (от хр. Полоусный на западе до Чукотского полуострова на востоке), где были выявлены богатейшие месторождения россыпного золота.

На момент образования Магаданской области Дальстрой вел активную разработку Индигирского, Янского, Аллах-Юньского и Алданского районов. В Индигирском (бассейн верхнего течения р. Индигирка) имелось около 30% балансовых запасов золота Яно-Колымского пояса, но россыпи считались сильно истощенными. Янский являлся перспективным как по рудному, так и по россыпному золоту, и

[95] *Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 130.

в нем велись интенсивные геологоразведочные работы. Аллах-Юньский (бассейн рр. Алдан, Хандыга, Мая) характеризовался наличием под слоем многолетней мерзлоты так называемых погребенных россыпей и рудных месторождений. Алданский (правобережье р. Алдан), несмотря на то что месторождения разрабатывались с 1923 г., обладал значительными запасами золота с высоким содержанием в рудах и россыпях. Однако с образованием Магаданской области эти золотоносные районы вошли в состав Якутской АССР.

Кроме золота, важное место в структуре минерально-сырьевой базы области занимало олово. В начале 50-х гг. около 85% запасов этого металла на Северо-Востоке было сосредоточено в Магаданской области на 70 коренных и россыпных месторождениях, в Омсукчанском районе и в Чукотском национальном округе. Прогнозные запасы составляли около 450 тыс. т.

В Омсукчанском районе наиболее крупным являлось Певское месторождение, которое отличалось исключительно высоким содержанием олова в руде, превышавшем в 4–5 раз этот показатель в других месторождениях Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Рудные месторождения являлись комплексными, т. е. помимо олова в них содержалось много других металлов, главным образом редких.

Большая часть запасов олова была сосредоточена на севере Чукотского округа, где выделялись несколько узлов оруденения – Певекский, Иультинский, Тамнеквуньский. В пределах Певекского узла находилось одно из крупнейших месторождений – Валькумейское (открыто в 1934 г.), на котором с 1937 по 1955 г. было добыто около 80% общего объема олова Северо-Востока. По оценкам геологов, запасы олова отличались очень высокой концентрацией. Более 60% месторождений содержали свыше 10 тыс. т, 24,4% – от 1 до 10 тыс. т и остальные до 1 тыс. т.

Добыча рудного олова (россыпные месторождения давали менее 10% по запасам) сосредотачивалась в четырех основных районах. В Чаун-Чукотском имелось 44% геологических запасов рудного и 50% россыпного олова – всего около 140 тыс. т.

По балансовым запасам первое место занимал Янский район – 66%. В нем разрабатывалось 80 объектов, в том числе наиболее крупные – Эге-Хая, Илинтас, Кестер, Алыс-Хая, Хетан-Хая. Важное место в оловодобыче занимал Охотско-Колымский район (200 объектов, 20 месторождений – 52,4 тыс. т), удельный вес которого превышал 38% от общей добычи. В Индигирском районе наиболее крупными месторождениями являлись Куранах-Сала, Депутатское, Аляскитовое, Баралыхэлах. Чукотский район был недостаточно исследован, за исключением Иультинского месторождения.

В целом в середине 50-х гг. на территории области имелось 58 рудных месторождений, в том числе золота – 19 (Наталка, Омчак, Павлик, Игуменовское, Дегдекан, Родионовское, Клин, Вилка и т. д.), олова – 30, вольфрама – 3 (168 тыс. т), кобальта – 2 (4 тыс. т), молибдена – 3, железа – 1*.

В разработке находились 783 россыпи, из них 19 – с запасами свыше 10 т каждая, 133 месторождения – от 1 до 10 т и 631 – менее 1 т[96].

По добыче золота Магаданская область занимала ведущее место в СССР и 4-е в мире после ЮАР, Канады и США (табл. 52).

Таблица 52

Добыча золота в основных золотодобывающих странах, т

[ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 341, л. 134]

Страна	1945 г.	1950 г.	1956 г.
ЮАР	380	363	494
Канада	53	138	137
США	28	74	58
Австралия	22	27	32
СССР (Дальстрой)	69,3	49,0	41,7

Во второй половине 50-х гг. все работы по добыче золота сосредотачивались в пределах Колымской золотоносной зоны, на территории Верхне-Колымского, Средне-Колымского, Берелехского, Верхне-Индигирского и Янского РайГРУ. *«Это полностью соответствовало решению правительства о направлении геологоразведочных работ в районы, расположенные вблизи действующих промышленных предприятий ДС, где имеются дороги, электростанции и другие предприятия»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 3508, л. 17].

Кроме золота и олова, в структуре горнодобывающей промышленности особое место занимала добыча урановых руд. Решением СМ СССР от 18 августа 1952 г. Первому Управлению ставилась задача по детальному изучению металлогении основных рудных районов с оценкой их перспективности и составлению прогнозных карт Крайнего Северо-Востока Союза ССР. Руководителем темы был назначен главный геолог Первого Управления С. Ф. Лугов**.

Выявленные запасы урана составляли 343 т. В письме на имя министра цветной металлургии СССР П. Ф. Ломако от 5 декабря 1954 г. отмечалось, что *«большим коллективом работников Даль-*

---

*Всего на территории Дальстроя насчитывалось 50 месторождений железа – 500 млн т.

**В 1954 г. С. Ф. Лугов и его группа в составе В. М. Демченко, В. А. Ерофеевой, Б. Н. Ерофеева, И. Н. Зубрева, П. И. Комарова, А. Г. Лапшинова, П. И. Показаньева, А. В. Савельева выдвинута на Сталинскую премию.

[96]*Бацаев И. Д.* Особенности..., 2002. – С. 160.

строя создана урановая промышленность, которая с 1952 г. выдает стране урановые концентраты. За этот период добыто 112,9 т урана в концентратах» [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 5616, л. 205].

В этой работе в качестве первооткрывателей принимала участие группа геологов и ИТР, в том числе по Северному месторождению: Д. Е. Рождественский (1948–1949 гг., нач. партии), А. С. Мокякин (1949 г., нач. партии), Н. В. Баранов (1949 г., нач. партии), И. Е. Рождественский (1947–1953 гг., нач. партии), Н. М. Романов (1949–1950 гг., нач. партии), П. Д. Топычканов (1947 г., нач. партии), И. Н. Зубрев (гл. геолог Чаунского управления, 1952 г.), С. Ф. Лугов (гл. геолог Первого Управления, 1951–1953 гг.), Г. И. Кушнир (ст. геолог, 1952–1953 гг.), В. Г. Бондарев (ст. геолог, 1950–1953 гг.), В. И. Дьяченко (нач. разведотдела Первого Управления, 1953 г.); по Бутыгычагскому: Г. Я. Макаренко (нач. партии, 1946–1948 гг.), А. М. Авдеев (ст. геолог рудника, 1942–1953 гг.), И. В. Санаров (геолог, 1949–1953 гг.), И. И. Бронников (ст. коллектор, 1948–1953 гг.), В. П. Павлов (нач. Первого Управления, 1948–1953 гг.), Н. Н. Ермилов (нач. Первого Управления, 1950–1953 гг.), П. И. Комаров (гл. инженер Первого Управления, 1950–1953 гг.), В. Ф. Широков (гл. инженер, 1950–1952 гг.), А. С. Сычев (гл. инженер, 1950–1952 гг.), Р. Н. Лапин (нач. комбината № 1), О. Д. Мельников (нач. 5-го отдела ГРУ ДС, 1947–1948 гг.), С. Г. Борчин (нач. рудника, 1951–1953 гг.).

К середине 50-х гг. дальнейшая разработка урановых рудников была признана нецелесообразной из-за низкого среднего содержания и высоких затрат. В 1953 г. не выявили ни одного нового месторождения, план прироста запасов был выполнен всего на 80%, и окончательно подтвердилась отрицательная оценка рудных жил Бутыгычага.

В декабре 1954 г. начались демонтаж и ликвидационные работы на комбинате № 3, на участках «Кекурный», «Северный», «Восточный», «Западный». Техника и оборудование комбината передавались ЧЧГПУ (прииск «Красноармейский», рудник «Валькумей» и др.).

С 1 января 1955 г. ликвидировалось Первое Управление, на базе которого был организован Первый спецотдел, и прекратил свою деятельность рудник № 1 – «Бутыгычаг».

Важным направлением пополнения минерально-сырьевой базы области стало комплексное исследование Чукотки. На 1 января 1954 г. около 30% территории ЧНО являлось белым пятном, где не проводились никакие геологические исследования, но уже в 1959 г. вся территория была покрыта геологическими съемками, в том числе в самых труднодоступных районах. С 1957 г. в ЧНО началась разработка золотых россыпей в Чаунском, Иультинском, Билибинском и Анадырском районах. За 1958–1965 гг. геологи открыли ряд перспективных месторождений золота и олова, на которых организуются прииски «Комсомольский», им. Билибина, «22 съезда КПСС», им. Мандрикова, «45 лет ВЛКСМ», «Экспедиционный», «Анюйский» и вошел в строй крупнейший на Северо-Востоке Иультинский горнорудный комбинат.

К середине 60-х гг. на Чукотке было разведано и открыто свыше 100 россыпных месторождений, в том числе открыт новый район в низовьях р. Омолон, а в 1967 г. золото нашли на Кэнкэрэнском хребте и около Ванкарема.

В центральных районах Колымы организованы прииски «40 лет Октября», «Семилетка», им. XXI съезда КПСС, «Экспериментальный», «Курчатовский», «Буркандья», «Агыдалах» и др.

Большой вклад в геологическое изучение природных богатств области внесли геологи М. В. Гусаров, Я. П. Слемзин (Сеймчанская экспедиция), А. И. Коваленко И. А. Харьков (Тенькинская), В. И. Зедин, И. И. Воронов (Берелехская), А. Г. Погожев, З. А. Абдурахманов (Пенжинская), В. А. Китаев (Анадырская), С. С. Колчин (Анюйское РайГРУ), Герой Социалистического Труда И. Е. Рождественский и многие другие[97].

В этот период изменилась структура разведки. В 1963 г. количество круглогодичных геологоразведочных партий на золото, по сравнению с 1953 г., увеличилось в целом по области в 2,5 раза, а по Чукотке – в 8 раз. После организации в 1957 г. Северо-Восточного геологического управления (СВГУ) резко возросли ассигнования, объемы и темпы геологических исследований с охватом всей территории области. В 1959 г. геологами СВГУ были закартированы последние белые пятна, существовавшие на территории области.

К 1968 г. геологических съемок средних масштабов было сделано больше, чем за предыдущие 30 лет. Государственные ассигнования на геологические работы возросли с 32,5 млн руб. в 1959 г. до 63,3 млн руб. в 1968 г.

В центральных районах Колымы выявили новый тип глубокопогребенных россыпей. В целом за этот период геологами СВГУ было открыто и разведано более 350 новых россыпных месторождений золота и передано в эксплуатацию объединению «Северовостокзолото» около 400 новых россыпей и участков крупных россыпей[98].

---

[97] *Драбкин И. Е.* Мужественные разведчики недр // 10 лет Магаданской области. – Магадан : Кн. изд-во,1963. – С. 100.

[98] *Аникеев Н. П., Драбкин И. Е.* Минерально-сырьевая база горнодобывающей промышленности и основные задачи гелогоразведочных работ на генеральную перспективу // Проблемы развития производительных сил Магаданской области. – Магадан : Упр. по печати, 1969. – С. 71, 75.

В 1968 г. из общего количества учтенных запасов большинство находилось в промышленной эксплуатации. Только 2% балансовых запасов не осваивалось в связи со значительным их удалением от линий электропередачи, дорог и социальной инфраструктуры.

Что касается олова, то его добыча в 1957 г. сократилась к уровню 1946 г. в 4 раза, а в 1966–1967 гг. повысилась до 90%.

Однако увеличение оловодобычи было достигнуто исключительно за счет интенсификации отработки ранее разведанных запасов месторождений – Валькумейского, Иультинского и россыпей прииска «Краноармейский».

В конце 50-х гг. активизировались поиски ртути. Первая ртуть на Колыме была получена в 1942 г. на месторождении Кузмичанское, где из россыпей киновари выплавили 50 кг. В 1946 г. С. С. Смирнов писал: *«Мало определены еще данные в отношении концентраций ртути, кобальта и некоторых других металлов. Но во всяком случае анализ имеющихся данных позволяет твердо рассчитывать, что концентрации и этих металлов, считающихся пока что второстепенными, в дальнейшем будут играть серьезную роль и в общем балансе минеральных ресурсов»*[99].

Геологи (В. П. Федорчук, В. И. Смирнов, В. Ф. Белый, С. М. Тильман, Н. А. Шило и др.) предполагали, что ртуть, наряду с золотом, оловом и вольфрамом, будет определять основные направления горнодобывающей промышленности Магаданской области на ближайшую и длительную перспективу.

В ходе поисковых работ (с 1958 г.) были открыты два промышленных месторождения – Пламенное и Западно-Палянское. К перспективным относились Пыкарваамское, Коневаамское, Ясное, Уральское, Матачингайское, Ламутское, Тамватнейское на территории Чукотского национального округа. В 1967 г. промышленная добыча ртути началась на месторождении Пламенное.

В середине 60-х гг. в комплексе задач использования всех природных ресурсов области вновь была поставлена проблема поиска промышленных скоплений нефти и природного газа.

На Северо-Востоке в этот период не было открыто ни одного месторождения, хотя, по прогнозным оценкам ученых (А. А. Трофимчук, С. М. Тильман, Н. А. Шило, Д. И. Агапитов, И. Е. Драбкин, Г. Г. Попов, В. А. Титов и др.), здесь имелись благоприятные общегеологические условия. В частности, на это указывало открытие в 40–50-х гг. на побережье Аляски трех нефтяных и пяти газовых месторождений. В 1968 г. в северной прибрежной части Арктической равнины было выявлено новое гигантское нефтяное месторождение Прудо-Бэй – 675–1350 млн т; во впадине Кука – 7 месторождений нефти (180 млн т) и 13 природного газа (110 млрд м^3).

Первоочередными бассейнами для постановки комплексных нефтепоисковых работ на территории области являлись Индигиро-Хомский, Колымский, а также Анадырский и Хатырский. Однако это важное направление равития экономики Магаданской области не получило должного продолжения. Сейсмические работы в незначительном объеме были проведены только в Анадырской впадине[100].

В 60-е гг. произошли большие изменения в материально-техническом обеспечении геологоразведки.

Поисковые партии оснащались вездеходами ГАЗ-47, вертолетами Ми-1 и Ми-4, самолетами Ан-2, а также специальным горным оборудованием, электростанциями, радиостанциями и т. д. В практику геолого-съемочных, поисковых и разведочных работ стали широко внедряться геофизические методы – магниторазведка, аэромагниторазведка, гравиразведка, сейсморазведка, электроразведка, металлометрия.

В 1963 г. Центральной комплексной тематической экспедицией был в основном подготовлен 30-й том «Геологии СССР»[*], в котором рассматривались территория Якутии от р. Лена на восток, Магаданская область, Охотский район Хабаровского края и северная часть Камчатской области. В этой фундаментальной работе (редактор И. Е. Драбкин) принимали участие Н. П. Аникеев, Г. Г. Попов, А. П. Васьковский, В. А. Титов, М. Л. Гельман, А. А. Николаев, А. П. Шпетный, А. Ф. Ефимова, И. М. Сперанская, В. Ф. Белый, К. В. Паракецов, А. Д. Девятилова, Ю. М. Бычков, Б. В. Пепеляев, В. А. Серебряков и др.[101]

Как приложение к 30-му тому в 1968 г. издана Геологическая карта Северо-Востока СССР масштаба 1 : 2 500 000 – первая полная и подробная карта на всю эту территорию. Кроме названных, в ее подготовке участвовали И. П. Васецкий, Г. Г. Кайгородцев, Г. Г. Колтовской, Б. В. Пепеляев, Б. А. Снятков, П. Э. Пиккель.

---

[99]*Бабкин П. В.* Некоторые закономерности размещения, типы и перспективы ртутного оруденения Северо-Востока // Проблемы развития производительных сил Магаданской области. – Магадан : Упр. по печати, 1969. – С. 131.

[100]*Трофимчук А. А. и др.* Проблемы нефтегазоносности территории Северо-Востока // Там же. – Т. 1. – С. 138–154.

[101]*Драбкин И. Е.* Мужественные..., 1963. – С. 108; *Нефедова С. П.* Развитие науки на Северо-Востоке (1948–1980) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1986. – Вып. 14. – С. 35–50; *Толоконцева В. В., Козлов А. Г.* У истоков науки Северо-Востока России. Из истории ВНИИ-1 (1940–1960) // III Диковские чтения : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской обл. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2004. – С. 148–154.

[*]Издан в 1970 г.

Кроме этого, была составлена новая геологическая карта всей территории Северо-Востока, включая Магаданскую область.

Во второй половине 60-х гг. в горнодобывающей промышленности основное внимание уделялось техническому переоснащению. На горняцких полигонах внедряли конвейерно-скрубберные и гидроэлеваторные приборы ГЭП-64, в шахтах и рудниках появились электробульдозеры, самоходные скреперные лебедки, ленточные конвейеры, новые образцы бурового оборудования, а также проведены работы по внедрению установок сухого улавливания пыли. Этот способ разрабатывался сотрудниками ВНИИ-1 с 1953 г. и имел очень важное значение, так как рудники и шахты относились к категории силикозоопасных, а применение обычных способов пылеподавления при помощи воды было невозможно из-за многолетней мерзлоты и отрицательных температур.

Практически полностью был обновлен бульдозерный парк высокоэффективной техникой, в том числе импортного производства.

Для снижения потерь золота при промывке низкосодержащих песков применялись отсадочные машины, а промприборы оборудовались самородкоулавливателями.

В 1961 г. машинистом бульдозера И. К. Шмаковым в долине руч. Игуменский был обнаружен самородок в шлихе массой 14 130 г.

Дальнейшее развитие получила дражная добыча золота. В 1956 г. на россыпях уже работали 10 драг, которыми было добыто 3957 кг золота, но рост производительности труда при дражной добыче был значительно ниже. Основная проблема заключалась в качественной подготовке полигонов и обеспечении в условиях многолетней мерзлоты достаточными объемами талой горной массы[102]. Для решения этой задачи была создана и внедрена технология игловой водооттайки дражных полигонов, вследствие чего ее стоимость снизилась более чем в 2 раза. В 1963 г. на полигонах Колымы работали 12 драг. В 1964 г. на прииске «Комсомольский» была смонтирована самая северная в мире драга.

Однако в этот период не удалось решить проблему извлечения золота из руд, вследствие чего оно оставалось на низком уровне[103].

С резким увеличением средств механизации в горнодобывающей промышленности началось внедрение дистанционного автоматизированного управления. В 60-е гг. на шахтах, разрабатывающих россыпные месторождения, был установлен подъемный комплекс АПУ-1,5 и осуществлен перевод на дистанционное управление дробильных отделений обогатительных фабрик.

Принятые меры государственной поддержки дали мощный толчок развитию горнодобывающей промышленности области. Теория «затухания Колымы» не нашла практического подтверждения.

Однако следует отметить, что экономическая политика в 50-х – начале 60-х гг. характеризовалась (как и в период Дальстроя) директивным ценообразованием планово-убыточной добычи золота, ориентацией на самообеспечение, недофинансированием утвержденных проектов развития горной промышленности и несоответствием применяемых машин и оборудования современным техническим решениям и условиям Севера.

Эффективность и перспективы дальнейшего развития горной промышленности во многом определялись состоянием топливно-энергетического хозяйства, в состав которого в начале 50-х гг. входили 57 электростанций, в том числе 23 районные, 14 местных и приисковых. Перспективы развития энергетики были определены еще в 1948 г. комиссией СМ СССР. Планировалось построить пять крупных электростанций и ЛЭП большой протяженности. В 1949 г. началось строительство Аркагалинской ГРЭС, а в 1952 г. проектирование трехступенчатой гидроэлектростанции на р. Кюэль-Сиена и опытных ветроводородных электростанций для г. Магадана и пос. Певек[104].

С образованием в 1957 г. Магаданского совнархоза в его составе создается топливно-энергетическое управление, которое просуществовало до 1962 г., когда был создан Северо-Восточный совнархоз.

На момент образования области протяженность высоковольтных линий электропередачи составляла 1650 км. В конце 40-х гг. из-за малой изученности топливной базы, невозможности наладить эффективную добычу местных углей и их транспортировку, а также из-за разобщенности предприятий, их малой энергоемкости в основном вводились в строй дизельные и локомобильные электростанции мощностью до 100 кВт. Их насчитывалось около 400. В этот период наметились основные промышленно-энергетические узлы: Аркагалинский, Эльгено-Тасканский, Тенькинский, Магаданский, Чаун-Чукотский, Омсукчанский. По мере увеличения количества электростанций, их мощности и расширения электросетей создавались предпосылки для объединения отдельных энергоузлов, в первую очередь в Колымо-Магаданском экономическом районе, в единую сеть.

В 1950 г. были введены в эксплуатацию паротурбинные электростанции в Аркагале (4000 кВт), Омсукчане (3000 кВт), высоковольтные линии Ольчан – Новопанфиловская (33 км), Ягодное – Бере-

---

[102] *Зеляк В. Г.* Пять металлов..., 2004. – С. 188.
[103] *Северо-Восточный* экономический район. – Магадан : Кн. изд-во, 1965. – С. 48.
[104] *Козлов А. Г.* Дальстрой..., 2002. – С. 25.

лехская (на участке Берелех – Еврашкалах – 22 км) и ряд других энергетических объектов. В 1952 г., с окончанием строительства линии электропередачи Фролыч – Омчак (110 кВт), началось создание энергетической системы Верхне-Колымского промышленного района.

С пуском первой очереди Аркагалинской районной станции в 1954 г. усилился процесс консервации и ликвидации наиболее затратных станций – Тенькинской, Тасканской, Эльгенской.

В 1957 г. энергосети мощностью 35–110 кВт имели протяженность около 2000 км. В 1958 г. вошла в строй крупнейшая в области линия электропередачи – Аркагалинская РЭС – Усть-Нера, которая также снабжала электроэнергией Верхне-Индигирский район Якутской АССР. К началу 60-х гг. благодаря строительству новых линий электропередачи было завершено объединение Аркагалинского, Тенькинского и Эльгено-Тасканского энергоузлов. В пос. Озерный вступила в строй Эгвекинотская ГРЭС, а в г. Магадане современная ТЭЦ, что позволило ликвидировать многочисленные котельные.

В 1961 г. началось строительство самой большой ЛЭП в Заполярье Певек – Билибино протяженностью 515 км, а всего за 1958–1965 гг. было построено около 2 тыс. км линий электропередачи.

В 1965 г. в целях определения дальнейших перспектив развития энергетики и ее перестройки в область прибыла комиссия под руководством министра энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожнего. По итогам ее работы было принято решение о необходимости строительства ГЭС на рр. Колыма и Амгуэма с учетом дальнейшего развития в этих районах горнодобывающей промышленности и социальной сферы.

20 июня 1966 г. на базе энергетического управления объединения «Северовостокзолото» создается РЭУ «Магаданэнерго», подчиненное Главсеверовостокэнерго. Управляющим был назначен А. Н. Осмоловский.

19 октября 1965 г. СМ СССР принял Постановление о строительстве на Чукотке Билибинской АЭС. 5 января 1966 г. бюро ОК ВЛКСМ объявило строительство БАЭС ударной комсомольской стройкой.

Важным этапом развития энергетики явились строительство и ввод в эксплуатацию в 1968 г. ЛЭП-110 Усть-Омчуг – Палатка, завершившей создание объединенного энергоузла центральных районов области.

По объективным причинам энергетика Магаданской области в этот период и в дальнейшем не входила в единую энергосистему страны и опиралась в основном на местную топливную базу.

В структуре ТЭК важное место занимали местные энергетические ресурсы, и в первую очередь уголь.

В 1955 г. Управление «Дальстройуголь» было ликвидировано в связи с неудовлетворительной финансовой деятельностью. Угольные предприятия передавались энергоуправлению, в составе которого был организован угольный отдел. В 1957 г. в связи с созданием Магаданского совнархоза организуется Топливно-энергетическое управление, ведавшее работой шахт и других служб, связанных с добычей угля. Одновременно организуются Беринговское и Анадырское шахтоуправления.

В 1963 г. Топливно-энергетическое управление упраздняется. Угольные предприятия вошли в состав Северо-Восточного СНХ и организованного на Чукотке Восточно-Чукотского ГПУ.

В 1965 г. система ТЭК была вновь реорганизована. Совет народного хозяйства Северо-Восточного экономического района 19 октября 1965 г. постановил организовать с 20 октября хозрасчетный угольный трест «Северовостокуголь».

6 августа 1966 г. трест был передан в Министерство угольной промышленности СССР.

Добыча угля в Магаданской области велась на Аркагалинском (начата в 1938 г.), Галимовском (1942 г.), Анадырском (1932 г.) и Бухта Угольная месторождениях. В отдельные периоды разрабатывались Эльгенское (1939–1956 гг.), Первомайское (1943–1945 гг.), Мелководненское (1943–1947 гг.) и Хасынское (1939–1950 гг.)[105].

В границах Аркагалинской угленосной площади (бассейн р. Аян-Юрях – 60 км в длину при ширине от 3 до 10 км) имелись два обособленных месторождения угля – Верхнеаркагалинское и Нижнеаркагалинское. Общие запасы определялись в 1 млрд т.

Аркагалинский уголь являлся основой топливной базы промышленности, энергетических предприятий и жилищно-коммунального хозяйства области. Однако во второй половине 50-х гг. доля аркагалинского угля уменьшилась за счет освоения Ланковского месторождения и ввода в эксплуатацию линии электропередачи Аркагала – Усть-Нера.

Мощность Эльгенского месторождения бурых углей (бассейн р. Эльген, около 3 млрд т) оценивалась в 100–150 м, но из-за низкого качества (высокая зольность – 40%, влажность 45–50%, низкая калорийность) и ликвидации ряда оловорудных предприятий в это время оно не имело перспективы. По оценкам геологов, месторождение представляло определенный интерес крупными запасами рассеянных элементов.

Консервация Эльгенского и Первомайского месторождений была связана с закрытием предприятий Юго-Западного ГПУ, а Хасынского и Мелководненского – из-за низкой рентабельности и в связи

---

[105]*Глазунов И. Л.* Развитие угледобывающей промышленности Северо-Востока (1946–1958). – С. 128–135.

с увеличением завоза высококачественного угля с Сахалина с 37 тыс. т в 1950 г. до 118 тыс. т в 1957 г. Доля привозного угля составляла около 24% от потребности[106] (табл. 53).

Таким образом, в середине 50-х гг. на Колыме уже была создана основа для дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса Магаданской области.

Однако шахты на всех угольных месторождениях были заложены без проектов, часто на недоразведанных участках, с неутвержденными запасами. Капитальные вложения в угольную промышленность области составляли не более 20–25% от сравнимых показателей в центральных районах страны. Поэтому в конце 50-х – начале 60-х гг. в отрасли наблюдался застой и добыча угля колебалась от 900 тыс. т до 1,5 млн т, из которых более 1 млн т приходилось на Аркагалинский бассейн.

Таблица 53

Добыча угля по месторождениям, тыс. т

[ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 341, л. 273]

Месторождение	1938 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Аркагалинское	8,4	59,0	225,0	399,1	578,6	604,9	618,0
Галимовское	–	–	30,7	49,9	44,0	37,6	35,5
Эльгенское	–	5,4	169,3	248,8	235,1	17,4	–
Бухта Угольная	–	–	39,0	91,0	127,7	119,3	145,8
Анадырское	20,0	20,0	30,0	40,0	39,1	51,5	46,2
Первомайское	–	–	21,1	20,4	5,1	–	–
Мелководненское	–	–	24,4	–	–	–	–
Хасынское	–	65,1	36,6	6,3	–	–	–
Всего	28,4	149,5	603,2	855,4	1029,6	830,6	845,5

В то же время на шахтах отмечался большой уровень непроизводительных отходов. Например, в 1967 г. на месторождениях Анадырское и Бухта Угольная было добыто 380 тыс. т и на Галимовском 50 тыс. т. При этом эксплуатационные потери составили 750 тыс. т, или 33% отработанных запасов. Особенно большие потери при отработке мощных пластов угля были на Анадырском и Галимовском месторождениях – 66%.

Такой уровень не обеспечивал потребности предприятий, что вело к увеличению ввоза угля из других районов Дальнего Востока: Приморья, Сахалина, Якутии. Ежегодно завозилось 500–600 тыс. т.

К концу 50-х гг. производительность труда на шахтах области превышала средний уровень по стране – в Аркагалинском шахтоуправлении на 31%, на Омсукчанской шахте на 10%.

Удельный вес механизации трудоемких процессов составлял на бурении скважин 100%, на доставке угля из очистных и нарезных выработок – 95%, на погрузке угля – 70%, на подземной откатке – 96%, в том числе электровозами – 78%, транспортерами – 18% и т. д.

Однако оборудование шахт было морально и физически устарелым, поэтому с середины 60-х гг. были приняты меры по их техническому переоснащению.

На горнопроходческих работах стали применять угольные комбайны «Донбасс-1», врубовые машины КМП-2, углепогрузочные машины различных типов, электровозы, а на Беринговской шахте доставка угля полностью осуществлялась конвейерами.

В эти годы начались строительство новых шахт – «Беринговская-2» (200 тыс. т в год), «Кадыкчанская-10» (700 тыс. т) – и реконструкция разреза «Тал-Юрях». В результате добыча угля возросла на 27%.

Во второй половине 60-х гг. шахты превратились в высокомеханизированные предприятия и достигли уровня механизации предприятий угольных районов страны. Шахта «Кадыкчанская-10» являлась единственной в мире, где при «сухой» технологии (без применения гидромеханизации) была практически осуществлена безлюдная выемка пологопадающих пластов.

В 1966 г. все угольные предприятия Колымы и Чукотки (шахты «Кедровская-6», «Анадырская-3», «Беринговская-2», «Омсукчанская-5» и разрез «Тал-Юрях») вошли в состав треста «Северовостокуголь» Министерства угольной промышленности СССР.

Высокий уровень механизации производственных процессов позволил увеличить добычу угля в 1,5 раза, производительность труда – в 1,6 раза, при этом количество шахт сократилось с 15 до 6, среднесуточная нагрузка на одну шахту увеличилась с 215 т в 1957 г. до 960 т в конце 60-х гг.

В 1957 г. на разрезе «Тал-Юрях» началось внедрение открытого способа добычи угля, чему способствовало неглубокое залегание угольных пластов. Для добычи 1 т угля требовалось вскрыть не более 1м^3 торфов, что являлось огромным преимуществом.

На разрезе применялись тяжелые бульдозеры, большегрузные самосвалы БелАЗ-540, высокопроизводительные буровые станки СВБ-2 и другая современная техника.

---

[106] *Бацаев И. Д.* Народнохозяйственный комплекс Магаданской области (50-е гг. XX в.) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. – 2006. – № 1. – С. 76–86.

В результате темпы роста добычи угля на разрезе возросли с 57 тыс. т в 1957 г. до 600 тыс. т в 1970 г.[107]

Наряду с угольной промышленностью в 50–60-е гг. получила дальнейшее развитие местная металлообрабатывающая промышленность.

1 июня 1957 г. Управление заводами Дальстроя было ликвидировано, а предприятия передавались совнархозу. В 1963 г. в процессе концентрации производства и управления создается Управление машиностроения Северо-Восточного совнархоза, в состав которого вошли Магаданский механический завод, Марчеканский, Спорнинский, Ягоднинский, Сусуманский, Чаунский ремонтно-механические заводы.

В 1969 г. Управление машиностроения и главного механика были подчинены объединению «Северовостокзолото».

В период образования области в комплекс, обслуживающий основное производство, входили восемь предприятий, в том числе четыре механических завода (Оротуканский, Спорнинский, Ягоднинский, Сусуманский), ЦРММ Тенькинского ГПУ в пос. Усть-Омчуг и три автобазы в пос. Палатка, Атка, Берелех.

В связи с закрытием и консервацией ряда производств в 1953–1955 гг. были ликвидированы ЦРММ в пос. Нексикан и мелкие приисковые ремонтные мастерские, а Омсукчанская ЦРММ реорганизована в рудничные мастерские.

Самым крупным ремонтно-механическим предприятием центрального промышленного района области являлся Оротуканский завод горного и обогатительного оборудования, производивший капитальный ремонт геологоразведочного, электротехнического, металлорежущего оборудования и мартеновскую сталь. Кроме этого, на заводе был налажен выпуск всех видов запасных частей для драг, бульдозеров и других землеройных машин и механизмов. Металлургический цех мощностью до 1000 т стали в месяц не имел аналогов на всем Северо-Востоке России.

Спорнинский АРЗ специализировался на капитальном ремонте карбюраторных грузовых автомобилей. На нем ремонтировалось до 1500 автомашин и 1000 моторов. Завод обслуживал автопредприятия не только Магаданской области, но и северо-восточных районов ЯАССР. В середине 60-х гг. на заводе имелось 200 станков различных марок и 39 ед. кузнечно-прессового оборудования. Кроме авторемонта, на САРЗе было налажено изготовление прицепов и кузовов для автомобилей ЗИЛ-150.

Сусуманский и Ягоднинский заводы, расположенные в непосредственной близости к горным предприятиям, в основном специализировались на ремонте горного оборудования и выпуске запасных частей, в том числе для дизелей.

Достаточно широкая номенклатура изделий и производственные мощности ремонтно-механических заводов в целом обеспечивали нужды горной промышленности и транспорта. В то же время исследования актов приема-передачи указывают на то, что техническая оснащенность этих предприятий из-за большой изношенности, моральной устарелости, разнотипности станочного парка и дефицита электроэнергии находилась на низком уровне.

Производственные помещения, построенные хозяйственным способом, без проектной типовой документации, с нарушениями строительных и санитарных норм, требовали коренной реконструкции и значительных капитальных вложений.

В дальстроевский период эта проблема в определенной мере нивелировалась за счет массового применения труда заключенных, но после амнистии 1953 г. задача механизации и технического переоснащения приобрела первостепенное значение. Темпы модернизации этого важного сектора промышленности, тесно связанного с основным производством, сдерживались рядом объективных и субъективных причин.

Секретарь ОК КПСС П. Я. Афанасьев в своем обращении в бюро ЦК КПСС по РСФСР к А. Б. Аристову подчеркивал, что в 1955–1960 гг. более 55% народнохозяйственных грузов, в том числе промышленные стройматериалы и техническое оборудование, доставлялись с большими нарушениями установленных правительством сроков [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 360, л. 154].

«В результате неудовлетворительного планирования завоза оборудования был нанесен огромный ущерб государству» [Там же. Д. 64, л. 81].

Излишки ненужного оборудования составляли 164 млн руб., и в то же время в область продолжали поступать непрофильные машины и механизмы, в том числе зерносушилки, зерноочистители, паровозы, металл, в огромных количествах серная кислота и т. д. Доставленные по «ошибке» грузы возвращались из Певека, Анадыря в порт Нагаево и далее во Владивосток и Находку.

Для эффективного развития ремонтной и металлообрабатывающей промышленности в середине 60-х гг. требовалось построить 50 тыс. $м^2$ производственных площадей и заменить более 2500 устаревших станков и единиц кузнечно-прессового оборудования.

---

[107]*Глазунов И. Л.* Технический прогресс в угольной отрасли Северо-Востока в 60–80-е гг. // История археологии, этнография Северо-Востока России. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 163, 164; *Он же.* Развитие угледобывающей промышленности Северо-Востока (1959–1970 гг.) // Краевед. зап. – Магадан : Кн. изд-во, 1988. – С. 52–59.

Проблема обеспечения и снабжения промышленного комплекса усугублялась состоянием автомобильного транспорта. Уже в 1949 г. на совещании в МВД СССР отмечалось, что *«в последние годы создалось исключительно тяжелое положение с перевозками в связи со значительным удлинением расстояний перевозок от Магадана до промышленных предприятий (от 100 до 1500 км). Автотранспорт стал узким местом. Выходом из создавшегося тяжелого положения... может служить строительство узкоколейной железной дороги на местном минеральном топливе»* [ГАМО, ф.р-23сч, оп. 1, д. 226, л. 73].

Кризис автотранспорта был обусловлен отсутствием запчастей, автопокрышек и крайней изношенностью грузовых автомобилей. Ежегодно простаивали более 25% автомобилей высокой проходимости и грузоподъемности американского производства, полученные по ленд-лизу, – «Студебеккер» и «Даймонд», составлявшие основу автопарка. В результате резко возрастали нагрузка и интенсивность эксплуатации исправных автомобилей. Местные рационализаторы наращивали на них дополнительные борта, увеличивали количество прицепов, нарушая все технические нормы.

Другой причиной быстрого выхода из строя грузовых автомобилей являлось плохое состояние дорожной сети. Общая протяженность автодорог области составляла 4,1 тыс. км, в том числе содержащихся за счет союзного бюджета – 3,5 тыс. км.

Автодорога Магадан – Берелех – Кадыкчан – Делянкир (864 км) соединяла основные предприятия Колымо-Магаданского экономического района с г. Магаданом и портом Нагаево. Продолжением этой трассы являлся участок Делянкир – Усть-Нера – Аляскитовый (304 км), связавший Верхне-Индигирский район ЯАССР с Колымо-Магаданским.

Основные дороги с твердым покрытием находились в наиболее промышленно развитых Ягоднинском, Сусуманском и Тенькинском районах. На строительстве и обслуживании дороги было занято более 1800 чел. (0,4 чел. на 1 км). Большая численность персонала объяснялась не только неудовлетворительным техническим состоянием большинства автодорог, но и отсутствием необходимого количества дорожной техники*.

С образованием Магаданской области план по строительству железных дорог, включавший в себя прокладку путей на участке Магадан – Аркагала (700 км) – Таскан (180 км) и далее от Эльгена до Нижнего Сеймчана с выходом на судоходный плес р. Колыма, с экономической точки зрения оказался нереальным.

В то же время в середине 60-х гг. наиболее актуальной проблемой являлось соединение основных промышленных районов Северо-Востока с железнодорожной сетью страны путем строительства Северо-Восточной железнодорожной магистрали БАМ – Чульман – Алдан – Томмот – Якутск – Хандыга – Аркагала – Магадан протяженностью 3,1 тыс. км. По объективным причинам этот проект не был реализован.

Поэтому, несмотря на сложившуюся ситуацию, основную роль в снабжении районов Колымы по-прежнему играл автомобильный транспорт. В 1957 г. им было доставлено около 11 млн т различных грузов – 99% внутренних грузоперевозок.

В 60-е гг. автопарк переоснащался новыми автомашинами высокой проходимости и грузоподъемности (3–4,5 и 5–50 т) отечественного производства, что значительно повысило эффективность грузоперевозок.

Однако в целом автопарк по ходовым, техническим качествам и оборудованию кабин не был приспособлен для эксплуатации в условиях Крайнего Севера, что создавало серьезные трудности в его обслуживании и значительно снижало экономическую эффективность. Кроме этого, из-за плохого состояния дорог скорость движения большегрузных машин на трассе не превышала 30 км/ч, а непроизводительные простои составляли 10–15%.

Во второй половине 60-х гг. планировалось значительно расширить сеть дорог с твердым покрытием, оборудовать их ремонтными мастерскими, заправочными пунктами, помещениями отдыха для водителей и пассажиров. Большое значение придавалось созданию Северо-Восточной магистрали Большой Невер – Якутск – Магадан общей протяженностью 3475 км.

Речной транспорт из-за сложностей судоходства по внутренним рекам, отсутствия оборудованных затонов и ремонтных баз не получил достаточного развития и в 50-х – начале 60-х гг. применялся для перевозки пассажиров и в незначительных объемах угля и леса.

Во исполнение Постановления СМ СССР от 29 мая 1954 г. № 1044 Министерство морского флота СССР организовало специальный морской пункт в Анадыре, а с 5 июля 1955 г. Сахалинское пароходство предоставило пароход «Глинка» для прибрежного плавания по линии Балаганное – Магадан – Гижига с заходом в национальные районы – Северо-Эвенский и Ольский. Управление автотранспорта получило два рейдовых катера, которые начали пассажирские рейсы по линии Магадан – Ола и Магадан – Балаганное.

---

*На Аляске плотность персонала при интенсивности движения до 8000 автомобилей в сутки составляла 0,1 чел. на 1 км.

Решением облисполкома № 227 от 14 июля 1954 г. пароходам, курсировавшим по р. Колыма в Среднеканском районе, предписывалось делать обязательные остановки в Сеймчане, Усть-Среднекане, Суксукане, Балыгычане, а также в Зырянке (ЯАССР).

Кроме этого, в рыбной промышленности имелось 287 самоходных судов, но из них только 122 были пригодны для эксплуатации, а 165 подлежали списанию в 1958 г.

Важное значение для развития экономики области имели значительные лесные ресурсы. Лес широко использовался в горнодобывающей промышленности, строительстве, а также в качестве топлива.

В 30–40-е гг. исследования лесов не были систематизированы, и только в 1953 г. впервые создаются схематические карты и разработан проект их перспективного использования. Этот проект основывался на данных таксации с воздуха верхнеколымских и охотских лесов на площади 42,3 млн га, проведенной в 1956 г. экспедицией Ленинградского аэрофото-лесоустроительного треста. В процессе исследований было установлено, что лесные массивы Колымы составляют более 224 млн м^3, из которых только 96 млн м^3 были пригодны для распиловки и строительства[108].

В период бурного подъема горнодобывающей промышленности и дорожного строительства в результате сплошных вырубок оказались почти полностью обезлесенными районы индустриального освоения – вся зона Колымской автомагистрали и район, окружающий Магаданский промышленно-транспортный центр.

Экологии Колымы в ряде мест был нанесен большой ущерб. Например, сплошные рубки леса на побережье Охотского моря, производившиеся с 1932 г., отрицательно отразились на развитии сельского и промыслового хозяйства и оленеводства. Кроме этого, они влияли и на изменение климатических условий. Леса побережья сдерживали проникновение туманов с моря в глубинные районы суши, снижали силу ветров, защищали почву от эрозии. В районах разработки месторождений золота и олова, а также в местах дислокации лагерей местность представляла собой лунный ландшафт.

В 1956 г. в целях усиления контроля за рациональным использованием и восстановлением лесного фонда создается Управление лесного хозяйства и организуются четыре лесхоза: Магаданский, Берелехский, Оротуканский и Сеймчанский.

В 1956–1960 гг. на территории области заготовка и вывоз дров увеличилась с 15 до 160 тыс. м^3, а деловой древесины до 200 тыс. м^3 [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 153, лл. 73, 74].

В 1960–1965 гг. средний объем заготовок древесины составлял 543 тыс. м^3, в том числе деловой – 237 тыс. м^3. За 15 лет в центральных районах области вырубили около 10 млн м^3 леса. Практически был уничтожен товарный лес в Сусуманском, Ольском, Ягоднинском, Хасынском и Тенькинском районах, где после интенсивной рубки остались только мелкие лесные участки, не имевшие промышленного значения. Заготовка и вывоз товарной древесины из Магаданской области постоянно сокращались (в 1940 г. – 1279 тыс. м^3, в 1950 г. – 533, в 1960 г. – 256, в 1965 г. – 242 тыс. м^3).

В то же время на 1 января 1966 г. в области числилось спелых и перестойных насаждений свыше 700 млн м^3, в том числе лиственницы более 460 млн м^3, но они находились в труднодоступных районах и их заготовка требовала значительных затрат. Поэтому деловая древесина завозилась из Хабаровского края, а в промышленных районах продолжалась бессистемная вырубка, значительно превышавшая установленные объемы.

Магаданский облисполком разработал комплексную программу рационального лесопользования, восстановления лесов, создания природоохранных зон вокруг рабочих поселков и г. Магадана и неоднократно обращался в правительство с обоснованием необходимости повышения статуса лесов области, но это начинание в тот период не нашло поддержки.

В связи с демонтажем промышленно-лагерной системы Дальстроя в Магаданской области произошли значительные количественные и качественные изменения в сфере трудовых ресурсов. Активная миграция населения в 50-е гг. в определенной степени дестабилизировала народнохозяйственный комплекс во всех отраслях экономики.

Квалифицированные специалисты из числа амнистированных, бывших заключенных, спецконтингента, с которых были сняты все ограничения, в основном покидали Колыму, а программа по привлечению договорников ежегодно срывалась из-за недостатка финансовых средств.

Для решения кадровых вопросов и реабилитации бывших заключенных была создана специальная комиссия, которая столкнулась с рядом проблем, связанных с амнистией. В частности, это касалось исчисления трудового стажа и выплаты компенсаций договорникам, оставшимся в Дальстрое.

Чтобы точно передать суть проблемы, приведем выдержки из стенограммы заседания комиссии облисполкома по юридическим вопросам.

---

[108] *Глазунов И. Л.* Возникновение и развитие лесной промышленности Северо-Востока России с начала освоения края и до середины XX в. // Исторические аспекты Северо-Востока России : экономика, образование, колымский ГУЛАГ. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 73–78.

«П. Я. Афанасьев: "Получается так... рабочий на заводе № 2 отбыл здесь около 20 лет, месяц назад получил полную реабилитацию. Здесь он потерял здоровье, туберкулезник. Он говорит: "Разрешите мне поехать в отпуск на всех законных основаниях". Сам он из Иркутска. Ему говорят: "Вам не положено, отработайте 3 года". Надо же привести в соответствие, раз человек отработал, дайте ему справку. А мы людей мучаем...".

Устименко (УСВИТЛ): "Здесь вот в чем дело: учетные карты велись с 1939 г. по 1941 г. на каждого заключенного. Какие зачеты давались, все это отмечалось. Началась война, зачеты были отменены, и так до конца войны, даже до 1947 г. зачеты не получали.

Вот почему у нас (УСВИТЛ) можно получить справку по 1941 г., а с 1941 г. никаких данных нет. ...Но к этому надо сказать, что, пользуясь тем, что с 1941 г. данных о работе нет и в связи с введением нового положения о пенсиях на льготных условиях, все стали горняками и шахтерами. Под этой маркой идут те, кто в шахте не работал".

Ветсур (нач. планового отдела УСВИТЛа): "Вопрос стоит о периоде 1941–1947 гг. ...В большинстве лагерей о нем никто как следует не помнит, а если даже и помнят, то все равно в архивах-то не велось учета, на каких работах, работал и работал ли он вообще... статистические карты производственного травматизма не заполнялись и установить что-нибудь очень трудно".

Минхин (член комиссии): "Есть указание такого порядка – бывшие спецпереселенцы, заключившие договора на 3 года, после окончания срока найма получают при увольнении единовременное пособие... те, которые не заключали договора, сколько бы они ни проработали, они ничего не получают"» [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 217, лл. 3, 4, 6–8].

Вот такая была ситуация с людьми, незаконно репрессированными, прошедшими колымские лагеря, реабилитированными и в конечном итоге вновь оказавшимися юридически неполноценными. Государство в очередной раз «простило им все».

В качестве некоторого отступления следует отметить, что изменение внутриполитического курса, амнистия и т. д. не повлияли на психологию людей, стоявших у кормила власти.

Например, при разборе заявления Чилихиной (жительница г. Магадана) в комиссии облисполкома состоялся такой разговор, больше похожий на допрос в органах НКВД.

«Чилихина: Сейчас занавес приподнят, в нашей стране... показывают, как и что за границей живут. Правильно, пусть русские люди знают, как живут там. Возьмите журнал "Америка", его раньше не получали, его мало дают, но сейчас он уже есть, а раньше... мы могли знать только о том, что официально нам преподносили, а сейчас мы знаем, что действительно там есть.

Абабков: Каким путем все узнаете?

Чилихина: Это в журнале есть.

Чистяков: Клеветы на Советский Союз в журналах очень много.

Чилихина: Я знаю, что наши магаданские рабочие живут очень плохо.

Абабков: Назовите факты. Фамилии.

Чилихина: Вы всегда говорите – назовите фамилии. А вот вы садитесь в машину, в любой барак зайдите и любую семью возьмите!

Обмен мнениями.

Чугуев: Она заявила, что здесь столыпинский режим... Нет ли... элементов клеветы, которые дают основания для привлечения ее к уголовной ответственности? ...Мне думается по вопросу гр. Чилихиной надо поручить областному прокурору поглубже разобраться с этим делом. ...Нас прощупывают таким методом, как мы будем реагировать. Если будем спускать, появятся еще облажники, клеветники на нашу советскую действительность.

Афанасьев: Вы послушайте, что она говорит. Нечего с ней цацкаться, таких наглецов мы не можем терпеть. ...Она физической работой не занималась, заставить ее надо, пусть пойдет, возьмет кирку или штукатуром пойдет, тогда она по-другому будет рассуждать, а сегодня закормили ее на советских хлебах, она теряет всякую меру» [Там же. Д. 217, лл. 17, 21, 22, 32, 42].

По состоянию на 1 января 1957г. в области числилось 119 603 рабочих и служащих*, в том числе 23 227 руководящих работников и специалистов. Из них имели высшее образование 5510 чел. (23,7%), среднее специальное – 7872 чел. (33,9%), а 9845 чел. занимали руководящие посты без должной подготовки, из них значительная часть – 5837 чел. даже не имели законченного общего среднего образования и 1180 чел. – ниже семиклассного [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 56, л. 35].

Так, в целом по промышленности из 5395 специалистов только 20% (1096 чел.) имели высшее образование, в строительстве из 926 чел. – 23% (215), в геологоразведке из 2372 чел. – 28% (663). Наиболее сложная ситуация была на воздушном (5%), автомобильном (13%), водном (12%) транспорте и связи (6%).

*На 1 января 1953 г. в Дальстрое работали 336,9 тыс. чел., в том числе 161,5 вольнонаемных и 175,4 заключенных.

В социальной сфере положение было несколько лучше. Существовавшая сеть учебных заведений в целом удовлетворяла потребности в педагогических, медицинских, сельскохозяйственных и торговых специалистах среднего звена*.

Кроме этого, в 1954–1955 гг. в область прибыло 1500 специалистов этого профиля с высшим и средним образованием. Однако были серьезные проблемы с закреплением кадров. В справке в Госплан РСФСР Ф. В. Гармонову подчеркивалось, что, *«имея плохие жилищно-бытовые условия, специалисты по истечении трех лет, получив опыт работы, стремятся выехать из области»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 56, л. 19].

Текучесть кадров в целом по промышленности за 1959–1963 гг. увеличилась в среднем с 19 до 24,3%, а в основном производстве достигала 41,8% (1964 г.).

Прибытие рабочих по оргнабору в 1965 г. по сравнению с 1962 г. сократилось с 11 тыс. чел. до 4118 чел. Из 58 980 рабочих только 31 742 чел. проживали вместе с семьями. Таким образом, на первый план выходила проблема развития социальной сферы.

В 1966 г. на предприятия Северовостокзолота были приняты 10 273 чел. и уволено 9886 чел., в 1967 г. – соответственно 12 506 и 11 458 чел. По управлениям за 1967 г. : Чаун-Чукотское – принято 2604, уволено 2141, Ягоднинское – 2203 и 2191, Сусуманское – 2466 и 2488, Тенькинское – 2025 и 2017, Билибинское – 2094 и 1634, Омсукчанское – 272 и 256, Восточно-Чукотское – 842 и 731[109].

Следует отметить, что на специалистов и рабочих из числа коренного населения не распространялись льготы по оплате труда, действующие на Крайнем Севере для приезжих.

Кадровая проблема в народнохозяйственном комплексе несколько смягчалась продолжавшейся реконструкцией горнодобывающей промышленности и вспомогательного производства.

В целом в середине 60-х гг. хозяйственный комплекс Магаданской области характеризовался, во-первых, наличием районообразующих промышленно-транспортных энергетических узлов в южной части территории и отдельных очагов освоения в Чукотском национальном округе; во-вторых, региональной замкнутостью и узким профилем производственной специализации – добыча золота, олова, носившая сезонный характер; в-третьих, высокой затратностью перевозок морским и автомобильным транспортом технических грузов, оборудования, жидкого топлива и практически всей номенклатуры товаров народного потребления.

Кроме этого, несмотря на ряд мер по привлечению квалифицированной рабочей силы, кадровая проблема обеспечения основного и вспомогательного производства, транспорта, а также вновь создаваемых управленческих структур оставалась не решенной.

В то же время Магаданская область располагала значительными минерально-сырьевыми и биологическими ресурсами, что позволяло при рациональном использовании природных богатств, техническом переоснащении основных отраслей народного хозяйства не только повысить эффективность базовой промышленности, но и осуществить структурную реорганизацию экономики.

В начале 60-х гг. в народнохозяйственном комплексе Магаданской области по объективным причинам сохранялась тенденция постдальстроевского инерционного развития и в то же время шел интенсивный процесс оптимизации в горной, угольной промышленности, энергетике и вспомогательном производстве на наиболее перспективных, экономически обоснованных направлениях.

3.3. Создание социальной инфраструктуры

С образованием Магаданской области органам власти и управления предстояло решить в сжатые сроки целый комплекс задач социально-экономического характера – ликвидировать лагерную структуру и на основе имевшихся ресурсов создать условия для развития местной промышленности, жилищного строительства, сельского хозяйства, а также здравоохранения, просвещения, службы быта и т. д.

О состоянии социальной сферы области секретарь Магаданского ОК КПСС Т. А. Абабков писал Н. С. Хрущеву: *«Из 106 поселков, где живут рабочие, только 14 имеют водопровод, в 22 нет бань, а в 66 бани находятся в полуразвалившемся состоянии, в 108 нет прачечных. Обеспеченность жилой площадью в большинстве поселков не превышает 3 кв. м на 1 чел., а ввод жилой площади не обеспечивает даже вновь прибывающих работников. Более 12 тыс. чел. проживают в каркасно-засыпных землянках, находящихся на грани разрушения и подлежащих сносу. В 1954 г. 7 тыс. чел. вообще не имеют жилья.*

---

*В 1954–1955 гг. в области были открыты две медицинские школы (пос. Дебин, Анадырь), педагогическое училище, сельскохозяйственное отделение при горно-геологическом техникуме и строительная школа Министерства трудовых ресурсов в Магадане, школа торговых работников для народностей Севера в пос. Анадырь.

[109] *Демидов Ф. И.* Об использовании трудовых ресурсов в горной промышленности // Проблемы развития производительных сил Магаданской области : Материалы Второго науч. совещ. по проблемам развития и размещения производительных сил Магаданской области, 3–5 июня 1968 г. – Магадан : СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1969. – С. 241.

Большое количество рабочих, специалистов и служащих, прибывающих в Магадан, месяцами живут в так называемых "транзитках", представляющих совершенно непригодные для жилья бараки из мохоплит, оборудованные двухъярусными нарами» [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 58, л. 1].

Лагерная специфика Дальстроя являлась серьезной проблемой, затруднявшей динамичное развитие социальной сферы и экономики области.

В решении Магаданского облисполкома № 192 от 3 июня 1954 г. была сформулирована главная тактическая задача, которая заключалась в том, чтобы *«обеспечить безусловное выполнение всех заданий на 1954 г., вытекающих из Постановления СМ СССР и ЦК КПСС о развитии сельского хозяйства, расширении производства промышленных товаров широкого потребления, продовольственных товаров и о развитии советской торговли»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 14, л. 5].

Для этого было необходимо разработать и осуществить мероприятия по расширению и организации новых производств на базе местного сырья, а также по коренному улучшению социально-бытового обслуживания населения.

В комплексе социальных проблем приоритетом пользовалось жилищное строительство и создание сети медицинских учреждений, которые в лагерной системе имели самую примитивную материальную базу. Без качественной медицинской помощи находилось не только взрослое население, но и дети заключенных, содержавшиеся в детских домах.

В марте 1952 г. министр МВД СССР С. Н. Круглов писал И. Ф. Митракову, что *«в домах младенца лагерей Дальстроя детям заключенных-женщин не созданы надлежащие условия содержания. Жилая площадь на одного составляет от 2,3 кв. м до 3,5 кв. м, а в домах младенца комбината № 1 и Индлага она равна 1,5 кв. м вместо 4-х кв. м»* [ГАМО, ф.р-23сс, оп. 1, д. 259а, л. 64].

В ходе проверки было установлено, что Дома младенца недостаточно обеспечены посудой, твердым и мягким инвентарем; они плохо снабжаются, в том числе топливом.

Были отмечены факты содержания детей в возрасте до 2 лет в неприспособленных помещениях – секциях жилых бараков. В 1949 г. в Домах младенца умерло 220 детей, из них 127 (60%) от бронхопневмонии [Там же. Л. 19].

Например, в считавшемся наиболее благополучном Доме младенца Маглага температура воздуха в детских комнатах не поднималась выше +10°С. *«Неудовлетворительные условия содержания детей привели к высокой заболеваемости и смертности»* [Там же]. За 1951 г. каждый ребенок переболел в среднем более 2 раз. Причем по отношению к среднему списочному количеству детей воспалением легких заболели 35%, дизентерией – 42%, диспепсией – 23,8%, скарлатиной – 11,2%, гриппом – 11,8%, коклюшем – 4,7% и чесоткой – 7,6%.

В результате только за 11 месяцев 1951 г. в Домах младенца Дальстроя умерло 197 детей, что составляло 14,5% к среднесписочному количеству, в том числе от воспаления легких – 49,6%, дизентерии – 20,8%.

Средние показатели смертности и заболеваемости детей в Дальстрое значительно превышали аналогичные показатели по ГУЛАГу МВД и Министерству здравоохранения. Особенно неблагополучными являлись Дома младенца Эльгенлага, Юзлага, Заплага, Тасканлага и Маглага. При вместимости 1100 чел. в этих домах содержалось более 1500 детей.

В конце 1951 – начале 1952 г. часть детей вывозились в Хабаровский край, но их транспортировка была организована неудовлетворительно.

Так, из 135 детей, доставленных из Берлага в Озерный ИТЛ, 25 потребовалось немедленное госпитальное лечение, двое детей умерли, многие оказались больны острыми детскими инфекциями: скарлатиной, дифтерией, корью.

С. Н. Круглов отмечал, что *«все эти факты свидетельствуют о том, что со стороны руководства Дальстроя не проявляется должной заботы о детях заключенных-женщин... МВД СССР считает такое положение нетерпимым и предлагает принять срочные меры к созданию надлежащих условий размещения детей, наведению должного порядка в условиях их содержания, снижению заболеваемости и смертности и улучшению лечебно-профилактической работы в домах младенца»* [Там же. Л. 65].

Однако к 14 мая 1952 г. был разработан лишь план мероприятий, а практически ничего не изменилось. Ситуация стала разрешаться естественным путем вследствие амнистии 1953 г.

8 июля 1953г. был издан приказ начальника СДС ММП СССР № 0327 «О сокращении сети Домов младенца Дальстроя». В нем отмечалось, что в связи с Указом ПВС СССР от 27 марта «О амнистии» ликвидируются Дома младенца Транзитного отделения, Маглага, санотделов ЗГПУ, ИГПУ, Приморского управления, Ванинского управления, УПХ (совхоз «Дукча»), Янстроя. В системе УСВИТЛа оставались Дома младенца: «Снежная долина» (150 коек), совхоз «Эльген», «Таскан», «Балаганное», В. Сеймчан и при санотделе ТГПУ – «Дусканья», «Коцуган».

Эта проблема была решена только после образования Магаданской области благодаря резкому увеличению государственных ассигнований.

Зав. отделом здравоохранения области А. С. Денисов отмечал в докладе, что в 1954 г. лечебные учреждения получили 1500 кроватей, мебели на 1300 тыс. руб., медицинского оборудования на сумму 2800 тыс. руб., 19 автобусов скорой помощи.

За год было открыто 19 больниц, 28 фельдшерских пунктов, и, таким образом, в области действовала 81 больница (2415 коек). В целом на развитие здравоохранения было ассигновано на 20 млн руб. больше, чем в 1953 г., а в 1955 г. планировалось вложить свыше 110 млн руб., т. е. на 30 млн руб. больше, чем в 1954 г.

Органам здравоохранения в эти годы приходилось решать целый комплекс застарелых проблем, которым раньше не придавалось большого значения.

В районах области отмечалась высокая заболеваемость туберкулезом и инфекционными заболеваниями. Заболеваемость дизентерией среди других инфекций являлась наиболее высокой. Главная причина заключалась в том, что *«население поселков снабжалось привозной водой и льдом или водой из ручьев, берега которых были загрязнены... Пили воду, взятую откуда попало»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 65, л. 117].

В 1954 г. обследование пос. Палатка, приисков им. Гастелло, «Мальдяк», «Большевик», пос. Аркагала и др. показало, что они находятся в крайне антисанитарном состоянии. В поселковых столовых Колымснаба *«властвовала нетерпимая обстановка грязи»*[110].

В Ягоднинском и Северо-Эвенском районах отмечалась вспышка кори и дифтерии.

Выборочными обследованиями выявили 556 больных с активной формой туберкулеза и 593 кожно-венерических. Ситуация с заболеваемостью населения оставалась сложной и выправлялась очень медленно.

Так, в докладе председателю Магаданского облисполкома П. Я. Афанасьеву от 11 сентября 1956 г. отмечалось: *«Анализ заболеваемости кишечными инфекциями за первое полугодие 1956 г. при пересчете на 10 000 населения показал, что Магаданская область превышает среднереспубликанский показатель в 2,5 раза. Заболеваемость острой формой дизентерии выше... почти в 2 раза»*[111].

По сравнению с 1955 г. был допущен резкий рост заболеваемости эпидемическим гепатитом (52,6%) и полиомиелитом. Особенно неблагоприятная ситуация из-за острой нехватки врачей, медикаментов, оборудования и т. д. сложилась на Чукотке. Там отмечалась массовая заболеваемость (Провиденский и Чукотский районы) туберкулезом, трихофитией среди взрослого и детского населения.

В докладе в Госплан РСФСР Н. П. Мастерову говорилось, что *«Магаданскую область необходимо считать областью с очень высокой заболеваемостью туберкулезом. При обследовании коренного населения ЧНО оказалось, что среди детей 14–15% имеют активные формы туберкулеза, а среди взрослых 10–14%. Смертность от туберкулеза в целом по области в 1958 г. возросла (к 1957 г.) на 11,1%»* [Там же. Д. 219, л. 41].

Обком КПСС и облисполком неоднократно обращались в ЦК КПСС с просьбой оказать экстренную помощь в борьбе с этим бедствием. Так, секретарь ОК КПСС П. Я. Афанасьев и зам. председателя облисполкома И. П. Чистяков в своем докладе в ЦК КПСС Е. А. Фурцевой писали, что *«заболеваемость туберкулезом коренного населения остается крайне высокой и влечет за собой большую смертность, особенно среди детей. Во многих населенных пунктах округа туберкулезом болеет более 30% населения.*

В среднем по округу заболеваемость в исчислении на одну тысячу населения в 5–6 раз выше, чем по Федерации» [Там же. Д. 220, л. 43].

Кроме этого, неблагоприятными по заболеваемости гонореей являлись Анадырский, Провиденский, Иультинский районы. В 1958 г. всего по области состоял на учете больной сифилисом 1131 чел., из них коренного населения 617 чел. Большинство венерических заболеваний фиксировались в Чукотском, Анадырском, Чаунском и Провиденском районах.

Серьезные проблемы были в снабжении поселков товарами первой необходимости и продовольствием. На пленуме ОК КПСС отмечалось, что *«у нас в национальных селах не только плохо организована торговля, но и нет борьбы за сохранность материальных ценностей. ...На глазах у партийных и советских руководителей гибнут ценности на миллионы рублей, овощи сотнями бочек сбрасывают в море, бульдозерами гонят в море промтовары и даже ящики с макаронами»* [Там же. Д. 214, л. 38].

Зато в изобилии продавались спиртные напитки. Например, в 1954 г. в область было завезено Дальстроем 817 тыс. декалитров спирта, Чукотторгом – 35, рыбкоопами – 20.

В 1955 г. лимит на спирт был снижен на 50%, но и этого было слишком много.

---

[110] *Бацаев И. Д.* Основные направления развития социальной сферы Магаданской области во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. // Вестник СВНЦ ДВО РАН. – 2005. – № 2. – С. 72–82.

[111] Там же. – С. 72.

На уровень здоровья населения в промышленных районах Колымы влияла не только бытовая неустроенность, но и состояние сферы производства, отличавшейся высоким уровнем травматизма, профессиональной заболеваемостью, в первую очередь силикозом, и отравлениями.

Запыленность и загазованность воздуха рабочей зоны на большинстве предприятий превышали допустимые нормы в десятки и сотни раз. Например, по данным СЭС в 1954–1956 гг., на Магаданском авторемонтном заводе содержание пыли в атмосфере цехов превышало нормы от 20 до 182 раз, угарного газа – в 6 раз, в цехах завода № 2 пыли – в 21 раз. В документах отмечалось, что *«такое же катастрофическое положение также царит на рудниках и дробильных отделениях обогатительных фабрик»* [Там же]. С 1956 г. в ходе реконструкции производственных помещений ситуация начала улучшаться, но в целом признавалось, что *«условия труда на силикозоопасных предприятиях остаются неудовлетворительными»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 220, л. 64]. В 1956 г. было осмотрено 4932 чел. и выявлен 201 заболевший, в 1957 г. – 2095 и 265, в 1958 г. – 4350 и 148.

Проблема здравоохранения была неразрывно связана с жилищно-бытовыми условиями.

В докладе «О мероприятиях по выполнению Постановления ЦК КПСС и СМ СССР “О развитии жилищного строительства в СССР”» констатировалось, что весь жилищный фонд области составлял около 903 тыс. м^2 и на одного жителя приходится 3,6 м^2 жилой площади. По районам обеспеченность колебалась от 1,8 м^2 в районе Восточной Тундры до 4,3 м^2 в Тенькинском районе и 4,4 м^2 в г. Магадане. Наиболее тяжелое положение сложилось в ЧНО и в Северо-Эвенском районе, а также на ряде приисков и в поселках геологоразведчиков. Из общего количества домов только 2% были каменными, (10% жилой площади), остальные деревянные, из них много ветхих и барачного типа. Центральным отоплением обеспечивалось 35% жилищного фонда, водопроводом – 19%, канализацией – 15%. В г. Магадане водопровод имели 63,5% домов, канализацию – 51,2%, центральное отопление – 67%, ванну и душ – 27%.

Одним из важных направлений решения этой социальной проблемы являлось расширение индивидуального строительства. Однако здесь отмечался не подъем, а спад.

В 1954 г. в целом по области был построен 721 дом (17,2 тыс. м^2), в 1955 г. – 161 (6,2 тыс. м^2), в 1956 г. – 136 (5,8 тыс. м^2), в 1957 г. – 50 (2,1 тыс. м^2). В 1957 г. из выделенных кредитов на индивидуальное строительство 1139,3 тыс. руб. использовали всего 461 тыс. руб.

Кроме этого, жилищная проблема обострялась из-за ликвидации ряда промышленных предприятий. Например, в связи с закрытием с 1 октября 1956 г. Эльгенского угольного района и консервацией Тасканской железной дороги занятые там рабочие и служащие были вынуждены бросить 149 жилых домов без всякой компенсации. Аналогичная ситуация складывалась и в других местах.

В этот период СМ РСФСР принял ряд важных решений по увеличению ассигнований по бюджету на развитие социальной сферы. В 1955 г. на основании Постановления СМ РСФСР № 827 от 15 марта и № 2861-р от 10 августа на жилищное строительство было дополнительно направлено 6,8 млн руб. и на финансирование строительства треста «Магаданстрой» 2585,0 тыс. руб.

В целом за счет поддержки центра бюджет Магаданской области резко увеличился.

Справка о бюджете Магаданской области за 1953–1959 гг.
[ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 108, л. 90]

Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Объем расходов всего, тыс. руб.	196 941	293 120	348 729	423 275	485 062	524 327	597 311
В т. ч. ЧНО	42 916	54 909	61 590	79 674	97 276	128 937	143 679

Таким образом, за 1953–1959 гг. бюджет области увеличился на 400 370 тыс. руб., или на 203%. Однако средства (финансы, стройматериалы и пр.), выделенные на социальные нужды, расходовались нерационально, особенно ярко это проявлялось на Чукотке.

В докладе на пленуме Магаданского ОК КПСС «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1957 г. “О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера”» говорилось, что *«до образования области промышленные предприятия ДС МВД СССР, особенно в ЧНО, были отгорожены “китайской стеной” от национальных колхозов. И если смотреть прямо в лицо действительности, то следует сказать: в то время мы имели две Чукотки – одну с развитой сетью горнопромышленных предприятий с передовой техникой; другую – Чукотку яранг и оленей, только что вышедшую в результате социалистических преобразований из первобытного состояния»* [Там же. Д. 214, л. 38].

С образованием области на Чукотке развернулось бурное строительство жилья. В 1954–1956 гг. в колхозах области было построено 13 клубов, 14 детских садов, 17 бань и 325 жилых домов, из них 251 в ЧНО.

Однако качество этих строений было очень низким. Например, в Чаунском районе построили 50 домов для колхозников, но, как отмечалось в отчете о приемке, *«жить в них нельзя, ветер и мороз в них гуляет свободно»* [Там же].

Секретарь Чукотского РК КПСС Тихненко писал секретарю Магаданского ОК КПСС Т. А. Абабкову, что *«колхозы Чукотского района испытывают крайнюю нужду в жилых домах для колхозников. В настоящее время (7 июня 1957 г.) более 80% местного населения до сих пор живут в ярангах»* [Там же. Д. 221, л. 44] (табл. 54).

Таблица 54

Обеспеченность жилищными условиями в целом по ЧНО, %

Вид жилья	Чукчи	Эскимосы	Приезжие
Яранга	89,7	50,5	–
Приспособленные домики	1,4	23,1	2,1
Стандартные дома	8,9	26,3	97,

В докладной записке начальника медицинской экспедиции Министерства здравоохранения РСФСР И. Ю. Ласкова подчеркивалось, что *«яранга – это очаг антисанитарных условий, вредящих здоровью человека. Практика говорит, что туда редко заглядывает солнце, туда часто заглядывает врач... Лесоматериал для строительства приспособленных домиков собирают из "случайных досок" – доски с разбитых кораблей»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 4, лл. 135, 136].

В то же время Стандартдомсбыт Главлесоснабсбыта завозил в область, в том числе в ЧНО, с лесозаводов Хабаровского совнархоза стандартные дома типа 3-Б-40, пригодные для жилья только в центральных районах страны и *«совершенно не пригодные в условиях ЧНО. Толщина бруса этих домов была 15 см, мягкая кровля и открытый тамбур»* [Там же. Л. 170].

Таким образом, огромные средства расходовались впустую и, естественно, никак не влияли на улучшения условий быта коренного населения. Как насмешка звучало заявление И. П. Чистякова в докладе на пленарном заседании АН СССР в 1959 г.: *«На американской выставке в Москве США не рискнули показать жилище жителей Аляски. Мы же с успехом смогли показать макеты целых колхозных поселков, таких как колхоз "Коммунист" в Алькатвааме, колхоз им. Ленина в Лорино, колхоз "Заря" в Канчалане, колхоз им. Сталина в Анадыре и многие другие»* [Там же. Д. 357, л. 3].

Строительство жилья в рабочих поселках и на центральных усадьбах колхозов велось в основном за счет привозных стройматериалов, в то время как природные ресурсы области практически не использовались, а то, что производилось на месте, было низкого качества.

На I сессии Магаданского областного Совета (18–19 марта 1955 г.) отмечалось, что *«уровень производства строительных материалов (кирпича, извести, крупнопористых бетоно-блоков и др.) у нас в области крайне низок»* [Там же. Д. 64, л. 72].

Например, в г. Магадане при годовой потребности кирпича более 20 млн шт. мощность кирпичных и шлакоблочных заводов не превышала 15 млн шт., а фактическое производство было еще ниже.

В пос. Анадырь потребность составляла 2–3 млн шт. Привозной кирпич из Приморского края обходился очень дорого и по объемам не превышал 600 тыс. шт. в год. Между тем рядом с Анадырским угольным месторождением был расположен разведанный запас жирной пластичной (лучшей в области) глины с мощностью пласта до 8 м (1,5 млн т). В 1952 г. здесь было начато строительство крупного кирпичного завода. Было затрачено около 5 млн руб. и построены: большой склад, здание конторы, бараки для рабочих, котельная, кузница, столярная мастерская. Однако в 1953 г. строительство законсервировано. По решению окрисполкома оборудование, стройматериалы были переданы разным организациям, а жилые дома перевезены в Анадырь. В 1954 г. СМ РСФСР вновь разрешил построить кирпичный завод на этом месторождении, но в дальнейшем это важное начинание не получило развития.

В целом по области, по данным Геологоразведочного управления Дальстроя, имелось более 150 месторождений сырья для строительства – глина, суглинки, сланцы, известняки и пр., но эти ресурсы не использовались. В результате складывалась такая ситуация, при которой сотни специалистов, направляемых в область, из-за отсутствия жилья оказывались в крайне тяжелом положении. Например, в 1955 г. в Магаданскую область были направлены 52 врача и 315 чел. среднего медицинского персонала (крайне необходимых), и они были вынуждены годами ютиться в бараках и приспособленном жилье. Типичная картина: *«Вот уже второй год я проживаю на 4 км 2-й Транзитный городок. На 11 кв. м с семьей в 5 чел., из них трое детей... вынужден строить трехъярусные нары... хранить здесь же запас дров... картошки, капусты и др. вещи»* [Там же].

В справке Председателю СМ РСФСР А. М. Пузанову отмечалось, что *«в Ольском и Северо-Эвенском районах имеется большое количество семей из коренного местного населения (эвены, орочи, якуты), не имеющих нормального жилья и проживающих в ветхих времянках, землянках и утепленных дерном примитивных постройках, и при такой ситуации в Ольский район для укрепления колхозов направили 137 семей спецпоселенцев»* [Там же. Д. 53, л. 19]. В решении № 334 от 29 сентября 1955 г. облисполком отмечал, что *«из 144 производственных и культурно-бытовых объектов построено только 88 и находится в стадии строительства – 61. Крайне неудовлетворительно организовано строительство жилых домов для колхозников. Из 272 домов построено 39... Особенно плохо в ЧНО. Из 227 построено только 25... из 93 культурно-бытовых объектов построен всего 41... из 7 промыслово-пошивочных мастерских – 1»* [Там же. Д. 75, л. 48].

Спустя 5 лет ситуация с жилищно-бытовым строительством оставалась на прежнем уровне, даже в наиболее благополучном г. Магадане.

В письме Председателю СМ РСФСР Д. С. Полянскому говорилось, что по состоянию на 1 января 1960 г. на каждого жителя города приходится 4,6 м^2 и более 3000 семей стоят в очереди. Значительная часть жилищного хозяйства сложилась на базе лагерных построек временного типа, выполненных из глино-мха, ящичной тары и каркасно-засыпных щитов, которые приходят сейчас в полную негодность. Всего подлежало списанию 80 тыс. м^2, из них в 1960–1965 гг. – 51 тыс. м^2, имевших более 80% физического износа.

Из-за слабости строительного комплекса выделяемые на социальные цели средства из года в год не осваивались. Например, в 1962 г. по жилищному строительству из выделенных 1431 тыс. руб. освоили 884 тыс. руб., по коммунальному хозяйству из 390 тыс. руб. – 150 тыс. руб., по школьному строительству из 1042 тыс. руб. – 618 тыс. руб., дошкольных учреждений из 500 тыс. руб. – 91 тыс. руб., учреждений культуры из 74 тыс. руб. – 57 тыс. руб.

Другой проблемой, влиявшей на процесс адаптации населения в условиях Крайнего Севера, являлось комплексное развитие местной промышленности по производству товаров широкого потребления, коммуникаций, средств связи, снабжения, торговли, сферы бытовых услуг.

Решение этой задачи осложнилось почти полным отсутствием системы управления и производственной инфраструктуры, которые начали создаваться только в 1954 г.

В соответствии с Указом ПВС СССР об образовании Магаданской области облисполком принял решение № 23 от 28 января 1954 г. «О передаче учреждений АГО ДС отделам и управлениям облисполкома».

В соответствующие отделы облисполкома передавались из ведения АГО Дальстроя: Колымский отдел народного образования, Колымский отдел социального обеспечения с домом инвалидов, отделение сельского хозяйства. Решением № 29 от 6 февраля 1954 г. на базе Санитарного управления ДС образуется областной отдел здравоохранения.

Приказом Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР № 168 от 21 июня 1954 г. (Постановление СМ СССР от 29 мая 1954 г. № 1044 и СМ РСФСР от 8 июня 1954 г. № 889) начальнику Главвостокгражданстроя М. Н. Биглеру предписывалось организовать в 1954 г. областной строительный трест «Магаданстрой» на базе ремонтно-строительной конторы Дальстроя.

9 августа 1954 г. издается приказ Министерства связи СССР № 685 (Постановление СМ СССР № 1530 от 28 июля 1954 г.) «Об организации средств связи общего пользования в Магаданской области» на основе действующих предприятий и учреждений связи Дальстроя МЦМ СССР.

В ведении Дальстроя оставались: провода и цепи селекторной связи Управления автомобильного транспорта, Управления шоссейных дорог, энергосистемы общей протяженностью 200 км проводов; телефонные цепи приисковой и внутрипроизводственной связи общей протяженностью 1184 км; 178 радиостанций, 4 радиоцентра и 73 телефонные станции, обслуживавшие прииски и другие предприятия Дальстроя.

В соответствии с Постановлением СМ СССР от 8 июня 1954 г. № 889 в г. Магадане в 1955 г. организуется областная контора, а в пос. Анадырь отделение материально-технического снабжения. На базе принятых от ДС предприятий образовали городской отдел коммунального хозяйства и районные: Ольский, Северо-Эвенский, Среднеканский, Сусуманский, Тенькинский, Ягоднинский. Летом 1954 г. в системе треста «Магаданстрой» создаются строительные управления № 1 в пос. Анадырь, № 2 в г. Магадане, строительные участки в Анюйске и Лаврентия. В соответствии с Постановлением СМ СССР от 29 мая 1954 г. № 1044 областному управлению продовольственных товаров передавались пищевые предприятия Дальстроя, в том числе Тасканский пищевой комбинат.

29 января 1955 г. решением облисполкома № 35 отдел торговли реорганизуется в областное управление торговли, а 8 октября 1955 г. организуется городская топливная контора «Гортоп», которой передавалась угольная шахта в пос. Анадырь[112].

Для наращивания производства товаров широкого потребления был принят ряд важных решений о развитии местной промышленности. Особенностями местной промышленности являлись: а) наличие местного сырья, включая отходы крупных предприятий, б) возможность реализации основной части продукции на местном рынке, в) преобладание мелких и средних предприятий со сравнительно невысоким техническим уровнем, г) подчинение в административном отношении местным органам власти. Основной тип предприятия местной промышленности – промкомбинат. Однако понятие «промкомбинат» в условия Севера не соответствовало общепринятому экономическому определению. Северные промкомбинаты не были комплексом производств, связанных между собой использованием одного вида сырья или определенного вида продукции. Эти комбинаты являлись лишь административным объединением разрозненных производств, между которыми обычно не существовало никакой технологической связи.

[112]*Бацаев И. Д.* Основные направления..., 2005. – № 2. – С. 76.

В 1954 г. во исполнение Постановления СМ РСФСР от 8 июня № 889 и приказа Министерства местной промышленности РСФСР от 15 июня № 650 Магаданским облместпромом были организованы Ольский, Чаунский и Тенькинский РПК и решением облисполкома от 18 мая 1955 г. Магаданский городской комбинат бытового обслуживания (с 1 июня 1955 г.).

16 августа 1955 г. (решение облисполкома № 301) из состава Магаданского промкомбината выделили цех массового пошива для организации Магаданской швейной фабрики, которая вошла в систему местной промышленности РСФСР с 1 января 1956 г.

В Чукотском округе до образования области было всего три РПК: Анадырский, Чукотский, Марковский. В 1954–1957 гг. организованы еще три: Чаунский (Певек), Иультинский (Эгвекинот), Восточно-Тундровый (Анюйск). В целом по области в 1953 г. было 6 РПК, в том числе 3 областного подчинения и 3 районного, а на 1 января 1958 г. действовали уже 20 предприятий местной промышленности, из них областного подчинения – 4, районного – 16, а также Магаданский горбыткомбинат.

Промкомбинаты Магаданской области

[ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 153, л. 175]

Предприятия областного подчинения	
Магаданская швейная фабрика	Ягоднинский промкомбинат
Магаданский промкомбинат	Стекольный завод
Районного подчинения	
Сусуманский РПК	Среднеканский РПК
Ольский РПК	Тенькинский РПК
Северо-Эвенский РПК	Анадырский РПК
Провиденский РПК	Чаунский РПК
Марковский РПК	В.-Тундровский РПК
Шахтоуправление	Магаданский «Гортоп»
Иультинский РПК	Беринговский РПК
Омсукчанский РПК	Лаврентьевский РПК

В 1958 г. организованы филиалы Иультинского РПК в пос. Иультин, на м. Шмидта, а также филиал Беринговского РПК в пос. Нагорный, построены и введены в эксплуатацию кожевенный цех в пос. Провидения, бытовые мастерские и пищевые цеха в пос. Анюйск, Анадырь, Эгвекинот.

В результате создания сети областных и окружных РПК удалось увеличить выпуск товаров широкого потребления, однако в целом деятельность предприятий местной промышленности характеризовалась отрицательно – высокой себестоимостью, низким качеством, узостью ассортимента.

Справка
о результатах хозяйственной деятельности предприятий
области за 1957 г., тыс. руб.

[ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 108, л. 14]

Предприятие	План	Факт	Сверхплановая прибыль или убыток
	(+ прибыль, - убыток)		
I. Заводы Совнархоза	-68192	-66007	+2185
АРЗ	-20292	-13937	+6355
Завод № 2	-740	-180	+560
Оротуканский завод	-26660	-31167	-4507
Спорнинский АРЗ	-20240	-21189	-949
Сусуманский завод	-260	+466	+726
II. Горное управление	-139506	-138283	+1223
III. Управление строительства и строительных материалов	-14735	-19584	-4849
IV. Топливно-энергетическое управление	-74490	-70720	+3770

До 1960 г. бытовым обслуживанием населения занимались почти исключительно предприятия промысловой кооперации. Началом формирования самостоятельной государственной отрасли бытового обслуживания явилось упразднение в 1960 г. промысловой кооперации и сосредоточение предприятий в составе промышленности местных Советов. В связи с реорганизацией системы управления в 1961–1962 гг. отмечался спад в развитии сферы быта. В 1966 г. с образованием республиканского Министерства бытового обслуживания РСФСР завершился процесс организации самостоятельной отрасли народного хозяйства Магаданской области. В результате объем услуг, оказываемых населению, возрос с 1020 тыс. руб. в 1959 г. до 2332 тыс. руб. в 1967 г., а в 1970 г. – до 4049 тыс. руб.

Следует отметить, что сложившаяся практика первоочередного развития промышленных объектов привела к серьезному отставанию социальной инфраструктуры.

Вторым фактором являлась низкая плотность населения, рассредоточенного на огромной территории области, и удаленность поселков от районных центров на 700–800 км и до 1,5 тыс. км от Магадана.

За 1959–1967 гг. количество поселков увеличилось с 32 до 60, из них с населением менее 3 тыс. чел. – с 11 до 25, от 3 до 5 тыс. чел. – с 14 до 21, от 5 до 10 тыс. чел. – с 6 до 11, от 10 до 20 тыс. чел. – с 1 до 3. Таким образом, почти 80% рабочих поселков имели менее 5 тыс. чел. населения, а сельские – менее 1 тыс. чел.

На многих приисках рабочие были лишены самых элементарных удобств – прачечных, парикмахерских, мастерских по ремонту обуви, пошиву одежды и т. д. Эти пробелы пытались компенсировать за счет организации ведомственных предприятий службы быта, которые создавались в объединении «Северовостокзолото», Управлении коммунального хозяйства, тресте «Северовостокуголь» и др.

С изменением контингентов населения и расширением зоны промышленного освоения резко возросло значение авиационного транспорта в налаживании устойчивой межрайонной и межрегиональной воздушной связи.

СМ СССР Постановлением от 22 февраля 1955 г. организовал на базе авиации ДС МЦМ СССР Магаданскую авиагруппу с подчинением ее Дальневосточному территориальному управлению ГВФ в г. Хабаровске. Это управление обслуживало Магаданскую и Камчатскую области и часть предприятий ДС, расположенных на территории ЯАССР. В составе управления имелись 72 самолета, из них Ли-2 – 42 шт., Ан-2 – 30 шт. Их обслуживали 23 классифицированных аэродрома, в том числе I класса – 1, II класса –1, III класса – 18, и более 30 посадочных площадок для самолетов Ан-2. На территории ЯАССР в Нижних Крестах располагался отряд полярной авиации – 15 самолетов Ли-2 и Ан-2, и аэропорты на территории Магаданской области: Певек, бух. Провидения, бух. Угольная, м. Шмидта. В 1955 г. были объединены аэропорты ДС и ГВФ и организовано регулярное пассажирское сообщение между областным центром и отдаленными районами ЧНО – селами Анюйск, Эвенск, Эгвекинот, Певек, Анадырь, Лаврентия.

В 1957–1960 гг. открыты новые посадочные площадки – в пос. Рассоха (Омсукчанский район), Тахтоямск (Ольский район), Талон, Усть-Омчуг (Тенькинский район), Армань, Оротук, Чигичинах, Курчатовский, Ягодное, Билибино, Александрово, Балаганное, Ола. На Чукотке в этот период в развитие аэродромной сети было вложено: в 1957 г. – 750 тыс. руб., в 1958 г. – 1813, в 1959 г. – 6478. Были построены: аэропорт в Анадыре (на 80 пассажиров) и летное поле размерами 1600×100 м, обеспечивающее прием самолетов Ил-2 и Ил-14 с ночным стартом; аэропорт Иультин (15 пассажиров) и полоса 1200×65 м, аэропорт Залив Креста с полосой 600×100 м, а также малые аэропорты: бух. Лаврентия, Билибино, Певек, Северо-Эвенск, Гижига, Марково*.

В составе авиагруппы появились самолеты санитарной авиации типа Ан-2 и вертолеты Ми-4 и Ми-1.

Авиация сыграла большую роль во время стихийных бедствий 1955–1956 гг.

15–20 ноября 1955 г. в результате сильных штормов подверглись затоплению села Эвенск, М. Гарманда, Наяхан, Таватум, м. Горка, Вилига; был выведен из строя весь самоходный и несамоходный флот, разбиты рыбонасосные установки, стационарные чановые емкости. В Эвенске затопило промтоварные и продовольственные склады, сорвало крыши с жилых домов и были уничтожены все запасы дизельного топлива.

С 28 октября 1955 г. по конец января 1956 г. над территорией области прошло несколько сильных циклонов с ураганным ветром силой более 40 м/с и повышением температуры до +3...+5°С. Сильными ветрами и обледенением в г. Магадане, Ольском, Северо-Эвенском, Тенькинском, Анадырском и Чаунском районах было разрушено 68 км столбовых линий связи, 16 км линий воздушного кабеля, 10 радиомачт, повреждены осветительные и силовые электрические линии и отопительная система. В результате прошедших ураганов в области погибло 16 чел. и был нанесен ущерб на сумму более 40 млн руб., в том числе предприятиям ДС – 24 млн руб., Госрыбтресту – 12,5, связи – 1,5, потребкооперации – 1,1.

Самолеты авиагруппы совершили сотни вылетов, доставляя в изолированные стихией поселки десятки тонн продовольствия и предметов первой необходимости.

В мае-июне 1956 г. в бассейнах рек Магаданской области произошло большое наводнение с катастрофическим подъемом уровня воды, достигавшим на рр. Дебин, Кулу и Берелех 5 м, а на Колыме и ряде других – до 9–10 м.

В условиях стихийных бедствий оперативное руководство было затруднено вследствие неустойчивой связи (особенно в сельской местности) с пораженными районами и отдельными поселками, а также из-за плохого состояния дорожной сети и нехватки транспорта. Проблема телефонизации и радиофикации имела приоритетное значение.

---

*В 1964 г. в области имелось 80 аэродромов, но 45 из них не соответствовали техническим нормам.

В течение 1954 г. было телефонизировано 17 сельсоветов и радиофицировано 19 населенных пунктов, в том числе 10 колхозов и 1 совхоз. Установлена радиотелефонная связь с районными центрами – Эвенском, Анюйском, Марково, Анадырем, Лаврентия.

Однако в целом по области из 380 населенных пунктов не имели связи и не были радиофицированы более 110, в том числе 26 колхозов. С 1957 г. по 1 ноября 1960 г. было построено 15 отделений связи, из них 11 домов для сельских отделений, радиофицированы 22 населенных пункта, в том числе пос. Балыгычан, 46-й км, 76-й км, 109-й км, 210-й км Омсукчанской трассы, поселки Светлый, Горелый, Стрелка, Бургали, Пешехон, Кварцевый, Б. Хатыннах Сусуманского района, Клепка Ольского района, Аврора Ягоднинского района, Нижний Детрин, Челбухан, Курчатовский, Эхба, Сталинский, Сибикталях, Токичан Тенькинского района[113].

Расширение инфраструктуры связи, радиофикация, реконструкция старых и строительство новых автодорог и развитие транспорта оказывали определяющее влияние на состояние социальной сферы, особенно в глубинных районах Колымы.

В 1959 г. в соответствии с Указом ПВС РСФСР к строительству дорог местного значения стали привлекать все предприятия области, поскольку возможности дорожного управления были очень ограничены. Основные силы и средства направлялись на строительство и ремонт дорог: Хатыннах – Таскан (50 км) Ягоднинского района, Сеймчан – Усть-Среднекан (81 км) Среднеканского района, Певек – Апапельхино (23 км) Чаунского района, Ола – Магадан – Тауйск (145 км) Ольского района, Галимый – Пестрая Дресва (122 км) Омсукчанского района. В 1960 г. в дорожном обустройстве области принимали участие 139 предприятий и организаций, что позволило повысить качество строительства дорог, поддерживать их в нормальном эксплуатационном состоянии и значительно увеличить пассажиропоток в районах Колымы.

В конце 50-х – начале 60-х гг. в результате предпринятых мер положение в социальной сфере немного улучшилось. В области были созданы и работали 224 культурно-просветительных учреждения, в том числе 79 сельских библиотек, 12 Домов культуры, 75 сельских клубов, 44 Красные яранги, 2 музея, 6 музыкальных школ, 1 музыкальное училище, 2 Дома народного творчества, 1 методкабинет, музыкально-драматический театр и народный театр.

Решением Магаданского городского Совета № 82 от 13 февраля 1961 г. областному управлению связи был выделен участок площадью 0,26 га на Комсомольской площади для строительства телецентра.

4 ноября 1966 г. вошел в строй новый типовой телецентр, а с 1967 г. началось вещание Центрального телевидения по системе «Орбита». В 1969 г. был сдан в эксплуатацию телецентр в Анадыре.

В Чукотском национальном округе, Ольском, Северо-Эвенском и Среднеканском районах действовали 61 библиотека, 10 Домов культуры, 68 сельских клубов, 44 Красные яранги. В Ольском районе было построено 6 больниц: Ольская районная (50 коек), Ольская туберкулезная (15 коек), Ямская (35 коек), Тауйская (20 коек), Арманская (30 коек), Тахтоямская (5 коек). Кроме этого, открыли 3 врачебных (Талон, Брохово, ДРП-3) и 13 фельдшерских здравпунктов, 3 аптеки (Ола, Армань, Тауйск).

В 1961 г. впервые в истории здравоохранения области всем новорожденным были сделаны прививки от туберкулеза. Количество мест в детском туберкулезном санатории увеличили с 40 до 100, а с 1 января 1962 г. был открыт противотуберкулезный диспансер.

В целом в области работали 204 школы, из них 31 средняя, 41 семилетка, 132 начальные и 45 вечерних общеобразовательных. Однако, например, в г. Магадане школ явно не хватало. В докладной записке в ГК КПСС и исполком отмечалось, что *«в настоящее время в городе сложилось крайне напряженное положение с размещением учащихся в школах. На 3314 учебных мест (без пос. Веселая, Ст. Веселая, Дукча, 47 км, 23 км и т. д.) ныне обучается 6794 чел.»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 431, л. 9]. Многие школы по санитарно-гигиеническим условиям не отвечали установленным нормам.

В 1958 г. в Магадане на базе учебно-консультационного пункта (образован в 1947 г.) был открыт филиал Всесоюзного заочного политехнического института (ВЗПИ), сыгравший большую роль в подготовке высококвалифицированных кадров для горной промышленности. С момента образования по 1966 г. ВЗПИ выпустил 333 специалиста, в том числе в 1954–1958 гг. – 43, в 1959–1963 гг. – 155, в 1964–1966 гг. – 126.

Во второй половине 50-х гг. в результате структурных изменений в горнодобывающей промышленности и развития социальной сферы произошло изменение соотношения трудоспособного населения, занятого в различных отраслях экономики. Так, количество рабочих и служащих в промышленности сократилось на 27%.

В Колымо-Магаданском экономическом районе было сосредоточено 82% всей численности населения Магаданской области, в том числе 87% городского и 55% сельского.

---

[113]*Бацаев И. Д.* Основные..., 2005. – № 2. – С. 78.

Таким образом, здесь, во-первых, за счет привлечения из других районов страны трудовых ресурсов создавалась экономическая база основного промышленного производства и социальной сферы и, во-вторых, высокая концентрация сельского населения в Ольском и Северо-Эвенском районах способствовала развитию местного сельского хозяйства и рыбной промышленности – второй по значимости отрасли экономики области.

Таким образом, в 1953–1965 гг. в Магаданской области была проделана большая организационная работа в развитии социальной сферы, но в основном в Колымо-Магаданском районе. Что касается сельских национальных районов Колымы и Чукотского национального округа, то следует констатировать, что негативные тенденции социального характера, имевшие место в дальстроевский период, не были преодолены.

В 1958–1962 гг. в целом по Чукотскому национальному округу ежегодно вводилось 300–350 домов для колхозников и 3035 квартир для сельской интеллигенции – всего 6 тыс. $м^2$, но уже к 1966 г. ввод жилья сократился до 1,5 тыс. $м^2$, т. е. в 4 раза. В Чаунском районе за 1961–1965 гг. для колхозников не было построено ни одного дома. В материалах Чукотского окрисполкома отмечалось, что, *«несмотря на острейший недостаток жилья, скученность в детских учреждениях... совершенно прекратилось строительство в селах Снежное, Хатырка, Ванкарем, Нутепельмен, Амгуэма, Нешкан, Энурмино и ряде других»*[114].

О том, какое реальное положение было в национальных селах, говорят документы того времени. На совещания с молодежью из местного коренного населения говорилось следующее:

«Хабарова (совхоз "Челбанья"): В совхозе у нас очень плохо живут. Начальство никаких мер не принимает. Люди пьянствуют. Есть убийства. В этом году 4 чел. убили, и меры никакие не принимаются... Народ по несколько месяцев не получает зарплаты. Директор там Селезнев, он очень плохо работает, с рабочими очень плохо обращается. Привозят что-нибудь хорошее, начальство между собой распределяет, а рабочим ничего не дают, ни в столовых, ни в магазинах. В других совхозах такая же картина.

Корякина (почтовый агент): Хабарова правильно говорит... Привезли сапоги, дать бы их пастухам, так их дали своим женам и взяли себе... Вот почему у нас в совхозах и колхозах убийства и пьянство? Потому что директора сами все время пьянствуют.

Данилова (совхоз "Антыгычан"): Если рабочие пьянствуют, то это не только их вина. Туда завозят по 12 бочек спирта, и люди только и пьют спирт, поэтому и жизнь у них плохая.

Аруева (колхоз "Новый путь"): Судя по письмам из дома, там живут неважно, кино и радио, правда, есть, но там очень пьют. Председатель сельсовета там Духилов В. С., а также секретарь райкома партии всегда тоже пьют... Старые жалуются, что у них нет пенсий, а семьи еще большие.

Назарова (колхоз "Новый путь"): «У нас сетей нет, соли нет... рыбы много, а что мы можем без сетей сделать? Мне пишут из дома, что на 7 ноября в колхозе ничего не было, продуктов не привезли, своих не было, население было оставлено без ничего. У нас там интернат есть... Первое время дети ходили просто без одежды. Четыре дня я была на центральной усадьбе совхоза "Челбанья". Действительно, товарищи, спирта туда везут бочками, а в школе-интернате, где орочи, якуты хотят заниматься самодеятельностью, на весь интернат одна разбитая балалайка!

Хабарова: Вот в Магадане проходил слет оленеводов области, так ведь не на все языки были переводчики, так что многие оленеводы сидели и не понимали, о чем идет речь.

Фамилия не указана (колхоз им. I Ревкома Чукотки): Мною поднимался вопрос, чтобы завезти туда котлы для варки пищи, но котлов так и нет. Дело дошло до того, что чукчи варят пищу в стиральных бачках. Нет больших кухонных кастрюль. Мы три года говорили о чайниках и котлах, и Чукотторг обязывается завезти чайники, но до сего времени это решение не выполнили. У нас так получается, что заказали многое, что нам не нужно... Одних только пуговиц завезли на 6 млн руб., застежек "молния" на 1 млн руб.» [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 217, лл. 74–112].

В докладной записке в ОК КПСС по итогам совещания оленеводов отмечалось, что *«многие делегаты говорили, что в магазинах нет крайне необходимых товаров для пастухов: ножи, зеркала, лампы, поварешки, небольшие котлы и кастрюли, трехгранные иголки, наперстки, не завозятся никакие игрушки для детей. Из продовольственных товаров крайне мало галет, имеются перебои в торговле чаем, сахаром... а спирта сколько хочешь... Завезли только 10 ящиков чая, а спирта 15 бочек. ...Не завозятся дешевые костюмы, детское платье, даже на полках охотников вместо нужных пастуху и охотнику товаров лежат одеяла "Нобельс" и каракулевые*

---

[114] *Бацаев И. Д.* Агропромышленный комплекс Северо-Востока России 1954–1991 гг. (этапы развития, особенности, эффективность). – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 34.

манто, в которых никто из местных жителей не нуждается. ...Никто никакой работы по привитию элементарных культурных навыков местному населению не ведет, в дома к колхозникам никто не заходит. Простейшая мебель для продажи колхозникам никем не изготовляется. Такая неприглядная картина наблюдается в колхозе, который находится в самом окружном центре.

Об интернатах. Положение в них крайне неудовлетворительное. Слушатели школы колхозных кадров в количестве 40 чел. проживают и спят по 2 чел. на одной койке, в том числе и больные открытой формой туберкулеза. В общежитии грязно, мебель отсутствует, постельное и нательное белье не меняется больше месяца. Такое же положение и в школе торговых работников. ...В столовой... имеется 3 стола, за которыми может разместиться 20 чел., а питается 100 чел. Вилки, ложки в столовой отсутствуют. Многие учащиеся являются физически ослабленными ввиду недостаточности и низкой калорийности питания. ...Местное население привыкло к пище, насыщенной белковыми веществами (рыба, мясо в большом количестве), а здесь им дается пища, в которой мало белков и много углеводов.

Мальчики имеют только по две рубашки, а девочки по два платья... и не имеют возможности производить их регулярную смену. Районные и окружные организации настаивают на переводе преподавания в школах на родной чукотский язык, в то время как в школах учителей, знающих чукотский язык, не имеется» [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 53, лл. 68, 69]. Этот объективный отчет во многом напоминает документы УСВИТЛа

В докладной записке «О серьезных недостатках в работе организаций и предприятий ЧНО» от 20 августа 1959 г. отмечалось, что *«в целях кажущегося повышения денежных доходов колхозов вся продукция по рыночным ценам переводится в денежное исчисление, создается таким образом видимость наличия якобы больших доходов в колхозах и благополучия колхозников, тогда как на самом деле коренное население имеет незначительные доходы и в материальном отношении обеспечено крайне плохо.*

*Окружком и РК КПСС, окрисполком и райисполком допускают грубые ошибки при проведении работы по переводу кочевников-оленеводов на оседлый образ жизни. Не знают и не изучают языки местного населения»** [Там же. Д. 348, л. 64].

Напряженным оставалось положение и в области здравоохранения. Заместитель заведующего облздравотдела Н. Басых писал в справке о ходе выполнения решения областного Совета от 31 марта 1964 г., что *«детская смертность в сельской местности остается высокой и составляет 63 чел. на 1000 родившихся, и особенно неблагополучно в ЧНО. Заболевшие дети поступают из тундры в тяжелейшем состоянии»* [Там же. Д. 426, л. 194].

По ряду направлений усилия медицинских работников дали некоторые результаты.

В 1964 г. по сравнению с 1963 г. в области резко снизилась заболеваемость корью – в 18 раз, коклюшем – в 30 раз, но в то же время резко возросла заболеваемость острой дизентерией, в том числе в ЧНО в 2,8 раза, в Среднеканском районе – в 3,3 раза, в Ольском – в 1,8 раза, в Северо-Эвенском на 36%.

Следует отметить, что во второй половине 50-х – начале 60-х гг. ни одно из Постановлений СМ СССР и СМ РСФСР о социально-экономическом развитии народов Севера (Постановление СМ СССР от 16 марта 1957 г. № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», Постановление СМ РСФСР от 1 июля 1957 г. № 501 «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера», Постановление СМ РСФСР от 20 февраля 1960 г. № 264 «Об оказании дополнительной помощи в развитии хозяйства и культуры народностей Севера») не было выполнено в полном объеме.

Наиболее эффективно социальная сфера развивалась в г. Магадане и центральных промышленных районах.

Там было создано 27 предприятий местной промышленности, охватывавших свыше 40 различных направлений. Они были оснащены новым оборудованием, что позволило повысить уровень механизации в стекольном производстве до 67%, в лесозаготовках – до 47%, в хлебопечении – до 92%, в мебельном производстве – до 30%.

В 1959 г. был организован Тальский райпромкомбинат с цехами мебельным, пошива меховой одежды, лесозаготовительным и лесопильным.

На Тасканском и Магаданском пищекомбинатах открыли макаронные и кондитерские цехи, в Магадане организовали швейно-обувной комбинат. В городе действовали пивоваренный завод, хлебозавод, горбыткомбинат, винно-водочный и молочный заводы.

В области работали крупные научные учреждения, в том числе созданный на основании Постановления СМ СССР от 30 января 1960 г. Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский

---

*Постановление ОК КПСС от 23 сентября 1954 г. об организации изучения чукотского языка партийным и советским активом.

институт СО АН СССР, филиал Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии, ВЗПИ, а также ВНИИ-1 и пединститут (образован 3 октября 1961 г.). Таким образом, в области сложился полноценный научный центр.

6 октября 1965 г. в Магадане состоялось выездное заседание сессии АН СССР, в работе которого приняли участия 200 ученых из 11 научных учреждений и организаций Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Якутска, Красноярска, Хабаровска, Владивостока. На сессии были выработаны научно обоснованные рекомендации по дальнейшему социально-экономическому развитию области.

24 декабря 1965 г. в Магадан прибыли: вице-президент АН СССР председатель Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев, член-корреспондент АН СССР Г. И. Марчук и профессор Л. С. Лаврентьев.

Перед магаданскими учеными, наряду с прикладными работами, имевшими большое практическое значение, была поставлена задача по развитию комплексных фундаментальных исследований, рассчитанных на длительную перспективу.

Активизация научных исследований указывала на то, что государство придавало большое значение дальнейшему развитию северо-восточного региона в целом и Магаданской области в частности.

Во второй половине 60-х гг. значительно повысился культурный уровень городского населения. Так, в г. Магадане, поселках Сусуман, Ягодный, Усть-Омчуг, Сеймчан, Певек, Анадырь были открыты детские музыкальные школы, построено 70 клубов и Домов культуры. Кроме областного музыкально-драматического театра, в районах действовали 9 народных театров и большое количество самодеятельных коллективов. Все поселки в центральных районах были радиофицированы и кинофицированы.

Председатель Магаданского горисполкома А. И. Карпов подчеркивал, что *«Магадан уже сложился и будет в дальнейшем развиваться как крупный узел морского, автомобильного и воздушного транспорта. Все это предопределяет необходимость дальнейшего развития... нашего города, несомненно, потребует увеличения объемов жилищного строительства, строительства школ, детских садов, медицинских учреждений, предприятий торговли и бытового обслуживания»*[115].

Таким образом, во второй половине 60-х гг. в центральных промышленных районах Колымы и г. Магадане, где сосредоточивалось в основном городское население, была создана производственная инфраструктура местной промышленности, а также сеть культурно-просветительных, образовательных, медицинских организаций и учреждений.

В Ольском, Северо-Эвенском, Среднеканском районах и в Чукотском национальном округе задача социально-бытового переустройства национальных сел осложнилась специфическими особенностями уклада жизни, быта и хозяйственной деятельности коренного населения. Эта проблема решалась в дальнейшем посредством концентрации и специализации производства, укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы и ликвидации неперспективных сел. Во второй половине 60-х гг. процесс переустройства северных сел проходил с большими трудностями.

В материалах 3-й сессии Верховного Совета СССР «О некоторых вопросах развития экономики и культуры Чукотского национального округа» по этому поводу отмечалось, что *«в результате неправильного планирования имеется большая диспропорция между промышленным и социально-культурным и жилищным строительством. Непонятно, почему за последние два года капиталовложения на жилищное строительство сокращаются»*[116].

В национальных селах большинство зданий и сооружений, в которых размещались детские сады, школы-интернаты, социально-культурные и торговые учреждения, не соответствовали своему назначению, размещались в неприспособленных помещениях и нуждались в расширении или полной замене. Например, из 38 школ только 6 располагались в специально построенных зданиях, детские сады были переуплотнены и не вмещали всех нуждающихся.

В селах Чукотки было построено всего 5 бытовых мастерских (Островное, Майно-Пыльгино, Лорино, Сиреники), а в 1968 г. программа социально-бытового строительства в национальных селах была приостановлена из-за прекращения финансирования.

В ряде сел ощущался острый дефицит электроэнергии, которая, как правило, использовалась на производстве, что не позволяло внедрять в быт местного населения электрические приборы.

Таким образом, программа социально-культурного и бытового переустройства сельского населения районов Колымы и Чукотки, определенная советским правительством в 50–60-х гг. как приоритетная, не была выполнена.

---

[115]*Советы* Северо-Востока СССР (1962–1982 гг.) : сб. документов и материалов. – Магадан : Кн. изд-во,1986. – Ч. 3. – С. 41, 42.

[116]Там же.

3.4. Реформа сельского и промыслового хозяйства

В начале 50-х гг. сельское и промысловое хозяйство Магаданской области и в целом всего северо-восточного региона находилось в депрессивном состоянии, что являлось прямым следствием коллективизации и репрессивной политики, проводившейся в 30–40-е гг. Серьезные проблемы и недостатки в развитии сельского хозяйства, имевшиеся в дальстроевской системе, необходимо было преодолевать на новой основе экономическими методами.

Если в развитии промышленности, транспорта, связи был накоплен определенный опыт, то в сфере сельского хозяйства он основывался на примитивных началах. А что касается коренного населения, то проблемы преобразования условий его труда и быта в предыдущие годы практически не решались. Эта задача казалась настолько сложной, что руководство области неоднократно обращалось в ЦК КПСС и СМ СССР с просьбами об оказании экстренной помощи сельскому населению и принятии на государственном уровне комплексной программы социально-экономического развития народов Севера.

В письме на имя Председателя СМ СССР Г. М. Маленкова и Секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева от 3 мая 1954 г. отмечалось, что *«Магаданская область нуждается в серьезной и неотложной помощи в решении жизненно важных вопросов по сельскому хозяйству. В настоящее время сельскохозяйственное производство в колхозах ведется примитивно, все работы выполняются при помощи ручного труда. <...> В колхозах области недостает рабочей силы, что является серьезным препятствием в развитии сельского хозяйства. В 65 колхозах области имеется всего 7654 трудоспособных колхозника, из них 3577 женщин. Просим МВД передать из Дальстроя колхозам области 12 000 чел. специального контингента»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 46, лл. 14, 17].

На территории трех районов Колымы располагались 14 колхозов, в том числе 11 сельскохозяйственных артелей и 3 рыболовецкие, в которых работал 1791 чел., из них 1692 представителя коренного населения. В этих хозяйствах имелось всего 157 га посевных площадей, 1357 коров, 1054 лошади, 225 свиней и 57 782 оленя.

Большинство колхозов не только не производили товарной продукции (колхозы Крайнего Севера были освобождены от государственных поставок), но и даже не могли обеспечивать свои внутренние потребности в картофеле, овощах и молоке.

В докладной записке в СМ СССР от 11 декабря 1954 г. о состоянии сельского хозяйства говорилось, что *«в настоящее время колхозы, совхозы и подсобные хозяйства области не удовлетворяют потребности населения... в продуктах сельского хозяйства, по этой причине в г. Магадан завозят тысячи тонн картофеля, капусты и других овощей, а также продукты животноводства»* [Там же. Д. 57, л. 163].

В связи с начавшимся процессом освобождения заключенных из лагерей проблема укомплектования колхозов и совхозов приобретала первостепенное значение. Председатель Магаданского облисполкома П. Я. Афанасьев в докладе на имя Председателя СМ РСФСР А. М. Пузанова писал, что *«из-за неудовлетворительного руководства... сельское хозяйство в совхозах развивается крайне медленно и не отвечает требованиям и все возрастающим потребностям населения области в продуктах сельского хозяйства. ...Культура земледелия... находится на крайне низком уровне: севообороты не введены, семеноводство не организовано, все работы производятся ручным трудом»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 7, л. 60].

Среди местного коренного населения отмечалась большая смертность, низкая рождаемость, а население эскимосов даже сокращалось. Например, по Таватумскому сельсовету Северо-Эвенского района население сократилось с 437 чел. в 1938 г. до 258 чел. в 1954 г.; за 16 лет естественный прирост составил всего 103 чел., в то же время умерло 258 чел.

«До образования Магаданской области ее коренное население – чукчи, эвены, эскимосы, коряки и др., почти не имели жилых домов, бань, хлебопекарен и единственным видом жилья, производственных сооружений, культурно-бытовых помещений были яранги. Даже школы, медпункты и детсады помещались в ярангах»[117].

Материально-техническая база колхозов Колымы и Чукотки была крайне примитивной. Например, в 1953 г. они располагали всего 3 тракторами, 4 автомашинами, 4 электростанциями и ветхим промысловым флотом. П. Я. Афанасьев в докладной на имя Председателя СМ СССР писал: *«Оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел и охотничий промысел в большинстве колхозов ведутся примитивно, по-старому, с помощью аркана, ножа, кустарных гарпунов, байдар из шкур морзверя, собачьего и оленьего транспорта»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 58, л. 72].

---

[117] *Бацаев И. Д.* Сельское хозяйство Северо-Востока в период экономических реформ 1953–1965 гг. // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 141.

3 июля 1954 г. СМ СССР принял Постановление «Об оказании помощи сельскому хозяйству Магаданской области», которое предусматривало обеспечение работ по расширению посевных площадей, организации МТС и опытных сельскохозяйственных станций, землеустройству и подготовке руководящих колхозных кадров. Вводилась дополнительная оплата колхозникам за перевыполнение плановых заданий. Государство брало на свой счет все работы по осушению, корчевке леса, распашке земель в 1955–1956 гг. Магаданский облисполком получил право *«переселять на добровольных началах в колхозы спецпереселенцев, работавших в Дальстрое, распространив на эту категорию населения льготы, установленные Постановлением СМ СССР от 16 апреля 1954 г. № 4013»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 57, л. 84].

Для колхозов ЧНО в 1954–1955 гг. были поставлены 23 вельбота, 4 катера типа «кавасаки» и промысловое снаряжение. Колхозникам, переходящим на оседлость, предоставлялись ссуды на строительство домов с погашением 75% за счет местного бюджета.

В области развернулась работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозно-совхозной системы.

После январского 1961 г. Пленума ЦК КПСС была сделана первая попытка *«коренным образом перестроить аппарат сельскохозяйственных органов, превратить его из аппарата административного управления сельским хозяйством, каким он был многие годы, в организаторский центр по внедрению в производство достижений науки и передового опыта»* [ГАМО, ф.р-515, оп. 1, д. 58, л. 288].

В приказе Минсельхоза РСФСР от 25 марта 1961 г. «О реорганизации МСХ РСФСР» подчеркивалось, что *«от МСХ отпали такие функции, как планирование сельскохозяйственного производства, ведение учета и отчетности, финансирование и материально-техническое снабжение, контроль за проведением текущих сельскохозяйственных работ.*

Теперь, когда выросли кадры в совхозах и колхозах, нет необходимости давать из союзного министерства указания всем районам страны о проведении сева, уборке урожая и других сельскохозяйственных работ. Всякая попытка возродить подобные функции министерства означала бы возврат к шаблону и нанесла бы серьезный ущерб интересам сельского хозяйства»[118].

В целях децентрализации управления в 1962 г. облисполкомом принимается решение «О реорганизации управления сельским хозяйством». Упразднялись ранее созданные структуры – Областное управление сельского и промыслового хозяйства, Управление совхозов, Управление заготовок, Окружное управление сельского и промыслового хозяйства, межрайонные инспекции по заготовкам, и на их базе создаются Магаданское и Чукотское территориальные колхозно-совхозные управления, подчиненные Областному управлению производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Однако реформа с элементами рыночных отношений и расширением хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов в рамках административной системы была обречена на провал.

13 марта 1965 г. в связи с принятием КПСС новой концепции аграрной политики облисполком принял решение № 111 о создании на базе Управления производства и заготовок областного управления сельского хозяйства. Магаданское территориальное колхозно-совхозное управление было упразднено.

Таким образом, в 1965 г. функции органов управления по организации выполнения решений партии и правительства по вопросам сельского хозяйства и заготовок, контролю за соблюдением государственной дисциплины, планированию, учету и отчетности были восстановлены.

Во второй половине 60-х гг. начался второй этап реформы управления. На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 ноября 1969 г. «О районных производственных управлениях сельского хозяйства» и Указа ПВС РСФСР от 22 декабря 1969 г. Чукотское, Ольское, Северо-Эвенское производственные управления были преобразованы в управления сельского хозяйства Чукотского окрисполкома, Ольского и Северо-Эвенского райисполкомов. Были созданы управления сельского хозяйства Магаданского горисполкома, Хасынского, Сусуманского, Ягоднинского, Среднеканского, Омсукчанского, Беринговского и Иультинского райисполкомов.

Наряду с реорганизацией сферы управления, с середины 50-х гг. усилился процесс расширения и укрепления социалистического сектора сельского хозяйства за счет образования новых совхозов на базе подсобных хозяйств предприятий и «неперспективных» колхозов. Концепция приоритетности государственной формы собственности в сельском хозяйстве становилась главной стратегической линией аграрной политики.

Первым шагом на пути преобразования колхозов в совхозы стал процесс их укрупнения. В 1954 г. на территории Магаданской области имелось 7 овоще-животноводческих совхозов («Ольский», «Дукча», «Свиносовхоз», «Тауйский», «Сеймчан», «Сусуман», «Эльген»), 4 оленеводческих совхоза («Талая», «Певек», «Буксунда», «Челбанья»), 35 подсобных хозяйств Дальстроя и 65 колхозов (из них 43 на уставе с/х артели, 19 рыболовецких и 3 смешанных). Кроме этого, за пределами области находились совхозы Дальстроя: в Приморском крае – 3, в Хабаровском – 3 и в Якутской АССР – 4 оленеводческих совхоза [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 55, л. 2].

[118] *Бацаев И. Д.* Агропромышленный..., 2001. – С. 9.

Большинство колхозов Колымы и Чукотки находились в крайне тяжелом финансовом положении. Например, все 14 рыбартелей Чукотского района имели очень низкие доходы – в среднем по 100 тыс. руб., колхозники этих артелей бедствовали. Аналогичное положение было в колхозах «Пробужденный Север», «Путь Севера» Ольского района, «3-я Пятилетка», «Светлая жизнь» Среднеканского района, «Рассвет» Северо-Эвенского района, а также им. Жданова, «Победа», «Новая жизнь», им. Сталина и др.

Национальные колхозы отличались малонаселенностью, причем количество трудоспособных работников постоянно сокращалось. Например, в колхозе «Пробужденный Север» количество колхозников в 1954–1958 гг. сократилось с 94 до 59 чел., «Угляткак» – со 109 до 72 и т. д.

Денежные доходы росли медленно, а в 1958 г. в 31 колхозе они уменьшились на 5 млн руб., особенно в колхозах Чаунского, Ольского и Среднеканского районов. Поэтому было принято решение о слиянии неперспективных хозяйств и их сокращении.

В 1960 г. на основании Постановления СМ РСФСР № 210 от 15 февраля «Об организации и укрупнении существующих совхозов и других государственных предприятий» на базе колхозов создаются совхозы: «Арманский» («Пробужденный Север» Ольского района), «Канчаланский» («Заря», Анадырского района, «Угляткак» Иультинского района), «Анюйский» («1 Мая», «Новая жизнь», Восточно-Тундровый район), «Марковский» (им. Жданова, им. Сталина, «Знамя Советов», «Новая жизнь», Марковского района), «Среднеканский» («Искра», Среднеканского района).

За 1954–1960 гг. количество колхозов в Магаданской области сократилось с 65 до 55.

Оленеводческие совхозы «Талая», «Челбанья», «Омолон», «Буксунда» были переданы в подчинение Министерства совхозов СССР, а молочно-овощные совхозы преобразованы в подсобные хозяйства предприятий УРСа Совнархоза.

Из 43 подсобных хозяйств «Дукча», «Тауйский», «Ольский», «Сеймчан», «Эльген», «Сусуманский» и «Тенькинский» – по объемам являлись по существу совхозами.

В 1968 г. на основании Постановления Совета Министров СССР от 19 января 1968 г. № 29 еще 24 колхоза Колымы и Чукотки были преобразованы в 20 совхозов, в том числе 18 в ЧНО.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС СМ СССР от 26 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства» все колхозы области переводились на гарантированную оплату труда по ставкам совхозов. Колхозникам (чукчам, эвенам, эскимосам и другим представителям народов Севера), перешедшим в совхозы и на другие государственные предприятия сельского хозяйства, в целях недопущения снижения их заработка сохраняли процентные надбавки (от 10 до 80%) за счет бюджета, которые выплачивались вне зависимости от производственного и финансового состояния хозяйств. Таким образом, у ряда категорий рабочих совхозов из числа коренного населения резко повысилась заработная плата, они впервые получили право на пенсионное обеспечение, фиксированный рабочий день и отпуска.

Следует отметить, что на основании Указа ПВС СССР от 10 февраля 1960 г. члены колхозов процентные надбавки получали только из средств колхозов и при условии выполнения планов.

«В широком смысле реорганизация колхозов в совхозы должна была привести в соответствие межотраслевую структуру сельскохозяйственного производства с возможностью решать вопросы занятости населения, дальнейшего развития производства и на этой основе укрепить экономику совхозов» [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 886, л. 145], – отмечалось на V сессии Чукотского окружного Совета в 1968 г.

Однако с укрупнением колхозов и преобразованием их в совхозы, во-первых, начался процесс ликвидации неперспективных национальных поселков, точнее, традиционных, исторически сложившихся мест расселения, формировавших общественное разделение труда; во-вторых, при слиянии колхозов не учитывались межплеменные отношения (особенно в районах Колымы), потому что не видели различий между чукчами, эвенами, юкагирами, коряками; в-третьих, в результате внутриструктурных изменений в разряд низкорентабельных отраслей, продукция которых имела большое значение для коренного населения, но не находила товарного сбыта, были переведены традиционные виды занятий – морской зверобойный промысел, рыболовство, пошив меховой одежды, кустарные промыслы по изготовлению байдар, нарт и т. д. Это привело к тому, что на центральных усадьбах постепенно начал складываться деградационный слой трудоспособного, но низкооплачиваемого населения, периодически занятого в производстве на подсобных работах.

В материалах Чукотского окружного Совета отмечалось, что *«в совхозах сократилась занятость в производстве, увеличилось число людей с низкими заработками, прибыль стала основной формой хозяйствования.*

<...>

Сложившееся положение в сельском хозяйстве не являлось случайным. Вот уже на протяжении ряда лет хозяйственные руководители колхозов и совхозов основное внимание уделяют наиболее прибыльной отрасли – оленеводству, свертывая работу в подсобных отраслях и на промыслах, нарушая, таким образом, комплексность сельского хозяйства» [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 886, лл. 317, 329].

Эта проблема, проявившаяся во второй половине 60-х гг., имела серьезные последствия и во всей остроте проявилась в конце 70–80-х гг.

За счет укрупнения колхозов и совхозов, ломая традиционные методы ведения хозяйства, власти пытались окончательно решить проблему перевода кочующего населения на оседлость.

П. Я. Афанасьев докладывал Председателю СМ СССР Н. А. Булганину, что *«колхозники ЧНО на протяжении многих лет не могут перейти на оседлый образ жизни и продолжают жить в ярангах в крайне неблагоприятных условиях»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 4, л. 23].

С начала 30-х гг. этот сложнейший вопрос безуспешно осуществляли директивными методами, и эта практика продолжалась в дальнейшем. Так, в 1960 г. во исполнение Постановления СМ РСФСР от 20 февраля 1960 г. № 264 МСХ РСФСР 3 марта 1960 г. издало приказ № 115, в котором требовалось *«в ближайшие 2–3 года обеспечить перевод всего коренного населения районов Крайнего Севера... на оседлый образ жизни»* [ГАКО, ф.р-237, оп. 1, д. 48, л. 206].

Однако по объективным и субъективным причинам выполнение этой программы затянулось на длительные годы. Планы застройки центральных усадеб постоянно не выполнялись.

В докладе Чукотского окружного Совета в 1968 г. отмечалось, что *«пока положение дел с составлением генеральных планов застройки сел оставляет желать лучшего. На сегодняшний день планы имеют Канчалан, Омолон, Усть-Чаун, Снежное, Уэлен, Сиреники, всего 7 сел из 40. <...> При отводе участков в селах не даются задания проектирующим организациям по привязке объектов к инженерным сетям, не предусматривается благоустройство территории строящихся объектов»* [Там же. Лл. 245, 248].

Трест «Магадансельстрой» из года в год не выполнял своих обязательств. Например, в объеме строительных работ в 1967 г. только 3,3% приходилось на сельское строительство. В селах Эгвекинот и Конергино план был выполнен на 5%, Лаврентия – на 18% и т. д.

В Чаунском районе в 1961–1965 гг. жилищное строительство в селах по линии местных Советов вообще не велось. Кроме этого, застройка северных сел одноквартирными домиками площадью 20 м^2, рассчитанными на 2–3 чел., не могла решить поставленную задачу по оседанию кочевого населения. Во-первых, средняя семья оленеводов состояла из 4–6 чел., а во-вторых, эти дома изначально не могли быть объектом капитального строительства, так как они не были рассчитаны на подключение к инженерным сетям. Огромные средства в сумме более 36 млн руб. фактически были истрачены без реальной отдачи. В то же время окрисполком отрапортовал, вводя в заблуждение МСХ РСФСР, что *«за исторически короткий срок в округе было заново построено 40 сельских населенных пунктов – центральных усадеб и отделений совхозов и колхозов»* [Там же. Л. 267].

Процесс укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы начиная с 1964–1965 гг. сопровождался усилением концентрации производства и созданием сети специализированных хозяйств вокруг г. Магадана и крупных рабочих поселков.

В 1969 г. для увеличения производства мяса, молока и овощей были созданы специализированные совхозы «Снежный», «Ольский», «Кулу» и началось строительство тепличного комбината в г. Магадане. На Чукотке появился первый специализированный совхоз мясо-молочного направления «Северный», а в районах Колымы перепрофилированы на птицеводство совхозы «Дукча», «Талая», «Тенькинский», вошедшие в состав треста «Птицепром».

Наряду с организационной перестройкой сельского хозяйства в этот период стало больше уделяться внимания промысловому хозяйству, которое находилось в запущенном состоянии.

Начальник Областного управления охотничьего и промыслового хозяйства Н. И. Кондауров отмечал, что *«с развитием в последние годы других отраслей сельского хозяйства охотничий промысел потерял свое прежнее значение, хотя шкурки пушных зверей, добываемых в области, отличаются высоким качеством и в большей своей части идут на экспорт»* [Там же. Д. 917, л. 104].

На территории области в 1961–1965 гг. ежегодно добывалось промысловой пушнины на 420 тыс. руб. Основными видами промысла являлись: в таежной зоне – белка, в тундровой – песец, которые в сумме составляли более 80% всех пушных заготовок. В среднем в год добывалось 132 тыс. белок (41%) и 66 тыс. песцов (41,4%).

Благодаря тому, что в 1951 г. на территории области было расселено 973 соболя, 1238 норок, 655 ондатр, к середине 60-х гг. поголовье соболя восстановилось почти полностью и во многих местах достигло промыслового уровня. По расчетам, можно было добывать до 1000 шкурок в год, а фактический промысел составлял 30–40%.

Запасы норки позволяли без ущерба для воспроизводства отстреливать до 900 зверьков в год. По данным Магаданской комплексной экспедиции ИСХ РСФСР, работавшей в 1961 г., продуктивность охотничьих угодий области только по четырем основным видам (белка, песец, лисица, горностай) определялась в 675 тыс. руб. в год, а с учетом второстепенных видов пушных зверей – до 750 тыс. руб.

Заготовкой пушнины на территории области занимались УРС объединения «Северовостокзолото», Областное управление торговли, Облрыболовпотребсоюз и созданный в 1967 г. на территории Ольского, Среднеканского, Омсукчанского районов госпромхоз «Юбилейный».

Организация госпромхоза была связана с выполнением Постановления СМ РСФСР № 52 от 16 ноября 1962 г. «О дополнительных мерах по использованию природных ресурсов», в котором определялись функции государственных промысловых предприятий. В них входили развитие клеточного звероводства, добыча морского зверя и промысловой пушнины, сбор и переработка ягод и грибов, производство местных строительных материалов и пошив меховой одежды.

Организационная перестройка охотничьего и промыслового хозяйства, проведенная в 60-е гг., ставила своей целью повысить эффективность промыслов за счет их перевода на государственную основу. Однако в рамках централизованной системы государственного регулирования экономическая деятельность госпромхозов становилась все более убыточной и требовала постоянного увеличения бюджетных дотаций.

Об этом говорил опыт деятельности госпромхозов Камчатки, где за 1963–1970 гг. их было создано 11. Например, в 1965 г. от добычи пушнины они получили 110,3 тыс. руб. убытков при объеме реализации на сумму всего 486 тыс. руб.

Одной из причин низкой эффективности госпромхозов являлось несоответствие наценок, выплачиваемых пушными базами на покрытие издержек по организации промысла, которые составляли для госпромхозов 35%, для колхозов – 20% вместо расчетных 180%, и занижение заготовительных цен на пушнину, добываемую в районах Крайнего Севера.

В период экономической перестройки 60-х гг. в сельском хозяйстве делались попытки повысить эффективность производства путем внедрения методов экономического стимулирования.

В 1969 г. в порядке эксперимента был осуществлен перевод 8 оленеводческих совхозов («Большевик», «Анадырский», им. Ленина, «Певек», «Марковский», «Путь к коммунизму» и др.) на полный хозрасчет, а с 1 января 1970 г. приказом МСХ РСФСР № 210 еще 18 оленеводческих совхозов.

Организационно-хозяйственная перестройка колхозно-совхозной системы Магаданской области в 50–60-х гг. была обусловлена, во-первых, реализацией основных положений государственной аграрной политики, в основе которой лежал формальный отказ от мобилизационных принципов в развитии сельского хозяйства, и переходом к внедрению новых форм экономического стимулирования; во-вторых, поиском оптимальной структуры административного управления применительно к условиям Севера; в-третьих, оптимизацией сферы производства на базе государственной формы собственности.

3.4.1. Оленеводство и промысловое хозяйство

Уровень развития сельского хозяйства Чукотского округа и в ряде колхозов национальных районов Колымы определялся в первую очередь состоянием оленеводства.

В 1953–1957 гг. оленеводство и промысловое хозяйство практически не развивались и находились в состоянии застоя, а в некоторых районах пришли в упадок.

В 1953 г. непроизводительные потери оленей в хозяйствах ЧНО составили 80 360 гол., а реализовали через торговую сеть и использовали на внутрихозяйственные нужды колхозов всего 63 263 гол. Более 16% оленей было потеряно, пало и затравлено хищниками. Только потери без вести составили по области 26 100 гол. Особенно критическая ситуация сложилась в колхозах «Турваургин», им. Маленкова, им. Жданова, им. I Ревкома Чукотки, им. Ленина, «Рассвет» и ряде других.

В колхозах и совхозах царили произвол и бесхозяйственность. Колхозники не получали ни денежной, ни натуральной оплаты; оленье мясо разворовывалось. Например, в колхозе им. Сталина было забито 108 оленей массой 4,8 т для оплаты трудодней. Счетовод Кэмуди присвоил 2,8 т мяса, продал его в с. Лаврентия, а деньги пропил. Председатель колхоза «Красное знамя» Тэки, также продав оленей заготовителям, пропил колхозные деньги. Были случаи, когда председатели, захватив казну, бежали в неизвестном направлении. Видя такое положение, колхозники проедали общественных оленей, устраивая различные праздники, распускали стада, бросали их на потраву хищникам. По существу пастухи-оленеводы были предоставлены сами себе.

В оленеводческих совхозах за это время поголовье оленей сократилось со 104,6 до 88,6 тыс. гол., а в личной собственности с 77,7 до 64,9 тыс. гол. и только в колхозах возросло с 356,8 до 363 тыс. гол., в основном за счет конфискации оленей у колхозников.

Это был период полной дезорганизации оленеводства. В документах Магаданского облисполкома подчеркивалось, что *«руководство колхозами со стороны райсельхозуправлений и окружных управлений практически не осуществлялось. Они являлись не органами управления, а трансляционными пунктами. Никакого руководства колхозами ими не проводится, ошибки, нарушения не исправляются. Все мероприятия, даже самые ничтожные, осуществляются только решениями райисполкомов и райкомов КПСС»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 108, л. 19].

В то же время *«местные партийные и советские органы допускали серьезные ошибки в руководстве колхозным и совхозным строительством, шаблонно, без достаточного учета природно-климатических условий и особенностей жизни народностей Севера решали вопросы*

хозяйственного и бытового устройства. Основные отрасли общественного хозяйства – оленеводство, пушной, зверобойный промыслы, рыболовство во многих колхозах находятся в запущенном состоянии, а звероводство, особенно в совхозах, не получило развития», – отмечалось на пленуме Магаданского обкома КПСС в 1957 г. [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 215, л. 3].

Оленеводческие совхозы работали на протяжении 1954–1957 гг. исключительно плохо и дали в 1957 г. убытков на 8094 тыс. руб. В 1958 г. в сравнении с 1954 г. в 13 колхозах сократилось оленепоголовье, 2236 колхозников, в том числе 1658 женщин, не выработали обязательного минимума трудодней [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 177, л. 1].

Впервые о бедственном положении оленеводства было открыто сказано на межобластном совещании оленеводов в г. Магадане 20 января 1958 г. На совещание прибыли представители ЯАССР, Хабаровского края, Камчатской области и Сахалина. Выступления руководителей Чукотского национального округа, районов, колхозов пестрели словами «гибель», «провал», «катастрофа».

Оленеводы говорили, что руководители многих районов Чукотского (да и Корякского) округа и области годами не бывали в колхозах, совхозах, *«не знали ничего о жизни, нуждах и запросах людей, работники других ведомств годами сидели на центральных усадьбах»* [ГАМО, ф.р-164, оп. 1, д. 215, л. 15] .

Проблема руководящих кадров в колхозах стала обостряться в процессе ничем не оправданной замены председателей из числа коренного населения номенклатурными направленцами, которые ничего не понимали в специфике северного сельского хозяйства.

В 1955 г. для укрепления партийной прослойки в сельском хозяйстве в колхозы Магаданской области были направлены 32 чел. из так называемых тридцатитысячников. В результате *«в большинстве колхозов председатели колхозов из числа коренных национальностей были заменены русскими и другими приезжими товарищами»* [Там же. Л. 57].

Для замещения должности председателя кандидат должен был соответствовать ряду критериев. Учитывалось в первую очередь членство в КПСС, а также заполнялась специальная анкета. В ней были такие вопросы: а) служил ли ранее в учреждениях и армиях белых правительств (где, когда); б) состоял ли в оппозициях, имел ли колебания (где, когда); в) состоял ли в других партиях; г) был ли за границей; д) имел ли партвзыскания; е) работа в прошлом; ж) специальность по образованию.

Таким образом, главным критерием отбора являлась не профессиональная подготовка, а преданность идеалам партии.

Эта политическая акция не дала эффекта, более того, ухудшила положение, потому что «тридцатитысячники» *«не врастали в колхозную жизнь и не жили общими интересами с колхозниками, создавали впечатление, что они в колхозах как бы повинность отбывают»* [Там же].

За три года из 32 председателей, направленных в колхозы, осталось 14 чел. Только за 1957 г. и 9 месяцев 1958 г. были сменены 24 председателя колхозов. Из 55 председателей лишь 16 чел. были коренной национальности, в то время как в 1954 г. их было 36 чел. [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 177, лл. 19, 21].

В справке по кадровым вопросам А. А. Кочеров писал, что *«районные организации односторонне увлеклись посылкой в колхозы на руководящие посты приезжих людей, которые не заинтересованы оставаться в колхозах продолжительное время. Отдельные из них отбывают определенный трехгодичный срок работы... и стремятся выехать в центральные районы страны, при этом за три года прилагают усилия к тому, чтобы заработать как можно больше денег. Этим объясняется высокая месячная зарплата председателей колхозов при весьма низких доходах колхозников»* [Там же. Д. 30, лл. 124, 125].

Не лучше было положение и со специалистами среднего звена. В 1954 г. среди заведующих райсельхозуправлениями и совхозных специалистов РСХО, агрозооветсети и колхозов области из 143 чел. лишь один был коренной национальности [Там же. Д. 177, л. 18].

В 1956 г. в сельском хозяйстве области работал 341 специалист, в том числе с высшим образованием 149 чел., со средним специальным – 192. Однако среди этой категории работников наблюдалась очень высокая текучесть, в основном из-за тяжелых социально-бытовых условий. В 1954–1960 гг. В Магаданскую область из других районов страны прибыло 360 специалистов сельского хозяйства, но в то же время убыло 269 чел.

В справке на имя начальника Главного управления кадров МСХ РСФСР М. К. Иодко отмечалось, что *«специалисты сельского хозяйства более условленного договором срока оставаться здесь не желают»* [Там же. Д. 137, л. 2].

Подготовкой местных кадров, в том числе из коренного населения, для оленеводческих колхозов и совхозов области занимались сельскохозяйственное отделение Магаданского горно-геологического техникума, Анадырская 3-годичная школа (в 1960 г. преобразована в сельхозтехникум), Провиденская строительная школа и Хабаровское училище механизации сельского хозяйства. К 1958 г. Анадырская сельхозшкола выпустила 207 специалистов – олентехников, счетоводов, техников-организаторов колхозного производства, *«но подавляющая часть выпускников была занята чем угодно, кроме сельского хозяйства»* [Там же. Д. 177, л. 18].

Областное управление констатировало, что принимаемые меры по агротехническому обучению колхозников пока не дали эффективных результатов.

Молодежь из среды чукчей, коряков и эвенов, получившая образование в начальных и средних школах, *«не хочет возвращаться в старые условия труда и жизни в оленеводческих бригадах. Только беззаветный героический труд оставшихся пастухов спасает от ликвидации оленеводство... Мы при всем напряжении сил колхозников топчемся на месте или идем назад»*, – подчеркивалось в письме министру сельского хозяйства РСФСР П. И. Морозову [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 108, л. 153].

Уровень подготовки колхозных кадров для оленеводства был крайне низкий. Бригадир Экарультын из колхоза им. Сталина Анадырского района говорил по этому поводу на совещании оленеводов в 1958 г.: *«В прошлом году к нам в бригаду прибыли из школы колхозных кадров два выпускника, эти выпускники разбираются в оленеводстве все равно как дети»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 174, л. 150].

На межбригадном совещании этого колхоза пастухи заявили, что *«если не изменится положение с людьми, то через 3–5 лет мы стада свои распустим»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 108, л. 20].

16 марта 1958 г. вышло специальное Постановление ЦК КПСС и СМ СССР, которое обязывало партийные и советские органы власти в районах Крайнего Севера всемерно привлекать для работы на предприятиях и в учреждениях коренное население, улучшать подготовку местных национальных кадров и более решительно выдвигать их на руководящую работу.

Была проблема и другого рода. По отчетам АГО ДС получалось, что к началу 50-х гг. среди коренного населения национальных районов полностью ликвидирована неграмотность. Однако в конце 50-х гг. инструкторы областного управления в своих отчетах писали, что *«в ЧНО и других местах пастухи неграмотные, не понимают, не знают русского языка, а поэтому не понимают устные беседы. В свою очередь приезжие специалисты не знают местные языки и наречия»* [Там же. Д. 137, л. 6]. На собраниях колхозников партийные и советские работники зачастую были вынуждены общаться с ними через переводчиков, роль которых выполняли дети оленеводов, обучавшиеся в школах-интернатах.

Кроме этого, направляемые на учебу студенты имели очень слабую общеобразовательную подготовку. Например, из 85 обучавшихся в 1958 г. в Анадырской сельхозшколе 36 чел. имели 4-классное образование, 15 чел. – 5-классное, 15 чел. – 6-классное и 19 чел. – 7-классное.

По этой причине и в силу особого менталитета многие из них бросали учебу и возвращались в тундру, а те, кто адаптировался в городской среде, не желали работать в колхозах и совхозах.

Поэтому, несмотря на предпринятые меры, проблема подготовки кадров из местного населения решалась очень медленно.

Ухудшение положения в традиционных отраслях сельского хозяйства было присуще не только Магаданской области. Директор крупнейшего оленеводческого совхоза КНО «Пенжинский» А. Д. Давыдов говорил, что *«действительное положение оленеводства в нашей Камчатской области, да и в Магаданской области, дошло до такого пути, что дальше идти некуда. Еще хуже, товарищи, это материальное обеспечение наших оленеводческих хозяйств. Не только очень плохое, а его у нас совсем нет. Ну как можно работать без аркана? Пастухи пользуются вместо ремня настоящим электрическим проводом. Дело дошло до того, что мы из них вяжем веревку для того, чтобы закрепить юрты, чтобы их ветер не унес. Нет гвоздей, кровельного железа, печных приборов»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 136, л. 154].

В 1953–1958 гг. в ЧНО наряду с кризисом в общественном оленеводстве продолжалось сокращение оленепоголовья в личном владении колхозников. Практически не выполнялось решение ЦК КПСС от 12 марта 1952 г. о ликвидации безоленности среди коренного населения Севера.

В 1953 г. в личной собственности колхозников Магаданской области было 87,5 тыс. оленей, а в 1957 г. поголовье сократилось до 64,9 тыс. гол. и 39% хозяйств были вообще без оленей [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 215, л. 17].

«У нас продолжают иметь место грубые нарушения устава: в ряде колхозов ущемляются права и интересы колхозников местных национальностей, допускается бесхозяйственность, неправильное расходование денежных средств», – отмечалось на пленуме Магаданского обкома КПСС [Там же. Л. 25].

В приказе № 182 от 14 декабря 1955 г. говорилось, что во многих колхозах продолжают нарушать правильное сочетание общественных интересов колхозов с личными интересами колхозников. Несмотря на решение облисполкома от 2 августа 1954 г. № 298, категорически запрещающее изъятие у колхозников оленей личной собственности, в колхозе «Полярник» было изъято 470 личных оленей взамен оленей, утерянных бригадами. В колхозе «Пионер» Иультинского района возмещение стоимости потерянных и затравленных оленей в сумме 162 тыс. руб. было возложено на бригадиров и пастухов. В других хозяйствах отмечались даже факты начисления подобных штрафов, превышавших стоимость оленей в 3 раза!

Подобная практика приводила к ликвидации личных хозяйств колхозников и созданию дутых денежных доходов колхозов.

Стремясь уменьшить задолженность колхозников, в некоторых хозяйствах приняли решение о взаимном погашении долгов у родственников. *«Но т. к. многие колхозники состояли в родстве, то это мероприятие приняло массовый характер, чем нарушалось не только колхозное, но и советское право»* [Там же. Д. 108, л. 17].

В 1958 г. во всех оленеводческих колхозах была введена дополнительная оплата оленями за сверхплановую продукцию. За год колхозники Магаданской области получили в личную собственность 5,5 тыс. оленей.

В то же время повсеместно отмечались случаи, когда *«председатели колхозов, и в основном из числа русских, без судебных органов возмещали непроизводительные отходы общественного поголовья оленей за счет изъятия личной собственности колхозников...»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 104, л. 19]. В колхозе «Турваургин» (Восточная Тундра) председатель колхоза – «тридцатитысячник» Мальчиков за 3 года (1955–1958 гг.) отобрал у колхозников 2157 оленей под предлогом покрытия потерь [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 215, л. 25]. Заместитель председателя Анадырского райисполкома по оленеводству Этлену говорил, что *«сегодня начисляют пастухам дополнительную оплату живыми телятами, а завтра отбирают их обратно для возмещения потерь»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 108, л. 16].

Нарушение устава и полное бесправие колхозников было очевидным. Так, оленевод из колхоза «Дружба», выступая на собрании, заявил, что они *«готовы гарантировать правлению колхоза не только 100%-ную сохранность взрослого поголовья, но готовы дать 100% телят от 100 маток, лишь бы их не трогали (!)»* [Там же]. Наряду с оленеводством нестабильно развивалось в этот период и промысловое хозяйство, в основном из-за организационной неразберихи и слабой перерабатывающей базы. Заместитель начальника облсельхозуправления Магаданской области по добыче рыбы и морзверя В. А. Королев отмечал, что *«по вопросам обеспечения колхозов промснаряжением, оружием, боеприпасами, горючим, а также средствами для разделки и переработки продукции, кроме многолетних разговоров, никто ничего не делает»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 35, л. 84]. Пловерская и Мечигменская МЗС из-за плохого энерготехнического оснащения не выполняли своих функций и оставались *«по существу прокатными пунктами»* [Там же. Д. 140, л. 62].

В справке «Об организационно-хозяйственной деятельности рыболовецких колхозов ЧНО» указывалось, что основной причиной невыполнения колхозами планов добычи морзверя является крайне неудовлетворительное обеспечение их МЗС горючим и боеприпасами, что вынуждает колхозников во время путины покупать горючее и боеприпасы у сторонних организаций по коммерческим ценам или совсем прекращать работу. Кроме этого, колхозам навязывались просто грабительские цены на сдаваемую продукцию, которые не покрывали их затрат.

Не способствовало улучшению работы МЗС и то, что только за 1956–1959 гг. они 6 раз переподчинялись различным рыбопромысловым предприятиям [Там же. Л. 45].

В целом оленеводство и промысловое хозяйство оставались в глубоком кризисе. В Постановлении Бюро ЦК КПСС по РСФСР по отчету Магаданской области в 1957 г. отмечалось, что *«основная отрасль сельского хозяйства – оленеводство – развивается крайне медленно, товарность его низкая. Не уделяется необходимого внимания развитию охотничьего промысла и звероводства, за последние годы добыча и заготовка пушнины, мехового сырья значительно снизилась. Во многих колхозах не установлена материальная заинтересованность колхозников в оплате труда, не созданы нормальные условия для оленеводов и охотников»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 284, л. 14].

Положение в оленеводстве и промысловом хозяйстве начало улучшаться только после принятия ЦК КПСС и СМ СССР специального Постановления 1957 г. № 300 «О развитии экономики и культуры народностей Севера». В сентябре 1958 г. СМ РСФСР принял Постановление «О мерах по дальнейшему развитию северного оленеводства», на основании которого были разработаны планы развития оленеводства, промыслового хозяйства и благоустройства села.

В 1957–1958 гг. колхозы Магаданской области на техническое переоснащение получили кредитов 3195 тыс. руб. и 3507,7 тыс. руб. на жилищное строительство. Резко возросли поставки техники и оборудования. Для перекочевок и доставки продовольствия и стройматериалов в тундре в опытном порядке стали применять тракторы С-100, ДТ-54, ДТ-75, вездеходы ГАЗ-47, ГАЗ-53, АТЛ.

В 1958 г. в колхозе им. Ленина Чукотского района *«впервые в истории оленеводства перевели 3 бригады в восьмиместные домики, которые передвигались тракторами С-80»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 284, л. 73].

Механизация оленеводства обходилась очень дорого, а эффект был небольшой.

Секретарь Магаданского ОК КПСС П. Я. Афанасьев в докладной записке от 22 мая 1958 г. писал Н. С. Хрущеву: *«Колхозы расположены на огромной территории, не имеют постоянной транспортной связи с областным и районными центрами, находятся на расстоянии многих тысяч километров от промышленных центров и портов, откуда поступает все необходимое для жиз-*

ни и деятельности хозяйства и населения. Доставка... удорожает их. ...Колхозы из-за экономической слабости не в состоянии без помощи государства приобретать необходимую технику по таким высоким ценам» [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 58, л. 73].

Кроме этого, не приспособленная к условиям Севера техника часто выходила из строя, а стоимость капитального ремонта трактора С-80 на заводах Магаданского совнархоза без расходов на доставку составляла 74 тыс. руб., т. е. в 2 раза превышала стоимость нового. Тем не менее процесс механизации оленеводства и промыслового хозяйства протекал быстрыми темпами.

В целях повышения качественных показателей и снижения непроизводительных отходов оленей начала создаваться сеть зоотехнических и зооветеринарных пунктов, улучшалась племенная и ветеринарная работа непосредственно в оленеводческих бригадах.

На Чукотке на базе 240 оленьих стад с поголовьем 539 102 гол. были сформированы 19 племенных и улучшенных стад (42 477 гол.) и 16 нагульных (26 340 гол.) [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 523, л. 63].

С 1958 г. для борьбы с кожным оводом, который снижал доходность оленеводства (по расчетам, на 25–30%), в колхозах и совхозах начали применять противооводовые обработки стад дихлофосом, эмульсиями, пастами ДДТ и гексахлораном. Первые обработки оленей на Чукотке (в 1956 г. – «Полярник», «Марковский», «Энмитагино») приспособленными опрыскивателями ОПБ и ручными типа «Север» дали хороший эффект. По отчетам, они охватывали до 80% оленепоголовья округа и резко снизили заболеваемость животных. На практике падеж оленей от заболеваний сокращался незначительно, а качество кожсырья из-за поражения личинками овода оставалось очень низким.

Первые значительные успехи в оленеводстве были достигнуты в 1958–1965 гг. По количеству оленей и заготовке продукции оленеводства Магаданская область занимала 1-е место среди национальных округов, краев и областей Севера РСФСР.

В колхозах и совхозах Магаданской области основное поголовье оленей в этот период увеличилось с 464,1 до 665,3 тыс. гол., в том числе в ЧНО с 353 до 539,1 тыс. гол. [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 523, л. 352].

За годы семилетки оленеводческие совхозы Чукотки дали государству 6376,6 тыс. руб. прибыли. Начиная с 1962 г. при среднем валовом производстве мяса 12 103 т сдавалось государству 7190 т.

В этот период из общего числа забоя оленей по РСФСР 2982,4 тыс. гол. в Магаданской области было забито на мясо 997,1 тыс. гол. (33,43%) [ГАКО, ф.р-237, оп. 1, д. 375, лл. 370–371].

В 1965 г. оленеводческие колхозы и совхозы Чукотки сдали государству 8508,4 т мяса против 2300,0 т в 1958 г. В результате денежные доходы оленеводческих колхозов возросли с 1401 тыс. руб. в 1954 г. до 6086 тыс. руб., а с учетом повышения закупочных цен в 1965 г. (на 70%) достигли 17 765 тыс. руб. [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 523, л. 352].

По количеству оленей в стадах совхозы «Анадырский», «Анюйский», «Канчаланский», «Марковский», «Омолон», «Певек» стали крупнейшими в РСФСР.

В приказах МСХ РСФСР и ВЦСПС ежегодно отмечалась хорошая работа оленеводческих совхозов «Дружба», «40 лет Октября», «Ударник», «Полярник», «Энмитагино».

За успехи в развитии оленеводства были награждены золотыми медалями ВДНХ бригадиры оленеводческих бригад: А. И. Коравье (колхоз им. Жданова), Н. Ранаквыргин, Р. Яйнев («Путь Севера»). Высоких результатов добивались оленеводческие бригады Н. Этувье из колхоза им. I Ревкома Чукотки, А. Н. Коравье (колхоз «Путь к коммунизму»), Г. Н. Кенчи (совхоз «Анадырский»), М. Г. Келенкева (совхоз «Марковский»), В. Теленкеу (колхоз «Коммунист») и многие другие.

В 1963 г. Указом ПВС Союза ССР бригадиру оленеводческого совхоза «Канчаланский» И. П. Аренто было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Увеличение доходов позволило значительно улучшить кредитование колхозников, направленное на восстановление личного хозяйства. В 1957 г. на приобретение оленей было выделено 147 тыс. руб., в 1958 г. – 173, в 1959 г. – 170, в 1960 г. – 220.

В Колымских районах Магаданской области на 1 января 1966 г. в колхозах и совхозах насчитывалось 131 385 оленей, но в связи с развитием молочного животноводства и полеводства в Ольском, Среднеканском и Омсукчанском районах значение оленеводства из года в год падало [Там же. Л. 1].

Успешное развитие оленеводства в 1958–1965 гг. позволило сохранить устойчивый рост продукции отрасли и в дальнейшем.

Одним из главных направлений развития оленеводства являлось его техническое переоснащение.

Колхозы и совхозы Магаданской области получили 158 тракторов, 102 вездехода, 330 радиостанций РСО-5 и Недра-II. Большинство центральных усадеб были радиофицированы и имели связь с отделениями и перевалбазами.

Однако за внешним благополучием скрывались серьезные проблемы, причем они имели тенденцию к обострению.

Например, Магаданская область выполнила и перевыполнила все плановые показатели и вышла в 1969 г. на 1-е место среди северных областей, получив переходящее Красное знамя СМ РСФСР, ВЦСПС и Диплом первой степени ВДНХ.

В то же время непроизводительные отходы оленей в колхозах и совхозах области постоянно возрастали. В 1954–1956 гг. они превысили 200 тыс. гол. Только колхозы потеряли 5 тыс. т мяса на сумму 50 млн руб. [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 215, л. 127]. В 1958 г. в хозяйствах Чукотки отходы оленей составили 44 195 гол., в 1965 г. – 87 325, в 1966 г. – 81 258, в 1967 г. – 65 508, в 1968 г. – 83 912, в 1969 г. – 100 619, в 1970 г. – 71 784.

Наибольший падеж оленей в 1969 г. был зафиксирован в хозяйствах Анадырского и Билибинского районов. В колхозе им. I Ревкома Чукотки – 8000 гол., в совхозе «Марковский» – 6300 гол., в колхозе «Турваургин» – 8650 гол.

В годы VIII пятилетки погибло почти полностью окружное стадо оленей, которое в 1970 г. составляло 553 тыс. гол.

В такой ситуации *«некоторые руководители, специалисты сельского хозяйства стали на путь очковтирательства и приписок»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 1137, л. 120].

Ярким примером является борьба за «магаданский миллион» оленей. В 1961 г. VI пленум Магаданского ОК КПСС принял решение довести поголовье оленей в 1965 г. до 1 млн гол. Экономически необоснованное наращивание оленепоголовья в колхозах и совхозах нанесло большой социально-экономический, экологический и моральный ущерб.

В результате роста поголовья и укрупнения стад резко увеличилась нагрузка на оленеводов, что привело к неуправляемости стад и обострению кадровой проблемы. Хотя именно благодаря укрупнению планировали снизить кадровый дефицит. Если в 50-е гг. бригадные стада насчитывали 1200–1500 гол., то в 1965 г., они составляли 2000–2500 гол. на 5–6 чел.

Огромные стада оленей гибли от бескормицы, уничтожая ценнейшие пастбища, поскольку практически во всех хозяйствах пастбищеобороты не соблюдались. Обследования показали, что безвозвратно уничтожено 2,5 млн га ценнейших ягельников. Выдвинув лозунг «Олени – наша кукуруза!», забыли, что эту «кукурузу» надо перерабатывать. Девятнадцать забойных пунктов – примитивных, без механизации, с приспособленными холодильниками, не справлялись с большой массой оленей и превратились в бойню в худшем смысле этого слова. Товарные стада после 500–600 км перегона неделями находились у забойных пунктов без корма и воды, теряя упитанность, и гибли. Кроме прямых потерь, «магаданский миллион» имел негативное психологическое значение. Мировоззрение молодых пастухов-оленеводов формировалось в атмосфере безразличия, бесхозяйственности. Магаданская область не выполнила своих обязательств, но тенденция экстенсивности как основного средства развития оленеводства сохранялась и обернулась гигантскими потерями.

Магаданская область не была исключением, и проблемы, с которыми она столкнулась, были присущи и другим регионам Севера. Массовые падежи оленей отмечались в хозяйствах Бурятской АССР, Красноярского края, Амурской и Тюменской областей.

В 60-е гг. предпринимались попытки поднять эффективность оленеводства и промыслового хозяйства за счет экономического стимулирования.

В 1965 г. закупочные цены на продукцию оленеводства были повышены на 70%, пушного промысла – на 25–30%, а оптовые цены на сельскохозяйственную технику были снижены в среднем на 20%. Кроме этого, с 1966 г. в колхозах вводилась гарантированная оплата труда, а в 1968 г. начался массовый перевод оленеводческих совхозов на хозяйственный расчет. Предпринятые меры позволили на короткий срок улучшить финансовое положение колхозов и совхозов, но в то же время породили ряд новых проблем, отрицательно повлиявших на производство в дальнейшем.

С применением техники в оленеводстве, особенно в ЧНО, сразу же возникла проблема обеспечения тракторно-вездеходного парка запчастями, горюче-смазочными материалами, ремонтными мастерскими и высококвалифицированными кадрами. Ни один из колхозов и совхозов Колымы и ЧНО не обладал необходимой ремонтной базой, и обслуживание техники велось в неприспособленных помещениях кустарными методами.

Техника в оленеводстве выполняла вспомогательную роль, а ее применение и ремонт увеличили себестоимость продукции.

Тракторы и вездеходы поступали в оленеводство из фондов промышленных предприятий и воинских частей, как правило, в изношенном состоянии, с выработанными моторесурсами, а часть техники по техническим характеристикам была вообще непригодна для работы в тундре. Таким образом, высокий уровень технической оснащенности не отражал реальной действительности.

Что касается радиофикации бригад, то и здесь были серьезные проблемы. Радиостанции имели небольшой радиус действия и жестко фиксированные частоты, что исключало обмен информацией не только между совхозами, но и между бригадами. В то время это было связано с интересами государственной безопасности.

В результате оленеводческие бригады, находившиеся за сотни километров от центральных усадеб, месяцами не имели никакой устойчивой связи.

Перевод колхозов на гарантированную оплату труда (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16 мая 1966 г.), во-первых, способствовал уравниловке, сдерживавшей трудовую активность; во-вторых, подменял экономическое стимулирование гарантией государства даже за невыполненную работу; в-третьих, подготавливал почву для преобразования их в совхозы.

Что касается хозрасчета, то он носил ярко выраженный административно-бюрократический характер. В процессе проверок производственно-финансовой деятельности совхозов было установлено, что хозрасчетные задания до бригад не доводились, а являлись формой отчетности для областного управления сельского хозяйства.

Экономический эффект хозрасчета на практике достигался за счет естественной рентабельности оленеводства при снижении расходов на строительство в тундре производственных и жилищно-бытовых сооружений.

Длительное время оленеводство рассматривалось только как источник увеличения мясопоставок. Рога, шерсть, субпродукты, значительная часть кожсырья почти не использовались. Однобокость развития оленеводства обернулась большими потерями уже в начале IX пятилетки, когда на покрытие расходов от стихийных бедствий потребовались значительные государственные дотации. Других источников финансирования не оказалось, но были варианты расширения доходности оленеводства, которые не нашли применения. В частности, это касается программы «Рантарин» и развития внешнеэкономических связей в рамках прибрежной торговли с Японией.

По заказу Магаданского областного управления сельского хозяйства группа научных работников Института биологически активных веществ Дальневосточного филиала СО РАН под руководством д. м. н. профессора И. И. Брехмана провела в 1963–1966 гг. изучение пантов северного оленя и установила возможность получения из них лечебного препарата рантарин, аналогичного пантокрину. Производство рантарина имело неограниченные возможности. Однако Магаданский облисполком отказался от программы «Рантарин» под надуманным предлогом, что северное оленеводство имеет мясное направление, а срезка пантов отрицательно повлияет на воспроизводство.

В 1968 г. Министерство внешней торговли (Постановлением СМ СССР от 1 апреля 1968 г. № 200) предусмотрело поставку на экспорт из Магаданской области в 1969 г. оленьей шерсти и кожевенного сырья. Спрос на внешнем рынке на продукцию оленеводства был большой, *«только японские фирмы сообщали о заинтересованности в закупке до 30 т оленьей шерсти»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 922, л. 286].

Однако из-за примитивного технического оснащения Магаданского кожевенно-обувного комбината *«ежегодно значительное количество шерсти вывозилось на свалку ввиду отсутствия сушильной установки»* [Там же]. Кожевенно-меховое сырье, поступавшее от оленеводческих хозяйств, в большинстве было поражено бруцеллезом и не могло использоваться, тем более экспортироваться. В рамках прибрежной торговли японские фирмы предлагали организовать поставку на экспорт тундрового мха, рогов, копыт, сыворотки, эндокринного сырья, но и это предложение не нашло отклика. Большие потенциальные возможности в получении дополнительной прибыли от оленеводства путем полной переработки и развития международной торговли не использовались.

Приоритетное развитие оленеводства наносило серьезный ущерб другим отраслям и традиционным занятиям коренного населения. *«Повышение прибыли от оленеводства породило иждивенческое настроение руководителей в развитии производственной базы и, в частности, таких отраслей, как морской зверобойный промысел, пушной, рыболовство, пошив меховой одежды – исконных отраслей, дающих занятость 2/3 трудоспособного населения»*, – отмечалось в документах Чукотского окрисполкома [Там же. Д. 868. л. 145].

Начальник Магаданского областного управления охоты и промыслов Н. И. Кондауров отмечал, что количество охотников, выделяемых на добычу промысловой пушнины колхозами и совхозами, с каждым годом сокращалось. Если в 1953 г. в промысле участвовали 1600 колхозников, то в середине 60-х гг. – 600–700 чел., и особенно сократилось количество охотников в таежной зоне Колымы, где не хватало до 200 промысловиков.

В центральных районах Колымы до 60% пушнины поставляли охотники-любители, промышлявшие вблизи населенных пунктов. *«Запасы пушных зверей в глубинных угодьях оставались почти нетронутыми, за исключением белки, добычу которой вели промысловики и оленеводы»* [Там же. Д. 917, л. 107].

В тундровой зоне Колымы и Чукотки проблема с кадрами была менее острой, так как охотой занимались оленеводы, однако количество охотников-профессионалов также сокращалось. *«Техническое оснащение охотников Магаданской области средствами транспорта, избушками, промысловым снаряжением и орудиями лова было намного ниже по сравнению с Якутской АССР и госпромхозами Камчатки»* [Там же. Л. 108].

Не способствовали развитию пушного промысла и крайне низкие закупочные цены, даже после их повышения в 1965 и 1968 г. Средние цены на шкурки промысловой пушнины в 1969 г. составляли, руб.:

белки – 2,5; лисицы – 18; выдры – 34; ондатры – 1,1; горностая – 4,5; зайца – 0,7; соболя – 37; песца – 36 [Там же].

В результате доходы от промысла превышали расходы и пушной промысел был искусственно возведен в разряд убыточных.

Снижение эффективности пушного промысла было связано и с развитием клеточного звероводства, за счет которого планировалось значительно увеличить пушные заготовки.

В 50-е гг. развернулась широкая кампания повсеместного насаждения клеточного звероводства в колхозах и совхозах. Первая звероферма в Магаданской области была организована в 1951 г. в колхозе им. Сталина Ольского района, а на Чукотке – в 1953 г. в колхозе им. Ленина Чукотского района.

За 1954–1958 гг. в колхозах были созданы 22 зверофермы с общим поголовьем 828 гол. Кроме этого, в 1957 г. в оленеводческом совхозе «Буксунда» организована звероферма серебристо-черных лисиц (38 гол.).

В 1962 г. звероводством занимались 19 колхозов и 4 совхоза. Для звероферм было закуплено 900 норок норвежского типа. В 1963 г. на зверофермах содержалось 2787 серебристо-черных лис, 1530 голубых песцов, 475 норок. Основное поголовье пушных зверей было сосредоточено в Чукотском (41%), Анадырском (21,3%) и Провиденском (18%) районах. Небольшие зверофермы имелись в Беринговском (8,9%), Иультинском (6,4%), Билибинском (2,6%) и Чаунском (1%) районах.

Однако уже к середине 60-х гг. в большинстве колхозов и совхозов зверофермы были ликвидированы.

Для развития клеточного звероводства в колхозах и совхозах не было ни специалистов, ни зоотехнической службы, ни устойчивой кормовой базы. Из-за традиционной экономии средств материальная база создавалась на примитивной основе. Из средств механизации имелось всего 11 кормоагрегатов, 15 мясокосторезок, 14 мясорубок, которые часто выходили из строя, и все технологические процессы (поение, кормление, чистка клеток и пр.) выполнялись вручную. Мелкие зверофермы были нерентабельны, и хозяйства несли большие убытки.

Например, себестоимость шкурки песца (колхоз им. XXII съезда КПСС) составляла 139 руб. при закупочной цене 55 руб., серебристо-черной лисицы («Заря коммунизма») – соответственно 181 и 90 руб., и т. д. Кроме этого, отсутствие зоотехнической и племенной работы ежегодно приводило к большому падежу зверей. Так, в 1966 г. пало 7619 гол., в том числе в хозяйствах ЧНО 25% поголовья.

С 1963 г. основное поголовье пушных зверей было сконцентрировано в специализированных зверосовхозах «Магаданский», «Арманский» и в колхозах Ольского, Северо-Эвенского, Провиденского и Чукотского районов, где был наиболее развит морской зверобойный промысел. Среднегодовая заготовка пушнины в ЧНО возросла с 493,2 тыс. руб. в 1961–1965 гг. до 737,8 тыс. руб. в 1966–1970 гг. [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 369, л. 23].

С развитием клеточного звероводства проблемы охотничьего промысла не только не были решены, но и еще более обострились. На областном совещании работников охотничье-промысловых хозяйств в 1967 г. отмечалось, что охотники по-прежнему *«неудовлетворительно обеспечиваются одеждой, снаряжением, палатками и особенно индивидуальным транспортом. За 4 года количество ездовых собак у охотников уменьшилось в несколько раз»* [ГАМО, ф.р-228, оп. 1, д. 139, лл. 10, 13].

В кризисном состоянии находилось и подсобное производство, являвшееся неотъемлемой частью комплексного хозяйства коренного населения.

В справке «О выполнении Постановления ЦК и СМ СССР № 284 от 14 июля 1966 г. "О развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве"» отмечалось, что за последние годы Сельхозтехника ни материалов, ни оборудования, необходимого для переработки рыбы, пушно-мехового и кожевенного сырья, в область не завозила [ВА МАПК, д. 281, Отдел оленеводства (промыслы) за 1970 г., л. 22].

Работница пошивочной мастерской Линенеут из колхоза им. Ленина говорила на собрании, что *«в этом помещении мастерской невозможно работать. Там работают женщины, они просто мучаются. Там тесно, а когда пурга, то холодно. На разделке лахтака, нерпы у женщин нет спецодежды»* [Там же. Д. 625, л. 12].

Аналогичное положение с пошивочными мастерскими и народными промыслами было и в других хозяйствах.

Наиболее острой оставалась проблема обустройства тундры, на решение которой были истрачены миллионы рублей.

В приказе № 30 от 30 марта 1970 г. по Областному управлению сельского хозяйства отмечалось: *«Материальная база до сего времени остается слабой, на 306 оленеводческих бригад, в которых содержится около 700 тыс. оленей, построено всего лишь 47 промежуточных баз, 119 домиков на маршрутах, 169 коралей, что явно недостаточно для ведения оленеводства*

и создания необходимых бытовых условий для жизни оленеводов. Культура ведения оленеводства и жилищно-бытовые условия оленеводов во многих хозяйствах остаются на низком уровне, что не способствует закреплению кадров и притоку молодежи для работы в оленеводческих бригадах» [ВА МАПК, д. 896, т. 1, л. 138].

В целом надо отметить, что в 50–60-е гг. административно-командная система, максимально концентрируя усилия на одном направлении, при смягчении директивных методов управления смогла за счет организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов, совершенствования их материально-технической базы и подконтрольного экономического стимулирования добиться значительных успехов в развитии оленеводства.

Однако исторический опыт развития сельского и промыслового хозяйства показывает, что кратковременный экономический подъем отдельных отраслей достигался путем перенапряжения всех материальных и людских ресурсов и заканчивался длительной депрессией, еще большим спадом в производстве и обострением социально-экономических проблем.

3.4.2. Основные направления развития нетрадиционных отраслей сельского хозяйства

В 50–60-е гг. в структуре сельского хозяйства центральных районов области приоритетное внимание уделялось развитию молочного животноводства и растениеводства. Основным стратегическим направлением сельскохозяйственного производства по-прежнему оставался курс на обеспечение продуктами питания населения за счет собственного производства.

В центральных промышленных районах необходимо было создать крупные продовольственные базы, максимально приближенные к рабочим поселкам, население которых постоянно увеличивалось. Существовавшие на рубеже 50-х гг. сельскохозяйственные предприятия не располагали необходимой материально-технической базой для выполнения этой масштабной задачи.

На молочно-товарных фермах совхозов, колхозов, в подсобных хозяйствах господствовал тяжелый ручной труд. Практически отсутствовало агрономическое и ветеринарное обслуживание, и сельскохозяйственные работы велись по самой примитивной технологии.

В материалах о состоянии сельского хозяйства области в 1954–1955 гг. отмечалось, что *«16 колхозов Колымы обслуживают 63 специалиста, при этом трудно назвать хотя бы несколько колхозов, в которых агрозооветобслуживание поставлено хорошо. С кадрами всех видов очень плохо»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 55, л. 27].

Постановления ЦК КПСС и СМ СССР 1954 г. сыграли важную роль в подъеме сельского хозяйства, но были направлены на решение локальной задачи – укрепление материально-технической базы. В Магаданской области в 1954 г. в пос. Дебин была организована первая МТС, приступившая к работе в июне 1955 г. Совхозам Дальстроя были выделены дополнительные ассигнования: в 1954 г. – 2 млн руб., в 1955 г. – 9 млн руб., в 1956 г. – 12 млн руб., в 1957 г. – 15 млн руб.

За счет централизованных фондов через систему Сельхозснаба в 1954–1958 гг. колхозам, совхозам и подсобным хозяйствам были поставлены: 232 трактора (в том числе в колхозы – 86); 127 автомашин (42); 91 электростанция (69); 24 пилорамы (15); 725 электродвигателей (295) [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 284, л. 89].

Для механизации ферм в совхозы УРСа было закуплено оборудование, позволявшее обеспечить доильными агрегатами 50% поголовья коров в совхозах и 30% в колхозах [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 284, л. 89].

Государство осуществило безвозвратные финансовые и материальные вложения в сельское хозяйство при одновременном списании долгов с колхозов и совхозов. Однако эти меры не давали адекватного результата.

Например, технический переворот, начавшийся в сельском хозяйстве, обнажил много проблем, показал неподготовленность колхозов и совхозов к плановому использованию средств механизации. Сельское хозяйство Колымы в этот период преодолевало последствия деятельности Дальстроя и находилось в состоянии застоя.

В животноводстве отмечалось уменьшение поголовья, которое было связано с перестройкой структуры стада, ликвидацией убыточных мелких подсобных хозяйств и плохой кормовой базой.

Молочное животноводство развивалось в Ягоднинском, Сусуманском, Тенькинском районах, которые являлись центрами золотодобывающей промышленности. В этих районах, наряду с совхозами и колхозами («Эльген», «Красный богатырь», «Сусуман», им. Сталина), главное значение имели подсобные хозяйства предприятий совнархоза, расположенные в непосредственной близости от потребителя.

В Ольском районе значительные стада молочного скота имели колхозы «Пробужденный Север», «Рассвет», «Ленинское знамя».

Молочное животноводство стимулировалось ростом населения и расширением зоны деятельности горнодобывающей промышленности.

С образованием Колымской МТС повысились возможности хозяйств в развитии земледелия. За 4 года своей деятельности отряды МТС освоили 2840 га новых земель (из них под пашню 1370 га) и улучшили 1470 га лугов. В результате в 1956 г. колхозы утроили посевные площади, но качество выполненных мелиоративных работ оказалось очень низким, поэтому достижения в этой отрасли были невелики. Например, при увеличении посевных площадей с 2791 до 3607 га валовой сбор капусты сократился с 5680 до 4760 т.

Население по-прежнему испытывало недостаток в сельскохозяйственной продукции местного производства. В 1958 г. *«среднее потребление яиц составляло 19,4% от нормы, овощей – 20,6%, молока – 70%»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 284, л. 66].

В конце 50-х гг. в сельском хозяйстве была предпринята попытка поднять эффективность государственного сектора за счет расширения экономической самостоятельности колхозов, концентрации и специализации производства и механизации трудоемких процессов.

В 1958 г. в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС» и Постановлением СМ РСФСР от 23 мая № 50 Колымская МТС была реорганизована в ремонтно-техническую станцию.

При ее расформировании колхозам области было *«продано различной техники на сумму 2204 тыс. руб. Нереализованная техника передавалась местным Советам и предприятиям совнархоза безвозмездно»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 284, л. 58].

Ликвидация МТС и переход к продаже техники непосредственно хозяйствам, повышение закупочных цен на продукцию животноводства и растениеводства, списание долгов создавали необходимые условия для расширения экономической самостоятельности колхозов. Но в то же время административная система управления не только не ослабла, но и получила дальнейшее развитие. В частности, это касалось усиления роли партийных и советских органов в руководстве сельским хозяйством.

Так, в 1956–1957 гг. во главе колхозных парторганизаций были назначены освобожденные секретари, перед которыми была поставлена задача принять все меры к резкому сокращению затрат труда и средств на единицу продукции и тем самым добиться повышения производительности труда в животноводстве и земледелии.

23 марта 1962 г. бюро Магаданского ОК КПСС утвердило образование Магаданского областного комитета по руководству сельским и промысловым хозяйством. В состав комитета вошли П. Я. Афанасьев – первый секретарь ОК КПСС, И. К. Котляров, Д. С. Комаровский, М. Н. Градов, В. В. Пономарев, Н. Л. Иосифович, В. М. Крюков.

Считалось, что перестройка партийных и советских органов бесспорно усилит организаторскую роль и влияние районных комитетов партии и райисполкомов на хозяйственную и экономическую деятельность хозяйств [ГАКО, ф.р-237, оп. 1, д. 380, л. 14].

Усиление организаторской роли партийного и административного аппарата сводилось к ужесточению контролирующих функций партийных организаций за сельским хозяйством через систему планирования и распределения, расстановку и подбор руководящих кадров, повышение роли первичных партийных организаций в развертывании социалистического соревнования, движения за коммунистический труд и т. д., т. е. через формы внеэкономического стимулирования.

Секретарь Магаданского обкома КПСС П. Я. Афанасьев подчеркивал, что *«сейчас особенно важно конкретно руководить сельским хозяйством секретарям райкомов КПСС, председателям райисполкомов... нести полную ответственность за состояние дел на местах... так как далеко еще не на должном уровне стоит политическая работа среди животноводов»* [Магаданская правда, 1957, 11 окт.; 1958, 26 марта].

Эта политическая акция оказала положительное влияние с точки зрения мобилизации всех внутренних материальных и финансовых ресурсов на подъем сельского хозяйства. Промышленные предприятия оказывали безвозмездную всестороннюю помощь колхозам техникой, наладкой и ремонтом оборудования электрификацией ферм и т. д.

В период уборочных работ на полях работали тысячи рабочих и служащих, мобилизованных из г. Магадана и рабочих поселков. Среди колхозников и рабочих совхозов развертывалось социалистическое соревнование и движение за коммунистический труд.

В годы семилетки сельское хозяйство, развиваясь на экстенсивной основе, добилось больших успехов в увеличении валового производства продукции животноводства и растениеводства.

В 1965 г. колхозы, совхозы и подсобные хозяйства произвели 23 021 т молока, 14 727 т мяса, 32 212 тыс. шт. яиц, 11 751 т картофеля.

На повышение эффективности сельского хозяйства в этот период оказали влияние и некоторые меры экономического стимулирования труда колхозников и рабочих совхозов. С 1960 г. разрешалось *«за хорошее использование и сохранность тракторов выплачивать трактористам премии в размере 25% от суммы экономии средств, предусмотренных на ремонт закрепленных машин, и за работу без прицепщиков – 20%»* [ГАКО, ф.р-515, оп. 1, д. 59, л. 27].

В 1961 г. во всех отделениях совхозов внедрялся внутрихозяйственной расчет, устанавливался 7-часовой рабочий день, а в 1964 г. начался перевод отделений, звеньев и бригад совхозов на аккордно-премиальную оплату труда. Однако в условиях административной системы предпринятые меры экономического стимулирования имели лишь кратковременный эффект. Несмотря на рост валового производства, производственно-финансовое положение совхозов не улучшалось.

Например, в 1965 г. совхоз «Тенькинский» (образован в 1958 г. на базе подсобного хозяйства Тенькинской торговой конторы УРСа) имел только сверхплановых убытков 452 тыс. руб., совхоз «Энергетик» (образован в 1962 г. на базе 4 подсобных хозяйств Северовостокзолота) – 596 тыс. руб., совхоз «Талая» – 800,6 тыс. руб. и т. д. [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 200, лл. 44, 90, 123].

При таких колоссальных затратах производства значительная часть продукции не доходила до потребителя. В хозяйствах отсутствовали складские помещения и цехи переработки. Только по этой причине пропадало 30–35% картофеля и овощей. Например, в совхозе «Сеймчан» ежегодно сотни тонн капусты погибало на корню и складах. В 1955 г. было скормлено скоту 250 т белокочанной капусты, в 1956 г. –156 т, в 1957 г. –214 т.

Рабочие совхоза говорили, что если бы им разрешили открыть собственные овощные и молочные ларьки в Магадане и на трассе, то они продали бы трудящимся области сотни тонн овощей и молочных товаров. Однако реализация продукции являлась монополией торговых организаций, которые были заинтересованы в увеличении товарооборота за счет завозных, более дорогих сельскохозяйственных продуктов.

Секретарь Среднеканского РК КПСС К. В. Донцов говорил на 3-й областной партконференции: *«Мы вырастили много капусты, но вместо того, чтобы реализовать ее в области, стали завозить капусту из Хабаровска»*[119]. В то же время от руководителей совхозов требовали увеличивать посевные площади и наращивать производство картофеля и овощей.

Аналогичное положение было и в молочном животноводстве. Из-за нехватки специального транспорта и оборудования для переработки молока, а также удаленности молочнотоварных ферм от рабочих поселков продукция животноводства зачастую просто не вывозилась.

Проблемы развития молочного животноводства и земледелия имели целый ряд составляющих, а решать их надо было комплексно. Например, увеличивая посевные площади, достигали роста валового производства картофеля и овощей, но совхозы вследствие низкой механизации даже не могли убрать урожай собственными силами. Хозяйства требовали все больше техники, но не имели капитальных мастерских, гаражей, квалифицированных кадров.

В июле 1962 г. бюро ОК КПСС специально рассматривало вопрос о положении с комплексной механизацией в животноводстве в совхозах, колхозах и подсобных хозяйствах. Бюро отметило, что на большинстве ферм, даже оборудованных подвесными дорогами и доильными установками, уровень механизации не отвечает нормативам. Механизмы простаивали из-за некомплектности, отсутствия запчастей, неквалифицированного ремонта, перебоев в подаче электроэнергии. Кроме этого, на построенных фермах было просто невозможно установить все технологическое оборудование.

Практически не велась работа по семеноводству, хотя в Магаданской области имелась опытная сельскохозяйственная станция. Методические разработки не выходили за рамки научного эксперимента и практического значения не имели. *«Имевшийся опыт сельскохозяйственной науки внедряется слабо и часто является одной из причин отставания ряда хозяйств и убыточности сельскохозяйственного производства в целом»* [ГАКО, ф.р-237, оп. 1, д. 398, л. 69], – отмечалось в материалах 3-й экономической конференции работников сельского хозяйства в 1966 г.

Оценка правильная, но практических выводов о необходимости внедрения достижений науки так и не последовало.

В молочном животноводстве вместо серьезной селекционной работы по выращиванию высокопродуктивного скота и стабилизации поголовья продолжалось плановое увеличение низкопродуктивных животных.

Это было связано с решением январского Пленума ЦК КПСС о резком увеличении поголовья коров и производства молока в колхозах и совхозах. Магаданский ОК КПСС и облисполком в постановлении от 25 февраля 1961 г. отметили, что за последние годы эта задача полностью не учитывалась. В результате по всем категориям хозяйств было допущено сокращение поголовья. Поэтому было решено довести дойное стадо до 11 тыс. гол. Однако племенное хозяйство не располагало необходимой базой.

Только отдельные доярки, обслуживавшие племенных коров, добивались высоких результатов – А. Г. Гревцева, В. Д. Цись, А. А. Московская, З. Д. Редькина (совхоз «Тауйский»), Д. Е. Лисаченко, Т. М. Мацкив (совхоз «Дукча»), а также В. И. Бабцева, Т. С. Пиперова, Е. К. Хабарова, Л. И. Добычина, получавшие до 3500 кг на одну корову.

---

[119] *Бацаев И. Д.* Развитие нетрадиционных отраслей сельского хозяйства на Северо-Востоке России в 1953–1970 гг. (молочное животноводство, растениеводство, птицеводство) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – С. 131.

А председатели колхозов и директора совхозов встали на путь приписок и обмана, завышая надои, привесы телят, количество дойного стада и т. д. Результаты ревизий говорят о том, что это явление в начале 60-х гг. приняло массовый характер.

Реальные успехи в сельском хозяйстве были достигнуты в птицеводстве и частично в свиноводстве за счет концентрации и специализации производства.

В Магаданской области основным поставщиком яиц являлся совхоз «Дукча», а также многоотраслевые совхозы «Тенькинский», «Эльген», «Талая».

На 1 января 1963 г. из 334 тыс. гол. птицы 155 тыс. гол. было сосредоточено в совхозе «Дукча». В совхозе были построены акклиматизаторы, птичники для выращивания цыплят с внедрением круглогодичной инкубации, что позволило резко увеличить производство яиц. В 1966 г. за высокие достижения в развитии птицеводства директору совхоза «Дукча» В. А. Шмелеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В целях отработки передовых приемов в развитии различных отраслей создавалась сеть специализированных показательных хозяйств. В 1964 г. в нее вошли ОПХ «Канчаланский» (оленеводство), совхоз «Магаданский» (звероводство), совхоз «Среднеканский» (овощеводство и молочное животноводство), колхоз им. Ленина Чукотского района (оленеводство, звероводство), ОПХ Магаданской сельскохозяйственной станции (птицеводство и картофелеводство) и совхоз «Дукча» (птицеводство).

Особое место в структуре сельского хозяйства Северо-Востока занимало теплично-парниковое хозяйство. В Магаданской области овощеводство закрытого грунта развивалось повсеместно в совхозах, колхозах, подсобных хозяйствах, при школах, больницах и т. д. Наиболее крупные теплицы и парники создавались на тепловых отходах промышленных предприятий.

Теплично-парниковое хозяйство имелось в колхозах «Путь Севера», «Оротук», «Новый путь» и в совхозах «Дукча», «Сусуман», «Тауйский», «Тенькинский», «Эльген», «Энергетик», «Хасынский», «Пригородный», «Сеймчан», «Среднеканский». Общая площадь совхозных теплиц составляла 23 020 м^2, парниковых рам – 24 490, колхозных – 400 м^2. Колхозные теплицы имели чисто потребительское назначение для удовлетворения собственных нужд. В подсобных хозяйствах предприятий имелись 8261 м^2 закрытого грунта и 1122 парниковые рамы. В теплицах выращивали огурцы, помидоры, лук, но основная часть площадей использовалась под рассаду. В 1965 г. в совхозах, подсобных хозяйствах и колхозах было собрано 3198 ц тепличных и 2082 ц парниковых овощей [ГАМО, ф.р-147, оп. 1, д. 179, л. 123].

Овощеводство закрытого грунта играло важную роль для населения области, особенно в рабочих поселках центральных районов Колымы и на Чукотке. В то же время тепличное хозяйство велось на примитивной основе. Парники и теплицы располагались в приспособленных помещениях, не хватало стекла, пленки, семян. Серьезные трудности возникали с тепло- и энергоснабжением. Себестоимость продукции не соответствовала розничным ценам, и целом овощеводство закрытого грунта было убыточным. Потенциальные возможности термальных источников не использовались, потому что, как и на Камчатке, они располагались вдали от населенных пунктов в труднодоступных районах.

В 1965 г. после мартовского Пленума ЦК КПСС в сельском хозяйстве региона начался новый этап развития.

Формы экономического стимулирования – новая система заготовок сельскохозяйственной продукции, повышение закупочных цен с дифференциацией по природно-климатическим зонам, банковское кредитование, повсеместное внедрение хозрасчета, создание страховых фондов – по замыслу должны были обеспечить интенсификацию труда в сельском хозяйстве. Однако на практике основным методом повышения эффективности сельского хозяйства в 60-е гг. являлась концентрация и специализация производства.

В Магаданской области в результате отраслевого перераспределения с учетом природно-климатических зон (Чукотская, Приохотская, Колымская) была создана сеть специализированных хозяйств.

Выращиванием картофеля занимались три специализированных совхоза: «Тауйский», «Дубининский», «Приозерный». В этих хозяйствах производилось 82% товарного картофеля. В 12 специализированных совхозах развивали овощеводство открытого грунта, удельный вес которых достиг 84%. Наибольший уровень концентрации и специализации был достигнут в совхозах треста «Птицепром»: «Дукча», «Среднеканский», «Тенькинский». Выращивание овощей закрытого грунта было сосредоточено в 10 молочно-овощных совхозах. В этих хозяйствах построили 40 тыс. м^2 теплиц и 30 тыс. парниковых рам. Однако валовое производство овощей закрытого грунта было незначительным. В среднем оно составляло 500 т огурцов, 150 т помидоров, 100 т зеленого лука, или около 2 кг на душу населения.

В процессе концентрации и специализации совхозного производства необходимо было решить очень важный вопрос комплексной механизации молочного животноводства и земледелия.

В 1968 г. количество тракторов в совхозах возросло на 63%, грузовых автомашин – в 3 раза, что потенциально позволяло увеличить объем тракторных работ на 60%, а грузоперевозок – в 2,3 раза [ВА МАПК, «Решения и распоряжения Магаданского облисполкома за 1970 г.», д. 893, т. 3, л. 100].

Ключевым звеном комплексной механизации в молочном животноводстве при высокой концентрации поголовья являлась электрификация совхозов, которая развивалась с большими трудностями.

В докладной записке начальнику Магаданэнерго отмечалось, что *«за 1967–1970 гг. проделана значительная работа по электрификации колхозов и совхозов. За этот период все колхозы и совхозы, отделения, бригады электрифицированы»* [ВА МАПК, «Материалы и переписка об электрификации сельского хозяйства за 1970 г.», д. 923, л. 172].

Однако фактически из 61 колхоза и совхоза только 22 были подключены к сетям Магаданэнерго. Это был самый низкий показатель в стране. Из запланированных 220 км линий электропередачи фактически построили всего 20 км (9,09%). Из принятых Магаданэнерго линий электропередачи колхозов и совхозов 95 км из 145 км находились в аварийном состоянии. Сетевые линии систематически допускали перебои в снабжении колхозов и совхозов электроэнергией. В результате по-прежнему простаивали механизмы на молочнотоварных фермах – доильные аппараты, автопоилки, кормораздатчики, агрегаты для навозоудаления и пр.

Кроме этого, практически не удалось решить ни одну из проблем рационального использования техники и оборудования.

В решении Магаданского облисполкома «О мерах по улучшению использования сельскохозяйственной техники в совхозах области» отмечалось: *«Ремонт тракторов, автомобилей и другой техники проводится в колхозах и совхозах. В "Сельхозтехнике" ремонтируются только 40% от общего объема по капитальному ремонту тракторов»* [ВА МАПК, д. 893, т. 2, л. 100]. Неудовлетворительно осуществлялся и ремонт оборудования на животноводческих фермах. Из 22 доильных установок «Молоковод-100» и «Молоковод-200», смонтированных в колхозах и совхозах, использовались лишь 12. В совхозах «Хасынский», «Тауйский», «Арманский», «Сеймчан», «Среднеканский» оборудование по комплексной механизации МТФ не работало. Особенно плохие хранение и эксплуатация техники были в совхозах «Тауйский», «Арманский», «Ольский», «Эльген» [Там же]. Рост капитальных затрат и техническое переоснащение совхозов привели к резкому снижению фондоотдачи.

Не была решена и проблема развития собственной кормовой базы.

В приказе № 82 от 10 сентября 1968 г. «О работе треста совхозов», в частности, отмечалось, что *«в ряде хозяйств по-прежнему низки урожаи сельскохозяйственных культур, неудовлетворительно используются земли и работы по освоению новых земель. Недостаточно используются удобрения, производство кормов отстает от роста поголовья скота»* [ГАМО, ф.р-147, оп. 1, д. 242, л. 159].

Во второй половине 60-х гг. по этой причине обозначилась тенденция сокращения основного поголовья в совхозах Сусуманского, Тенькинского, Ягоднинского, Омсукчанского и Северо-Эвенского районов. В подсобных хозяйствах объединения «Северовостокзолото» поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 20%.

Овощеводство открытого грунта наиболее эффективно развивалось в совхозах «Магаданский», «Сеймчан» и в хозяйстве опытной станции. Ее директору Н. Л. Иосифовичу Указом ПВС СССР от 6 июля 1964 г. за заслуги в развитии сельского хозяйства было присвоено почетное звание «Заслуженный агроном РСФСР».

В 60-е гг. началось целенаправленное развитие овощеводства закрытого грунта на промышленной основе. Крупные тепличные хозяйства были созданы в совхозах Сусуманского (35% областного производства) и Среднеканского (25%) районов. Себестоимость продукции колебалась от 165 руб./ц в совхозе «Энергетик» до 345 руб./ц в совхозе «Эльген». В г. Магадане началось строительство тепличнопарниковых комбинатов, но сроки ввода их в эксплуатацию были сорваны [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 1137, л. 53].

Выполнение государственных планов по производству картофеля и овощей достигалось с большими трудностями. Объемы заготовок неоднократно корректировались, и совхозы Магаданской области выполняли планы не ежегодно, а по совокупности. При росте валового производства качественные показатели не улучшались.

Снижение себестоимости было достигнуто только в производстве капусты за счет повышения урожайности со 174 до 249 ц/га, а в целом от производственно-финансовой деятельности совхозы области в 1968 г. имели убытков на сумму 3991 тыс. руб., в 1969 г. – 6605 тыс. руб.

В совхозе «Хасынский» производство молока увеличилось с 3561 до 4274 ц, а удой молока остался на уровне 3222 кг при росте себестоимости с 44 до 53 руб./ц [Там же. Д. 167, лл. 25–28]. Весь прирост продукции был получен за счет роста низкопродуктивного поголовья коров.

Ни один совхоз по-прежнему не имел севооборотов, а по сортовым посевам область занимала одно из последних мест на Дальнем Востоке. *«В большинстве совхозов семеноводческая работа находилась в крайне запущенном состоянии... В 1967 г. сортовых посевов в совхозах области зарегистрировано всего 47%. В ряде совхозов допускались бесконтрольное применение ядохимикатов и грубые нарушения правил работ с ними»*, – отмечалось в отчетах Управления сельского хозяйства [ГАКО, ф.р-237, оп. 1, д. 443, л. 81].

Многие директора совхозов практиковали сверхнормативное содержание коров и неучтенные посевные площади. Таким образом «повышалась» продуктивность коров и урожайность сельскохозяйственных культур.

Что касается мер экономического стимулирования, предусмотренных программой 1965 г., то они практически не выполнялись. *«Во многих совхозах нарушался принцип материальной заинтересованности механизаторов: не выплачиваются надбавки за классность, дополнительная оплата за сохранность и хорошее использование техники, а также за экономию горюче-смазочных материалов»* [Там же. Д. 460, л. 3]. Аналогичное положение было и в животноводстве.

Уровень производства продукции на душу населения оставался низким, и основную часть необходимых продуктов питания завозили из других районов страны. В Магаданской области торгующие организации ежегодно закупали для реализации населению 29–30 тыс. т картофеля и 15–16 тыс. т овощей. Совхозы и колхозы области в среднем производили около 5 тыс. т товарного картофеля (16–18% от потребности) и 7–8 тыс. т овощей (45–55%).

Следует отметить, что значительную часть сельскохозяйственной продукции в середине 60-х гг. давали подсобные хозяйства рабочих и служащих, имевших небольшие участки земли. Частный сектор в среднем производил ежегодно до 5 тыс. т картофеля, до 200 т овощей, 60–70 т молока, до 200 тыс. шт. яиц, 60–80 т тепличных овощей.

Но в то же время в результате деструктивной государственной политики, основой которой являлось общественное производство, в личных хозяйствах *«поголовье крупного рогатого скота сократилось на 30%, посевные площади на 23%, производство картофеля на 5%, овощей на 42%»*. Это была опасная тенденция.

В целом 50–60-е гг. в развитии сельского хозяйства области стали очередным этапом дальнейшего совершенствования социалистической системы хозяйствования на основе упрочения государственной формы собственности. Опираясь на материальную и финансовую поддержку государства, в процессе концентрации и специализации производства, укрепления материально-технической базы молочно-овощные совхозы добились роста валового производства сельскохозяйственной продукции. В то же время эффективность совхозного производства оставалась на низком уровне.

3.5. Рыбная промышленность

С образованием Магаданской области рыбная промышленность стала развиваться более динамично на новой основе. В 1954 г. во исполнение распоряжения СМ СССР от 7 июля 1954 г. № 7355-р в Магаданской области организуется государственный рыбопромышленный трест. В его состав вошли рыбокомбинаты УРПХ ДС и Северо-Охотского рыбтреста: «Арманский», «Гижигинский», «Наяханский», «Тополовский», «Ямский», «Ольский», «Усть-Магаданский», «Тауйский», Пловерская и Мечигменская МЗС, Анадырский морзверокомбинат. Кроме этого, тресту были подчинены Арманская судоверфь, Усть-Магаданское, Северо-Эвенское и Чукотское строительно-монтажные управления. Первым управляющим трестом был назначен Н. Н. Кузьмин. Однако уже 26 марта 1955 г. он был снят с должности как не обеспечивший работу, и новым управляющим назначен В. П. Тильба.

Приказом министра рыбной промышленности № 1 от 5 января 1955 г. Пловерская и Мечигменская МЗС, включенные в состав МГРТ, передавались Далькитзверопрому Главприморрыбпрома.

В целях улучшения материально-технического снабжения рыбокомбинатов и промыслов в 1954 г. организуется транспортно-складская контора (ТСК), которой передавался весь флот УРПХ ДС и часть плавсредств Нагаевского морского пароходства, в том числе сухогрузные баржи «Ола» и «Т. Маландина», 7 катеров типа «Минин», 2 сейнера РС-300 для переоборудования их в китобойные суда. Для укрепления флота Магаданского треста перегонялись суда из Владивостока, Находки, Охотска, с Сахалина.

В 1955 г. у ТСК уже был морской транспортный флот, включающий 7 буксирных катеров типа «Минин», буксирный пароход «Тайга», 8 сухогрузных барж грузоподъемностью от 100 до 250 т, 2 наливные баржи и рефрижераторное судно ТХС-177.

В связи с организацией Магаданского ГРТ Северо-Охотский госрыбтрест с 25 июля 1954 г. ликвидировался.

В целях повышения эффективности рыбной промышленности Магаданской области в 1954–1965 гг. предпринимаются меры по техническому оснащению рыбокомбинатов, созданию собственного морского флота, активного рыболовства и улучшению жилищно-бытовых условий рыбаков. В 1954–1956 гг. на это было ассигновано 28,9 млн руб. капитальных вложений, в том числе на жилищное строительство 8,8 млн руб.

В 1955 г. на Тауйском РПК, а затем и на других стали переходить на транспортировку рыбы не кунгасами, а в сетных рамах и вакуум-мешках вместимостью от 100 до 400 ц. Для разгрузки рыбы применялись рыбонасосы и гидравлические транспортеры. На Марчеканской базе в 1957 г. вступил в строй первый капитальный холодильник вместимостью 120 т. В Наяханском РПК оборудовали механизированный цех по закладке сельди в тару, а в Усть-Магаданском РПХ осваивали шнековый насос для выгрузки рыбы из чанов. Марчеканский механический завод изготовил агрегат конструкции Дремина для механизированного посола сельди и т. д. На рыбокомбинатах широко применялся творческий опыт местных рационализаторов.

В 1960 г. Магаданский ГРТ имел уже 267 самоходных и 246 несамоходных судов.

Материально-техническая база предприятий МГРТ особенно быстро развивалась в 1960–1965 гг. За это время были построены 18 засольных цехов, 20 механизированных линий по уборке рыбы; вместимость холодильных емкостей увеличилась с 1000 т в 1960 г. до 4670 т в 1963 г., а мощность холодильных камер возросла в 4 раза. Ряд цехов переоборудовали на посол рыбы в циркулирующем охлажденном тузлуке.

Однако по сравнению с другими рыбопромышленными предприятиями Приморрыбпрома Магаданский рыбтрест по технической оснащенности сильно отставал. Например, в Охотском тресте в это время действовали 7 механизированных плавучих цехов, один рыбозавод, несколько линий механизированного чанового и тузлучного посола, три бондарных завода и др.

Производительность труда на предприятиях Магаданского треста была в 2–3 раза ниже, чем на аналогичных предприятиях Камчатки, Сахалина, Приморья.

Значительная часть нового оборудования простаивала из-за нехватки комплектующих деталей, запчастей, электроэнергии, низкой квалификации технических специалистов. В системе Приморрыбпрома предприятия МГРТ выделялись очень низким качеством и высокой себестоимостью рыбной продукции, огромными материальными затратами.

В 1955 г. сверхплановые потери и брак рыбопродукции в целом по тресту составили 21 666 ц и 43 тыс. ц рыбы остались невывезенными с рыбокомбинатов и хранились всю зиму в открытых чанах.

В декабрьском приказе № 210 1955 г. отмечалось, что в результате совершенно безответственного отношения, граничащего с преступлением, со стороны ряда руководящих и инженерно-технических работников некоторые рыбокомбинаты допустили чрезмерно большие сверхплановые потери [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 167, л. 208].

Только один Усть-Магаданский рыбокомбинат получил прибыль 1475 тыс. руб., а общая сумма потерь рыбы составила 10 593 тыс. руб.

В результате за сверхплановые потери к судебной ответственности были привлечены: директор Гижигинского комбината Усенко, главный инженер Боровский, главный инженер Тауйского рыбокомбината Щебланов и начальник цеха Чередко, а также ряд рабочих.

В 1957 г. как следствие грубых нарушений технической дисциплины и невыполнения правил производственной санитарии зафиксирован выпуск 21 903 ц нестандартной и 6159 ц бракованной продукции.

Культура труда оставалась на низком уровне. Например, на Тауйском рыбокомбинате *«в засольном цехе была непролазная грязь. Инвентарь, соль, ящичная тара и бочки разбросаны в беспорядке по всему цеху. Неубранная рыбопродукция в чанах хранится в неликвидном состоянии... тузлуки грязные, с наличием посторонних предметов... решетки на чанах отсутствуют»* [Там же. Д. 192, л. 36], – отмечалось в приказе № 2 от 5 сентября 1955 г.

В Усть-Магаданском РПК тарный двор представлял собой хаотичное нагромождение тарных материалов, обручного железа и другого имущества; ценное оборудование хранилось в бесхозном состоянии. Все это отрицательно влияло на качество.

В 1959 г. Гижигинский комбинат отгрузил во Владивосток на пароходах «Тура», «Тагил», «Ошь» и «Миргород» 64 вагонные партии неликвидной продукции (13 084 бочки массой 1334 т). После сортировки ценная рыбопродукция (5587 бочек, или 604 т) пошла на корм скоту.

В дальнейшем положение с качеством почти не изменилось. В 1961 г. неоднократные проверки установили, что большинство предприятий треста грубо нарушают технологические инструкции по обработке рыбы.

В октябре 1961 г. Ямский рыбокомбинат на пароходе «Тагил» отгрузил 60 т рыбопродукции, которая не соответствовала установленным стандартам. Особенно много было претензий к продукции Ольского и Тауйского рыбокомбинатов.

В 1963 г. на областном совещании работников рыбной промышленности представитель Главка подчеркивал, что *«в нашей системе нет ни одного управления, нет ни одного треста, где бы были такие низкие качественные показатели, которые есть в Магаданском рыбтресте»*. Например, Востокрыбфлот, выпускавший рыбопродукции в 8 раз больше, чем Магаданский ГРТ, реализовывал 94,5% рыбы первым сортом, Приморское управление – 99,9%, Сахалинское управление – 79%, Охотский трест – 69%, Камчатский трест – 60% и Магаданский трест – 56%.

Несмотря на многомиллионные государственные дотации, трест ежегодно нес колоссальные убытки. Так, в 1954 г. они составили 41 959 тыс. руб., в 1955 г. – 52 741, в 1956 г. – 34 078, в 1957 г. – 26 584.

Высокая затратность проявлялась не только в переработке, но и в добыче рыбы, которая велась крайне неэффективно. Развитие активного морского рыболовства натолкнулось на большие трудности. Рыболовный флот МГРТ комплектовался в основном из старых судов типа РБ, мало приспособленных для работы в Охотском море. Небольшой радиус действия (до 20 миль) от баз-убежищ существенно ограничивал возможности рыбаков, а низкая устойчивость сейнеров РБ-80 делала промысел на них просто опасным.

Для проведения активного лова не хватало квалифицированных специалистов и элементарного опыта добычи рыбы в открытом море. Первые попытки были неудачными. В 1955 г. на морские бухты приходилось 52,5% всей добычи рыбы, на устья рек – 35,5, а на морской лов – только 12,0%.

При плане 13 тыс. ц сейнеры МГРТ добыли всего 681 ц рыбы, включая 69 ц рыбы, выловленной четырьмя сейнерами Тауйского рыбокомбината. Успехи, достигнутые в 1956 г. капитанами М. Б. Сидельниковым на РС «Зея» и В. И. Кулашко на РС «Кама», не были развиты, как и активный лов в целом.

В. И. Кулашко говорил по этому поводу: *«Дело в том, что руководство треста осуществляет кабинетное руководство и заинтересовано в прибрежном лове. ...Решили перегнать весь активный флот в Северо-Эвенский район, но нужно сказать, что ничего здесь не приспособлено для активного лова»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 201, л. 90].

В 1955 г. из 5 судов Тауйского комбината, проработавших всю селедочную путину, 4 не выловили ни одного центнера рыбы. Активный лов полностью провалился.

В отчете МГРТ за 1956 г. указывалось, что для организации активного промысла рыбы, в частности сельди, предприятия треста не располагают нужным количеством промыслового флота, нет промысловой разведки и баз приема рыбы от судов [Там же. Д. 195, л. 8].

В путину 1956 г. участвовали РС «Активный», «Зея», «Кама», два РБ-8, 29 буксиров и 118 кунгасов. Самоходного и несамоходного флота не хватало, и для транспортировки сельди было подготовлено 65 транспортных мешков на рамах. В сентябре впервые был организован лов жирующей сельди, его вели 8 малых сейнеров РБ-80 и 3 катера. На приемке сельди от сейнеров также впервые использовали 3 сухогрузные баржи, на которых производился посол рыбы.

На развитие активного лова влияло и неудовлетворительное состояние береговой производственно-технической базы треста, и крайняя недостаточность жилищного фонда, культурных и медицинских помещений.

Подчеркивалось, что в результате списания пришедшего в негодность жилищного фонда он с 1954 г. не увеличился и по существу ничего не сделано. Общая жилая площадь предприятий треста составляла 21 837 м^2 на 5881 чел.

На 1 чел. приходилось, м^2: в Тауйском рыбокомбинате – 3,6, в Арманском – 3,8, в Усть-Магаданском – 3,7, в Ямском – 3,1, в Тополовском 2,3 и т. д.

По этой причине в тресте отмечалась очень высокая текучесть кадров. В 1955 г. из 458 постоянных рабочих, прибывших по 3-годичным договорам, выехали обратно 118 чел. (25%), в 1956 г. из 329 чел. – 100. В 1957 г. завоз договорников сократился с 500 до 200 чел. Кроме этого, на предприятия ежегодно прибывало до 1500 сезонных рабочих, но и они не закреплялись в тресте. В 1956 г. на промыслах работали 1262 вербованных, а уволились вместе с договорниками 1374 чел., в 1957 г. – соответственно 1187 и 1763 чел. Среди сезонных рабочих отмечались многочисленные случаи хулиганства, воровства, бандитских проявлений. Только прогулы составили (1957 г.) 3830 чел./дн., которые совершили 668 рабочих.

В 1957 г. в структуре треста произошли следующие изменения. В связи с организацией Совнархоза Магаданского экономического административного района рыбтресту вновь передавались два морзверокомбината – Пловерский и Мечигменский.

Флот получил аварийно-спасательный буксир МБ-6027, морской буксир «Раутан», сейнер РС-300 «Пронге», а также сухогрузные, наливные баржи и плашкоуты. Силами рыбокомбинатов было построено 37 кунгасов, в том числе 3 грузоподъемностью 25 т, и 111 лодок-неводников. В то же время впервые списали 18 самоходных и 98 несамоходных судов, полностью пришедших в негодность.

Технические возможности промыслового флота возрастали, но его применение оставалось на низком уровне. Например, в путину 1957 г. в районе промысла сельди работали уже 11 судов: сейнер типа ДС «Активный», 8 сейнеров РБ-80 и 2 сейнера РС-300 – «Болонь» и «Пронге». Кроме добывающих судов, имелись 54 катера, 155 вельботов и мотолодок и 200 ед. несамоходного флота.

И все же, как отмечалось в 1957 г. на совещании работников рыбной промышленности Магаданской области, *«промысловый и транспортно-буксирный флот работал неудовлетворительно...»* [Там же. Д. 201, л. 29].

Заместитель начальника Главного управления Приморрыбпрома говорил: *«Если вы ставите вопрос о том, чтобы вам дали океанский флот, то я должен сказать, что вы сначала должны научиться эксплуатировать то, что у вас имеется. Мне интересно спросить. В 1955 г. мы забросили в Магадан 7 кунгасов, где они теперь? Их просто не оказалось. Ведь так можно давать без конца!»* [Там же. Лл. 219, 222].

И действительно, в Магаданском тресте флотом практически никто не занимался. Начиная с 1947 г. суда Наяханского, Гижигинского, Тополовского и Ямского рыбокомбинатов совершенно не осматривались инспекцией государственного регистра.

Буксирные катера и сейнеры выходили в море без навигационного оборудования, без средств пожаротушения, без связи, без неприкосновенного запаса. Большинство капитанов и штурманов не имели соответствующей подготовки. *«На отдельных судах были допущены на командные должности случайные лица, не имеющие прав на замещение должностей, пьяницы и нарушители трудовой дисциплины... Допускался выход в море технически неисправных судов с недисциплинированным составом»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 201, л. 30].

Магаданский ГРТ отличался самым высоким уровнем аварийности флота среди предприятий Приморрыбпрома. 31 октября 1955 г. в районе Ямской губы Пенжинского залива *«были выброшены на берег сухогрузная 250-тонная баржа № 201, сухогрузная 60-тонная баржа, наливные баржи СБН-55/21, 55/42 и буксирный катер "Тайга"»*. В 1956 г. в Магаданском тресте произошло 26 аварий флота, в том числе 14–15 мая в Наяханском РПК были разбиты 6 кунгасов и катер Ж-90 «Воронеж».

11 октября из Гижиги и Нагаево направился караван катеров, которые не прошли техосмотр и не имели устойчивой связи с берегом. В результате 10-балльного шторма у м. Дырявый перевернулся вверх килем и затонул катер «Живительный», погибли 5 членов команды. Катера «Охотск», «Владивосток», «Петропавловск» были выброшены на берег, а 18 октября у м. Харбыс потерпел бедствие катер «Налкан». В это же время погиб катер «Эвенск».

По оценке морской инспекции, флот эксплуатировался в нарушение правил технической готовности, без судовых документов; большая часть судов не имела удостоверений на годность к плаванию.

В мае 1957 г. потерпел бедствие сейнер РБ-21 в районе м. Таватумский. Сейнер производил лов сельди. Капитан РБ-21 В. А. Сучатов принял на борт 11 т рыбы-сырца вместо 8 т. Экипаж загрузил ее прямо на палубу. Рыбой были забиты штормовые портики и шпигаты. В результате перегрузки судно на переходе из района лова в Северо-Эвенск потеряло невод и стало терпеть бедствие. Сейнер РБ-24, заметив сигнал бедствия с РБ-21, подошел к нему на 100 м, однако помощи не оказал, развернулся и ушел в Северо-Эвенск. Чтобы не затонуть, РБ-21 выбросился на берег.

В августе 1958 г. буксир «Раутан» дважды выходил в море на спасение сейнера ДС «Активный», а в сентябре – сейнера «Пронге». 15 сентября капитан катера «Галс», находясь в состоянии полного опьянения, потерял ориентировку, заблудился в море и потерял кунгас. Кроме этого, из-за неправильной эксплуатации были выведены из строя 32 кунгаса

Начальник инспекции безопасности мореплавания Охотско-Амурского бассейна Кириченко отмечал, что в Охотском тресте произошли 24 аварии, в Нижне-Амурском – 10, а в Магаданском – 34, убытки МГРТ от аварий и гибели флота превысили 800 тыс. руб.

Ситуация с аварийностью не улучшалась и в дальнейшем. 5 ноября 1958 г. в районе м. Япон затонул морской катер «Зарница». В целом на флоте произошло 26 аварий. В июне 1959 г. вследствие сильного опьянения экипажей столкнулись РБ-20 и МРС-29.

В путину 1961 г. на флоте Магаданского ГРТ произошли 11 аварий, включая перевернувшийся и затонувший в устье р. Армань сейнер МРС-50. В 1962 г. из-за коллективной пьянки командного плавсостава судов БТ «Заря» Наяханского рыбокомбината, БТ «Блеск» транспортно-складской конторы, МРС-29 колхоза «Путь Ленина» и РБ-20 колхоза «Новый путь» произошла авария катера БМК-90, а 30 сентября у о. Завьялова затонул сейнер МРС-59 колхоза «Путь Севера».

Главными причинами высокой аварийности и низкой эффективности флота являлись низкая дисциплина и беспробудное пьянство экипажей на берегу и в море.

Кроме этого, существовал еще целый ряд объективных и субъективных причин.

Промысловые суда выходили в море без разведки, «наудачу». *«Сейнеры самовольно переходили из одного промыслового района в другой, не являлись на связь, уходили без разрешения с моря на береговые базы, где простаивали, теряя время»*[120].

В результате *«приемка сельди проводилась после 10–12-часового простоя судов. Были случаи выбрасывания рыбы в море»*.

---

[120] *Бацаев И. Д.* Создание рыбопромышленного комплекса Магаданской области (1953–1975 гг.) // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 128; *Он же.* Рыбная промышленность // Ландшафты, климат и природные ресурсы Тауйской губы Охотского моря. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – С. 204–225.

На большинстве береговых рыбоприемных пунктов до 1960 г. не было причалов, оборудованных погрузочно-разгрузочной техникой, а активный лов требовал четкой организации и взаимодействия флота и перерабатывающих баз (в 1960 г. сверхплановые простои составили 807 судосуток).

В Гижигинской губе при приливах затоплялось, а при отливах обнажалось от 1 до 5 миль побережья. Рыбу приходилось переносить вручную на расстояние от 100 до 1000 м.

Нерешенной оставалась и проблема переработки рыбы на рыбокомбинатах. На совещании работников рыбной промышленности области в 1957 г. отмечалось, что «*предприятия треста за последние два года получили много технического оборудования... станков, дизельных и рыбонасосных установок, электростанций и другого оборудования, внедрение которого позволило несколько улучшить условия труда рабочих на добыче и обработке рыбы*» [Там же. Л. 23].

На эти цели было израсходовано более 2,5 млн руб. Однако реальная обстановка разительно отличалась от официальной точки зрения.

Председатель колхоза «Ленинское знамя» С. Н. Спицын отмечал: «*О какой механизации можно говорить, когда главный инженер Ямского комбината лично возит тачки и предлагает и мне взяться за тачку. ...У нас население в основном орочи – это население, которое отличается невысоким ростом, вот он бросает по одной рыбке на пирс и, конечно, немало упускает в воду. У нас руководители привыкли много говорить о механизации, но мало делают*» [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 201, л. 72].

В Наяханском РПК пойманная сельдь (более 30 тыс. ц) транспортировалась к месту посола на носилках, поскольку рыбонасосы не были подготовлены к путине, и много рыбы – 20 тыс. ц осталось на берегу.

На рыбозаводах Ямского РПК средства механизации для приемки рыбы вообще отсутствовали. Рыбаки были вынуждены подавать рыбу с лодок и кунгасов на приемный плот вручную на высоту более 3 м со штучным счетом, а затем доставлять порожние лодки к местам лова до 3–5 км на веревках по реке против течения, как в старину, «бурлачить» [Там же. Л. 79].

Отмечались факты просто варварского отношения к материальным ценностям со стороны самих рыбаков и специалистов. Например, на Тауйском РПК ценное оборудование – рыбонасосы – после путины были брошены на произвол судьбы, занесены снегом, и только перед началом новой путины их извлекли из-под снега, а промысловое снаряжение пришло в полную негодность.

В какой-то степени это было связано с отсутствием на промыслах постоянной рабочей силы. Психология временщиков порождала массовую бесхозяйственность.

Председатель облисполкома П. Я. Афанасьев заметил, что «*нам надо учиться деньги считать и если мы будем так хозяйствовать, мы без порток останемся*».

Не лучше было положение и у рыбаков-колхозников. Бригадир из колхоза «Новый путь» говорил на совещании: «*У нас очень плохие бытовые условия рыбаков. Ранняя путина начинается еще при снеге, а рыбаки живут в палатках. На работу нужно выходить в 2–3 часа утра, чтобы захватить полный прилив. Обслуживание рыбаков Вы сами знаете какое, порой они выходят босые и разутые. А после лова рыбы рыбак приходит в палатку и не может согреться*» [Там же. Л. 190].

О своих бытовых условиях рыбак Н. И. Шупеня говорил так: «*Я вот живу с семьей на берегу в сказочном домике, четыре доски, покрытые брезентом*» [Там же. Л. 196].

Общее мнение было таково: «*Вообще работаем, как работали 20 лет назад*».

В приказе по Магаданскому тресту № 9 от 23 января 1960 г. отмечалось, что, «*несмотря на некоторый рост уровня механизации трудоемких процессов... по-прежнему преобладает ручной труд. Не механизированы процессы посола рыбы, кантовки сельди, выгрузки соленой рыбы из чанов, разделки кеты, мойки свежей и соленой рыбы. Медленно механизируются... внутрицеховая транспортировка... погрузочно-разгрузочные работы и бондарное производство*» [Там же].

Техническая отсталость рыбокомбинатов Магаданского треста особенно проявилась в начале 60-х гг., когда в Охотском море начали работать крупные экспедиции промысловых судов Приморья и Сахалина.

В 1960 г. на добыче жирующей сельди количество добывающего флота, сдававшего уловы на предприятия МГРТ, составляло 57 ед., в том числе 40 сейнеров типа РС-300 Приморрыбпрома и 17 судов МГРТ. Кроме этого, в районах Тауйской губы работали 15 сейнеров РС-300 Сахалинрыбпрома, 15 сейнеров МРС-80 колхозов Сахалина и 2 сейнера РС-300 колхозов Охотского рыбтреста.

В целях увеличения добычи жирующей сельди в Тауйской губе и улучшения ее приема и обработки от экспедиционного флота в 1962 г. рыбоприемная база на о. Завьялова (организована в 1958 г.) была передана Приморрыбпрому.

В 1961 г., помимо собственной добычи рыбы, Магаданский трест принял на переработку 157,2 тыс. ц жирной сельди, выловленной экспедиционными судами Приморья и Сахалина. В 1962 г. план по добыче рыбы был перевыполнен за счет приема от колхозов области и рыболовецких колхозов Главка 438,8 тыс. ц рыбы и морзверя, в том числе 182,1 тыс. ц от колхозов Приморья.

Рыбокомбинатам МГРТ было выгоднее принимать рыбу с чужих судов, чем развивать собственный активный лов, требующий больших затрат. Благодаря резкому увеличению переработки рыбы предприятия Магаданского треста с 1961 г. стали получать высокую прибыль.

Однако это была иллюзия благополучия, обернувшаяся серьезными трудностями. Материально-техническая база комбинатов не могла обеспечить качественную переработку возрастающего объема принимаемой рыбы.

Хотя в 1961 г. вступили в строй холодильные емкости на 1400 т на Ямском, Ольском, Тауйском РПК (в том числе 2 склада с машинным охлаждением), построены 3 механизированных цеха уборки рыбы и 6 цехов посола сельди в Тауйской губе, этого было недостаточно. Не соответствовал поставленным задачам и уровень механизации. Ни на одном комбинате не было комплексной механизации, в лучшем случае механизировались отдельные технологические процессы, а наиболее трудоемкие работы проводились по-прежнему вручную. Например, погрузочно-разгрузочные работы *«в большинстве комбинатов велись вплечевую, внутрицеховым видом транспорта... являлись носилки, в лучшем случае тачка... Выборка рыбы из чанов и сортировка проводились вручную».*

На рыббазах не хватало посольных емкостей, причем из 68 тыс. чанов 26 тыс. находились под открытым небом. Для изготовления чанов стали даже разбирать жилые дома!

В это время было *«допущено бесконтрольное строительство и монтаж различного оборудования, механизированных линий»* в расчете на дальнейшее увеличение приема рыбы с экспедиционных судов. Процесс этот шел стихийно, лихорадочно, на примитивной основе. Каждый «лепил» из подсобных механизмов собственную конструкцию механизированных линий, посольные цехи строились без проектно-сметной документации и изыскательских работ. Все ждали «большую рыбу» и большие прибыли.

Однако в начале 60-х гг. промысловая ситуация резко изменилась. В Охотском море появились мощные плавбазы, перерабатывавшие рыбу непосредственно в море. Магаданский трест оказался с проблемой пустых чанов.

Кроме этого, вследствие бессистемного отлова кеты и горбуши в Тауйской и Гижигинской губе в конце 50-х – начале 60-х гг. резко снизилась добыча лососевых. В 1957–1960 гг. среднегодовой улов кеты здесь составил соответственно 48 и 57% к уровню 1946–1956 гг. В 1963 г. колхозы и совхозы области добыли 97 тыс. ц лососевых, в 1964 г. – 60,5, в 1965 г. – 62,5.

На прибрежный лов рыбы лососевых пород повлияло и то, что с 1962 г. в открытом море был организован и начал быстро развиваться активный морской промысел японских промышленников. Он достиг таких масштабов, что превысил наш отечественный почти в 2 раза. Например, в 1961 г. в нейтральных водах японцы выловили более 1 млн ц лососевых.

В этих условиях собственный флот треста, хотя и располагал значительным количеством промысловых судов, не мог загрузить производственные мощности рыбокомбинатов. В 1959–1965 гг. расширение береговой перерабатывающей базы шло в ущерб развитию активного рыболовства. В 1960 г. тресту были переданы сейнеры РС-300 «Пронге» и «Болонь», а Управлению китобойного флота – зверобойные шхуны «Мегри», «Сивуч» и «Оленица».

Основная добыча рыбы и морзверя в годы семилетки сосредоточивалась в колхозах Колымы и Чукотки, которые получили в 1959 г. право на приобретение промысловых судов. В 1961 г. колхоз «Путь Ленина» купил у МГРТ сейнер РБ-22, колхоз «Путь Севера» – МРС-59, «Рассвет Севера» – МРС-45, «Новый путь» – РБ-20 и т. д.

В 1961 г. в целях организации добычи рыбы и увеличения добычи морского зверя и китов на Чукотку был направлен караван судов в составе МБ «Пекин», 2 катеров типа «Ж», 2 сейнеров МРС-80 в сопровождении сейнера СО-587.

Колхозный флот, будучи собственностью коллективных хозяйств, в то же время оставался частью флота рыбокомбинатов, находясь в оперативном подчинении треста. Проявляя закономерную заинтересованность в увеличении добычи рыбы колхозами, рыбокомбинаты игнорировали свои договорные обязательства по обслуживанию и ремонту колхозного флота.

Экономические отношения колхозов и государственных предприятий МГРТ оставались неравноправными. *«Многие предприятия треста при приемке рыбы-сырца от колхозов допускали систематические обсчеты, обмеры и обвесы рыбаков-колхозников. Следовательно, создавались излишки рыбы, за которыми скрывали большой брак рыбопродукции и искажение государственной отчетности. Колхозные рыбаки говорили на областном совещании рыбаков в 1963 г.: "Рыбу мы ловим, а у нас ее принимают по старому купеческому методу: кто кого обманет! И конечно, рыбокомбинаты – государственные предприятия, они стараются обмануть колхозы"»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 277, л. 210].

В 1963 г. на Усть-Магаданском рыбокомбинате такие излишки рыбы лососевых пород составили около 10 т, на Гижигинском – 5 т, а икра поступала без всякого учета.

Большие убытки несли колхозные рыбаки от фиктивной пересортицы, когда рыбу принимали или оформляли вторым сортом, и пр.

Последовательно специализируясь на переработке рыбы, Магаданский трест в конце 1963 г. передал весь промысловый флот колхозам области. Колхозы получили 25 судов, включая РБ-80 и МРС-80, по одному СО-300 и СРТ-300. Однако дробление флота оказалось неэффективным, и в 1964 г. создается Межколхозное объединение активного морского рыболовства (МОАМР). Промысловым флотом МОАМР за два года было выловлено 520 тыс. ц рыбы, а колхозы-пайщики получили 2,5 млн руб. прибыли.

Зимой 1965 г. флот объединения впервые вышел на промысел минтая, добыв 96 тыс. ц при плане 21. Флот МОАМР насчитывал уже 48 ед., включая 9 РС-300, 5 СЩ-300, 1 СРТ и 33 РБ и МРС.

Более 70% рыбы добывалось силами и средствами МОАМР, а жирующей сельди и минтая – 100%.

Несмотря на значительный рост добычи рыбы, государственные планы были сорваны. В 1965 г. из 47 судов выполнили свои задания только 27. Наиболее стабильно работали СРТ «Ломоносов» и РС «Владимир», «Медынь», «Иваново».

Самым уязвимым местом МОАМР были флот и кадры. Начальник колонны сейнеров Н. П. Ожогин говорил, что *«суда, которые нужно списывать в утиль, отдают нам, тогда вспоминают, что существует такой МОАМР. ...Я на побережье работаю 13 лет и редко кого не знаю. Приходят люди, знаю, что пьяница, забулдыга... идет в колхоз, а нам говорят – он колхозник, не имеем права не принять. Мы снимали кадры с малого флота и ставили на большой, а на маленькие суда набираем опять кадры извне. Снова берем случайных людей. Их выгнали и снова берем на флот»* [ГАМО, ф.р-135, оп. 1, д. 339, л. 94].

Межколхозное объединение получало изношенные суда не только из Приморья, но и из Мурманска.

Суда типа РС, полученные в 1965 г., были постройки 1957 г. Они *«прошли большой путь от Мурманска до Магадана... Тяжело говорить об этих судах, потому что наш флот в полном смысле слова добит и требует капитального ремонта»,* – отмечалось в докладе на совещании актива рыбаков Магаданской области 12 декабря 1966 г. [Там же. Д. 339, л. 46].

В целом за годы семилетки, несмотря на большие трудности и недостатки, рыбная промышленность области достигла значительных успехов. Добыча рыбы в 1959–1965 гг. возросла с 250 до 647 тыс. ц, а выпуск первосортной продукции – с 60,5 до 75,7%. Благодаря этому пищевые предприятия треста увеличили изготовление рыбопродуктов в 3 раза. На Ольском и Тауйском РПК в 1965 г. было налажено производство икры в баночной расфасовке. Тауйский и Ямский РПК поставили на экспорт 70 т мороженой кеты, а предприятия треста, кроме того, отправили за рубеж 6,5 т лососевой и 106 т селедочной икры.

На развитие материально-технической базы было вложено 25 млн руб., что позволило ввести в строй новые засольные цехи, механизированные линии и несколько улучшить жилищно-бытовые условия рыбаков.

С середины 60-х гг. роль и значение Охотского моря в Дальневосточном промысловом бассейне стали быстро возрастать. Рыбаки Сахалина, Камчатки, Приморья, оснащенные современным добывающим и приемно-транспортным флотом, начали интенсивную разработку рыбных ресурсов Охотоморья.

Количество промысловых судов увеличилось со 111 в 1960 г. до 340 в 1968 г., при этом вылов на одно судно возрос с 1,5 до 8 тыс. ц.

Малые сейнеры сменялись судами типа СРТ, а в 1968 г. на промысел жирующей сельди вышли 5 судов типа БМРТ. В добыче рыбы участвовали суда всех дальневосточных бассейнов, рыбодобывающих управлений и рыбакколхозсоюзов.

Кроме промысловых судов Дальрыбы, в Охотском море появились крупные флотилии иностранных рыбопромышленников. В 1967 г. в Гижигинской губе вели промысел свыше 100 разнотипных судов японских рыбаков, а в 1968 г. – 20 судов типа БМРТ. На промысел нагульной сельди ежегодно выходили более 30 судов КНДР.

Вся эта армада сосредоточивалась на сравнительно небольшой акватории Охотского моря. Например, в августе-сентябре 1968 г. в районе о. Завьялова и Спафарьева находились 340 судов.

На совещании работников рыбной промышленности Магаданской области в 1969 г. подчеркивалось, что *«за последние годы происходит интенсивное облавливание охотской и гижигинской сельди... без учета сырьевых запасов»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 409, л. 87].

С 1966 по 1968 г. общая добыча сельди в этом районе возросла с 982 400 до 3 170 900 ц. По этому поводу Охотскрыбвод неоднократно отмечал, что рост добычи сельди достигается не за счет приумножения стада, а за счет применения кошелькового невода, лов которым запрещен Правилами рыболовства, и увеличения количества судов активного лова. Кошельковые невода разрушали на каждом квадратном метре свыше 76 тыс. икринок, однако, несмотря на явный вред, Министерство рыбного хозяйства СССР разрешало активный лов нерестовой сельди такими орудиями. Резкое увеличение добычи охотской сельди привело к уменьшению запасов «почти на 300 тыс. ц в год».

Активный промысел охотской сельди начался в 1958 г. с 400 тыс. ц, а в 1964 г. достиг 2 млн ц. Добычей занимались рыбаки Камчатской, Сахалинской, Магаданской областей, Приморского и Хабаровского краев. Высокая концентрация судов (до 300 в 1966 г.) и слабая перерабатывающая база приводили к тому, что рыбу не успевали перерабатывать, сырец портился и в море выбрасывали до 60% добычи. Это стало нормой.

Кроме того, бессистемная хищническая добыча в предыдущие годы нанесла большой ущерб популяции рыб лососевых пород. Если в 1957 г. в Охотском море было добыто 381,9 тыс. ц кеты, то в 1968 г. всего 30 тыс. ц, а лов горбуши сократился с 280,3 тыс. ц до 0,2. *«За это время добыча лососевых переместилась на Чукотку. Тауйская и Гижигинская губы, как место добычи лососевых, потеряли свое значение в связи с запрещением лова горбуши».*

В 1957–1966 гг. среднегодовой вылов лососевых по Магаданской области составлял 82 тыс. ц, а в дальнейшем не превышал 40 тыс. ц.

С изменением промысловой обстановки Магаданский трест попал в очень тяжелое положение. Сказались просчеты прошлых лет, *«когда генеральным направлением было всемерное развитие берегового хозяйства для обеспечения приема в переработку максимального количества рыбы».*

Руководство треста «не заметило» роста приемно-перерабатывающего флота в рыбной промышленности Дальневосточного бассейна, рассуждая так: *«Будет рыба – будут уловы, которые никуда не денешь, надо везти на берег. А получилось обратное. Приемные базы пришли к рыбакам в районы лова».*

Положение Магаданского треста усугублялось отсутствием собственного промыслового флота, который был передан в 1963 г. колхозам и другим управлениям Дальрыбы.

В середине 60-х гг. организацию активного лова по линии государственной добычи в области нужно было создавать заново.

Катастрофически снизилась добыча рыбы силами рыбокомбинатов. С 1963 по 1966 г. добыча рыбы гословом сократилась с 45 до 15 тыс. ц. По сути дела *«рыбные предприятия фактически прекратили собственную добычу основных пород рыб, не занимались они добычей и морепродуктов».*

В развитии рыбной промышленности области были нарушены пропорции между ростом флота и мощностью береговых баз, между добывающим и приемно-транспортным флотом.

Катастрофа не заставила себя ждать. В 1966 г. береговые предприятия были блокированы 30 плавбазами Дальрыбы. Рыбокомбинаты МГРТ приняли на обработку всего 467 тыс. ц рыбы и морзверя вместо 824 тыс. ц по плану. Сахалинские, приморские, хабаровские рыбаки сдали на переработку всего 56 тыс. ц рыбы из запланированных 330.

Использование крупнотоннажного приемно-транспортного флота Дальрыбы, включая новые плавбазы типа «Спасск», позволило сдавать уловы прямо в море, а не везти на берег.

Флот межколхозного объединения по разным причинам полностью провалил план, добыв 65 тыс. ц рыбы. Недолов составил 100 тыс. ц. Из 47 судов МОАМР план выполнили только 5.

Отмечались частые случаи простоя судов по причине пьянки команд. Например, в октябре 1966 г. транспортный рефрижератор «Айсберг», находясь в порту Провидения, простоял из-за пьянки всей команды 5 суток. Штрафы за простой судов составили более 150 тыс. руб., а убытки от эксплуатации флота превысили 470 тыс. руб.

А в море шла настоящая битва за рыбу, которую магаданские рыбаки проиграли. Приемно-транспортный флот МГРТ, оснащенный буксирными катерами и плашкоутами, имея радиус действия 20 миль, не мог дотянуться до районов промысла, удаленных на 50–70 миль. *«В начале лова принимали 20 плавбаз, на три мили стал флот. А у нас трест выставил десять понтонов и буксиры-жучки, которые не могли отходить от берега».*

Доставка рыбы судами МОАМР из районов добычи занимала минимум 16–18 ч, поэтому колхозные рыбаки предпочитали сдавать рыбу-сырец на чужие плавбазы. Рыбообработчики говорили, что *«суда МОАМР мы видели как красное солнышко».* Когда же промысловые суда подходили к рыбозаводам, то из-за несогласованности создавались кризисные ситуации с приемом улова.

Например, 22 ноября 1966 г. на Марчеканский рыбозавод при шторме 11–12 баллов было направлено 20 разнотипных судов, начиная от СО-300 до СРТ. Имея на борту более 10 тыс. ц. рыбы, большинство судов ушли в море, отправив за борт пропавший улов, а СРТ «Нерчинск» выбросило на камни.

В сложившейся обстановке руководство Дальрыбы приняло решение вновь оснастить Магаданский трест промысловым флотом. В 1967–1968 гг. МГРТ получил 16 судов, включая 4 СРТ-300, 2 СО-300, лихтеры и транспортные рефрижераторы «Днепр» и «Генерал Багратион», которые были переоборудованы под плавбазы. Но что это был за флот?! Комиссия Усть-Магаданского рыбокомбината, принимавшая рефрижератор «Днепр», построенный в Англии в 1914 г., заявила, что *«принимать этот флот могут только наши трупы, а пока мы живы, на это дело не пойдем»*[121].

---

[121]*Бацаев И. Д.* Создание..., 1999. – С. 133.

Полученный флот был крайне изношен и имел очень плохое техническое состояние. За первые два года эксплуатации он проработал только 50% календарного времени. На его ремонт было затрачено 1 млн 570 тыс. руб. при балансовой стоимости 1 млн 850 тыс. руб.

В 1970 г. СО-300 «Дракон» четвертый год находился в ремонте на Марчеканском заводе, СО-300 «Итуруп» после 3-летнего ремонта выходил на промысел эпизодически. Суда типа СРТ-300 «Нерчинск» и «Актау» из-за неудовлетворительного состояния были сняты с промысла минтая.

Характерно, что, эксплуатируя промысловый флот с 1955 г., Магаданский трест не имел собственной судоремонтной базы. Промысловые и транспортные суда ремонтировались на Петропавловском, Николаевском и Северном судоремонтных заводах, что создавало большие проблемы и требовало огромных затрат.

Текущий ремонт судов силами рыбокомбинатов и Магаданским ремонтно-механическим заводом осуществлялся кустарными методами, с низким техническим исполнением.

Из-за невозможности дальнейшей эксплуатации в 1970 г. была списана на металлолом плавбаза «Днепр», а в 1973 г. – два СРТ-300 и один СО-300.

Не лучше обстояло дело с промысловым флотом и в Межколхозном объединении. Из 33 промысловых судов МОАМР почти все эксплуатировались в течение 10–20 лет. В 1969 г. подлежали списанию все сейнеры СО-300, РБ-80, МРС, 2 СРТ и 4 РС-300, т. е. более 70% флота.

Из запланированных для МОАМР в 1965–1970 гг. 20 судов получили только 3 РС-300. Построенные для МОАМР суда были переданы другим управлениям.

Работая в очень сложных природно-климатических условиях, на изношенных судах, рыбаки МОАМР оставались главными добытчиками рыбы и морзверя. Основу промысла составляли жирная сельдь и минтай.

Кроме МОАМР, промыслом занимались 47 колхозов и совхозов, из них 21 хозяйство имело план сдачи рыбы государству. Высоких результатов добивались колхозы им. XXII съезда КПСС, «Победа» Ольского района, им. I Ревкома Чукотки и др. Неоднократно перевыполняли план экипажи судов СРТ «Ломоносов», РС «Комсомольский» Магаданского объединения и РС «Белгород» Ольского рыбокомбината.

На состояние промышленного рыболовства в этот период негативно повлиял и ряд мер государственного регулирования, принятых без учета специфики области.

Установленные Дальрыбой планы добычи и переработки рыбы не соответствовали техническим возможностям баз и запасам рыбы, подорванным интенсивным ловом.

В 1968 г. вводятся строгие лимиты на добычу весенней сельди и лососевых, лов которых разрешался только в Анадырском районе. Магаданские рыбаки вынуждены были заниматься добычей минтая, сайры, камбалы у западного побережья Камчатки и в районе Южных Курил. В 1966 г. СРТ «Белополье» вышел на промысел окуня в район Аляски.

Используя методы административного планирования, Главное управление Дальрыбы решало собственные проблемы, не учитывая интересы Магаданской области. Рыбаки говорили, что *«руководство Главка Дальрыбы требует от нас с каждым годом все больше ловить и сдавать минтая, но чем больше сдаем минтая, тем больше получаем убытков»*. За три года промысла минтая убытки МОАМР составили 379 тыс. руб. (в 1967 г. – 271 тыс. руб.).

В 1968–1970 гг. Дальрыба запланировала Магаданскому тресту сократить добычу нерестовой сельди со 180 тыс. ц до 78 и увеличить добычу минтая со 160 тыс. ц до 290. В то же время приказом от 23 февраля 1968 г. в Гижигинскую губу направлялось 14 сейнеров РС-300 Сахалинского и Приморского рыбакколхозсоюзов для добычи 60 тыс. ц нерестовой сельди.

Для колхозов Магаданской области вводились новые закупочные цены. Госкомитет цен при Госплане СССР 20 февраля 1968 г. установил на весеннюю сельдь цену 10 руб. за 1 ц вместо 16 руб. В результате *«из прибыльной отрасли весенняя сельдяная путина превращалась в убыточную»*. Колхозы Ольского и Северо-Эвенского районов сразу же понесли 49 тыс. руб. убытков, а уровень рентабельности составил минус 19,3%.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами, в колхозах были вынуждены пойти на снижение оплаты труда рыбаков на 38–48%.

На запросы Магаданского облисполкома и обкома КПСС Государственный комитет цен при Госплане СССР дал следующий ответ: *«Изменения заготовительных цен были направлены на то, чтобы колхозы были заинтересованы в увеличении вылова ценных пород рыбы и таким образом полностью компенсировали возможные потери от снижения заготовительных цен на нерестовую сельдь... В просьбе о повышении цен отказать»* [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 922, лл. 206, 252].

Колхоз им. XXII съезда КПСС обратился в Министерство рыбного хозяйства с просьбой разрешить заниматься самообработкой сельди на условиях колхозов Корякского национального округа, но тоже получил отказ.

Согласно новым Правилам рыболовства в водоемах Дальнего Востока (приказ министра рыбного хозяйства СССР от 24 июня 1969 г. № 229, Постановление СМ СССР от 10 декабря 1965 г. № 1060), а также в связи с напряженным состоянием запасов дальневосточных лососей их добыча разрешалась только государственным рыбодобывающим предприятиям и рыболовецким колхозам в ограниченных пределах. Так, двумя директивами колхозы области, занятые рыболовством, были поставлены в очень тяжелое положение.

СМ СССР мотивировал свое решение необходимостью освоения силами колхозов и совхозов внутренних водоемов Колымы и Чукотки, богатых рыбой.

По данным Магаданского ТИНРО и Охотскрыбвода, в этих водоемах можно было добывать по 18–20 тыс. ц разнорыбицы.

Однако в связи с этим совершенно не учитывались такие факторы, как отдаленность мест промысла, тяжелые условия работы как наземного, так и воздушного транспорта, а также отсутствие холодильников и специального перерабатывающего оборудования.

Для рыболовецких колхозов Камчатки, Сахалина, Приморья закупочные цены не изменились. В этом был чисто ведомственный подход, так как магаданские колхозы находились на уставе сельхозартели и подчинялись Министерству сельского хозяйства, а не Дальрыбе.

Серьезной проблемой для колхозов и совхозов Магаданской области в 60-е гг. являлась добыча китов и морского зверя. С одной стороны, морской зверобойный промысел национальных колхозов и совхозов ограничивался лимитами, а с другой – они не имели необходимого флота и оружия и для добычи мелких ластоногих, а также цехов переработки. Значительная часть продукции, которая не поддавалась учету, пропадала и растаскивалась. Нерациональное использование морзверя в колхозах и совхозах Чукотки подрывало кормовую базу звероводства, которое несло большие убытки от падежа пушных зверей. Кроме этого, зверобойные суда Дальрыбы, преследуя свои ведомственные интересы, занимались настоящим браконьерством. На областном совещании рыбаков Магаданской области подчеркивалось, что *«если сейчас создана реальная угроза воспроизводству нерпы, то повинны в этом прежде всего предприятия и организации Дальрыбы, суда которых ведут бессистемный промысел, беря только шкуры, а мясо выбрасывая в море»*.

Например, в районе м. Мечкин зверобойные шхуны «Лахтак», «Акиба», «Заря» в большом количестве били моржей, забирая только шкуры. Зверобойные флотилии Управления морского рыболовецкого зверобойного флота Сахалинрыбпрома ежегодно били до 90 тыс. гол. морзверя, выбрасывая в море до 20 тыс. ц мяса. А в это время на Чукотке добыча морского зверя, особенно китов, велась с ветхих судов, приобретенных колхозами, как правило, из числа списанных, но восстановленных и переоборудованных.

Бригадир колхоза им. XXII съезда КПСС Тынерахтыргин так оценивал ситуацию: *«Вот колхозу все время сокращают лимиты на кита, нерпу и моржа. Весь добытый зверь идет на корм зверям на зверофемы, а собак кормить нечем, не говоря уже о людях, ведь мы привыкли к мясу морзверя... Колхозники сейчас стали жить лучше, но в силу необходимости колхозникам приходится есть больше консервов, чем мяса. Мясо на складе есть, но оно очень плохое»* [ВА МАПК, д. 345, отдел промыслов, л. 67].

Ситуация еще более обострилась после введения запрета на добычу китов без предварительного загарпунивания для хозяйств Чукотского округа.

Добычей китов и морзверя занимались 7 совхозов и один колхоз. Их потребность на производственные нужды составляла 200 гол., а лимит – 100. Собственными силами совхозов добыча китов была запрещена.

Магаданский трест неоднократно просил выделить современные суда колхозам и совхозам или оснастить флотом Чукотский морзверокомбинат. *«Но, странное дело, прошли годы, десятилетия, но дело вперед так и не продвинулось»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 409, л. 54]. Море рядом, а мясо китов и морзверя завозилось из Владивостока. Оленеводов одевали в ватники и обували в резиновые сапоги, а мастерские по пошиву национальной одежды закрывались из-за недостатка сырья. Чукотский морзверокомбинат, оснащенный примитивным оборудованием, выпускал продукцию низкого качества, и в целом зверобойный промысел стал убыточным.

Только в августе 1969 г. для промысла китов в северной части Берингова моря был выделен китобоец «Звездный», добывший 120 китов. Пункты приема создали в 12 поселках. От судна китов буксировали вельботами, а вытаскивали на берег тракторами.

Для повышения доходности промыслов решением Магаданского облисполкома № 44 от 2 февраля 1967 г. заготовительным организациям устанавливался обязательный план заготовок шкур морзверя и поставок этого сырья предприятиям местной промышленности.

Следует отметить, что совхозы и колхозы несли убытки и по другой причине. Например, шкуры нерпы, заготовленные на побережье Охотского и Берингова морей, отправлялись на переработку

Татарскому меховому производственному объединению Министерства легкой промышленности. Изделия из нерпы поставлялись на экспорт, а также продавались за валюту внутри страны. Никаких отчислений колхозы и совхозы не получали.

На Магаданский кожевенно-обувной комбинат поступало только некондиционное кожсырье, которое также не приносило прибыли [ГАМО, ф.р-146, оп. 1, д. 922, л. 2].

Госплан СССР предусматривал начать местную переработку всего мехового сырья, заготовленного в Магаданской области, только начиная с 1970 г.

Серьезной проблемой для рыбной промышленности Магаданской области оставалась материально-техническая база рыбокомбинатов, значительно обновленная, но все еще не отвечающая современным требованиям. Например, в 1968 г. к работе было подготовлено 10 цехов для посола рыбы в циркулирующем охлажденном тузлуке, 25 уборочных линий и 6850 т холодильных емкостей. На рыбокомбинатах и рыбозаводах внедрялась новая техника отечественного производства и полученная по импорту.

Все это позволило механизировать основные производственные процессы и повысить производительность труда. Однако ликвидировать ручной труд не удалось. На рыбную путину ежегодно завозилось до 1000 сезонных рабочих, которых использовали на самых трудоемких работах.

Несколько повысилось качество выпускаемой продукции, но в целом оно оставалось на низком уровне. Например, Магаданский рыбокомбинат *«по причине низкого качества... был переведен Дальрыбинспекцией на особый режим реализации рыбопродукции»* [ГАМО, ф.р-105, оп. 1, д. 495, л. 121]. В этом была вина не только магаданских рыбообработчиков.

Главное управление Дальрыбы установило порядок, *«при котором на предприятия треста направлялась сельдь в последнюю очередь и, как правило, низкого качества»* [Там же. Д. 484, л. 44].

Снижение эффективности рыбной промышленности отмечалось не только в Магаданском тресте, но и по всему Дальневосточному бассейну. Например, в 1964–1967 гг. при увеличении добычи рыбы с 1308,6 до 1720,6 тыс. ц выпуск готовой продукции сократился с 743,5 до 706,5 тыс. ц. В 1967 г. из 81 рыболовецкого колхоза, входившего в систему Дальрыбы, 44 не выполнили план. Кризисная ситуация в рыбной промышленности обострялась.

На предприятиях Дальрыбы нарастала убыточность, снижалась фондоотдача, повышалась себестоимость выпускаемой продукции. Объективных причин технического характера было много, но в основе лежали массовая бесхозяйственность и падение дисциплины. Это приводило к тяжелым последствиям, особенно на флоте. Например, в 1967 г. на промысловых судах Дальрыбы произошло 119 аварий, причем 85% в результате нарушений экипажем элементарных требований устава.

В целом рыбная промышленность Магаданской области в 50–60-е гг. по объективным и субъективным причинам развивалась крайне нестабильно. На повышение эффективности отрицательно влияли низкий технико-эксплуатационный уровень добывающего флота и перерабатывающей базы, отсутствие общей технической культуры производства и экономического стимулирования, а также серьезные просчеты административного планирования.

Заключение

Проведенные комплексные исследования показывают, что история Магаданской области в начале 20-х – середине 60-х гг. отражает основные закономерности, присущие советской системе в области государственного строительства, и принципы социалистической экономики.

В то же время по причинам объективного характера процесс социально-экономического развития территории имел специфические особенности, связанные с географической удаленностью и труднодоступностью, природно-климатическими факторами и проблемами адаптации подневольных мигрантов к условиям Крайнего Севера, этническим составом коренного населения и его неготовностью к радикальным переменам, а также с полным отсутствием производственной, транспортной и социальной инфраструктуры.

На первом этапе советизации в 20-е гг. эти особенности оказали существенное влияние на национальную и хозяйственную политику, проводимую Советским правительством в отношении коренных жителей Охотско-Колымского края.

В рамках выработанной Комитетом Севера концепции реконструкции туземного общества считалось, что патриархальный, архаичный уровень его развития не только не препятствует социалистическим преобразованиям, а наоборот, создает необходимые условия для быстрого социально-экономического прорыва из неолита в бесклассовое общество.

Однако уже первые мероприятия советской власти в этом направлении натолкнулись на серьезные трудности.

Так, фактор нэпа, давший ряд положительных результатов в промышленно развитых районах страны, в Охотско-Колымском крае не оказал определяющего значения, поскольку по своему уровню развития хозяйственный комплекс и своеобразный уклад жизни населения вошли в глубокое противоречие с основными принципами новой экономической политики.

Игнорирование местных условий и насаждение советской системы методами грубого администрирования привели к дезорганизации хозяйства оседлого населения и активному сопротивлению кочевников-оленеводов.

Последовавшая корректировка курса социалистических преобразований в середине 20-х гг. и связанная с этим кратковременная стабилизация была прервана инициированной ВКП(б) политикой усиления классовой борьбы в туземном обществе, которая имела катастрофические последствия не только в Охотско-Колымском крае, но и в Чукотском и Корякском национальных округах.

Программа производственного кооперирования и организации колхозов, ставившая своей целью подъем экономики и жизненного уровня населения, приобрела уродливые формы механического сложения средств производства и к началу 30-х гг. не дала никаких положительных результатов. Новоявленные колхозники саботировали общественное производство, и фактически национальные колхозы числились только в отчетах райисполкомов. Спасаясь от коллективизации и произвола властей, оленеводы угоняли стада в труднодоступные районы, бойкотировали все мероприятия советской власти, в том числе выборы в местные Советы и организацию родовых комитетов.

Процесс формирования органов местного самоуправления и их коренизации лишь по форме отражал суть советской системы, но фактически не оказывал никакого влияния на туземное общество, продолжавшее жить по законам обычного права, основанного на многовековых традициях.

Однако репрессивная политика конца 20-х – начала 30-х гг. нанесла серьезный удар по нравственным устоям северной общины, особенно оседлого населения, разрушая его материальную и духовную основу.

Активизация различных хозяйственных организаций в связи с открытием первых россыпей золота на Колыме и приток деклассированных элементов еще больше усилили социальную напряженность и хозяйственную дестабилизацию.

Из-за отсутствия ясной государственной политики в области перспектив дальнейшего экономического развития и нарастания межведомственных противоречий в условиях нехватки материальных и финансовых ресурсов для решения первоочередных задач промышленного освоения территории деятельность партийных и советских органов власти была фактически парализована.

Крутой поворот в истории районов Колымы произошел в начале 30-х гг., когда в результате беспрецедентной работы геологов были сделаны краткосрочные и перспективные прогнозы о промышленных запасах золота, залегавших на огромной территории.

В конкретной исторической обстановке, с учетом всех факторов и реалий времени, создание такой организации, как Дальстрой, было необходимым и закономерным явлением.

В концептуальной основе Дальстроя закладывался принцип (не имевший аналогов) закрытой автономной экономической зоны, на территории которой создавались особые условия и режим деятельности промышленных предприятий с массовым применением труда заключенных.

Следует отметить, что по целям и задачам этот комбинат особого типа, являясь самым крупным по территории промышленным лагерем, но не по количеству заключенных, ничего общего не имел с системой уничтожения людей, как это представляют некоторые исследователи.

За исключением 1937–1938 гг., смертность заключенных, подчас очень высокая, была связана в основном с лагерным режимом, тяжелейшими формами и методами применения их труда, жилищно-бытовыми условиями, отсутствием эффективной медицинской помощи и суровым климатом.

Была и другая причина – это многовековая российская традиция пренебрежительного отношения к жизни людей, особенно находившихся в критической, пограничной ситуации. Об этом бесстрастно свидетельствуют документы и объективные воспоминания тех, кто прошел колымские лагеря.

Говоря о заключенных Севвостлага, необходимо отметить, что их состав был неоднороден и имел свои особенности. Анализ документов показывает, что наибольшее количество политических заключенных содержалось в лагерях Дальстроя в 1937–1941 гг. В годы войны в процессе массовой кампании по досрочному и условно-досрочному освобождению заключенных их количество значительно сократилось, а в послевоенный период в результате чистки лагерей ГУЛАГа на Колыму хлынул поток особо опасных бандитов, воров-рецидивистов, пособников немецких оккупантов, предателей, служивших в карательных подразделениях СС, СД и вермахта, власовцев, а также активных членов УПА, УНА-УНСО и прибалтийских антисоветских бандформирований.

Отдавая дань памяти невинно репрессированным и осуждая сталинский режим, не следует забывать и об этом.

В структуре трудовых ресурсов большое значение имела вольнонаемная рабочая сила, которая формировалась в условиях лагерной системы. Поэтому подавляющее большинство рабочих и служащих, работавших по договорам, являлись бывшими заключенными.

МВД СССР вводило различные незаконные ограничения, препятствующие свободному выезду из районов Дальстроя различных категорий вольнонаемных, в том числе приравненных к ним по статусу досрочно освобожденных, спецпереселенцев, спецконтингента, прибывшего со спецстроек МВД СССР, и пр.

Условия труда и быта вольнонаемных работников и заключенных мало чем различались. Ярким примером этого являлся 1946 г., когда произошла массовая смена вольнонаемных рабочих вследствие крайней физической истощенности и хронических заболеваний.

В конце 40-х – начале 50-х гг. Дальстрой превратился из закрытой экономической зоны в зону особого режима, что значительно обострило криминогенную обстановку и способствовало нарастанию кризисных явлений в основном производстве.

С экономической точки зрения промышленно-транспортный комплекс Дальстроя за период деятельности в системе НКВД-МВД СССР выполнил свою историческую миссию по добыче золота, олова и других полезных ископаемых. Хотя следует отметить, что мнение некоторых исследователей о дешевизне колымского золота по сравнению с добытым другими предприятиями не соответствует действительности, потому что, как правило, они не учитывают всех затрат и оперируют только голой статистикой основного производства.

К 1953 г. в системе Дальстроя, кроме горнодобывающей промышленности, были созданы основы сельскохозяйственного производства, рыбной промышленности и элементы социальной инфраструктуры.

С образованием Магаданской области начался качественно иной этап социально-экономического развития районов Колымы и Чукотского национального округа, вошедшего в состав нового субъекта Федерации.

Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. шел сложный процесс реконструкции промышленно-лагерной системы Дальстроя, формирования конституционных органов власти и управления и поиска приоритетных направлений развития экономики.

Сырьевая специализация в государственной системе территориального разделения труда сохранялась, но в то же время в экономический оборот стал вовлекаться более широкий спектр природных ресурсов области. На промышленную основу была поставлена добыча рыбы ценных пород; серьезные позитивные сдвиги произошли в развитии сельского и промыслового хозяйства на основе его технического переоснащения.

Из-за изменения принципов комплектования рабочей силы и методов ее применения в первую очередь решалась задача создания социальной сферы, куда направлялись основные государственные инвестиции.

Ассигнования на строительство в промышленных районах новых больниц, школ, Домов культуры, клубов, библиотек, кинотеатров и т. д. увеличились в несколько раз.

Советским правительством в этот период был принят ряд важных решений по упорядочению экономического баланса области и комплексному многоотраслевому развитию народного хозяйства.

В результате принятых мер к середине 60-х гг. в Магаданской области были окончательно преодолены последствия деятельности Дальстроя и начался период динамичного социально-экономического развития.

Список сокращений

АГО – административно-гражданский отдел
АКО – Акционерное Камчатское общество
АРЕМЗ (АРЗ) – авторемонтный завод
АРЭК – Аркагалинский энергокомбинат
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АХО – административно-хозяйственный отдел
БАЭС – Билибинская атомная электростанция
БК – буксирный катер
БМРТ – большой морозильный рыболовецкий траулер
БТ – буксир транспортный
БУР – барак усиленного режима
ВА МАПК – Ведомственный архив Магаданского агропромышленного комитета
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВОХР – военная (военизированная) охрана
ВРК – военно-революционный комитет
ВСНХ – Высший Совет народного хозяйства
ВСО – ведомственная стрелковая охрана
ВСО – Всероссийский союз охотников
ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
ГАКО – Государственный архив Камчатской области
ГАМО – Государственный архив Магаданской области
ГВФ – Гражданский воздушный флот
ГГРУ – Главное геологоразведочное управление
ГК – городской комитет
ГКО – городской коммунальный отдел
ГПК – горнопромышленный комбинат
ГПР – горнопромышленный район
ГПР – горно-подготовительные работы
ГПУ – горнопромышленное управление
ГПУ – Государственное Политическое управление
ГРБ – геологоразведочная база
ГРК – губернский революционный комитет
ГРО – геологоразведочный отдел
ГРС – геологоразведочная служба
ГРУ – геологоразведочное управление
ГРЭС – гидроэлектростанция
губфо – губернский финансовый отдел
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ГУПВО – Главное управление пограничной военной охраны
ГУ СДС – Главное управление строительства Дальнего Севера
ГУСМП – Главное управление Северного морского пути
ГЭУ – Главное экономическое управление
ДВИК – Дальневосточный исполнительный комитет
ДВК – Дальневосточный край
ДВКИК – Дальневосточный краевой исполнительный комитет
ДГТ – Дальгосторг
ДКС – Далькоопсоюз
ДОС – Дальохотсоюз
ДС – Дальстрой
ДС – добывающий сейнер
ДФО – Дальневосточный федеральный округ
ДЭУ – дорожно-эксплуатационный участок
ЕПО – единое потребительское общество
ЗГПУ – Западное горнопромышленное управление
ЗПК – золотоприемная касса
ИТК – исправительно-трудовая колония
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

ИТР – инженерно-технический работник
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
КВО – культурно-воспитательный отдел
КГПУ – Колымское Главное приисковое управление
КГПЭ – Колымская геолого-поисковая экспедиция
КГРЭ – Колымская геологоразведочная экспедиция
КИРП – Колымо-Индигирское речное пароходство
ККОВ – Комитет крестьянской общественной взаимопомощи
КНО – Корякский национальный округ
КНДР – Корейская Народно-Демократическая Республика
КОБ – Комитет общественной безопасности
Комсод – Комитет содействия
КРС – крупный рогатый скот
КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность
КРУ ДС – Колымское речное управление Дальстроя
КУСиПХ – Колымское управление сельского и промыслового хозяйства
л/о – лагерное отделение
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГРТ – Магаданский государственный рабочий трест
МЗС – моторно-зверобойная станция
ММП – Министерство металлургической промышленности
МОАМР – Магаданское объединение активного морского рыболовства
Мортран ДС – морской транспорт Дальстроя
МРС – малый рыболовецкий сейнер
МСК – Магаданская складская контора
МСХ – Министерство сельского хозяйства
МТС – машинно-тракторная станция
МТФ – молочнотоварная ферма
Наркомвод, НКВод – Народный комиссариат водного транспорта
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКЗ – Народный комиссариат здравоохранения
НКО – Народный комиссариат обороны
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКТП – Народный комиссариат тяжелой промышленности
НКФ – Народный комиссариат финансов
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
нэп – новая экономическая политика
ОББ – Отдел по борьбе с бандитизмом
ОБХСС – Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОИК – областной исполнительный комитет
ОК – областной (окружной) комитет
ОК – особый контингент
ОКАРО – Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество
ОКС – отдел капитального строительства
ОЛП – отдельный лагерный пункт
ОПХ – опытное производственное хозяйство
ОЭНО – Охотско-Эвенский национальный округ
ПВС СССР – Президиум Верховного Совета СССР
ПП ОГПУ по ДВК – Полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю
ПР – промысловый разведчик
ПУ СДС – Политическое управление строительства Дальнего Севера
ПУСиПХ – Приморское управление сельского и промыслового хозяйства
РБ – рыболовецкий бот
РИК – районный исполнительный комитет
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКМ – Рабоче-крестьянская милиция
РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи

РОКК – Российское общество Красного Креста
РО НКВД – районный отдел НКВД
РПК – районный промкомбинат
РПК – рыбопромышленный комбинат
РС – рыболовецкий сейнер
РСХО – районный сельскохозяйственный отдел
РС (Якутия) – Республика Саха (Якутия)
РТС – ремонтно-техническая станция
РУР – рота усиленного режима
САРЗ – Спорнинский авторемонтный завод
СВГУ – Северо-Восточное геологоразведочное управление
СВЗ – объединение «Северовостокзолото»
СГПУ – Северное горнопромышленное управление
С М СССР – Совет Министров СССР
СНК СССР – Совет Народных Комиссаров СССР
СНХ – Совет народного хозяйства
СО – сейнер океанский
СРК – сельский революционный комитет
СРТ(М) – средний рыболовецкий траулер (морозильный)
СТО – Совет труда и обороны
СХТ – объединение «Сельхозтехника»
СЭС – санитарно-эпидемиологическая станция
ТГПУ – Тенькинское горнопромышленное управление
ТСК – транспортно-складская контора
ТЭК – топливно-энергетический комплекс
ТЭС – теплоэлектростанция
УААТ – Управление авто-авиа (автомобильного) транспорта
УГПС – Управление горнопромышленного строительства
УГРО – уголовный розыск
УДПИ – Управление по добыче полезных ископаемых
УДС – Управление дорожного строительства
УИТЛ – Управление исправительно-трудовых лагерей
УКС – Управление капитального строительства
УМВД – Управление Министерства внутренних дел
УМГБ – Управление Министерства государственной безопасности
УМП – Управление морского пароходства
УМР – Управление местных ресурсов
УНА-УНСО – Украинская националистическая самооборона
УНКВД по ДС – Управление Народного комиссариата внутренних дел по Дальстрою
УНТП – Управление Нагаевского торгового порта
УПА – Украинская повстанческая армия
УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции
УРО – учетно-распределительный отдел
УРПХ – Управление рыбопромыслового хозяйства
УРС – Управление рабочего снабжения
УРЧ – учетно-распределительная часть
УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей
УСЛОН – Управление Соловецких лагерей особого назначения
УСНАБ – Управление снабжения
УСХ – Управление сельского хозяйства
УШОСДОР – Управление шоссейных дорог
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦМЗ – объединение «Цветметзолото»
ЦРММ – Центральные ремонтно-механические мастерские
ЦСД – Центральный стол дознания
ЦХСД МО – Центр хранения современной документации Магаданской области
ЧНО – Чукотский национальный округ
ЧУГПУ – Чай-Урьинское горнопромышленное управление
ШИЗО – штрафной изолятор
ЮГПУ – Южное горнопромышленное управление
ЮЗГПУ – Юго-Западное горнопромышленное управление
ЯГПУ – Янское горнопромышленное управление

Приложение 1. ПЕРСОНАЛИИ*

Адолин Николай Николаевич родился 27 июня 1904 г. в Нижнегородской губернии. Учился в сельской школе, работал по найму, член ВКП(б) с июня 1926 г. С начала 1930-х гг. работал в системе Цветметзолота и в ЦК Союза работников золота и платины. С лета 1941 г. – на Колыме. В июне 1941 – декабре 1954 г. – председатель Колымского окружкома профсоюза. Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Алмазов Завен Арменакович родился в 1898 г. в бедной крестьянской семье. С 1909 г. учился в г. Царицын. Окончил коммерческое училище. В 1916 г. выехал на Кавказ, находился на финансовой работе в кооперации и в Союзе городов. С апреля 1919 г. – член подпольной организации РКП(б). Во время майского восстания 1920 г. был арестован, но затем выпущен на поруки, после чего скрылся. С конца 1920 г. – руководитель одного из уездных комитетов комсомола в Армении. Во время деникинского переворота вновь арестован, сидел в тюрьме. После освобождения занимал должность ответственного секретаря райкома партии, заместителя заведующего Управлением рабоче-крестьянской инспекции. С 1923 г. учился в Тифлисе и работал начальником финконтроля Кавказской армии. В 1925 г. – заместитель начальника отдела по ревизии РККА ОГПУ в Москве. Затем – заместитель начальника строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. С конца 1930 г. – помощник директора Дальстроя и начальник Московского представительства (Управления) Дальстроя; с 1933 г. – по совместительству помощник начальника ГУЛАГа. В ноябре 1934 – июле 1935 г. (во время отпуска Э. П. Берзина) – и. о. директора Дальстроя, уполномоченный коллегии ОГПУ (НКВД) СССР, Даль크райкома ВКП(б) и Далькрайисполкома, начальник Нагаево-Магаданского гарнизона Охотско-Колымского района. С декабря 1935 г. освобожден от обязанностей помощника директора по Московскому управлению Дальстроя. В 1936–1939 гг. – начальник Беломоро-Балтийского комбината и Белбалтлага, начальник строительства Соликамского гидроузла и Усольлага. Затем арестован и 3 декабря 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР «за шпионаж и вредительскую деятельность» приговорен к расстрелу. 18 апреля 1957 г. реабилитирован.

Апин Роберт Августович родился 9 августа 1892 г. на хуторе Дравниеки Лифляндской губернии. Окончил 4-классное городское училище. С 15 лет работал штукатуром-орнаменталистом. В январе 1912 г. вступил в ряды большевистской партии. С 1913 по 1917 г. – рядовой царской армии. С марта 1917 г. – член и председатель солдатского комитета 5-го Земгальского полка. В годы гражданской войны – комиссар 2-й латышской бригады, военный комиссар штаба Восточного фронта, комиссар латышской дивизии; с лета 1921 г. – военный комиссар Мобилизационного управления штаба Красной Армии. Являлся членом Латвийской секции Коминтерна. В 1927 г. окончил экономическое отделение факультета советского права 1-го Московского госуниверситета. С сентября 1935 г. – ответственный редактор газеты «Советская Колыма», с января 1936 г. – ответственный редактор журнала «Колыма» и с конца апреля 1936 г. – заведующий издательством «Советская Колыма». В 1936–1937 гг. – секретарь партийной комиссии Дальстроя. Арестован в декабре 1937 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 10 марта 1938 г. приговорен к расстрелу. Посмертно реабилитирован.

Арм Яков Менделеевич родился 14 июля 1911 г. в г. Петербурге. Член ВКП(б) с 1941 г. Окончил единую трудовую школу и Ленинградский Горный институт (1937 г.). С 1937 г. – на Колыме. В 1937–1939 гг. – в разных должностях на прииске «Партизан»; в 1939–1941 гг. – главный инженер СГПУ и ЗГПУ; в 1942–1946 гг. – начальник ЧУГПУ. Затем выехал на «материк». Награжден орденами Красной Звезды (1939 г.), Трудового Красного Знамени (1945 г.), медалью «За трудовую доблесть» (1941 г.). Умер в декабре 1986 г.

Березин Валентин Платонович родился в феврале 1914 г. в г. Ганджа (Северный Кавказ). Окончил школу 2-й ступени (1930 г.) и Ленинградский Горный институт (1937 г.). Член ВКП(б) с 1940 г. С лета 1937 г. – на Колыме. В июне 1937 – феврале 1938 г. – горный смотритель и начальник участка прииска «Ат-Урях»; в феврале 1938 – августе 1939 г. – заведующий горными работами, главный инженер и начальник прииска им. Водопьянова; в августе 1939 – марте 1940 г. – главный инженер прииска им. Водопьянова; в марте – июле 1940 г. – главный инженер прииска им. Чкалова; в 1940–1941 гг. – старший инженер производственного отдела Дальстроя; в 1941–1943 гг. – начальник горнотехнического отдела Дальстроя; в 1943–1945 гг. – начальник производственно-технического отдела Дальстроя; в 1945–1946 гг. – начальник ЧУГПУ; в 1946–1949 гг. – начальник производственно-технического отдела Дальстроя; в 1949–1953 гг. – заместитель главного инженера Дальстроя; в 1953–1956 гг. – начальник Технического управления Дальстроя; в 1956–1957 гг. – заместитель начальника Дальстроя; в 1957–1965 гг. – первый заместитель председателя Магаданского и Северо-Восточного совнархозов; в 1965–1971 гг. – генеральный директор объединения «Северовостокзолото»; в 1971–1975 гг. – начальник Главзолота Минцвета СССР. Награжден орденами Красной Звезды (1939 г.), Трудового Красного Знамени (1945 г.) и др. Умер 28 июня 1989 г.

---

*Составлено по материалам А. Г. Козлова.

Берзин Эдуард Петрович родился в 1893 г. в Старо-Пебальской волости (Латвия) в крестьянской семье. С 5-летнего возраста вместе с родителями жил на окраине Риги, учился в городской школе, изучал малярное дело. В 1910 г. уехал в Германию, где окончил Берлинское королевское художественное училище. Вернулся в Латвию и был призван на военную службу. С 1915 г. в составе 4-го Видземского латышского стрелкового батальона участвовал в боях на фронтах первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом IV степени и серебряной нагрудной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие». После Октябрьской революции участвовал в формировании 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой советской дивизии, а затем был назначен его командиром. Летом 1918 г. сыграл решающую роль в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве и разоблачении заговора Локкарта. В ноябре 1918 г. принят в ряды большевистской партии. С декабря 1918 г. сражался с белогвардейцами на Западном, Юго-Западном и Восточном фронтах. Во время Орловско-Кромского сражения в октябре 1919 г. – начальник снабжения Латышской стрелковой советской дивизии. Принимал участие в боях под Каховкой и Перекопом. Затем служил в штабе Армии, был сотрудником ИККИ и спецотдела ВЧК-ОГПУ. В 1927 г. внес предложение в ВСНХ СССР о строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината на Урале. В общей сложности Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат был построен за 18 месяцев. В 1929 г. выезжал вместе с главным инженером Д. С. Соколовским и главным механиком П. П. Кузнецовым в Германию и США для закупки оборудования. 14 ноября 1931 г. назначен директором Дальстроя. В бух. Нагаева прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. Немного позднее стал совмещать должности уполномоченного коллегии ОГПУ СССР (затем – НКВД), Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома и начальника Нагаево-Магаданского гарнизона Охотско-Колымского района. Награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ (1932 г.), а 22 марта 1935 г. постановлением ЦИК СССР – орденом Ленина. В мае этого же года выезжал в Амстердам, где ускорил покупку судна «Кулу» для морского флота Дальстроя. Имел звание дивизионного интенданта. 4 декабря 1937 г. выехал в отпуск на «материк». Спустя полмесяца арестован недалеко от Москвы, на станции Александров. 1 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР за «измену родине», «подрыв государственной промышленности», «совершение террористических актов», «организационную деятельность, направленную на свержение существующего строя» приговорен к расстрелу. Реабилитирован 4 июля 1956 г.

Билибин Юрий Александрович родился 19 мая 1901 г. в г. Ростове. Окончил Смоленское реальное училище (1919 г.) и Ленинградский Горный институт (1926 г.). В 1926–1928 гг. – геолог треста «Алданзолото». В 1928–1929 гг. – руководитель Колымской геологоразведочной экспедиции, приведшей к открытию Северо-Восточного золотоносного региона. В 1931–1932 гг. – руководитель геологической базы Главного геологоразведочного управления «Союззолото» и геологического сектора ГПУ «Цветметзолото»; весной 1932 – летом 1933 г. – главный инженер-геолог технического сектора дирекции ДС и начальник Элекчанской геологоразведочной партии. Автор более 60 научных работ и фундаментального труда «Основы геологии россыпей» (1938 г.). Член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии I степени (1946 г.). Умер 4 мая 1952 г.

Боровикова Клавдия Александровна родилась 28 декабря 1901 г. в с. Софиевка Екатеринославской губернии (Украина). Окончила женскую гимназию и два курса Днепропетровского института народного образования. Член ВКП(б) с февраля 1937 г. До 1933 г. – в органах народного образования; с 1933 г. – на партийно-политической работе. В феврале 1937 – сентябре 1938 г. – редактор газеты завода № 156 (Москва). В бух. Нагаева прибыла на пароходе «Николай Ежов» 30 октября 1938 г. В 1938–1941 гг. – заведующая отделом и редактор газеты политотдела СГПУ «Красный горняк»; в марте – августе 1941 г. – редактор газеты «Советская Колыма».

Будзко Петр Петрович родился 13 декабря 1888 г. (по другим данным – в 1890 г.) в г. Петербурге. Окончил Петербургскую инженерную академию (1912 г.). Работал инженером-строителем. Служил в царской и Красной армиях. После гражданской войны вернулся к своей профессии. Был арестован и осужден «за разглашение сведений». Заключение отбывал в Вишлаге. В бух. Нагаева прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. и был назначен начальником строительного сектора Дальстроя. В июле – сентябре 1932 г. – начальник работ Дебинской экспедиции по изысканию места для строительства административного центра Колымы. Затем являлся заместителем главного инженера Управления капитального дорожного строительства (Капдорстроя); начальником Портстроя, одного из строительных участков Управления автотранспорта; заместителем управляющего стройконторой Магаданской комендатуры. 4 октября арестован на «материке» и приговорен к расстрелу. Посмертно реабилитирован.

Булыгин Борис Алексеевич родился в 1900 г. в г. Ярославле. Окончил начальную школу и два курса Коммунистического университета им. Свердлова (1932 г.). Член РКП(б) с мая 1924 г. Приехал в бух. Нагаева по командировке Далькрайкома ВКП(б) 10 ноября 1936 г. На следующий день был назначен помощником директора Дальстроя по политчасти. Отстранен от должности в начале декабря 1937 г., а в ночь с 23 на 24 декабря арестован. 10 апреля 1940 г. следственное дело в отношении его было прекращено. 16 апреля 1940 г. освобожден из тюрьмы и выехал для лечения на «материк».

Варпаховский Леонид Викторович родился 29 марта 1908 г. в г. Москве. Окончил Московский государственный университет и актерскую школу при театре Вахтангова. В 1932 г. работал в Московском театре сатиры; с 1933 г. – в театре В. Э. Мейерхольда. В 1936 г. арестован и отправлен в Казахстан. В Алма-Атинском драматическом театре осуществил постановку нескольких спектаклей. В конце 1937 г. вновь арестован и осужден «за контрреволюционную агитацию» на 10 лет ИТЛ. В сентябре 1940 г. этапирован на Колыму. Сначала находился на общих работах в ЧУГПУ, затем направлен в культбригаду Маглага и Магаданский музыкально-драматический театр им. М. Горького. Поставил около десяти спектаклей. Освободился из заключения 17 мая 1947 г. Осенью 1947 г. арестован в третий раз. После снятия обвинения работал в пос. Усть-Омчуг режиссером студии Колымского окружкома профсоюза. В 1953 г. вернулся на «материк». Как театральный режиссер получил всемирную известность. Умер в 1976 г.

Варрен Иван Александрович – уроженец Олы. После окончания двухгодичных учительских курсов был направлен учителем в Ольское туземно-приходское начальное училище. И. А. Варрену принадлежит заслуга в открытии в 1913 г. Ольской начальной школы, ставшей центром распространения политической грамотности среди населения.

После освобождения Охотского побережья от белогвардейских банд заведовал избой-читальней; работал в отделе народного образования, был редактором газеты «Ольская жизнь», участвовал в разработке письменности для коренного населения края.

В годы репрессий И. А. Варрен несколько раз подвергался арестам. Погиб в 1937 г. Реабилитирован посмертно.

Васьков Родион Иванович родился в 1891 г. в многодетной крестьянской семье. С детских лет работал разносчиком писем и газет, переписчиком в местном волостном управлении. В 1914–1917 гг. – участник первой мировой войны. С декабря 1917 г. – работник волостного земельного отдела; с сентября 1918 г. – сотрудник ВЧК-ОГПУ. В октябре 1918 г. стал членом РКП(б). Затем служил в центральном аппарате ВЧК-ОГПУ, занимал руководящие административные должности в Вишлаге, в том числе (в 1932 г.) врид начальника Вишлага. В 1932–1934 гг. – начальник Севвостлага, помощник директора Дальстроя по труду. Одновременно с августа 1934 г. возглавлял УДС Дальстроя. С 15 ноября 1934 г. уволен в отпуск и выехал с Колымы.

Вишневецкий Александр Александрович родился в 1903 г. Образование незаконченное среднее. Член ВКП(б) с 9 июля 1927 г. Служил в органах ОГПУ-НКВД в Туле, Калинине, Саратове. Капитан госбезопасности. Награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ-НКВД и боевым оружием. В марте 1939 – декабре 1940 г. – начальник Севвостлага и заместитель начальника Дальстроя.

Вострецов Степан Сергеевич (1883–1932) – член КПСС с 1918 г.; герой гражданской войны, награжден четырьмя орденами Боевого Красного Знамени и почетным революционным оружием. В 1922 г. – помощник начальника Второй Приамурской дивизии, при штурме Спасска командовал ударной группой Народно-революционной армии. В 1923 г. – начальник экспедиционного отряда по ликвидации белых банд генерала Пепеляева в Охотско-Аянском районе. Затем командовал I Тихоокеанской и Омской краснознаменной дивизиями.

Вяткин Виктор Семенович родился 4 января 1903 г. в г. Усолье. Окончил Пермско-Ильинскую профтехшколу (1913 г.). В 1930–1931 гг. – электромонтер Губахинской районной электростанции; в 1931–1932 гг. – электромонтер Березниковского химкомбината. С 9 июня 1932 г. – на Колыме. В 1932 г. – заведующий электростанцией в Усть-Среднекане; в 1934–1935 гг. – работник Московского управления Дальстроя; в 1935–1936 гг. – начальник транспортной группы ЮГПУ; в 1936–1939 гг. (с перерывом на отпуск) – начальник мехгородка ЮГПУ; в 1939–1940 гг. – начальник мехгородка ЗГПУ; в 1940–1942 гг. – начальник Центральных мехмастерских ЗГПУ; в 1942–1945 гг. – начальник Центральных ремонтно-механических мастерских ЧУГПУ; в 1945–1948 гг. – директор Спорнинского авторемонтного завода; в 1948–1960 гг. – директор Оротуканского завода горного и обогатительного оборудования. Член ВЛКСМ с 1933 г., член ВКП(б) с 1944 г. Награжден орденом «Знак Почета» (1945 г.), медалями «За трудовую доблесть» (1943 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945 г.). Умер в Москве 20 января 1991 г.

Гагкаев Михаил Андреевич родился 12 августа 1903 г. в с. Кадгарон (Северо-Осетинская АССР). Окончил Ростовский рабфак (1928 г.) и Всесоюзный механико-технологический институт консервной промышленности (1932 г.). В 1930-е гг. – сотрудник органов ОГПУ-НКВД; награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ-НКВД (1937 г.). С 1939 г. – на Колыме. В декабре 1939 – октябре 1940 г. – заместитель начальника ЗГПУ; в октябре 1940 – апреле 1941 г. – начальник ЗГПУ; в 1941 г. – начальник ЧУГПУ; в 1941–1942 гг. – врио заместителя начальника Дальстроя; в мае 1942 – феврале 1946 г. – начальник СГПУ. Затем работал в других должностях. Награжден орденами Ленина (1945 г.), Трудового Красного Знамени (1943 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» (1945 г.) и знаком «Отличнику-дальстроевцу» (1941 г.). Умер 26 октября 1976 г.

Гаранин Степан Николаевич родился 12 декабря 1898 г. в Белоруссии. Окончил сельскую школу. С 17 лет пошел работать. Потом был призван в царскую армию. Последнее звание до Октябрьской революции – унтер-офицер. С 1918 г. – в Красной Армии. В январе 1919 г. стал членом ВКП(б). Участник гражданской войны. С 1 сентября 1920 г. по май 1921 г. находился в плену у белополяков. После возвращения назад окончил Высшую пограничную школу ОГПУ, служил в пограничных частях и до октября 1937 г. являлся начальником 15-го пограничного отряда (Белоруссия). Награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ, грамотой ЦИК БССР, боевым оружием. Имел звание полковника. На Колыму приехал 1 декабря 1937 г. С 21 декабря 1937 г. – начальник Севвостлага. 27 сентября 1938 г. арестован. 30 мая 1939 г. этапирован в Москву и помещен в Сухановскую тюрьму. Особым совещанием НКВД СССР 17 января 1940 г. осужден на срок 8 лет ИТЛ. Позднее срок содержания в лагере продлен. Умер 3 июля 1950 г. в Печорском ИТЛ. Посмертно реабилитирован 6 февраля 1990 г.

Гарбузов Леонид Нестерович родился 4 января 1903 г. в станице Егорликская Ростовской области. Окончил Ростовский морской политехникум (1930 г.) и два курса Московского автосварного учкомбината (1933 г.). В 1938–1939 гг. – начальник судостроительного отдела Московского управления Дальстроя; в 1939–1941 гг. – заместитель начальника и начальник Управления морского транспорта Дальстроя; в 1941–1942 гг. – начальник завода № 2; в 1942–1945 гг. – начальник затона Лабуя КРУ ДС. Награжден знаками «Ударник водного транспорта» (1930 г.) и «Отличнику-дальстроевцу» (1941 г.).

Гаупштейн Юрий Георгиевич родился в 1898 г. в г. Двинске (Даугавпилс). Учился и одновременно работал на железнодорожном транспорте. С 1918 г. в рядах Красной Армии. В апреле 1919 г. вступил в ВКП(б). В годы гражданской войны находился на политработе в армии, а с 1921 г. – на политработе в пограничных войсках ВЧК. Окончил Высшую пограничную школу ОГПУ (1924 г.). Последняя должность до приезда на Колыму (1 декабря 1937 г.) – начальник политотдела войск НКВД Белорусского военного округа, звание – полковой комиссар. С 21 декабря 1937 г. – начальник политотдела Дальстроя. Делегат IV Всеколымской партийной конференции (1938 г.), одновременно – член партийной комиссии Дальстроя. 13 августа 1938 г. вернулся из командировки в Хабаровск и был арестован. Допрашивался сотрудниками УНКВД по Дальстрою. Затем этапирован в Москву и помещен в Лефортовскую тюрьму. В конце октября 1939 г. проходил по «делу Гаранина».

Горин-Лундин Арон Соломонович родился в 1900 г. Образование – 3 года обучения в школе 2-й ступени. Член ВКП(б) с мая 1926 г. С 1919 г. – сотрудник ВЧК-ОГПУ; в 1924–1925 гг. – брошюровщик типографии им. Володарского (Ленинград); с 1925 г. – вновь сотрудник ОГПУ (в ПП – полномочном представительстве) по Ленинградскому военному округу. Последовательно занимал должности помощника и начальника информационного отдела, помощника и начальника секретно-политического отдела. После убийства С. М. Кирова осужден 23 января 1935 г. Военной коллегией Верховного суда СССР на срок 2 года лагерей. В апреле 1935 г. привезен на Колыму вместе с другими осужденными ленинградскими чекистами. Работал: до 7 августа 1935 г. начальником КВО Севвостлага, с 7 августа 1935 г. – заместителем начальника отдела НКВД по Дальстрою, с 26 октября 1936 г. – и. о. начальника УНКВД по Дальстрою. Срок заключения отбыл в январе 1937 г. С июня 1937 г. освобожден от должности и оставлен для специальных поручений при директоре Дальстроя. В ноябре 1937 г. отправлен во Владивостокское отделение Дальстроя. Затем вновь арестован и приговорен к расстрелу. До Дальстроя был награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ-НКВД (1934 г.), в Дальстрое – золотыми часами (1935 г.).

Горский Евгений Владимирович родился 25 января 1902 г. в г. Костроме. Окончил гимназию, Костромской промышленно-экономический техникум и три курса МГУ. Член ВКП(б) с 1931 г. В конце 1920–1930-х гг. – помощник директора, заместитель технического директора завода «Динамо» (Москва); выезжал в заграничные командировки в США и Англию. В 1937–1943 гг. – заместитель директора АРЗа (Магадан), заместитель начальника УАТ, главный инженер УАТ и заместитель начальника ЯГПУ Дальстроя. В 1944–1947 гг. – представитель гостреста «Колымснаб» в США; решал важнейшие вопросы реализации фондов, выделенных Дальстрою Наркоматом внешней торговли СССР. Награжден орденами «Знак Почета» и Красной Звезды.

Гридасова Александра Романовна родилась в сентябре 1915 г. в Тамбовской области. Окончила школу-семилетку и вечерний рабфак. В 1936–1939 гг. – мастер холодной обработки металла на заводе № 120 (Москва). В 1939–1943 гг. – работник горкоммунотдела Дальстроя и Севвостлага; в 1943–1948 гг. – начальник Маглага. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За трудовую доблесть», «За победу над Японией», знаком «Отличнику-дальстроевцу». Уволена из системы МВД СССР 17 сентября 1949 г. в звании старшего лейтенанта госбезопасности. Умерла в 1982 г. в г. Москве.

Груша Михаил Васильевич родился 6 сентября 1906 г. в г. Одессе. Окончил Киевский горный техникум (1928 г.) и Ленинградский Горный институт (1932 г.). Член ВКП(б) с 1940 г. С 1935 г. – на Колыме. В 1935–1939 гг. – руководитель горных групп и старший инженер в УГПС, ОКС Дальстроя и производственно-техническом отделе Дальстроя; в октябре 1939 – октябре 1940 г. – главный инженер Управления «Дальстройуголь»; в 1940–1941 гг. – начальник Управления «Дальстройуголь»; в 1941–

1945 гг. – начальник ЮЗГПУ; в 1945–1949 гг. – заместитель начальника Дальстроя по олову. Награжден орденами Ленина (1943 г.), Трудового Красного Знамени (1941 г.), Красной Звезды (1945 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией».

Драбкин Евель Иделеевич родился в 1909 г. в г. Бобруйске. Окончил комвуз. Член ВКП(б) с 1931 г. Батальонный комиссар. Приказом наркома НКВД СССР от 29 апреля 1939 г. направлен на Колыму заместителем начальника Политуправления Дальстроя. С 14 декабря 1940 г. – начальник Севвостлага. Указами Президиума Верховного Совета от 15 января и 23 февраля 1945 г. награжден (за выслугу лет) медалью «За боевые заслуги» и орденом Ленина. 30 марта 1945 г. освобожден от должности и 2 апреля откомандирован в отдел кадров ГУЛАГа НКВД СССР. Последнее звание в Дальстрое – полковник.

Дудко Петр Иванович – член КПСС с 1920 г., активный участник борьбы за власть Советов на Северо-Востоке. В 1917–1918 гг. – член Камчатского областного и Петропавловского городского Советов. В 1923–1925 гг. – председатель Охотского уездного ревкома.

Дятлов Василий Иванович родился 23 января 1905 г. в деревне Пыжево Тульской губернии. Окончил Московский геологоразведочный институт (1935 г.). Член ВКП(б) с июня 1928 г. С лета 1935 г. – на Колыме. В июне – сентябре 1935 г. – начальник участка прииска «Партизан»; в 1935–1936 гг. – заведующий геологоразведочным бюро прииска «Штурмовой»; в 1936–1937 гг. – начальник прииска им. Водопьянова; в 1937–1938 гг. – начальник прииска им. 8 Марта; в 1938–1939 гг. – начальник прииска «Штурмовой»; в августе – декабре 1939 г. – начальник прииска «Чай-Урья»; в 1939–1940 гг. – начальник Берелехского райГРУ; в 1940–1941 гг. – заместитель начальника ЗГПУ; в 1941–1946 гг. – начальник Чаун-Чукотского горнопромышленного комбината и управления. Награжден орденами Ленина (1943 г.), Трудового Красного Знамени (1939 г.), Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945 г.). Умер в 1985 г.

Егоров Сергей Егорович родился в 1905 г. Образование – высшее техническое. Член ВКП(б) с 1924 г. До начала 1939 г. – работник ЦК ВКП(б). С 5 марта 1939 г. – заместитель начальника ГУЛАГа; с 19 ноября 1939 г. (в звании старший майор госбезопасности) – первый заместитель начальника Дальстроя. 30 марта 1945 г. (в звании комиссара госбезопасности) освобожден от должности и назначен начальником Спецуправления Главного управления горно-металлургических предприятий НКВД СССР. До Дальстроя награжден орденом «Знак Почета», в Дальстрое – орденом Ленина (1943 г.).

Жаров Григорий Лазаревич родился 7 ноября 1914 г. в г. Могилеве. Окончил 43-ю советскую трудовую школу (1929 г.) и курсы буровых мастеров геологоразведки. Работал по специальности на строительстве Беломорского канала, в Гидроэлектропроекте (Мурманск), в Североникеле (Мончегорск). В 1936–1938 гг. – в РККА. В бух. Нагаева прибыл в начале 1938 г. В 1938–1939 гг. – заместитель начальника геологоразведочного отдела ЗГПУ; в 1939–1940 гг. – начальник приисков «Еврашкалах» и «Линковый», начальник производственного комбината обогатительной фабрики и автотранспортной конторы ЗГПУ, помощник начальника ЗГПУ, начальник прииска им. Чкалова. В ноябре 1940 – марте 1941 г. – начальник ЧУГПУ ДС. С 1940 г. член ВКП(б). Награжден орденом «Знак Почета» (1941 г.). С апреля 1941 г. – заместитель начальника ЧУГПУ ДС; с июля 1941 г. – начальник прииска «Большевик».

Жженов Георгий Степанович родился в марте 1915 г. в г. Петербурге. Учился в школе. В 1930 г. поступил в Ленинградский эстрадно-цирковой техникум; в 1932 г. перешел на 2-й курс Института сценических искусств, где учился у режиссера С. А. Герасимова. В 1935 г. окончил институт и играл в кинофильмах «Семеро смелых» и «Комсомольск». 4 июля 1938 г. арестован по обвинению в шпионаже и осужден на срок 5 лет ИТЛ. Этапирован на Колыму 5 ноября 1939 г. Находясь в заключении, выступал (с 1944 г.) на сцене Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького. Освободился 16 марта 1945 г. и продолжил актерскую работу по вольному найму, 27 декабря 1946 г. уволился и выехал на «материк». Работал на Свердловской киностудии и в театре г. Павлово-на-Оке. В июне 1949 г. вновь арестован, содержался в Горьковской тюрьме. После объявления приговора сослан в Красноярский край. Выступал в Норильском театре до реабилитации в 1953 г. Народный артист СССР, работал в театре им. Моссовета (Москва). Умер 8 декабря 2005 г.

Жучаев Дмитрий Алексеевич родился 25 декабря 1895 г. в с. Монадыши (Мордовская АССР). Окончил сельскую школу (1907 г.), комвуз (1918 г.), курсы уездных партийных работников при ЦК ВКП(б) (1924 г.). Член РСДРП(б) с ноября 1916 г. Стоял в почетном карауле у гроба В. И. Ленина. Делегат IX Всероссийского съезда Советов (1921 г.), XV (1927 г.), XVI (1930 г.) и XVII (1934 г.) съездов ВКП(б). В 1937–1940 гг. – ответственный работник Комитета советского контроля. С лета 1940 г. – на Колыме. Лето-осень 1940 г. – старший инструктор Политуправления. С ноября 1940 по 1952 г. – начальник административно-гражданского отдела Дальстроя. Награжден орденом «Знак Почета» (1945 г.), медалями «За трудовое отличие» (1943 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945 г.). Умер 2 февраля 1973 г. в г. Москве.

Запорожец (Гаркавый) Иван Васильевич родился в 1895 г. в Большом Токмаке Мелитопольского уезда (Украина). С 1908 по 1914 г. учился в Херсонском училище. По окончании его работал участковым агрономом. С 1915 г. – рядовой царской армии. В одном из боев попал в австрийский плен,

где находился до начала 1918 г. Вернувшись на родину, вступил в украинскую мелкобуржуазную партию боротьбистов; сражался в отряде левого эсера Ю. В. Саблина, возглавлял его разведку. В 1918 г. порвал с боротьбистами, был принят в РКП(б), находился на политработе. В 1920–1921 гг. – начальник разведки 401-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии; с мая 1921 г. – в органах ВЧК-ОГПУ. Затем – на нелегальной работе в Польше, Чехословакии, Австрии; руководил отделом внешней торговли и финансов Экономического управления ГПУ, являлся сотрудником полномочных представительств СССР в Германии и Австрии. В конце 1927 г. вновь вернулся на родину, в центральный аппарат ОГПУ, и выполнил ряд специальных заданий. В ноябре 1931 г. был переведен в Ленинград. Через 5 мес назначен заместителем начальника ОГПУ (потом – НКВД) по Ленинградской области. В августе – декабре 1934 г. находился на лечении в военном госпитале (в связи с переломом ноги) и отдыхал в санатории г. Хоста. В Ленинград вернулся почти неделю спустя после убийства С. М. Кирова. Был арестован и Военной коллегией Верховного суда СССР 23 января 1935 г. приговорен к 3 годам заключения в лагерях. Весной того же года привезен в Магадан. В апреле – ноябре 1935 г. – заместитель начальника, а с ноября 1935 по апрель 1937 г. – начальник Управления дорожного строительства Дальстроя. Затем вновь арестован и вывезен в Москву. В 1938 г. необоснованно расстрелян, но до сих пор не реабилитирован.

Кабисский Дмитрий Филиппович родился в 1892 г. в станице Крымская (Кубань). С детских лет занимался крестьянским трудом, учился в школе. С 1913 г. – на воинской службе. Участник первой мировой войны, награжден тремя Георгиевскими крестами и двумя медалями. Последнее звание до Октябрьской революции – вахмистр кавалерийского эскадрона. С 1918 г. – в Красной Армии. Участник боев с белополяками, освобождал Крым от войск П. Н. Врангеля. Затем – на различных командных должностях в кавалерийских частях войск ВЧК-ОГПУ. В июле 1932 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени Туркменской ССР. С лета 1935 г. – начальник ВОХРа Севвостлага НКВД. 12 марта 1938 г. арестован. 16 сентября 1941 г. Особым совещанием при НКВД СССР осужден на срок 8 лет ИТЛ. Досрочно освобожден из Севвостлага 12 марта 1945 г. Работал в Управлении Нагаевского торгового порта. 5 октября 1945 г. направлен на особую стройку № 500 в Комсомольск-на-Амуре.

Калдымов Алексей Афанасьевич родился в 1902 г. в деревне Валентиновка Самарской губернии. Окончил Московский аграрный институт красной профессуры (1938 г.). В 1938–1939 гг. – доцент и декан исторического факультета Мордовского пединститута (Саранск); в 1939–1940 гг. – лектор Сталинского райкома ВКП(б) и 2-й дивизии войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности (Москва); в январе 1941 – октябре 1943 г. – директор совхоза «Эльген»; в октябре 1943 – мае 1945 г. – начальник Управления сельского хозяйства Дальстроя. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1943 г.).

Кандер Меер Моисеевич родился 23 августа 1900 г. в Сибири. Окончил Читинскую мужскую гимназию (1918 г.). Член РКП(б) с 1920 г. Активный участник гражданской войны в Забайкалье, работал в большевистском подполье. С 1921 г. возглавлял информационное бюро особого отдела Государственной политохраны Восточного фронта Дальневосточной Республики (ДВР), а затем и сам отдел. В боях под Волочаевкой участвовал как рядовой боец. В 1924–1925 гг. – ответственный секретарь Хабаровского горкома партии, член Приамурского и Приморского губкомов ВКП(б). Позднее – главный управляющий забайкальскими приисками Союззолота, начальник планово-производственного отдела Верхзолота, заместитель директора Лензолота, начальник Союззолототранса. Во время конфликта на КВЖД (1929 г.) находился в командировке в Китае. Был арестован и осужден на срок 9 лет, но через 8 мес освобожден. С 17 декабря 1934 г. – заместитель начальника Горного управления Дальстроя. 5 сентября 1935 г. назначен начальником СГПУ Дальстроя; 4 марта 1936 г. – инспектором по особым поручениям дирекции Дальстроя. Летом 1936 г. командирован в Москву и затем переведен на другую работу. Позднее репрессирован.

Каулин Арнольд Янович родился в 1900 г. в Лифляндской губернии. Учился в школе. С 9-летнего возраста стал работать. Член РСДРП(б) с мая 1917 г. Во время Октябрьской революции вступил в отряд милиции. В период немецкой оккупации Балтийского края был арестован и 3 мес содержался в тюрьме. В ноябре 1918 г. освобожден. С 1919 г. – в Красной Армии: входил в состав партизанского отряда (при Особом отделе 15-й армии), действовавшего в тылу белогвардейцев. После окончания военных курсов (Смоленск) находился в 1920–1922 гг. на командных должностях. Затем демобилизовался. Работал в Оренбурге, Ногинске и других городах. В 1933–1934 гг. – слушатель Московской промышленной академии им. Л. М. Кагановича. На Колыму приехал 3 декабря 1934 г. Работал заместителем начальника Оротуканского промышленного района и начальника Северного горнопромышленного управления. С августа 1937 г. – начальник СГПУ. 1 марта 1938 г. арестован, находился под следствием. 14 ноября 1941 г. освобожден из тюрьмы и затем 4 месяца был на лечении. С марта 1942 по июнь 1946 г. – начальник отдела снабжения горкоммунотдела Дальстроя (Магадан). Награжден знаком «Отличнику-дальстроевцу» (1945 г.).

Каценеленбоген (Боген) Михаил Эммануилович родился в 1903 г. в Невеле Калининской области. В 30-е гг. – сотрудник центрального аппарата НКВД СССР. С декабря 1937 по октябрь1938 г. находился в составе так называемой московской бригады в командировке на Колыме. По прибытии в

Магадан исполнял обязанности начальника 4-го отдела УНКВД по Дальстрою. Являлся одним из главных организаторов сфабрикованного дела о «Колымской антисоветской шпионской, террористическо-повстанческой, вредительской организации». После возвращения в Москву работал помощником начальника I отделения Секретно-политического отдела НКВД СССР. Затем арестован. 7 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу.

Корсаков (Цейтлин) Георгий Аркадьевич родился 18 декабря 1901 г. в г. Березна (Украина). Окончил гимназию и комвуз. Член ВКП(б) с 1936 г., лейтенант госбезопасности. С 1938 г. – на Колыме. 25 сентября 1938 г. назначен заместителем начальника ЮГПУ, в январе 1939 г. – начальником Управления Мортрана, 7 марта 1940 г. – врио заместителя начальника Дальстроя. В 1940–1946 гг. – заместитель начальника Дальстроя. 9 июля 1945 г. присвоено звание генерал-майора. Награжден орденами Ленина (1943 г.), Трудового Красного Знамени (1945 г.), Красной Звезды (1945 г.), «Знак Почета» (1941 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией».

Кочеров Агапит Алексеевич в 1924–1926 гг. являлся председателем Ольского ревкома, а затем членом Ольского райисполкома. В дальнейшем, после окончания Центральных курсов советского строительства, был председателем Северо-Эвенского райисполкома, занимался ответственной советской и хозяйственной работой. А. А. Кочеров был кавалером ордена Ленина, почетным гражданином г. Магадана.

Краснов Михаил Степанович родился 2 ноября 1901 г. в Боготоле (Сибирь). Окончил Маршанское высшее начальное училище (1918 г.) и один курс Красноярского среднетехнического железнодорожного училища. Со 2-го курса (июль 1919 г.) мобилизован в армию А. В. Колчака, но в декабре дезертировал и прибыл в Боготол. С 1920 г. – член РКСМ и ВКП(б). Участник III Всероссийского съезда комсомола. В мае 1922 – сентябре 1924 г. – командир роты частей особого назначения Томской губернии. С 1924 по 1928 г. – на командных должностях в РККА; с 1928 по 1931 г. – инструктор Ачинского окружкома ВКП(б) и заведующий отделом Далькрайпотребсоюза. В мае 1931 г. направлен на Колыму. Работал секретарем партийного коллектива на Среднекане, начальником Утинского и Таскансского горнопромышленных районов, прииска «Нечаянный». С 5 сентября 1935 г. – заместитель, а с 14 октября 1936 г. – начальник ЮГПУ. Затем руководил ЗГПУ. Награжден орденами Красной Звезды (1935 г.) и Трудового Красного Знамени (1939 г.). 29 декабря 1939 г. арестован во Владивостоке. Привезен в Магадан и решением совещания НКВД СССР от 1 марта 1941 г. осужден на срок 8 лет ИТЛ. В Севвостлаге находился на горных работах. 22 ноября 1944 г. назначен начальником прииска «Маршальский» и шахты прииска «Ольчан». В декабре 1946 г. выехал на «материк». Реабилитирован в 1956 г. Умер в январе 1971 г. в г. Симферополе.

Курилов Александр Антонович родился 12 марта 1889 г. в местечке Веприк Полтавской губернии в семье рабочего.

24 марта 1918 г. состоялись выборы в первый Гижигинский Совет. А. А. Курилов последовательно и твердо защищал интересы трудового населения и поддерживал его деятельность. В мае этого же года он был избран председателем Совета.

Во время контрреволюционного переворота купцы хотели арестовать семью А. А. Курилова, но местное население не позволило им это сделать. Куриловы уехали на «материк».

В дальнейшем А. А. Курилов работал учителем в Николаевске-на-Амуре, Благовещенске; заведовал губернским отделом народного образования в Петропавловске. Вступил в Коммунистическую партию. Учился в Читинском институте народного образования, закончил Дальрыбвтуз, получив профессию экономиста-плановика рыбного хозяйства. До последних дней жизни вел активную общественную работу. Умер А. А. Курилов в 1966 г.

Лапин Густав Оттович родился в марте 1894 г. в Витебской губернии. С 8 до 14 лет – пастух и подручный на мельнице. В 1908–1909 гг. находился в эмиграции (Южная Америка). Затем работал токарем по металлу на Донбассе. Во время первой мировой войны служил в царской армии. Был ранен, демобилизован по инвалидности и вновь работал токарем по металлу в Изюме и Минске. В 1918 г. вступил в ряды РКП(б). С 1919 г. – в Красной Армии; с 1921 по 1924 г. – в ВЧК-ОГПУ; с 1924 г. – на хозяйственных должностях; в 1926–1930 гг. – студент Московского промышленно-экономического института. Потом служил в промбанке, работал техником в Оргметалле, помощником заведующего отделом технического контроля на заводе им. Дзержинского. С конца 1931 г. – в Дальстрое. В бух. Нагаева прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. Спустя 4 дня назначен заведующим транспортом Дальстроя. С 20 августа 1932 г. – начальник механических мастерских Магадано-Нагаевского строительного участка (затем – Управления автотранспорта). В июне 1934 – июле 1935 г. находился в длительном отпуске по болезни. С июля 1935 по январь 1936 г. – начальник автобазы № 2; с января 1936 г. – начальник мехмонтажного прорабства строительства завода № 2 и заместитель начальника завода № 2. Осенью 1937 г. выехал на спецлечение. 23 мая 1938 г. арестован в Москве. Особым конвоем этапирован в Магадан 5 июля того же года. Освобожден из тюрьмы 23 июля 1939 г. В сентябре вновь арестован и осужден к заключению в ИТЛ. Заключение отбыл в Севвостлаге 7 августа 1946 г. С 12 октября 1946 г. работал в системе Управления сельского хозяйства Дальстроя. Убит в пос. Дукча 23 октября 1946 г.

Лапин Эрнест Оттович родился в 1892 г. в Витебской губернии. До 1905 г. учился, затем работал. С 1914 г. – на военной службе в Балтфлоте. Участник гражданской войны. Служил помощником военкома Управления военного снабжения Западного фронта, начальником агитотдела штаба этого же фронта, потом находился на хозяйственной и кооперативной работе. В 1926 г. уволен с военной службы и привлекался по делу о должностных преступлениях. С 7 апреля 1927 г. – в системе строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината: помощник заведующего водным транспортом, заведующий частью водного транспорта, начальник водного транспорта. С конца 1931 г. – в Дальстрое. В бух. Нагаева прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. Работал начальником транспортного сектора, помощником начальника материального сектора, начальником 1-й Нагаевской транспортной базы и Управления транспорта. С 1 марта 1933 г. – начальник Управления морского транспорта Дальстроя. С 25 октября 1933 г. (по совместительству) назначен начальником аэропорта Нагаева. Постановлением ЦИК СССР от 22 марта 1935 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. Осенью 1937 г. выехал в отпуск на «материк». 5 января 1938 г. арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР 10 марта 1938 г. приговорен к расстрелу. Посмертно реабилитирован.

Леонидов Вениамин Петрович родился 8 марта 1897 г. в г. Саратове. В Магадан прибыл на пароходе «Николай Ежов» 15 ноября 1937 г. С этого времени – оргинспектор организационно-административного отдела Севвостлага. С 22 мая 1938 г. – врид директора завода № 2, заместитель начальника Севвостлага; 7 февраля 1939 г. – и. о. начальника Севвостлага; с 8 марта 1939 г. – вновь заместитель начальника Севвостлага. Награжден медалью «За трудовую доблесть» (1 февраля 1939 г.). В ноябре 1939 г. выехал на «материк». 6 июня 1940 г. уволен из Дальстроя по окончании срока договора.

Майсурадзе Александр Николаевич родился в 1897 г. В конце 20-х гг. работал помощником заведующего рыббазой во Владивостоке. Осужден «за хищения» к 2 годам заключения в тюрьме. В 1929 г. (после пересмотра дела) как «социально вредный элемент» этапирован в Соловецкий лагерь (с добавлением срока), где работал помощником уполномоченного Стола дознаний внутреннего надзора. Потом переведен в Вишлаг, а с осени 1932 г. – в Севвостлаг. Занимал должности помощника начальника УРО отдела Севвостлага. Постановлением ЦИК СССР от 22 марта 1935 г. (с одновременным снятием судимости) восстановлен в гражданских правах и приказом наркома внутренних дел награжден ценным подарком. С 1 ноября 1937 г. уволен в отпуск на «материк». Арестован 26 марта 1938 г. По решению Военной коллегии Верховного суда СССР 16 июня 1938 г. приговорен к расстрелу. Посмертно реабилитирован 12 июля 1958 г.

Лукс Карл Янович родился 14 марта 1888 г. в Латвии в семье батрака. Активная деятельность в период революции 1905–1907 гг. привела к ссылкам и тюрьмам. В 1911 г. получил шесть лет каторги. Являлся бессменным членом Комитета Севера при ВЦИКе. В 1928 г. прибыл на пароходе в бух. Нагаева, чтобы выбрать место для строительства Эвенской культбазы. Здесь он активно включился в изучение быта и общественных отношений малых народов; ставил вопросы о дальнейшем развитии экономики и культуры края.

В дальнейшем К. Я. Лукс неоднократно посещал самые глухие места на Чукотке, Колыме, Охотском побережье, Камчатке. По его инициативе в Хабаровске в 1929 г. был открыт техникум народов Севера, он оказывал помощь в работе райисполкомов в национальных районах. В 1929 г. К. Я. Лукс назначен ректором Ленинградского института народов Севера, но по просьбе дальневосточных краевых партийных и советских организаций был отозван для руководства комплексной экспедицией по разработке форм реконструкции экономики малых народов Северо-Востока. Экспедиция 1930–1932 гг. провела большую работу, подготовившую дальнейшие планы развития коренных народностей Севера.

Успешная работа экспедиции была омрачена трагической гибелью ее руководителя. 29 августа 1932 г. Карл Янович был смертельно ранен на Чукотке в местечке Каменный Подволок от саморазряда винчестера.

Медведь Филипп Демьянович родился в 1890 г. в деревне Мосево (Белоруссия). Член РСДРП(б) с 1907 г. С 1909 г. четырежды арестовывался царской охранкой. В октябре 1917 г. участвовал в подготовке вооруженного восстания в Москве, входил в состав военно-революционного комитета Сокольнического района. С 1918 г. – член Контрольной комиссии ВЧК, председатель Тульской и Петроградской ЧК, начальник особого отдела Западного фронта, член коллегии ВЧК, заместитель председателя Московской ЧК, начальник Московского губернского отдела ГПУ, полномочный представитель ВЧК по Западному краю. В 1926–1929 гг. – полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю. С декабря 1929 г. – представитель ОГПУ-НКВД по Ленинградской области. В 1932 г. входил в состав комиссии по выработке единой паспортной системы в СССР. Избирался делегатом 17-й Всесоюзной партийной конференции, XVI и XVII съездов ВКП(б). Награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ, боевым оружием. После убийства С. М. Кирова 3 декабря 1934 г. арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР 23 января 1935 г. приговорен к 3 годам заключения в лагере. Весной того же года привезен в Магадан. Работал заместителем начальника Оротуканского горнопромышленного района. С 5 сентября 1935 г. по 14 октября 1936 г. –

первый начальник Южного горнопромышленного управления Дальстроя. Затем – начальник Кулинского разведрайона. 7 сентября 1937 г. арестован и этапирован в Москву. Военной коллегией Верховного суда СССР 27 ноября 1937 г. приговорен к расстрелу. Посмертно реабилитирован 17 декабря 1957 г.

Метелев Леонид Петрович родился в 1899 г. в г. Нижний Новгород. Окончил 4-классное городское училище и курсы по подготовке во втуз. В 1918 г. – делопроизводитель Ржевского военкомата. Потом – на службе в других учреждениях. В 1920–1922 гг. – военный следователь армейского трибунала, помощник уполномоченного и уполномоченный Новочеркасской ЧК; в 1922–1933 гг. – работник милиции и прокуратуры; в 1934–1937 гг. – помощник прокурора Москвы. С декабря 1937 г. – прокурор Севвостлага и Дальстроя. Летом 1939 г. отстранен от должности.

Мовсесян Беннамин Исаевич родился в 1903 г. в Шуше (Нагорный Карабах). Учась в школе, участвовал в революционном движении. С 1920 г. – член комсомола, с 1921 г. – член РКП(б). Воевал в коммунистическом отряде в Армении. Затем находился на различных должностях в ОГПУ, был начальником Эриванской таможни. 4 сентября 1925 г. исключен из партии «за соучастие в перевозке контрабанды» и приговорен «за растрату» к высшей мере наказания, замененной на 10 лет лишения свободы. Работал в отделе Вишерских лагерей ГУЛАГа агентом по снабжению и сотрудником для поручений. В 1929 г. досрочно освобожден. Потом учился в Московском промышленно-экономическом институте им. Рыкова и заведовал транспортной секцией Московского представительства Дальстроя. Осенью 1932 г. приехал на Колыму. С 29 ноября 1932 г. – начальник Тауйского района; с 1 февраля 1934 г. – начальник Тауйского сельхозкомбината; с 27 апреля 1936 г. – начальник Колымского речного управления Дальстроя. Постановлением ЦИК СССР от 22 марта 1935 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. 15 мая 1935 г. принят в ряды ВКП(б). С 18 ноября 1937 г. уволен в отпуск и выехал на «материк». В скором времени арестован и расстрелян. Посмертно реабилитирован.

Мусатов Арсений Васильевич родился 17 июня 1899 г. в Петербурге. Окончил реальное училище (1917 г.). В 1918–1919 гг. – инструктор телефонной станции. С мая 1919 г. – член РКП(б). Во время наступления генерала Н. Н. Юденича на Петроград добровольно вступил в красноармейский отряд. В 1919–1920 гг. – член президиума и председатель Петроградского союза связи; в 1920–1921 гг. – член президиума и товарищ председателя ЦК союза связи (Москва). С декабря 1921 по декабрь 1930 г. – член коллегии и начальник хозяйственно-материального, планового, финансового управлений Наркомата СССР. Затем – студент Московского энергетического института им. Молотова, откуда ушел по болезни. С осени 1933 по май 1934 г. – начальник Управления капитального строительства и снабжения Наркомата связи СССР. В мае – ноябре 1934 г. – сотрудник Главсевморпути, начальник зимовки (без выезда) на Земле Франца-Иосифа. С февраля по июнь 1935 г. вновь учился в МЭИ им. Молотова. Заключив договор с Дальстроем, 14 июля 1935 г. приехал в Магадан. Работал начальником Управления автотранспорта (на время отпуска И. Е. Притулюка), а с 8 декабря 1935 г. – начальником УГПС. 22 сентября 1936 г. освобожден от должности и арестован. Исключен из партии «за контрреволюционную троцкистскую деятельность». Отделением Дальневосточного крайсуда при Севвостлаге 11 декабря 1936 г. осужден на срок 10 лет ИТЛ. Определением спецколлегии Верховного суда СССР приговор отменен, и дело возвращено на дополнительное расследование. Военным трибуналом войск НКВД по Дальстрою 12 сентября 1941 г. А. В. Мусатов приговорен к расстрелу. 1 декабря 1941 г. приговор приведен в исполнение. Посмертно реабилитирован.

Никешичев Николай Алексеевич родился 11 ноября 1905 г. в деревне Вязовое Вологодской губернии. Окончил три курса Кадниковского педтехникума (1922 г.) и три курса (заочно) Ленинградского института права (1936 г.). Член ВКП(б) с 1927 г. С 1930 г. – в органах ОГПУ (Вологда); с 1938 г. – в Хабаровске. В январе 1939 – апреле 1941 г. – начальник УНКВД по Амурской области. Затем – на Колыме. С мая 1941 по июнь 1954 г. – заместитель начальника Дальстроя по кадрам; с июня 1954 по 15 мая 1959 г. – управляющий трестом «Дальстройснаб». Награжден двумя орденами Красной Звезды (1940, 1945 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1945 г.), орденом «Знак Почета» (1943 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» (1945 г.).

Никишов Иван Федорович родился в сентябре 1894 г. на хуторе Варькино Балыклейского уезда Царицынской губернии. Окончил 4-классное народное училище. С 13 лет – батрак и пастух у зажиточных односельчан; с 17 лет – грузчик и извозчик по найму на волжских пристанях. В январе 1915 г. мобилизован в царскую армию; учился на курсах младших командиров, получил звание младшего унтер-офицера. Воевал на германском фронте. Был награжден Георгиевским крестом III и IV степени. В 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии. С 1919 г. – член ВКП(б). Участвовал в боях против отрядов П. Н. Краснова и А. И. Деникина, азербайджанских мусаватистов. С 1924 г. переведен в пограничные войска НКВД; служил на границе с Персией, в других областях. В 1937–1939 гг. – начальник Управления пограничных и внутренних войск Азербайджанской ССР, начальник пограничных и внутренних войск НКВД по Ленинградской области, начальник УНКВД по Хабаровскому краю. С 19 ноября 1939 по 25 декабря 1948 г. – начальник Дальстроя. До приезда на Колыму награжден орденами Трудового Красного Знамени Закавказской СФСР, Трудового Красного Знамени Азербайджанской ССР,

Трудового Красного Знамени ЦИК СССР, нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ. За время работы на Колыме награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и Кутузова I степени. 20 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР И. Ф. Никишову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Генерал-лейтенант (1945 г.). Умер в Москве 5 августа 1958 г.

Окунев Павел Игнатьевич родился в 1906 г. в деревне Серьга Саратовской губернии. В органах ОГПУ-НКВД-МВД с 1928 г. Член ВКП(б) с 1929 г. До 1939 г. – сотрудник следственной части НКВД СССР. В 1939–1949 гг. – начальник УНКВД-УМВД по Дальстрою. В июле 1945 г. присвоено звание генерал-майора.

Павлов Карл Александрович родился в 1895 г. в Смоленской губернии. В органах ВЧК – с 1918 г. Первоначально работал следователем и заведующим следственной частью Казанской, Самарской и Уфимской губЧК. Позднее возглавлял Гомельский, Ставропольский, Грозненский и Таганрогский отделы ГПУ, Шахтинское и Пятигорское ГПУ. В 1932–1937 гг. – заместитель полномочного председателя ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, начальник УНКВД Красноярского края, заместитель начальника УНКВД Азово-Черноморского края, нарком внутренних дел Крымской АССР. На Колыму приехал 1 декабря 1937 г. С 3 декабря 1937 г. – врио начальника Дальстроя; с 21 декабря 1937 г. – начальник Дальстроя. Указом Президиума Верховного Совета от 1 февраля 1939 г. награжден орденом Ленина. Простудился во время наводнения. 5 сентября 1939 г. – выехал на спецлечение в Москву. Затем – заместитель начальника ГУЛАГа. С августа 1941 г. уволен по болезни. В 1948–1949 гг. – начальник Волгодонстроя МВД. Потом вторично уволен по болезни на пенсию. В ночь на 18 мая 1957 г. покончил жизнь самоубийством.

Пемов Абрам Наумович родился в 1895 г. в г. Кривом Роге. Переплетчик. Участник гражданской войны в 1-й Конной армии С. М. Буденного. В 1922–1924 гг. – комиссар военно-хозяйственного управления Северо-Кавказского военного округа; в 1924–1927 гг. – военный представитель при Наркомате финансов РСФСР; в 1928–1931 гг. – заместитель начальника строительства, а затем директор (в 1931–1932 гг.) Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. На Колыму приехал 15 сентября 1932 г. Работал помощником директора Дальстроя, врид начальника транспортной конторы. С 5 декабря 1932 г. – начальник Управления добычи полезных ископаемых; с 25 марта 1934 г. – начальник Горного управления Дальстроя. Летом 1935 г. выехал на «материк». С 10 ноября 1935 г. – заместитель начальника Сегежстроя и помощник начальника Управления Белбалтлага; с 1 августа 1937 г. – врид начальника Сегежстроя; с 10 июня 1938 г. – заместитель начальника Дальстроя. 14 июля 1938 г. арестован. Осужден Особым совещанием при НКВД СССР 30 декабря 1940 г. Умер в заключении от порока сердца 4 июля 1944 г.

Раскин Лев Яковлевич родился в 1900 г. в г. Москве. Окончил гимназию (1918 г.), два курса Московского авиационного института. Член ВКП(б) с 1920 г. В 1933–1937 гг. – помощник начальника Портстроя, заместитель начальника сектора снабжения, начальник сектора снабжения и Управления снабжения Дальстроя. С января 1938 по март 1942 г. находился под следствием. В 1942–1945 гг. – начальник контор оборудования и технического снабжения гостреста «Колымснаб». Награжден медалью «За трудовое отличие» (1945 г.).

Рогацкий Лев Александрович родился 15 августа 1899 г. в г. Риге. Окончил частную гимназию и два курса юридического факультета Петроградского университета. Участник гражданской войны. В 1922–1937 гг. – директор Свободного театра (Ленинград) и работник Главного управления госцирками Комитета по делам искусства при СНК СССР (Москва). В марте 1937 г. арестован «за пропаганду и агитацию» и в июне осужден на 3 года ИТЛ. С августа 1937 г. – в Севвостлаге. Освобожден из заключения в марте 1940 г. В 1940–1941 гг. – организатор и директор Магаданского эстрадного театра; в 1941–1942 гг. – заместитель директора Магаданского музыкально-драматического театра им. М. Горького. Затем выехал на «материк».

Романовский Владимир Захарович (1896–1967) с 1920 г. участвовал в борьбе за власть Советов в составе V Армии. В 1923 г. в качестве военкома красноармейского отряда Э. Г. Светеца направлен на Колыму с товарной экспедицией на пароходе «Ставрополь». Руководил взятием Среднеколымска, ликвидацией белых банд в районе Аллаихи. За успешное выполнение боевых заданий на Колыме был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени.

Светец Эрнест Георгиевич (1891–1923) – венгр по национальности. В июле 1923 г. возглавляет красноармейский отряд, направленный на Колыму. Отряд Э. Г. Светеца ликвидировал белогвардейские банды на Колыме, восстановил Советскую власть. При передвижении из Среднеколымска в Охотск в Оймяконском районе Э. Г. Светец с частью отряда попал в белобандитскую засаду и погиб. ВЦИК посмертно наградил его орденом Боевого Красного Знамени.

Сенатов Александр Павлович родился 30 августа 1908 г. в с. Волста-Пятница Смоленской губернии. Окончил комвуз, два курса Военно-политической академии им. Ленина, Высшую пограничную школу ОГПУ. С 1930 г. – в органах ОГПУ-НКВД; с 1939 г. – на Колыме. В декабре 1939 – августе 1941 г. – начальник политотдела ЗГПУ; в сентябре 1941 – марте 1942 г. – помощник начальника Полит-

управления Дальстроя; в марте 1942 – августе 1948 г. – начальник ЮГПУ и ЗГПУ. Потом выехал на «материк». Награжден орденами Ленина (1945 г.), Трудового Красного Знамени (1941 г.), «Знак Почета» (1943 г.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1948 г. уволен из Дальстроя. Работал в Уралзолоте.

Сидоров Иван Кузьмич родился 29 августа 1906 г. в деревне Плаутино Орловской губернии. Окончил Орловские пехотно-пулеметные курсы красных командиров (1924 г.), Нижегородскую пехотную школу командиров РККА (1927 г.), Высшую пограничную школу НКВД СССР (1937 г.). Член ВКП(б) с 1926 г. Дивизионный комиссар. В 1939–1947 гг. – начальник Политуправления Дальстроя. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

Сперанский Василий Михайлович родился 15 октября 1896 г. в г. Барнауле. Окончил сельскую школу, два курса физико-математического факультета МГУ и военное училище. После Октябрьской революции – инспектор кооперации и на разных должностях в Красной Армии. Член ВКП(б) с мая 1919 г. В 1920–1930-х гг. работал в органах ВЧК, суда и прокуратуры. В 1936–1937 гг. – помощник и заместитель начальника УНКВД Адыгейской области и Северо-Донского окружного отдела НКВД, начальник Миллеровского горотдела НКВД. На Колыму приехал 1 декабря 1937 г. Приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 2474 от 21 декабря 1937 г. назначен начальником УНКВД по Дальстрою. Летом 1938 г. присвоено звание капитана госбезопасности. В апреле 1939 г. арестован и этапирован в Москву. 8 апреля 1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу.

Титов Николай Федорович родился 1 февраля 1900 г. в г. Петербурге. Окончил городское училище, административно-хозяйственные и пехотно-командные курсы, Высшую пограничную школу ОГПУ. Учился на заочном отделении Военной академии им. М. В. Фрунзе, но не сдал госэкзамены в связи с началом Великой Отечественной войны. С июня 1941 г. – заместитель начальника Севвостлага по охране и режиму и начальник ВОХР Севвостлага; со 2 апреля 1945 г. – заместитель начальника Дальстроя по лагерю и начальник Севвостлага; генерал-майор. Награжден: до Колымы – орденом «Знак Почета» и нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ-НКВД; на Колыме – орденом Ленина, Трудового Красного Знамени, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С 23 августа 1948 г. откомандирован в распоряжение МВД СССР.

Филиппов Иван Гаврилович родился в 1884 г. в г. Ряжск Рязанской губернии. Окончил уездное училище. В 1914–1918 гг. – рядовой, ефрейтор запасного полка. Член партии с 1917 г. С 1918 г. – в ВЧК; сотрудник Особого отдела 1-й армии. В 1922–1929 гг. – сотрудник и начальник III отделения спецотдела ОГПУ. Награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ. С мая 1929 по июнь 1932 г. – начальник Вишлага. Потом вернулся в Москву. С 27 октября 1934 г. – начальник Севвостлага, а затем и помощник директора Дальстроя по труду. Арестован 17 декабря 1937 г. 15 октября 1939 г. осужден Военным трибуналом I Отдельной Краснознаменной Армии к расстрелу. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 мая 1940 г. приговор отменен, и уголовное дело возвращено на доследование. 8 мая 1940 г. умер во внутренней тюрьме УНКВД по Дальстрою (Магадан) от кровоизлияния в мозг. Посмертно реабилитирован 29 мая 1956 г.

Ходырев Аркадий Александрович родился в 1890 г. С 1918 г. – в Красной Армии; с 1920 г. – в ВЧК. Член партии с 1919 г. В 1932–1937 гг. – начальник Управления пограничной охраны и войск ОГПУ Восточно-Сибирского края, заместитель начальника Управления погранохраны и войск ОГПУ-НКВД Туркменской ССР. Комбриг. Окончил курсы высшего комсостава при Военной академии им. М. В. Фрунзе. С декабря 1937 г. – заместитель начальника Дальстроя; в сентябре – ноябре 1939 г. – врид начальника Дальстроя; с 19 ноября 1939 г. – второй заместитель начальника Дальстроя. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. 20 марта 1940 г. освобожден от должности с откомандированием в НКВД СССР.

Цареградский Валентин Александрович родился 24 июля 1902 г. в с. Никольское Самарской губернии. Окончил трудовую школу 2-й ступени (1919 г.), инструкторские курсы внешкольного образования, один курс электротехникума и Ленинградский Горный институт (1928 г.). Член ВКП(б) с 1941 г. В 1928–1929 гг. – помощник начальника Колымской геологоразведочной экспедиции Ю. А. Билибина и (одновременно) начальник геологической партии; в 1930–1932 гг. – начальник Колымской геолого-поисковой экспедиции; в 1933–1936 гг. – начальник Верхне-Колымской геологоразведочной экспедиции Дальстроя. Участник первой Колымской геологической конференции (1936 г.). С 1939 г. возглавил ГРУ Дальстроя. В 1944 г. присвоено звание Героя Социалистического Труда. Генерал-майор, лауреат Сталинской премии I степени (1946 г.), награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета». С 1955 г. – в Москве. Почетный гражданин г. Магадана (10 июля 1969 г.). Умер в 1990 г.

Чубаров Григорий Иванович (1898–1950) – член КПСС с 1939 г. В Красную Армию вступил в октябре 1918 г.; участвовал в боях с белогвардейцами на Урале и в Сибири, затем проходил службу в Акмолинске и Иркутске; окончил 4-месячные курсы комсостава при штабе V Армии. В декабре 1922 г. в составе экспедиции М. П. Вольского направлен на Камчатку; возглавил отряды красноармейцев,

посланные для ликвидации банд Бочкарева в Гижигу и Наяхан. После гражданской войны продолжал службу в Красной Армии. В 1923 г. возглавлял истребительный отряд по борьбе с бандой атамана Донского на якутском тракте; в 1924 г. участвовал в борьбе с белыми бандами на маньчжурской границе. В рядах Красной Армии прошел путь от рядового до командира полка. Участвовал в Великой Отечественной войне.

Шило Николай Алексеевич родился 7 апреля 1913 г. в г. Пятигорске. Окончил Грозненский рабфак (1932 г.) и Ленинградский Горный институт (1937 г.). Член ВКП(б) с 1941 г. С июля 1937 г. – на Колыме. 16 августа – 19 ноября 1937 г. – старший прораб разведработ прииска «Нижний Хатыннах»; 19 ноября 1937 – 4 января 1938 г. – слушатель курсов комсомольского актива (Магадан); 4 января – 1 августа 1938 г. – спецкорреспондент редакции газеты «Советская Колыма»; 1 августа 1938 – 8 июля 1940 г. – начальник отдела россыпных разведок; 8 июля – 1 декабря 1940 г. – старший инженер разведок ГРУ Дальстроя; 1 декабря 1940 – 20 октября 1948 г. – заместитель начальника СГПУ по геологоразведке. Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1945 г.), «Знак Почета» (1940 г.), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945 г.). В настоящее время проживает в г. Москве. Академик, почетный гражданин г. Магадана (28 мая 1983 г.).

Шимич Шандор Иштванович родился в 1901 г. в г. Будапеште (Венгрия). В феврале 1915 – октябре 1918 г. – ученик монтера. Принимал участие в борьбе за установление советской власти в Венгрии. В 1919 г. служил в органах безопасности венгерской Красной Армии. После падения советской власти в Венгрии арестован и приговорен к 15-летнему тюремному заключению. В 1921 г. обменен советским правительством и привезен в Москву. Окончил Борисоглебскую и Серпуховскую летные школы, командовал звеном, эскадрильей, отрядом. Член ВКП(б) с 1927 г. Приказом по НКВД СССР № 1751 от 16 сентября 1939 г. назначен командиром авиаотряда Дальстроя. Награжден медалью «За трудовую доблесть» (1941 г.). 3 ноября 1942 г. освобожден от должности начальника авиаотряда Дальстроя. В 1942–1945 гг. находился на различных хозяйственных должностях в организациях г. Магадана. Летом 1945 г. выехал в г. Москву, а затем – в Венгрию, где занимал крупные командные должности и находился на дипломатической работе. Умер в 1978 г.

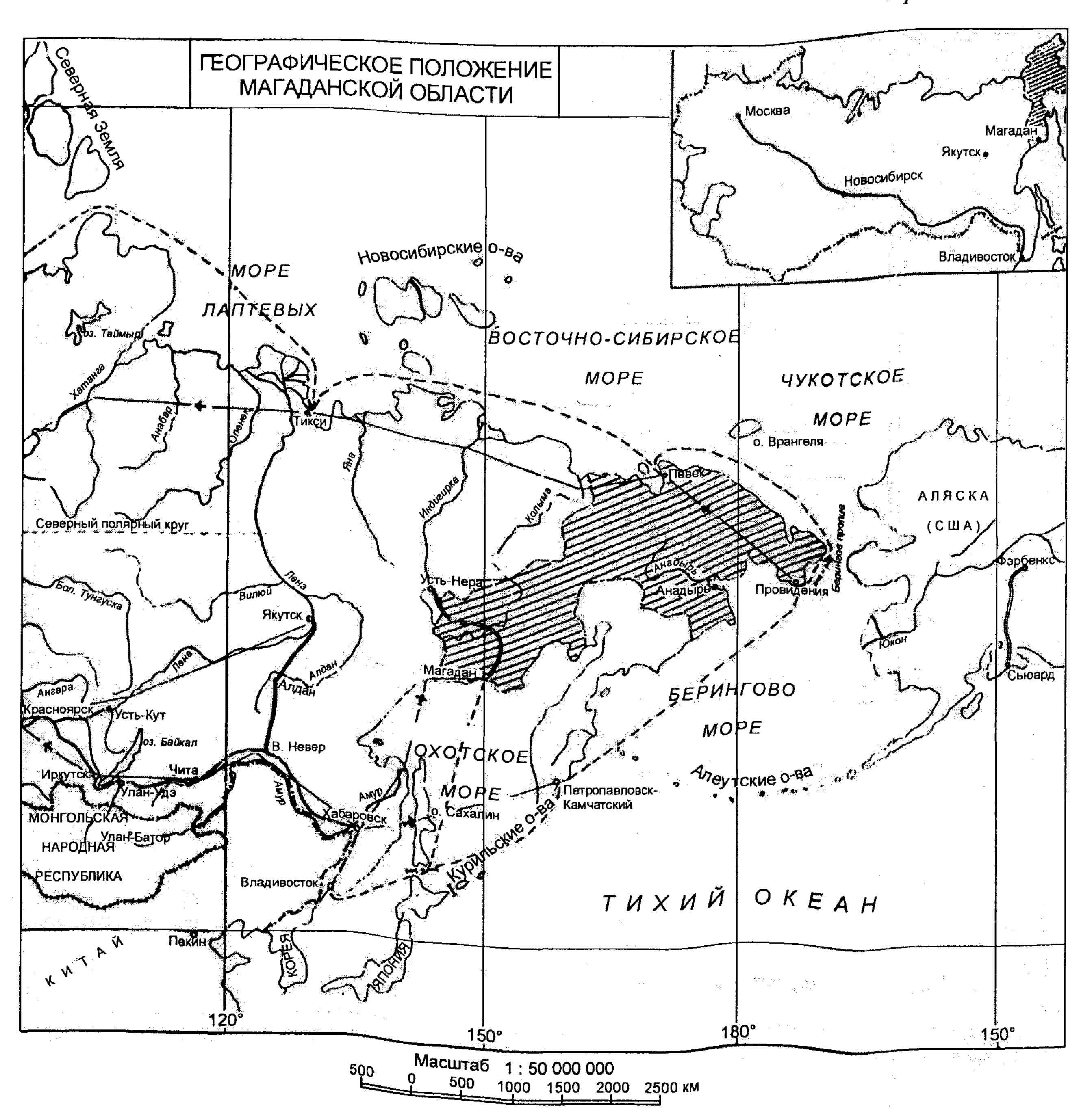
Щербаков Михаил Павлович (1896–1960) – член КПСС с 1921 г.; активный участник борьбы за власть Советов на Охотском побережье и Камчатке. В 1917 г. – член Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов; в 1918–1920 гг. – рабочий Охотских приисков, служащий почтово-телеграфной конторы в Ине и Охотске; в 1921 г. – член Охотского райкома РКП(б), член Охотской ревтройки, политкомиссар почтово-телеграфной конторы и радиостанции, председатель Охотского уездного правления профсоюза рабочих и служащих связи. 29 июня 1921 г. был командирован Охотской ревтройкой в Петропавловск на IV Камчатский областной съезд представителей населения как уполномоченный Охотского уезда, стал секретарем Камчатского облнарревкома.

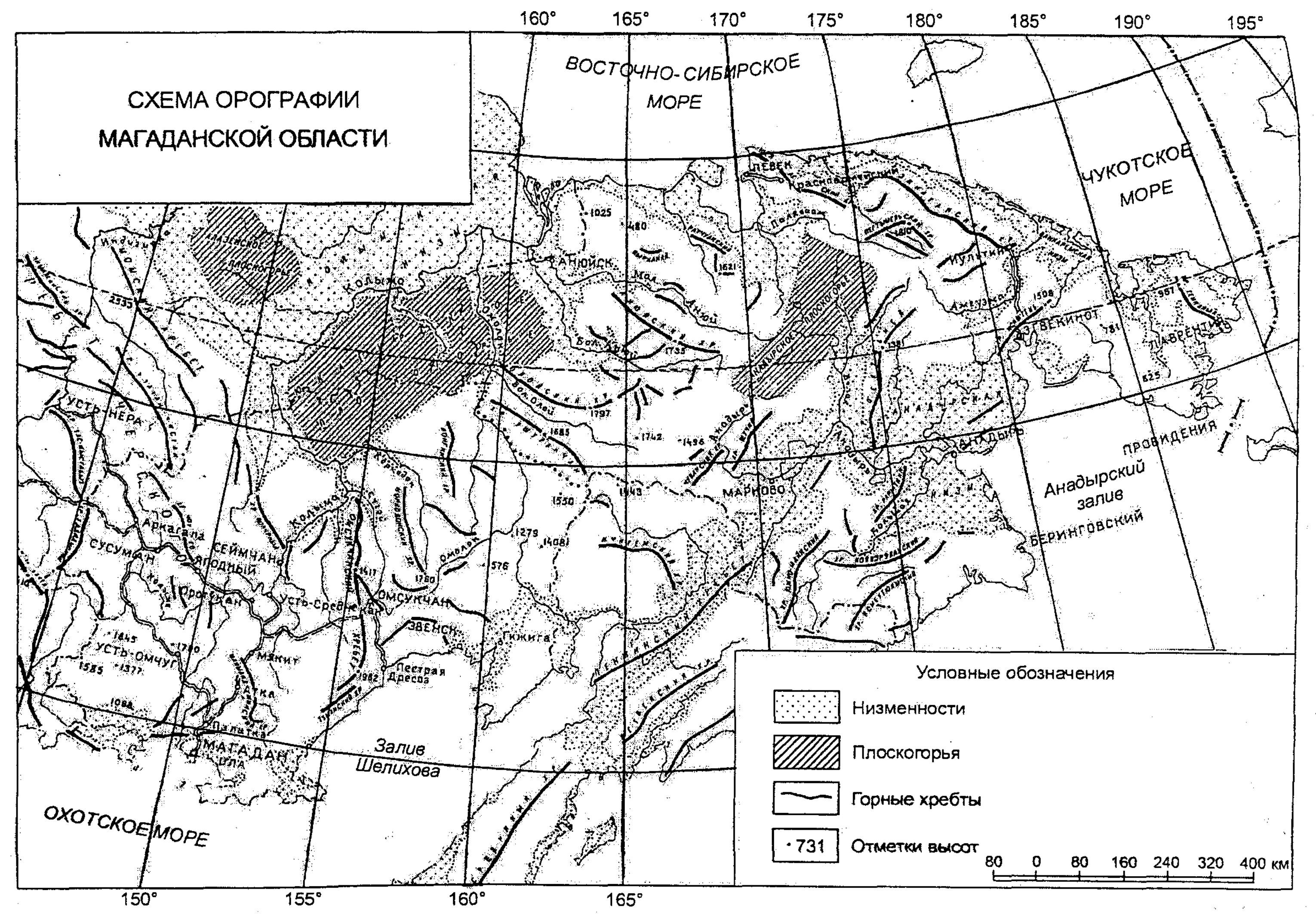
Эйдлин Марк Абрамович родился в 1886 г. в Могилевской губернии. В 1916–1917 гг. служил в 172-м запасном пехотном полку. С 1917 по 1927 г. работал инженером и заместителем управляющего Ленскими золотыми приисками; в 1927–1928 гг. – начальник горного отдела Богомолстроя. В 1928 г. арестован. 22 мая 1929 г. осужден коллегией ОГПУ СССР на срок 10 лет лагерей. В 1929–1930 гг. заключение отбывал в Управлении Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН); в 1930–1931 гг. – в Дальлаге (Хабаровск). 23 августа 1931 г. досрочно освобожден и по договору с Дальцветметзолотом направлен главным инженером Колымских золотых приисков. После организации Дальстроя – помощник начальника технического сектора по эксплуатации, главный инженер Горного управления и Северного горнопромышленного управления. В декабре 1937 г. арестован. 15 ноября 1938 г. приговорен тройкой УНКВД по Дальстрою к 10 годам ИТЛ, а 12 сентября 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое – к расстрелу. Расстрелян 1 декабря 1941 г. Посмертно реабилитирован 7 июля 1956 г.

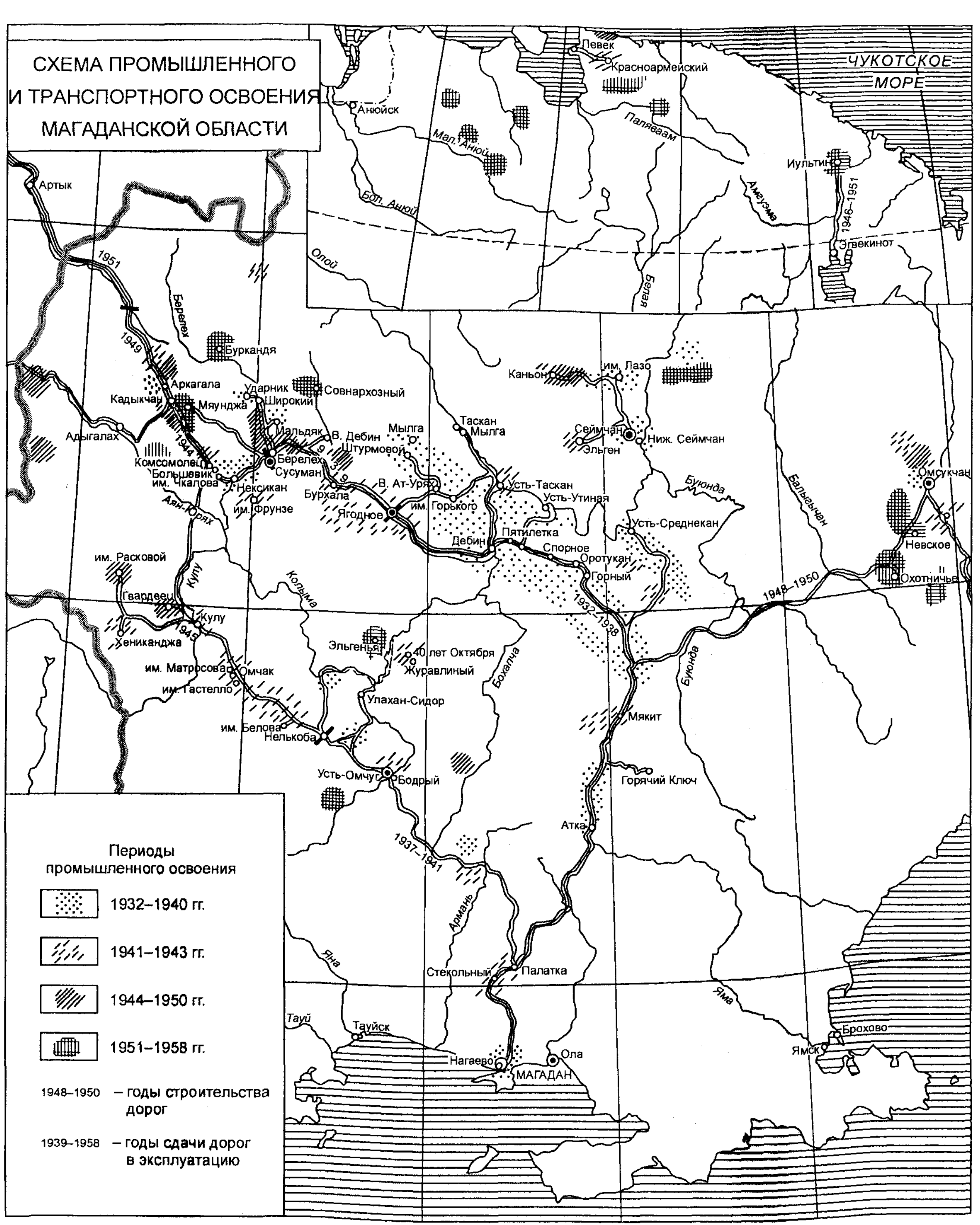
Эпштейн Лев Маркович родился в 1899 г. в г. Екатеринославле (Днепропетровск). Окончил политехнический институт. В годы гражданской войны – сотрудник политотдела РВС Южного и Юго-Западного фронтов. Затем работал контролером Екатеринославского губернского отдела соцобеспечения, служил в Наркомате связи и Наркомате финансов. В 1929–1931 гг. – консультант и начальник планового отдела строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. С осени 1931 г. – служащий Дальстроя. В бух. Нагаева прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. Являлся заместителем начальника, а с 17 июля 1933 г. – начальником планово-финансового сектора Дальстроя. Постановлением ЦИК СССР от 22 марта 1935 г. награжден орденом Красной Звезды. 5 декабря 1937 г. арестован. Содержался во внутренней тюрьме УНКВД по Дальстрою (Магадан). Покончил жизнь самоубийством во время следствия. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

Приложение 2. КАРТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 50-х – НАЧАЛЕ 60-х гг. XX в.

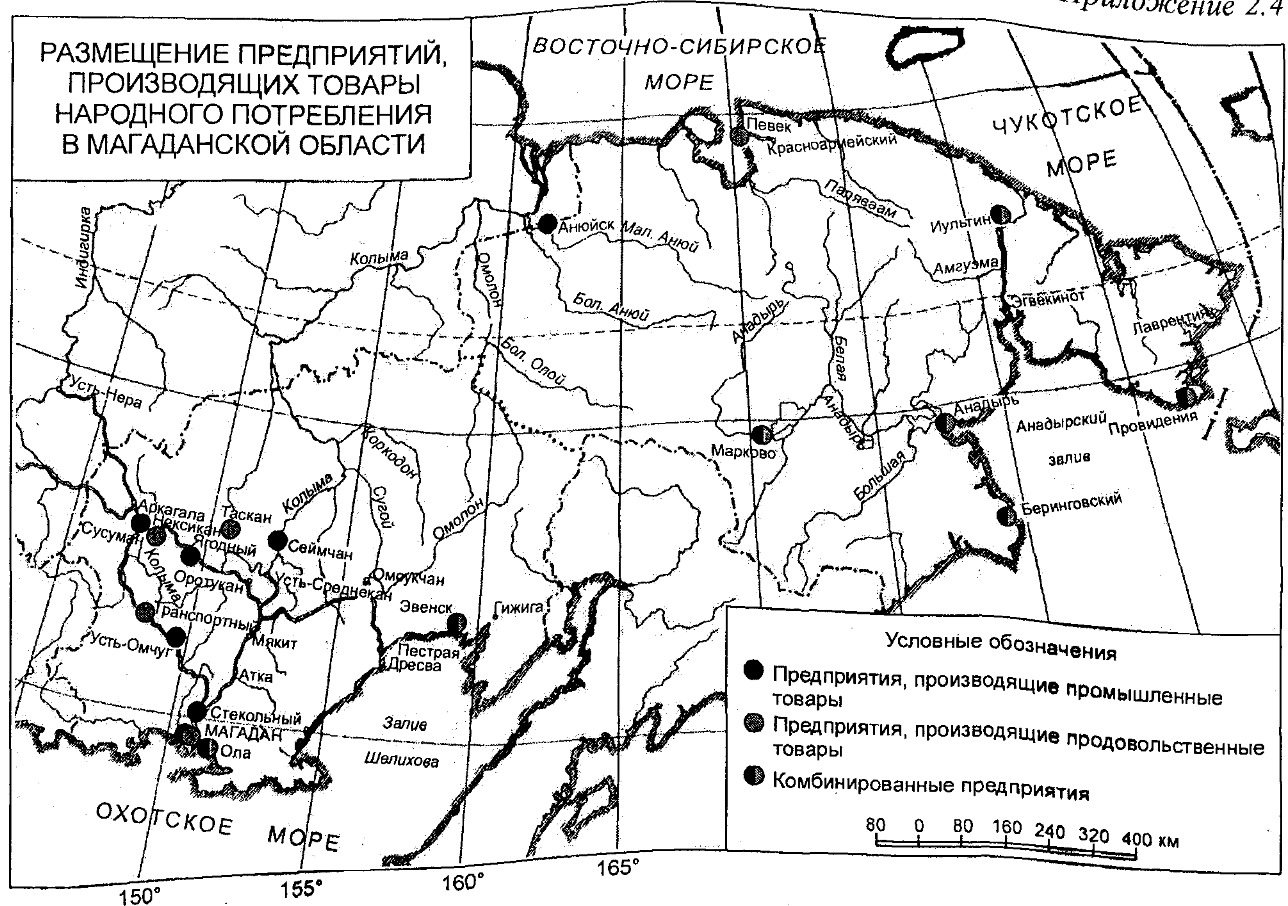
Приложение 2.1

СХЕМА ОРОГРАФИИ
МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
Условные обозначения
Низменности
Плоскогорья
Горные хребты
·731 Отметки высот
80 0 80 160 240 320 400 км
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
ЧУКОТСКОЕ МОРЕ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Анадырский залив
Залив Шелихова
МАГАДАН
ОМСУКЧАН
МАРКОВО
АНАДЫРЬ
ЭВЕНСК
СЕЙМЧАН
СУСУМАН
УСТЬ-НЕРА
УСТЬ-ОМЧУГ
ПЕВЕК
ЭГВЕКИНОТ
ЛАВРЕНТИЯ
ПРОВИДЕНИЯ
БЕРИНГОВСКИЙ
АНЮЙСК
ИУЛЬТИН
Аркагала
Ягодный
Усть-Среднекан
Пестрая Дресва
Палатка
160° 165° 170° 175° 180° 185° 190° 195°
150° 155° 160° 165°

СХЕМА ПРОМЫШЛЕННОГО
И ТРАНСПОРТНОГО ОСВОЕНИЯ
МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
Периоды
промышленного освоения
1932–1940 гг.
1941–1943 гг.
1944–1950 гг.
1951–1958 гг.
1948–1950 – годы строительства дорог
1939–1958 – годы сдачи дорог в эксплуатацию
ЧУКОТСКОЕ МОРЕ
Певек
Красноармейский
Анюйск
Мал. Анюй
Паляваам
Иультин
Амгуэма
1946–1951
Эгвекинот
Бол. Анюй
Олой
Белая
Артык
1951
1949
Берелех
Буркандя
Аркагала
Кадыкчан
Мяунджа
Адыгалах
Ударник
Широкий
Совнархозный
Мальдяк
В. Дебин
Штурмовой
Мылга
Таскан
Мылга
Каньон
им. Лазо
Сеймчан
Ниж. Сеймчан
Эльген
Комсомолец
Большевик
им. Чкалова
Берелех
Сусуман
Нексикан
им. Фрунзе
Бурхала
В. Ат-Урях
Ягодное
им. Горького
Усть-Таскан
Усть-Утиная
Буюнда
Усть-Среднекан
Балыгычан
Омсукчан
Невское
Охотничье
Аян-Юрях
Пятилетка
Дебин
Спорное
Оротукан
Горный
им. Расковой
Кулу
Колыма
Гвардеец
Кулу
Хениканджа
1945
1932–1938
1948–1950
Эльгенья
40 лет Октября
Журавлиный
Бохапча
Буюнда
им. Матросова
Омчак
им. Гастелло
Упахан-Сидор
им. Белова
Нелькоба
Мякит
Усть-Омчуг
Бодрый
Горячий Ключ
Атка
1937–1941
Армань
Яна
Стекольный
Палатка
Яма
Тауй
Тауйск
Брохово
Ямск
Нагаево
Ола
МАГАДАН

Приложение 2.4

Приложение 2.5

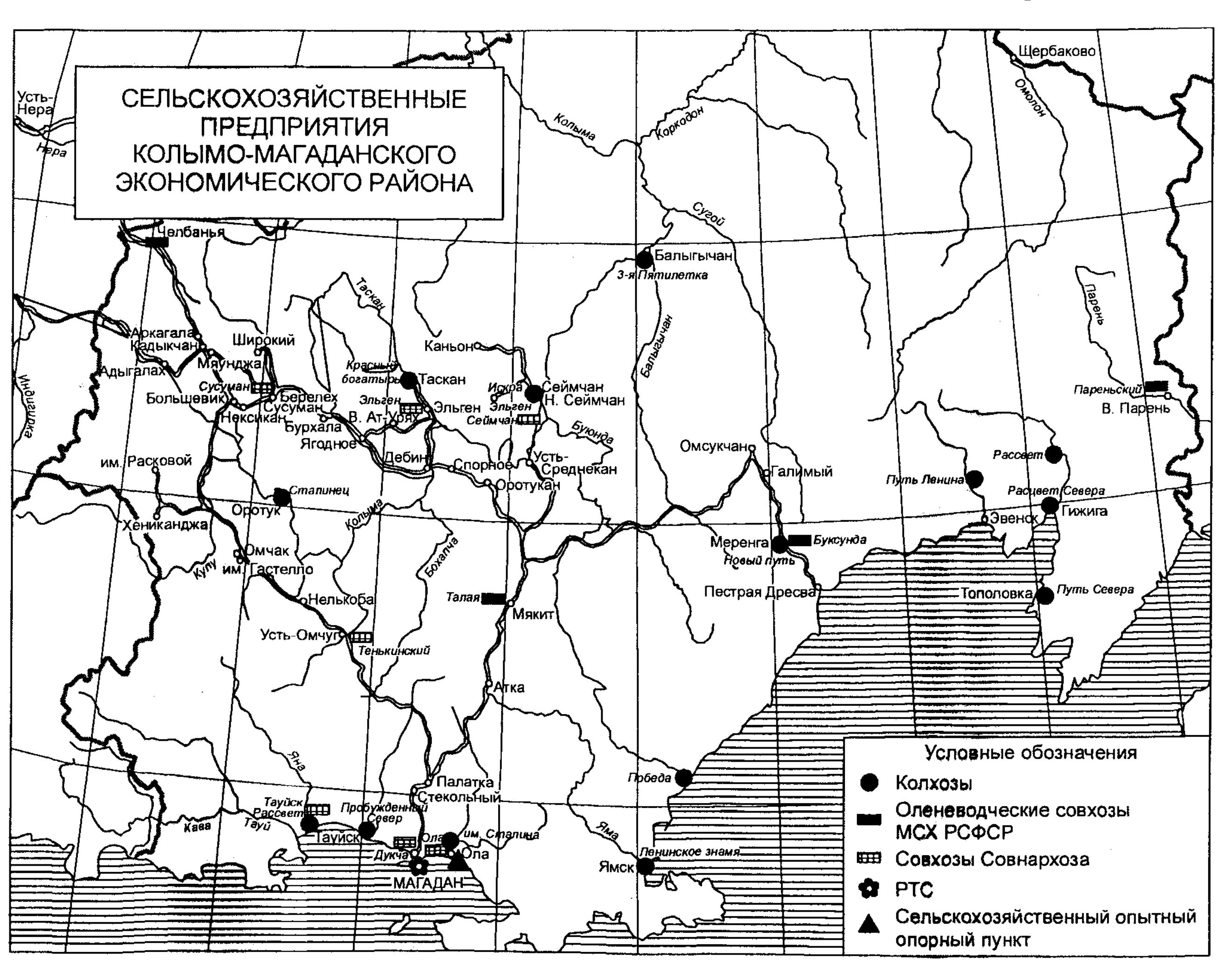
РАЙОНЫ ДОБЫЧИ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

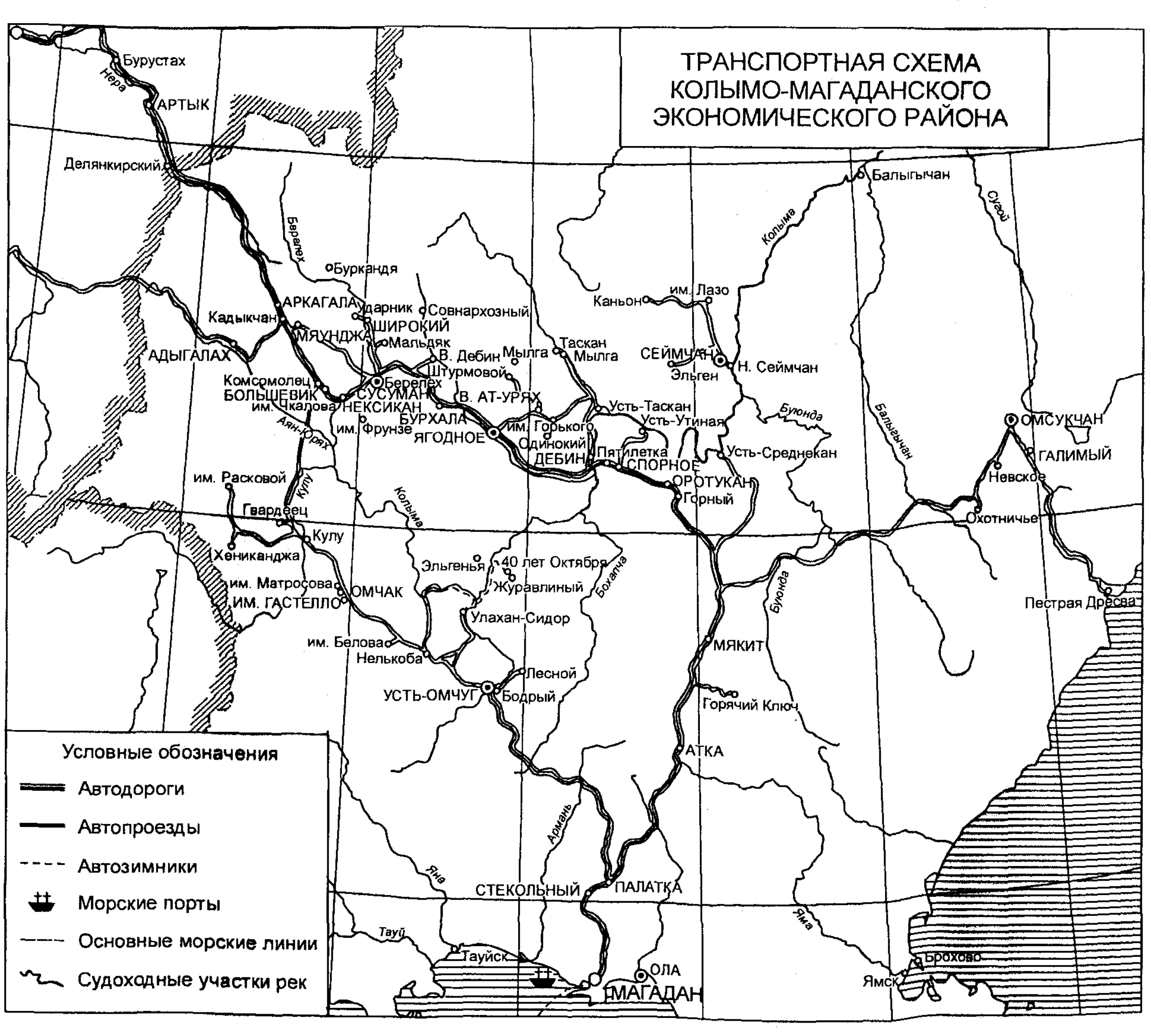
Районы добычи золота

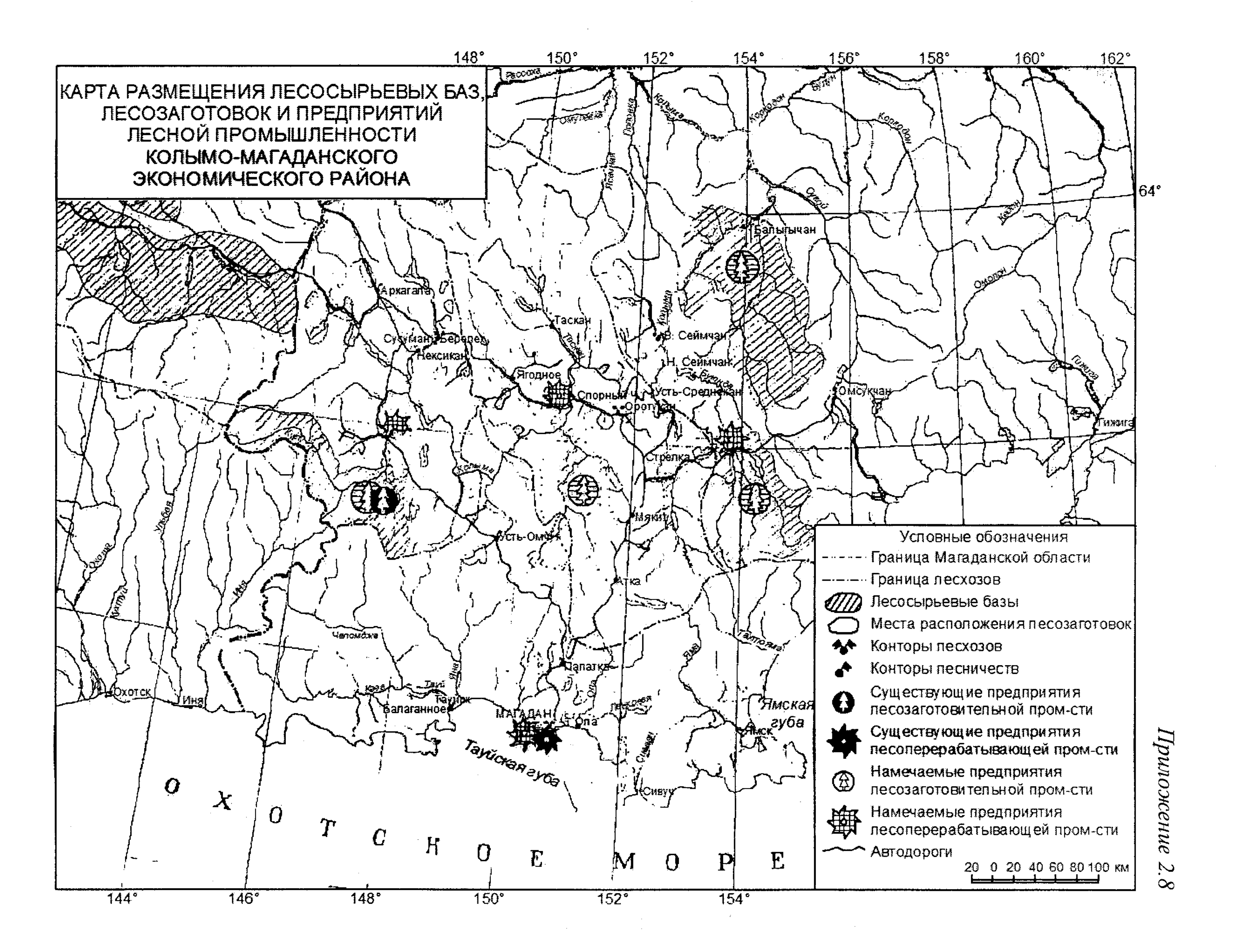
Районы добычи олова и вольфрама

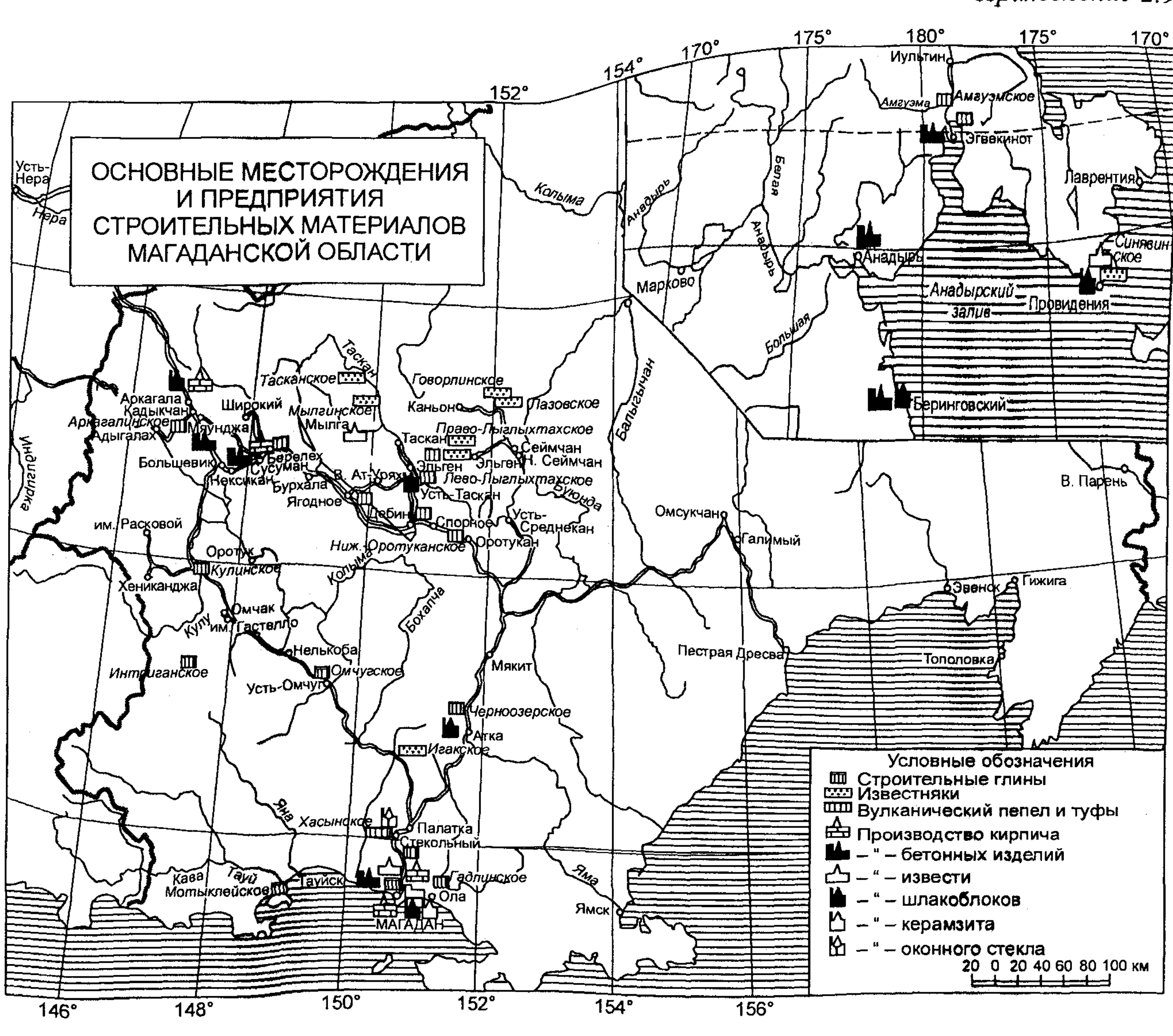
80 0 80 160 240 320 400 км

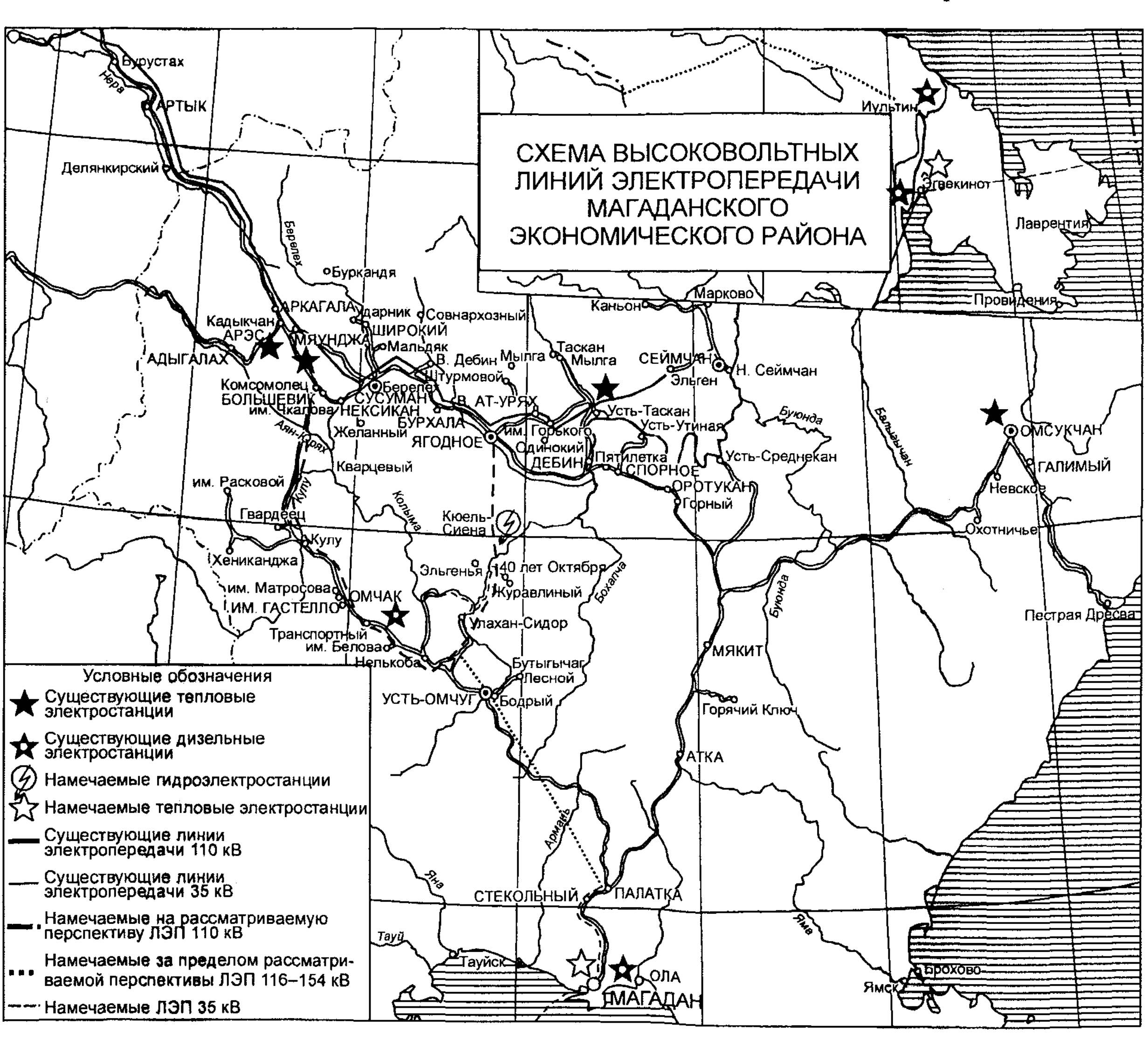
Приложение 2.6

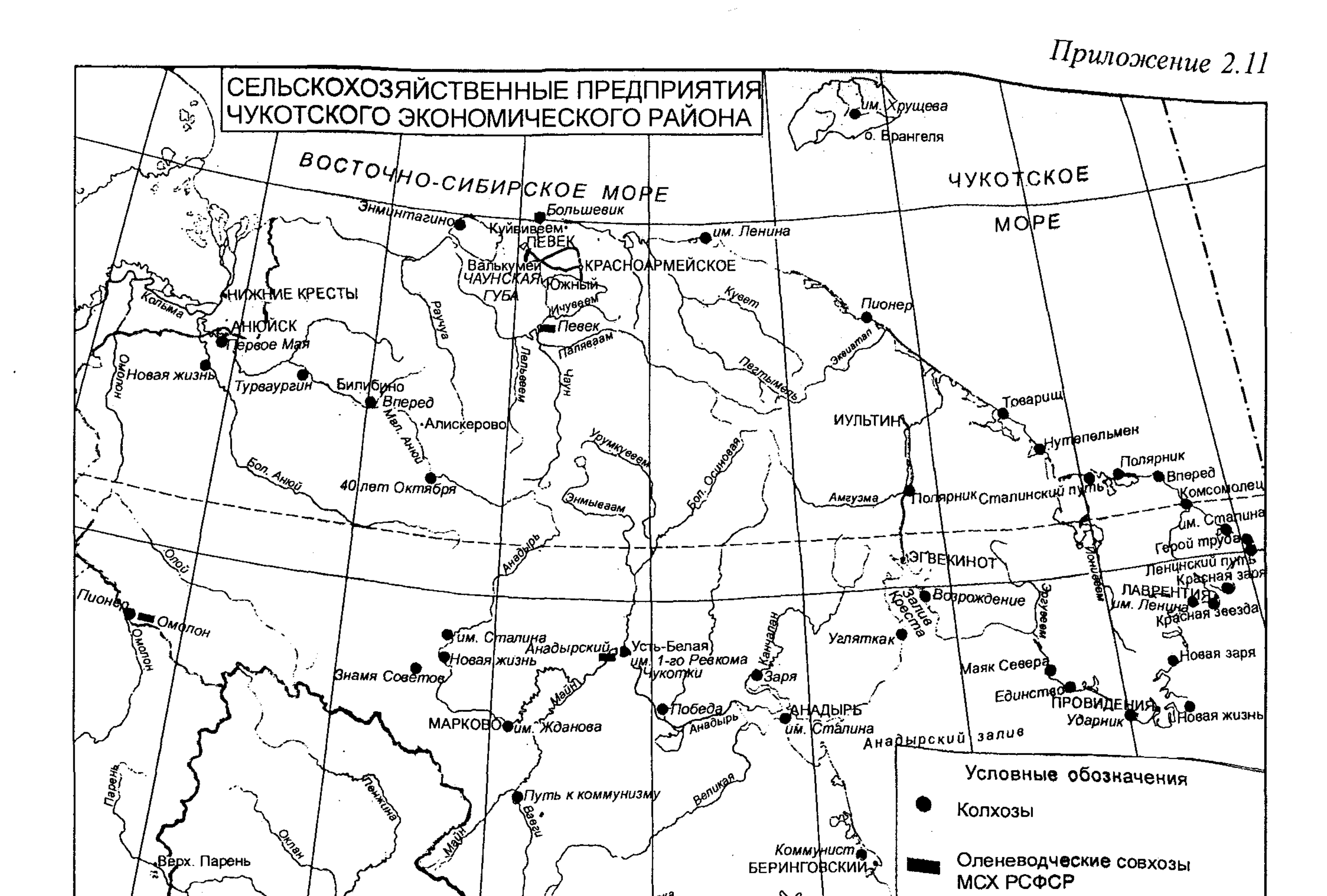

ТРАНСПОРТНАЯ СХЕМА
КОЛЫМО-МАГАДАНСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА
Условные обозначения
Автодороги
Автопроезды
Автозимники
Морские порты
Основные морские линии
Судоходные участки рек
Бурустах
АРТЫК
Делянкирский
Буркандя
АРКАГАЛА
Кадыкчан
МЯУНДЖА
АДЫГАЛАХ
Ударник
Совнархозный
ШИРОКИЙ
Мальдяк
В. Дебин
Мылга
Таскан
СЕЙМЧАН
Н. Сеймчан
Эльген
им. Лазо
Каньон
Балыгычан
Комсомолец
БОЛЬШЕВИК
СУСУМАН
Берелех
Штурмовой
В. АТ-УРЯХ
им. Чкалова
НЕКСИКАН
БУРХАЛА
им. Фрунзе
ЯГОДНОЕ
им. Горького
Одинокий
ДЕБИН
Усть-Таскан
Усть-Утиная
Пятилетка
СПОРНОЕ
Усть-Среднекан
ОРОТУКАН
Горный
ОМСУКЧАН
ГАЛИМЫЙ
Невское
Охотничье
Пестрая Дресва
им. Расковой
Гвардеец
Кулу
Хениканджа
им. Матросова
ИМ. ГАСТЕЛЛО
ОМЧАК
Эльгенья
40 лет Октября
Журавлиный
Улахан-Сидор
им. Белова
Нелькоба
Лесной
УСТЬ-ОМЧУГ
Бодрый
МЯКИТ
Горячий Ключ
АТКА
СТЕКОЛЬНЫЙ
ПАЛАТКА
Тауйск
ОЛА
МАГАДАН
Ямск
Брохово
Нера
Берелех
Колыма
Сугой
Буюнда
Балыгычан
Аян-Юрях
Кулу
Бохапча
Армань
Яна
Тауй
Яма

КАРТА РАЗМЕЩЕНИЯ ЛЕСОСЫРЬЕВЫХ БАЗ, ЛЕСОЗАГОТОВОК И ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КОЛЫМО-МАГАДАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА
Условные обозначения
Граница Магаданской области
Граница лесхозов
Лесосырьевые базы
Места расположения лесозаготовок
Конторы лесхозов
Конторы лесничеств
Существующие предприятия лесозаготовительной пром-сти
Существующие предприятия лесоперерабатывающей пром-сти
Намечаемые предприятия лесозаготовительной пром-сти
Намечаемые предприятия лесоперерабатывающей пром-сти
Автодороги
20 0 20 40 60 80 100 км
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Тауйская губа
Ямская губа
МАГАДАН
Ола
Палатка
Атка
Мякит
Усть-Омчуг
Стрелка
Ягодное
Спорный
Оротукан
Усть-Среднекан
В. Сеймчан
Н. Сеймчан
Таскан
Балыгычан
Омсукчан
Гижига
Аркагала
Сусуман
Берелёх
Нексикан
Балаганное
Тауйск
Охотск
Иня
Ямск
Сиву
148° 150° 152° 154° 156° 158° 160° 162°
144° 146° 148° 150° 152° 154°
64°

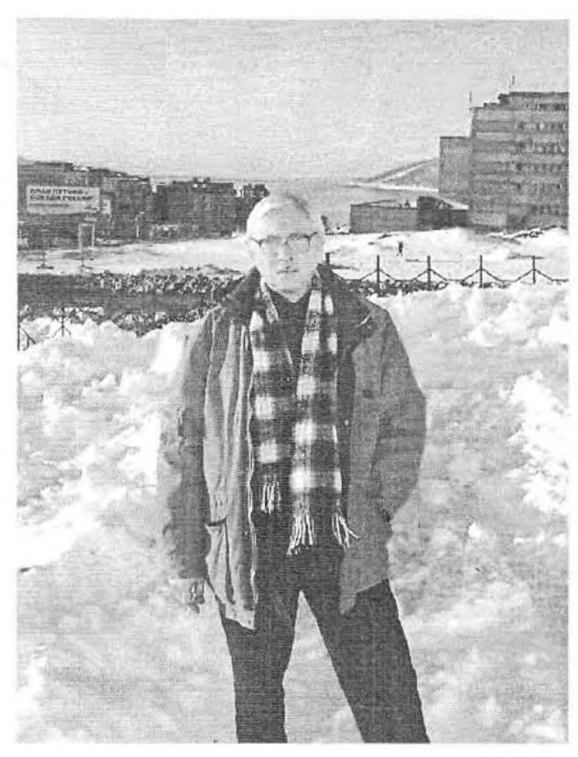

ОСНОВНЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ
И ПРЕДПРИЯТИЯ
СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ
Условные обозначения
Строительные глины
Известняки
Вулканический пепел и туфы
Производство кирпича
– " – бетонных изделий
– " – извести
– " – шлакоблоков
– " – керамзита
– " – оконного стекла
20 0 20 40 60 80 100 км
146°
148°
150°
152°
154°
156°
170°
175°
180°
Иультин
Амгуэма
Амгуэмское
Эгвекинот
Лаврентия
Синявинское
Анадырь
Анадырский залив
Провидения
Беринговский
Марково
Колыма
Анадырь
Белая
Большая
Балыгычан
Усть-Нера
Нера
Индигирка
Таскан
Тасканское
Говорлинское
Лазовское
Каньон
Мылгинское
Мылга
Аркагала
Кадыкчан
Аркагалинское
Адыгалах
Широкий
Мяунджа
Берелех
Сусуман
Большевик
Нексикан
Бурхала
Ягодное
В. Ат-Урях
Таскан
Право-Лыглыхтахское
Сеймчан
Эльген
Н. Сеймчан
Лево-Лыглыхтахское
Буюнда
Усть-Таскан
Дебин
Спорное
Усть-Среднекан
Оротукан
Ниж.-Оротуканское
им. Расковой
Оротук
Кулинское
Хениканджа
Омчак
Кулу
им. Гастелло
Нелькоба
Интриганское
Омчугское
Усть-Омчуг
Бохапча
Мякит
Черноозерское
Атка
Игакское
Яна
Хасынское
Палатка
Стекольный
Кава
Тауй
Мотыклейское
Тауйск
Гадлинское
Ола
МАГАДАН
Яма
Ямск
Омсукчан
Галимый
Эвенск
Гижига
Пестрая Дресва
Тополовка
В. Парень

СХЕМА ВЫСОКОВОЛЬТНЫХ ЛИНИЙ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ МАГАДАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА
Бурустах
АРТЫК
Делянкирский
Буркандя
АРКАГАЛА
Кадыкчан
АРЭС
МЯУНДЖА
АДЫГАЛАХ
Ударник
Совнархозный
ШИРОКИЙ
Мальдяк
В. Дебин
Мылга
Таскан
СЕЙМЧАН
Н. Seймчан
Эльген
Берелех
Штурмовой
Комсомолец
БОЛЬШЕВИК
им. Чкалова
СУСУМАН
НЕКСИКАН
В. АТ-УРЯХ
БУРХАЛА
Желанный
ЯГОДНОЕ
им. Горького
Одинокий
ДЕБИН
Пятилетка
СПОРНОЕ
Усть-Таскан
Усть-Утиная
Усть-Среднекан
ОРОТУКАН
Горный
Кварцевый
им. Расковой
Гвардеец
Кулу
Хениканджа
им. Матросова
ИМ. ГАСТЕЛЛО
ОМЧАК
Транспортный
им. Белова
Нелькоба
Кюель-Сиена
Эльгенья
40 лет Октября
Журавлиный
Улахан-Сидор
Бутыгычаг
Лесной
УСТЬ-ОМЧУГ
Бодрый
МЯКИТ
Горячий Ключ
АТКА
СТЕКОЛЬНЫЙ
ПАЛАТКА
Тауйск
ОЛА
МАГАДАН
Ямск
Брохово
Иультин
Эгвекинот
Лаврентия
Провидения
Марково
Каньон
ОМСУКЧАН
ГАЛИМЫЙ
Невское
Охотничье
Пестрая Дресва
Нера
Берелех
Аян-Юрях
Кулу
Колыма
Бохапча
Буюнда
Балыгычан
Армань
Яна
Тауй
Яма
Условные обозначения
Существующие тепловые электростанции
Существующие дизельные электростанции
Намечаемые гидроэлектростанции
Намечаемые тепловые электростанции
Существующие линии электропередачи 110 кВ
Существующие линии электропередачи 35 кВ
Намечаемые на рассматриваемую перспективу ЛЭП 110 кВ
Намечаемые за пределом рассматриваемой перспективы ЛЭП 116–154 кВ
Намечаемые ЛЭП 35 кВ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ЧУКОТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
ЧУКОТСКОЕ МОРЕ
им. Хрущева
о. Врангеля
Энмынтагино
Большевик
Куйвивеем
ПЕВЕК
им. Ленина
Валькумей
КРАСНОАРМЕЙСКОЕ
ЧАУНСКАЯ ГУБА
Южный
НИЖНИЕ КРЕСТЫ
АНЮЙСК
Первое Мая
Новая жизнь
Турваургин
Билибино
Вперед
Алискерово
Певек
Пионер
Товарищ
ИУЛЬТИН
Нутепельмен
Полярник
Вперед
Комсомолец
им. Сталина
Герой труда
Ленинский путь
Красная заря
ЛАВРЕНТИЯ
им. Ленина
Красная звезда
Полярник
Сталинский путь
40 лет Октября
ЭГВЕКИНОТ
Возрождение
Залив Креста
Угляткак
Пионер
Омолон
им. Сталина
Новая жизнь
Анадырский
Усть-Белая
им. 1-го Ревкома Чукотки
Знамя Советов
Заря
Победа
АНАДЫРЬ
им. Сталина
МАРКОВО
им. Жданова
Маяк Севера
Единство
ПРОВИДЕНИЯ
Ударник
Новая жизнь
Новая заря
Анадырский залив
Путь к коммунизму
Коммунист
БЕРИНГОВСКИЙ
Верх. Парень
КАМЕНСКОЕ
Дружба
Колыма
Омолон
Бол. Анюй
Мал. Анюй
Раучуа
Пельвеем
Чаун
Паляваам
Ичувеем
Куэет
Пегтымель
Экиатап
Амгуэма
Урумкувеем
Энмываам
Бол. Осиновая
Анадырь
Олой
Майн
Канчалан
Великая
Ваеги
Пенжина
Оклан
Парень
Хатырка
Условные обозначения
Колхозы
Оленеводческие совхозы МСХ РСФСР

Оглавление

157,83

Игорь Денисович Бацаев родился 9 сентября 1950 г. в г. Вентспилс Латвийской ССР, затем с родителями жил на Чукотке, окончил Анадырскую среднюю школу. В 1969–1973 гг. обучался на историческом факультете Магаданского государственного педагогического института. С апреля 1985 г. он работает в лаборатории истории и археологии СВКНИИ ДВО РАН.

Более двух десятилетий И. Д. Бацаев занимается исследованием различных аспектов истории Северо-Востока – развития сельского и промыслового хозяйства, рыбной промышленности, осуществления репрессивно-карательной политики на Колыме в 1930–1950-е гг., особенностей создания и развития социальной сферы в национальных (автономных) округах и районах, а также сферы промышленной и транспортной деятельности Дальстроя. Своими исследованиями ученый внес большой вклад в региональную историческую науку.

И. Д. Бацаев является одним из авторов ряда коллективных монографий: «История Чукотки с древнейших времен до наших дней» (М. : Мысль, 1989), «Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю» (Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996), «Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, ГУЛАГ» (Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996), «Ландшафты, климат и природные ресурсы Тауйской губы Охотского моря» (Владивосток : Дальнаука, 2006), учебных пособий для учащихся: «История Магаданской области с начала XX века до 1937 г.» (Магадан, 1991), «История родного края» (Магадан, 2000).

В 1997 г. опубликована монография И. Д. Бацаева «Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг.» (Магадан: СВКНИИ ДВО РАН), в 2001 г. – монография «Агропромышленный комплекс Северо-Востока России. 1954–1991 гг. (Этапы развития, особенности, эффективность)» (Магадан : СВКНИИ ДВО РАН), в 2002 г. – монография «Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых репрессий (1932–1953 гг.). Дальстрой» (Магадан : СВКНИИ ДВО РАН). Все эти работы носят комплексный характер. В них на основе сравнительного анализа впервые исследованы социально-экономические проблемы становления и развития аграрного сектора экономики Дальстроя, Магаданской и Камчатской областей, включая Чукотский и Корякский округа, даны исчерпывающие материалы о структуре, формах организации лагерного производства, о развитии геологоразведки, горной промышленности, дорожного строительства, транспорта и т. д.

В 2002 г. И. Д. Бацаевым совместно с А. Г. Козловым опубликованы два сборника документов по истории Дальстроя: «Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Ч. 1 (1931–1941)» (Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002) и «Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах. Ч. 2 (1941–1945)» (Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002), которые на момент выхода в свет не имели аналогов в отечественной и зарубежной историографии. В них приведены документы в основном из ранее не рассекреченных архивных источников.

И. Д. Бацаев является автором 3 монографий, 46 научных статей. Для всех научных работ исследователя характерны системный подход к историческим процессам, глубокий и точный анализ рассматриваемых явлений в их взаимосвязи и динамике, собственная концептуальная позиция по ключевым вопросам изучаемых тем.